

Российская академия
юридических наук

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

22

2022

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ
ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

**НАУЧНЫЕ
ТРУДЫ**

Выпуск 22

Москва
2022

УДК 34
ББК 67я431
Н 34

Н 34 Научные труды. Российская академия юридических наук. Выпуск 22. — М. : ООО «Издательская группа «Юрист», 2022. — 502 с.

Редакционная коллегия:

Блажеев В.В., Бублик В.А., Голиченков А.К., Капустин А.Я., Кропачев Н.М., Перевалов В.Д., Суханов Е.А., Шахрай С.М., Шерстобитов А.Е., Ястребов О.А.

Ответственный редактор:

Гриб В.В.

В сборнике представлены труды членов Российской академии юридических наук (РАЮН) и материалы XXII Международной научно-практической конференции «Роль права в обеспечении благополучия человека», организованной Юридическим факультетом Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Российской академией юридических наук, Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина, Московским отделением Ассоциации юристов России при участии органов законодательной, исполнительной и судебной власти, общественных объединений юристов, юридических вузов и научных учреждений права, которая состоялась в Москве 23–26 ноября 2021 года.

Статьи публикуются в авторской редакции.

Сборник предназначен для преподавателей, научных сотрудников, аспирантов, студентов юридических вузов.

© Российская академия юридических наук, 2022
© ООО «Издательская группа «Юрист», 2022

ISBN 978-5-94103-481-9

Уважаемые коллеги!

Российская академия юридических наук представляет очередное издание ежегодных научных трудов. Тысячи преподавателей, аспирантов, юристов-практиков опубликовали свои статьи за прошедшие годы в научном ежегоднике. Академия предоставляет возможность проявить себя молодым ученым из всех регионов России и стран СНГ. В этом году сборник издается на базе материалов XXII Международной научно-практической конференции «Роль права в обеспечении благополучия человека», состоявшейся 23–26 ноября 2021 г. в Москве. Конференция была организована Юридическим факультетом Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Российской академией юридических наук, Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина, Московским отделением Ассоциации юристов России при участии органов законодательной, исполнительной и судебной власти, общественных объединений юристов, юридических вузов и научных учреждений права.

Российская академия юридических наук сотрудничает не только с юридическими вузами, научными организациями, но и с институтами гражданского общества, консолидируя юридическую науку и общественность в деле построения правового государства.

Одним из итогов такого сотрудничества являются «Научные труды», которые будут и дальше помогать нашим коллегам в их профессиональной, научной и общественной деятельности.

Голиченков А.К.,

сопредседатель Ученого совета РАЮН,
декан Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
член-корреспондент Российской академии образования,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор

Гриб В.В.,

председатель Исполкома РАЮН,
заведующий кафедрой правовых основ управления
Московского государственного института
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
академик Российской академии образования,
заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор

1. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. ИСТОРИЯ ПРАВОВЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Божукова Е.М.

Запрещение дискриминации
при приеме на работу:
теория и практика 10

Вармунд В.В.

Теоретико-правовые аспекты
правосубъектности 16

Денисов С.А.

Патернализм как черта
административного типа
государства и правовой
системы 21

Дидикин А.Б.

Логика «чистого познания»
и нормативизм (от Г. Когена
к Г. Кельзену) 27

Мурунова А.В.

Парадоксальность права
в эпоху метамодерна 32

Осипов М.Ю.

О возможности оценки влияния
норм права на благополучие
человека 36

Сергеева Т.Н.

Роль права в обеспечении
благополучия человека 40

2. КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Балаян Э.Ю. Роль права
в соблюдении права человека
на достойную жизнь 44

Брежнев О.В. Проблема «антиковидных» ограничений

прав и свобод граждан
в практике зарубежных
органов конституционного
правосудия 52

Григорьев К.Е.

Социально-правовые аспекты
благополучия человека
и гражданина в условиях
пандемии новой
коронавирусной инфекции 57

Коврякова Е.В.

Информационный
парламентский контроль
Государственной думы
в социально-экономической
сфере 62

Кравец И.А.

Достоинство пациентов
и биосоциальное благополучие
в правовой социологии
биомедицины 68

Кравцова Е.А.

Социальная составляющая
права на благоприятную
окружающую среду
в Российской Федерации 75

Кротов А.В.

Карантинные правила —
законность и легитимность
в позициях Конституционного
Суда РФ, судов общей
юрисдикции 80

Нудненко Л.А.

Социальное государство
в России: идеал и реальность 85

Ревазова Е.А.

Конституционно-правовое
содержание свободы
экономической деятельности 90

3. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Абдреев Т.И., Исхаков А.Д.

Правовые основы реализации
национального проекта
«Экология» 96

Барахоева А.Р.

Проблемные аспекты
привлечения юридических
лиц к административной
ответственности..... 100

Горб С.В.

Кодекс производства
по делам об административных
правонарушениях.
Практические вопросы 105

Крохина Ю.А.

Способы противодействия
НДС-мошенничеству
в Европейском союзе
и возможность их применения
в наднациональном
законодательстве ЕАЭС 109

Курындин П.А.

Реформа досудебного
обжалования в рамках
контрольно-надзорной
деятельности 116

Леонов Д.В.

Рассмотрение судами
административных дел
и принцип разделения
властей 121

Саттарова Н.А.

О благополучии граждан
в аспекте реализации
финансово-правовых
интересов государства..... 127

Сергиенко Н.С.

Гендерное равенство в политике
финансового обеспечения
благополучия граждан:
практика зарубежных стран
в ответ на пандемию 131

Тихалева Е.Ю.

Правовое регулирование
обжалования штрафов за
нарушение
правил дорожного
движения онлайн..... 135

Федотова Ю.Г.

Публичная администрация
и ее роль в обеспечении
благополучия человека и нации... 139

4. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Абдуллаева Г.С.

Моделирование взаимодействия
международных и национальных
субъектов международного
гуманитарного права..... 145

Васильева С.А.

Перспективы включения
международного терроризма
в предметную юрисдикцию
Международного уголовного
суда 149

Кадукова О.Н.

Критерии приемлемости жалоб
акционеров, подаваемых
в Европейский суд по правам
человека 155

Кадышева О.В.

Ответственность за нарушение
прав частных лиц в праве
ЕАЭС 160

Кривенкова М.В.

Международно-правовая
защита прав человека
в условиях пандемии
коронавирусной инфекции
COVID-19..... 166

Курочкина Е.М.

Защита прав и интересов
участников арбитражного
разбирательства при исполнении
иностранных арбитражных
решений..... 171

Максименко С.В.

Правовое регулирование
свободы передвижения
в канве ограничений о запрете
иметь двойное гражданство
для федеральной
государственной службы..... 175

Машкова Е.В.

Значение правового мониторинга для достижения основных задач в рамках Европейской ассоциации свободной торговли 181

Никитаев Д.М.

Международно признанная свобода совести как важное условие обеспечения благополучия человека: теоретико-правовые проблемы..... 187

Павлова О.А.

Признание и разрешение исполнения решений иностранных судов о взыскании убытков по контракту: на пути к универсальной регламентации 192

Рылова М.А.

Защита «климатических прав» в Европейском суде по правам человека 197

5. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Ковалева О.А.

Взгляд на безопасность жилых помещений через призму системы принципов жилищного права 203

Красникова Л.А.

Правовые проблемы определения границ балансовой принадлежности и эксплуатационной ответственности..... 207

Лоренц Д.В.

Искусственный интеллект для благополучия человека: роль гражданского права и морали 212

Маркин П.В.

Прекращение права требовать от должника исполнения обязательства в натуре при возмещении убытков и оплате неустойки: судьба принципа реального исполнения обязательств в гражданском праве современной России..... 219

Махиборода М.Н.

Особенности регулирования обязательств по перевозке в уголовно-исполнительной системе на воздушном транспорте..... 225

Михайлова А.С.

Дистанционное участие в удостоверении завещаний в соответствии со ст. 1127 Гражданского кодекса РФ как одно из возможных направлений расширения функций нотариуса в рамках развития системы электронного нотариата..... 230

Назарова М.Г.

Услуги в современном обществе и их качество: общая характеристика 235

Пушкина А.В.

Тенденции законодательства в области обеспечения жилищных прав граждан..... 240

Родионова О.М.

Роль гражданского права в обеспечении интересов и автономии воли человека как основы его благосостояния в условиях цифровизации общественных отношений..... 244

Рожкова Е.А.

Договорные обязательства в период пандемии..... 249

Саяпина Т.С.

Роль товариществ
собственности недвижимости
в обеспечении жилищных
прав граждан 253

Ушницкий Р.Р.

О гражданско-правовых
основах участия государства
(публично-правовых
образований) в гражданских
(корпоративных) отношениях ... 256

Фиошин А.В.

К вопросу об оценочных
понятиях в законоположениях
об обязательной доле
в наследстве 262

Ходырева Е.А.

Категория «благополучие»
и правовое положение
наследника 267

Ширкова И.В.

Обеспечение прав
интеллектуальной
собственности —
право на благополучие 274

**ГРАЖДАНСКИЙ
И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС**

Исаенкова О.В.

Идентичность российского
гражданского
судопроизводства 279

Нахова Е.А.

Конкретизация как форма
судебного усмотрения
при определении предмета
доказывания 284

Рехтина И.В.

Правовая определенность
гражданского судопроизводства
как гарантия эффективной
судебной защиты нарушенных
прав 288

Таирова А.Т.

Гарантии при оказании
юридической помощи 291

Шереметьева Н.В.

Проблемы правоприменения
защиты прав третьих лиц
при отказе собственника
от права собственности 296

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Свинцов Д.В.

Использование искусственного
интеллекта в судебной
деятельности 302

**ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
СОБСТВЕННОСТИ**

Абрамов С.А.

Защита биоразнообразия
растений и животных в праве
географических указаний 307

Бузанов В.Ю.

Можно ли «встроить»
произведения и изобретения,
созданные искусственным
интеллектом, в существующую
систему авторских и патентных
прав? 313

**ТРУДОВОЕ ПРАВО.
ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО
ОБЕСПЕЧЕНИЯ**

Забрамная Е.Ю.

Концепция трудовправового
поведения и ее значение
для совершенствования
законодательства
о юридической
ответственности 318

Закалюжная Н.В.

Механизм обеспечения прав
привлеченных работников
в сфере труда 323

Карданова И. В.

Социально-правовые проблемы материального обеспечения работников в период отпуска по уходу за ребенком 329

Петрякова А. В.

О судебной специализации в контексте трудового права ... 335

Стрельникова П. В.

Регулирование труда домашних работников, работающих у работодателей — физических лиц, по законодательству Германии... 340

Шичанин А. В.

Роль и влияние юридического экспертного сообщества в регулировании трудовых правоотношений 345

ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Будникова Ю. Е.

Роль права в обеспечении рационального природопользования 350

Волконитин А. С.

Перерасчет земельного налога при уменьшении кадастровой стоимости земли 355

Воронцова О. В., Воронцов М. И.

Отдельные вопросы цифровизации в эколого-правовой сфере 359

Горбачев А. Н.

Роль земельного права в обеспечении благоприятной окружающей среды 364

Дубовик Д. М.

Публичные и частные интересы в природоресурсном регулировании —

проблемы противостояния и пути согласования 369

Максимкина Ю. А.

Роль экологического законодательства в проектах комплексного развития территории 373

Харьков В. Н.

Правовая охрана земель и проблемы обеспечения низкоуглеродного природопользования 377

УГОЛОВНОЕ ПРАВО. КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Бобовкин А. М.

О влиянии типологии письма на решение задач судебно-почерковедческой экспертизы рукописей иноязычного графического состава 382

Бобовкин С. М., Диденко О. А.

Кибернетические методы в судебно-почерковедческой экспертизе: современное состояние и перспективы развития 390

Бордюгов Л. Г.

Проблемные вопросы при оценке действий пешехода судебным экспертом-автотехником 396

Горбунова Е. Ю.

Скриншот как доказательство, полученное в ходе процессуальных действий 402

Жук И. О.

Обстоятельства, подлежащие доказыванию по преступлениям террористической направленности (на примере материалов уголовного дела) ... 406

Захарова Л.Ю.

Криминалистическое исследование почерковых реализаций, выполненных в состоянии физической усталости (под влиянием различных типов физической нагрузки)..... 410

Зимин В.В.

Реализация международных антикоррупционных стандартов как часть системы мер по обеспечению благополучия человека 416

Ильин Ф.И.

Роль криминалистического обеспечения судебного разбирательства по уголовным делам в обеспечении прав и свобод человека 419

Исакова Е.А.

Особенности планирования и выдвижения следственных версий в ходе расследования преступлений, связанных с умышленным причинением вреда здоровью 424

Карепанов Н.В.

Парадигмы использования современных технологий при исследовании следовой информации..... 428

Кручинина Н.В., Попов В.П.

Репродуктивные права как часть благополучия человека 436

Ларченко А.А.

Проблемы эффективности применения такого вида наказания, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью за преступления в спортивной сфере..... 441

Лекарева Т.Ю.

Самоуправство как норма, обеспечивающая благополучие человека в сфере осуществления права на защиту 444

Милич И.Д.

Условное осуждение 450

Серебренникова М.С.

Обеспечение безопасности человека посредством уголовного запрета преступной причастности к совершению самоубийства..... 455

Смоляков П.Н.

Уголовное право и отношения, связанные с публичными правонарушениями 461

Ткачев А.В.

Использование криминалистических средств при расследовании преступлений, связанных с функционированием систем искусственного интеллекта 468

Центров Е.Е.

Особенности практики разграничения наводящего характера действий следователя 475

Шутомова Т.В.

О кризисе в криминалистике ... 481

Щенина Т.Е.

Судебно-психологическая экспертиза эмоциональных и иных состояний личности, проводимая для изучения личности женщины — подозреваемой, обвиняемой: вопросы теории и практики 488

Янина И.Ю.

Роль уголовного права в обеспечении прав потерпевшего при причинении вреда малолетними..... 496

ЗАПРЕЩЕНИЕ ДИСКРИМИНАЦИИ ПРИ ПРИЕМЕ НА РАБОТУ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

В нашей статье мы затронем вопрос дискриминации при приеме на работу, проанализируем теоретические аспекты, а также рассмотрим судебную практику, которая на сегодняшний день сложилась в весьма интересном «ключе».

Понятие дискриминации нам косвенно раскрывает ст. 3 Трудового кодекса РФ (ТК РФ). В общем смысле под дискриминацией в сфере труда следует понимать ограничение в трудовых правах и свободах или получение какого-либо преимущества в зависимости от пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения, имущественного, семейного, социального и должностного положения, возраста, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности или непринадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам, а также от других обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работника.

Понятие «деловые качества работника» Трудовой кодекс РФ не раскрывает, однако в соответствии с разъяснениями Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2¹ под деловыми качествами работника следует, в частности, понимать способности физического лица выполнять определенную трудовую функцию с учетом имеющихся у него профессионально-квалификационных качеств (например, наличие определенной профессии, специальности, квалификации), личностных качеств работника (например, состояние здоровья, наличие определенного уровня образования, опыт работы по данной специальности, в данной отрасли).

Причем лица, считающие, что они подверглись дискриминации в сфере труда, вправе обратиться в суд с заявлением о восстановлении нарушенных прав, возмещении материального вреда и компенсации морального вреда (ст. 3 ТК РФ).

Однако на практике соискателю доказать, что отказ в приеме на работу носил дискриминационный характер, очень сложно, в связи с тем, что ни один современный работодатель никогда не указывает истинную причину отказа — свое решение он обычно мотивирует либо отсутствием соответствующей вакансии, либо недостатком у соискателя требуемых профессиональных (деловых) качеств, и по требованию соискателя предоставит причину отказа в письменной форме в срок не позднее чем в течение семи рабочих дней со дня предъявления такого требования (ст. 64 ТК РФ).

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации».

Какие же виды дискриминации при заключении трудового договора чаще всего встречаются в повседневной жизни?

Во-первых, дискриминация по гендерному признаку. Работодатель при размещении вакансии на сайтах по поиску работы не вправе указывать гендерные предпочтения, так как гендерный признак не относится к деловым качествам работника и напрямую ущемляет права кандидата, который не соответствует заявленному гендерному признаку.

При размещении вакансии с указанием предпочтений относительно пола кандидата, возраста, вредных привычек, семейного положения и т.д. работодатель может быть привлечен к административной ответственности по ст. 13.11.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Поэтому работодатели при размещении вакансий, как правило, указывают требования к квалификации, опыту работы, наличию дополнительных обязательных знаний и умений, если они обязательны в силу закона, а также кратко описывают должностной функционал и условия работы.

Но фактически любой работодатель «сужает воронку вакансий», обращая внимание в том числе на пол кандидата. Зачастую предпочтение отдается кандидатам мужского пола, потому что, по мнению работодателей, с ними меньше «забот и хлопот», нежели с кандидатами женского пола, особенно если она имеет маленьких детей либо не имеет детей, но состоит в браке, либо не имеет детей и не состоит в браке, что потенциально может означать появление ребенка в обозримом будущем.

Само собой разумеется, что работодатель напрямую не откажет соискателю женского пола в заключении трудового договора по причине наличия у нее маленьких детей или репродуктивного возраста, понимая, что это не относится к деловым качествам работника, а ст. 64 ТК РФ и вовсе запрещает отказывать в заключении трудового договора женщинам по мотивам, связанным с беременностью или наличием детей.

Из дискриминации по гендерному признаку вытекает также достаточно часто встречающаяся на практике дискриминация по возрасту. Крайне сложно найти работу молодому неопытному специалисту, равно как и состоявшемуся профессионалу «слегка за пятьдесят». Практически каждый работодатель ориентирован на то, чтобы к нему на работу устраивались «готовые» специалисты, которые требуют «минимум вложений». Что же касается молодых специалистов, выпускников учебных заведений, здесь проблема для работодателя кроется не только в отсутствии опыта работы по необходимому профилю, но и в предоставлении дополнительных льгот и гарантий, если молодой специалист не достиг возраста 18 лет (предварительный медосмотр, сокращенный рабочий день, удлиненный отпуск и т.д.).

С состоявшимися опытными профессионалами ситуация еще сложнее, и шансы найти достойную работу практически равны нулю. Даже если

кандидат «в возрасте» не указывает в своем резюме свой возраст, то работодателю не стоит особого труда определить этот возраст по косвенным признакам (например, год окончания учебного заведения, начало трудовой деятельности и т.д.). Если кандидат обладает релевантным опытом работы, имеет профильное образование, рекомендации — несмотря на все эти «заслуги», работодатель сделает выбор в пользу «менее возрастного» кандидата. Считается, что возрастные кандидаты сложнее воспринимают различные нововведения, особенно в области компьютерных технологий, их сложнее переобучить под стандарты компании и т.п.

И хотя наше законодательство дополнительно защищает молодежь, в частности в городе Москве, например, действует Закон от 22 декабря 2004 г. № 90 «О квотировании рабочих мест», который обязывает работодателей с численностью более 100 работников выделять квотируемые рабочие места для молодежи и инвалидов, однако далеко не каждый работодатель, подпадающий под указанный закон, выполняет его в полном объеме.

Работодателю предоставлена альтернатива трудоустройству молодежи на квотируемые рабочие места — ежемесячная уплата в бюджет Москвы компенсационной стоимости квотируемого рабочего места, размер которой равен прожиточному минимуму для трудоспособного населения. И, к сожалению, многие работодатели предпочитают молодому специалисту уплату компенсации либо вовсе и не выделяют квоту и не уплачивают компенсацию в целях экономии, рассчитывая, что надзор и контроль за выполнением квоты не коснется их и не приведет к штрафным санкциям.

В соответствии со ст. 2.2 Закона г. Москвы от 21 ноября 2007 г. № 45² за невыполнение работодателями обязанности по созданию или выделению квотируемых рабочих мест предусмотрено наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от трех тысяч до пяти тысяч рублей; на юридических лиц — от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей.

Меры дополнительной поддержки со стороны государства приняты и в отношении «возрастных» кандидатов. Работодателю грозит уже не административная, а уголовная ответственность за необоснованный отказ в приеме на работу. В соответствии со ст. 144 Уголовного кодекса РФ (УК РФ) необоснованный отказ в приеме на работу лица по мотивам достижения им предпенсионного возраста — штраф в размере до двухсот тысяч рублей или обязательные работы на срок до трехсот шестидесяти часов.

Уголовная ответственность за необоснованный отказ в приеме на работу установлена и по отношению к кандидатам женского пола.

Необоснованный отказ в приеме на работу женщины по мотивам ее беременности, а равно необоснованный отказ в приеме на работу женщины,

² Закон г. Москвы от 21 ноября 2007 г. № 45 «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях».

имеющей детей в возрасте до трех лет, — штраф в размере до двухсот тысяч рублей или обязательные работы на срок до трехсот шестидесяти часов (ст. 145 УК РФ).

Конечно же, вряд ли найдется работодатель, который кандидату предпенсионного возраста откажет в заключении трудового договора именно по возрастному мотиву, а кандидатам женского пола по семейным мотивам, тем самым обрекая себя на возможные судебные разбирательства, штрафы, репутационные риски и т.п.

Еще одна из разновидностей дискриминации в сфере труда — лица с ограниченными возможностями здоровья (инвалиды).

Для этой категории граждан также предусмотрены меры дополнительной поддержки в силу Закона от 19 апреля 1991 г. № 1032-1³ и Федерального закона от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ⁴, в соответствии с которыми запрещено отказывать в заключении трудового договора инвалиду, направленному на трудоустройство в порядке квотированных рабочих мест.

Верховный суд в обзоре судебной практики также указывает на обязанность работодателя независимо от их организационно-правовых форм и форм собственности исходя из численности работников не только по созданию квотируемых рабочих мест (должностей) для инвалидов, но и по выполнению квоты, то есть обеспечению ее исполнения. Эта обязанность считается выполненной с момента выделения (создания) рабочих мест (в том числе специальных) и приема на них инвалидов организацией, для которой установлена квота для приема на работу инвалидов⁵.

На практике же работодатель, заранее предполагая, что инвалид не справится с той или иной порученной ему работой из-за особенностей здоровья и фактически просто будет занимать ставку, а коэффициент полезного действия будет равен нулю, не спешит трудоустраивать такого кандидата, даже рискуя заплатить штраф за отказ в заключении трудового договора либо за отсутствие квотируемого рабочего места. Опять же работнику-инвалиду положены дополнительные гарантии, установленные трудовым законодательством (сокращенная продолжительность рабочего времени, особенности привлечения к сверхурочной работе, направления в служебные командировки, удлиненный ежегодный отпуск и т.д.).

³ Закон РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации».

⁴ Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации».

⁵ Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с реализацией мер социальной поддержки отдельных категорий граждан» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 17.06.2020).

А теперь обратимся к судебной практике по обжалованию отказов в заключении трудового договора, которая на сегодняшний день, к сожалению, складывается также не в пользу работника (соискателя).

Автором были проанализированы апелляционные определения за периоды 2017–2021 гг. Основные требования, которые чаще всего истец заявляет в апелляционной жалобе:

- признать отказ в приеме на работу необоснованным;
- обязать заключить трудовой договор;
- взыскать задолженность по заработной плате;
- взыскать компенсацию морального вреда.

Однако суды отказывают в удовлетворении требований, ссылаясь на Постановление Пленума ВС РФ от 17 марта 2004 г. № 2, а также на ст. 8, ч. 1 ст. 34, ч. 1 и 2 ст. 35 Конституции РФ и абз. 2 ч. 1 ст. 22 Трудового кодекса РФ, в которых говорится о том, что работодатель в целях эффективной экономической деятельности и рационального управления имуществом самостоятельно, под свою ответственность принимает необходимые кадровые решения (подбор, расстановка, увольнение персонала) и заключает трудовой договор с конкретным лицом, ищущим работу, что является правом, а не обязанностью работодателя, а также на то, что кодекс не содержит норм, обязывающих работодателя заполнять вакантные должности или работы немедленно по мере их возникновения.

В итоге резолюция суда: доказательств того, что истцу отказано в приеме на работу по обстоятельствам, носящим дискриминационный характер, представлено не было. Работодатель по результатам оценки деловых качеств претендентов на вакантную должность принимает решение о приеме конкретного работника на работу.

Почему же истцу так сложно доказать наличие факта дискриминации? Потому что, как ранее было упомянуто автором, ни один работодатель не предоставит письменный отказ по причинам, не связанным с деловыми качествами соискателя. Официальный ответ с юридической точки зрения будет безупречным.

Как показывает судебная практика, работодателя могут привлечь только к возмещению морального вреда за несвоевременное предоставление причины отказа в заключении трудового договора при условии, что письменное требование от соискателя поступало работодателю.

Исходя из анализа судебной практики, отметим, что исковые требования обратно пропорциональны желаемой должности, т.е. чем ниже должность, тем чаще соискатели обращаются в суд. Обжалований отказов в заключении трудового договора на уникальные позиции нет, и связано это, скорее всего, с тем, что уникальные специалисты крайне быстро находят себе работу, чаще всего их «хантят» сами работодатели. Гораздо мрачнее ситуация об-

стоит с массовыми позициями, как мы уже убедились, соискатели на такие позиции зачастую обжалуют неправомерный (по их мнению) отказ в заключении трудового договора, совершенно не думая о последствиях. Вряд ли потенциальный работодатель захочет видеть в своем штате работника, который начинает трудовую деятельность с судебных тяжб. И едва ли этот работодатель окажет помощь в трудоустройстве такому «соискателю-сутяжнику» в другую компанию.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что не всегда прав работодатель и не всегда прав соискатель, зачастую имеет место злоупотребление правом, причем с обеих сторон.

Необходимы совершенствование законодательства в области дискриминации, в частности разработка реальных механизмов защиты от дискриминации, а также формирование в обществе нетерпимости к дискриминации, которое выразилось бы в разработке мер, направленных на борьбу со стереотипным отношением к той или иной категории граждан, будь то женщины, инвалиды, пенсионеры или выпускники вузов. Поскольку каждый имеет равные возможности для реализации своих трудовых прав.

Божукова Е.М.,
аспирант юридического факультета
Московского гуманитарного университета
(г. Москва)

Литература

1. Закон РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1915.
2. Закон г. Москвы от 21 ноября 2007 г. № 45 «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях» // Ведомости Московской городской Думы, 2008. № 12. Ст. 251.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 2002. № 1 (часть I). Ст. 1.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации».
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
6. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 28.06.2021) // СЗ РФ. 2002. № 1 (часть I). Ст. 3.
7. Фидеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4563.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ

В теории права практически не подвергается сомнению утверждение о том, что обязательным элементом правоотношения являются субъекты. Спорной является позиция, согласно которой эти субъекты должны обладать правосубъектностью¹. Правосубъектность является одной из дискуссионных в теории права, поскольку единство позиций в отношении понимания ее сущности и содержания отсутствует.

Значительную роль играют правовые нормы, устанавливающие объем правовых возможностей физического лица, его прав и обязанностей, что делает его полноценным участником правоотношений, складывающихся во всех сферах жизни общества и государства. Смещение акцентов в правовом регулировании общественных отношений к интересам личности, переход российского общества к жизни в условиях рынка способствуют возрастанию роли отраслей в правовой системе России, что вполне закономерно влечет повышение интереса научной общественности к теоретическим проблемам, касающимся отраслей права. Для решения этой задачи требуется новое осмысление научных положений по исследуемым проблемам с учетом современных реалий и новых достижений в области общей теории права.

Категория «правосубъектность» представляет собой сложносоставное и многоплановое явление, которое прежде всего характеризует правовой статус личности. В теории права правосубъектность является неотъемлемой частью правового статуса лица и означает возможность вступать в правоотношения. Правосубъектность выражает признание лица в качестве субъекта правоотношений вообще, а также квалификацию его в качестве субъекта или возможного субъекта конкретных субъективных прав и обязанностей². Правосубъектность состоит из трех элементов: правоспособности, дееспособности и деликтоспособности³.

¹ Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 120.

² Веберс Я.Р. Правосубъектность граждан в советском гражданском и семейном праве. Рига, 1976. С. 26.

³ Алексеев С.С. Общая теория права : в 2 т. Т. I. М. : Юрид. лит., 1981. С. 146–147; Кириллова М.Я. Гражданское правоотношение. Гражданское право / под общ. ред. Т.И. Илларионовой, Б.М. Гонгало, В.А. Плетнева. М., 2001. С. 38; Красавчиков О.А. Гражданское правоотношение. Советское гражданское право. Т. 1 / под ред. О.А. Красавчикова. М., 1985. С. 72; Яковлев В.Ф. Отраслевой метод регулирования и гражданская правосубъектность. Правовые проблемы гражданской правосубъектности. Вып. 62. Свердловск, 1972. С. 37.

Можно привести мнение И.А. Покровского, считавшего, что освобождение личности от полного поглощения ее обществом знаменуется прежде всего признанием ее самостоятельным субъектом прав, обладательницей правоспособности и дееспособности: благодаря этому она стоит теперь перед лицом общества и его властей как некоторая самостоятельная сила, как некоторая юридическая цель⁴. Как указывает С.Ю. Гамбарова, правосубъектность — это свойство лица быть полноценным субъектом права⁵.

Проблема изучения в теории государства и права сущности категории правосубъектности заключается в том, что особенности правовых отраслей в российском праве сильно влияют на сущность правосубъектности. Наоборот, правосубъектность разработана наукой, и она влияет на регламентацию статуса в отраслях.

Нельзя не отметить, что категория «правосубъектность» достаточно часто использовалась в теории права. Осуществление в системе права и законодательства правосубъектности физических лиц и юридических лиц заключается в волеизъявлении, которое наполняет категорию правосубъектности правомочным содержанием.

Правосубъектность — способность лица иметь и осуществлять непосредственно или через своих представителей субъективные права и юридические обязанности, то есть выступать субъектом правоотношения.

В современной науке теории права назрела необходимость углубления понимания правосубъектности с учетом достижений таких наук, как: гносеология, позволяющая раскрыть сущность и содержание явления; онтология, способствующая рассмотрению причинной обусловленности формирования данного правового института; эвристика, содействующая исследованию эволюционных изменений в развитии данной правовой категории; и антология, обеспечивающая рассмотрение данной категории с учетом ее социальной ценности. Думается, с учетом вышеуказанных подходов необходимо конструировать понятие правосубъектности как сложносоставной категории.

В теории права правосубъектность рассматривалась с помощью следующих традиционных методов: материалистический (материализм от лат. *Materialis* — вещественный) связан в теории права с именем Карла Генриха Маркса⁶. При этом диалектический метод материалистического познания сущности правового явления понимается в двух аспектах: пассивном —

⁴ Покровский И.А. История римского права. М. : Статут, 2004. С. 29.

⁵ Гамбаров Ю.С. Гражданское право: Общая часть : лекции, чит. в Моск. ун-те проф. Ю.С. Гамбаровым. М. : О-во распространения полезн. кн., 1897–1898. С. 549.

⁶ Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм. Опыт критики основных юридических понятий. М. : Изд-во Соц. акад., 1924. С. 80.

как созерцание сущности явления и активном — как отражение сущности явления.

Наиболее часто встречающимся в научной литературе вариантом дефиниции учения о познании сущности правового явления является определение его как диалектического процесса активного, целенаправленного воспроизведения, отражения в сознании сущности вещей, процессов, явлений⁷.

Основная идея материалистического метода состоит в том, что существует некая социальная материя, из которой строится общество. На основе этого метода можно определить правосубъектность как одновременно общественную и законную способность лица, которая служит юридической мерой возможности участия в правоотношениях⁸.

Таким образом, правосубъектность как категория и явление на основе диалектики предполагает процесс познания правовой действительности в ее противоречии, целостности и развитии. Диалектический метод в познании правовых явлений означает познание механизма взаимосвязанных и взаимообусловленных основополагающих правовых явлений, постулатов, предписаний и правил, устанавливающих определенный порядок действий, направленных на познание или преобразование объектов и субъектов правового регулирования⁹.

Правосубъектность как правовая категория и социально-правовое явление включает в себя юридический, политический и правовой смыслы. Политический смысл правосубъектности гражданина в государстве зависит от числа и объема прав и свобод и других легальных возможностей, установленных нормами конституционного права соответствующей страны.

В.Ф. Яковлев пишет, что «правосубъектность всех субъектов права является однопорядковой, она создает субъектам права одинаковую возможность участия в правоотношениях в одних и тех же ролях — в качестве носителей гражданских прав и обязанностей в конкретных правоотношениях»¹⁰.

В современном социуме нет лиц, не обладающих общей правосубъектностью. Это неотъемлемая часть политического и юридического статуса субъекта. Не случайно католический философ права Жак Маритен, участвовавший в подготовке проектов Всеобщей декларации прав человека, писал, что «люди, противостоящие друг другу по своим теоретическим воззрениям, могут прийти к практическому согласию относительно перечня прав человека».

⁷ Покровский И.А. Указ. соч. С. 240.

⁸ Красавчиков О.А. Гражданская правосубъектность как правовая форма // Категории науки гражданского права : избранные труды : в 2 т. Т. 2. М. : Статут, 2005. С. 31.

⁹ Вармунд В.В. Теоретико-методологические основы деликтоспособности в российском праве // Закон и право. 2017. № 12. С. 40.

¹⁰ Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. М. : Статут, 2006. С. 137.

Правосубъектность — это социально-правовая возможность субъекта быть участником правоотношений. По своей сути она представляет собой право общего типа, обеспеченное государством материальными и юридическими гарантиями. Наделение лица правосубъектностью есть следствие существования длящейся связи лица и государства.

Как говорит С.И. Архипов, быть правосубъектным означает «числиться» субъектом права¹¹. Человек, несмотря на его возраст, физическое или психическое состояние, волевые и психоэмоциональные качества, всегда обладает правовозможностью, он является «действующим» субъектом права, и он может учувствовать в общественных отношениях.

По мнению О.А. Красавчикова, в теоретической конструкции «правовозможность» акцент должен делаться не на феномене «право», а на феномене «возможность». Потенциальные возможности «растут» вместе с несовершеннолетним лицом и со временем войдут в качестве юридических реалий в правовой запас его правосубъектности¹².

Правосубъектность — социально-правовое качество субъектов права, носящее универсальный характер. Под правом на потенциал понимается признаваемая государством общая (абстрактная) возможность иметь предусмотренные законом права и обязанности, потенциал быть их носителем. Не фактическое правообладание, а только постулируемая заранее возможность или возможность к обладанию правами. Важнейшее в правосубъектности принципиальная возможность иметь права и обязанности и исполнять их.

В данной связи надо указать на мнение Р.О. Халфиной, которая обоснованно отмечала, что термины «субъект права» и «субъект правоотношения» не являются терминами идентичными¹³. Отличие состоит в юридической роли, предусматривающей обязанность исполнять функции участника правоотношений независимо от своего желания.

Правосубъектность как юридическая категория развивается путем эволюции. Г.Ф. Шершеневич указывал, что правосубъектность в настоящее время составляет во всех культурных странах достояние каждого человека. Теперь уже нет ни рабов, которые были только объектами права, ни крестьян крепостных, которые составляли принадлежность земельного участка¹⁴.

Следовательно, доктрина закрепляет, что правосубъектность появляется у человека в момент его рождения. Человек в этот же момент становится

¹¹ Архипов С.И. Субъект права: теоретическое исследование. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. С. 157.

¹² Красавчиков О.А. Указ. соч. С. 31.

¹³ Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении / Ин-т государства и права АН СССР. М. : Юрид. лит., 1974. С. 114.

¹⁴ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М. : Бр. Башмаковы, 1912. С. 63.

правоспособным, даже если он проживет только одно мгновение (перинатальная смерть). Человек с момента своего рождения является субъектом права с определенными условиями, установленными законом, он может быть участником общественных отношений.

Под правосубъектностью понимаем категорию, представляющую собой единство правоспособности, дееспособности и деликтоспособности. Введение в научный оборот понятия «правосубъектность» обогащает теорию и историю права и государства, поскольку позволяет более детально изучить статус субъектов общественных отношений.

Вармунд В.В.,

старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
Российской академии адвокатуры и нотариата
(г. Москва)

Литература

1. Авдеева О.А. Аксиоматические принципы правового регулирования делинквентности / О.А. Авдеева, В.А. Авдеев // Юридический мир. 2018. № 3.
2. Авдеева О.А. Правовой плюрализм в оценке делинквентности: проблемы онтологической сущности в российском и зарубежном законодательстве / О.А. Авдеева, В.А. Авдеев // Международное уголовное право и международная юстиция. 2018. № 5.
3. Алексеев С.С. Общая теория права : курс. В 2 томах. Т. 1 / С.С. Алексеев. Москва : Юридическая литература, 1981.
4. Архипов С.И. Субъект права: теоретическое исследование / С.И. Архипов. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004.
5. Вармунд В.В. Теоретико-методологические основы деликтоспособности в российском праве / В.В. Вармунд // Закон и право. 2017. № 12.
6. Веберс Я.Р. Правосубъектность граждан в советском гражданском и семейном праве / Я.Р. Веберс. Рига : Зинатне, 1976.
7. Гамбаров Ю.С. Гражданское право: Общая часть : лекции / Ю.С. Гамбаров. Москва : Тип. О-ва распространения полезных книг, 1897—1898.
8. Красавчиков О.А. Гражданская правосубъектность как правовая форма // Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права : избранные труды. В 2 томах. Т. 2 / О.А. Красавчиков. Москва : Статут, 2005.
9. Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм. Опыт критики основных юридических понятий / Е.Б. Пашуканис. Москва : Изд-во Коммунистической академии, 1924.
10. Покровский И.А. История римского права / И.А. Покровский. Москва : Статут : КонсультантПлюс, 2004.
11. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении / Р.О. Халфина. Москва : Юридическая литература, 1974.
12. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права / Г.Ф. Шершеневич. Москва : Бр. Башмаковы, 1912.
13. Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений / В.Ф. Яковлев. Москва : Статут, 2006.

ПАТЕРНАЛИЗМ КАК ЧЕРТА АДМИНИСТРАТИВНОГО ТИПА ГОСУДАРСТВА И ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Обобщая практику развития государства и права за последние столетия, а также учения о государстве и праве, мы легко приходим к выводу, что благополучие человека, его право на счастье может быть удовлетворено двумя путями. Первый путь связан с самостоятельным использованием человеком своих прав и свобод (в том числе защищаемых государством). Второй путь, традиционный, связан с возложением человеком заботы о себе на плечи государства, которое отождествляется с отцом в патриархальной семье. Предметом данного исследования является патерналистское государство, обещающее защиту человека и обеспечение его благополучия.

Термин «патерналистское государство» является метафорическим. Он предполагает сравнение его с отцом (патером) патриархальной семьи. Патер берет на себя ответственность за обеспечение благополучия детей, но лишает их свободы. Патерналистским была восточная деспотия, феодальное государство Европы, административное государство¹, присвоившее себе название «социалистического»². В наибольшей степени отказ от патернализма наблюдается в буржуазном государстве. Россия, как известно, находится на этапе перехода от административного к буржуазному государству и сохраняет некоторые черты патернализма.

1. Каковы же признаки патерналистского государства?

Современное патерналистское государство по своей сущности является административным государством, т.е. обеспечивающим экономическое, политическое и духовное господство административного класса³ над обществом. Это общество и его члены лишены экономической самостоятельности. Государство, как отец в патриархальной семье, является собственником большей части общественных богатств и решает, как ими распоряжаться. Здесь формируется так называемая власть-собственность. В максимальной степени это проявляется в так называемых «странах социализма», где все средства производства принадлежат государству. Следует обратить внимание на то, что государственная собственность в патерналистском государстве не является общественной. Это собственность корпорации бюрократии. Чиновники имеют полномочия по распоряжению государственным

¹ Денисов С.А. Общая теория административного государства. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2010. С. 147–164.

² Денисов С.А. Имитация социализма с помощью норм государственного права // Вестник Гуманитарного университета. 2017. № 1 (16). С. 55–62.

³ Денисов С.А. Административное общество. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2011. С. 89–253.

имуществом в зависимости от их места в бюрократической иерархии. При патримониализме государственная собственность одновременно является собственностью его правителя.

Отец в патриархальной семье распределяет имеющиеся средства между детьми по своему усмотрению. У него есть любимые дети и пасынки. Административное государство также берет на себя редистрибутивные функции. Часть средств оно расходует на себя, на обеспечение своего могущества (армия, полиция, пропаганда). Население делится по полезности для государства. Роль любимых детей играет высшая бюрократия, их клиенты, «актив». В роли нелюбимых детей те, кто не послушен, пытается выйти из-под опеки государства. В СССР это были диссиденты и предприниматели (буржуазия, подлежащая уничтожению как класс). В патриархальной семье отец дает детям на карманные расходы. В СССР разрешалась личная собственность (ст. 13 Конституции СССР 1977 г.).

Важнейшей функцией отца в патриархальной семье является поддержание своего авторитета. Административное патерналистское государство не допускает политических свобод (авторитарный режим) и жестоко наказывает «непослушных». Всячески поддерживается активность той части населения, которая помогает поддерживать авторитарный порядок в обществе. В СССР поддерживалась та часть населения, которая вступала в ряды ВЛКСМ, КПСС, занималась активной пропагандистской деятельностью. Эта часть населения получала разного рода привилегии (получение жилья, распределяемых государством и на предприятии продуктов, возможностей для лечения и отдыха).

Олицетворяет патерналистское государство монарх или вождь. Именно он рассматривается населением как главный «заступник». Поэтому, вне зависимости от того, что говорилось в основном законе страны, патерналистское государство имеет монархическую форму правления (монархия или диктатура). Даже если здесь властвует олигархическая группа, все равно она выдвигает из своей среды хотя бы символического вождя, которому доверяет масса населения (Л.И. Брежнев в СССР).

Отец в патриархальной семье имеет духовное господство над детьми. Он считается более мудрым и информированным. В этом же положении находится и патерналистское государство. Всеми признается, что руководство государства лучше знает, что нужно его подданным: где им жить (в коммуналках или отдельных квартирах, в селе или в городе), что им есть (что полезно для здоровья, а чего есть не надо), что носить (какой придерживаться моды), что читать или петь, какую музыку слушать и т.д.

Патерналистское государство может называть зависимых от него людей гражданами, но фактически они имеют правовое положение подданных.

С.С. Цуканов считает, что законы патерналистского государства являются неправовыми⁴. Это справедливо, если право отождествляется с закреплением в нем верховенства прав и свобод человека. Основной ценностью в патерналистском обществе считается «доброе» государство. Оно, конечно, обеспечивает права и свободы подданных, но только в той мере, в какой сочтет это нужным и полезным.

2. Патерналистское государство возникает на определенной социально-экономической и культурной почве. Причины его возникновения и существования можно разделить на (а) естественные, связанные с развитием общества, и (б) искусственные, порождаемые и поддерживаемые самим государством. Начнем с последних. Патерналистское государство похоже на отца, который хотел бы всю свою жизнь властвовать над своими детьми. Для этого оно должно поддерживать инфантильный характер своего населения. Для реализации этой цели в первую очередь необходимо лишить людей возможности самостоятельно обеспечивать свое существование. Патерналистское государство запрещает частную собственность и предпринимательство (в СССР) или ставит их под контроль государства. В частности, вводится условная частная собственность и право на предпринимательство, при котором реализация предпринимателем своих прав полностью зависит от согласия на это государственных чиновников. Таким образом, выделяется буржуазная клиентела («любимые дети»), которая получает государственные и муниципальные заказы, налоговые и кредитные льготы. Клиентела поддерживает патерналистские черты государства, так как получает от этого свои привилегии.

Патерналистское государство поддерживает невысокий уровень жизни населения, которое все время нуждается в помощи со стороны своего опекуна. Существует ряд нехитрых приемов, которые позволяют государству постоянно оказывать милости своему населению, не допуская возможности его обогащения. Например, оказание государственной помощи сопровождается высокой инфляцией, которая обесценивает все денежные выплаты, или ростом тарифов на товары и услуги монополий, находящихся под государственным контролем (газ, бензин, электричество, перевозки по железной дороге, коммунальные услуги и т.д.).

Традиционное патерналистское государство выращивает людей с иждивенческими наклонностями, которые не хотят брать ответственность за свое благополучие на себя и надеются только на государственную помощь. В условиях авторитарного режима государство преследует людей со свободлюбивыми взглядами, которые хотят знать больше, чем им позволяет государство. Патерналистское государство не допускает самоорганизации

⁴ Цуканов С.С. Патернализм российского государства (IX—XIX века): историко-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2011. 26 с.

членов общества, поскольку это угрожает его господству над людьми. Оно создает подконтрольные государственному аппарату объединения людей, которые используются для контроля над индивидами, в целях мобилизации их на выполнение задач, поставленных опекуном.

Поддерживать патерналистские отношения в обществе позволяет государственная пропаганда. Она внедряет в сознание людей мысль о мудрости правителя, его незаменимости, распространяет в обществе этатистскую идеологию. Консерваторы стремятся сохранить государственный патернализм под лозунгом строительства социального государства⁵. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что социальным называется буржуазно-демократическое государство, которое с согласия активных членов общества и под их надзором выделяет какое-то количество средств на содержание бедной части населения. Здесь государственный аппарат полностью зависит от общества и не является «отцом народа».

Часто государство само создает какие-то общественные проблемы, ищет себе врагов, а затем возглавляет движение для разрешения этих проблем, убеждая общество, что само оно эти проблемы не решит. Например, большевики своим приходом к власти создали огромное количество внутренних и внешних проблем для российского общества, а затем возглавили борьбу за их разрешение: борьбу с буржуазией, за индустриализацию, за хлеб («битва за урожай»), борьбу на идеологическом фронте. Многие отечественные исследователи все еще не могут понять эту технологию искусственного создания препятствий и патерналистской заботы о населении с целью разрешения созданной проблемы, хотя этой технологии уже сотни лет. Еще Н. Макиавелли советовал государям создавать себе внешних врагов, с тем чтобы объединить население вокруг себя для борьбы с этими врагами. Он же говорил о том, что нужно создавать условия, при которых население будет нуждаться в своем государе⁶. В патерналистском государстве бюрократия систематически посягает на права и интересы подданных. Элита административного класса (особенно правитель) берется защищать подданных от подчиненного им аппарата государства и демонстрирует, таким образом, свою отеческую заботу о них. Конституционные акты патерналистских государств начинаются с перечисления социально-экономических прав человека, которые ему пожаловало доброе государство.

Как правило, патерналистские государства злоупотребляют своей ролью отца и используют свою власть над обществом в интересах административного класса, его верхушки и ее клиентелы. В то же время они поддерживают какой-то уровень благосостояния своих подданных, а еще в большей

⁵ Денисов С.А. Социальное или патерналистское государство // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 7. С. 3–9.

⁶ Макиавелли Н. Государь. М. : Планета, 1990. С. 32, 64.

степени делают вид, что озабочены их благополучием. В этих целях издается огромное количество законов, обеспечивающих раздачу благ населению, чиновники разного уровня встречаются с людьми и выполняют какие-то их просьбы. Затем они широко рекламируют свою благотворительную деятельность.

Очевидно, что некоторые общества не в состоянии стать самостоятельными и выйти из-под опеки государства. Это общества, состоящие из несвободных людей (рабов, крепостных, людей имеющих иные формы зависимости от государства). Это общества подданных, а не граждан. Люди в таких обществах не способны самоорганизоваться и поставить государственный аппарат под свой контроль. В обществе подданных нет стремления к свободе. Наоборот, здесь действует установка на покорность и послушание. Люди ждут милости от государства, верят в «доброту царя». Их мечты ограничиваются надеждами на увеличение «пайка», выдаваемого государством. Очень часто люди с патерналистскими установками боятся свобод и ненавидят тех, кто к ним стремится. Зависть свободного человека стимулирует его к труду для приобретения того, что есть у других. Человек с патерналистскими наклонностями требует от государства отнять блага у тех, кто живет лучше его, сделать всех равными в нищете. Здесь, конечно, проявляются традиционные стадные установки людей (будь как все, не высывайся)⁷. Патерналистские общества выступают за усиление государства, предоставление правителю чрезвычайных полномочий, которые он должен использовать для того, чтобы привести страну к счастью и благополучию. Поскольку все блага человек при патерналистских отношениях получает от государства, то ослабление его или отказ от патерналистской роли он воспринимает как посягательство на его права. Борьба за права человека у патерналистски мыслящего человека сводится к требованию к государству увеличить заботу о нем.

Исследователи говорят о необходимости возникновения патерналистского государства при наличии пассивного и консервативного общества, не желающего и не умеющего совершенствоваться. Этим оправдывается деспотия Петра I и большевиков.

Как правило, экономической основой патерналистского государства является рентная экономика. Государство изымает природную ренту у производителя и распределяет ее среди населения, выступая в качестве отца-благодетеля. Сегодня эта рента приобретает форму продажи за рубежом углеводородов.

Сегодня Россия постепенно уходит от патерналистской политики, а в развитых странах патернализм усиливается. Государства расширяют свои

⁷ Попова А.Д., Попова О.Д. «Без свобод мы спокойны за нашу жизнь»: исторические истоки патернализма в российской ментальности // Новый исторический вестник. 2018. № 2. С. 36–53.

опекунские функции в области экономики. Все большее количество людей получает блага от государства. Это ведет к подрыву трудовой этики и потере стимулов для роста производительности труда.

Итак, современное классическое патерналистское государство является административным государством, где в роли отца выступает элита административного класса. Она стремится сохранить свое господствующее положение над обществом (роль отца). Патерналистское государство является одним из средств обеспечения благополучия населения, которое не способно к саморазвитию.

Денисов С.А.,
доцент кафедры прав человека
юридического факультета Гуманитарного университета,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Екатеринбург)

Литература

1. Денисов С.А. Административное общество / С.А. Денисов. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2010.
2. Денисов С.А. Имитация социализма с помощью норм государственного права / С.А. Денисов // Вестник Гуманитарного университета. 2017. № 1 (16).
3. Денисов С.А. Общая теория административного государства / С.А. Денисов. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2010.
4. Денисов С.А. Социальное или патерналистское государство / С.А. Денисов // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 7.
5. Макиавелли Н. Государь / Н. Макиавелли. Москва : Планета, 1990.
6. Попова А.Д. «Без свобод мы спокойны за нашу жизнь»: исторические истоки патернализма в российской ментальности / А.Д. Попова, О.Д. Попова // Новый исторический вестник. 2018. № 2.
7. Цуканов С.С. Патернализм российского государства (IX–XIX века): историко-правовое исследование : автореферат диссертации кандидата юридических наук / С.С. Цуканов. Москва, 2011.

ЛОГИКА «ЧИСТОГО ПОЗНАНИЯ» И НОРМАТИВИЗМ (ОТ Г. КОГЕНА К Г. КЕЛЬЗЕНУ)

Интерес австрийского философа и ученого Ганса Кельзена к неокантианской философии известен и является неотъемлемой частью его философского и научного наследия¹. Его «чистое учение о праве» (нормативизм) является результатом творческой интерпретации трансцендентального метода и принципов логики, характерных для Марбургской школы неокантианства. Несмотря на существующие попытки в современных исследованиях относить нормативизм к разновидности позитивистской философии права, ключевые категории «чистого учения о праве», взаимосвязь бытия и долженствования, построения системы правовых норм с внутренней иерархией базируются на философской аргументации неокантианства. Как отмечает сам Г. Кельзен, «с погружением в кантианскую философию марбургского направления, которая была нацелена на высшую степень чистоты методов, мой взгляд все четче ухватывал многочисленные весьма сомнительные и туманные положения, которые впитывала в себя теория права через осознанные или неосознанные тенденции авторов...»². Отсюда возникает фундаментальное разделение им сфер бытия и долженствования.

В основе аргументации Марбургской школы неокантианства и ее основателя, Германа Когена, лежит философски обоснованная система *логики «чистого познания»* (трансцендентальной логики). Этот вариант переосмысления принципов кантовской логики подробно обосновывается в философских трудах Г. Когена. Так, Г. Коген рассуждает о том, что «чистым» является познание, имеющее первоначало в мышлении, являющемся первоначалом себя самого: «Чистое мышление в себе самом должно производить исключительно чистое познание. Поэтому учение о мышлении должно стать учением о познании»³. В этом смысле построение понятийного аппарата науки должно быть сопряжено с соблюдением методологического принципа «чистоты» познания, близкого по своей сути к трансцендентальному методу неокантианской логики: «Если находят, что понятие системы является необходимым для науки, является для нее конститутивным, то становится необходимым

¹ См.: Полсон С. Нормативизм Ганса Кельзена // Правоведение. 2012. № 6. С. 162–163.

² Цит. по: Антонов М.В. Ганс Кельзен: основные вехи интеллектуального пути // Право. Журнал НИУ ВШЭ. 2013. № 1. С. 8.

³ Пома А. Критическая философия Германа Когена. М. : Академический проект, 2012. С. 117.

найти элемент сознания, который в своей всеобщности соответствует этому признаку науки»⁴.

«Чистое мышление» у Г. Когена выступает средством построения системы принципов научного познания («мышление логики является мышлением науки»), а рефлексивный характер мышления подчеркивает трансцендентальный характер логики как средства познания. Аналогично в нормативизме поиск первоначал правового бытия, происхождения правовых явлений, а также представления о праве (правосознание) должен иметь в качестве первоосновы исходные постулаты (принципы познания). На этом пути Кельзен формулирует критику естественного права как формы религиозной веры и скептически воспринимает догмы эмпиризма в праве.

Сущность трансцендентального метода познания в логике Г. Когена состоит в том, чтобы определить специфику воспроизведения в категориях мышления изучаемых явлений. Поскольку принципы мышления априорны и выступают основой познания, а логика чистого познания является основой и мышления, и бытия, логика как средство объединения и разъединения явлений в конечном итоге производит в мышлении объект. Так, Г. Коген утверждает: «Любое чистое познание должно быть вариацией принципа первоначала. Иначе оно не имело бы ни самостоятельной, ни чистой ценности... Так логика первоначала становится логикой чистого познания»⁵. В таком понимании мышления объекты мыслятся с логической точки зрения, так как мышление, воспроизводящее объект, не производит его для эмпирической реальности. Аналогично в «чистом учении о праве» сущность права состоит в должновании, должном поведении, которое может быть оценено лишь уполномоченным субъектом права. Тем самым правовые отношения возникают в процессе интерпретации правовым мышлением эмпирических фактов и действий, однако очевидно, что не всякие действия и факты оказываются в плоскости правового регулирования. Правовые нормы могут и не соотноситься с социальной реальностью.

В логике чистого познания схема рассуждения выглядит следующим образом — от первоначала как принципа познания к понятию объекта: «Только само мышление может производить то, что может быть настолько важным, как бытие»⁶. Точно так же рассуждает Г. Кельзен о правовых явлениях: «Если мы рассмотрим некие фактические обстоятельства, называемые правом, например, голосование в парламенте, административный акт, судебное решение, сделку или правонарушение, то в них можно различить два элемента: происходящий чувственно воспринимаемый акт (человеческое поведение)...

⁴ Коген Г. Теория опыта Канта. М. : Академический проект, 2012. С. 147.

⁵ Пома А. Указ. соч. С. 123–124.

⁶ Там же. С. 132.

и внутренне присущий событию смысл — его значение»⁷. В нормативизме правовое значение фактическим обстоятельствам придает правовая норма: «Норма функционирует в качестве схемы истолкования. Она порождается через правовой акт, а этот акт, в свою очередь, получает свое значение от другой нормы»⁸. Тем самым право как предмет познания может восприниматься лишь в контексте нормативности — «действия» как проявления «актов воли» получают правовую оценку через предписания правовых норм. Природным явлениям или событиям актом воли субъекта придается правовое значение (применением общей нормы), а сами действия затем порождают индивидуальные нормы при реализации прав и обязанностей. Таким образом, бытие правовой нормы — не в пространстве и времени, а исключительно в человеческом поведении, границы которого «продуцируются» правовым мышлением и его категориями. С точки зрения неокантианской логики «основная норма» у Г. Кельзена выступает как трансцендентально-логическая категория: «При условии действительности такой основной нормы действует и основанный на ней правовой порядок»⁹.

«Основная норма» постулируется правовым мышлением: в правовой системе взаимосвязь общих и индивидуальных правовых норм обеспечивается соответствием основной норме как гипотетической конструкции (например, сущность Конституции выражена в идеях американских просветителей, а не в позитивных правовых принципах самой Конституции): «Она не действует как позитивно-правовая норма, а предпосылается как условие любого нормотворчества...»¹⁰ Таким образом, в контексте логики «чистого познания» нормативизм выглядит как вариация уже сформулированных Г. Когеном философских принципов познания, которых Кельзен придерживался на протяжении всего своего научного творчества.

«Чистота» и правовых понятий, и метода их познания обеспечивается тем, что право принадлежит сфере «должного», а значит, правовое мышление имеет дело лишь с долженствованием, выраженным в содержании правовой нормы¹¹. В этом смысле правовое значение поведения как объективный смысл действий отличает их от природных явлений, подчиненных закону причинности. Поскольку норма представляет собой объективное значение поведения, а не эмпирический факт, она характеризует объективное содержание представлений, но не само представление и не результат

---

⁷ Кельзен Г. Чистое учение о праве, справедливость и естественное право. СПб., 2015. С. 115.

⁸ Пома А. Указ. соч. С. 117.

⁹ Там же. С. 167.

¹⁰ Там же. С. 167.

¹¹ См.: Кельзен Г. Чистое учение о праве, справедливость и естественное право. С. 117.

представлений¹². Как отмечает Г. Кельзен, «норма функционирует в качестве схемы истолкования»¹³. Соответственно, результат нормативного толкования — суждения, наделяющие правовым значением акты поведения.

Дуализм норм и фактических действий возникает, поскольку «содержание реальных событий согласуется с содержанием некоей нормы, которая признается действительной», но в то же время сама норма создается актом, имеющим правовое значение в силу действия других норм. Связующим звеном между нормой (долженствованием) и бытием (актом воли) является «действие».

В онтологических представлениях Г. Кельзена содержатся важные методологические предпосылки, позволяющие ему выстраивать логическую иерархию правовых норм в единую систему с определением оснований этой системы. Одна из них состоит в том, что в теории права неприменимы в полной мере принципы поиска причинно-следственных связей в силу специфической логики юридического объяснения: «Очевидно, что правовая наука не нацелена на причинное объяснение феномена, поэтому в утверждениях, которыми правовая наука описывает свой объект, применяется принцип вменения, а не принцип причинности»¹⁴. Тем самым прослеживая эволюцию представлений о причинности с античной философии, Г. Кельзен характеризует правовую реальность как специфическую сферу отношений, где эмпирически причинность не может проявляться. Точно так же, как при пожаре, мы не ссылаемся на стихийные силы природы, а ищем причины в действиях человека, в нормативизме принцип вменения позволяет признать действия юридически значимыми, если уполномоченные субъекты придают юридическое значение таким действиям. По существу, Г. Кельзен стремится не расширять правовую сферу до всей совокупности социальных отношений, а, напротив, сужает ее до возможностей урегулирования этих отношений правовыми нормами, поскольку только индивидуальный учет конкретных действия позволяет «вменить» ответственность за правонарушение: «Поскольку связь между деликтом и санкцией устанавливается актами, значение которых состоит в запретах или дозволениях, или, что то же самое, в нормах, наука о праве описывает свой объект высказываниями, где деликт и санкция связаны использованием связки “должен”. Я предложил именовать эту связку “вменением”»¹⁵.

¹² См.: Wilk K. Law and State as Pure Ideas: Critical notes on the basic concepts of Kelsen's Legal Philosophy // Ethics. 1941. Vol. 51. № 2. P. 165.

¹³ См.: Jansen H. Kelsen's Theory of Law // The American Political Science Review. 1937. Vol. 31. № 2. P. 207.

¹⁴ Кельзен Г. Причинность и вменение // Schole. Философское антиковедение и классическая традиция. 2015. Т. 9. Вып. 2. С. 273.

¹⁵ Там же. С. 273.

Вслед за неокантианской идеей государства как формы права Г. Кельзен считает, что государство персонифицирует правопорядок и тождественно ему¹⁶. В основе правопорядка постулируется «основная норма» как трансцендентально-логическая категория, из которой выводятся другие правовые нормы, образующие систему.

Дидикин А.Б.,
профессор факультета права
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ),
доктор философских наук, кандидат юридических наук
(г. Москва)

Литература

1. Антонов М.В. Ганс Кельзен: основные вехи интеллектуального пути / М.В. Антонов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 1.
2. Дидикин А.Б. Философия права Ганса Кельзена : учебное пособие / А.Б. Дидикин. Москва : Проспект, 2021.
3. Кельзен Г. Причинность и вменение : перевод с англ. А.Б. Дидикина / Г. Кельзен // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2015. Т. 9. Вып. 2.
4. Кельзен Г. Чистое учение о праве, справедливость и естественное право / Г. Кельзен ; составитель и вступительная статья М.В. Антонова. Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2015.
5. Коген Г. Теория опыта Канта / Г. Коген. Москва : Академический проект, 2012.
6. Полсон С. Нормативизм Ганса Кельзена / С. Полсон // Известия высших учебных заведений. Серия: Правоведение. 2012. № 6.
7. Пома А. Критическая философия Германа Когена / А. Пома. Москва : Академический проект, 2012.
8. Jansen H. Kelsen's Theory of Law / H. Jansen // The American Political Science Review. 1937. Vol. 31. Iss. 2.
9. Wilk K. Law and State as Pure Ideas: Critical notes on the basic concepts of Kelsen's Legal Philosophy / K. Wilk // Ethics. 1941. Vol. 51. Iss. 2.

---

¹⁶ См.: Дидикин А.Б. Философия права Ганса Кельзена : учеб. пособие. М. : Проспект, 2021.

ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ ПРАВА В ЭПОХУ МЕТАМОДЕРНА

Со времен эпохи Просвещения идея всеобщего благополучия, благоденствия стала неким идеалом для философов и правоведов. В настоящее время эта идея также часто лежит в основе реформ и политических решений. Законодатель часто руководствуется идеей всеобщего благополучия, формулирует общие для всех основания обеспечения благополучия, однако это влечет возникновение правовых парадоксов. В контексте всеобщего благополучия правовые парадоксы негативно влияют на гражданский оборот, на работу национальных и международных организаций и в целом на жизнь отдельных граждан. Однако в философском глобальном контексте их можно сравнить с экспериментом, проверяющим исторические и правовые процессы на истинность и эффективность.

Теоретики права предлагают разрабатывать методологию метамодерна как новой парадигмы юридического мышления, которая рассматривает мир в единстве его многообразия. Как отметил В.Д. Зорькин на IX Петербургском международном юридическом форуме, проходившем в Санкт-Петербурге 16 мая 2019 г., «без преодоления устоявшихся теоретических стереотипов невозможно противостоять кризису в правовой сфере». Особенно привлекательной в этой парадигме В.Д. Зорькину кажется «идея синтеза различных типов правопонимания, развивающихся в рамках модерна, постмодерна и даже премодерна»¹. Следует отметить, что результаты этого синтеза сложно пока оценить, потому что они не прошли все стадии проверки в научном сообществе. При таком оптимистичном подходе современный период истории права нужно рассматривать как период выявления наилучших черт предыдущих правовых парадигм для дальнейшего объединения их в единую гармоничную правовую систему. При этом необходимо исследовать парадоксальность, антиномичность современного права.

Прежде всего правовые парадоксы возникают в сфере правового менталитета, правосознания. Ю.Н. Алимова, анализируя процесс диффузии ценностей в связи с их влиянием на право, приходит к выводу о формировании парадоксов правосознания и правоприменения. Также она отмечает наличие правовых парадоксов в международном праве². Парадоксы — это противоположные или противоречащие суждения, при этом каждое из них звучит убедительно и доказательно. Современное международное право отличается столкновением взаимоисключающих тенденций и позиций, большим количеством противоречий и пробелов, что влечет геополитический кризис.

¹ Зорькин В.Д. Право метамодерна: постановка проблемы // Сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=86> (дата обращения: 08.10.2021).

² Алимова Ю.Н. Культурфилософские основания и практические следствия «мифологизации права» в глобальном мире: диффузия ценностей и парадоксы правоприменения // Философская мысль. 2019. № 9. С. 12.

Структура и значение парадоксов изучаются наукой логикой. В теории аргументации парадоксы являются «алогичным» средством, наряду с уловками и софизмами. Парадоксы произошли от греческого «неожиданный, странный» и означают мнения, суждения, которые резко расходятся с общепринятыми, устоявшимися мнениями или отрицают то, что представляется «безусловно правильным»³. Философы-логики считают, что парадоксы играют в целом положительную роль в процессе познания. Они часто демонстрируют проблемы, отражают изменения в методологии познания. Динамика современных общественных отношений отличается интенсивностью происходящих изменений, генерированием разнохарактерных идей и концепций, что неизбежно влечет появление парадоксов, в том числе правовых. То есть чем интенсивнее общество испытывает перемены и вызовы, тем в большем объеме актуализируются антиномии, парадоксы. Так как наша история отличается дихотомичностью, парадоксальность также становится характерной чертой российской ментальности.

Л.С. Постоляко выделяет парадоксы юридического доказательства и отмечает, что в правоприменительной практике вызывает затруднение реализация гуманистических интенций законодателя, которые порождают смысловую неопределенность и абстрактность. Это ведет к появлению правовых парадоксов. Выход состоит в четкой методологической базе, задающей логические параметры текста нормативного акта. Методологическая основа законотворчества должна соотноситься с базовыми положениями определенной концепции в рамках того или иного направления научной философии⁴.

Правоведы выявляют в различных отраслях парадоксы и антиномии, пытаются дать им классификации, определить их причины и специфику. Так, например, Л.В. Шабанов и С.С. Новохатько с помощью логических методов и терминов доказывают, что парадоксы и антиномии совершенствуют право, они складываются из применения законов диалектики. В итоге молодые ученые приходят к выводу, что выдвинутая ими гипотеза о позитивном влиянии законов диалектики на юридическую науку подтверждается⁵. Действительно, диалектическая парадигма базируется на определенных закономерностях, в том числе на законе борьбы противоположностей. Следовательно, выявление парадоксов и антиномий — это неизбежный результат диалектического подхода к изучению общества.

Ученые-юристы изучают различные аспекты проблемы выявления правовых парадоксов в российской правовой системе. Так, например, В.Ю. Скоробогатов изучил проблему правовых парадоксов в контексте

³ Михалкин Н.В. Логика и аргументация для юристов : учебник и практикум для прикладного бакалавриата. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Изд-во «Юрайт», 2017. С. 290.

⁴ Постоляко Л.С. Гипотезы научной философии и парадоксы юридического доказательства: опыт сопоставления // Новые идеи в философии. 2019. № 6 (27). С. 188.

⁵ Шабанов Л.В., Новохатько С.С. Юридическая диалектика и парадоксы, антиномии и проблемные ситуации правового познания // Молодые ученые России : сборник статей IV Всероссийской научно-практической конференции. Пенза, 2020. С. 177.

выявления практических пределов права. Он выявляет парадоксы как в конкретной сфере регулирования, так и во всей правовой системе. То есть условно парадоксы можно разделить на отраслевые или институциональные, а также на системные. В.Ю. Скоробогатов делает вывод: «Правовое регулирование, осуществляемое без внимания к автономности права, ослабляет рациональные основания правовой системы, что, с одной стороны, проявляется в чувствительности к пределам права как средству упорядочения, а с другой стороны, в парадоксах регулирования»⁶. Безусловно, негативные тенденции в правовой системе влияют на появление новых правовых парадоксов.

Цивилисты, изучая гражданское право, связывают появление правовых парадоксов с использованием в этой сфере фикций и презумпций. Например, В.Б. Паничкин, исследуя фикции и презумпции как приемы юридической техники, приходит к выводу о том, что правовые парадоксы — это неотъемлемый и неизбежный результат их применения. С его точки зрения, этот результат является негативным, нежелательным для гражданского права, так как правовые парадоксы входят в противоречие с объективными законами логического мышления. В.Б. Паничкин отмечает: «Вместе с тем, как говорил товарищ Сталин, “лес рубят — щепки летят”. И когда правовой лес рубят с помощью фикций, неизбежно и появление побочного продукта — своего рода “правовых щепок” — юридических парадоксов»⁷. Кроме того, он отмечает, что правовые парадоксы влекут реальные риски.

Есть также ряд исследователей, которые считают основными культурфилософские причины и основания правовых парадоксов. Я.Ю. Искендерова, И.А. Левченко, Т.Л. Серезникова считают необходимым рассматривать парадоксы правовой культуры как результат неграмотности отдельных личностей либо как результат «симбиоза» в правовой культуре социальных групп и слоев, формирующих структуру российского общества, взаимоисключающих друг друга оценок, установок, ориентиров и намерений⁸. Данные авторы ставят в зависимость эффективность модернизации права от искоренения правовых парадоксов. Они отмечают такой парадокс, когда «правовая культура не входит в понятие “духовность личности”», акцент делается на прагматике права, что приводит к оттеснению правовой культуры на уровень “необязательности”»⁹. На наш взгляд, этот парадокс является ментальным, он обусловлен спецификой образа мысли народа, историческим опытом.

⁶ Скоробогатов В.Ю. Пределы права и парадоксы правового регулирования // Государство и право. 2020. № 1. С. 21.

⁷ Паничкин В.Б. Фикции и презумпции как прием юридической техники при наследовании и правовые парадоксы как их результат: сравнительный анализ российского и общего права // Наследственное право. 2021. № 1. С. 15.

⁸ Искендерова Я.Ю., Левченко И.А., Серезникова Т.Л. Парадоксы правовой культуры в российском обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 1. С. 88.

⁹ Там же. С. 91.

Он возник вследствие модернизации правовой системы по западному образцу, без учета национальной специфики, поэтому действительно трудно говорить о «легитимации права на уровне субъективных социальных значений и смыслов».

Таким образом, изучение правовых парадоксов находится на стыке логики, культурологии и права. Правовые парадоксы в российской правовой системе встречаются часто, поэтому есть практическая значимость их изучения и классификации. На наш взгляд, правовые парадоксы являются, с одной стороны, закономерным следствием применения правовых механизмов в гражданском обороте, с другой стороны, являются результатом ментальных особенностей мышления, выработанных исторически. В целом, правовые парадоксы играют в правовой системе положительную роль, способствуют динамике и развитию правовой системы. Однако вызывает опасение тенденция увеличения количества парадоксов в так называемую эпоху метамодерна, что свидетельствует о неоднозначности и практической сложности синтеза различных типов правопонимания.

Мурунова А.В.,

преподаватель отделения среднего профессионального образования
Национального исследовательского Нижегородского государственного
университета имени Н.И. Лобачевского,
кандидат философских наук
(г. Нижний Новгород)

Литература

1. Алимova Ю.Н. Культурфилософские основания и практические следствия «мифологизации права» в глобальном мире: диффузия ценностей и парадоксы правоприменения / Ю.Н. Алимova // Философская мысль. 2019. № 9.
2. Зорькин В.Д. Право метамодерна: постановка проблемы / В.Д. Зорькин // Сайт Конституционного Суда РФ. 2019. 16 мая.
3. Искендерова Я.Ю. Парадоксы правовой культуры в российском обществе / Я.Ю. Искендерова, И.А. Левченко, Т.Л. Серезникова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 1.
4. Михалкин Н.В. Логика и аргументация для юристов : учебник и практикум для прикладного бакалавриата / Н.В. Михалкин. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2017.
5. Паничкин В.Б. Фикции и презумпции как прием юридической техники при наследовании и правовые парадоксы как их результат: сравнительный анализ российского и общего права / В.Б. Паничкин // Наследственное право. 2021. № 1.
6. Постоляко Л.С. Гипотезы научной философии и парадоксы юридического доказательства: опыт сопоставления / Л.С. Постоляко // Новые идеи в философии. 2019. № 6 (27).
7. Скоробогатов В.Ю. Пределы права и парадоксы правового регулирования / В.Ю. Скоробогатов // Государство и право. 2020. № 1.
8. Шабанов Л.В. Юридическая диалектика и парадоксы, антиномии и проблемные ситуации правового познания / Л.В. Шабанов, С.С. Новохатько // Молодые ученые России : материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (г. Пенза, 7 декабря 2020 г.) / ответственный редактор Г.Ю. Гуляев. Пенза : Наука и просвещение, 2020.

О ВОЗМОЖНОСТИ ОЦЕНКИ ВЛИЯНИЯ НОРМ ПРАВА НА БЛАГОПОЛУЧИЕ ЧЕЛОВЕКА

Проблема оценки влияния норм права на благополучие человека — это одна из актуальных проблем, стоящих перед современной теорией права и юридической наукой в целом. Этой проблеме посвящено немало исследований¹. Однако проблема остается неразрешенной. По нашему мнению, для того чтобы оценить влияние норм права на обеспечение благополучия человека, необходимо вначале разобраться с тем, что представляет собой само понятие «благополучие человека», затем выяснить, каким образом достигается благополучие человека, выяснить критерии достижения благополучия человека, каким образом человек достигает своего благополучия, затем выяснить, какую роль играет право в данном процессе, после чего сделать вывод о том, оказывает ли какое-либо влияние право на обеспечение благополучия человека.

В расширенном варианте данная методика выглядит следующим образом.

А. Необходимо дать определение понятию «благополучие человека».

Как отмечается в социологической литературе, понятие «благополучие человека» — это оценочное понятие, которое разные люди воспринимают по-разному². Более того, в ходе исследований было выяснено, что не существует объективных критериев определения благополучия человека³. Объективные же критерии благополучия человека — это «жилье, доход, работа, общество, образование, окружающая среда, безопасность, политическая активность, здоровье, удовлетворение жизнью, соотношение рабочего и свободного времени»⁴. Однако, как отмечают исследователи, однозначной корреляции между жизненными благами и уровнем социального благополучия населения не отмечается⁵. На самом деле проблема состоит в том, что благо-

¹ Кравец И.А. Конституционализация достоинства личности и перспективы права на социальное благополучие // Государство и право. 2020. № 1. С. 41–53; Рыбаков О.Ю. Качество жизни, благополучие человека, ценность права в условиях цифровой реальности // Человек, общество, право в условиях цифровой реальности : сборник статей. М., 2020. С. 15–31; Кузнецов В.Н. Общественная цель: безопасность и благополучие человека как фундаментальная проблема российских общественных наук // Общество и право. 2005. № 1 (7). С. 14–54; Попов Е.А. Социальное благополучие человека в научном дискурсе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2010. № 2. С. 016–023; Логунова Л.Ю., Уткина А.Н. Благополучие человека в контексте жизнеобеспечения // Благополучие человека в многообразии научных подходов / под общ. ред. Н.А. Гафнер. Западный, 2018. С. 57–99.

² Логунова Л.Ю., Уткина А.Н. Указ. соч.

³ Там же.

⁴ Логунова Л.Ю., Уткина А.Н. Указ. соч. С. 65; Британцы от 45 до 59 лет оказались самыми несчастными. URL: https://www.bbc.com/russian/uk/2016/02/160202_uk_happiness_study (дата обращения: 23.11.2018).

⁵ Там же.

получие человека — это оценочная категория, характеризующая отношение человека к окружающему ему миру с точки зрения уровня комфортного существования в данном мире. Чем выше уровень комфортности существования человека в данном мире, тем выше уровень его относительного благополучия. Это так называемый психологический аспект благополучия человека.

Б. Проблема относительной ценности благополучия человека и правильного к нему отношения.

С другой стороны, Христос сурово осуждает так называемое внешнее благополучие человека в ущерб другим. В притче о безумном богаче говорится об этом так:

«16 у одного богатого человека был хороший урожай в поле;

17 и он рассуждал сам с собою: что мне делать? некуда мне собрать плодов моих?

18 И сказал: вот что сделаю: сломаю житницы мои и построю большие, и соберу туда весь хлеб мой и все добро мое,

19 и скажу душе моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись.

20 Но Бог сказал ему: безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?

21 Так бывает с тем, кто собирает сокровища для себя, а не в Бога богатеет»⁶.

Поэтому дело в том, что сильная привязанность к земным благам и к земному образу жизни, которая, казалось бы, определяет благополучие человека, не позволит ему комфортно существовать в вечности, ибо там земных благ не будет и человек будет страдать из-за привязанности ко всему земному.

Поэтому вывод можно сделать один: надо относиться к благам земным как к относительным благам, которые сейчас есть, а завтра их может не быть, и не привязываться душой своей ко всему земному.

Игнорирование данного постулата нередко приводит к тому, что для достижения своей цели люди начинают использовать противоправные средства, о чем свидетельствует анализ судебной практики по уголовным делам: нередко люди ради своего мнимого благополучия идут на преступления: воруют, грабят, убивают, насилуют и т.д.

Поэтому для оценки влияния права на обеспечение благополучия человека необходимо выяснить, что является для человека благополучием, какие цели он перед собой ставил для достижения благополучия, с помощью каких средств он достиг это благополучия, а затем, насколько право повлияло на достижение этого уровня благополучия.

При этом моделирование процесса влияния права на обеспечение благополучия человека показывает, что далеко не все так однозначно.

⁶ Евангелие от Луки (гл. 12, ст. 16–21). URL: <https://www.pravmir.ru/pritcha-o-bezumnom-bogache-2/> (дата обращения: 10.08.2021).

Для одних людей благополучие состоит в удовлетворении своих собственных потребностей, при этом потребности других людей и их права игнорируются. Об этом свидетельствует страшный случай, произошедший в в/ч 66431⁷, когда ради собственного душевного комфорта люди пошли на страшное преступление. Для других же людей подобное происшествие немислимо, поскольку их представление о благополучии исключает достижение благополучия противоправным путем.

Понятно, что для людей, которые стремятся стать благополучными любым путем, в том числе и противоправным, право будет оказывать негативное влияние на их стремление построить свое благополучие противоправным путем.

Что же касается достижения человеком благополучия, то есть удовлетворительного уровня душевного комфорта при взаимодействии его с окружающим миром, то право не может этого обеспечить. В силу этого некоторые авторы нигилистически стали относиться к праву (Л.Н. Толстой⁸, А.А. Боровой⁹ и др.). Но в действительности так называемые правовые нигилисты очень плохо представляют себе роль и назначение права в нашей жизни, рассуждая инфантильным образом: раз право не может обеспечить благополучие всех, значит оно и не нужно в нашей жизни. На данный выпад анархистов и правовых нигилистов можно ответить следующим образом: да, право не может обеспечить благополучие человека, но оно призвано урегулировать общественные отношения между людьми таким образом, чтобы «произвол одного человека был совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы»¹⁰. А поскольку достижение человеком благополучия предполагает применение определенных усилий и определенных средств со стороны самого человека, но при этом его усилия и эти средства ни в коем случае не должны быть направлены против других людей, поскольку это противоречит ценности права, его смыслу и назначению¹¹, постольку право, если выражаться метафорически, создает ту «почву», на которой может вырасти, а может и не вырасти, то или иное благополучие человека, постольку, как показывает анализ взаимоотношений людей в закрытых коллективах, где влияние права минимально, при отсутствии права более сильные

⁷ Екатерина Вторая. Вежливые нелюди: издевательство и мужеложство в российских военных частях. URL: <https://maxpark.com/community/politic/content/3047357> (дата обращения: 10.08.2021).

⁸ Толстой Л.Н. Письмо студенту о праве (1909) // Журнал «Толстовский Листок/Запрещенный Толстой». Вып. 5. М., 1994. URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0840.shtml (дата обращения: 10.08.2021).

⁹ Боровой А.А. Анархистский манифест. URL: https://avtonom.org/old/lib/theory/borovoju-a_manifest.html (дата обращения: 10.08.2021).

¹⁰ Кант И. Метафизика нравов. Введение в метафизику нравов. С. 24. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Kant_Metaphisika_1.pdf (дата обращения: 10.08.2021).

¹¹ Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Собр. соч. : в 2 т. / сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Ф. Лосев и А.В. Гулыга ; прим. С.Л. Кравца [и др.]. М., 1990. Т. 1. С. 450.

затравили бы слабых, что явилось бы величайшей несправедливостью, ибо человек сегодня силен, а завтра слаб, и наоборот, и только воздействие права препятствует возникновению подобного рода ситуаций в массовом масштабе общества.

В заключение необходимо сделать вывод о невозможности прямой оценки влияния права на благополучие человека, поскольку, как говорится, что для одних является благополучием, то для других совсем не так. Вместе с тем, право, будучи регулятором общественных отношений, создает все те необходимые предпосылки и основы для «достижения человеком своего благополучия», что без права достигнуть этого состояния было бы гораздо сложнее, а для некоторых людей едва ли возможно. Таковы особенности оценки влияния норм права на благополучие человека.

Осипов М.Ю.,

старший научный сотрудник научно-исследовательского института образовательных технологий Международной полицейской академии ВПА,
кандидат юридических наук
(г. Тула)

Литература

1. Боровой А.А. Анархистский манифест // Боровой А.А. Анархизм / А.А. Боровой. Москва : ЛИБРОКОМ, 2009.
2. Екатерина Вторая. Вежливые нелюди: издевательство и мужеложство в российских военных частях / Екатерина Вторая // Махpark.com. 2014. 17 октября.
3. Кант И. Метафизика нравов. Введение в метафизику нравов / И. Кант. Санкт-Петербург : П.П. Сойкин, ценз. 1903.
4. Кравец И.А. Конституционализация достоинства личности и перспективы права на социальное благополучие / И.А. Кравец // Государство и право. 2020. № 1.
5. Кузнецов В.Н. Общественная цель: безопасность и благополучие человека как фундаментальная проблема российских общественных наук / В.Н. Кузнецов // Общество и право. 2005. № 1 (7).
6. Логунова Л.Ю. Благополучие человека в контексте жизнеобеспечения / Л.Ю. Логунова, А.Н. Уткина // Благополучие человека в многообразии научных подходов: монография. В 2 томах. Т. 1 / под общей редакцией Н.А. Гафнер. Западный : АнтроВита, 2018.
7. Попов Е.А. Социальное благополучие человека в научном дискурсе / Е.А. Попов // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2010. № 2.
8. Рыбаков О.Ю. Качество жизни, благополучие человека, ценность права в условиях цифровой реальности / О.Ю. Рыбаков // Человек, общество, право в условиях цифровой реальности : сборник статей / ответственный редактор О.Ю. Рыбаков. Москва : КноРус, 2020.
9. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В.С. Собрание сочинений. В 2 томах. Т. 1 / В.С. Соловьев ; составители, общее редактирование и вступительной статьи А.Ф. Лосев и А.В. Гулыга ; примечание С.Л. Кравца [и др.]. Москва : Мысль, 1990.
10. Толстой Л.Н. Письмо студенту о праве / Л.Н. Толстой // Толстовский Листок/Запрещенный Толстой. 1909. № 5.

РОЛЬ ПРАВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЛАГОПОЛУЧИЯ ЧЕЛОВЕКА

В современном мире «право» имеет многоаспектное значение, так как затрагивает политические, экономические, национальные, религиозные, культурные, нравственные области. Рассмотрим более подробно понятие, признаки, структуру права, функции и содержание, а затем его роль, которая влияет на благополучие человека.

По мнению А.В. Малько, слово «право» многозначно, имеет богатое разностороннее содержание. Во-первых, его употребляют в общесоциальном смысле (моральное право, право народов и т.п.), в рамках которого речь идет о нравственных, политических, культурных и иных возможностях в поведении субъектов (например, моральное право руководить коллективом; поступить по совести; изменить, следуя моде, свой внешний вид; право члена общественного объединения и т.п.).

Во-вторых, с помощью этого термина обозначается определенная правовая возможность конкретного субъекта. В данном случае такое право называется субъективным, принадлежащим личности и зависящим от его воли и желания (право на образование, на труд, на пользование культурными ценностями, на судебную защиту и т.д.)¹.

В-третьих, под правом понимают юридический инструмент, связанный с государством и состоящий из целой системы норм, институтов и отраслей. Это так называемое объективное право (конституция, законы, подзаконные акты, правовые обычаи, нормативные договоры).

Наш объект рассмотрения — право — именно в этом, последнем смысле. В рамках такого понимания право есть система общеобязательных, формально определенных юридических норм, выражающих консолидированную волю общества (конкретные интересы различных классов, социальных групп, слоев), устанавливаемых и обеспечиваемых государством и направленных на регулирование общественных отношений.

Анализ научных источников показывает, что право обладает определенными признаками. Которые непосредственно влияют на его роль в современном праве. Итак, перечислим основные признаки права:

- 1) право носит волевой характер, ибо оно есть проявление воли и сознания людей, но не любой воли, а прежде всего государственно выраженной воли классов, социальных групп, элит, большинства членов общества;
- 2) общеобязательность, в чем воплощается суверенитет государства, означающий, что выше официальной, публичной власти в обществе никого

¹ Теория государства и права : учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. М., 2004. С. 70.

нет и быть не может и что все принимаемые нормы права распространяются на всех либо большой круг субъектов;

3) нормативность права заключается в том, что оно прежде всего состоит из норм, т.е. общих правил поведения, регулирующих значительный круг общественных отношений²;

4) связь с государством состоит в том, что право во многом принимается, применяется и обеспечивается государственной властью. Государство для того и функционирует, чтобы гарантировать соблюдение исполнения юридических норм;

5) формальная определенность права заключается в том, что нормы права имеют внешне выраженную письменную форму, должны быть четко объективированы, точно определены, воплощены вовне;

6) системность права проявляется в том, что оно представляет собой не механическую совокупность юридических норм, а внутренне согласованный, упорядоченный организм, где каждый элемент имеет свое место и играет свою роль, где юридические предписания взаимосвязаны, расположены определенным иерархическим образом, группируются по отраслям и институтам³.

По нашему мнению, признаки права в совокупности, а именно вышперечисленные, влияют на благополучие человека как в объективном, так и субъективном смысле. А именно право влияет на качество жизнедеятельности человека как в моральном, так и в материальных его смыслах. Тем самым права и свободы человека и гражданина как нормы права закреплены в гл. 2 Конституции Российской Федерации, которая была издана в 1993 г.⁴. При переходе на демократический политический режим права человека формально определены. Это право на труд, на жизнь, образование, здоровье и т.д.

В современном праве особое внимание уделяется правам человека, что делает его формально свободным в выборе своего жизненного пути, профессии и образа жизни и т.д. Но тем самым права регулируют норму права в рамках правового поля, что позволяет соблюдать ответственность перед обществом и государством, тем самым определяя права как ценность в современном праве. Права являются в современном праве мощным регулятором правовых идей и правовых ценностей. Что непосредственно влияет на моральное и материальное обогащение человека. Он становится более духовным, понимая, что у него есть права. И более защищенным — и перед государством, и перед обществом. Таким образом происходит обогащение человека через структуру правосознания в рамках правового поля, так

² Там же.

³ Там же.

⁴ Конституция РФ. 1993. Гл. 2.

как правосознание состоит из правовой психологии и правовой идеологии. А именно — идея движет обществом и государством — идея свободы, правопорядка, ответственности, законности. Таким образом, именно духовная составляющая в человеке является важным элементом. И она должна охраняться и регулироваться правом. По нашему мнению, существуют пробелы в праве, которые неблагоприятно влияют на реализацию права, на нормотворчество, правотворчество, законотворчество, тем самым нарушая механизмы правового регулирования в праве. Это отражается на деятельности и самом человеке. Но, несмотря на все эти несовершенства, есть прогресс. Человек, осознавая, что у него есть права, в рамках правового поля может отстаивать и защищать их с помощью норм права, которые формально выражены в источниках права.

По нашему мнению, право занимает важное место в обеспечении благополучия человека. Так как право, на наш взгляд, является неким «вместилищем» правовых идей, таких как свобода, справедливость, порядок, гуманизм, законность, ответственность, нравственность, которые жизненно необходимы для благополучия человека. Человек не может жить без правил поведения, а именно без нормы права.

Норма права, которая определяет правило поведения человека в рамках правового поля. Она необходима для построения и контроля всего общества, для того чтобы не образовался некий «хаос». Ведь сущность «права» — своего рода регулятор и стимулятор общественных отношений. Право не стоит на месте, оно находится в динамике развития вместе с человеком и «служит» ему помощником для достижения цели. Если, конечно, правильно распоряжаться своими правами и свободами, которые даны каждому от рождения и до момента смерти. А именно правоспособностью. Не каждый человек задумывается, что обладает «мощным» регулятором своих прав и свобод. Существует некая проблема у человека — отсутствие правового воспитания. Для того чтобы этот пробел устранить, необходимо в начальных классах ввести дисциплину о правоведении. Дабы человек понимал, в чем заключаются его права и свободы, на что он правоспособен. Тем самым человек будет осознавать ответственность за свою жизнь, права и свободы, а также перед государством и обществом. Таким образом, будет меньше преступлений и проступков. Общество станет нравственнее и гуманнее. Тем самым в мире будет процветать идея порядка и не будет нарушаться норма права.

Для того чтобы наступало обогащение человека, как морально, так и материально, необходимо соблюдать норму права. В противном случае будут нарушены реализация права, законотворчество, нормотворчество, правотворчество. Мы живем в не простое для истории время, конечно, существует много коллизий, пробелов в праве. Но, если сравнивать с советским правом, человек стал свободнее в рамках правового поля — с принятием демократи-

ческого политического режима. Демократия в переводе с греческого обозначает «власть народа», и необходимо не путать это понятие с вседозволенностью, тем самым не ущемляя прав всего общества, так как человек социален.

Таким образом, права можно обозначить неким регулятором правоотношений, обеспечения благополучия человека. Тем самым эффективность жизнедеятельности увеличится и для человека, и для общества. По нашему мнению, правоотношения в жизнедеятельности человека наступают тогда, как только индивид вступает в отношения в рамках правового поля. А именно в трудовые, семейные, административные, уголовные, финансовые, конституционные и др. правоотношения. А именно должно сохраняться поведение в рамках правового поля. Таким образом, роль права в обеспечении благополучия человека является главной, так как право уже в самом содержании затрагивает многие аспекты идей и интересов общества. Помимо содержания, право также влияет на благополучие человека, его функции. А именно: регулятивную — выступая регулятором в правоотношениях; охранительную — обеспечивая законность; гуманистическую — развивая в человеке гуманность к обществу и государству; воспитательную — воспитывая уважение к чести и достоинству; идеологическую — формируя в сознании человека правила поведения.

По нашему мнению, право является многоаспектным явлением, с точки зрения политического, экономического, социального, национального аспектов, влияет на качество жизнедеятельности человека. Тем самым роль права определяется в обеспечении благополучия человека в целом.

Сергеева Т.Н.,

соискатель Саратовской государственной юридической академии,
старший преподаватель — исследователь
кафедры государственно-правовых и финансово-правовых дисциплин
Московского финансово-юридического университета (МФЮА)
(г. Москва)

Литература

1. Карнаушенко Л.В. Проблема формирования правовых ценностей в условиях общества риска / Л.В. Карнаушенко // Закон и право. 2015. № 9.
2. Кузубова А.Ю. Правовые ценности в цивилизационном учении Н.Я. Данилевского / А.Ю. Кузубова // Теория и практика общественного развития. 2015. № 21.
3. Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реформации / Д.А. Леонтьев // Вопросы философии. 1996. № 4.
4. Теория государства и права : учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. Москва : Юрист, 2004.
5. Чупраков А. Ломать шапку перед барином / А. Чупраков // Советская Россия. 2017. 6 июля.

РОЛЬ ПРАВА В СОБЛЮДЕНИИ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НА ДОСТОЙНУЮ ЖИЗНЬ

Происходящие за последние три десятилетия в Российской Федерации коренные изменения все более и более устремляют массовое сознание общества к проблеме первичности общечеловеческих ценностей¹. Такими ценностями считаются неотчуждаемые права и свободы человека и гражданина, их признание со стороны государства, ответственность государства не только за их законодательное закрепление, но и за создание системы благоприятных условий и действенных гарантий обеспечения и защиты.

Социальная характеристика государства² впервые нашла свое выражение в конституциях ряда стран Западной Европы (Италия, Франция, ФРГ), принятых после Второй мировой войны.

В наши дни идея социального государства, основываясь на социально ориентированной политике, экономике и праве современного государства, нашла широкое распространение и конституционное закрепление и является одной из важнейших характеристик демократического общества. Вместе с этим от государства и общества требуются огромные усилия для практической реализации конституционно закрепленных идей и принципов современного государства.

В юридической литературе социальным считается государство, которое ставит перед собой задачу заботиться о социальной справедливости, благосостоянии и социальной защищенности своих граждан. Оно призвано создавать такие условия в стране, которые могли бы обеспечить достойную жизнь для каждого человека.

Из этого определения вытекает, что роль и значение государства в сфере реализации и обеспечения социальных прав человека очень велики. В данном случае речь идет о цели социального государства, которая, по существу, является программой обеспечения и постоянного улучшения удов-

---

¹ Авакьян С.А. Конституция как символ эпохи // Авакьян С.А. Размышления конституционалиста : избранные статьи. М. : Изд-во Московского университета, 2010. С. 351–363.

² Понятие «социальное государство» получило широкое распространение после 1949 г.: именно тогда в Основной закон Федеративной Республики Германия был включен термин ‘sozialer Rechtsstaat’, который дословно переводится с немецкого языка как «социальное правовое государство». Примерно такое же значение имеют словосочетания «государство благосостояния», «государство всеобщего благосостояния», «государство всеобщего благоденствия» (перевод английского термина ‘welfare state’). См. также: Антонова Н.В. Социальные функции государства: новые векторы развития / Н.В. Антонова, О.Ю. Еремина // Журнал российского права. 2020. № 12.

летворительного уровня социального состояния человека и гражданина. Основная часть программы должна содержать направления и принципы соответствующей экономической и социальной политики государства, которые предполагают систему конституционных гарантий прав и свобод человека, а также неукоснительного выполнения соответствующих обязанностей государства перед гражданами. Исходя из этого, современное социальное государство должно не только формировать систему этих гарантий, но и выступать в роли основного гаранта декларированных им конституционных прав и свобод. В данном случае возникает вопрос, могут ли они быть основой для реализации основных прав человека тогда, когда лицо обратилось в суд с иском к государственным органам³.

Российская Федерация как социальное государство⁴, в первую очередь в основном законе, закрепляет такие социальные права гражданина, как право каждого на свободный выбор труда, условия труда, отвечающие требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, а также право на индивидуальные и коллективные трудовые споры с использованием установленных федеральным законом способов их разрешения, включая право на забастовку; право на отдых и установленные федеральным законом продолжительность рабочего времени, выходные и праздничные дни, оплачиваемый ежегодный отпуск (ст. 37); покровительство и защиту семьи, материнства и детства (ст. 38); социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери

³ Существуют социальные гарантии, реализация которых дает возможность каждому осуществлять и защищать свои права и свободы. В частности, такой гарантией является предоставление бесплатной судебной защиты лицам, не имеющим достаточных средств к существованию. Этот вывод подтверждает решение Европейского суда по правам человека (*Airey v. Ireland*, Judgment of 9 October 1979) «По делу об избиении супругом». Так, Йоанна Айри родом была из семьи с очень скромными возможностями. Она не вела совместное хозяйство с супругом с того момента, когда последний был осужден за совершение насильственных действий по отношению к жене. Однако так как факт нахождения в браке предполагал ведение ими совместного хозяйства, то госпожа Айри не могла препятствовать возвращению супруга. Ее усилия оформить в судебном порядке факт раздельного проживания не дали положительного результата, поскольку заявление о разводе могло быть представлено только в Верховный суд Дублина и без помощи адвоката она не смогла бы достичь успеха. По данному делу суд придерживался позиции, что согласно ст. 6 Европейской конвенции по правам человека государство было обязано не только обеспечить возможность судебной защиты прав госпожи Айри, но и помочь устранить те причины (в данном случае — бедность), которые препятствовали пользованию этим правом. Таким образом, Ирландия была признана государством, нарушившим Конвенцию за необеспечение права эффективной судебной защиты лица, не имеющего достаточно средств к существованию. См. также: Арбузов С. Ю. Конституционно-правовые основы формирования социального государства в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2014. С. 271–287.

⁴ Европейский Суд по правам человека. Избранные решения : в 2 т. Т. 1 / председатель редакционной коллегии В.А. Туманов. М. : Норма, 2001.

кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом (ч. 1 ст. 39); право на жилище (ст. 40); право на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41), право на образование (ст. 43) и другие гарантии социального обеспечения.

Однако конституционное закрепление социальных прав человека и гражданина одно, а их реализация — другое. Для претворения в жизнь социальных прав необходимо создать экономические, политические, социальные и другие условия их осуществления. Причем обязанность социального государства по созданию экономических предпосылок является необходимым условием для реализации любых прав человека и гражданина. Вместе с тем социальные права человека отличаются от гражданских (личных) и политических прав с точки зрения роли и значения государства в вопросе их обеспечения и защиты в широком смысле. Личные и политические права человека не присуждаются государством, а предоставляются человеку по рождению. Государство обязано обеспечить их реализацию и воздержаться от вмешательства⁵.

Социальные права имеют иной характер. Их концепция и практическая реализация во всей системе прав человека более уязвимые и требуют постоянной и целенаправленной заботы государства. Поэтому закрепленная Конституцией Российской Федерации (ст. 7) характеристика «социального государства» не формальная норма, а предполагает истинное стремление к созданию основанных на праве соответствующих структур, целью которых будет являться обеспечение достойной жизни для каждого гражданина. Вследствие этого, для претворения в жизнь закрепленных Конституцией норм Российская Федерация пытается сделать определенным содержание своей деятельности и постепенное удовлетворение экономических и социальных нужд своих граждан переместить на правовую основу. Оно протекает в направлении увеличения минимального размера заработной платы и пенсий, реализации федеральных программ и проектов по преодолению бедности, повышения уровня рождаемости, индексаций пенсий и иных социальных выплат и других мероприятий.

В юридической литературе отмечается, что право на достойное существование представляет собой основу всех прав и свобод, поскольку жизнь может быть достойной только в том случае, если созданы условия, которые обеспечивают их реализацию и защиту⁶. «Данное право выходит за пределы концепции социального государства. Его приоритетное место в систе-

---

⁵ Иваненко В.А. Социальные права человека и их закрепление в конституциях государств участников Содружества Независимых Государств : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2000. С. 12.

⁶ Комментарий к Конституции Российской Федерации / отв. ред. В.В. Лазарев. 2-е изд. М. : Спарк, 2002. С. 11.

ме прав и свобод не нарушает конституционного принципа равенства прав и свобод»⁷, с чем сложно согласиться.

Учитывая изложенное, можно предположить, что без активной и целенаправленной деятельности государства социальные права индивида, в отличие от личных (гражданских) и политических, не могут в полной мере быть реализованы и защищены. Указанная гипотеза приводит к единственно верному умозаключению, согласно которому социальные права индивида можно рассматривать в качестве своего рода притязаний к современному государству в признании его обязанности защитить человека в контексте обеспечения достойной жизни, в решении вопросов социального благополучия и духовного развития⁸.

По мнению некоторых авторов, достойная жизнь и свободное развитие в правовом социальном государстве гарантируются каждому. Такие гарантии не могут быть поставлены в зависимость от способности индивида участвовать в общественном производстве, иметь возможность трудиться и обеспечивать себя и свою семью минимальным для жизни доходом. Иными словами, незащищенные лица (дети, пожилые и престарелые граждане, инвалиды, безработные, многодетные и др.) вправе рассчитывать на получение от государства соответствующей помощи и материальной поддержки, которая может оказываться в денежной (пенсии, пособия, компенсации и др.) и натуральной (социальное обслуживание, государственная социальная помощь и др.) формах⁹.

Отсутствие единого подхода к определению места права на достойную жизнь в системе конституционных прав и свобод человека приводит к высказываниям различных мнений в отношении однозначного понимания его природы. Сложности возникают также на практике, поскольку у Конституционного Суда Российской Федерации до сих пор не сформирована единая правовая позиция по данному вопросу.

В Российской Федерации в течение последних трех десятилетий активно формируется законодательство, регламентирующее сложные и разнообразные вопросы социальной защиты разных групп населения. Однако нет гармонии между требованиями норм принятых правовых актов и реальным состоянием населения.

Вместе с этим, как и в любом другом государстве, в России бедность характеризуется разными специфическими чертами. Она зависит от территориальных, половозрастных, сезонных условий, от количества членов семьи,

⁷ Там же. С. 11–12.

⁸ Лепихов М. Социальное государство и правовое регулирование социальной защиты населения // Право и жизнь. 2000. № 31. С. 42.

⁹ Невинский В.В. Право человека на достойную жизнь в системе конституционных ценностей России (не взятый рубеж постсоветской истории) // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 12. С. 90.

уровня социального происхождения и образования, наличия более уязвимых групп и других факторов.

Несмотря на огромные усилия государства по обеспечению реализации социально-экономических прав человека, в России пока еще довольно большое число безработных¹⁰ и, как следствие — высокий удельный вес необеспеченной части населения. Если в июне 2008 г. в России численность граждан, имеющих статус безработных, составляла 1331,5 тыс. человек, то в июне 2018 г. — 3 543 тыс. человек. По данным Федеральной службы по труду и занятости, в России численность безработных, зарегистрированных в государственных учреждениях службы, в 2017 г. составляла 776,0 тыс.; уровень занятости женщин составил 35 034 тыс.; занятость мужчин — 37 108 тыс.

Нельзя не отметить — что вызывает беспокойство — тот факт, что, по сравнению с 2000 г., более чем на 7% (с 13,3 до 20,6%) увеличилось число безработных лиц, имеющих высшее образование¹¹.

При этом Россия по объему государственного финансирования образования существенно сократила отставание от стран с высоким жизненным уровнем. Так, по данным Федерального казначейства, в 2017 г. расходы на образование составили 17,1% (в 2007 г. — 23,6%) от всех расходов консолидированного бюджета России на социально-культурные мероприятия в 2017 г. В то же время расходы на прикладные научные исследования в области национальной экономики в России в 2017 г. составили 0,41% ВВП (0,2% — в 2007 г.). Для сравнения отметим, что уже в 2000 г. выделяемый образованию всемирный средний ВВП составлял соответственно 3,4 и 0,54%, для стран с низким и средним жизненным уровнями соответственно — 3,0 и 0,47%, для стран Европы и Центральной Азии — 5,0 и 0,92%, а для развитых стран — 5,0 и 0,91%¹².

---

¹⁰ Так, по итогам обследования в январе 2019 г. численность рабочей силы в России составила 74,9 млн человек, или 51%, от общей численности населения страны, в их числе 71,2 млн человек были заняты в экономике и 3,7 млн человек не имели занятия, но активно его искали (в соответствии с методологией Международной организации труда они классифицируются как безработные). В 2018 году в общей численности занятого населения 31,9 млн человек, или 45,8%, составляли штатные (без учета совместителей) работники организаций, не относящихся к субъектам малого предпринимательства. На условиях совместительства и по договорам гражданско-правового характера для работы в этих организациях привлекалось еще 1,3 млн человек (в эквиваленте полной занятости). Число замещенных рабочих мест работниками списочного состава, совместителями и лицами, выполнявшими работы по договорам гражданско-правового характера, в организациях (без субъектов малого предпринимательства) в 2018 г. составило 33,2 млн человек и было больше, чем в 2017 г., на 459 тыс. человек, или на 1,4%. В 2018 году в общем количестве замещенных рабочих мест в организациях удельный вес рабочих мест внешних совместителей составлял 1,6%, лиц, выполнявших работы по гражданско-правовым договорам, — 2,5%.

¹¹ Салимова К. Педагогика народов мира: история и современность / К. Салимова, Н. Додде. М. : Педагогическое общество России, 2001.

¹² Трошкин Ю.В. Права человека: нарушения и защита прав человека и прессы. М. : Ось-89, 1997.

Вместе с этим социальные и демографические показатели России последних лет свидетельствуют, что в стране растет численность родившихся¹³, учеников общеобразовательных учреждений, число больничных коек, численность врачей.

В сфере социальной политики России, кроме изложенного, существуют и другие проблемы, которые в условиях напряженной борьбы за труд, ресурсы, материальные и иные блага требуют актуального разрешения. Указанное вытекает из конституционной обязанности российского государства (ст. 7) обеспечить достойную жизнь и свободное развитие человека.

В сфере социальной политики Российской Федерации, кроме изложенного, существуют и другие недостатки и задачи, которые требуют актуального решения. Для реализации социальной защищенности населения и социальных прав человека и обеспечения достойного жизненного уровня в первую очередь должен обеспечиваться продолжающийся экономический рост. А что понимать под достойным жизненным уровнем или достойной жизнью человека? Современное право не дает однозначного ответа на эти вопросы.

Под «*достойной жизнью человека*» понимают «...достойную человека материальную обеспеченность на уровне стандартов развитого общества, возможность обладать и пользоваться материальными и социальными благами современной цивилизации, включая жилище и медицинское обслуживание, личную безопасность и социальное обеспечение, доступ к ценностям культуры и т.п. Достойная жизнь предполагает и свободное развитие человека, его физическое, умственное и нравственное совершенствование»¹⁴.

В этой связи на передний план выдвигается решение вопроса о повышении качества профессионального образования населения и его соответствии требованиям современной экономики и общества, являющегося одним из существенных факторов обеспечения экономического роста любого государства.

Процесс развития мировой экономики последних лет дает основание предполагать, что образовательный уровень человеческих ресурсов на рынке труда очень часто предопределяет и будет предопределять прогресс экономического развития той или иной страны. Поэтому роль государства как единственного института, руководствующегося исключительно публичными интересами в решении данных задач, становится более важной.

¹³ В этой связи следует отметить, что за последние годы в Российской Федерации наблюдается тенденция прироста родившихся малышей. Так, если численность родившихся за 2000 г. составляла 1 266 800 малышей, то в 2017 г. — 1 690 307. Соответственно, за указанное время прирост составил 423 507 малышей. К сожалению, естественного прироста нет, наоборот, наблюдается естественная убыль (–0,9).

¹⁴ Николаев Г.А. Социальное государство в России: декларация или норма закона // Социальное государство: концепция и сущность. М., 2004. С. 56.

Бесспорно, XXI век характеризуется стремительными социально-экономическими изменениями, в значительной мере обусловленными колоссальными достижениями в сфере науки и инновационных технологий. В современном обществе знания, накопленные в сфере различных наук, в том числе гуманитарных, и их эффективное применение являются важными инструментами для реализации человеческого потенциала, стабильности и социальной гармонизации общества, его социально-экономического развития, а также для повышения конкурентоспособности и улучшения качества жизнедеятельности людей. За последние два-три десятилетия стало очевидно, что уже недостаточно начального и даже среднего образования. «Наступило время “непрерывного образования”, которое называют иногда и “пожизненным”, то есть на протяжении всей жизни человека»¹⁵.

При этом, как справедливо писал профессор В.В. Невинский, достойный уровень существования человека предполагает своим ориентиром высокотехнологичный потенциал производственной деятельности человека, рациональное использование природных ресурсов с целью получения устойчивых доходов, распределение и перераспределение доходов на основе принципа социальной справедливости, не допускающего чрезмерно контрастное социальное различие между богатством одних и бедностью других¹⁶.

Обобщая сказанное, можно предположить, что единственный путь обеспечения достойной жизни человека в условиях глобализации и строительства социального государства заключается в разработке таких принципов взаимоотношений между государством и гражданином, которые смогут гарантировать самостоятельную реализацию индивидом своих социальных прав, сплотить все общество, устранить его крайнюю поляризацию, обеспечить социальную устойчивость и справедливость.

Балаян Э.Ю.,

доцент кафедры государственного и административного права
Кемеровского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Кемерово)

Литература

1. Авакьян С.А. Конституция как символ эпохи // Авакьян С.А. Размышления конституционалиста : избранные статьи / С.А. Авакьян. Москва : Изд-во Московского университета, 2010.

---

¹⁵ Салимова К. Указ. соч. С. 11.

¹⁶ Невинский В.В. Право человека на достойную жизнь в системе конституционных ценностей России (не взятый рубеж постсоветской истории) // Там же. С. 61.

2. Антонова Н.В. Социальные функции государства: новые векторы развития / Н.В. Антонова, О.Ю. Еремина // Журнал российского права. 2020. № 12.
3. Арбузов С.Ю. Конституционно-правовые основы формирования социального государства в Российской Федерации : автореферат диссертации кандидата юридических наук / С.Ю. Арбузов. Санкт-Петербург, 2014.
4. Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. В 2 томах. Т. 1 / председатель редакционной коллегии В.А. Туманов. Москва : Норма, 2001.
5. Иваненко В.А. Социальные права человека и их закрепление в конституциях государств участников Содружества Независимых Государств : автореферат диссертации доктора юридических наук / В.А. Иваненко. СПб., 2000.
6. Комментарий к Конституции Российской Федерации / ответственный редактор В.В. Лазарев. 2-е изд. Москва : Спарк, 2002.
7. Лепихов М. Социальное государство и правовое регулирование социальной защиты населения / М. Лепихов // Право и жизнь. 2000. № 31.
8. Невинский В.В. Право человека на достойную жизнь в системе конституционных ценностей России (не взятый рубеж постсоветской истории) / В.В. Невинский // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 12.
9. Николаев Г.А. Социальное государство в России: декларация или норма закона // Социальное государство: концепция и сущность. М., 2004.
10. Салимова К. Педагогика народов мира : история и современность / К. Салимова, Н. Додде. Москва : Педагогическое общество России, 2001.
11. Трошкин Ю.В. Права человека: нарушения и защита прав человека и прессы / Ю.В. Трошкин. Москва : Ось-89, 1997.

ПРОБЛЕМА «АНТИКОВИДНЫХ» ОГРАНИЧЕНИЙ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН В ПРАКТИКЕ ЗАРУБЕЖНЫХ ОРГАНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ

В конце 2019 г. мировое сообщество столкнулось с необходимостью поиска способов разрешения глобальной проблемы, связанной с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19), являющейся источником смертельно опасного заболевания, передаваемого воздушно-капельным путем. 30 января 2020 г. Всемирная организация здравоохранения присвоила эпидемиологической ситуации, связанной со вспышкой этой инфекции, статус чрезвычайной ситуации международного значения, а 11 марта того же года — признала за ней характер пандемии — наиболее опасной формы эпидемии, распространяющейся в мировом масштабе, в условиях отсутствия у подавляющего большинства людей иммунитета к этой инфекции.

В соответствии с Рекомендацией Всемирной организации здравоохранения от 19 марта 2020 г. по помещению людей в карантин в контексте сдерживания вспышки коронавирусной болезни (COVID-19) основным средством противодействия распространению инфекции является ограничение контактов между людьми с целью снижения скорости передачи вируса от человека к человеку, для чего должны быть приняты меры по ограничению передвижения или отделению людей, которые могли быть подвержены воздействию инфекции, от остальной части населения.

Сложившаяся экстраординарная ситуация вынудила власти более 90 государств ввести на своей территории особые правоограничительные режимы, получившие название 'lockdown'. Данные режимы имели различные правовые основания, характер и объем применяемых правоограничений были обусловлены остротой возникшей ситуации¹.

В Европе 9 государств ввели на своей территории правовой режим чрезвычайного положения в соответствии с требованиями национальных конституций и специальных законов (Болгария, Чехия, Финляндия, Эстония, Венгрия, Люксембург, Португалия, Румыния, Испания). Некоторые государства ввели режим чрезвычайной ситуации, основываясь на положениях законов, допускающих подобный временный правоограничительный режим (Франция, Италия, Германия, Латвия, Словакия).

Наконец, 14 европейских государств ввели комплекс ограничений конституционных прав и свобод граждан вне какого-либо официально призна-

---

¹ См.: Романовский Г.Б. 2019-нCOV как гибридная угроза системе прав человека // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 7. С. 34–38.

ваемого национальным законодательством общего правового режима (Австрия, Бельгия, Хорватия, Кипр, Дания, Греция, Ирландия, Литва, Мальта, Нидерланды, Польша, Словения, Швеция, Великобритания). Венецианская комиссия «За демократию через право» в своем промежуточном докладе от 8 октября 2020 г. «О мерах, предпринятых в государствах — членах Европейского союза в результате кризиса, обусловленного COVID-19, и их влиянии на демократию, верховенство права и основные права» отмечала, что подобный подход означает по сути введение «чрезвычайного положения *de facto*», в то время как более предпочтительно «чрезвычайное положение *de jure*» по причине его большей определенности, а также в силу наличия гарантий от злоупотребления властью.

Отметим, что лишь некоторые государства — члены Совета Европы воспользовались своим правом на отступление от обязательств в сфере прав и свобод человека в связи с возникшей ситуацией в соответствии с положениями ст. 15 Конвенции о защите прав человека и основных свобод: Албания, Армения, Эстония, Грузия, Латвия, Северная Македония, Молдова, Румыния, Сан-Марино и Сербия. К осени 2020 г. все эти государства, за исключением Грузии и Сербии, отозвали свои заявления.

Решения о введении чрезвычайного положения, чрезвычайной ситуации или иного правоограничительного режима, направленного на противодействие распространению инфекции COVID-19, неоднократно становились предметом рассмотрения национальных органов конституционного правосудия, в том числе в связи с обращениями физических и юридических лиц. В практике этих органов наметилось два противоположных подхода.

Первый связан с тем, что орган конституционного правосудия ограничительно интерпретирует свои полномочия, полагая, что не могут быть предметом судебного конституционного контроля основания для введения соответствующего правоограничительного режима. Иное означало бы неизбежное и крайне нежелательное вторжение этого органа в сферу политической дискреции властей данного государства. Так, в решении от 22 апреля 2020 г. № Pl. ÚS 8/20 Конституционный Суд Чехии указал, что объявление чрезвычайного положения является актом управления и не подлежит судебной проверке, в то время как его политическая оценка возможна со стороны парламента. Но данное решение все же «может быть отменено Конституционным Судом в случае противоречия основным принципам демократического правового государства или изменения основ демократического правового государства»².

² Здесь и далее данные о решениях органов конституционного правосудия зарубежных стран приводятся по: Ограничение свободы передвижения в контексте пандемии COVID-19. Зарубежная практика конституционного контроля. URL: [http://www.ksrf.ru/ru/Info/External/ComparativeOverview/Documents/8/COVID%20\(ограничения%20передвижения\)%202020.pdf](http://www.ksrf.ru/ru/Info/External/ComparativeOverview/Documents/8/COVID%20(ограничения%20передвижения)%202020.pdf) (дата обращения: 31.10.2021).

Иной подход продемонстрировал Конституционный Суд Сербии. В решении от 22 мая 2020 г. он счел возможным проверить условия введения правоограничительного режима и пришел к выводу, что пандемия COVID-19 вполне может рассматриваться в качестве «общественной опасности, угрожающей выживанию граждан и государства», что в соответствии со ст. 200 Конституции Республики Сербия 2006 г. является основанием для введения чрезвычайного положения.

Что касается самих правоограничительных мер, применяемых с целью предупреждения распространения инфекции, то их система, как правило, включает в себя:

— временное приостановление деятельности организаций, обеспечивающих одновременное предоставление услуг большому количеству людей (например, ночных клубов, развлекательных центров и др.);

— временный запрет или ограничение на предоставление определенных социальных услуг³ (например, общественного питания);

— обеспечение *режима самоизоляции* для всех или определенных категорий граждан, в том числе вернувшихся из зарубежных поездок, что предполагает запрет для них покидать место жительства или место пребывания, кроме случаев: обращения за экстренной (неотложной) медицинской помощью и наличия иной прямой угрозы жизни и здоровью; следования к месту (от места) осуществления трудовой деятельности (работы), за исключением работников, которые переведены на дистанционный режим работы, находятся в отпуске или в отношении которых оформлен листок нетрудоспособности; следования к ближайшему месту приобретения товаров, работ, услуг; выгула домашних животных; выноса отходов до ближайшего места их накопления;

— соблюдение дистанции от других граждан (не менее 1,5 м), в том числе в общественных местах и общественном транспорте (*социальное дистанцирование*);

— обязательное использование гражданами индивидуальных средств защиты, в том числе в общественных местах и общественном транспорте (маски, перчатки и др.);

— специальный режим допуска и нахождения в зданиях, строениях, сооружениях (помещениях в них) на соответствующей территории;

— особый режим работы транспортных средств, а также перемещений граждан в пределах населенных пунктов при наличии специальных разрешительных документов, в том числе цифровых пропусков;

— перевод существенного количества работников на дистанционный режим работы;

---

³ См.: Субанова Е.В., Шелковникова Е.Д. Разрешительная деятельность в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19) // Административное право и процесс. 2020. № 8. С. 56–62.

— дистанционный порядок предоставления образовательных услуг⁴ и др.

Набор применяемых мер изменялся в зависимости от санитарно-эпидемиологической ситуации в конкретном регионе.

Данные меры в разное время становились предметом проверки национальных органов конституционного правосудия, в том числе в связи с обращениями физических лиц. Отметим, что некоторые из этих органов заняли весьма активную позицию в деле защиты прав и свобод граждан.

Конституционный Суд Боснии и Герцеговины в решении от 22 апреля 2020 г. сформулировал правовую позицию о том, что ограничения прав и свобод в условиях пандемии должны быть пропорциональными и соразмерными преследуемой законной цели. Исходя из этих критериев, суд признал неконституционными ограничения на свободу передвижения, введенные для граждан моложе 18 и старше 65 лет. Суд установил срок в 5 дней для изменения данного регулирования.

Конституционный Суд Черногории в решении от 23 июля 2020 г. признал неконституционной норму о публикации в открытом доступе перечня имен (с указанием адреса) лиц, находящихся на самоизоляции в связи с подозрением на COVID-19 или имеющих подтвержденный диагноз. При этом Суд сослался на нормы не только национальной Конституции, но и на положения ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, полагая, что они также находятся под конституционной защитой.

Конституционный Суд Австрии определением от 14 июля 2020 г. признал неконституционным введенный федеральным министром здравоохранения тотальный запрет на посещение общественных мест. Суд отметил непропорциональность этого запрета и необходимость более гибкого, дифференцированного подхода при ограничении конституционной свободы передвижения.

Большой общественный резонанс вызвало Определение Конституционного Суда Испании от 30 апреля 2020 г. № 40/2020, принятое по жалобе профсоюза на отказ местных властей согласовать проведение первомайской демонстрации в силу объявленного «состояния угрозы». Суд отметил правомерность принятого решения с учетом того, что организаторами праздничного шествия не принято достаточных мер безопасности, что влечет за собой угрозу заражения большого количества людей, а также возможность возникновения на улицах помех для своевременной доставки больных в медицинские стационары машинами скорой помощи.

Интересный аспект рассматриваемой проблемы был затронут в Постановлении Конституционного Суда Португалии от 31 июля 2020 г. № 424/2020.

⁴ См.: Сергеев Ю.Д., Калецкий Е.Г., Павлова Ю.В. Правовые основы реализации дистанционных образовательных технологий в условиях распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации // Медицинское право. 2020. № 4. С. 3–8.

В автономной области Азорские острова резолюциями областного правительства от 19 и 27 марта 2020 г. были введены некоторые правоограничительные меры для жителей этого региона Португалии, в том числе принудительная двухнедельная изоляция в гостинице лиц, прибывающих авиарейсами на территорию автономной области. В Конституционный суд обратился житель Азорских островов, который по возвращении с материка был доставлен в отведенный для этой цели отель с запрещением покидать свой номер и лично общаться с родственниками и прочими лицами. Заявитель указывал, что он не имел симптомов заражения и обеспечение условий его содержания в отеле было недостаточным. Конституционный суд прежде всего указал, что применение правоограничительных мер относится к исключительной компетенции общегосударственных органов и соответствующие полномочия не были делегированы властям автономной области. Кроме того, на Азорских островах данные меры применялись по решению областных органов власти даже тогда, когда они уже утратили силу в общегосударственном масштабе. Таким образом, власти автономной области фактически продлили их действие на своей территории без специального уполномочия общенациональных органов, что противоречит Конституции Португалии 1976 г.

Правовые позиции органов конституционного правосудия послужили важным ориентиром для оценки нормативных правовых актов, касающихся «антиковидных» ограничений прав и свобод граждан, и стимулом для их дальнейшего совершенствования.

Брежнев О.В.,

профессор Курской академии государственной и муниципальной службы,
доктор юридических наук
(г. Курск)

Литература

1. Романовский Г.Б. 2019-nCOV как гибридная угроза системе прав человека / Г.Б. Романовский // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 7.
2. Сергеев Ю.Д. Правовые основы реализации дистанционных образовательных технологий в условиях распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации / Ю.Д. Сергеев, Е.Г. Калецкий, Ю.В. Павлова // Медицинское право. 2020. № 4.
3. Субанова Е.В. Разрешительная деятельность в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19) / Е.В. Субанова, Е.Д. Шелковникова // Административное право и процесс. 2020. № 8.

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БЛАГОПОЛУЧИЯ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ НОВОЙ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ

Содержание понятия «благополучие» нормативно в правовом пространстве Российской Федерации не раскрыто. При этом в преамбуле Конституции Российской Федерации в качестве цели провозглашает обеспечение благополучия нынешнего и будущих поколений. Как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации (например, постановления от 16 декабря 1997 г. № 20-П, от 29 июня 2021 г. № 30-П), закрепленные в развитии таких положений в качестве основ конституционного строя Российской Федерации принципы социального и правового государства возлагают на государство ответственность по обеспечению благополучия и процветания страны, по созданию условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Таким образом, с учетом изложенного в контексте реализации принципа приоритета прав и свобод человека и гражданина, проистекающего из требований ст. 2 Конституции Российской Федерации, благополучие населения в правовом плане предполагает наличие реального механизма по реализации как имущественных, так и неимущественных прав человека и гражданина.

Исходя из информации, находящейся в открытом доступе на официальном сайте Всемирной организации здравоохранения в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, 12 марта 2020 г. Всемирная организация здравоохранения объявила о начале пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Распространение данного заболевания оказало влияние практически на каждое государство планеты, на все сферы человеческой жизни, на содержание и качество взаимоотношений субъектов права. В поисках способов преодоления ограничений, введенных в целях недопущения хаотичного распространения новой коронавирусной инфекции, мировое сообщество сосредоточилось на проведении кампании по вакцинации населения. Между тем те проблемы, с которыми сталкиваются соответствующие мероприятия, объективно оказывают негативное влияние не столько на повышение благополучия населения, но даже и на восстановление его прежнего уровня. При таких обстоятельствах актуальной становится проблема преодоления ограничений, вызванных пандемией новой коронавирусной инфекции, в контексте необходимости непрерывной и постоянной реализации принципа приоритета прав и свобод человека и гражданина, закрепленного ст. 2 Конституции Российской Федерации.

Вопрос обеспечения благополучия населения в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции является междисциплинарным. Данное обстоятельство обусловлено тем, что при его изучении требуется исследование не только сугубо правовых категорий, но и понятий, имеющих свои корни вне юридических наук. Отправной точкой в раскрытии исследуемой проблемы становятся положения ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации, предусматривающие, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Указанное свидетельствует о том, что пределы реализации прав и свобод человека и гражданина не являются абсолютными, а ограничиваются правами и свободами иных лиц. Вместе с тем фактическая реализация такого подхода происходит через общественное сознание.

Общественное сознание есть продукт развития человечества. Несмотря на то что данный институт стал предметом научных исследований не ранее XIX в., уже в эпоху древнего времени он оказывал влияние на становление государственности и развитие отдельных ее составляющих. Существуют различные формы общественного сознания, посредством которых люди осознают окружающий мир. Это политическое, моральное (нравственное), национальное, эстетическое, религиозное сознание. К формам общественного сознания относится и правосознание, которое существует «до» создания норм права, «после» и «параллельно» с правом. Правосознание — многомерное понятие, представляющее собой амальгаму практик и ценностей, содержательным центром которых является право. Правосознание — это результат действия разнообразных сил (социальных, экономических, политических, интеллектуальных), каждая из которых в то или иное время оказывается главенствующей¹.

Правовое сознание, как и правовая культура, является системообразующим элементом общественной системы. Это те составляющие, которые определяют уровень знаний и представлений людей о праве, правовой действительности, а также способность данные знания применять в общественной жизни и действовать в соответствии с законом. Стоит отметить, что уровень правосознания и правовой культуры российских граждан определяет дальнейшее развитие и прогресс как общества, так и государства, обеспечивает определенную степень его стабильности и безопасности. Участие государства в деятельности по повышению правосознания и правовой культуры гражданского общества является также значимым фактором, прежде всего в сфере правового и политического просвещения и в целом поддержки².

---

¹ Щепачев В.А. Конституционное правосознание как инструмент реализации положений Конституции РФ // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 5. С. 17.

² Склифус С.В. Правосознание и правовая культура гражданского общества как источник развития Российского государства // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 9. С. 13.

Для российской действительности правосознание и правовая культура являются объективно новыми понятиями. Указанное обстоятельство обусловливается тем, что советская государственность интересы человека ставила на самое последнее место. Социалистическая система не предполагала вовлечение человека в публичную власть, в связи с чем необходимых условий для становления и развития правовых сознания и культуры в Советском Союзе не было. Между тем формирование в результате перестроечных мероприятий второй половины 80-х гг. XX в. демократических институтов, развитие системы гарантий прав и свобод человека и гражданина предъявили к такому субъекту правоотношений требования об осознании содержания своего правового статуса и пределов его реализации.

Однако правосознание и правовая культура — это не те характеристики человека и гражданина, которые возникают одномоментно. Их формирование обусловливается и процессом воспитания в семье, и социализацией физического лица, происходящей в связи с его вовлечением в общество, и даже индивидуализацией. Уровень правосознания населения в определяющей степени зависит от эффективности деятельности органов публичной власти. В то же время деформация правосознания законодателя крайне губительна с точки зрения как оценивания качества принимаемых им нормативных актов, так и влияния на правосознание населения, по отношению к которому оно приобретает средообразующий характер. Удовлетворенность населения реализуемой в стране государственной политикой и в первую очередь состоянием социально-экономической сферы определяет в сознании народа уровень доверия к органам государственной власти и местного самоуправления, формирует правовые ценности и установки, связанные с исполнением закона, знание и уважение, понимание мира Конституции Российской Федерации, ощущение сопричастности себя государству, в целом отношение к государственно-правовой сфере, что, собственно, и формирует правосознание³.

Правосознание населения является ключевым элементом в развитии любых процессов, возникающих в той или иной сфере жизнедеятельности общества и государства⁴. В условиях пандемии коронавирусной инфекции и необходимости обеспечения каждому гарантированного Конституцией Российской Федерации права на охрану здоровья к числу таких процессов относятся меры, принимаемые государством в целях противодействия распространению указанного вирусного заболевания. При этом эффективность таких действий во многом зависит от уровня правосознания и правовой

³ Сисакьян А.К. Конституционные преобразования системы публичной власти и их влияние на формирование положительного конституционного правосознания // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 3. С. 14.

⁴ Авдеев Д.А. Конституционализация юридического мышления граждан как условие обеспечения прав человека // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 3. С. 20.

культуры, то есть фактически от уровня одобрения населением деятельности публичной власти. В этой связи следует рассмотреть обстоятельства, препятствующие качественной реализации всех мер, принимаемых государством в целях противодействия коронавирусной инфекции.

Первая проблема связана с работой средств массовой информации. Предусмотренный ст. 29 Конституции Российской Федерации запрет цензуры на практике приводит к абсолютной бесконтрольности информации, преподносимой указанными ресурсами потребителям. В результате с экранов телевизоров, страниц газет и журнал, сетевых изданий в информационно-телекоммуникационной сети Интернет до человека доводятся сведения, которые по большей части не имеют никакого доказательного подтверждения. В совокупности с крайне низким уровнем правового образования и преобладанием бытового подхода к анализу актуальных в настоящее время вопросов данная ситуация приводит к уменьшению уровня доверия к власти и дальнейшему углублению правового нигилизма, что в условиях реализации мер по противодействию коронавирусной инфекции имеет исключительно отрицательный эффект. При таких обстоятельствах в целях обеспечения права каждого на охрану здоровья в ходе пандемии оправданным представляется государственный контроль за содержанием сведений, транслируемых средствами массовой информации неопределенному кругу лиц.

Проблемой, препятствующей обеспечению благополучия населения в условиях пандемии коронавирусной инфекции, является и отсутствие полной системы гарантий реализации принимаемых государством мер. Обязанности так же, как и права, нуждаются в создании механизма, обеспечивающего условия для их исполнения. Между тем установление дополнительных требований (например, о применении средств индивидуальной защиты, ограничении свободы передвижения лиц пенсионного возраста, сдаче ПЦР-теста на COVID-19 при прибытии на территорию Российской Федерации и дальнейшем их размещении в ЕПГУ) и мер ответственности за их нарушение в отсутствие достаточного штата сотрудников государственных органов, контролирующих исполнение таких обязанностей, на практике привело к недостижению ожидаемого результата по противодействию распространению новой коронавирусной инфекции, что также не способствует повышению доверия населения к власти.

Проблемой является и недостаточный уровень правового образования населения, нередко находящий свое отражение в правовом нигилизме. Под последним традиционно понимают демонстрируемое явно или скрытно отрицательное отношение к праву в любых его проявлениях⁵. Данное явление российской правовой действительности есть не что иное, как след-

---

⁵ Касаева Т.Г. Правовой нигилизм в современной России // Российский судья. 2019. № 6. С. 53.

ствии существовавшего на протяжении всей российской истории порядка взаимоотношения государства и личности, при котором права публичной власти всегда превалировали над интересами последнего. При этом на сегодняшний день реальных механизмов оперативного преодоления правового нигилизма не существует даже в теории. Для окончательного становления правового государства как основы конституционного строя Российской Федерации необходимо обеспечить получение базового правового образования на уровне школ всеми обучающимися, а также предусмотреть систему мер по стимулированию активного участия граждан в осуществлении публичной власти.

Изложенное свидетельствует о том, что совершение государством действий, направленных на борьбу с коронавирусной инфекцией и противодействие ее распространению на территории Российской Федерации, без ответственного отношения каждого гражданина к реализации права на охрану здоровья не будет иметь должного эффекта. Динамичность современного мира ставит перед человеком объективно непосильную задачу — самостоятельно расширить глубину и разнообразие своих правосознания и правовой культуры в целях закрепления на уровне общественного сознания понимания того, что свобода усмотрения в реализации своих прав и свобод у человека заканчивается там, где начинается реализация прав и свобод других граждан.

Григорьев К.Е.,

судья Кондопожского городского суда Республики Карелия,
преподаватель кафедры государственного права Карельского филиала
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
(РАНХиГС)

при Президенте Российской Федерации
(Республика Карелия, г. Петрозаводск)

Литература

1. Авдеев Д.А. Конституционализация юридического мышления граждан как условие обеспечения прав человека / Д.А. Авдеев // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 3.
2. Касаева Т.Г. Правовой нигилизм в современной России / Т.Г. Касаева // Российский судья. 2019. № 6.
3. Сисакьян А.К. Конституционные преобразования системы публичной власти и их влияние на формирование положительного конституционного правосознания / А.К. Сисакьян // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 3.
4. Склифус С.В. Правосознание и правовая культура гражданского общества как источник развития Российского государства / С.В. Склифус // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 9.
5. Щепачев В.А. Конституционное правосознание как инструмент реализации положений Конституции РФ / В.А. Щепачев // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 5.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПАРЛАМЕНТСКИЙ КОНТРОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

В отечественном законодательстве отсутствует определение парламентского контроля, поэтому в настоящей статье под упомянутым контролем понимается система норм, регулирующая порядок проведения наблюдения и проверки в основной деятельности органов исполнительной власти, осуществляемых как представительным органом, так и его вспомогательными органами (Счетной палатой, Уполномоченным по правам человека) и направленных на оценку этой деятельности с возможным применением конституционных санкций (например, выражение недоверия Правительству).

Институт парламентского контроля, ранее урегулированный в регламентах палат парламента, получил свое развитие в новейшей истории России на законодательном уровне в начале 2000-х годов. Так, в конце 2008 г. в Конституцию Российской Федерации были внесены поправки, отражающие такую форму парламентского контроля, как заслушивание Государственной думой ежегодных отчетов Правительства Российской Федерации о результатах его деятельности, в том числе по вопросам, поставленным Государственной думой (п. «в» ч. 1 ст. 103 Конституции РФ). 7 мая 2013 года был принят Федеральный закон «О парламентском контроле». В 2020 году институт парламентского был поднят уже на конституционный уровень. В основной закон была включена новая ст. 103.1, согласно которой Совет Федерации, Государственная дума вправе осуществлять парламентский контроль, в том числе направлять парламентские запросы руководителям государственных органов и органов местного самоуправления по вопросам, входящим в компетенцию этих органов и должностных лиц. Кроме того, конституционные изменения затронули не только политические, но и духовно-культурные, социально-экономические основы общественного строя. Например, согласно подп. «е», «м» ч. 1 ст. 71 Конституции, в ведении Российской Федерации находится установление единых правовых основ системы здравоохранения, системы воспитания и образования, п. «ж» ч. 1 ст. 72 — в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся защита семьи, материнства, отцовства и детства; защита института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях. Наконец, в соответствии со ст. 75.1 Конституции в Российской Федерации создаются условия для взаимного доверия государства и общества.

На наш взгляд, немаловажную роль в реализации данных поправок должна играть Государственная дума как путем принятия законодательства, так и посредством осуществления парламентского контроля в качестве органа народного представительства. Не случайно в соответствии со ст. 2 Федерального закона от 7 мая 2013 г. «О парламентском контроле» основными целями парламентского контроля являются не только обеспечение соблюдения Конституции Российской Федерации и исполнения федерального законодательства; защита гарантированных Конституцией РФ прав и свобод человека и гражданина; укрепление законности и правопорядка и т.д., но и выявление ключевых проблем в деятельности государственных органов Российской Федерации, повышение эффективности системы государственного управления и привлечение внимания соответствующих государственных органов и должностных лиц к выявленным в ходе осуществления парламентского контроля недостаткам в целях их устранения.

В этой связи, опираясь на мировой опыт, следует выделить *общий (информационный и санкционирующий)* и *специальный* парламентский контроль¹.

Специальный контроль не носит ни информационный, ни санкционирующий характер, а представляет собой отдельную форму парламентского контроля, например, бюджетно-финансовый контроль (утверждение парламентом бюджета и контроль за его исполнением).

В рамках *общего парламентского контроля* следует выделить *санкционирующий (решающий) контроль*, который, как правило, направлен на выработку парламентом определенной позиции по тому или иному вопросу или принятие на основе полученной информации решения, например, в области внешней политики. Результатом осуществления такого контроля может явиться ратификация или денонсация международных договоров, включая возможность непосредственного применения санкций вплоть до выражения недоверия правительству. К общему парламентскому контролю относится и право парламента участвовать в назначении высших должностных лиц, в частности назначении на должность и освобождении от должности Председателя Счетной палаты Российской Федерации.

Для *информационного (консультативного) контроля* основными задачами являются прежде всего: выявление ключевых проблем в деятельности государственных органов Российской Федерации; повышение эффективности системы государственного управления: привлечение внимания соответствующих государственных органов, должностных лиц к выявленным в ходе осуществления парламентского контроля недостаткам в целях их устранения.

¹ Схожую классификацию форм парламентского контроля можно встретить как у зарубежных, так и российских исследователей, например: Г. Кляйн и В. Цее считают, что средства, которыми Бундестаг обладает при осуществлении контрольной деятельности, носят санкционирующий и информационный характер. См.: Государственное право Германии. Сокращенный перевод немецкого семитомного издания. Т. I. М., 1994. С. 158.

К информационному контролю относятся: получение информации от отдельных граждан, общественных объединений, тех или иных организаций и их представителей в виде обращений; запросы, а также вопросы депутатов членам правительства («правительственный час»); заслушивание и рассмотрение Федеральным собранием ежегодных отчетов и докладов органов государственной власти (например, правительства о результатах его деятельности); проведение совещаний на заседаниях комитетов и комиссий палат; парламентские расследования; заслушивание и рассмотрение отчетов о своей деятельности вспомогательных органов Федерального собрания (например, Счетной палаты); обсуждение полученной информации на заседаниях палат парламента.

Следует отметить, что из перечисленного выше в 2021 г. Государственной думой были задействованы преимущественно такие формы парламентского контроля, как работа с обращениями граждан в I квартале 2021 г., рассмотрение 12 мая 2021 г. отчета о результатах работы Правительства за 2020 г., «правительственный час». В большей мере они были посвящены социально-экономическим вопросам, что подчеркивает их особую значимость на сегодняшний день.

В I квартале 2021 г. наиболее популярными темами, с которыми граждане обращались в Государственную думу, являлись контроль качества и надзор в сфере образования, а также права и свободы человека и гражданина. Так, 28,8% обращений граждан поступило по разделу тематического классификатора «Социальная сфера», из них максимальное количество писем направлено по теме «Образование. Наука. Культура». В обращениях содержались просьбы отклонить (5,6 тыс. обращений) законопроект № 957354-7 «О внесении поправок в Федеральный закон “Об образовании” в части определения полномочий по установлению порядка применения электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ». По мнению граждан, «недопустимо рассмотрение данного законопроекта без широкого обсуждения с учителями и родителями». Заявители просили вернуть в дошкольные, общеобразовательные, профессиональные образовательные организации, организации дополнительного образования и вузы форму очного обучения и провести широкомасштабные исследования и анализ данных о вреде работы за компьютером для здоровья школьников. По теме «Социальное обеспечение и социальное страхование» поступило 0,3 тыс. обращений, в которых граждане просили внести в законопроект № 1079336-7 «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственной социальной помощи” в части совершенствования единой государственной информационной системы социального обеспечения» поправку о возможности выбора способа обработки данных, а именно оставить традиционный способ, без присвоения электронных идентифика-

Рисунок 1

торов личности, и возможности выбора способа получения социальных выплат наличными, без использования электронных платформ с обязательной регистрацией в ЕСИА. В случае принятия законопроекта «не все пенсионеры смогут воспользоваться такими изменениями в законе», — считают заявители (рис. 1)².

Основными темами отчета о результатах работы Правительства, представленного премьер-министром Михаилом Мишустинным, также стали социальная сфера, борьба с новой коронавирусной инфекцией, поддержка промышленности и предпринимательства, научно-технологическое развитие³. На заседании Государственной думы были отмечены подвиги в развитии Дальнего Востока и сельского хозяйства, однако была признана необходимость в обеспечении большего взаимодействия министерств с профильными комитетами Госдумы⁴. По результатам отчета председателем

² См.: Информационно-аналитический отчет по обращениям граждан за I квартал. Апрель 2021 г. / Управление по работе с обращениями граждан Аппарата Государственной Думы. URL: <http://duma.gov.ru/representative/letters/otchet/> (дата обращения: 29.11.2021).

³ См.: Работа Правительства // Правительство России. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/> (дата обращения: 29.11.2021).

⁴ См.: В Государственной Думе состоялся отчет Правительства // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru/news/51455/> (дата обращения: 29.11.2021).

правительства был утвержден перечень мероприятий, прежде всего направленных на выделение соответствующих денежных средств на специализированную и высокотехнологичную медицинскую помощь, помощь больным с коронавирусной инфекцией, обеспечение инвалидов техническими средствами реабилитации, а также совершенствование межбюджетной политики регионов⁵.

В ходе весенней сессии 2021 г. (11 января — 18 июля) социальная сфера в обращениях, поступивших в Государственную думу, все же опустилась по значимости на второе место, экономика на четвертое, а жилищно-коммунальная сфера на пятое (рис. 2)⁶.

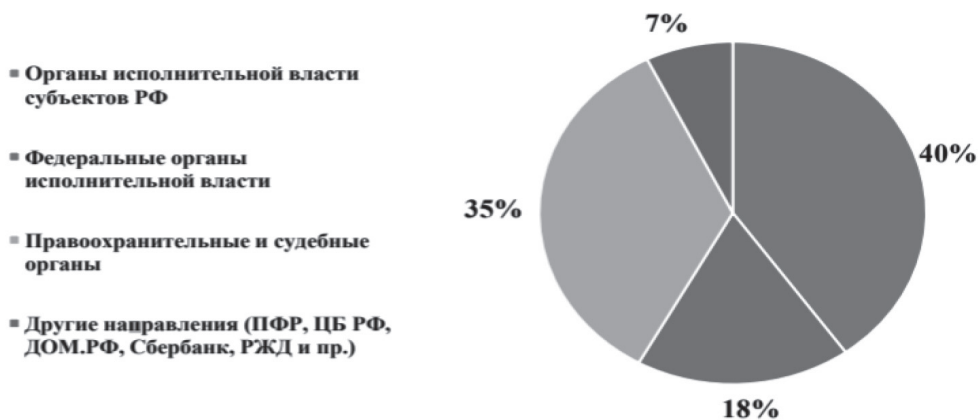
Рисунок 2

В результате рассмотрения поступивших обращений Управлением по работе с обращениями граждан Государственной думы 6,7 тыс. обращений было направлено по компетенциям следующих органов (рис. 3).

Однако «правительственный час» в рамках осенней сессии 2021 г. снова был посвящен социально-экономическим вопросам: о готовности системы высшего образования к организации образовательного процесса в изменившихся условиях, об исполнении государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» в 2020 г. и планах по ее дальнейшей реализации в 2021 г., состоянии законности в

⁵ См.: Работа Правительства // Правительство России. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/> (дата обращения: 29.11.2021).

⁶ См.: Сведения об обращениях граждан, поступивших в Государственную Думу за весеннюю сессию 2021 г. (11 января — 18 июля) // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru/representative/letters/session/> (дата обращения: 29.11.2021).

Рисунок 3

Российской Федерации и соблюдении социальных гарантий и прав граждан и др.⁷, что свидетельствует о том, что данные проблемы по-прежнему остаются острыми и не получили своего разрешения. Как представляется, этому должно способствовать укрепление двухсторонних связей не только между народом и органом народного представительства, но и между Федеральным Собранием и правительством в том числе путем развития информационного парламентского контроля. В свою очередь, это может привести к возникновению предпосылок для реализации положений ст. 75.1 Конституции, в соответствии с которой в Российской Федерации создаются условия для взаимного доверия государства и общества, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность.

Коврякова Е.В.,

советник юстиции 1-го класса,
доцент, кандидат юридических наук
(г. Москва)

Литература

1. Государственное право Германии. Сокращенный перевод немецкого семитомного издания. В 2 томах / Б.М. Лазарев, Ю.П. Урьяс ; ответственный редактор Б.Н. Топорнин. Т. 1 / Н. Ахтенберг [и др.] ; перевод Ю.П. Урьяс [и др.]. Москва : ИГПАН, 1994.

⁷ См.: Правительственный час // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. URL: https://sozd.duma.gov.ru/planning_document/16810B24-33C8-4CD1-B5BF-CCE02EF7EC3E (дата обращения: 29.11.2021).

Достоинство пациентов и биосоциальное благополучие в правовой социологии биомедицины

Отношение государства к регулированию достоинства пациента (в медико-социальном и правовом аспектах) является важным индикатором состояния системы законодательства о здравоохранении и показателем включенности правовых, медико-социальных, экзистенциальных аспектов в формирование уважительного отношения к пациенту и в итоге может рассматриваться как необходимый этап в продвижении биоэтического благополучия.

Слова «достоинство пациента» ассоциативно связаны с представлением о том, что пациент достоин чести и уважения. Этот изначальный дискурс не только важен для понимания прав пациента и государственной политики в сфере репродуктивного здравоохранения, он требует отражения в нормативных регуляторах, в применении медицинских технологий, при осуществлении профессиональной медицинской коммуникации с пациентом.

Достоинство пациентов предполагает определенное видение *проблемы человеческого достоинства в медицинском измерении*. Такое измерение включает в одинаковой степени и *соматическое*, и *ментальное здоровье*. Джонатан Манн отмечает неясность взаимосвязей здоровья и достоинства личности. Он пишет, что «с точки зрения здоровья и прав человека возможные связи между достоинством и здоровьем одновременно сложны, интуитивно сильны и трудны для оценки»¹. Возможно, нам поможет взаимоприемлемое определение достоинства и здоровья. Согласно Уставу ВОЗ, среди изложенных в преамбуле принципов, которых твердо придерживается Всемирная организация здравоохранения, есть легальное, однако проблематичное определение термина «здоровье»: «Здоровье является состоянием полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствием болезней и физических дефектов»². Точного определения достоинства по отношению к этике здравоохранения, очевидно, нет или, как говорят Эндрю Эдгар и Леннарт Норденфельт, точное значение слова «достоинство»... «вызывает множество споров»³. Грейс Кеннеди, отмечая важность достоинства пациентов для клинической медицины, утвержда-

---

¹ Mann J. Dignity and Health: The UDHR's Revolutionary, First Article // Health and Human Rights. 1998. Vol. 3 (2). P. 32.

² Всемирная организация здравоохранения. Устав ВОЗ. URL: <https://www.who.int/ru/about/who-we-are/constitution> (дата обращения: 13.05.2021).

³ Edgar A., Nordenfelt L. Dignity of the Patient // In: Handbook of the Philosophy of Medicine. Springer : Springer Science + Business Media Dordrecht, 2015. P. 1. DOI 10.1007/978-94-017-8706-2_26-1

ет, что «гораздо труднее перевести это абстрактное понятие в клиническую практику»⁴.

Язык достоинства может иметь риторическую силу, его зачастую используют как пациенты и их защитники, так и медицинские работники для отстаивания взаимных прав и обязанностей (пациентов и врачей). Термин «достоинство» приобретает особую значимость, когда обсуждаются вопросы медицинской этики и этического обращения с пациентами; важно, чтобы *достоинство* было *руководящим принципом* в медицинской деятельности. *Философия достоинства в сфере медицинской деятельности* касается нескольких взаимосвязанных проблем: 1) сохранения статуса уникального человека в ходе получения медицинской помощи и оказания медицинских услуг; 2) преодоления уязвимости собственной самооценки пациентом перед профессиональным давлением медицинских знаний врачей при выборе вспомогательных репродуктивных технологий или иных медицинских технологий; 3) достижения баланса между контролем неприкосновенности частной жизни пациента и необходимостью раскрытия персональных и иных личных данных в медицинском учреждении; 4) эффективного профессионального общения с пациентом для получения наибольшего положительного результата в поддержании и сохранении здоровья. *Достоинство как принцип в сфере охраны здоровья граждан* может положительно влиять на стандарты оказания медицинской помощи. Однако существует и обратная сторона медали под названием «достоинство». В дискуссиях о качестве и полноте оказания медицинской помощи, профессионализме врачей и эффективности используемых медицинских технологий *достоинство* может превращаться в *риторическое обоюдоострое оружие*, с одинаковой силой воздействующее как на практику отстаивания прав пациентов, так и на культивирование достижений современной медицины, биомедицины и медицинских технологий. Не всегда такое *риторическое оружие* способно достичь *положительных медицинских результатов*.

И здоровье, и достоинство являются комплексными понятиями, которые апеллируют к различным формам социальной справедливости, так как достижение и того и другого в качестве общественного блага требует и обоснованных законодательных решений, и благоприятной государственной политики в области здравоохранения. Ричард Хортон в начале нового тысячелетия отмечал, что «для создания общества, в котором достоинство является важной социальной целью, необходима теория справедливости, в которой достоинство рассматривается как один из руководящих принципов»⁵. По мнению исследователей, пока такая теория не создана⁶; однако правовая

⁴ Kennedy G. The Importance of Patient Dignity in Care at the End of Life // The Ulster medical journal. 2016. Vol. 85 (1). P. 45.

⁵ Horton R. Rediscovering human dignity // The Lancet. 2004. Vol. 364 (9439). P. 1084. URL: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(04\)17065-7](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(04)17065-7)

⁶ Horton R. The Health of Peoples: Predicaments Facing a Reasoned Utopia // International Journal of Health Services. 2003. Vol. 33 (3). P. 543. URL: <https://doi.org/10.2190/N8MB-DV5B-TBAW-P1WB>

социология биомедицины может участвовать в продвижении человеческого достоинства в сферу принципов охраны здоровья человека в широком социальном контексте.

Исследования о достоинстве в здравоохранении занимают *четыре* ключевые ниши, которые взаимодействуют с философией и этикой, с одной стороны, с эмпирической практикой врачей и пациентов, с другой стороны. *Первое* научное направление формирует *этико-философское объяснение человеческого достоинства*: какая существует основа у достоинства и какие свойства (качества) достоинства имеют теоретическое значение и оказывают влияние на клиническую помощь и политику в области здравоохранения⁷. *Второе* направление — *эмпирические исследования*, содействующие выяснению значения достоинства в жизненном опыте пациентов и медицинских работников⁸. *Третье* направление — *практико-ориентированные работы*, в которых предлагается та или иная *стратегия уважения достоинства* в профессиональной медицинской практике, а также в структурах организаций и систем здравоохранения⁹. *Четвертое* направление — исследование *таксономии нарушений человеческого достоинства в сфере здравоохранения* (в результате грубости, безразличия, снисхождения, увольнения, игнорирования, зависимости, вторжения, объективации, ограничения, навешивания ярлыков, презрения, дискриминации, отвращения, презрения и отвержения, др.)¹⁰.

Появление международно-правовых документов универсального характера, в которых категория «достоинство» стала занимать ключевое место по отношению к человеческой личности и правам человека, шло рука об руку с внедрением достоинства в медицинскую деятельность, его интерпретацией в контексте обязанностей врача по отношению к своим пациентам и этики медицинских исследований. Наиболее важное упоминание о человеческом достоинстве во Всеобщей декларации прав человека Организации Объединенных Наций (1948 г.)¹¹ свидетельствует о признании достоинства в качестве основы универсального и равного морального статуса всех людей.

⁷ Human dignity and bioethics: Essays commissioned by the President's Council on Bioethics. Washington, DC, 2008.

⁸ Chochinov H.M., Hack T., McClement S., Kristjanson L., Harlos M. Dignity in the terminally ill: A developing empirical model // Social Science & Medicine. 2002. Vol. 54. P. 433–443; Chochinov H.M. Dignity-Conserving Care — A New Model for Palliative Care: Helping the Patient Feel Valued // JAMA. 2002. Vol. 287 (17). P. 2253–2260. DOI: 10.1001/jama.287.17.2253

⁹ Gallagher A., Li S., Wainwright P., Jones I. R., Lee D. Dignity in the care of older people: A review of the theoretical and empirical literature // BMC Nursing. 2008. Vol. 7. P. 11. URL: <https://doi.org/10.1186/1472-6955-7-11>; Jacobson N., Silva D.S. Dignity Promotion and Beneficence // Bioethical Inquiry. 2010. Vol. 7. P. 365. URL: <https://doi.org/10.1007/s11673-010-9258-y>

¹⁰ Jacobson N. Dignity Violation in Health Care // Qualitative Health Research. 2009. Vol. 19 (11). P. 1536–1547. DOI: 10.1177/1049732309349809; Jacobson N. A taxonomy of dignity: a grounded theory study // BMC International Health and Human Rights. 2009. Vol. 9 (3). URL: <https://doi.org/10.1186/1472-698X-9-3>

¹¹ «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства» (ст. 1). См.: Всеобщая декларация прав человека : принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 30.08.2021).

Всеобъемлющее признание и универсальный статус достоинства позволили ему расширить свою сферу распространения; оно стало проникать в документы, регламентирующие статус врача, пациента и медицинскую деятельность как на международном уровне, так и в РФ. В частности, Женевская декларация Всемирной медицинской ассоциации 1948 г. и Кодекс профессиональной этики врача Российской Федерации (принят I национальным съездом врачей Российской Федерации, г. Москва, 5 октября 2012 г.) закрепляют связь достоинства, врачебной деятельности и прав пациента. В международном обязательстве (клятве) врачей (ее содержит Женевская декларация, редакция 2006 г.) указано, что, «вступая в медицинское сообщество», врач добровольно решает посвятить себя нормам гуманности и клянется «практиковать мою профессию по совести и с достоинством» (в русском переводе «исполнять мой профессиональный долг по совести и с достоинством») (WMA. Declaration of Geneva 2006 г.)¹². Согласно ст. 1 кодекса, «миссия врача состоит в охране здоровья и глубоком уважении личности и достоинства человека» (НМП. Кодекс 2012)¹³. Тем не менее российское законодательство об охране здоровья граждан и нормы права в сфере репродуктивных технологий положений о достоинстве пациента или достоинстве человека не содержат.

Российская Федерация создала конституционную модель публичного участия в охране здоровья и оказании медицинской помощи. Согласно ч. 1 ст. 41 Конституции РФ, «[м]едицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений». Гарантий (специального характера) реализации права на репродуктивное здоровье и его охрану Конституция РФ не содержит.

Для понимания достоинства и потребностей его сохранения при применении новых медицинских и биотехнологий наиболее адекватной будет концепция, соединяющая философско-этические, психоаналитические и экзистенциальные аспекты, ориентированные на продолжение рода человеческого. Такой подход может быть охарактеризован как *медико-экзистенциальное* понимание *достоинства пациента*. В качестве предложения корректировки действующего законодательства об основах здоровья граждан следует рассматривать возможность расширения основных принципов охраны здоровья граждан в России: в частности, целесообразно включить в число таких принципов (ст. 4 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. (в ред. от 22.12.2020) № 323-ФЗ «Об основах здоровья граждан в Российской Федерации») «приоритет уважения и охраны достоинства пациента при оказании

¹² WMA. Declaration of Geneva, 2006. URL: <https://www.wma.net/what-we-do/medical-ethics/declaration-of-geneva/> (дата обращения: 30.05.2021).

¹³ НМП. Национальная медицинская палата. Кодекс профессиональной этики врача Российской Федерации. 2012. URL: <https://nacmedpalata.ru/?action=show&id=11268> (дата обращения: 30.08.2021).

медицинской помощи». Действующее законодательство об основах здоровья граждан такого принципа не содержит; он может иметь важное значение во взаимосвязи с уже закрепленными принципами (соблюдение прав граждан в сфере охраны здоровья и обеспечение связанных с этими правами государственных гарантий; приоритет интересов пациента при оказании медицинской помощи; приоритет охраны здоровья детей; социальная защищенность граждан в случае утраты здоровья; ответственность органов государственной власти и органов местного самоуправления, должностных лиц организаций за обеспечение прав граждан в сфере охраны здоровья; доступность и качество медицинской помощи; недопустимость отказа в оказании медицинской помощи; приоритет профилактики в сфере охраны здоровья; соблюдение врачебной тайны)¹⁴.

В связи с чем предлагаем внести в Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» следующие изменения, а именно ст. 4 дополнить п. 2.1 следующего содержания:

«2.1) приоритет уважения и охраны достоинства пациента при оказании медицинской помощи» (возможно изменение нумерации пунктов статьи, устанавливающих принципы охраны здоровья, поставив принцип уважения и охраны достоинства пациента на второе место в данном перечне).

Помимо этого, гл. 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ дополнить ст. 6.1 следующего содержания:

«6.1. Приоритет уважения и охраны достоинства пациента при оказании медицинской помощи

1) государство признает уважение и охрану достоинства пациента в качестве важнейшего и необходимого условия качественного оказания медицинской помощи;

2) уважение достоинства пациента является руководящим принципом деятельности медицинских организаций при предоставлении медицинских услуг и оказании медицинской помощи».

Поэтапное совершенствование новейших достижений рассчитано на создание максимально комфортных и благоприятных условий человеческого существования, коррелирующих с ожидаемыми запросами общества на определенный достижимый уровень качества повседневной жизни, прежде всего посредством сохранения здоровья как состояния полного физического, духовного и социального благополучия, а не только отсутствия болезней и физических дефектов.

Соответственно, необходимо закрепить в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» комплексное понятие «биоэтическое благополучие».

---

¹⁴ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (по сост. на 22.11.2011).

Для системной взаимосвязи данного понятия («биоэтическое благополучие») с принципами охраны здоровья внести в Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» отдельные изменения.

Представляет определенный интерес для целей совершенствования законодательства о здравоохранении и благополучии человека инкорпорирование в структуру законодательства института биосоциального благополучия как принципа охраны здоровья граждан. Следует внести в Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» следующие изменения:

1) ч. 1 ст. 2 дополнить п. 24 следующего содержания:

«24) биоэтическое благополучие — успешное соединение результатов применения высокоэффективных медицинских биотехнологий и достижения этического благополучия как результата удовлетворенности пациента добросовестным оказанием медицинской помощи в интересах реализации права на здоровье в различных сферах медицинской деятельности.»;

2) ст. 4 дополнить п. 10 следующего содержания:

«10) приоритетное достижение биоэтического благополучия в сфере охраны здоровья, которое обеспечивается путем:

разработки и реализации программ достижения биоэтического благополучия посредством внедрения высокотехнологических достижений в сферу оказания медицинских услуг и получения медицинской помощи;

ежегодного мониторинга уровня качества повседневной жизни людей и их здоровья как состояния полного физического, психического, духовного и социального благополучия;

осуществления мероприятий по выявлению степени удовлетворенности пациента добросовестным оказанием медицинской помощи в интересах реализации права на здоровье в различных сферах медицинской деятельности.».

Кравец И.А.,

заведующий кафедрой теории и истории государства и права,

конституционного права

Новосибирского государственного университета,

доктор юридических наук, профессор

(г. Новосибирск)

Литература

1. Chochinov H.M. Dignity in the terminally ill: A developing empirical model / H.M. Chochinov, T. Hack, S. McClement [et al.] // *Social Science & Medicine*. 2002. Vol. 54.
2. Chochinov H.M. Dignity-Conserving Care — A New Model for Palliative Care: Helping the Patient Feel Valued / H.M. Chochinov // *JAMA*. 2002. Vol. 287. Iss. 17. DOI: 10.1001/jama.287.17.2253

3. Edgar A. Dignity of the Patient / A. Edgar, L. Nordenfelt // Handbook of the Philosophy of Medicine / eds. by Th. Schramme, S. Edwards. Springer : Springer Science + Business Media Dordrecht, 2015. DOI: 10.1007/978-94-017-8706-2_26-1
4. Gallagher A. Dignity in the care of older people: A review of the theoretical and empirical literature / A. Gallagher, S. Li, P. Wainwright [et al.] // BMC Nursing. 2008. Vol. 7. DOI: 10.1186/1472-6955-7-11
5. Horton R. Rediscovering human dignity / R. Horton // The Lancet. 2004. Vol. 364. Iss. 9439. DOI: 10.1016/S0140-6736(04)17065-7
6. Horton R. The Health of Peoples: Predicaments Facing a Reasoned Utopia / R. Horton // International Journal of Health Services. 2003. Vol. 33. Iss. 3. DOI: 10.2190/N8MB-DV5B-TBAW-P1WB
7. Jacobson N. A taxonomy of dignity: a grounded theory study / N. Jacobson // BMC International Health and Human Rights. 2009. Vol. 9. Iss. 3. DOI: 10.1186/1472-698X-9-3
8. Jacobson N. Dignity Promotion and Beneficence / N. Jacobson, D.S. Silva // Bioethical Inquiry. 2010. Vol. 7. DOI: 10.1007/s11673-010-9258-y
9. Jacobson N. Dignity Violation in Health Care / N. Jacobson // Qualitative Health Research. 2009. Vol. 19. Iss. 11. DOI: 10.1177/1049732309349809
10. Jameson F. Postmodernism, or The Cultural Logic of Late Capitalism / F. Jameson. London, New York : Verso, 1992.
11. Jiménez-Loaisa A. Healthism and the experiences of social, healthcare and self-stigma of women with higher-weight / A. Jiménez-Loaisa, V.J. Beltrán-Carrillo, D. González-Cutre [et al.] // Social Theory & Health. 2020. Vol. 18. DOI: 10.1057/s41285-019-00118-9
12. Kennedy G. The Importance of Patient Dignity in Care at the End of Life / G. Kennedy // The Ulster medical journal. 2016. Vol. 85. Iss. 1.
13. Mann J. Dignity and Health: The UDHR's Revolutionary, First Article / J. Mann // Health and Human Rights. 1998. Vol. 3. Iss. 2.

Социальная составляющая права на благоприятную окружающую среду в Российской Федерации

В настоящее время существует много классификаций конституционных прав и свобод человека и гражданина в зависимости от оснований, положенных в основу классификации. Так, права можно разделить на абсолютные и относительные, естественные и позитивные, индивидуальные и коллективные, права первого, второго и третьего поколений. Однако наиболее распространенной является классификация прав по сферам их реализации на социально-экономические, культурные, личные (гражданские), политические. При этом любое деление прав на виды является условным, и, как справедливо отмечает Н. Варламова, всегда есть те права, которые могут подпасть сразу под несколько характеристик, что не позволяет их с уверенностью отнести к той или иной группе прав¹.

Представляется, что экологические права человека относятся к таким «пограничным» правам.

Экологические права человека являются относительно «молодыми». В отличие от личных прав, которые получили свое частичное закрепление уже в Хартии вольностей 1215 г. и были теоретически обоснованы в XVIII в., в теории естественного права, об экологических правах заговорили только в XX в. Впервые право человека на благоприятную окружающую среду было озвучено на Стокгольмской конференции ООН 1972 г., и только в середине 80-х гг. XX в. на волне «экологизации» международных отношений и под впечатлением Африканской хартии прав человека и народов 1981 г., учеными-юристами впервые предпринимается попытка обосновать существование третьего поколения прав человека — коллективных прав, или прав солидарности, среди которых называется, в частности, право на благоприятную окружающую среду. Как указывается в хартии, «...все народы имеют право на общий удовлетворительный уровень окружающей среды, благоприятствующий их развитию»².

Несмотря на то что право на благоприятную окружающую среду имплементировано в национальное законодательство многих государств, в мировой доктрине не сложилось единообразного понятия содержания данного права. Также в разных странах данное право относят к различным категориям прав, например в Испании — к социально-экономическим правам,

¹ Варламова Н. Классификация прав человека: подходы к проблеме // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 4 (71). С. 152–166.

² Африканская хартия прав человека и народов (Найроби, 26 июня 1981 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

а в Португалии — к социальным правам³. Рассматривая данное право с точки зрения классификаций прав человека и гражданина, сложившихся в России, большинство ученых изначально относили его к личным правам. Так, М.М. Бринчук писал, что право на благоприятную окружающую среду является одной из составляющих права человека на жизнь и органически вытекает из данного права⁴. Однако впоследствии этот же исследователь обосновал необходимость выделения отдельной категории прав — экологических⁵.

Отдельными российскими учеными и в настоящее время право на благоприятную окружающую среду рассматривается как разновидность социальных прав, так как оно определяет показатели качества жизни и имеет цель — обеспечение социального благополучия населения⁶.

Если обратиться к практике ЕСПЧ, то суд, действуя на основании Европейской конвенции по правам человека, в которой отсутствует право на благоприятную окружающую среду, нарушение этого права рассматривает в контексте ст. 8 конвенции, предусматривающей право на уважение личной и семейной жизни, то есть как разновидность личного права, определяя при этом и социальное его содержание, заключающееся в обязанности государства компенсировать ущерб, вызванный нарушением указанного права. Именно с данной позиции рассматривалось нарушение права на благоприятную окружающую среду в деле «Фадеева против Российской Федерации»⁷. Обращаясь в ЕСПЧ, Н.М. Фадеева указывала, что она проживает в непосредственной близости от металлургического завода, деятельность которого негативно влияет на окружающую среду в целом и на ее жизнь и здоровье в частности, и просила отселить ее из санитарной зоны завода, в пределах которой она проживает. Основанием для обращения в ЕСПЧ, по мнению Н.М. Фадеевой, послужило нарушение государством ст. 8 конвенции, поскольку государством не были защищены ее личная жизнь и жилище от серьезной экологической угрозы, связанной с промышленной деятельностью металлургического завода.

Рассматривая ее дело, ЕСПЧ сделал вывод о том, что заявительница в течение длительного времени подвергалась негативным последствиям,

---

³ Третьякова А.А. Понятие экологических прав граждан по законодательству стран — членов Европейского Союза // Экологическое право. 2002. № 1. С. 54.

⁴ Бринчук М.М. Благоприятная окружающая среда — важнейшая категория права // Журнал российского права. 2008. № 9. С. 37–52.

⁵ Конституция и экологическое право : монография. М. : Институт государства и права РАН, 2019.

⁶ Дашков Т.К. Права человека на благоприятную окружающую среду // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2018. № 3. С. 166–171.

⁷ Постановление ЕСПЧ от 9 июня 2005 г. по делу «Фадеева (Fadeyeva) против Российской Федерации» (жалоба № 55723/00) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2005.

что с большой вероятностью позволяет сделать вывод о том, что ее заболевания вызваны именно негативным воздействием завода, установил факт нарушения ст. 8 конвенции и присудил выплату Фадеевой моральной компенсации в размере 6 000 евро.

При этом следует отметить, что, устанавливая социальное содержание права на благоприятную окружающую среду, ЕСПЧ неоднократно подчеркивал, что государства могут по своему усмотрению определять баланс между интересами защиты окружающей среды и другими социально значимыми проблемами, такими как экономическое развитие и права третьих лиц⁸.

Если обратиться к законодательству России, законодательному определению права на благоприятную окружающую среду, которое дано в ст. 1 Закона «Об охране окружающей среды», то благоприятной является «окружающая среда, качество которой обеспечивает устойчивое функционирование естественных экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов»⁹. Обеспечение права на благоприятную окружающую среду происходит через деятельность государства по недопущению вредных воздействий на окружающую среду, а также через возмещение вреда, причиненного окружающей среде в результате таких воздействий.

Является очевидным, что в современных экономических условиях ни одно из государств не в состоянии обеспечить полное отсутствие негативных воздействий на окружающую среду. Поэтому как на международном уровне, так и на национальном проводятся многочисленные исследования влияния различных факторов на окружающую среду. Так, в России качественные показатели благоприятной окружающей среды устанавливаются в целом ряде нормативных документов. К ним, например, относятся ПДК (предельно допустимые концентрации вредных веществ), СанПиНы (санитарные правила и нормы), ГОСТы (государственные стандарты), ПНДФы (природоохранные федеральные нормативные документы) и другие нормативы.

Однако социальная составляющая права на благоприятную окружающую среду, по нашему мнению, реализуется через возмещение вреда, причиненного окружающей среде в целом или отдельным ее компонентам, включая человека¹⁰.

При этом следует обратить внимание на то, что в судебной практике получила широкое распространение точка зрения, что при причинении

⁸ Hatton and others v. United Kingdom, No. 360022/97, 8 July 2003, para. 98. URL: <https://minorityrights.org/wp-content/uploads/old-site-downloads/download-221-Hatton-and-Others-v.-UK-full-case.pdf>

⁹ Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (ред. от 02.07.2021) // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

¹⁰ Кравцова Е.А., Евтушенко В.И. Экологические права в системе прав и свобод человека и гражданина. Белгород, 2008. С. 27.

экологического вреда возмещается не только вред, причиненный в результате правонарушения, но и правомерно причиненный экологический вред. Сложившаяся практика была подтверждена в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 49¹¹, в котором было указано, что, исходя из конституционного права граждан на благоприятную окружающую среду, любой вред, причиненный окружающей среде, вне зависимости от того, причинен он правомерными или неправомерными действиями, должен быть возмещен. Аналогичная точка зрения неоднократно высказывалась и Конституционным Судом РФ. В частности, в Определении Конституционного Суда РФ от 13 мая 2019 г. № 1197-О¹² указано, что вред, причиненный животному миру правомерными действиями предприятия в результате лесозаготовительных мероприятий, должен быть возмещен. Таким образом, и Верховный Суд РФ, и Конституционный Суд РФ исходят из приоритета экологического права граждан на благоприятную окружающую среду и социальной составляющей данного права, предусматривающей, что негативное воздействие на данное право подлежит материальной компенсации.

Следует также отметить, что право на благоприятную окружающую среду может быть нарушено не только вследствие действий либо бездействия конкретных лиц, но и вследствие природных катаклизмов, не зависящих от действий человека. В случае возникновения таких ситуаций государство берет на себя обязательства по компенсации вреда, причиненного гражданам нарушением данного права. Так, 30 мая 2017 г. Правительством Москвы было принято распоряжение «Об оказании помощи семьям погибших и пострадавшим в результате урагана 29 мая 2017 года», а 29 июня 2019 г. было принято распоряжение Правительства РФ № 1392-р «Об осуществлении выплат гражданам, пострадавшим в результате паводка, вызванного сильными дождями на территории Иркутской области». Несмотря на занятую государством позицию о необходимости возмещения гражданам вреда, причиненного вследствие нарушения их конституционного права на благоприятную окружающую среду, нормативные документы, предусматривающие формы и размер такого возмещения, до 2021 г. носили точечный, индивидуальный характер, принимаясь по результатам каждого конкретного нарушения.

---

¹¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

¹² Определение Конституционного Суда РФ от 13 мая 2019 г. № 1197-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы акционерного общества “Группа “Илим” на нарушение конституционных прав и свобод абзацем седьмым статьи 3 и статьей 77 Федерального закона “Об охране окружающей среды”, частью первой статьи 56 Федерального закона “О животном мире” и статьей 58 Федерального закона “Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”» // СПС «КонсультантПлюс».

В 2021 году данное положение дел изменилось: было принято распоряжение Правительства РФ от 2 июня 2021 г. № 1481-р, которое вносит изменения в распоряжение Правительства РФ от 18 сентября 2019 г. № 2113-р и закрепляет обязанность государственных органов по возмещению гражданам вреда, причиненного в результате чрезвычайных ситуаций как природного, так и техногенного характера, в качестве одной из типовых государственных услуг.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что право на благоприятную окружающую среду имеет свою социальную составляющую, которая выражается в обязанности по возмещению вреда, причиненного любыми нарушениями указанного права, в том числе и носящими правомерный характер, и имеет сложившийся механизм его реализации и защиты.

Кравцова Е.А.,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Белгородского юридического института МВД России
имени И.Д. Путилина,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Белгород)

Литература

1. Бринчук М.М. Благоприятная окружающая среда — важнейшая категория права / М.М. Бринчук // Журнал российского права. 2008. № 9.
2. Варламова Н. Классификация прав человека: подходы к проблеме / Н. Варламова // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 4 (71).
3. Дашков Т.К. Права человека на благоприятную окружающую среду / Т.К. Дашков // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2018. № 3.
4. Кравцова Е.А. Экологические права в системе прав и свобод человека и гражданина / Е.А. Кравцова, В.И. Евтушенко. Белгород : Белгородский государственный технологический университет (БГТУ) им. В.Г. Шухова, 2008.
5. Третьякова А.А. Понятие экологических прав граждан по законодательству стран — членов Европейского Союза / А.А. Третьякова // Экологическое право. 2002. № 1.

Карантинные правила — законность и легитимность в позициях Конституционного Суда РФ, судов общей юрисдикции

Правительства различных стран в целях защиты населения от последствий вирусной инфекции COVID-19 ввели в рамках дискреции, позволяющей самостоятельно определять степень угрозы населению с учетом региональной специфики, множество карантинных правил, в основе которых находятся современные технологии и реализация которых впервые массово была апробирована на практике исключительно в 2020 г.

Принимая различные карантинные правила, правительство не действует в вакууме, не обладает абсолютной властью в отношении населения. Карантинные правила должны не только соответствовать нормативно-правовым актам, имеющим большую юридическую силу, т.е. следует соблюдать требования к форме соответствующего акта, порядку принятия, опубликования и введения в действие (требование законности), но и являться соразмерными масштабу угрозы пандемии, соответствовать принципам демократического режима, обеспечиваться адекватными гарантиями против злоупотреблений со стороны институтов государственной власти не только при их введении, но и реализации, находить поддержку у большинства населения, коррелировать с универсальным принципом верховенства права (требование легитимности). В заявлении Комитета по правам человека об отступлениях от положений Пакта в связи с пандемией COVID-19 от 24 апреля 2020 г. отмечается, что государства-участники не могут отступать от обязательств по обеспечению уважения верховенства права и принципа законности даже во время чрезвычайного положения в государстве.

В случае нарушения требований законности и легитимности относительно реализуемых карантинных правил существует реальная угроза в условиях крупных социально-экономических потрясений, вызванных пандемией COVID-19, нарушения нормального функционирования общества, перехода к цивилизационному регрессу, смене *a posteriori* политического режима, коренной трансформации правовой системы.

Ответ на запрос населения относительно законности действий властей в условиях чрезвычайной ситуации в первую очередь обязаны представить судебные органы, обладающие соответствующим инструментарием оперативного контроля.

Судебное оспаривание карантинных правил приобрело два вида:

- обжалование правовых оснований введения ограничительных мер *per se*.
- оспаривание отдельных ограничительных мер.

Наиболее эффективным средством проверки закона, ограничивающего права и свободы, инструментом, позволяющим определить допустимую меру ограничения (сужения объема) прав и свобод властью, является «тест на пропорциональность». Такой тест может быть применен как на стадии правотворческой, так и правоприменительной деятельности.

В основе теста «на пропорциональность», возникшего как результат развития теории естественных прав человека в фокусе либеральной идеологии, находится естественно-правовая концепция, целью создания которой в западной доктрине права является обеспечение гарантий против злоупотреблений со стороны органов власти, принятия решений, не одобряемых большинством, защита от ограничения права и свобод без необходимости, обеспечение и защита прав меньшинств, а также оценка интеграции действий органов власти в социальную практику.

Тест «на пропорциональность» предполагает последовательное решение ряда вопросов:

- 1) имело ли место ограничение правительством прав и свобод;
- 2) основано ли такое ограничение на законе (предусмотрено внутригосударственным законом);
- 3) является ли легитимной цель ограничения прав и свобод. Например, ограничения введены для поддержания общественного порядка, предотвращения преступлений, охраны здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц, и иное;
- 4) может ли желаемая цель быть достигнута с применением данного способа вмешательства (тест на уместность), например, возможно ли через принудительное установление контактов инфицированного добиться прекращения распространения инфекции, восстановить «доковидные» условия;
- 5) имеется ли какое-либо другое, одинаково пригодное, однако в меньшей степени обременительное средство (тест на необходимость). При ответе на этот вопрос необходимо как установить негативные результаты данного способа вмешательства, так и осуществить анализ иных возможных вариантов. Например, рассмотреть соотношение таких антиковидных мер, как принудительное отслеживание контактов с помощью спецслужб и добровольное сообщение инфицированных о контактных лицах через специальное мобильное приложение (mobile app);
- 6) является ли используемое средство соразмерным (пропорциональным в узком смысле), то есть соразмерно ли обременение индивида преследуемой цели и достигаемым при этом преимуществам для всего общества. Требуется проанализировать период вводимых ограничений на предмет избыточности; является ли вред, который может быть причинен индивиду, исправимым; какие меры компенсации предусмотрены органами власти; установить, не является ли объем вреда, который может быть причинен индивиду, чрезмерным; а также каковы последствия для общества в случае, если данный способ вмешательства не будет применен; реально ли наступление негативных последствий.

Например, следует установить, к чему приведет запрет заселения туристов в гостиницы (как карантинное правило), какие меры компенсации владельцам отелей предусмотрены в связи с потерей прибыли, реально ли ухудшение эпидемиологической ситуации с учетом времени и места применения такого запрета.

Ряд решений Конституционного Суда РФ, судов общей юрисдикции посвящен оценке законности принимаемых властью карантинных правил. Например, в Постановлении от 25 декабря 2020 г. № 49-П Конституционный суд представил оценку конституционности подп. 3 п. 5 Постановления губернатора Московской области от 12 марта 2020 г. № 108-ПГ «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области». Конституционный суд признал оспоренное положение не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку его установление по своему конституционно значимому предназначению и сути было продиктовано объективной необходимостью оперативного реагирования на экстраординарную (беспрецедентную) опасность распространения коронавирусной инфекции (COVID-2019), вводимые им меры не носили характера абсолютного запрета, допуская возможность перемещения граждан при наличии уважительных обстоятельств, были кратковременными, а возможность их установления получила своевременное подтверждение в федеральном законодательстве.

В решении от 1 апреля 2021 г. по делу № АКПИ21-78, оставленном без изменения Апелляционным определением ВС РФ от 28 июня 2021 г. № АПЛ21-202, судьи Верховного суда решали вопрос о законности ряда карантинных правил: обязанность по соблюдению всеми физическими лицами правил личной гигиены (мытьё рук, использование антисептиков, медицинских масок, перчаток); соблюдение социальной (правильнее именовать физической) дистанции от 1,5 до 2 м. Судьи пришли к выводу, что порядок и процедура принятия оспариваемых положений нормативного правового акта соответствуют установленным действующим законодательством требованиям к форме нормативного правового акта, порядку принятия, опубликования и введения его в действие, то есть соответствуют требованиям законности.

Первый апелляционный суд общей юрисдикции в Апелляционном определении от 23 июля 2020 г. № 66а-3194/2020, рассматривая заявление о признании недействующими отдельных положений указов мэра Москвы от марта — апреля 2020 г., устанавливающих ограничение (за некоторым исключением) передвижения граждан, а также обязанность получения цифровых пропусков в целях передвижения по городу, в частности, отмечает, что указ мэра Москвы о введении режима повышенной готовности и ограниче-

нии передвижения граждан в комплексе с другими мерами защиты принят в целях выполнения рекомендаций Всемирной организации здравоохранения и защиты здоровья граждан. Проверая полномочия органа (должностного лица), как отмечают судьи, необходимо, в частности, учитывать, что суды не вправе обсуждать вопрос о целесообразности принятия органом или должностным лицом оспариваемого акта, поскольку это относится к исключительной компетенции органов государственной власти Российской Федерации, ее субъектов, органов местного самоуправления и их должностных лиц.

Анализ содержания решений национальных судов, относящихся к ответу на вопрос о законности и легитимности установленных властью карантинных правил через использование «теста на пропорциональность», приводит к убеждению о переоценке (в отрицательную сторону) ценностей естественно-правовой доктрины в современном российском обществе, доктрины, которая выполнила одну из решающих ролей в становлении российского государства еще в начале 90-х гг. XX в. (Указ Президента Российской Федерации от 21 сентября 1993 г. «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации»).

Мы являемся свидетелями возврата к советскому варианту юридического нормативизма¹, концепция которого не предполагает необходимости как аргументации судебного решения в фокусе естественно-правовой доктрины, так и определения допустимой меры сужения объема прав и свобод с позиции соблюдения требований справедливости, соразмерности, индивидуальной свободы.

Конституционный Суд РФ за 30 лет своего существования не смог выработать и дать толкование критериям ограничения прав и свобод, по сути полностью проигнорировав опыт зарубежных стран.

Как пишет А.А. Кондрашев², конституционный суд в своей деятельности руководствуется размытыми оценочными критериями, уступая давлению со стороны исполнительной власти, фактически предоставляя законодателю возможность посредством правоприменительного усмотрения выхолащивать возможность пользования «существом» прав.

Российские судьи «не замечают» ограничение карантинными правилами права частной жизни (как индивидуального, так и коллективного), свободы собраний, свободы передвижений, права на образование, права на справедливое судебное разбирательство, свободы формирования политического поведения и свободы голосования, свободы предпринимательства, права собственности, индивидуальной свободы (в связи с введением обязанности

¹ Денисенко В.В., Сухинин А.Ю. Советский нормативизм как теоретико-правовая парадигма // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2017. Т. 21. № 33. С. 380–395.

² Кондрашев А.А. Ограничения конституционных прав в Российской Федерации: теоретические подходы и политико-правовая практика // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7. С. 40–47.

за контролем действий лиц, находящихся в режиме изоляции, через установку соответствующего программного обеспечения на смартфон), искусственно выводя их из зоны судебного контроля.

Доводы судей о невозможности обсуждения вопроса о целесообразности принимаемых властью решений в области борьбы с распространением COVID-19, равно как об адекватности осуществляемых на их основе мер, не выдерживают критики. Право — это не пустая форма, не набор абстрактных правил, содержание нормы права наполняется людьми, их представлением о должном, справедливом, судья выносит свое решение исключительно в контексте конкретного социального уклада.

Фактически судебный контроль за карантинными правилами сведен в России к формальному разбирательству, в свою очередь, парламентский контроль не осуществляется, компетенция парламента перераспределена в пользу федерального правительства, а также глав регионов.

Действия региональных властей отличаются сверххаотичностью, например: действующее на 1 августа 2021 г. постановление губернатора Московской области от 12 марта 2020 г. № 108-ПГ корректировалось более 20 раз, в указ губернатора Нижегородской области от 13 марта 2020 г. № 27 «О введении режима повышенной готовности» вносились изменения 49 раз, постановление Правительства Санкт-Петербурга от 13 марта 2020 г. № 121 «О мерах по противодействию распространению в Санкт-Петербурге новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» корректировалось более 50 раз; следует также отметить, что фактически общественное обсуждение карантинных правил не проводилось.

Указанные факторы приводят к снижению социальной ценности права: согласно сведениям организации World Justice, индекс верховенства права (Rule of Law Index) в России за 2020 г. составил 0,47, Россия заняла 94-ю позицию из 128, что на 4 пункта ниже по сравнению с 2019 г. По уровню обеспечения и защиты основных прав и свобод Россия находится на 104-м месте, по показателю ограничений полномочий правительства законом занимает (Constraints on Government Powers) 115-е место из 128 возможных³.

Кротов А.В.,

докторант кафедры государственного (конституционного) права

Южного федерального университета,

кандидат юридических наук

(г. Ростов-на-Дону)

Литература

1. Денисенко В.В. Советский нормативизм как теоретико-правовая парадигма / В.В. Денисенко, А.Ю. Сухинин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2017. Т. 21. № 3.
2. Кондрашев А.А. Ограничения конституционных прав в Российской Федерации: теоретические подходы и политико-правовая практика / А.А. Кондрашев // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7.

Социальное государство в России: идеал и реальность

Основная правовая константа, имеющая целью обеспечить благополучие человека, содержится в ст. 7 Конституции РФ, провозглашающей Россию социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Социальное благополучие предполагает социальную защищенность человека, уверенность в наличии норм законодательства, которые помогут человеку получить поддержку в случае невозможности обеспечить себя и свою семью собственными силами¹. Состояние социального благополучия подразумевает наличие правовых гарантий реализации социальных прав и свобод, достаточного финансирования социальной политики на всех ее уровнях, развитие инфраструктуры социальной помощи, наличие кадров специалистов. Социальное благополучие — не только провозглашенная Конституцией РФ цель развития российского государства, но и критерий эффективности его социальной политики.

Реализацию этой благородной идеи призвано обеспечить российское государство посредством принятия прежде всего федерального, а затем и регионального законодательства в сфере гражданских, трудовых, семейных, жилищных, налоговых отношений, социального обеспечения. С момента конституционного закрепления идеи социального государства как основы конституционного строя, конституционной ценности прошло 28 лет. И правомерна постановка вопроса: насколько реализована эта идея на практике, в повседневной жизни людей, в обеспечении благополучия человека.

Термин «благополучие» прежде всего означает оценку индивидом своего здоровья, уровня жизни, доступности и качества образования, жилищных условий, степени реализованности и др. Кроме того, существует ряд общепризнанных критериев, по которым оценивают состояние благополучия человека в разных странах. Так, разрыв между сверхбогатыми и среднестатистическими жителями стран в мире демонстрирует индекс TWIR, показывающий, сколько годовых зарплат обычных людей составляет состояние 1% богатейших граждан страны.

Ежегодный доклад Global Wealth Report швейцарского банка Credit Suisse расположил Россию на 3-е место по такому показателю, как абсолютная величина снижения стоимости активов в секторе домашних хозяйств. Рекордсменом оказалась Бразилия, у которой благосостояние домохо-

¹ См. подроб.: Медведева Г.П., Шимановская Я.В. Социальное благополучие как смысл социальной деятельности // Право и политика. 2018. № 4. С. 293–299.

зайств снизилось в номинальном выражении на 839 млрд долл. На втором месте была Индия: снижение на 594 млрд долл. В России потери составили 338 млрд долл. В то же время в ряде стран, несмотря на вирусно-экономический кризис, совокупная величина имущества граждан не только не сократилась, но и приросла. Например, за год активы сектора домашних хозяйств США выросли со 114 932 млрд до 126 340 млрд долл. Приращение составило примерно 11,5 трлн долл.²

Благополучие личности во многом зависит от экономического состояния общества. В обществе превалирует мнение, что реальным и единственным партнером государственной власти в настоящее время является крупный бизнес, который влияет через парламент на содержание законодательства, принимаемое в первую очередь в его интересах. «Прибыли крупного капитала, который занят отстаиванием собственных деловых интересов, ведет активную лоббистскую деятельность, имеет сильные рычаги влияния на государство через коррумпированных чиновников, расходятся с интересами общества, ведут к нарушению запросов и потребностей основной массы российских граждан»³. Малые бизнесмены брошены на произвол судьбы, их предприятия разоряются, процветают рэкет силовиков, вымогательство чиновников, коррупция, рынок не работает, производство фиктивного капитала, финансовая спекуляция превосходят реальный сектор.

Социологи Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) провели исследование, для того чтобы узнать, что россияне думают об экономическом положении в России. Согласно данным опроса, хорошим экономическое положение в России считают лишь 10% опрошенных, 48% считают его средним, еще 39% — плохим.

Говоря же о материальном положении своей семьи, лишь 15% респондентов признали его хорошим, 59% назвали его средним, 25% — плохим. За год ситуация почти не изменилась: 1% из «средних» перешел к «плохим»⁴.

С идеей социального государства несовместимо значительное имущественное расслоение населения. По уровню концентрации богатства Россия является мировым лидером — 1% сверхбогатых людей удерживает 43–56% денежных ресурсов страны. При этом налицо серьезная дифференциация в возможности доступа к хорошей медицине и качественному образованию между богатыми и остальными людьми⁵.

---

² См.: Катасонов В. Позорный скачок: Россия «впереди планеты всей». По показателям обнищания народа Москва занимает лидирующие позиции в мире. URL: <https://ok.ru/svpressa/topic/153504288092205>

³ Нудненко Л.А. Личность и государство: конституционно-правовые основы взаимодействия в сфере народовластия. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 111.

⁴ См.: Соцопрос: россияне оценили экономическое положение в России // Свободная пресса. 31.10.2021. URL: <https://svpressa.ru/economy/news/314293/>

⁵ Захарченко А. Логика элитки: Холопам деньги не нужны — все равно проедят // Свободная пресса. 24.10.2021. URL: <https://svpressa.ru/society/article/313887/>

Повышение законом возрастного ценза для получения пенсии нарушило законные интересы граждан и породило такие проблемы, как смерть до достижения пенсионного возраста (в 12 регионах продолжительность жизни мужчин составляет 62 года, еще в 13 — 63)⁶; с 1 июля 2020 г. по 1 июля 2021 г. пенсионеров в России стало меньше на 1 999 млн человек — рекордную величину за всю историю доступной статистики, охватывающую период с 1998 г. По итогам 2020 г. общая смертность в России выросла на 17,9%, до 2 124 млн человек⁷. Людям предпенсионного возраста трудно найти работу, государству придется платить вместо пенсии пособие по безработице и бедности, молодежи не хватает рабочих мест, увеличение безработицы и т.д. 83% россиян негативно оценивают пенсионную реформу, одобренную депутатами «Единой России» в Федеральном Собрании РФ в 2019 г.⁸.

Одной из провозглашенных целей обеспечения благосостояния семей в России является забота о детях. 20 марта 2020 г. был издан Указ Президента РФ № 199 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», во исполнении которого было принято Постановление Правительства РФ от 31 марта 2021 г. № 489 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 31 марта 2020 г. № 384». Сумма ежемесячных детских выплат назначается семьям с доходом ниже прожиточного минимума на человека. При этом у взрослых членов семьи должны быть легальные поступления: зарплата, авторские гонорары, стипендия. Если таких поступлений нет, то пособие, несмотря на уровень жизни ниже прожиточного, не выплачивается.

Примером несовершенства в законодательном регулировании важных для социального благополучия личности мер является Федеральный закон «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях обеспечения комплексного развития территорий»⁹. Распространено мнение, что принятие этого закона фактически означает упразднение в России такого понятия, как право частной собственности на недвижимость. Так, Градостроительный кодекс РФ в качестве критерия для сноса дома в ходе реновации устанавливает, что этот дом является «типовым проектом

⁶ См.: Ученый о пенсионной реформе: «на грани бедности в бездну» // САРЕК. Новости. 18.06.2018. URL: <https://news.sarbs.ru/main/2018/06/18/218396.html>

⁷ См.: Росстат отчитался о рекордном сокращении числа пенсионеров в России // Аргументы и факты. URL: <https://argumenti.ru/society/2021/08/735064>

⁸ См.: До Кремля дошло: 83% россиян еще скажут свое слово о пенсионной реформе // Свободная пресса. 06.09.2019. URL: <http://news Rambler.ru>

⁹ См.: Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 494-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях обеспечения комплексного развития территорий» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.11.2021).

индустриального домостроения». К числу таковых относятся целые микрорайоны, построенные в 1980-е годы, которые находятся в весьма неплохом состоянии. Вызывает сомнение норма кодекса, что если две трети собственников квартир многоквартирного дома проголосуют за реновацию, то остальных жильцов дома будут выселять против их воли.

Взамен сносимого дома собственникам должны предоставить другое равноценное или равнозначное жилье. Однако кодекс не определяет, как конкретно будет определена стоимость квартиры — по рыночной цене или кадастровой. Вполне возможна ситуация, когда жители приняли решение о сносе дома по реновации, им предложили договоры с неприемлемой оценкой стоимости их квартиры, а затем через 45 дней по суду могут принудить к заключению договора.

Жители Москвы недовольны, что в процессе реновации отдельные районы Москвы превращаются в настоящие «каменные джунгли». Изначально москвичам обещали новые кварталы небольших размеров, но на практике они столкнулись с плотной многоэтажной застройкой. Много претензий к качеству домов, возводимых по программе реновации. При этом реновация началась с отъема земельных участков под старыми домами, при переезде их стоимость не учитывают.

Одной из причин социального неблагополучия людей в России является разъедающая все сферы государственной и общественной жизни в России коррупция. Разрешению этой проблемы способствовала бы ратификация Российской Федерацией ст. 20 Конвенции ООН против коррупции (незаконное обогащение — когда у физического лица расходы существенно превышают доходы), ст. 26 — об ответственности юридических лиц, ст. 54 (механизмы изъятия имущества посредством международного сотрудничества в деле конфискации) и ст. 57 (возвращение активов и распоряжение ими)¹⁰. Олигархи, чье имущество охраняется посредством отказа от ратификации указанных статей Конвенции ООН о коррупции, не вкладывают полученную в результате незаконной приватизации предприятий прибыль в строительство современных медицинских центров, образовательных учреждений, восстановление предприятий на периферии страны, где у людей нет нормальной работы, а с ней и заработка, создание новых рабочих мест, охрану экологии, не способствуют внедрению научных технологий в производство. Их распоряжение имеющимися активами не способствует экономическому росту российского государства и общества. В этой связи отказ от ратификации вышеназванных статей Конвенции ООН против коррупции выглядит весьма странным.

---

¹⁰ См.: Федеральный закон от 8 марта 2006 г. «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.11.2021).

Повышение подоходного налога, о необходимости которого говорят последние 30 лет, с названной малочисленной олигархической прослойки общества с 13 до 15%, не является серьезной мерой в разрешении злободневной проблемы, а лишь попыткой успокоить общественное мнение.

Таким образом, даже краткий обзор российского законодательства позволяет сделать вывод, что норма статьи 7 Конституции РФ о социальном государстве осталась идеалом и не стала реальностью.

Разрешение проблемы обеспечения благополучия человека возможно посредством нормализации налоговой системы, включая прогрессивную шкалу обложения доходов, компенсационный налог на несправедливую приватизацию, отмену уничтожающей технологии НДС, комплексную модернизацию медицины, образования и науки, разумный протекционизм для отечественных производителей.

Нудненко Л.А.,
профессор кафедры
правового обеспечения государственной и муниципальной службы
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы (РАНХиГС)
при Президенте Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
(г. Москва)

Литература

1. Медведева Г.П. Социальное благополучие, как смысл социальной деятельности / Г.П. Медведева, Я.В. Шимановская // Право и политика. 2018. № 4.
2. Нудненко Л.А. Личность и государство: конституционно-правовые основы взаимодействия в сфере народовластия / Л.А. Нудненко. Москва : Юрлитинформ, 2020.

Конституционно-правовое содержание свободы экономической деятельности

Право и экономика находятся в постоянной синергии. Правовые нормы регулируют экономические отношения, которые, в свою очередь, рефлексировать на правовые нормы развитием либо замедлением экономического развития. При регулировании экономических отношений законодатель должен ориентироваться на нормы конституционного права, которые в рамках установления основных положений конституционного строя устанавливают основы и экономического порядка. Одной из основных гарантий нормального функционирования рыночной экономики является свобода экономической деятельности ее участников.

Общепринятое определение понятия свободы экономической в доктрине отсутствует. Доктор юридических наук Н.Д. Бут рассматривает свободу экономической деятельности как синтез независимости и действия и определяет ее как закрепленное в нормах права состояние независимости хозяйствующих субъектов в сфере экономики, познающих действительность и действующих в соответствии с познанным, разумно сочетающих свои интересы с интересами иных субъектов права и общества в целом¹. Философ Томас Нагель при определении экономической свободы исходит из теории воли и понимает под ней право, которое «касается формы независимости от внешнего контроля, которую людям должно быть разрешено сохранять, когда они явно вступают в отношения или сделки с другими, которые приводят к конкуренции и конфликтам»². Экономисты Дж. Гвартни и Р. Лоусон понимают под экономической свободой личный выбор, добровольный обмен, свободу конкуренции и защиту собственности³.

Как видно из представленных позиций, при определении понятия «свобода экономической деятельности» авторы подходят к нему как к набору коннотаций, которые включены в его значение. Против такого подхода выступал М. Бронфенбрэннер, который считал, что термин «экономическая свобода» не поддается материальному, инструментальному или операциональному определению, соответственно, должно быть достигнуто согласие

---

¹ Бут Н.Д. Формирование правовой политики в сфере защиты свободы экономической деятельности // Государство и право. 2014. № 2. С. 51–52.

² Nagel T. Personal Rights and Public Space // Philosophy & Public Affairs. 1995. Vol. 24. P. 48.

³ Gwartney J., Lawson R. The concept and measurement of economic freedom // European Journal of Political Economy. 2003. Vol. 19. P. 406.

между индивидами о том, что значит для них понятие «экономическая свобода» и что оно в себе содержит⁴.

Рассмотрим конституционно-правовое значение и содержание свободы экономической деятельности в Российской Федерации.

В части 1 ст. 8 Конституции РФ установлены основы конституционного строя России в части формирования экономических отношений, а именно: гарантия единства экономического пространства, свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции и свобода экономической деятельности.

Свобода экономической деятельности может быть рассмотрена как в качестве принципа конституционного права, так и в качестве личного права каждого гражданина на осуществление свободной экономической деятельности. Право на осуществление свободы экономической деятельности принадлежит и объединениям граждан. Объединение граждан рассматривается как форма совместной реализации права (Постановления Конституционного Суда РФ от 27 декабря 2012 г. № 34-П, от 15 июля 2020 г. № 36-П).

Конституционный Суд РФ при толковании ч. 1 ст. 8 Конституции РФ не дает определения понятия «свобода экономической деятельности», а рассматривает его через содержание. В ряде решений Конституционный Суд РФ толковал означенное понятие с позиции общего принципа, в других — с позиции права граждан и их объединений.

Свобода экономической деятельности является с точки зрения Конституционного Суда РФ интегрированным принципом, поскольку объединяет несколько самостоятельных принципов правового регулирования в сфере предпринимательской деятельности (Постановление Конституционного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 29-П).

Так, к числу принципов, которые охватываются данным принципом, Конституционный Суд РФ относит:

- принцип свободы предпринимательской деятельности;
- принцип свободы договора,
- принцип свободы конкуренции,
- общедозволительный принцип.

При этом из Определения Конституционного Суда от 7 февраля 2012 г. № 276-О-О следует, что принцип свободы предпринимательской деятельности также является интегрированным конституционно-правовым принципом, который, в свою очередь, объединяет в себе принцип свободы договора, свободы конкуренции и общедозволительный принцип.

⁴ Bronfenbrenner M. Two Concepts of Economic Freedom // Ethics. 1955. Vol. 65. № 3 (Apr.). P. 157.

Представляется, что и сам принцип свободы экономической деятельности инкорпорирован в несколько более общий принцип — принцип рыночной экономики. Косвенно это следует и из Определения Конституционного Суда от 16 января 2018 г. № 10-О: суд, перечисляя гарантии, предусмотренные ч. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 34, ч. 1 ст. 74, делает вывод об обязанности государства основываться на принципе рыночной экономики при регулировании предпринимательской деятельности.

Содержание права на осуществление свободы экономической деятельности составляют следующие правомочия:

— право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (Постановления Конституционного Суда РФ от 15 июля 2020 г. № 36-П, от 27 декабря 2012 г. № 34-П, от 29 июня 2012 г. № 16-П);

— право иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами (Постановления Конституционного Суда РФ от 24 марта 2015 г. № 5-П, от 29 июня 2012 г. № 16-П);

— право иметь признание и защиту, включая судебную, указанных прав и свобод (Постановления Конституционного Суда РФ от 24 марта 2015 г. № 5-П, от 29 июня 2012 г. № 16-П);

— право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию (Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2012 г. № 16-П).

Указанное выше толкование содержания свободы экономической деятельности Конституционным Судом РФ не должно рассматриваться как исчерпывающее, с одной стороны, и неизменное — с другой.

Принимая во внимание, что конституционные нормы есть требования, обращенные к публичной власти, а Конституционный Суд РФ является единственным органом, уполномоченным на их толкование, можно сделать вывод, что при формировании экономической политики государство должно учитывать вышеназванное содержание принципа свободы экономической деятельности. Государство должно обеспечить гарантии стабильности, предсказуемости и надежности гражданского оборота, эффективной судебной защиты прав и законных интересов его участников (Постановление Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2003 г. № 6-П). Со своей стороны правоприменительные органы должны толковать правовые нормы через призму принципа свободы экономической деятельности, не допускать выхолащивания и экономического, и правового содержания отношений участников экономической деятельности.

Анализ правоприменительной практики показал, что суды ссылаются на свободу экономической деятельности в большей степени при рассмотрении споров о выдаче исполнительного листа для исполнения решения третейского суда, о размещении нестационарных торговых объектов, в сфере трудового права — о сокращении работников, и, наконец, основной массив дел связан с рассмотрением налоговых споров.

В спорах о выдаче исполнительного листа для исполнения решения третейского суда суды ссылаются в тексте на свободу договорных отношений и позицию, изложенную в Постановлении Конституционного Суда РФ от 26 мая 2011 г. № 10-П, в соответствии с которой стороны спора, заключая соглашение о его передаче на рассмотрение третейского суда и реализуя тем самым свое право на свободу договора, добровольно соглашаются подчиниться правилам, установленным для конкретного третейского суда⁵. В качестве защиты свободы экономической деятельности в данном случае можно рассматривать не только свободу договора, но и право на судебную защиту участников экономических отношений.

Споры о размещении нестационарных торговых объектов можно условно разделить на споры, связанные с оспариванием схемы размещения нестационарных торговых объектов, утвержденной органом местного самоуправления, и связанные с требованиями органов местного самоуправления демонтировать нестационарные торговые объекты. И в первом, и во втором случае суды в обоснование своих доводов ссылаются на Определение Конституционного Суда РФ от 29 января 2015 г. № 225-О, в соответствии с которым реализация законоположений, регулирующих размещение нестационарных торговых объектов, должна основываться на вытекающем из Конституции Российской Федерации требовании согласованного осуществления конституционных ценностей, включая ценности, связанные с гарантированием свободы экономической деятельности и поддержкой конкуренции (ч. 1 ст. 8), с одной стороны, и признанием и гарантированием самостоятельности местного самоуправления в пределах его полномочий (ст. 12) — с другой⁶. Соответственно, суды должны оценивать в каждом конкретном случае, не нанесен ли ущерб экономическим

⁵ Апелляционное определение Самарского областного суда от 16 сентября 2015 г. по делу № 33-10156/2015; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 30 августа 2017 г. № Ф01-2822/2017 по делу № А28-777/2017; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 27 декабря 2016 г. № Ф07-10851/2016 по делу № А56-51409/2016.

⁶ Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15 июня 2020 г. № 88а-14246/2020; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 5 марта 2020 г. № Ф09-6039/19 по делу № А50-706/2019; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 4 октября 2018 г. № Ф06-37546/2018 по делу № А12-32424/2017.

отношениям действиями органов местного самоуправления, а если нанесен — были ли они обоснованны, соразмерны, обусловлены ли их действия публичными интересами.

В трудовых спорах, связанных с исками работников о признании увольнения незаконным, суды общей юрисдикции чаще всего применяют формулировку из Постановления Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2004 г. № 3-П о праве граждан на определение собственной экономической стратегии развития бизнеса и, как следствие, выбор способа достижения максимальной эффективности экономической деятельности и рационального использования имущества⁷.

Наконец, при разрешении споров, вытекающих из налоговых правоотношений, суды удовлетворяют иски юридических лиц, оспаривающих действия налоговых органов по оценке принятых ими финансовых решений. В указанных спорах суды ссылаются на правовую позицию Конституционного Суда РФ, изложенную в Определении от 4 июня 2007 г. № 320-О-П, согласно которой налоговые органы не вправе оценивать обоснованность расходов, уменьшающих в целях налогообложения полученные доходы, с точки зрения их целесообразности, рациональности, эффективности или полученного результата⁸.

Из представленного анализа судебной практики следует, что суды при разрешении споров как между юридическими лицами, юридическими лицами и гражданами, так и между юридическими лицами и публичными образованиями ссылаются на позиции Конституционного Суда РФ, истолковывающие конституционный принцип свободы экономической деятельности. Безотносительно к обращению к позициям Конституционного Суда РФ суды оперируют данным принципом крайне редко. Однако представляется, что именно через призму свободы экономической деятельности суды должны чаще осуществлять критический анализ действий и решений публичных субъектов, направленных на вмешательство в экономическую деятельность, в частности выражающихся в избыточном нормативном регулировании.

В заключение необходимо отметить, что экономический рост государства и экономическая свобода участников рынка находятся в непосредствен-

---

⁷ Апелляционное определение Московского областного суда от 28 мая 2014 г. по делу № 33-11164/2014; Апелляционное определение Московского городского суда от 30 июля 2021 г. по делу № 33-31026/2021; Апелляционное определение Иркутского областного суда от 9 марта 2017 г. № 33-2512/2017.

⁸ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 3 июля 2020 г. № Ф07-6942/2020 по делу № А66-17680/2017; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 22 октября 2020 г. № Ф04-4681/2020 по делу № А70-22894/2019; Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 24 июня 2014 г. по делу № А74-5648/2013.

ной взаимосвязи⁹. Экономически свободное государство должно допускать беспрепятственный поток рабочей силы, капитала и товаров и воздерживаться от принуждения и ограничений, за исключением случаев защиты свободы как таковой¹⁰. Существование такого государства возможно путем реализации конституционно-правовой гарантии на осуществление свободы экономической деятельности, которая включает, но не ограничивается возможностью граждан на использование своих способностей и имущества и свободное определение формы взаимодействия друг с другом, в пределах, при которых они не нарушают права и свободы других лиц.

Ревазова Е.А.,

аспирант кафедры конституционного права юридического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета
(г. Санкт-Петербург)

Литература

1. Бут Н.Д. Формирование правовой политики в сфере защиты свободы экономической деятельности / Н.Д. Бут // Государство и право. 2014. № 2.
2. Asandului L. Modelling Economic Growth Based on Economic Freedom and Social Progress / L. Asandului, A. Iacobuta, C. Cautisanu // European Journal of Sustainable Development. 2016. Vol. 5. Iss. 3.
3. Brkić I. The Impact of Economic Freedom on Economic Growth? New European Dynamic Panel Evidence / I. Brkić, N. Gradojević, S. Ignjatijević // Journal of Risk and Financial Management Risk. 2020. Vol. 13. Iss. 3. URL: <https://doi.org/10.3390/jrfm13020026>
4. Bronfenbrenner M. Two Concepts of Economic Freedom / M. Bronfenbrenner // Ethics. 1955. Vol. 65. Iss. 3.
5. Gwartney J. Economic freedom, institutional quality, and cross-country differences in income and growth / J. Gwartney, R.G. Holcombe, R.A. Lawson // Cato Journal. 2004. Vol. 24. Iss. 3.
6. Gwartney J. The concept and measurement of economic freedom / J. Gwartney, R. Lawson // European Journal of Political Economy. 2003. Vol. 19.
7. Nagel T. Personal Rights and Public Space / T. Nagel // Philosophy & Public Affairs. 1995. Vol. 24.
8. Wu C. Economic freedom, economic growth, and China. Chinese economy / C. Wu // The Chinese Economy. 2011. Vol. 44. Iss. 5.

⁹ Brkić I., Gradojević N., Ignjatijević S. The Impact of Economic Freedom on Economic Growth? New European Dynamic Panel Evidence // Journal of Risk and Financial Management Risk. 2020. 13 (2). URL: <https://doi.org/10.3390/jrfm13020026>; Asandului L., Iacobuta A., Cautisanu C. Modelling Economic Growth Based on Economic Freedom and Social Progress // European Journal of Sustainable Development. 2016. Vol. 5. Iss. 3. P. 229.

¹⁰ Wu C. Economic freedom, economic growth, and China. Chinese economy // The Chinese Economy. 2011. Vol. 44 (5). P. 104; Gwartney J., Holcombe R.G., Lawson R.A. Economic freedom, institutional quality, and cross-country differences in income and growth // Cato Journal. 2004. Vol. 24. № 3. P. 206.

Правовые основы реализации национального проекта «Экология»

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации¹ рассматривает экологическую безопасность как составную часть национальной безопасности, при этом отмечается, что целями государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности являются сохранение и восстановление природной среды, обеспечение качества окружающей среды, необходимого для благоприятной жизни человека и устойчивого развития экономики, ликвидация накопленного вреда окружающей среде вследствие хозяйственной и иной деятельности в условиях возрастающей экономической активности и глобальных изменений климата (п. 24). Вопросы экологии также стали одним из национальных проектов², на реализацию которых на 1 января 2021 г. были заложены бюджетные ассигнования в объеме — 2,2 трлн руб.

Национальные проекты следует рассматривать как составную часть стратегического планирования. Вместе с тем без участия субъектов Российской Федерации достигнуть поставленных целей невозможно. Указанное взаимодействие осуществляется как на уровне межбюджетного взаимодействия, так и на уровне реализации конкретной программы, на основании соглашения, заключаемого между руководителем федерального проекта и руководителем проекта субъекта Российской Федерации.

Важной составной частью системы управления национальными проектами является контроль за их реализацией. Эта функция управления национальными проектами нашла закрепление в ряде нормативных правовых актов, в том числе в Положении о Совете при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам.

При осуществлении контроля за ходом реализации национальных проектов велика роль Счетной палаты РФ и Генеральной прокуратуры РФ³.

---

¹ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС ГАРАНТ. URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 10.11.2021).

² Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»; Постановление Правительства РФ от 31 октября 2018 г. № 1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» // СПС ГАРАНТ. URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 10.11.2021).

³ Абдреев Т.И. Контроль в финансово-бюджетной сфере в условиях новых вызовов // Сборник трудов XXII Международной научно-практической конференции «Цивилизация знаний: российские реалии. Цивилизационная роль права в условиях смены научно-технологической парадигмы (стратегическая панель)». М., 2021. С. 161–166.

Анализ материалов Счетной палаты Российской Федерации позволил в обобщенном виде выделить некоторые недостатки, характерные для реализации большинства национальных проектов, в их числе:

— не в полной мере сформирована нормативная база, необходимая для реализации национальных проектов, в том числе на уровне субъектов Российской Федерации; ряд нормативных документов принимался с нарушением сроков, что в отдельных случаях приводило к невозможности исполнения мероприятий проектов;

— цели и задачи нацпроекта недостаточно скоординированы;

— ряд мероприятий носит неконкретный характер, отсутствуют четкие процедуры их осуществления;

— низкая степень взаимодействия администраторов национальных проектов — федеральных министерств с органами власти субъектов Российской Федерации (в том числе незаключение совместных соглашений для реализации нацпроектов); в ряде случаев целевые показатели проектных мероприятий устанавливались без учета реальных возможностей субъектов, при отсутствии прозрачной и приемлемой методики детализации значений целевых показателей для регионов.

Также Счетной палатой отмечены недостатки при формировании и реализации федеральных проектов в составе национального проекта «Экология», такие как:

— отсутствие в федеральном проекте «Чистая вода» цели повышения качества питьевой воды для жителей населенных пунктов, не оборудованных современными системами централизованного водоснабжения;

— недостаточность мер, предусмотренных федеральным проектом «Комплексная система обращения с твердыми коммунальными отходами», для повышения доли утилизации образуемых отходов;

— невозможность достижения целей федерального проекта «Чистый воздух» даже при выполнении его целевых показателей. При разработке федерального проекта не учтено, что без снижения выбросов загрязняющих веществ, концентрация которых превышает установленные нормативы, возможно недостижение цели национального проекта по кардинальному снижению уровня загрязнения атмосферного воздуха в крупных промышленных центрах, в том числе не менее чем на 20% совокупного объема выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух в наиболее загрязненных городах;

— недостаточность результатов реализации федерального проекта «Оздоровление Волги» для решения поставленной задачи по сокращению в 3 раза доли сточных вод, отводимых в реку Волгу. Проведение мероприятий федерального проекта предусмотрено только в 16 из 29 субъектов

Российской Федерации, деятельность хозяйственных объектов которых оказывает влияние на экологическое состояние реки.

Также к недостаткам при реализации национального проекта «Экология» относятся и нарушения при финансировании мероприятий. Например, невыполнение в запланированный срок мероприятий федерального проекта «Оздоровление Волги» обусловлено тем, что соответствующими субъектами Российской Федерации (Астраханская, Ивановская и Самарская области) не разработана проектно-сметная документация и не получены положительные заключения государственной экспертизы по объектам очистных сооружений, из-за чего предусмотренные на 2019 г. средства федерального бюджета в сумме более 3 млрд руб., или 17,2%, общего объема средств федерального бюджета на указанные цели перераспределены на 2020–2022 гг. Всего на выполнение мероприятий федерального проекта израсходовано более 1 млрд руб. из более чем 14 млрд руб., или 7,4%, от объема финансового обеспечения федерального проекта на 2019 г. В результате проведенной Самарской межрайонной природоохранной прокуратурой проверки по реализации на территории Самарской области федерального проекта «Оздоровление Волги» национального проекта «Экология» были выявлены нарушения требований ст. 179 Бюджетного кодекса РФ, так как государственная программа «Оздоровление Волги» не была приведена в соответствие с законом об областном бюджете.

Объемы денежных средств, предусмотренных на реализацию мероприятий государственной программы «Оздоровление Волги» в 2020–2024 гг. из федерального и областного бюджета, не соответствовали объемам финансового обеспечения регионального паспорта «Оздоровление Волги». По результатам проверки были приняты меры прокурорского реагирования, направленные на устранение указанных нарушений бюджетного законодательства, а также привлечение к ответственности виновных лиц.

Несмотря на обоснованную критику ряда положений (избыточность нормативной базы, нечеткость и отсутствие согласованности, в том числе по целям и т.д.), надо констатировать, что правовая основа национальных проектов создана.

Таким образом, реализация национальных проектов и, в частности, национального проекта «Экология» должна опираться на качественное правовое регулирование в соответствующих сферах деятельности: как на нормы бюджетного права, так и нормы земельного, градостроительного и экологического права и т.д. Недостаточно сформировать нормативную основу, опосредующую отношения по созданию национальных проектов, их сопровождению, управлению и контролю, национальные проекты должны быть

обеспечены непосредственно законодательством в той или иной сфере деятельности национального проекта.

Следует обращать внимание на взаимосвязь национальных проектов, законодательства, которая обеспечивает их реализацию и отражает соответствующие цели и задачи национальных проектов в отраслевом законодательстве, законодательстве определенных сфер экономики.

Абдреев Т.И.,

старший преподаватель кафедры прокурорского надзора
за исполнением законов и участия прокурора в административном,
арбитражном и гражданском процессе
Казанского юридического института (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук
(Республика Татарстан, г. Казань)

Исхаков А.Д.,

доцент кафедры прокурорского надзора за исполнением законов и участия
прокурора в административном, арбитражном и гражданском процессе
Казанского юридического института (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук
(Республика Татарстан, г. Казань)

Литература

1. Абдреев Т.И. Актуальные вопросы государственного и муниципального контроля субъектов предпринимательской деятельности в условиях административной реформы / Т.И. Абдреев // Евразийский юридический журнал. 2021. № 2 (153).
2. Абдреев Т.И. Актуальные вопросы контроля в финансово-бюджетной сфере при реализации национальных проектов / Т.И. Абдреев // Ученые записки Казанского филиала Российского государственного университета правосудия. 2021. Т. 17.
3. Абдреев Т.И. Контроль в финансово-бюджетной сфере в условиях новых вызовов / Т.И. Абдреев // Цивилизация знаний: российские реалии. Цивилизационная роль права в условиях смены научно-технологической парадигмы (стратегическая панель) : материалы XXII Международной научно-практической конференции (г. Москва, 23 апреля 2021 г.). Т. 1 / редакторы Е.А. Палкин, С.А. Костин, А.А. Тыртышный. Москва : Российский новый университет, 2021.

Проблемные аспекты привлечения юридических лиц к административной ответственности

Учитывая недостаточную законодательную регламентацию порядка привлечения к административной ответственности юридических лиц, возникающие в связи с этим проблемы в правоприменительной практике, актуальность современных научно-теоретических исследований данной темы не вызывает сомнений. Кроме того, исследование может представлять особую практическую ценность, ввиду того, что в настоящее время ведутся дискуссии о целесообразности привлечения к ответственности юридических лиц и в уголовном праве.

В административном законодательстве понятие административной ответственности юридических лиц не раскрывается. В юридической науке под ней понимают вид юридической ответственности, которая выражается в применении уполномоченным органом или должностным лицом административного наказания к организациям, на основе и в порядке, установленном административным правом и некоторыми другими отраслями права¹.

Некоторые ученые в целях привлечения к административной ответственности приравнивают к юридическим лицам и иных лиц, отнесенных к ним отраслевыми или специальными актами. Например, филиалы юридического лица могут быть привлечены к административной ответственности за некоторые нарушения налогового законодательства². Следует отметить, что гражданское законодательство называет филиалы и представительства юридического лица обособленными подразделениями. Тем не менее, в соответствии с п. 3 ст. 55 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ), они юридическими лицами не являются и не обладают самостоятельной гражданской правосубъектностью.

Административное законодательство допускает привлечение к ответственности юридических лиц, которые административное правонарушение не совершали, но являются правопреемниками юридических лиц, которые такие нарушения допускали³. Привлечение к административной ответственности юридического лица, прекратившего свою деятельность и исключен-

¹ Солдатов А.П. К вопросу об административной ответственности юридических лиц // Общество и право. 2012. № 5 (42). С. 220.

² Минашкин А.В. Проблемы административной ответственности юридических лиц // Журнал российского права. 1998. № 7. С. 47.

³ Чаннов С.Е. Особенности административной ответственности юридических лиц // Юридическая наука. 2017. № 5. С. 58.

ного из Единого государственного реестра юридических лиц, действующим законодательством не предусматривается.

Последствия нарушения закона со стороны юридических лиц оцениваются тяжелее, чем со стороны физического лица или должностного. Например, размер административного штрафа на юридических лиц по ст. 14.40 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) может составлять сумму от двух до пяти миллионов, а для должностных лиц размер штрафа составляет от двадцати до сорока тысяч рублей. В проекте КоАП РФ общий размер штрафных санкций в отношении юридических лиц снижен до пятисот тысяч рублей, тогда как аналогичная норма действующего КоАП РФ предусматривает для юридических лиц многомиллионные штрафы.

Юридические лица подлежат административной ответственности независимо от места нахождения, организационно-правовых форм, подчиненности, а также других обстоятельств. Однако есть определенные исключения из этого принципа. Статья 4.1.1 КоАП РФ устанавливает, что для лиц, являющихся субъектами малого и среднего предпринимательства, а также лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, и юридических лиц, их работников за впервые совершенное административное правонарушение, выявленное в ходе осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля, административный штраф может быть заменен на предупреждение.

Одним из спорных вопросов является привлечение государственных и муниципальных органов к административной ответственности в качестве юридических лиц. ГК РФ органы государственной власти и органы местного самоуправления не относят к юридическим лицам. Несогласованность понятий, разработанных в двух разных отраслях права, приводит к тому, что органы государственной власти и органы местного самоуправления привлекаются к административной ответственности, что бесполезно по причине того, что происходит обратное поступление в бюджет штрафов, налагаемых на такие учреждения⁴. Эта коллизия была учтена законодателем. В новом проекте КоАП РФ в ч. 2 ст. 2.10 говорится о том, что наделенные статусом юридического лица органы государственной власти, органы местного самоуправления, органы управления государственных внебюджетных фондов, Центральный банк Российской Федерации, казенные учреждения

⁴ Андреев В.А. Привлечение к административной ответственности органов местного самоуправления: сохранить или отменить. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/privlechenie-k-administrativnoy-otvetstvennosti-organov-mestnogo-samoupravleniya-sohranit-ili-otmenit>

не подлежат административной ответственности, за исключением случаев, установленных КоАП РФ (ответственность собственников транспортных средств)⁵.

Юридическое лицо, выступая субъектом административной ответственности, несет ответственность независимо от привлечения физического лица к ответственности. Одним из доводов в пользу необходимости введения административной ответственности юридических лиц выступило указание на особенности их организационной структуры, которые не позволяют определить конкретное лицо, ответственное за неисполнение требований закона, или затрудняют его установление. В связи с этим предлагалось действовать по следующей схеме: к административной ответственности привлекать организацию, а организация уже должна была сама выявлять работника-нарушителя и применять к нему дисциплинарные меры. В КоАП РФ закреплена возможность привлечения к ответственности как самого юридического лица, так и его работника, что не в полной мере согласуется с указанной логической схемой.

В теории административного права существует спор относительно того, все ли элементы состава характерны для правонарушения, совершенного юридическим лицом. В совершенном правонарушении физическим лицом нетрудно определить наличие и форму вины, чего не скажешь о вине юридического лица. Юридическое лицо — это фикция, поэтому вопрос вины юридического лица всегда оставался дискуссионным⁶.

В КоАП РФ не содержится четкого понятия «вина юридического лица». Так, в 1.5 КоАП РФ говорится, что лицо подлежит административной ответственности, если его вина будет установлена. В соответствии со ст. 2.1 КоАП РФ юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению. Такая формулировка является расплывчатой в вопросе установления наличия возможности соблюдения правил и норм юридическим лицом. В Налоговом кодексе РФ для определения вины организации в совершении налогового правонарушения, например, прямо предусмотрено использование психологической концепции (ч. 4 ст. 110).

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 27 апреля 2001 г. № 7-П Конституционный Суд РФ использует объективный подход и определяет

⁵ Проект Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/05-20/00102447) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по сост. на 29.05.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Суханов Е.А. Гражданское право. Т. 1 / под ред. Е.А. Суханова. М., 2019. С. 115.

вину юридического лица не через вину физических лиц, а через объективные обстоятельства⁷. В данном случае Конституционным судом установлено невинность юридического лица в связи с чрезвычайными, объективно непредотвратимыми обстоятельствами и другими непредвиденными, непреодолимыми для этого лица препятствиями, находящимися вне его контроля, а также определено, что лицо, нарушившее таможенные правила, действовало с той степенью заботливости и осмотрительности, какая требовалась от него в целях надлежащего исполнения таможенных обязанностей, и со стороны юридического лица к этому были приняты все меры.

В соответствии с п. 2 ст. 3.2 КоАП РФ, за совершение административных правонарушений к юридическому лицу могут устанавливаться и применяться следующие административные наказания: предупреждение; административный штраф; конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения; административное приостановление деятельности. В проекте КоАП РФ предлагается замена административного приостановления деятельности юридических лиц на запрет такой деятельности. Предельный срок его назначения сокращен с 90 до 30 суток⁸.

В судебной практике к юридическим лицам может быть применен еще один вид административного наказания: принудительная ликвидация (ст. 61 ГК РФ). Принудительная ликвидация юридического лица наступает в случае, если организация не соблюдает свои обязательства. Например, осуществляет свою деятельность без необходимой на то лицензии. Логичным, кажется, включить ликвидацию юридического лица в виды наказаний в КоАП РФ.

В целом можно отметить тенденции смягчения ответственности юридических лиц в административном законодательстве. Вместе с тем необходима выработка новых подходов к определению административной ответственности юридического лица и его законодательному закреплению, к определению вины юридического лица и исследованию проблем привлечения

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 27 апреля 2001 г. № 7-П по делу о проверке конституционности ряда положений Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, жалобами открытых акционерных обществ «АвтоВАЗ» и «Комбинат «Североникель», обществ с ограниченной ответственностью «Верность», «Вита-Плюс» и «Невско-Балтийская транспортная компания», товарищества с ограниченной ответственностью «Совместное российско-южноафриканское предприятие «Эконт»» и гражданина А.Д. Чулкова // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Проект Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/05-20/00102447) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по сост. на 29.05.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

юридических лиц к административной ответственности. Законодательная несогласованность в определении вины юридического лица порождает проблемы в административно-юрисдикционной деятельности, а противоречивая практика арбитражных судов выступает наглядным примером необходимости урегулирования данного вопроса.

Бархоева А.Р.,

доцент кафедры теории и истории государства и права
Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова,
кандидат юридических наук
(г. Ярославль)

Литература

1. Андреев В.А. Привлечение к административной ответственности органов местного самоуправления: сохранить или отменить / В.А. Андреев // Наука и современность. 2014. № 31.
2. Минашкин А.В. Проблемы административной ответственности юридических лиц / А.В. Минашкин // Журнал российского права. 1998. № 7.
3. Солдатов А.П. К вопросу об административной ответственности юридических лиц / А.П. Солдатов // Общество и право. 2012. № 5 (42).
4. Суханов Е.А. Гражданское право : учебник для студентов. В 4 томах / В.Ю. Бузанов [и др.] ; ответственный редактор Е.А. Суханов. Т. 1. Общая часть / А.В. Асосков [и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Статут, 2019.
5. Чаннов С.Е. Особенности административной ответственности юридических лиц / С.Е. Чаннов // Юридическая наука. 2017. № 5.

Кодекс производства по делам об административных правонарушениях. Практические вопросы

Производство по делам об административных правонарушениях — это такой вид административного процесса, который обеспечивает непосредственное достижение целей и задач законодательства об административных правонарушениях, установленных ст. 1.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), а именно защиты личности, охраны прав и свобод человека и гражданина, охраны здоровья граждан, санитарно-эпидемиологического благополучия населения, защиты общественной нравственности, охраны окружающей среды, установленного порядка осуществления государственной власти, общественного порядка и общественной безопасности, собственности, защиты законных экономических интересов физических и юридических лиц, общества и государства от административных правонарушений, а также предупреждения административных правонарушений.

Определив интересующий нас вид административного процесса и задачи, которые поставлены для решения, представляется важным вопрос о наличии правового инструмента, регулирующего производство по делам об административных правонарушениях, — сборника норм права, регулирующего данную стадию процесса. В настоящее время в России нет единого документа, регулирующего производство по делам об административных правонарушениях. Существует соответствующий раздел КоАП РФ, раздел Арбитражного процессуального кодекса РФ (АПК РФ) и соответствующие федеральные и региональные законы, регулирующие производство. Учитывая широкий перечень органов и должностных лиц, осуществляющих производство по делам об административных правонарушениях и действующих в том числе с учетом методических рекомендаций и регламентов служб, процессуальное производство в ряде случаев значительно отличается в зависимости от органа, осуществляющего производство по делу.

Арбитражные суды при производстве по делам об административных правонарушениях в части правоприменения руководствуются КоАП РФ, а в части процессуальных действий — соответствующим разделом АПК РФ, нормы которого в определенной степени отличаются от норм, установленных процессуальным разделом КоАП РФ в отношении отдельных этапов производства.

Например, КоАП РФ устанавливает право инстанции, рассматривающей жалобу лица, привлеченного к административной ответственности, направления дела на новое рассмотрение в административный орган либо суд

первой инстанции, в то время как АПК РФ такое право арбитражному суду не предоставляет. Указанный пример может выражаться в следующей конкретике, имевшей место в практике автора. При проведении проверки на рыбоперерабатывающем предприятии административный орган выявил нарушение, с которым предприятие не согласилось. По результатам рассмотрения дела об административном правонарушении было вынесено постановление о привлечении к административной ответственности юридического лица и должностного лица. Материалы дела в обоих случаях являлись идентичными, лица были привлечены к ответственности за одно событие правонарушения. Поскольку при составлении протокола административный орган допустил значительные нарушения норм права, оспаривая состав административного правонарушения, оба лица обратились в суд с жалобой на постановление. При этом юридическое лицо обратилось с жалобой в арбитражный суд, а должностное — в районный суд общей юрисдикции. Формулируя просительную часть жалобы, ссылаясь на одинаковые нарушения одного административного органа по одному событию, лица имели разные возможности в части заявления требований, а суды разные полномочия. Постановляя решение по жалобе, суд общей юрисдикции будет руководствоваться ст. 30.7 КоАП РФ и в случаях, указанных в п. 4 ч. 1, будет иметь право отменить постановление и направить дело на новое рассмотрение в административный орган. Арбитражный суд, в свою очередь, руководствуется ст. 211 АПК РФ, где права направления дела на новое рассмотрение не предусмотрено.

Разница при этом не зависит от субъектного состава. Так, одно и то же юридическое лицо при обжаловании постановления по делу об административном правонарушении, связанном с нарушением трудовых прав работника предприятия, и еще в ряде случаев будет обращаться с жалобой в суд общей юрисдикции, а при обжаловании постановления по делу, связанному с нарушениями, вытекающими из коммерческой деятельности, в арбитражный суд. При этом каждый раз, оспаривая постановление, лицо должно руководствоваться иным нормативным документом в зависимости от органа, в который подается жалоба, а при оспаривании постановления по делу вышестоящему должностному лицу необходимо вообще отдельно изучать процессуальный порядок, установленный внутренними регламентами административного органа.

Настоящее положение дает повод обсудить вопрос о создании единого и объединяющего сборника норм права, регулирующего производство по делам об административных правонарушениях, — Административного процессуального кодекса, но в иной, предлагаемой автором формулировке — Кодекса производства по делам об административных правонарушениях. Современность дает необходимые предпосылки для развития указанной отрасли права. Для этой цели следует систематизировать и проанализи-

ровать процессуальный опыт производства по делам об административных правонарушениях, накопленный при производстве по делам в судах общей юрисдикции, административных судах и административных органах. Одновременно следует проанализировать опыт применения гражданского и арбитражного процессуального законодательства, выявив особенности и построив структуру кодекса.

Вопрос о создании единого сборника правовых норм обсуждается в научном сообществе. Предпринимались и рабочие попытки разработки кодекса.

Е.В. Слепченко в статье «Административное судопроизводство: понятие, единство и дифференциация» отмечает, что «разделение норм об административном судопроизводстве между Гражданским процессуальным кодексом РФ, Арбитражным процессуальным кодексом РФ и Кодексом РФ об административных правонарушениях научно не обосновано и создает проблемы на практике»¹.

В журнале «Российская юстиция» за 2004 г., № 3, опубликован проект Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, разработанный под руководством первого заместителя председателя Верховного Суда РФ В.И. Радченко².

После доработок, в 2006 г. проект был внесен Верховным Судом Российской Федерации в Государственную Думу Российской Федерации, но был отозван³. Следует отметить, что проект носил название «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации». Относительно названия документа также существуют споры. Так, ряд специалистов — Ю.Н. Старилова, М.Я. Масленников, О.С. Беркутова и другие ученые России⁴, в том числе и доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Российского университета дружбы народов Н.И. Ярошенко⁵, разделяют точку зрения о необходимости названия кодекса «Административным процессуальным кодексом», по аналогии с иными процессуальными кодексами России. Однако автору настоящей статьи

¹ Слепченко Е.В. Административное судопроизводство: понятие, единство и дифференциация // Российская юстиция. 2009. № 3. С. 51–56.

² Радченко В. Административные суды призваны защитить человека от произвола недобросовестных чиновников // Российская юстиция. 2004. № 3. С. 2–45.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 ноября 2006 г. «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // Текущий архив Государственной Думы РФ.

⁴ Старилов Ю.Н. Административные суды в России: новые аргументы «за» и «против» / под ред. В.И. Радченко. М., 2004. С. 124; Масленников М.Я. Административно-процессуальный кодекс — это реально // Юрист. 2001. № 9. С. 18; Беркутова О.С. Каким быть административно-процессуальному кодексу России // Закон и право. 2004. № 9. С. 52.

⁵ Ярошенко Н.И. Административный процессуальный кодекс Российской Федерации: каким ему быть // Администратор суда. 2012. № 2. С. 31–33.

представляется необходимым изучить данный вопрос дополнительно, так как понятие «административный» может включать в себя более чем производство по делам об административных правонарушениях. При этом мы предлагаем обсудить вопрос о создании единого кодекса для всех органов, рассматривающих дела об административных правонарушениях, и не ограничиваться регулированием судопроизводства.

В части единства правоприменения автору представляется важным обсуждение вопроса о создании также единых административных судов России. В профессиональном сообществе эта тема находит свое обсуждение: так, Н.И. Ярошенко в статье «Административный процессуальный кодекс Российской Федерации: каким ему быть» указывает, что «необходимо будет пересмотреть все законодательство в части компетенции судов общей и специальной юрисдикции. И путем выборки по принципу закрытого перечня определить компетенцию и полномочия административных судов Российской Федерации во избежание “конкурирующей” компетенции судов в сфере нормоконтроля»⁶.

Разработка подобного документа позволит организовать и определить структуру и порядок производства по делам об административных правонарушениях, определить порядок обжалования административных и судебных актов, устранить противоречия и неопределенности, что позволит решать задачи административного законодательства на качественно новом, современном, высокоэффективном уровне.

Горб С.В.,

адвокат филиала № 30 Краснодарской краевой коллегии адвокатов
Адвокатской палаты Краснодарского края
(г. Краснодар)

Литература

1. Беркутова О.С. Каким быть административно-процессуальному кодексу России / О.С. Беркутова // Закон и право. 2004. № 9.
2. Масленников М.Я. Административно-процессуальный кодекс — это реально / М.Я. Масленников // Юрист. 2001. № 9.
3. Радченко В. Административные суды призваны защитить человека от произвола недобросовестных чиновников / В. Радченко // Российская юстиция. 2004. № 3.
4. Слепченко Е.В. Административное судопроизводство: понятие, единство и дифференциация / Е.В. Слепченко // Российская юстиция. 2009. № 3.
5. Стариков Ю.Н. Административные суды в России: новые аргументы «за» и «против» / Ю.Н. Стариков ; под редакцией В.И. Радченко. Москва : Норма, 2004.
6. Ярошенко Н.И. Административный процессуальный кодекс Российской Федерации: каким ему быть / Н.И. Ярошенко // Администратор суда. 2012. № 2.

⁶ Ярошенко Н.И. Административный процессуальный кодекс Российской Федерации: каким ему быть // Администратор суда. 2012. № 2. С. 31–33.

Способы противодействия НДС-мошенничеству в Европейском союзе и возможность их применения в национальном законодательстве ЕАЭС

В период после отмены таможенных границ в Европейском союзе (ЕС) резко увеличились масштабы злоупотреблений в сфере налогообложения добавленной стоимости. Одновременно возникновению и активизации преступного сектора мошенничества с НДС способствуют расширение теневых рынков финансового капитала и отсутствие единой европейской унифицированной системы НДС.

После отмены таможенных границ в ЕС у НДС выявилось «внезапное свойство» — по объединению не только легальной экономики, но и интеграции нелегальной экономики ЕС, поскольку финансовые потоки криминала фактически объединяются для НДС-мошенничества во всевозрастающих объемах. В странах ЕС мошенничества с НДС тщательно организованы и представляют собой отлаженную криминальную индустрию, которая фактически выполняет интегрирующую функцию — объединения финансовых потоков всех сфер преступной экономики¹.

Противодействие НДС-мошенничеству затруднено даже в условиях процесса унификации законодательства о налогообложении добавленной стоимости в рамках ЕС и межгосударственной координации контрольных и правоохранительных органов стран — участниц ЕС.

В Европейском союзе первые НДС-мошенничества стали известны под названием «трейдер, потерявшийся внутри сообщества» (МТІС). В отдельных публикациях в отношении «трейдера» используются эпитеты «пропадающий» или «исчезающий». Сделки по осуществлению транзакций товаров внутри сообщества, когда продажи осуществляются между разными бизнесами внутри Европейского союза, являются начальным этапом в мошеннических схемах. Первичная продажа имеет нулевую ставку и не облагается НДС. Одни и те же товары, находясь на «вращающейся карусели», участвуют в мошеннической схеме несколько раз, совершая «несколько путешествий» в рамках границ ЕС. Такая форма злоупотреблений с использованием процедур налогообложения добавленной стоимости стала известна под термином «карусельное мошенничество»².

По оценке Комитета по налогам Еврокомиссии, ежегодно в ЕС в ходе НДС-мошенничества расхищается 200–250 млрд евро, что составляет

¹ VAT revenue collection has failed to show significant improvement across EU Member States according to the latest figures released by the European Commission today. European Commission. Press release. Brussels, 4 September 2018.

² Ainsworth R.T. VAT Fraud and Technological Solutions. The VAT Reader: What a Federal Consumption Tax Would Mean for America. Washington DC : Tax Analysts, 2011. P. 205.

10–13% собираемого НДС или 2–2,5% ВВП Евросоюза. Всего в них участвует 4–5% налогоплательщиков Европейского сообщества³.

НДС-мошенничества достаточно подвижны и охватывают все новые сферы коммерческой деятельности, вызывая необходимость внедрения передовых технологических методов борьбы со злоупотреблениями.

Главными действующими лицами в мошенничестве с НДС являются не частные лица или малые предприятия, а хорошо организованные преступные группы, имеющие тесные отношения с государственной администрацией и пользующиеся поддержкой должностных лиц в налоговой службе. Основными бенефициарами мошенничества с НДС являются ряд розничных сетей и крупных компаний-экспортеров.

В большинстве стран ЕС весьма сложно оценить коррупционную составляющую НДС-мошенничеств. Однако ее наличие невозможно отрицать, и следует учитывать появление такой «побочной специфики» НДС в границах ЕАЭС. Следует заметить, что статистика по преступлениям коррупционной направленности в ведущих развитых странах Запада скрыта от общества. Статистическая информация по преступлениям коррупционной направленности отражается во Франции в графе «другие экономические и финансовые преступления», в США — в общей графе «все другие преступления», в Германии — «должностные преступления». В Англии такой учет не ведется. Однако в сети Интернет организована публикация данных британских служащих, осужденных за совершение налоговых мошенничеств с НДС. Случаи злоупотреблений с НДС с участием государственных чиновников отмечены в Болгарии, Венгрии, Италии, Румынии⁴.

В большей степени внимание в ЕС уделяется ситуации нарастания теневого бизнеса — мошенничеств с НДС, тесно связанного с финансовыми потоками национальных и международных криминальных структур, действующих на территории ЕС⁵. Поскольку возрастающие финансовые потоки криминала объединяются для НДС-мошенничества, то можно обоснованно вести речь еще об одном «внезапном свойстве» НДС, выявляемом путем анализа схем противоправного возмещения НДС. Новая архитектура криминальных финансовых потоков позволяет диагностировать интеграционные свойства НДС не только в отношении легальной экономики ЕС, но и применительно к экономике отдельных сегментов европейской организованной преступности. Фактически НДС можно определять не только как «евроналог», в связи с его интеграционным характером в отношении налогово-бюд-

³ Borselli Fabrizio. Organised VAT fraud: features, magnitude, policy perspectives. Questioni di Economia e Finanza (Occasional papers) from Bank of Italy, Economic Research and International Relations Area. Number 106. October 2011. P. 5. URL: http://www.bancaditalia.it/pubblicazioni/qef/2011-0106/QEF_106.pdf

⁴ EU Anti-corruption report/Report from the Commission to the COUNCIL and the European parliament. Brussels, 3.2.2014, com (2018). P. 11.

⁵ Бачурин Д.Г. Противодействие злоупотреблениям с НДС в Евросоюзе // Финансовое право. 2017. № 10. С. 24.

жетных систем 28 стран — членов ЕС, но и в качестве налогового фактора, обуславливающего интеграцию криминальных финансов и напрямую влияющего на организацию преступных сообществ в Европе.

Расширению проблемных зон в системе НДС, в частности, способствуют перевод основных массивов коммерческих сделок в поле электронной торговли, резкое увеличение скорости проведения банковских транзакций, ослабление контроля за трансграничными операциями, противоречивость и асимметричность налогового законодательства в различных юрисдикциях⁶. К сожалению, но все названные проблемы НДС в ЕС присущи и странам — участницам ЕАЭС как в отдельности, так и в рамках взимания интегрированного НДС.

В общем виде проблемы правового регулирования НДС в ЕС сводятся к следующим:

1. Система НДС на протяжении долгого времени показывает существующие слабость и уязвимость и уже не соответствует действующим стандартам для налогоплательщиков и администраций.

2. Повышенная сложность НДС создает ненужные расходы как у налогоплательщика, так и у государств, что препятствует нормальному функционированию единого европейского рынка.

3. В последние десятилетия наиболее серьезную угрозу для функционирования всей системы представляют хорошо организованные системные атаки мошенников.

4. Сама система функционирования НДС стала источником сложных международных махинаций.

5. Несмотря на упорное противодействие данному феномену налоговых органов, государства — члены ЕС по-прежнему утверждают о том, что тщательно организованные махинации с НДС уже стали «отлаженно работающей индустрией».

Рассмотрим меры противодействия НДС-мошенничествам в ЕС и возможность их адаптации к условиям России и ЕАЭС.

Нормативно-правовое регулирование в сфере борьбы с НДС-мошенничествами и незаконным возмещением НДС системно организовано на трех уровнях:

— принятие нормативно-правовых актов Евросоюза и организация общеевропейских мероприятий налогового контроля и координации. Процедуры сотрудничества в ЕС устанавливаются регламентами (Регламент ЕС № 1798/2003 от 7 октября 2003 г. с поправками от 17 марта 2008 г.⁷, который впоследствии заменен на Регламент ЕС № 904/2010 от 7 октября 2010 г., вступивший в силу 1 января 2012 г.)⁸;

⁶ Милоголов Н.С. Налог на добавленную стоимость по операциям международной торговли услугами : автореф. ... канд. экон. наук. М., 2014. С. 22.

⁷ URL: <http://data.europa.eu/eli/reg/2003/1798/oj>

⁸ URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32010R0904&from=EN>

— заключение двухсторонних и многосторонних соглашений между отдельными странами ЕС;

— принятие законодательных актов, административно-правовых и уголовно-правовых мер внутригосударственной юрисдикции.

Кроме перечисленных шагов внесены следующие предложения:

1. Отмена нулевой ставки при экспорте с предложением взимания НДС с поставщика и перевода его в бюджет страны-импортера. Очевидным препятствием для безусловной реализации данного предложения в странах ЕС является разница ставок НДС. Унифицирована лишь минимальная ставка НДС — 15%.

2. Изменения в методике исчисления и уплаты НДС. Смена лица, обязанного перечислить НДС в бюджет, — с продавца (как определено нормами ЕС) на покупателя с распространением данного правила внутри ЕС. Это предложение (реверс НДС) сегодня частично реализовано.

3. Установление уровня незначительности, когда организациям не нужно становиться на налоговый учет по НДС.

4. На основе прецедентных решений, вынесенных в 2006 г. Судом ЕС по делам компании Axel Kitel и компании Recolta Recycling SPRL против правительства Бельгии, определено правило, применяемое при рассмотрении споров о возмещении НДС, которое состоит в следующем: «...если получатель товара не знал или не мог знать о мошенничестве продавца, он сохраняет право на налоговый вычет, если знал — теряет»⁹.

Непосредственным противодействием НДС-мошенничеству в Евросоюзе занимаются наднациональный налоговый орган Евросоюза, получивший название Еврофиск (Eurofisc)¹⁰, а также специальное бюро по борьбе с мошенничеством — OLAF. Еврофиск призван обеспечить использование баз данных по счетам-фактурам и налогоплательщикам всех стран ЕС¹¹. Европейское бюро по борьбе с мошенничеством (OLAF от фр. *Office de Lutte Anti-Fraude*), как институциональная структура ЕС, создано 1 июня 1999 г. по решению Комиссии ЕС по внутренним расследованиям¹². OLAF самостоятельно проводит все расследования по фактам мошенничества и коррупции, наносящим непосредственный ущерб финансовым интересам Евросоюза.

Подводя итоги сравнительно-правового анализа зарубежного и российского законодательства, необходимо отметить, что в целом Россия при формировании своей налоговой системы придерживается общеевропейских

⁹ URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/12065909/12065909-004.htm>

¹⁰ Официальный сайт Eurofisc: http://www.europarl.europa.eu/doceo/document/E-8-2018-004052_EN.html

¹¹ Eurofisc остановит «карусель». Интервью с профессором кафедры мировой политики Высшей школы экономики М. Братерским // РБК daily. 2009. 20 августа. URL: <https://www.hse.ru/news/3018160/9846979.html>

¹² 1999/352/EC, ECSC, Euratom: Commission Decision of 28 April 1999 establishing the European Anti-fraud Office (OLAF) (notified under document number SEC (1999) 802) // Official Journal. L. 136, 31.5.1999. P. 20–22.

подходов и стремится унифицировать и гармонизировать свое налоговое право. Вместе с тем необходимо проведение работы по согласованию законодательства по НДС Российской Федерации с законодательством по НДС государств — членов ЕС, поскольку отличия в правовом регулировании могут негативно влиять на интересы российских участников внешнеэкономической деятельности, ставить их в неравное положение с иностранными лицами, что в целом может оказать отрицательное воздействие на бюджетную систему Российской Федерации. Изучение опыта стран ЕС позволяет сформулировать следующие основные предложения по совершенствованию правового регулирования НДС в рамках ЕАЭС в целях минимизации совершения мошеннических схем.

Возмещение НДС является одним из ключевых аспектов администрирования налоговых доходов. Однако данный правовой институт является очень спорным, и процедура возмещения не удовлетворяет потребностям государства в исполнении бюджета по доходам, зачастую нарушает права добросовестных налогоплательщиков. В этой связи с целью исключения случаев необоснованного возмещения из бюджета сумм НДС при реализации товаров (работ, услуг) налогоплательщиками — иностранными лицами, не состоящими на учете в налоговых органах в качестве налогоплательщиков и заключившими договор на оказание посреднических услуг, в действующее законодательство необходимо внести изменения, согласно которым налоговыми агентами признаются лица, осуществляющие посредническую деятельность.

Целесообразно вывести из числа плательщиков НДС как можно большее количество малых предприятий (увеличение пороговой суммы для освобождения от уплаты НДС). С учетом французского опыта видится порядок отнесения субъектов к категории плательщиков НДС по принципу специальной регистрации. В случае введения указанного порядка в Российской Федерации необходимо изменение порога освобождения от уплаты налога, закрепленного в ст. 145 Налогового кодекса РФ (НК РФ), либо введение упрощенного порядка уплаты НДС, как это сделано во Франции. Согласно французскому Общему налоговому кодексу¹³, от уплаты налога освобождаются предприятия с годовым оборотом менее 27 тыс. евро (по определенным видам деятельности — 76 300 евро), но параллельно существует другая льгота для малого бизнеса — упрощенный порядок уплаты НДС. В отличие от российского упрощенного порядка (ст. 163 НК РФ) с ежеквартальной отчетностью французский предусматривает расчет налога один раз по итогам года, без регулярных деклараций по НДС, с внесением квартальных авансовых платежей. Эта льгота предоставлена предприятиям, чей оборот за календарный год не превысил 230 тыс. евро (по определенным видам деятельности — 763 тыс. евро). Использование аналогичных мер в отечественной практике должно привести к уменьшению объемов отчетности

¹³ URL: https://taxlink.ua/ua/print/international_normative_acts/437/

плательщиков НДС — малых предприятий и снижению нагрузки на налоговые органы, повышению скорости и качества администрирования.

Также представляется обоснованным существенно сократить налоговый период по НДС, перевести малые предприятия на упрощенную (ежегодную) отчетность по НДС с ежеквартальной уплатой авансовых платежей. Для всех иных категорий плательщиков предлагается исключить взимание НДС с авансов, что представляется более оправданным как с правовой, так и с экономической точки зрения. Переход к подобному порядку в России мог быть осуществлен путем внесения изменений в ст. 167 НК РФ (исключения подп. 2 п. 1 ст. 167 либо замены слов «частичной оплаты» словами «оплаты в полном объеме»), а также введением режима налоговых авансов или гарантированных депозитов по операциям с повышенным риском уклонения от уплаты НДС — по аналогии с опытом стран — участниц ЕС.

Анализ соответствующих положений законодательства государств — участниц ЕС обосновывает необходимость выделить операции с безденежной формой расчетов в отдельную категорию, закрепив виды таких операций в НК РФ. Причем следует говорить именно об операциях с безденежной формой расчетов, а не только о бартере (обмене товара на товар). Отметим, что зачет взаимных требований, обмен услугами и работами, обмен товаров на услуги или работы, обмен услуг на работы не подпадают под определение бартера — существенные недостатки ст. 40 НК РФ.

Представляется целесообразным установить в наднациональном законодательства ЕАЭС режим освобождения от НДС с правом на вычет (аналог нулевой ставки налога в отечественной терминологии) временных операций в Российской Федерации. С целью обезопасить бюджет от мошенничества с подобным освобождением предлагается использовать финансовые гарантии в виде депозита, поручительства или налогового аванса. Таким образом, налоговые органы освобождаются от значительного количества процедур, характерных для таможенного оформления экспорта и временного ввоза, оформления уплаты и возмещения налога. Следует отметить, что институт налогового поручительства как способ защиты от незаконных возмещений НДС применяется во многих странах Европы. Его применение могло бы стать позитивным шагом в модернизации НДС в рамках ЕАЭС.

В наднациональном правовом пространстве ЕАЭС серьезного совершенствования требует процесс администрирования НДС, в первую очередь его цифровизация. На наш взгляд, необходимо ввести электронную отчетность плательщиков НДС, что позволит максимально устранить человеческий фактор и ограничить непосредственный контакт работников налоговых инспекций с налогоплательщиками, а также исключить возможность незаконной корректировки отчетности. Кроме того, представление плательщиками НДС реестров полученных и выданных налоговых накладных в электронном виде поможет отсеять теневой бизнес и навести порядок в системе адми-

нистрирования НДС. Введение наравне с системой документооборота счетов-фактур в электронном виде системы регистрации налогоплательщиков НДС и предъявление к указанной категории налогоплательщиков, претендующих на возмещение налога из бюджета, ряда требований позволят существенно сократить время проведения сотрудниками налоговых органов контрольных мероприятий и повысить уровень их эффективности, что, несомненно, приведет к увеличению объема поступающих от налога средств в бюджет.

Следующим шагом по направлению совершенствования администрирования НДС может стать процесс внедрения информационной национальной системы (по примеру системы VIES в ЕС). Внедрение данной системы предоставит возможность налоговикам получать информацию о продавце, покупателе, постановке покупателя на учет в качестве плательщика НДС, дате постановки на учет и или снятия с учета, сумме сделки и т.д., также система дает ответ на запрос налогоплательщика о подтверждении НДС-номера, представленного покупателем.

В рамках ЕАЭС необходима и оптимизация положений о взаимозависимости и трансфертном ценообразовании, внедрении института предварительного ценового соглашения (фискальный рескрипт) с целью ограничить чрезмерно широкий круг проверяемых сделок и направить контроль налоговых органов на сделки, осуществляемые по умышленно искаженным ценам.

Крохина Ю.А.,

заведующая кафедрой правовых дисциплин

Высшей школы государственного аудита (факультет)

Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
член Исполнительного комитета Российского союза налогоплательщиков
(г. Москва)

Литература

1. Eurofisc остановит «карусель» / М.В. Братерский, К. Зубков // РБК daily. 2009. 20 августа.
2. Бачурин Д.Г. Противодействие злоупотреблениям с НДС в Евросоюзе / Д.Г. Бачурин // Финансовое право. 2017. № 10.
3. Милоголов Н.С. Налог на добавленную стоимость по операциям международной торговли услугами : автореферат диссертации кандидата экономических наук / Н.С. Милоголов. Москва, 2014.
4. Ainsworth R.T. VAT Fraud and Technological Solutions. The VAT Reader: What a Federal Consumption Tax Would Mean for America / R.T. Ainsworth. Washington DC : Tax Analysts, 2011.
5. Borselli F. Questioni di Economia e Finanza (Occasional papers). Organised VAT fraud: features, magnitude, policy perspectives. Num. 106 / F. Borselli. Bank of Italy, 2011. 45 p.

Реформа досудебного обжалования в рамках контрольно-надзорной деятельности

В России 30 июня 2021 г. закончилась реализация правового эксперимента по досудебному обжалованию решений контрольного (надзорного) органа, действий (бездействия) его должностных лиц, который реализовывался с 17 августа 2020 г. С июля 2021 г. начал применяться новый механизм «регуляторной гильотины»: вступил в силу Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»¹ (далее — Закон о КНД). Часть 1 ст. 40 Закона о КНД устанавливает, что досудебное обжалование будет производиться в электронном виде².

Нельзя не отметить положительную сторону идущей реформы: помимо отсутствия пошлины за подачу заявления, минимального срока ее рассмотрения, это автоматизация процесса подачи жалобы. Тем более в актуальных обстоятельствах пандемии и с учетом проникновения информационных технологий электронный вид станет нашим постоянным спутником³. Однако это не означает, что принципы законности, гласности, участия в контрольных мероприятиях уйдут или должны уйти на второй план⁴.

Более того, изначально при проведении эксперимента обосновано сомнение в его эффективности, поскольку, несмотря на высокотехнологичный подход с использованием государственной информационной системы «Типовое облачное решение по автоматизации контрольно-надзорной деятельности», это может привести «к получению заявителем стан-

¹ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 31.07.2020).

² Пока в научной литературе нет специальных и глубоких исследований по этому вопросу. В работах либо констатируется этот факт (см., напр.: Горяинов А.И. К вопросу об оптимизации нормативной правовой основы деятельности Госавтоинспекции // Административное право и процесс. 2021. № 2. С. 20–24. DOI: 10.18572/2071-1166-2021-2-20-24), либо затрагиваются отдельные аспекты (см., напр.: Липунцова А.В. Теоретические и практические аспекты правового эксперимента (на примере эксперимента нового порядка досудебного обжалования решений контрольного (надзорного) органа) // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 16. С. 442–454. DOI: 10.20310/2587-9340-2020-4-16-442-454)).

³ В рамках электронного вида возможно оперативное получение информации о количестве жалоб, их предмете, принятых решениях и т.п. Об иных положительных аспектах досудебного обжалования см. более подр.: Зырянов С. Досудебное обжалование решений при осуществлении государственного контроля / С. Зырянов, В. Южаков // Государственная служба. 2014. № 6 (92). С. 19–25.

⁴ См. также: Липунцова А.В. Указ. соч.

дартной отписки вместо полноценной проверки и обоснованного решения...»⁵.

В самом деле, как представляется, основные проблемы процедуры досудебного обжалования связаны с двумя обстоятельствами. Во-первых, это отсутствие единого закона об административных процедурах, в котором должны быть закреплены существенные элементы или гарантии, обеспечивающие реализацию права на досудебное обжалование. Так, в настоящее время действует Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»⁶, который может рассматриваться как базовый акт, но он характеризуется широкими и неопределенными формулировками, а также отсутствием многих административно-процедурных механизмов и гарантий⁷. Во-вторых, даже специальные законы, как, например, Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»⁸, ни сам Закон о КНД не компенсируют эти недостатки.

При этом в открытом доступе отсутствуют данные о результатах проведения эксперимента по досудебному обжалованию, и на самом сайте⁹, который применяется для подачи жалобы после проведения мероприятий по государственному контролю (надзору) органом исполнительной власти, даже не выделен соответствующий раздел. Соответственно, все это не может не вызывать критическое восприятие заявлений об исключительно положительном эффекте электронного вида досудебного обжалования¹⁰.

Однако применительно к Закону о КНД следует признать, что базисная проблема в сохранении «черного ящика», где происходит «магия» рассмотрения доводов жалобы частных субъектов, может отойти на второй план. Административный орган отныне не просто самостоятельно разбирает

⁵ В России проведут эксперимент по досудебному обжалованию решений контрольно-надзорных органов // Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/v-rossii-provedut-eksperiment-po-dosudebnomu-obzhalovaniyu-resheniy-kontrolno-nadzornykh-organov/> (дата обращения: 27.11.2021).

⁶ СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.

⁷ См., напр.: Тоноян Г.Х. Институт обжалования в административном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Тоноян Гаик Хоренович; [место защиты: Моск. ун-т МВД РФ]. М., 2008. 28 с.; Трофимчук Н.В. Некоторые проблемы института контроля (надзора) предпринимательской деятельности по законодательству Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2016. № 6 (102). С. 488–492. DOI: 10.7256/1999-2807.2016.6.18890; Шеншин В.М. К вопросу о досудебном (внесудебном) порядке обжалования решений и действий (бездействия) должностных лиц Росгвардии, осуществляющих государственный контроль (надзор) // Военно-юридический журнал. 2020. № 11. С. 12–16.

⁸ СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4179.

⁹ URL: <https://knd.gosuslugi.ru/> (дата обращения: 27.11.2021).

¹⁰ См., напр.: URL: <https://www.pnp.ru/economics/na-portale-gosuslug-otkryli-kniguzhalob-na-kontrolerov.html>; URL: <https://bars.group/press-center/meropriyatiya/-bars-grup-obsudila-tsifrovizatsiyu-kontrolno-nadzornoy-deyatelnosti/> (дата обращения: 27.11.2021).

жалобу, а частное лицо никоим образом не может повлиять на итоговый результат. Наоборот, в силу ч. 4.1 ст. 43 Закона о КНД установлено: «Лицо, подавшее жалобу, до принятия итогового решения по жалобе вправе по своему усмотрению представить дополнительные материалы, относящиеся к предмету жалобы». Кроме того, и административный орган «вправе запросить у контролируемого лица, подавшего жалобу, дополнительную информацию и документы, относящиеся к предмету жалобы» (ч. 3 ст. 43).

В этом контексте отметим, что такое регулирование определено правом на «надлежащее (хорошее) управление». С 50-х годов XX века в странах Европейского союза создавались механизмы защиты прав в публичной сфере. В настоящее время Хартия Европейского союза об основных правах¹¹ среди прав особое значение придает праву на надлежащее (хорошее) управление. Оно объединяет возможность быть заслушанным, получить мотивированное решение административного органа и реализуется с учетом национальных особенностей во всех государствах — членах ЕС.

Более того, немецкий ученый Э. Эйзенберг выделял право быть заслушанным, потому что это одна из основ эффективного досудебного обжалования решений административных органов в той мере, когда «они регулируют участие граждан или заинтересованной стороны в процессе выработки решения и должны приводить к оптимальной защите прав и интересов граждан после его принятия. Кроме того, эти средства имеют своей целью улучшить качество самого решения, а также способствовать согласию с ним со стороны заинтересованного лица или лиц»¹².

В самом деле, если в рамках судопроизводства, как следует из опыта Соединенных Штатов Америки, по поводу личного участия отмечают: «Одной из незыблемых ценностей является право каждого американца “на день в суде” (a day in court), а судебный процесс следует использовать в том числе для решения социальных проблем»¹³, то в рамках процедуры досудебного обжалования это может быть обеспечено правом быть заслушанным, коль скоро все реализуется в редуцированной форме.

Помимо этого, в Закон о КНД вошло больше гарантий (в отличие от первого проекта Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации») ¹⁴: право частных лиц на ознакомление с результатами мероприятий и действий по государственному контролю (надзору) (ст. 88), право на представление

¹¹ URL: <http://eulaw.ru/treaties/charter> (дата обращения: 27.11.2021).

¹² Eisenberg E. L'audition du citoyen et motivation des décisions administratives individuelles — tude comparative en France et en Allemagne // Paris. L'Harmattan. 2000. С. 28.

¹³ Landsman S. The History of Contingency and the Contingency of History // DePaul Law Review. 1998. Vol. 47. № 2. P. 265. Цит. по: Брановицкий К.Л., Ренц И.Г., Ярков В.В. Судебное правотворчество в условиях пандемии коронавируса: нонсенс или необходимость? // Закон. 2020. № 5. С. 107–117.

¹⁴ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/332053-7> (дата обращения: 27.11.2021).

объяснений (ст. 79), возложение бремени доказывания на инспектора и контрольный орган (п. 10 ч. 1 ст. 29 и ч. 5 ст. 43), право на представление дополнительных доказательств на момент разбирательства по существу (ч. 4 ст. 43), право на получение мотивированного решения по жалобе (ч. 7 ст. 43).

Кроме того, плюсом с точки зрения статуса частного можно рассматривать расширения предмета досудебного обжалования. Сейчас в предмет включены (ч. 4 ст. 43):

- акт или решение по результатам проверки;
- предписание об устранении выявленных нарушений;
- решение о проведении контрольных (надзорных) мероприятий;
- действия (бездействие) должностного лица в рамках проверки.

Действительно, возможность обжалования акта проверки в результате контрольно-надзорных мероприятий до Закона о КНД не признавалась. Например, решением Арбитражного суда Забайкальского края от 9 июля 2012 г. по делу № А78-3119/2012¹⁵, оставленным в силе постановлением Четвертого апелляционного суда, акт проверки не рассматривался как объект обжалования. Арбитражный суд в своем решении сослался на ст. 13 ГК РФ, указав, что под ненормативным актом «понимается документ властно-распорядительного характера, вынесенный уполномоченным органом, содержащий обязательные предписания, распоряжения, нарушающий гражданские права и охраняемые законом интересы и влекущий неблагоприятные юридические последствия»¹⁶. При этом акт проверки, по мнению суда, только констатирует результаты проверки: описывает выявление нарушения и фиксирует иные объективные данные.

Полагаем, что нельзя согласиться с доводом, что акт проверки никак не влияет на права и обязанности частного лица. Как минимум, он дает право на представление возражений. В случае, если частное лицо не воспользуется им, существует риск, что в результате обжалования решения о привлечении к ответственности ему будет поставлен в вину отказ от возможности представить возражения или пояснения, как это было в рассмотренном деле.

В любом случае Закон о КНД существенно продвинулся в этом вопросе наряду с положениями, гарантирующими участие частного лица в формировании итогового решения по делу. Однако в настоящее время недостаточно данных о работе процедуры досудебного обжалования для оценки эффективности. Поэтому согласимся с выраженным сомнением А. Чакински, который отмечает, что сейчас действует более 220 видов федерального госконтроля (надзора), более 40 видов регионального и около 20 видов

¹⁵ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Верховный Суд РФ в утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 16 марта 2016 г. «Обзоре по вопросам судебной практики, возникающим при рассмотрении дел о защите конкуренции и дел об административных правонарушениях в указанной сфере» согласился с высказанной позицией (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 9).

муниципального контроля и «все это значительное число государственных проверяющих органов в одночасье превратится из “стаи хищников”, жаждущей “крови” своих жертв в виде штрафов, в популяцию “мирных вегетарианских овечек”, чьим лозунгом является: “Предупреждение, а не наказание!”»¹⁷. В этом контексте такая «секретность» не добавляет уверенности в положительном восприятии процедуры досудебного обжалования, хотя, наоборот, результаты деятельности опровергнут сомнения.

Курындин П.А.,

ассистент кафедры административного и финансового права
Санкт-Петербургского государственного университета,
педагог дополнительного образования

государственного бюджетного нетипового образовательного учреждения
«Академия талантов»
(г. Санкт-Петербург)

Литература

1. Landsman S. The History of Contingency and the Contingency of History // *DePaul Law Review*. 1998. Vol. 47. № 2. P. 265 // Брановицкий К.Л. Судебное правотворчество в условиях пандемии коронавируса: нонсенс или необходимость? / К.Л. Брановицкий, И.Г. Ренц, В.В. Ярков // *Закон*. 2020. № 5.
2. Горяинов А.И. К вопросу об оптимизации нормативной правовой основы деятельности Госавтоинспекции / А.И. Горяинов // *Административное право и процесс*. 2021. № 2. DOI: 10.18572/2071-1166-2021-2-20-24
3. Зырянов С. Досудебное обжалование решений при осуществлении государственного контроля / С. Зырянов, В. Южаков // *Государственная служба*. 2014. № 6 (92).
4. Липунцова А.В. Теоретические и практические аспекты правового эксперимента (на примере эксперимента нового порядка досудебного обжалования решений контрольного (надзорного) органа) / А.В. Липунцова // *Актуальные проблемы государства и права*. 2020. Т. 4. № 16. DOI: 10.20310/2587-9340-2020-4-16-442-454
5. Тоноян Г.Х. Институт обжалования в административном праве : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Г.Х. Тоноян. Москва, 2008.
6. Трофимчук Н.В. Некоторые проблемы института контроля (надзора) предпринимательской деятельности по законодательству Российской Федерации / Н.В. Трофимчук // *Административное и муниципальное право*. 2016. № 6 (102). DOI: 10.7256/1999-2807.2016.6.18890
7. Чакински А. Новые законы о поддержке предпринимательства как медвежья услуга российскому бизнесу / А. Чакински // *Административное право*. 2021. № 1.
8. Шеншин В.М. К вопросу о досудебном (внесудебном) порядке обжалования решений и действий (бездействия) должностных лиц Росгвардии, осуществляющих государственный контроль (надзор) / В.М. Шеншин // *Военно-юридический журнал*. 2020. № 11.
9. Eisenberg E. L'audition du citoyen et motivation des décisions administratives individuelles — Étude comparative en France et en Allemagne / E. Eisenberg. Paris : L'Harmattan, 2000.

¹⁷ Чакински А. Новые законы о поддержке предпринимательства как медвежья услуга российскому бизнесу // *Административное право*. 2021. № 1.

Рассмотрение судами административных дел и принцип разделения властей

Оспаривание правовых актов органов публичной администрации неразрывно связано с обеспечением законности в государственном управлении. По справедливому замечанию известного российского ученого-правоведа, профессора Н.М. Коркунова, «как бы целесообразно и тщательно ни была устроена организация управления, в отдельных случаях все-таки возможны ошибки и злоупотребления»¹. Правонарушения, допускаемые администрацией, наносят ущерб не только частным интересам, но и в первую очередь всему государству в целом.

В свою очередь, обеспечение законности в сфере государственно-го управления и судебный контроль над администрацией неразрывно связаны с конституционно-правовым принципом разделения властей. Данный принцип устанавливает соотношение исполнительной и судебной власти — важнейший вопрос для административного процесса. Известный отечественный конституционалист, заслуженный деятель науки Российской Федерации профессор С.А. Авакьян обозначил три тезиса, отражающих, по мнению ученого, сущность принципа разделения властей, закрепленного ст. 10 Конституции Российской Федерации². Считаю необходимым процитировать данные тезисы:

«1) каждая ветвь (каждый уровень) власти занимается своими, юридически порученными ей (ему) делами;

2) ветви (уровни) власти самостоятельны, не имеют права вмешиваться взаимно в деятельность и подменять друг друга;

3) каждая ветвь (каждый уровень) власти обладает средствами воздействия на другие ветви (уровни) власти, чтобы принимали решения, в которых у данной ветви (данного уровня) власти есть интерес, и чтобы обеспечивался баланс властей, а также соблюдалась законность в их деятельности»³.

Каждый из тезисов данного определения вызывает научный интерес и должен, на наш взгляд, быть подвергнут обстоятельному анализу.

¹ Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. II: Часть особенная. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1909. С. 628.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

³ Авакьян С.А. Конституционное право России: в 2 т. Т. 1. С. 374–375.

Представляется, что первый из приведенных тезисов имеет важнейшее значение для понимания места исполнительной власти в системе разделения властей и обеспечения законности в сфере государственного управления. Мы полностью согласны с С.А. Авакьяном в том, что органы каждой ветви государственной власти (в том числе исполнительной и судебной) должны обладать компетенцией, не отнесенной к компетенции других органов. В науке административного права также нашла отражение мысль о том, что наличие компетенции является необходимым признаком существования органов исполнительной власти. Так, например, профессор А.П. Алехин полагает, что «самостоятельность органа исполнительной власти проявляется в наличии у него юридически властных полномочий»⁴.

По нашему мнению, центральным, ключевым в определении принципа разделения властей является второй тезис, сформулированный С.А. Авакьяном, — о самостоятельности ветвей государственной власти, невмешательстве ветвей государственной власти в дела друг друга и недопустимости подмены одной ветви государственной власти другой. Таким образом, второй тезис, предложенный С.А. Авакьяном, можно условно выразить с помощью трех категорий: самостоятельность ветвей власти, невмешательство властей в дела друг друга, недопустимость подмены одной ветви власти другой.

Принцип разделения властей требует надлежащего обеспечения законности в государственном управлении. Только соблюдение режима законности позволит не допустить вмешательство исполнительной и судебной власти в дела друг друга. Выявление важнейших основ конституционного принципа разделения властей заставляет поднять следующий вопрос: *«В чем заключается роль суда и органов исполнительной власти в обеспечении законности в сфере государственного управления?»* Мы согласны с тем, что «суд и по теории разделения властей, и по сути своего происхождения является не тем органом, который может подменять административные органы, но тем, которому принадлежит самое святое в юриспруденции — определение правовой истины»⁵. Данная точка зрения соответствует идеям самостоятельности ветвей власти, невмешательства ветвей власти в дела друг друга и недопустимости подмены одной ветви власти другой.

Исходя из этого, система законодательства должна быть устроена таким образом, чтобы позволить суду проверять законность деятельности администрации и в то же время оградить администрацию от излишнего вмешатель-

---

⁴ Алехин А.П., Кармолицкий А.А. Административное право России. Общая часть. М. : Зерцало-М, 2016. С. 126.

⁵ Демин А.А. Может ли судья заниматься производством по делам об административных правонарушениях? // Юридическая мысль. 2009. № 6. С. 22.

ства в ее деятельность со стороны судебной власти. В связи с этим возникает вполне обоснованный вопрос: удовлетворяет ли действующее российское законодательство приведенному выше требованию?

На этот вопрос следует дать отрицательный ответ. Действующее законодательство предусматривает общее правило о возможности безусловного обращения заинтересованного лица в суд в случае нарушения его прав администрацией (в соответствии с положениями ст. 4 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации⁶ и ст. 4 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации⁷). Исключение составляют лишь некоторые категории правовых актов органов государственного управления, которые подлежат обязательному внесудебному оспариванию. В качестве примера можно привести акты налоговых органов (п. 2 ст. 138 Налогового кодекса Российской Федерации)⁸ и некоторые решения органов исполнительной власти в сфере стандартизации (в соответствии с ч. 15 ст. 11, ч. 21 ст. 24, ч. 14 ст. 25 Федерального закона «О стандартизации в Российской Федерации»)⁹.

Установление безусловного права на обращение в суд для оспаривания любого (в том числе принятого по довольно специфическому вопросу) правового акта органов государственного управления обуславливает проблему обеспечения всесторонности и объективности рассмотрения дела. Государственное управление настолько широко и необъятно, что вряд ли найдется юрист, который сможет разобраться в специфике вопросов, возникающих во всех сферах управленческой деятельности. Государственные органы принимают правовые акты в сфере антимонопольного регулирования, защиты окружающей среды, обеспечения промышленной безопасности и по иным многочисленным и сложным правовым вопросам, которые возникают при осуществлении государственного управления. И вряд ли найдется судья, который будет обладать знаниями во всех областях государственного управления, необходимыми для всестороннего рассмотрения и правильного разрешения административного дела.

В связи с этим мы разделяем негативное мнение доцента А.А. Демина о том, что «судье подведомственны наиболее сложные составы административных правонарушений, требующие в том числе и высокой

⁶ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2013 г. № 21-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

⁷ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

⁸ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

⁹ Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 162-ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 27. Ст. 3953.

профессиональной квалификации»¹⁰. Трудно не согласиться и с тем, что законодательные акты «не должны содержать иного статуса судов и мировых судей, кроме реализующего функцию рассмотрения жалоб»¹¹. Разрешение многих дел об административных правонарушениях связано со спецификой той или иной управленческой деятельности, требующей у лица, рассматривающего административное дело, специальных профессиональных познаний.

Но вопрос о подведомственности административно-правовых споров судам стоит еще острее, чем вопрос о подведомственности дел об административных правонарушениях. К подведомственности судов отнесена только часть дел об административных правонарушениях, в то время как любой правовой акт органа государственного управления может быть оспорен в суде по общему правилу (за редкими исключениями, которых мы касались выше). Данное обстоятельство с учетом необходимости высокой профессиональной подготовки судей порождает важный вопрос не только о подведомственности административных дел в первой инстанции судебным органам, но и об организации всей системы административной юстиции в России.

Свою точку зрения по данному вопросу представил еще в начале XX в. известный отечественный административист профессор С.А. Корф: «Для определения существа админ. юстиции, в том виде, в котором мы его представили выше, безразлично, к какой “власти” мы будем причислять этот институт — судебной ли или административной»¹². Развивая свои суждения об административной юстиции в различных государствах, С.А. Корф приходит к выводу, согласно которому «административная юстиция может быть обеспечена лишь деятельностью органа судебного, что по всему своему существу она является “юстицией”, правоговорением, а не управлением»¹³.

Данная позиция хотя и не дает однозначный ответ о подведомственности административных дел судебным органам, но не ограничивает возможности для организации системы административной юстиции только рамками судебной власти. Более того, С.А. Корф называет важнейший признак государственного органа, рассматривающего административное дело. Этот орган должен находиться в положении судебного органа, то есть на-

---

¹⁰ Демин А.А. Может ли судья заниматься производством по делам об административных правонарушениях? С. 22.

¹¹ Там же. С. 25.

¹² Корф С.А. Административная юстиция в России. Т. 2. СПб. : Типография Тренке и Фюсно, 1910. С. 452.

¹³ Там же. С. 461.

ходить правовую истину при проверке законности правовых актов органов государственного управления, а также предоставить возможность сторонам спора (частному лицу и администрации) быть заслушанными. При этом этот орган не обязательно должен находиться в судебной системе.

Точка зрения С.А. Корфа позволяет поднять вопрос о создании особых квазисудебных коллегиальных органов, не относящихся к судебной системе и создаваемых при органах государственного управления и состоящих из должностных лиц данных органов. Данным органам могут быть переданы полномочия по внесудебному разрешению административно-правовых споров. На наш взгляд, идея создания таких органов в российской правовой системе не лишена перспектив.

Это не означает, что мы пренебрегаем исторически сложившимся и существующим в настоящее время способом обеспечения законности в сфере государственного управления — судебным контролем. Значение контроля со стороны суда для обеспечения законности в государственном управлении трудно переоценить. Но судебный способ защиты прав — самый дорогостоящий, его реализация занимает существенный временной промежуток. Поэтому данный способ защиты прав должен использоваться лишь в крайних случаях, когда использование внесудебной процедуры рассмотрения административно-правового спора (административное обжалование, оспаривание правовых актов в квазисудебных органах) не позволило восстановить нарушенное администрацией субъективное право.

При этом, по нашему мнению, в целях обеспечения объективности рассмотрения административно-правовых споров квазисудебные органы по разрешению административно-правовых споров должны быть выведены за пределы структуры существующих федеральных органов исполнительной власти (федеральных министерств, федеральных служб, федеральных агентств).

Приемлемым вариантом организации системы квазисудебных органов по разрешению административно-правовых споров может стать их учреждение в рамках нового, четвертого вида федеральных органов исполнительной власти, наряду с федеральными министерствами, федеральными службами и федеральными агентствами. В то же время представляется, что квазисудебные органы по рассмотрению административно-правовых споров могут быть учреждены в соответствии с федеральным законом как органы, формально не относящиеся ни к одной из ветвей государственной власти.

Процедура рассмотрения административных дел в квазисудебном органе должна обеспечить восстановление законности (если администрацией принят не соответствующий закону акт) либо убедить гражданина

в правомерности принятого акта администрации. В таком случае необходимость обращения в суд отпадет, что позволит, во-первых, не допустить излишних расходов, связанных с судебным процессом, во-вторых, обеспечить оперативность разрешения административных дел должностными лицами, имеющими специальные познания в той или иной узкой сфере государственного управления.

Леонов Д.В.,

преподаватель кафедры государственного и административного права

Института технологий управления

МИРЭА — Российского технологического университета,

кандидат юридических наук

(г. Москва)

Литература

1. Авакьян С.А. Конституционное право России. В 2 томах. Т. 1 / С.А. Авакьян. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2010.
2. Алехин А.П. Административное право России. Общая часть / А.П. Алехин, А.А. Кармолицкий. Москва : Зерцало-М, 2016.
3. Демин А.А. Может ли судья заниматься производством по делам об административных правонарушениях? / А.А. Демин // Юридическая мысль. 2009. № 6.
4. Коркунов Н.М. Русское государственное право. В 2 томах. Т. 2. Часть особенная / Н.М. Коркунов. 6-е изд., под редакцией и с дополнениями З.Д. Авалова, М.Б. Горенберга и К.Н. Соколова. Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1909.
5. Корф С.А. Административная юстиция в России. В 2 книгах. Кн. 2. Очерк действующего законодательства / С.А. Корф. Санкт-Петербург : Тип. Тренке и Фюсно, 1910.

О благополучии граждан в аспекте реализации финансово-правовых интересов государства

В научной литературе благополучие гражданина рассматривается через «спокойное и счастливое, без каких-либо нарушений течение дел и жизни»¹ человека, включающее: физическое, духовное, социальное, материальное, психологическое, профессиональное, финансовое, а также благополучие в среде проживания. Например, финансовое благополучие характеризуется стабильным уровнем доходов, позволяющих человеку постоянно удовлетворять свои ежедневные потребности.

Следует отметить, что в юридической литературе благополучие граждан как правовое явление практически не изучено, а содержание не раскрывается в действующем законодательстве. Тем не менее в отдельных нормативных актах о данном понятии, его видах упоминается, и неоднократно. Так, в Федеральном законе от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» закреплено понятие санитарно-эпидемиологического благополучия населения как состояния здоровья населения, среды обитания человека, при котором отсутствует вредное воздействие факторов среды обитания на человека и обеспечиваются благоприятные условия его жизнедеятельности. Отдельные стороны рассматриваемого понятия можно выявить при анализе полномочий Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека.

В источниках финансового права благополучию граждан также уделяется внимание. В Основных направлениях бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов в рамках реализации национальной цели предполагается сохранение населения — здоровья и благополучия людей, включающее увеличение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет, снижение уровня бедности в два раза. Следует обратить внимание, что в Основных направлениях бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов в рамках обеспечения благополучия людей отмечены ключевые меры в области содействия повышению рождаемости и защите детства, по поддержке доходов граждан, непосредственно связанные с финансированием данного направления, а также меры по снижению уровня бедности и поддержке доходов населения.

¹ Агапов Е.П. Феномен человеческого благополучия // Медико-социальные и психологические аспекты безопасности промышленных агломераций: материалы международной научно-практической конференции (г. Екатеринбург, 16–17 февраля 2016 г.). Екатеринбург : УрФУ, 2016. С. 216–223.

Вопросы благополучия человека-гражданина затрагивают целый ряд отношений (политических, экономических, социальных, гуманитарных), но ключевое значение приобретают именно те общественные отношения, которые устанавливаются государством и регулируются правом. При этом важно указать, что обеспечение благополучия граждан напрямую связано с уровнем доходов бюджетов, с целевым расходованием денежных средств, а также эффективным контролем и возможностью применения мер государственного принуждения. Главное место в регулировании отношений по обеспечению благополучия граждан отводится финансовому праву, ведь без необходимого и достаточного объема денежных ресурсов государство не в состоянии решать задачи и реализовывать функции, характерные для современного этапа развития.

И здесь во главу угла встает вопрос баланса интересов государства и частных интересов субъектов финансовых правоотношений, поскольку участники финансовых правоотношений обладают различными, часто противоречащими, противоположно направленными интересами. Интересы государства направлены на обеспечение финансовой устойчивости, бесперебойное денежное обращение, защиту национальной валюты. Как отмечает В.В. Субочев в своей монографии, «государственный интерес объединяет в себе два взаимоисключающих начала. Он может и должен в определенных случаях противоречить интересам личности, отстаивая общественное, противоречить общественному, гарантируя права каждого. И наконец — взаимоисключать общественный и личный интерес не только ради единичного либо общего блага, но и ради блага своего, блага аппарата управления»². Что касается интересов обязанных субъектов финансовых правоотношений, то они направлены на сохранение своих денежных фондов, получение прибыли и минимизацию расходов³.

Процесс формирования и координации интересов происходит прежде всего в бюджетной и налоговой сферах. Так, интересы государства в бюджетной сфере становятся первичным средством обеспечения безопасности бюджетной системы и определяются значимостью бюджета, уровнем поступающих денежных средств в бюджеты бюджетной системы. При этом интересы государства взаимосвязаны и взаимообусловлены интересами получателей бюджетных средств и иных участников бюджетных правоотношений.

Фискальные интересы государства продиктованы необходимостью пополнения государственной казны налогами, что устанавливается практически во всех конституциях. Однако налог — отчуждаемая государством часть имущества налогоплательщиков. Противоречие интересов участников на-

---

² Субочев В.В. Законные интересы. М. : Норма, 2008. С. 15.

³ В данном контексте не рассматриваются субъекты бюджетных правоотношений, обладающие властными полномочиями.

логовых отношений налицо. С одной стороны, конфликт интересов выражается в уклонении от уплаты налогов и в различных нарушениях законодательства о налогах и сборах, с другой — в применении государством мер принуждения. Неравенство участников налоговых отношений, конфликт интересов государства и налогоплательщиков обуславливает необходимость гармонизации интересов государства и налогоплательщика и закрепления разумного компромисса в действующем налоговом законодательстве. Конституционный Суд РФ в своем постановлении⁴ указал на необходимость баланса публичных и частных интересов как конституционно защищаемых ценностей.

В трудах ученых-юристов «баланс интересов» рассматривается в трех значениях, как: 1) характеристика правоотношения; 2) правовой принцип и 3) цель правового регулирования. Думается, что в финансовом праве, в первом качестве это такое состояние правоотношения, в котором корреспондирующие права и обязанности сторон соразмерны; стороны имеют возможность и способны реализовать свои законные интересы; обеспечивается возможность сторон защищать свои права; субъект, обладающий властными полномочиями, должен учитывать права и частные интересы иных субъектов; имеющиеся ограничения должны быть социально оправданны.

Одним из руководящих принципов финансового права, как известно, является приоритет публичных интересов в правовом регулировании финансовых отношений, пронизывающий все направления финансовой деятельности государства (муниципального образования). Однако, как закреплено в Конституции РФ, «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства» (ст. 2). Следовательно, финансовая деятельность государства в конечном итоге должна обеспечить благополучие населения страны, их граждан, в том числе финансовое, посредством справедливого определения потребностей субъектов финансовых правоотношений.

Современные отношения в обществе характеризуются нестабильностью и непредсказуемостью, что отражается на финансовом обеспечении благополучия граждан. Недостаток финансовых средств, кризисные явления, рост инфляции — угрозы финансовой безопасности. В указанных условиях баланс интересов должен обеспечиваться разумным приоритетом публичных интересов, позволяющим разрешать социальные проблемы и защищать жизненно важные интересы человека. Так, дезорганизация бюджетной

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2005 г. № 9-П по делу о проверке конституционности положений статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г.А. Поляковой и запросом Федерального арбитражного суда Московского округа // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 4.

деятельности, осуществляемая органами государственной власти, характеризующаяся отсутствием системности формирования, распределения и неэффективным использованием бюджетных средств, в конечном итоге нарушает баланс интересов и не способствует достижению достойного уровня жизни граждан. Необходимость соблюдения справедливого баланса между «противостоящими» интересами обуславливает необходимость защиты слабой стороны финансового правоотношения и фактическую возможность реализации своих прав. Содержание финансовых правоотношений не всегда свидетельствует о равноправии сторон. Нарушение баланса интересов нередко проявляется в том, что в действующем законодательстве закреплены обязанности государства по охране прав и интересов граждан, что одновременно не исключает активную защиту своих, государственных интересов.

Обеспечение баланса финансово-правовых интересов в обществе возможно лишь в случае использования государством эффективных правовых средств, обеспечивающих стабильность и устойчивость финансовой системы, что, в свою очередь, позволит минимизировать различные риски и угрозы. В условиях новой экономической реальности перестройка финансово-правового механизма баланса интересов неизбежна и должна быть ориентирована на укрепление как государственного суверенитета, так и на достижение благополучия общества и граждан как высшей ценности.

Саттарова Н.А.,

заведующая кафедрой финансового и экологического права
Института права Башкирского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор
(Республика Башкортостан, г. Уфа)

Литература

1. Агапов Е.П. Феномен человеческого благополучия / Е.П. Агапов // Медико-социальные и психологические аспекты безопасности промышленных агломераций : материалы международной научно-практической конференции (г. Екатеринбург, 16–17 февраля 2016 г.). Екатеринбург : УрФУ, 2016.
2. Субочев В.В. Законные интересы / В.В. Субочев. Москва : Норма, 2008.

Гендерное равенство в политике финансового обеспечения благополучия граждан: практика зарубежных стран в ответ на пандемию

С начала пандемии многие страны предпринимают шаги по защите жизни людей, смягчению последствий экономических и социальных потрясений и формированию инклюзивного восстановления. Гендерные нормы и стереотипы можно выявить в разных финансовых документах, которые формируют государственную политику. То же самое относится и к государственным инструментам, таким как нормативные акты, бюджеты и государственные закупки. Поэтому если эти инструменты будут применяться без учета различных последствий, которые они могут оказать на мужчин и женщин, то появится риск негативного влияния на гендерное равенство в процессе восстановления после пандемии. Например, если последствия пандемии для занятости женщин и бизнеса не будут учтены при разработке и осуществлении нормативных актов и бюджетов, финансовая помощь и социальные пособия могут быть недостаточно направлены в те секторы, в которых доминируют женщины. Кроме того, это может усугубить экономические гендерные различия. С другой стороны, поскольку бюджеты, нормативные акты и закупки являются важнейшими инструментами в руках государства для принятия мер и влияния на поведение, они могут стать важными инструментами для обеспечения гендерного равенства на этапе восстановления, особенно если они будут использоваться для устранения структурных неравенств, усугубленных пандемией. Применяемые инструменты также могут способствовать расширению экономических прав и возможностей женщин путем поощрения всестороннего участия на рынке труда, разрешения проблемы профессиональной дискриминации и поддержки женского предпринимательства и доступа к финансированию.

В период постпандемийного обсуждения финансовых мер по социальной политике активное внимание в ряде стран уделяется гендерному бюджетированию. ОЭСР определяет гендерное бюджетирование как «интеграцию четкой гендерной перспективы в общий контекст бюджетного процесса посредством использования специальных процессов и аналитических инструментов в целях содействия политике, учитывающей гендерные аспекты». В то время как ОЭСР ссылается на гендерное бюджетирование в рамках общей терминологии, которую юрисдикции адаптировали к своим контекстам, общим является преднамеренное намерение закрепить равенство (гендерное и для других групп) в существующих бюджетных и директивных рамках.

Это может быть сделано в дополнение к целевым инвестициям в меры по обеспечению гендерного равенства и разнообразия.

Некоторые страны ОЭСР внедряют гендерное бюджетирование с помощью целого ряда подходов, основанных на существующих элементах их систем бюджетирования. Инструменты, используемые в некоторых странах, включают оценку гендерного воздействия (анализ дифференцированного по признаку пола воздействия существующих и/или новых бюджетных мер), гендерный аспект в определении показателей эффективности (определение показателей и целей гендерного равенства в рамках составления бюджета эффективности), заявление о гендерном бюджете (краткое изложение того, как бюджетные меры предназначены для поддержки приоритетов гендерного равенства), маркировку гендерного бюджета (отслеживание того, как программы и мероприятия способствуют достижению целей гендерного равенства, помогая количественно оценить финансовые потоки), гендерную проблематику в оценке и аудите эффективности (определение того, были ли достигнуты гендерные цели, касающиеся различных стратегий и программ), гендерную перспективу в обзоре расходов и др.

Таким образом, несмотря на проблемы, с которыми сталкиваются страны при внедрении политики, учитывающей гендерные аспекты, в политике ряда стран просматривается целый ряд методов для обеспечения в политике управления чрезвычайными ситуациями и восстановления отдельно потребностей мужчин и женщин. Это объясняется тем, что пандемия во многих направлениях усугубила ранее существовавшее неравенство. В ряде стран, где до пандемии существовали хорошо отлаженные системы учета гендерной проблематики, правительства использовали гендерный анализ, с тем чтобы помочь в принятии решений с учетом соображений гендерного равенства в начале пандемии. Этому часто способствовали законодательные требования, встроенные существующие процедуры, эффективная система данных с разбивкой по полу или результаты оценок различных последствий политики для мужчин и женщин, проведенных до пандемии. Так, в Швеции для правительства обязательным стало принятие политических мер с учетом гендерных исследований. В Исландии гендерное бюджетирование выступает инструментом бюджетного процесса с 2015 г. Правительство использовало этот инструмент для обеспечения того, чтобы ключевые меры бюджетного законопроекта, который был принят в ответ на пандемию, предусматривали гендерные аспекты. Исландия при разработке нового документа в условиях пандемии учитывала результаты гендерного анализа большинства областей госрасходов.

Некоторые страны подчеркнули роль механизмов институциональной координации и обмена информацией в устранении последствий пандемии для женщин и мужчин, в том числе путем учета гендерных аспек-

тов в более широких мерах по чрезвычайным ситуациям и восстановлению. Так, в Канаде была создана новая группа по общинам, стремящимся к равенству, и по COVID-19 в целях обеспечения междепартаментского форума для обмена информацией, согласования стратегий, политики и инициатив и взаимодействия с представителями общин, стремящихся к равенству. В Швейцарии Федеральное управление по вопросам гендерного равенства сотрудничает с национальной целевой группой по COVID-19, для того чтобы попытаться включить политику, способствующую учету гендерных аспектов, в ответные меры правительства Швейцарии. В Италии министр по делам семьи и равных возможностей создал специальную целевую группу для женщин «Женщины за новое возрождение» для анализа, информирования и предложения политики поощрения гендерного равенства, особенно в периоды восстановления после родов и выхода на работу. В Мексике Национальный институт по делам женщин обеспечил координацию и сотрудничество между секретариатами Федерального правительства и местных органов власти для реализации подхода в разрешении проблем гендерного насилия, оплаты отпуска по уходу за ребенком, а также получения доходов посредством реализации мер социальной защиты женщин.

Есть примеры и того, как правительства консультируются с внешними заинтересованными сторонами, для того чтобы помочь учесть потребности женщин из разных слоев общества. США, например, уделяют приоритетное внимание консультациям с местными организациями и партнерами-исполнителями для улучшения межучрежденческого понимания различных последствий COVID-19 для мужчин и женщин. Гибкие структуры (экспертно-консультативные органы по вопросам гендерного равенства) могут помочь выявить потенциальные препятствия на пути к гендерному равенству и потенциальные гендерные последствия чрезвычайных мер.

Цифровые консультационные платформы также представляют еще один гибкий и эффективный способ созыва и взаимодействия с широким кругом заинтересованных сторон для поиска идей и совместного создания решений на протяжении всего политического цикла. Кроме того, наличие уже хорошо разработанных механизмов проведения консультаций и координации для принятия решений может сэкономить время и усилия. Так, например, для координации коммуникации между своими провинциями и территориями во время пандемии Канада мобилизовала свой Федеральный провинциально-территориальный (ФРТ) форум, на котором решаются вопросы по делам женщин.

Особенно можно отметить отдельные финансовые меры, принятые ради женщин. Поскольку предприятия для женщин более уязвимы в период пандемии, чем предприятия для мужчин, финансовые меры и субсидии, предложенные некоторыми странами, особенно важны для самозанятых женщин.

Испания объявила о специальной субсидии для зарегистрированных «домашних» работников в качестве компенсации за их неспособность работать во время самоизоляции. В Канаде ввели схемы поддержки малых предпринимателей (например, беспроцентные кредиты и более широкий доступ к финансированию), а Мексика для данной категории деловых людей увеличила срок окупаемости кредитов. В Италии также увеличили финансирование МСП, принадлежащих женщинам. Чешская Республика, Италия, Латвия, Литва и Соединенное Королевство также разработали схемы поддержки самозанятых лиц. Другие меры включают расширение критериев при включении в механизм предложенных финансовых мер и субсидий.

Проведенный анализ показал, что внедрение этих инструментов не является самоцелью, и каждая страна, которая их использует, выбирает подход, соответствующий ее потребностям и системам управления. Информация, собранная в ходе их реализации, может способствовать анализу и принятию более обоснованных бюджетных решений, помогая государству обеспечивать согласованность бюджетных решений со стратегическими приоритетами.

Сергиенко Н.С.,

доцент кафедры государственного и муниципального управления
факультета высшей школы управления
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
кандидат экономических наук
(г. Москва)

Правовое регулирование обжалования штрафов за нарушение правил дорожного движения онлайн

В 2019 году в Правительстве Российской Федерации одобрили перечень из двадцати пяти приоритетных жизненных ситуаций для цифровой трансформации предоставляемых государственных и муниципальных услуг. Речь шла о так называемых суперсервисах — комплексах оцифрованных услуг по соответствующему направлению. Их должны разработать с учетом наилучшего пользовательского опыта и передовых мировых практик¹. Среди данных сервисов отдельно было выделено «Уведомление и обжалование штрафов за нарушение правил дорожного движения и правил благоустройства», которое законодатель решил реализовать в онлайн-пространстве.

В настоящее время приняты Федеральный закон от 29 декабря 2020 г. № 471-ФЗ о внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях² (далее — КоАП РФ), в частности в ст. 30.2 и 30.8, и детализирующее его Постановление Правительства Российской Федерации от 19 июня 2021 г. № 947³.

По общему правилу в случае выявления административного правонарушения с помощью технических средств фиксации протокол об административном правонарушении не составляется, а постановление по делу об административном правонарушении выносится без участия лица, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении (ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ), и оформляется в порядке, предусмотренном ст. 29.10 КоАП РФ.

Вместе с тем на современном этапе развития автоматически фиксирующих средств невозможно полностью исключить вероятность технических ошибок,

¹ Кабытов П.П. Влияние цифровизации на реализацию полномочий органов исполнительной власти / П.П. Кабытов, О.Е. Стародубова // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 119.

² Федеральный закон от 29 декабря 2020 г. № 471-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 2 Федерального закона “О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях”» // СЗ РФ. 2021. № 1 (часть I). Ст. 10.

³ Постановление Правительства РФ от 19 июня 2021 г. № 947 «Об утверждении Правил направления экземпляров постановлений и копий решений по жалобам на постановления по делу об административном правонарушении и материалов, полученных с применением работающих в автоматическом режиме специальных технических средств, имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средств фото- и киносъемки, видеозаписи, лицу, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью уполномоченного должностного лица, с использованием Единого портала государственных и муниципальных услуг» // СЗ РФ. 2021. № 26. Ст. 4971.

вследствие которых могут быть вынесены необоснованные решения о привлечении к административной ответственности. Камеры фотовидеофиксации — это технические средства, исправная работа которых обусловлена самыми различными факторами, в том числе погодными условиями. На практике среди ошибок в работе аппаратуры можно выделить следующие: неверное распознавание камерой государственного регистрационного знака автомобиля, отсутствие собственника за рулем, вынесение дважды штрафа за одно и то же правонарушение, технические сбои в работе камер при определении скорости движения автомобиля и т.п.⁴.

Однако ранее не существовало специального порядка обжалования таких ошибочных постановлений, в связи с чем необоснованно привлеченные к административной ответственности лица вынуждены были нередко нести значительные материальные и временные затраты для восстановления своих прав, особенно если правонарушение фиксировалось камерой в другом субъекте Российской Федерации. Обжалование происходило на основании личной явки в соответствующее подразделение ГИБДД или отправки заказного письма в другой регион.

Новые правила устанавливают, что, если правонарушение будет зафиксировано автоматической дорожной камерой, жалобу на постановление по делу можно подать через Единый портал госуслуг или через официальный сайт соответствующего суда (как правило, городского или районного) при наличии такой технической возможности. В этом случае копию решения по жалобе уполномоченные органы направляют заявителю через портал в течение трех дней с даты его вынесения. Таким образом, доставка постановления в личный кабинет на портале будет возможна, если адресатом завершено прохождение процедуры регистрации в единой системе идентификации и аутентификации, в том числе верификации.

Постановление по делу об административном правонарушении будет считаться доставленным на следующий день с момента:

— его размещения на Госуслугах — если адресат согласился получать такие документы данным способом (здесь факт получения уведомления не связывается с моментом входа на портал и основывается на подаче заявления в отделение «Почты России» о такой форме уведомления);

— входа адресата на портал в течение семи дней с даты размещения — если согласия нет.

Документ будет направлен в бумажном виде, если адресат:

— не зарегистрировался на Госуслугах;

⁴ См.: Тихалева Е.Ю. Вопросы административной ответственности за правонарушения в области дорожного движения, зафиксированные средствами фотовидеофиксации // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2017. № 3. С. 168–175.

— не зашел на портал в течение семи дней с даты размещения постановления и не дал согласия получать подобные документы через него либо отозвал такое согласие;

— отказался получать постановления через Госуслуги.

По сути, копия решения по жалобе будет считаться доставленной через Госуслуги с момента входа адресата на портал.

Плата за доставку постановления зависит от способа его доставки, в частности, размер указанной платы может устанавливаться в договоре между организацией федеральной почтовой связи и отправителем.

По общему правилу обжаловать полученное постановление адресат может в течение десяти суток со дня вручения или получения его копии.

Кроме того, законодательно определено, что, если жалоба подается в форме электронного документа, она должна быть подписана усиленной квалифицированной электронной подписью (приобретается в удостоверяющем центре) либо простой электронной подписью, ключ которой был получен в соответствии с правилами использования простой электронной подписи при обращении за получением государственных и муниципальных услуг в электронной форме, устанавливаемых Правительством Российской Федерации⁵. Данная подпись оформляется на Госуслугах посредством указания идентификатора (страхового номера индивидуального лицевого счета заявителя) и пароля ключа.

В первоначальном проекте закона отсутствовала информация о необходимости электронной подписи. Однако ввиду того, что жалоба носит официальный характер, и на основании требований⁶, предъявляемых к письменным обращениям, данная норма была дополнена.

При подаче жалобы через портал следует указывать причину обжалования. На портале доступны следующие варианты: «разрешенное место», «несоответствие в адресе нарушения», «транспортное средство продано», «за данное нарушение ранее было вынесено другое постановление», «неправильно определен государственный номер», «остановка в результате дорожно-транспортного происшествия», «остановил инспектор дорожно-патрульной службы», «иное», «особый случай» (когда необходимо личное присутствие при рассмотрении жалобы).

Жалоба должна содержать документальное подтверждение невиновности водителя. В связи с этим к ней могут прикрепляться фотографии, видеозаписи, иные документы, которые имеют отношение к невиновности водителя (например, письменные показания свидетелей).

---

⁵ Постановление Правительства РФ от 25 января 2013 г. № 33 «Об использовании простой электронной подписи при оказании государственных и муниципальных услуг» // СЗ РФ. 2013. № 5. Ст. 377.

⁶ См.: Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.

В перспективе данный механизм обжалования планируется использовать совместно с информационной системой «Паутина» Министерства внутренних дел Российской Федерации. Данная система в настоящее время предназначена для розыска угнанных и отслеживания покинувших место дорожно-транспортного происшествия автомобилей на основании аналитики поступающей в нее информации⁷. К концу года ее планируют использовать в большинстве субъектов Российской Федерации, в том числе для налаживания межрегионального взаимодействия.

Таким образом, целью внесения изменений в действующее законодательство являлось упрощение порядка защиты прав лиц, привлеченных к административной ответственности на основании данных работающих в автоматическом режиме специальных технических средств. При этом очень важно не пропустить срок, отведенный для подачи жалобы. Также не следует игнорировать выписанный штраф, даже если он явно назначен по ошибке, так как предполагается, что его можно будет вернуть дистанционно в случае неправомерности назначения.

Использование электронной формы документа и Единого портала государственных и муниципальных услуг в качестве средства и способа доставки копии решения позволит в первую очередь сократить издержки государственных органов, связанные с пересылкой соответствующей корреспонденции.

Тихалева Е.Ю.,

сотрудник Академии Федеральной службы охраны Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Москва)

Литература

1. Адамян Р.Э. Особенности предупреждения тайного хищения автотранспорта в мегаполисе / Р.Э. Адамян // Российский следователь. 2016. № 16.
2. Кабытов П.П. Влияние цифровизации на реализацию полномочий органов исполнительной власти / П.П. Кабытов, О.Е. Стародубова // Журнал российского права. 2020. № 11.
3. Тихалева Е.Ю. Вопросы административной ответственности за правонарушения в области дорожного движения, зафиксированные средствами фотовидеофиксации / Е.Ю. Тихалева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2017. № 3 (30).

⁷ См.: Адамян Р.Э. Особенности предупреждения тайного хищения автотранспорта в мегаполисе // Российский следователь. 2016. № 16. С. 36.

Публичная администрация и ее роль в обеспечении благополучия человека и нации

Утвержденная 2 июля 2021 г. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (далее — Стратегия) привнесла корректировку в основные понятия в сфере национальной безопасности. Так, вместо формулировки «органы государственной власти и органы местного самоуправления» употреблено «органы публичной власти». Система обеспечения национальной безопасности определена как совокупность осуществляющих реализацию государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности органов публичной власти и находящихся в их распоряжении инструментов. Учитывая, что оборона и безопасность как компоненты национальной безопасности — предмет административно-правового воздействия, уделим внимание основным субъектам ее обеспечения, составляющим публичную администрацию и применяющим административно-правовые методы и средства.

В соответствии со ст. 23 Стратегии, формирование новой архитектуры, правил и принципов мироустройства сопровождается для Российской Федерации появлением не только новых вызовов и угроз, но и дополнительных возможностей. Перспективы долгосрочного развития и позиционирование России в мире определяются ее внутренним потенциалом, привлекательностью системы ценностей, готовностью и способностью реализовать свои конкурентные преимущества путем повышения эффективности государственного управления. В статье 103 Стратегии конкретизировано, что ее реализация осуществляется на плановой основе путем согласованных действий органов публичной власти, организаций и институтов гражданского общества под руководством Президента РФ за счет комплексного применения политических, организационных, социально-экономических, правовых, информационных, военных, специальных и иных мер, разработанных в рамках стратегического планирования.

Согласно одной концепции, публичная администрация — функциональное объединение органов исполнительной власти и местного самоуправления, их структурных подразделений, территориальных органов, должностных лиц, наделенных административно-публичными полномочиями. В ее структуру отнесены Правительство РФ, федеральные органы исполнительной власти, их территориальные органы, структурные подразделения, должностные лица, органы исполнительной власти субъектов Федерации, органы местного самоуправления. Административно-публичные

полномочия органов исполнительной власти и органов местного самоуправления, в отличие от иных государственных полномочий (полномочий законодательных органов, судов, прокуратуры), влекут возможность их непосредственного вмешательства в административно-хозяйственную, организационно-распорядительную и иную деятельность физических лиц и организаций, являющихся субъектами административных и иных публичных правоотношений¹.

Представителями другой концепции² предложен более широкий подход к публичной администрации, согласно которому она представляет собой систему государственных и муниципальных органов, иных органов, учреждений и организаций, которые во исполнение закона и в установленном им порядке осуществляют в публичных интересах управленческие функции посредством принятия правовых актов управления, направленных на реализацию возложенных на них властных полномочий и исполнение обязанностей по предоставлению публичных услуг. Административная публичная функция реализуется в административной деятельности органов исполнительной власти, иных государственных органов, в том числе административных органов, обслуживающих функционирование органов законодательной и судебной власти, исполнительных органов и должностных лиц местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, иных уполномоченных действовать от имени государства и муниципальных образований, организаций и физических лиц по осуществлению на основе соответствующего законодательства целей публичного администрирования. Публичная администрация осуществляет публичное администрирование, т.е. реализует весь комплекс публичных мероприятий административного характера, связанных с исполнением законов, поддержанием правопорядка и общественной безопасности, обеспечением и защитой прав и законных интересов частных лиц, предоставлением публичных услуг, а также применением в установленных законом случаях мер административного принуждения. Публичное администрирование — способ функционирования публичной администрации и реализации ее функций как административной организации государства. Такое понимание публичного администрирования, в сущности, исходит из его отождествления с публичной административной деятельностью. Различают также понятия публичного и государственного администрирования,

---

¹ Административное право. Практикум : учеб. и практикум для бакалавриата и специалитета / под ред. А.И. Стахова. М. : Юрайт, 2019. С. 97–98.

² Зеленцов А.Б., Ястребов О.А. Концепция публичной администрации в современном административном праве (сравнительно-правовое исследование) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10. № 4. С. 626–654.

публичного администрирования и публичного управления. В организационную структуру публичной администрации включают исполнительные органы государственной власти, административные органы, обслуживающие деятельность органов законодательной и судебной власти, исполнительные органы и должностные лица местного самоуправления, администрацию государственных и муниципальных учреждений и предприятий, иные уполномоченные действовать от имени государства или местного самоуправления организации и лица, которые выступают на стороне публичной администрации при осуществлении возложенных на них функций и полномочий публичного администрирования. При этом небесспорным является включение в состав субъектов публичной администрации Правительства РФ в связи с более широким, нежели у других субъектов, перечнем его полномочий.

Некоторые ученые не столь категоричны в субъектном составе публичной администрации и подразумевают под публичным администрированием урегулированную нормами права деятельность публичной администрации (институтов публичной власти и публичной службы), которая направлена на реализацию законных прав и свобод человека и гражданина, удовлетворение потребностей общества и государства, исполнение нормативных правовых актов, издаваемых органами государственной власти и местного самоуправления, обеспечение верховенства права, соблюдения Конституции и законодательства³. В составе публичной администрации выделяют государственную, муниципальную, международную администрации. Функции государственной администрации классифицируют исходя из предметного (обеспечение безопасности, общественного порядка, обороны, защиты и охраны государственной границы, регулирование в сфере экономики и др.) и инструментального (функции ориентирования системы (прогнозирование, нормативное регулирование, планирование, методическое руководство), обеспечения системы (кадровое, финансовое, информационное, организационно-структурное, материально-техническое), оперативного руководства системой (контроль, учет, непосредственное регулирование деятельности, оценка и применение мер воздействия)) подходов⁴.

Учитывая функциональный подход к полномочиям субъектов публичной администрации, используемые ими правовые методы и средства воздействия на общественные отношения, понятие публичной администрации,

---

³ Денисенко В.В. Публичное администрирование как правовая категория // Вестник Краснодарского института МВД России. Право. 2016. № 3 (33). С. 128–131.

⁴ Бахрах Д.Н. Административное право России : учеб. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Эксмо, 2011. С. 24, 171–174.

объединяющее органы государственной власти и органы местного самоуправления, может и далее трансформироваться в сторону его расширения. Сфера обеспечения национальной безопасности (обороны и всех видов безопасности государства) является наглядным подтверждением оправданности такого подхода.

Что касается категории «управление», под ней понимают нормотворческую, правоприменительную, юрисдикционную и иную властную деятельность органов государства, а также органов местного самоуправления в пределах их компетенции. Контроль определяют как организационно-правовой способ обеспечения законности и государственной дисциплины, форму деятельности государственных органов по систематическому наблюдению за деятельностью субъектов управленческих административно-правовых отношений с целью проверки соответствия их решений и действий требованиям законности и государственной дисциплины. Контроль включает обязательные элементы: проверку фактического результата деятельности подконтрольных субъектов в сравнении с ожидаемыми, намеченными, прогнозируемыми показателями, проверку путей и средств достижения этого результата, соответствия используемых при этом методов требованиям права, морали, нравственности, деловой и служебной этики, хозяйственной целесообразности, принятие по результатам контроля соответствующих мер⁵.

Административно-правовое воздействие на общественные отношения в сфере обеспечения национальной безопасности не ограничивается формированием и функционированием государственной системы ее административно-правового обеспечения. Важными субъектами выступают личность, граждане и их объединения, что отмечается и в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, и в Военной доктрине Российской Федерации, утвержденной 25 декабря 2014 г., и в других нормативных правовых актах, отражающих направления деятельности в сфере обеспечения различных компонентов национальной безопасности. Обеспечение национальной безопасности требует соблюдения баланса частных и публичных интересов, что обуславливает необходимость разработки правовых основ совершенствования деятельности органов исполнительной власти и органов правосудия, иных государственных органов и органов местного самоуправления на основе этого принципа, а также с учетом интересов решения задачи по сдерживанию, предотвращению, оценке и прогнозированию возникновения новых угроз и опасностей. При этом уровень защищенно-

---

⁵ Краткий юридический словарь / отв. ред. А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2015. С. 231, 319, 406.

сти граждан, участвующих в обеспечении национальной безопасности, является определяющим фактором их готовности участвовать в этих правоотношениях.

Несмотря на возможность широкого понимания содержания и сущности научных категорий «управление» и «администрирование» и придание им всеобъемлющего характера, они не могут быть отождествлены. Понятие управления нельзя назвать всеобъемлющей и основополагающей категорией для определения понятий публичной администрации и публичного администрирования, т.е. в теоретико-правовом отношении, и для конкретизации полномочий субъектов в составе публичной администрации, т.е. в практическом плане. В области обеспечения национальной безопасности субъектный состав публичной администрации показывает необходимость применения более широкого научного подхода к определению понятия и содержания публичной администрации, включающей в себя совокупность государственных органов и органов местного самоуправления, иных органов, учреждений и организаций, участвующих в сфере публичного администрирования. Наблюдается доминирование императивного метода правового регулирования общественных отношений в сфере обеспечения национальной безопасности, преобладание властных отношений и административно-правовых актов и действий над договорами среди форм административно-публичного обеспечения безопасности, асимметричных запретов и ограничений в правовых статусах различных категорий граждан, участвующих в обеспечении национальной безопасности.

Публичная администрация есть система государственных органов и органов местного самоуправления, иных органов, учреждений и организаций, наделенных административно-публичными полномочиями. Сегмент публичной администрации составляют субъекты, уполномоченные в области обеспечения национальной безопасности. Функционирование публичной администрации в сфере обеспечения национальной безопасности России обладает как элементами централизации, так и децентрализации. Обеспечение национальной безопасности отличается многоуровневостью: несмотря на то, что обеспечение обороны и государственной безопасности относится к исключительному ведению Российской Федерации, обеспечение иных компонентов национальной безопасности, в частности общественной, отнесено к совместному ведению России и ее субъектов. Дополнительно стоит напомнить, что в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, как и в ранее действующих стратегиях и концепции, не употребляются отдельно понятия «общественная безопасность» и «государственная безопасность», а применяется единое понятие

«государственная и общественная безопасность». В связи с этим неразрывно раскрыты ее угрозы и меры обеспечения. Данный факт подчеркивает всеобъемлющий характер понятия «национальная безопасность» и невозможность сосредоточения полномочий по ее обеспечению и осуществлению публичного администрирования в компетенции не только одного должностного лица или государственного органа, но и уровня государственной власти. Полномочия субъектов в области обеспечения национальной безопасности тесно переплетены и взаимозависимы. Иное противоречило бы требованиям эффективности ее обеспечения.

Федотова Ю.Г.,

эксперт Центра экспертных исследований
факультета национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы (РАНХиГС)
при Президенте Российской Федерации,
кандидат юридических наук
(г. Курган)

Литература

1. Административное право. Практикум : учебник и практикум для бакалавриата и специалитета / под ред. А.И. Стахова. Москва : Юрайт, 2019.
2. Бахрах Д.Н. Административное право России : учеб. 6-е изд., перераб. и доп. Москва : Эксмо, 2011.
3. Денисенко В.В. Публичное администрирование как правовая категория / В.В. Денисенко // Вестник Краснодарского института МВД России. Серия: Право. 2016. № 3 (33).
4. Зеленцов А.Б., Ястребов О.А. Концепция публичной администрации в современном административном праве (сравнительно-правовое исследование) / А.Б. Зеленцов, О.А. Ястребов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Право. 2019. Т. 10. № 4.

Моделирование взаимодействия международных и национальных субъектов международного гуманитарного права

Целью настоящей работы является осмысление возможностей и перспектив метода моделирования при распространении идей и направлений работы Международного комитета Красного Креста (МККК) и Национального общества Красного Полумесяца Кыргызской Республики (НОКП КР) в современной молодежной среде. Релевантность такой популяризации среди подрастающего поколения не вызывает сомнений, так как речь идет о гуманитарных организациях, осуществляющих сегодня свою благородную деятельность в масштабах всего мира. Более того, следует сразу же отметить, что мы рассматриваем функциональное моделирование среди молодежи в качестве одного из направлений практической деятельности на перспективу применительно к рассматриваемым глобальным организациям как проводникам и акторам международного гуманитарного права (МГП). Речь идет, по сути, об одной из форм имплементации МГП¹.

Как известно, метод моделирования преимущественно предполагает исследование объектов познания на их моделях. Для этого необходимо построение и изучение моделей реально существующих объектов, процессов или явлений с целью получения объяснений этих явлений. Под моделированием в данном случае нами понимается имитирование в форме ролевой игры тех или иных фрагментов (участков) деятельности МККК и НОКП КР в аспекте взаимодействия. Этот аспект выбран нами постольку, поскольку само моделирование осуществляется в одном из общеобразовательных учреждений в г. Каракол Иссык-Кульской области Кыргызстана. Моделирование представляется для нас привлекательным прежде всего в силу такого своего качества, как масштабируемость. «Обкатанная» в одном образовательном учреждении, сама модель может быть применена во многих других организациях образования.

В данном случае мы обратимся к модели «МККК — НОКП КР», которая была проведена на базе средней общеобразовательной школы № 5 г. Каракол Иссык-Кульской области в феврале 2021 г. при активном содействии завуча-организатора. В республике подобное мероприятие было проведено впервые. Мы ее называем каракольской моделью «МККК — НОКП КР». Такие мероприятия органично вписываются в систему мер по имплементации

¹ Гавердовский А.С. Имплементация норм международного права. Киев : Вища школа, 1980. С. 67.

норм МГП. Так, согласно плану мероприятий Министерства юстиции Киргизской Республики по имплементации норм международного гуманитарного права, утвержденному протоколом заседания Межведомственной комиссии по имплементации международного гуманитарного права от 24 февраля 2020 г. НОКП КР в течение года должно распространять знания о МГП².

Со стороны содержания модели значимой темой для моделирования была выбрана тема пандемии. Сегодня все люди осознали, какую угрозу эпидемии и пандемии представляют для здоровья населения всего мира, для экономики и стабильности³. Тема пандемии представляется особенно актуальной в уязвимых регионах самых разных стран. Поэтому естественно, что Международное движение Красного Креста и Красного Полумесяца сотрудничает с различными субъектами в разнообразных уголках мира и странах в области профилактики заболеваний, популяризации мер охраны здоровья и облегчения людских страданий.

Важным представляется активное сотрудничество национальных обществ Красного Креста и Красного Полумесяца с МККК в этом благородном гуманитарном движении. Акция была организована совместно с областным представительством НОКП КР. Результатами каракольской модели являются знания об акторах международного гуманитарного права, правильных действиях при пандемии, которые приобрели учащиеся средней школы. Кроме того, получила свое выражение идея единства мира. Автором описывается один из первых опытов имплементарных моделей международного гуманитарного права в Кыргызской Республике. В нашей работе вводится понятие бинарной правовой конструкции с кыргызстанской спецификой своей архитектуры по отношению к взаимодействию международных и национальных субъектов гуманитарного развития.

Ключевым понятием для нас является понятие модели «МККК — НОКП КР». В контексте данной работы в теоретическом плане моделью выступает исследовательский конструкт, имеющий формальную и содержательную стороны. В то же время в практическом плане конкретная модель — это конкретная ролевая игра, имитирующая определенную ситуацию. Элемент ролевой игры повышает мотивационную установку участников модели, которая учит молодых людей действовать сообща для решения общих проблем.

В настоящее время мир переживает время активных изменений. Международное гуманитарное право как раздел международного права адекватно реагирует на трансформации гуманитарного развития, которые выражаются

---

² Бейшембиев Э. Д. Законодательство Кыргызстана и международное право. Бишкек : Международный университет Кыргызстана, 1998. С. 37.

³ Матиас Шмале. Размышления о роли МККК в деятельности по ликвидации последствий гуманитарных кризисов: настоящее и будущее // МЖКК. 2012. Декабрь. С. 27.

в том, что наряду с последствиями вооруженных конфликтов актуальными становятся вопросы прав человека и преступлений против человечности, проблемы стихийных бедствий и эпидемий. В этом смысле генеральным направлением деятельности акторов гуманитарного права является расширение взаимодействия международных и национальных субъектов.

Относительно последней ролевой позиции необходимо сделать пояснение. Дело в том, что основная деятельность как МККК, так и НОКП КР прежде всего ориентирована на экстраординарные события и сфокусирована на задачах гуманизации конфликтных ситуаций, точнее говоря, вооруженных и не вооруженных конфликтных ситуаций. В условиях таких многонациональных государств, как Кыргызская Республика, чаще всего такими ситуациями выступают конфликты, имеющие межнациональный характер. Понятно, что в таких конфликтных ситуациях проблемы пандемии многократно усложняются. Для того чтобы предотвращать подобные негативные наложения, отрицательную интерференцию, по нашему мнению, как в моделях, так и в реальной действительности в обязательном порядке следует привлекать авторитетных представителей этнических групп, проживающих на данной территории.

А теперь вернемся к содержательной стороне каракольской модели «МККК — НОКП КР». Мы уже отмечали, темой модели является тема пандемии. Ее актуальность не нуждается в комментариях и понятна многим людям. Но в контексте нашей работы главный акцент все-таки мыслится на теме имплементации МГП. Что мы имеем здесь в виду? Как уже отмечалось, сам факт каракольской модели и мероприятия, аналогичные ей, уже расцениваются нами в качестве имплементации МГП. Почему мы так считаем? Потому что распространение знаний о МГП сегодня приобретает все большую актуальность применительно именно к подрастающему поколению.

Таким образом, мы описали проявление одной из форм имплементации МГП в условиях современной КР, которое получило название каракольской модели взаимодействия «МККК — НОКП КР». Содержательно она посвящена ситуации пандемии, по многим признакам напоминающей ситуацию вооруженных конфликтов и кризисных ситуаций. Рожденное в контексте поисков новых форм развития гуманитарной деятельности в изменяющемся мире, моделирование деятельности МККК и НОКП КР, на наш взгляд, обладает осязаемым реальным потенциалом по мобилизации молодого поколения к приобщению к движению. В конце нашей работы мы сочли уместным высказаться еще по одному злободневному вопросу, а именно о профессионализме в области гуманитарной деятельности.

Мировое сообщество сегодня становится свидетелем того, как усложняется вместе с изменениями в мире сама гуманитарная деятельность. Мир становится свидетелем развертывания современных концлагерей, маскируемых

под «школы перевоспитания». Мы присоединяемся к мнению о том, что гуманитарная деятельность в настоящее время нуждается в профессионалах, прошедших образовательную подготовку по специальности «гуманитарная деятельность». Однако профессионализм и формирование профессиональных структур позволяют обеспечить более высокий уровень ответственности и неизменно высокое качество предоставляемой гуманитарной помощи. Они создают дополнительный механизм, который позволяет повысить независимость гуманитарной деятельности от политических и корпоративных интересов. И что самое важное, они позволяют еще более утвердить принципы сочувствия и компетентности в гуманитарной деятельности. Хочется выразить уверенность, что среди сегодняшних школьников и студентов, являющихся участниками моделей по взаимодействию МККК и национальных сообществ, находятся будущие профессионалы, которые будут продвигать дальше развитие гуманитарной деятельности.

С течением времени в сферу МГП включаются вопросы прав человека и проблемы чрезвычайных ситуаций, в том числе эпидемий и пандемий. Степень их актуальности обусловила то, что мы рассматриваем гуманитарные аспекты таких проблем наряду с проблемными последствиями военных действий и вооруженных конфликтов. На наш взгляд, самое важное, что они позволяют еще более утвердить принципы сочувствия и компетентности в гуманитарной деятельности. Хочется выразить уверенность, что среди сегодняшних школьников и студентов, являющихся участниками моделей по взаимодействию МККК и национальных сообществ, находятся будущие профессионалы, которые будут продвигать дальше развитие гуманитарной деятельности в контексте благородных достижений МГП.

Абдуллаева Г.С.,
аспирант кафедры международных отношений
Дипломатической академии Министерства иностранных дел
Киргизской Республики имени К. Диканбаева,
(Киргизия, г. Бишкек)

Литература

1. Бейшембиев Э.Д. Законодательство Кыргызстана и международное право / Э.Д. Бейшембиев. Бишкек : Международный университет Кыргызстана, 1998.
2. Гавердовский А.С. Имплементация норм международного права / А.С. Гавердовский. Киев : Вища школа, 1980.
3. Матиас Шмале. Размышления о роли МККК в деятельности по ликвидации последствий гуманитарных кризисов: настоящее и будущее / Шмале Матиас // МЖККК. 2012. Декабрь.

Перспективы включения международного терроризма в предметную юрисдикцию Международного уголовного суда

Юрисдикция Международного уголовного суда тщательно сформулирована в Римском статуте 1998 г.¹ и ограничивается самыми серьезными преступлениями, вызывающими озабоченность всего международного сообщества. В настоящий момент, согласно ст. 5 статута, к таким преступлениям отнесены: геноцид, против человечности, военные преступления, агрессия.

Если бы нам задали вопрос о том, какое следующее преступление должно расширить предметную юрисдикцию Международного уголовного суда, то ответ должен быть основан на следующих ключевых критериях:

1) преступление должно подпадать под определение «самое серьезное преступление, вызывающее озабоченность всего международного сообщества»²;

2) угрожать миру и безопасности с точки зрения Устава ООН;

3) преступление должно нарушать нормы *jus cogens*; важны его масштабы, последствия, а также степень воздействия на интересы международного публичного порядка.

Этим трем критериям отвечает международный терроризм как преступление, которое может перейти из классификации преступлений международного характера в международные преступления, хотя эта классификация условна и встречается только у российских авторов³. В современном мире именно международный терроризм относится к одним из глобальных проблем человечества, носит повсеместный и широкомасштабный характер, нарушает нормы *jus cogens*, противоречит целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций, а значит, и существующему международному публичному порядку.

Генеральная Ассамблея ООН неоднократно принимала резолюции, направленные на борьбу с терроризмом. В Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций, принятой Резолюцией

¹ URL: [https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf)

² Римский статут МУС. Ст. 5. URL: [https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf)

³ Такой классификации отдают предпочтение В.Н. Кудрявцев (Международное уголовное право: учеб. пособие / под ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1999. С. 90–91), Л.В. Иногамова-Хегай (Иногамова-Хегай Л.В. Международное уголовное право. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 128, 153) и В.П. Панов (Панов В.П. Международное уголовное право. С. 53, 67).

Генеральной Ассамблеи ООН A/Res/60/288⁴ от 8 сентября 2006 г., была дана оценка терроризма как одной из самых серьезных угроз международному миру и безопасности.

Советом Безопасности ООН с сентября 2001 г. принято более 30 резолюций⁵, осуждающих международный терроризм и предусматривающих меры по борьбе с ним. Начиная с резолюции 1368 (2001) от 12 сентября 2001 г. Совет Безопасности ООН заявляет, что любой акт международного терроризма является угрозой для международного мира и безопасности⁶. В резолюции 1377 (2001) от 12 ноября 2001 г. Совет Безопасности ООН обратил особое внимание на то, что акты международного терроризма противоречат целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций.

Однако есть существенная проблема — отсутствие универсального определения международного терроризма, закрепленного в международном акте. Существуют либо отдельные региональные акты, определяющие международный терроризм⁷, либо акты декларативного характера⁸, либо же конвенции, закрепляющие отдельные террористические деяния⁹.

На наш взгляд, можно выделить две основные причины указанной проблемы. Во-первых, государства по-разному для себя решают вопрос о праве на самоопределение народов и сепаратизме: «для одних террористы, для других — борцы за свободу». Примером может служить исторический случай, когда бывший президент США Р. Рейган, принимая представителей террористической организации «Талибан» в Белом доме, в своей приветственной

---

⁴ URL: <https://undocs.org/ru/A/60/L.62>

⁵ URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/resolutions>

⁶ Оценка актов международного терроризма в качестве угрозы миру и международной безопасности содержится в резолюциях: 1373 (2001), 1377 (2001), 1438 (2002), 1440 (2002), 1450 (2002), 1455 (2003), 1611 (2005), 1624 (2005).

⁷ Европейская конвенция по борьбе с терроризмом 1977 г., Договор о сотрудничестве государств — участников СНГ в борьбе с терроризмом 1999 г., Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 г., Межамериканская конвенция по борьбе с терроризмом 2002 г. и др.

⁸ Декларация по вопросу о борьбе с терроризмом : принята резолюцией 1456 (2003) Совета Безопасности на его 4688-м заседании 20 января 2003 г.

⁹ Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом 1994 г., Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 г., Токийская конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов 1963 г., Гаагская конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 г., Монреальская конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации 1971 г., Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов 1973 г., Международная конвенция по борьбе с захватом заложников 1979 г., Монреальский протокол о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию 1988 г., Римская конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства 1988 г. и Протокол к ней; Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников 1989 г.

речи сравнивал их в моральном отношении с отцами — основателями США. Хотя на современном этапе в отношении крупнейших международных террористических организаций мы видим консенсус государств: Хезболла и ИГИЛ признаны террористическими организациями в России, США, Израиле, Канаде, Турции, Египте, Австралии, Великобритании, в государствах ЕС, Лигой арабских государств и многими другими государствами.

Во-вторых, не разрешены проблемы юридической техники: с одной стороны, определение должно быть максимально емким и включать все возможные варианты объективной стороны международного терроризма (все способы совершения, все виды, все объекты нападения и т.д.), с другой стороны, определение должно отвечать принципу правовой определенности, включающему критерии ясности, недвусмысленности правовой нормы и ее согласованности в системе международно-правового регулирования.

Попытка разрешить проблему определения терроризма была предложена известным судьей Антоно Кассезе, который был председателем Специального трибунала по Ливану. Он упомянул, что «даже в единственном Статуте международного трибунала, предусматривающем такое преступление, не содержится международного определения преступления, а вместо этого делается ссылка на ливанский закон»¹⁰. Следовательно, это первый международный трибунал, задачей которого было рассмотрение терроризма как основного преступления.

Национальные нормы о международном терроризме, несмотря на незначительные вариации, обычно мотивированные национальными потребностями, разделяют основную концепцию: терроризм — это преступное деяние, направленное на распространение террора или представляющее собой воздействие на принятие решений органами государственной власти и угрозу стабильности общества или государства. Это понятие так глубоко укоренилось в законодательстве столь многих разных стран, что можно сделать вывод, что эти страны придерживаются одного и того же основного взгляда на терроризм и ни в коей мере не откажутся от него.

Судья Кассезе на основе анализа национального законодательства, международных норм, сложившейся международной практики и *opinio juris* в отношении этой практики выводит следующие ключевые элементы международного терроризма: «Таким образом, субъективный элемент обсуждаемого преступления имеет двоякий характер: (i) намерение, или *dolus*, основного преступления и (ii) особое намерение (*dolus specialis*) посеять страх или принудить власть. Объективным элементом является совершение деяния,

¹⁰ URL: <https://leidenlawblog.nl/articles/terrorism-international-criminal-tribunals-the-role-of-the-special-tribunal>

криминализируемого другими нормами (убийство, причинение тяжких телесных повреждений, захват заложников и т.д.). Преступление терроризма по международному праву, конечно, также требует, чтобы (iii) террористический акт был транснациональным»¹¹. На основании выведенных элементов может *ad hoc* приниматься определение международного терроризма в случае отдельных судебных трибуналов или в дальнейшем сформулирован состав международного преступления, которое дополнит ст. 5 Римского статута.

Если мы сравним геноцид, преступления против человечности и военные преступления, то можно выделить особенности каждого из этих преступлений, несмотря на то, что способы их совершения могут быть одинаковыми (например, посредством убийства).

В случае геноцида ключевая особенность заключается в объективной стороне — «намерение уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую»¹²; у преступлений против человечности характерные признаки — широко-масштабность или систематичность; в случае военных преступлений — вооруженный конфликт международного или немеждународного характера. По аналогии, особенностью международного терроризма будет транснациональный характер, а также намерение посеять страх или принудить власть.

Автору статьи представляются три варианта развития событий относительно включения международного терроризма в число международных преступлений:

1. «Ливанский сценарий»: будут создаваться отдельные специальные трибуналы, рассматривающие дела, связанные с актами международного терроризма, которые будут давать *ad hoc* определение международного терроризма. Этот сценарий позволит разрешить проблему отсутствия универсального, конвенционного определения преступления «международный терроризм».

Аналогично была разрешена проблема привлечения к ответственности за пиратство. В течение 2010 года Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун должен был рассмотреть на предмет целесообразности и финансирования три предложенных ему варианта: создание международного уголовного трибунала по борьбе с пиратами; создание регионального трибунала на основе имеющихся в странах Африканского Рога судебных учреждений; создание специальных национальных судебных палат в одной из стран региона, на-

---

¹¹ Major rulings issued by the Special Tribunal for Lebanon. P. 114. URL: https://www.stl-tsl.org/sites/default/files/documents/legal-documents/stl-casebooks/STL_Casebook_201_EN.pdf (перевод автора статьи).

¹² Римский статут. Ст. 6. URL: [https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf)

пример в Кении, и привлечение к его работе не только кенийских, но и международных юристов — специалистов по вопросам пиратства¹³. В итоге был принят третий вариант: Сейшельские острова, Маврикия, Кения, Объединенная Республика Танзания при содействии Организации Объединенных Наций уже осуществляют судебное преследование обвиняемых в пиратстве лиц или в рамках взаимодействия с Управлением ООН по наркотикам и пиратству рассматривают такую возможность¹⁴.

2. Второй вариант: создание Международного трибунала по преступлениям международных террористических организаций на основании резолюции Совета Безопасности. Такое предположение высказывает Э.А. Иванов¹⁵. У данного варианта безусловно много плюсов, но опять же придется вывести универсальное определение международного терроризма, на основе которого трибунал будет осуществлять свою деятельность, а это может затянуться на долгий срок.

3. Третий вариант: включить в ст. 5 Римского статута «международный терроризм», сделав его международным преступлением. Затем, по аналогии с определением преступления агрессии, сформировать определение «международного терроризма». Вопрос о преступлении агрессии был решен только в 2010 г. на Кампальской конференции (Уганда). Определение агрессии должно было содержаться еще в договоре о создании Суда — Римском статуте. Однако тогда государства не смогли решить, что следует понимать под актом агрессии и кто будет определять, есть ли основания для возбуждения уголовного дела. В результате было решено предусмотреть процедуру пересмотра Римского статута с тем, чтобы затем внести в него соответствующие положения, касающиеся агрессии. Для определения понятия акта агрессии и круга лиц, которые могут нести ответственность за его совершение, была создана рабочая группа, которая заседала более пяти лет. Еще несколько лет потребовалось для согласования результатов ее работы на национальном уровне¹⁶. В итоге в Резолюции RC/Res.6* 2010 г.¹⁷, принятой по результатам конференции, было дано определение преступлению агрессии и описана объективная сторона данного преступления.

¹³ Резолюция 1918 (2010), принятая Советом Безопасности на его 6301-м заседании 27 апреля 2010 г. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/1918%20\(2010\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1918%20(2010))

¹⁴ Доклад Генерального секретаря о специализированных судах по делам о пиратстве в Сомали и других государствах региона от 20 января 2012 г. С. 2. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/S/2012/50>

¹⁵ Иванов Э.А. Международная террористическая организация как потенциальный субъект ответственности по международному уголовному праву // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 4. С. 112–125.

¹⁶ URL: <https://news.un.org/ru/story/2010/06/1165361>

¹⁷ Резолюция RC/Res.6* : принята на 13-м пленарном заседании 11 июня 2010 г. URL: <https://crimeofaggression.info/documents/6/RC-Res6-RUS.pdf>

Плюсом того, что «международный терроризм» войдет в статут, станут дополнительные гарантии привлечения к ответственности как за международное преступление. Согласно второму Нюрнбергскому принципу¹⁸, «то обстоятельство, что по внутреннему праву не установлено наказания за какое-либо действие, признаваемое, согласно международному праву, преступлением, не освобождает лицо, совершившее это действие, от ответственности по международному праву».

Нам представляется наиболее реалистичной комбинация первого и третьего вариантов: постепенно через практику отдельных *ad hoc* трибуналов будет выработано универсальное определение международного терроризма, которое будет использовано для расширения предметной юрисдикции Международного уголовного суда, и правосудие в отношении международных террористов будет осуществляться как в гибридных трибуналах, так и в самом Международном уголовном суде.

Васильева С.А.,

старший преподаватель кафедры международного права
Российского государственного университета правосудия
(г. Москва)

Литература

1. Иванов Э.А. Международная террористическая организация как потенциальный субъект ответственности по международному уголовному праву / Э.А. Иванов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 4.
2. Иногамова-Хегай Л.В. Международное уголовное право / Л.В. Иногамова-Хегай. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2003.
3. Международное уголовное право : учебное пособие / под редакцией В.Н. Кудрявцева. Москва, 1999.
4. Панов В.П. Международное уголовное право : учебное пособие / В.П. Панов. Москва : ИНФРА-М, 1997.
5. Halawi Reeda Al Sabri. Terrorism, International Criminal Tribunals & the Role of the Special Tribunal for Lebanon / Reeda Al Sabri Halawi // Leiden Law Blog. 2017. 13 December.

---

¹⁸ Принципы международного права, признанные статутом Нюрнбергского трибунала. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/principles.shtml

Критерии приемлемости жалоб акционеров, подаваемых в Европейский суд по правам человека

Известно, что Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (далее — Конвенция) с Протоколами к ней содержат не только перечень признаваемых за частными лицами (их объединениями) прав и свобод, но и наднациональный механизм их защиты, который применяется в случае невыполнения государством — участником Конвенции обязательств по обеспечению применения ее положений (принцип субсидиарности). Эффект данного механизма достигается за счет того, что страны-участники признают юрисдикцию Европейского суда по правам человека (далее — Европейский суд, ЕСПЧ, суд), обязуются исполнять его постановления и не препятствовать частным лицам (их объединениям) обращаться в Европейский суд с жалобами.

Защита (восстановление) прав потерпевшего осуществляется Европейским судом посредством констатации факта нарушения Конвенции или Протокола к ней с присуждением справедливой компенсации или без таковой. При этом уже одно только объявление о наличии нарушения (без компенсации) накладывает на государство-ответчика обязанность устранить его и восстановить прежнее положение пострадавшего.

Придерживаясь подхода широкого толкования термина *имущество*, включая в него в том числе и *акции*, Европейский суд, как правило, рассматривает жалобы акционеров в контексте применения ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции (защита собственности), по смыслу которой каждый имеет право на уважение своего имущества и не может быть произвольно лишен его.

Вместе с тем далеко не все жалобы акционеров доходят до стадии рассмотрения по существу, причиной тому является несоблюдение, а вернее сказать, неспособность акционеров в силу их статуса и специфики института ценной бумаги (акции) соблюсти *условия приемлемости* индивидуальной жалобы.

Напомним, что положения ст. 34 и 35 Конвенции связывают возможность рассмотрения жалобы по существу, во-первых, с ее *совместимостью* с конвенционными положениями по критерию *ratione materiae*. Иначе говоря, право, о нарушении которого утверждается в жалобе, должно быть закреплено в Конвенции или Протоколах к ней. К примеру, жалоба, касающаяся права на получение водительского удостоверения,

будет объявлена неприемлемой, поскольку это право как таковое не входит в круг прав и свобод, гарантированных Конвенцией¹. А во-вторых — с наличием у заявителя статуса *жертвы*. Последнее означает, что заявитель обязан представить доказательства, свидетельствующие, что обжалуемая мера *затрагивает его непосредственно*.

Применительно к акционерам, соблюдение данных условий (*совместимость и статус жертвы*) часто становится недостижимым. В первую очередь это касается ситуации, когда акционер испытывает негативные последствия не от действий против него самого, а вследствие нарушения прав его компаний — в этом случае отсутствует *непосредственная* связь между обжалуемой мерой и нарушением права акционера, а следовательно, отсутствует и статус жертвы. Второе препятствие вытекает из содержания ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции. Напомним, что данная норма упоминает об *уважении* и недопустимости *произвольного лишения* имущества, что может быть истолковано ограничительно — как возможность обращения в Европейский суд лишь в случае, когда обжалуемые меры касаются лишения акций, т.е. при нарушении *права на акцию*. Применительно же к *правам из акции*: право на участие в управлении, право на дивиденды, участие в голосовании и т.п. — текст Конвенции и Протоколы к ней, строго говоря, не содержат. В этой связи жалобы акционеров на нарушения прав, не связанные с лишением акций, рискуют быть признанными *несовместимыми* с конвенционными положениями и, как следствие, неприемлемыми.

Обращаясь к вопросу приемлемости жалоб акционеров, Европейский суд, начиная с дела «Компания «Агротексим» и другие против Греции»², выработал ряд подходов, а именно общее правило и исключения из него, применение которых было подтверждено в сравнительно недавнем деле «Альберт и другие против Венгрии»³. Общее правило базируется на необходимости для целей установления статуса жертвы различать обращения акционеров по критерию *принадлежности нарушенного права*, выделяя тем самым две принципиально разные категории жалоб: (1) на меры, нарушающие *права самих акционеров*, и (2) меры, касающиеся *прав компании*.

¹ Практическое руководство по критериям приемлемости (обновлено 31 августа 2019 г.). URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Admissibility_guide_RUS.pdf (дата обращения: 27.07.2021).

² Постановление ЕСПЧ от 24 октября 1995 г. по делу «Компания «Агротексим» и другие (*Agrotexim and Others*) против Греции» (жалоба № 14807/89).

³ Постановление ЕСПЧ от 7 июля 2020 г. по делу «Альберт и другие (*Albert and Others*) против Венгрии» (жалоба № 5294/14).

В случае, когда *меры затрагивают права акционера*, он сам приобретает статус жертвы, а его жалоба признается приемлемой⁴. Однако применение такой простой формулы (нарушенное право = статус жертвы) вызывает, на наш взгляд, практическую сложность, связанную с отграничением права от интереса. Поскольку в обоих этих случаях акционер испытывает реальные негативные последствия, ответ на вопрос о том, имело ли место нарушение его права, а значит, жалоба приемлема, или же был затронут его интерес и, следовательно, жалоба неприемлема, — не всегда очевиден. Обращаясь к этой проблеме, Европейский суд на примере оценки обстоятельств дела «Ольчак против Польши»⁵, связанных со снижением стоимости акций, разъяснил, что само по себе снижение, которое безусловно *затрагивает интерес* акционера, не может рассматриваться как *нарушение его права*. Вместе с тем, если имело место *радикальное изменение стоимости акций (или размера доли), равносильное их лишению*, право акционера признается нарушенным. Следует отметить, что Европейский суд при толковании прямо закрепленных в Конвенции прав активно использует доктрину живого инструмента — жизнь развивается, обстоятельства, при которых Конвенция принималась, претерпевают существенные изменения, отцы-основатели могли даже и не помышлять о тех условиях, в которых будет существовать человечество. Для сохранения актуальности Конвенции новые права, помимо их включения в ее текст в форме Протоколов, выводятся посредством толкования: такие права могли предполагаться. В результате суд прямо относит к случаям нарушения прав акционеров ситуации, когда оспариваемые меры (1) негативно влияют на владение или распоряжение акциями, (2) обязывают акционера к продаже акций, (3) уменьшают влияние акционера на компанию по сравнению с иными акционерами, препятствуют (4) осуществлению им полномочий управляющего компании или (5) участию в голосовании⁶.

Иным образом обстоят дела, если *меры, на которые жалуется акционер, составляют нарушение прав компании*. В этом случае по общему правилу *акционер не может считаться жертвой* и, следовательно, не может обращаться в Европейский суд самостоятельно, минуя право-

⁴ См.: Постановление ЕСПЧ от 25 июля 2002 г. по делу «Компания “Совтрансавто холдинг” (*Sovtransavto holding*) против Украины» (жалоба № 48553/99).

⁵ Решение ЕСПЧ от 7 ноября 2002 г. по делу «Ольчак (*Olczak*) против Польши» (жалоба № 30417/96).

⁶ См.: Постановление ЕСПЧ от 20 сентября 2011 г. по делу «Компания *Shesti Mai Engineering OOD* и другие (*Shesti Mai Engineering OOD and Others*) против Болгарии» (жалоба № 17854/04); Постановление ЕСПЧ от 23 октября 2012 г. по делу «Сюзер и “Эксен холдинг А.Ш.” (*Suzer and Eksen Holding A.S.*) против Турции» (жалоба № 6334/05); Постановление ЕСПЧ от 19 марта 2019 г. по делу «Зюльфикари (*Zulfikari*) против Турции» (жалоба № 6372/05).

субъектность компании. В то же время, как указывает суд, от данного правила можно отступить в *двух случаях*: во-первых, когда компания и ее акционеры так тесно связаны, что было бы искусственно их различать (*тождество компании и акционера*), а во-вторых, в силу наличия *исключительных обстоятельств*.

Первое исключение (*тождество компании и акционера*) в основном касается ситуаций, когда компания выступает формой ведения акционером своего бизнеса или является семейной⁷. Причина, по которой в таких делах за акционером признается статус жертвы, заключается в «отсутствии риска различия мнений среди акционеров или между акционерами и советом директоров относительно реальности нарушения гарантированных Конвенцией прав или наиболее подходящего способа реагирования на такое нарушение»⁸. То есть оправданием служит не столько наличие *отношений контроля* между акционером и компанией, сколько *отсутствие конкурирующих интересов*. В связи с этим ошибочно считать, что аргумент акционера о преобладающей доле автоматически делает его жалобу приемлемой.

Второе исключение, когда самостоятельность юридического лица может быть проигнорирована (вуаль проткнута), Европейский суд связывает с наличием в деле *исключительных обстоятельств*, а именно если явно установлено, что компания не имеет возможности обратиться в Европейский суд через свои уставные органы, а при ликвидации — через своих ликвидаторов⁹.

⁷ См.: Постановление ЕСПЧ от 26 июня 2018 г. по делу «Компания KIPS DOO и Дрекалович (*KIPS DOO and Drekalović*) против Черногории» (жалоба № 28766/06); Постановление ЕСПЧ от 20 февраля 2018 г. по делу «Компания “Вуйович и Липа Д.О.О.” (*Vujović and Lipa D.O.O.*) против Черногории» (жалоба № 18912/15); Постановление ЕСПЧ от 10 апреля 2018 г. по делу «Владиминова (*Vladimirova*) против Российской Федерации» (жалоба № 21863/05).

⁸ Решение ЕСПЧ от 27 июня 2000 г. по делу «Анкаркрона (*Ankarcrona*) против Швеции» (жалоба № 35178/97).

⁹ См.: Постановление ЕСПЧ от 21 декабря 2017 г. по делу «Фельдман и Славянский банк (*Feldman and Slovyanskyu Bank*) против Украины» (жалоба № 42758/05); Постановление ЕСПЧ от 21 октября 2003 г. по делу «Кредитный и индустриальный банк (*Credit and Industrial Bank*) против Чешской Республики» (жалоба № 29010/95); Постановление ЕСПЧ от 24 ноября 2005 г. по делу «Капитал банк АД (*Capital Bank AD*) против Болгарии» (жалоба № 49429/99); Постановление ЕСПЧ от 2 июня 2016 г. по делу «Международный банк торговли и развития АД и другие (*International Bank for Commerce and Development AD and Others*) против Болгарии» (жалоба № 7031/05); Постановление ЕСПЧ от 21 февраля 2012 г. по делу «Компания S.C. Bartolo Prod Com SRL и Ботомеи (*S.C. Bartolo Prod Com SRL and Botomei*) против Румынии» (жалоба № 16294/03); Постановление ЕСПЧ от 20 ноября 2018 г. по делу «Эрдюран и компания Em Export Diş Tic A.Ş. (*Erduran and Em Export Diş Tic A.Ş.*) против Турции» (жалобы № 25707/05, 28614/06).

Важным обстоятельством в такого рода делах является наличие *мер внешнего надзора или контроля* в отношении компании, однако этот фактор не является единственно необходимым. Поэтому акционерам для достижения успеха в любом случае придется доказать, что (1) лица, уполномоченные действовать от имени и в интересах компании, не могли или не хотели обращаться в суд, а (2) само предполагаемое нарушение Конвенции касалось либо (а) вопроса, по которому у акционеров и временного управляющего имелись разногласия, в частности вопроса об отстранении исполнительного органа или назначении временного управляющего, либо (б) мер, принятых временным управляющим и угрожавших их (акционеров) интересам.

Кадукова О.Н.,
аспирант кафедры коммерческого права
Санкт-Петербургского государственного университета
(г. Санкт-Петербург)

Литература

1. Бушев А.Ю. Европейский Суд по правам человека и Конституционный Суд РФ: сотрудничество и границы взаимного контроля / А.Ю. Бушев // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. 2016. № 2: «Автономное толкование» Конвенции и «судейский активизм»: сборник научных статей / редакторы: М.Е. Глазкова, С.А. Грачева, Т.А. Николаева. Москва: Статут, 2016.
2. Бушев А.Ю. Постановления Европейского Суда по правам человека и Конституция Российской Федерации: конфликт компетенций / А.Ю. Бушев // Журнал «Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека». 2014. № 9 (102).
3. Ковлер А.И. Европейская Конвенция: Проблемы толкования и имплементации: монография. В 2 томах / А.И. Ковлер. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2019.

Ответственность за нарушение прав частных лиц в праве ЕАЭС

Одной из особенностей правопорядков современных интеграционных объединений является присутствие в них особых субъектов — частных лиц, что непосредственно влияет на юрисдикцию судов интеграционных объединений, которые должны рассматривать споры с участием этих частных лиц. Опыт международных экономических объединений (таких как Европейский союз (ЕС), Европейская ассоциация свободной торговли (ЕАСТ), Андское сообщество), показывает, что доступ частных лиц к правосудию в данных органах международного правосудия практически не ограничен, более того, в рамках данных механизмов разрешения экономических споров эффективно функционирует институт возмещения вреда, причиненного частным лицам решениями (действиями, бездействием) органов объединения, и должным образом защищены права служащих этих интеграционных объединений.

Попробуем разобраться, как права частных лиц, включая служащих институтов, защищены в Евразийском экономическом союзе (далее — ЕАЭС) и какие существуют механизмы имплементации ответственности за нарушение прав частных лиц в ЕАЭС.

Рассматривать вопрос ответственности за нарушение прав частных лиц в ЕАЭС предлагается с классических доктринальных позиций — с точки зрения содержания международно-правовой ответственности.

По общему правилу, закрепленному в проектах статей об ответственности государств¹ и международных организаций², содержание международной ответственности выражается в обязанности прекратить международно-противоправное деяние и обеспечить полное возмещение вреда.

Пункт 39 Статута Суда ЕАЭС (Приложение № 2 к Договору о ЕАЭС от 29 мая 2014 г. — далее Статут) предусматривает, что Суд рассматривает споры с участием хозяйствующих субъектов, однако их допуск к правосудию обусловлен тем, что оспариваемое решение (действие, бездействие) должно непосредственно затрагивать права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, а последствием данных решений (действий, бездействия) комиссии должно быть нарушение предоставленных договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

---

¹ Ответственность государств за международно-противоправные деяния (Приложение к Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН А/RES/56/83 от 12 декабря 2001 г.). Ст. 28–39.

² Ответственность международных организаций (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 66/100 от 9 декабря 2011 г.). Ст. 28–40.

Для целей Статута под хозяйствующими лицами понимаются юридические лица и индивидуальные предприниматели. Однако несложно заметить, что это далеко не все частные лица, права которых могут быть тем или иным образом нарушены в правовом порядке ЕАЭС. Вне правового поля остаются общественные организации, профсоюзы, частные лица — предприниматели, высший менеджмент компаний, участвующих в делах по выявленным нарушениям антимонопольных предписаний на трансграничных рынках.

Следующий очень важный вопрос обеспечения прав частных лиц в условиях евразийской интеграции — это обеспечение прав служащих органов ЕАЭС, в первую очередь их трудовых прав. Пунктом 43 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе, являющегося приложением № 32 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г., установлено, что трудовые отношения должностных лиц и сотрудников институтов ЕАЭС регулируются законодательством государства пребывания с учетом норм данного положения. Это означает, что в вопросе правового регулирования трудовых отношений сотрудников и должностных лиц органов ЕАЭС будут задействованы национальные правовые порядки, а местом рассмотрения споров будут национальные суды с очевидными рисками появления различных толкований положений права ЕАЭС. Это в определенной степени создаст коллизию между положениями международного права, которые устанавливают иммунитет международных организаций от юрисдикции национальных судов, и необходимостью обеспечить права международных служащих путем создания механизмов для их эффективной защиты.

Возвращаясь к содержанию международно-правовой ответственности, заметим, что имплементация обязанности прекратить международно-противоправное действие, пусть даже в части ограниченного круга частных лиц, выражается в возможности Суда ЕАЭС принять решение о признании решения (действия, бездействия) комиссии не соответствующими договору и (или) международным договорам в рамках Союза (п. 108–109 Статута Суда ЕАЭС). Далее решение комиссии или его отдельные положения, признанные Судом не соответствующими договору и (или) международным договорам в рамках Союза, в разумный срок, но не превышающий 60 календарных дней с даты вступления в силу решения Суда, приводятся комиссией в соответствие с договором и (или) международными договорами в рамках Союза, если иной срок не установлен в решении Суда (п. 111 Статута Суда ЕАЭС).

Однако защита прав частных лиц неразрывно связана с защитой их имущественных интересов, в связи с чем на первый план выходит проблема возмещения вреда, причиненного незаконными решениями или действиями (бездействиями) органов интеграционных объединений и государствами-

членами в связи с нарушением своих обязательств, вытекающих из членства в ЕАЭС. Вместе с тем проблема возмещения вреда, понесенного частными лицами в результате применения решения (действия или бездействия) со стороны ЕЭК, которое было ими успешно оспорено, осталась в Статуте Суда ЕАЭС неразрешенной. К государствам-членам частные лица не вправе заявлять какие-либо требования. Кроме того, Суд оставляет без рассмотрения требования о возмещении убытков или иные требования имущественного характера (п. 61 Статута Суда ЕАЭС).

Что скрывается за этим запретом? Означает ли это принципиальное отсутствие института ответственности за нарушение прав частных лиц в праве ЕАЭС и полное исключение Суда ЕАЭС из процесса имплементации международно-правовой ответственности?

По нашему мнению, прежде всего речь идет об установленном государствами ограничении юрисдикции Суда, представляющем собой явно выраженный запрет Суду принимать к рассмотрению требования о возмещении ущерба. При этом, как уже было отмечено ранее, полномочие по установлению факта нарушения международно-правового обязательства и, как следствие, возникновения у нарушителя обязанности прекратить международно-противоправное деяние у Суда ЕАЭС сохранено.

С другой стороны, формулировку п. 61 статута нельзя толковать как полностью исключающую в принципе какую-либо имущественную ответственность в рамках правопорядка ЕАЭС за нарушения, допущенные институтами Союза или государствами — членами Союза, то есть в правопорядке ЕАЭС требования о возмещении ущерба возможны, однако они не могут быть заявлены в Суде ЕАЭС.

Остается открытым вопрос, что это за требования и где такие требования могут быть рассмотрены, так как для эффективного функционирования правопорядка ЕАЭС крайне важно, чтобы нарушенные права восстанавливались в полном объеме, включая возмещение ущерба. В противном случае частные лица будут вынуждены использовать для эффективной защиты своих прав доступные им механизмы из других международных правопорядков, что грозит появлением различного и/или противоречивого толкования норм права ЕАЭС.

Из возможных требований к институтам ЕАЭС можно выделить (а) требования, возникающие из трудовых правоотношений сотрудников институтов ЕАЭС; (б) требования, вытекающие из деликтной ответственности институтов (ДТП и др.); (в) требования, связанные обеспечением деятельности институтов ЕАЭС и использованием ими имущества; (г) требования к институтам Союза (в первую очередь к ЕЭК) в отношении ущерба, возникшего вследствие их действий (бездействия), противоречащего праву Союза.

Применительно к международному праву в целом, стоит отметить, что институт ответственности в международном праве приобретает с каждым годом все большее значение в практике международных отношений. С точки зрения нормативного закрепления институт ответственности также достаточно специфичен, поскольку до настоящего времени отсутствует и вряд ли появится в ближайшее время единый кодифицирующий правовой акт, посвященный вопросам ответственности.

Отсутствие в праве ЕАЭС специальных норм, регламентирующих международно-правовую ответственность, ставит вопрос о возможном применении в праве ЕАЭС положений обоих проектов статей об ответственности, которые исходят из единого понимания содержания международной ответственности, включая право на полное возмещение вреда.

На практике, что касается проблемы ответственности международных организаций, вопросы возмещения ущерба лицам, состоящим на службе в международной организации, также занимают особое место. В международных организациях создаются административные трибуналы (например, Административный трибунал ООН; Административный трибунал МОТ, обладающий юрисдикцией в отношении большинства специализированных учреждений ООН), которые являются судебной инстанцией, проверяющей и устанавливающей степень ответственности организаций в случае нарушения условий труда персонала и решающей вопрос о размере компенсации за причиненный ущерб. Их решения имеют обязательную силу для служащего международной организации и для самой организации.

Если посмотреть на институт международной ответственности в ЕС, то здесь мы увидим совершенно иную картину. Автономность права ЕС подразумевает наличие собственной комплексной системы средств защиты нарушенных прав, которая в корне отличается от традиционного международного права³. Иными словами, положения обоих проектов статей об ответственности в принципе не рассматриваются как применимые в отношениях внутри правопорядка ЕС.

Компенсация причиненного вреда является одним из конституционных принципов права ЕС (*Brasserie du Pêcheur and Factortame*)⁴. Правовая основа для подачи иска о возмещении ущерба против ЕС содержится в ст. 340

³ Исполинов А.С. Принципы автономности и приоритета права ЕС как оружие Суда Европейского союза в конфликте с инвестиционными арбитражами. Ч. 1: Дело Achmea // Российский юридический журнал. 2021. № 2. С. 56–77, 60–61.

⁴ Judgment of the Court of 5 March 1996. *Brasserie du Pêcheur SA v Bundesrepublik Deutschland and The Queen v Secretary of State for Transport, ex parte: Factortame Ltd and others*. References for a preliminary ruling: Bundesgerichtshof — Germany and High Court of Justice, Queen's Bench Division, Divisional Court — United Kingdom. Principle of Member State liability for damage caused to individuals by breaches of Community law attributable to the State — Breaches attributable to the national legislature — Conditions for State liability — Extent of reparation. Joined cases C-46/93 and C-48/93.

Договора о функционировании Европейского союза (ДФЕС), которая предусматривает, что договорная ответственность Союза регулируется правом, подлежащим применению к соответствующему договору, а в области внедоговорной ответственности Союз в соответствии с общими принципами, являющимися общими для правовых систем государств-членов, должен возмещать убытки, причиненные его институтами или сотрудниками при осуществлении своих функций.

С вступлением в силу Хартии ЕС об основных правах право на возмещение ущерба отнесено к основным правам человека в рамках ЕС (п. 3 ст. 43).

Что касается физических лиц, то существует единое мнение, что любое физическое или юридическое лицо имеет право на предъявление иска к ЕС о возмещении ущерба. Поэтому нормы, регулирующие ответственность ЕС за нарушение внедоговорных обязательств, составляют то, что можно назвать «европейским правом международной ответственности» (*'EU public liability law'*)⁵.

Требования частных лиц к государствам — членам ЕС о возмещении ущерба вследствие неисполнения ими обязательств по праву ЕС (доктрина *Francovich*)⁶ рассматриваются в национальных судах.

Возвращаясь к ситуации с ЕАЭС, мы увидим, что эффективные механизмы реализации международно-правовой ответственности в правовом порядке ЕАЭС отсутствуют. С точки зрения защиты прав таких субъектов как частных лиц, согласно правовому порядку ЕАЭС, эту ситуацию категорически нельзя признать удовлетворительной. Остается открытым вопрос о компенсации причиненного вреда действиями (бездействием) институтов ЕАЭС. Как уже указывалось, отсутствие у Суда ЕАЭС права рассматривать такие требования не означает, что таких требований не может быть в принципе.

В заключение отметим, что если мы продолжаем говорить о необходимости дальнейшего развития и углубления интеграции на постсоветском пространстве, то в рамках ЕАЭС должны быть созданы эффективные механизмы устранения допущенных нарушений прав субъектов права ЕАЭС, которыми являются не только государства — члены Союза и сам ЕАЭС с его институтами, но и частные лица, включая возмещение понесенного ими ущерба в результате таких нарушений. Для этого, безусловно, необходимы подготовка и внесение изменений в действующую правовую базу Евразийского экономического союза.

Применительно к полномочиям Суда ЕАЭС, конечно, самым эффективным, но, к сожалению, наименее быстро реализуемым видится внесение изменений в Статут Суда ЕАЭС как в части расширения предметной компе-

⁵ Fink M. The Action for Damages as a Fundamental Rights Remedy: Holding Frontex Liable // German Law Journal. 2020. Vol. 21. P. 532–548, 534.

⁶ ECJ. Joined Cases C-6 and C-9/90, *Francovich & Bonifaci v. Italy* [1991] // ECR I-5357.

тенции (*ratione materiae*) по рассмотрению заявлений о возмещении ущерба, так и в части субъектной компетенции (*ratione personae*) — по спорам с участием служащих ЕАЭС. До внесения соответствующих изменений в статут Суд ЕАЭС вполне может воспользоваться полномочиями по осуществлению консультативной юрисдикции и выносить консультативные заключения по вопросам возмещения вреда через национальные суды, рассматривая национальные суды как своего рода своих агентов, продолжив тем самым свою основную миссию по выстраиванию целостного, устойчивого и эффективно-го правопорядка ЕАЭС.

Не следует опасаться резкого увеличения количества подаваемых заявлений, так как по-прежнему сохраняются главные сдерживающие факторы — относительно большая пошлина и требование при оспаривании решений (действий, бездействия), для того чтобы последние непосредственно затрагивали права и законные интересы заявителей, а также четко регламентированный срок для защиты права. С другой стороны, отсутствие института возмещения ущерба может быть расценено конституционными судами стран — членом Союза как явное нарушение конституционного права на справедливое судебное разбирательство и даст им основание для собственной трактовки норм права Союза. И наконец, число служащих Союза будет только расти, что неизбежно приведет к возникновению споров и, как следствие, необходимости создания механизма правового регулирования порядка рассмотрения споров с их участием.

Кадышева О.В.,
и.о. заведующего кафедрой международного права
Юридического факультета
Московского государственного университета (МГУ)
имени М.В. Ломоносова,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Москва)

Литература

1. Исполинов А.С. Принципы автономности и приоритета права ЕС как оружие Суда Европейского союза в конфликте с инвестиционными арбитражами. Часть 1. Дело Achmea / А.С. Исполинов // Российский юридический журнал. 2021. № 2.
2. Fink M. The Action for Damages as a Fundamental Rights Remedy: Holding Frontex Liable / M. Fink // German Law Journal. 2020. Vol. 21.

Международно-правовая защита прав человека в условиях пандемии коронавирусной инфекции COVID-19

Пандемия COVID-19 породила не только кризис систем здравоохранения во всех без исключения странах мира, но и подняла массу проблем, связанных с защитой прав человека, с которыми ранее международное сообщество не сталкивалось.

Целый ряд прав человека, гарантированных международными правозащитными конвенциями, порождают вопросы. Сама необходимость их защиты, безусловно, не вызывает сомнения. Сложности возникают в связи с невозможностью дать однозначный ответ на вопрос: какие именно действия государств в условиях пандемии коронавирусной инфекции могут рассматриваться как направленные на защиту закрепленных в Конвенции прав человека, а не, напротив, на их ущемление?

Это такие фундаментальные права, как, в частности, право на жизнь, запрет пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, право на свободу и личную неприкосновенность, право на справедливое судебное разбирательство, право на уважение частной и семейной жизни, свобода мысли, слова и вероисповедания, свобода собраний и объединений, свобода передвижения. Как подчеркивает Е.Н. Маркова, принятие соответствующих мер подразумевает установление справедливого баланса между конкурирующими интересами человека и сообщества в целом¹.

Международные судебные органы сталкиваются в последнее время с большим количеством жалоб частных лиц на действия государств, ограничивающих, по мнению заявителей, их права и свободы, закрепленные в международных правозащитных конвенциях. А учитывая, что квалификация деяния государства как международно-противоправного осуществляется на основе норм международного права, вне зависимости от того, считается ли такое деяние правомерным согласно внутригосударственному праву², рост количества таких жалоб вполне объясним. В частности, в Европейский суд по правам человека поступает множество жалоб на нарушение положений, закрепленных в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее — Европейская конвенция). Жалобы касаются введенных в отдельных странах «паспортов здоровья», принудительной вакцинации.

---

¹ Маркова Е.Н. Обязательная вакцинация в эпоху пандемии COVID-19: вводить нельзя отменить // Журнал Белорусского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 3.

² Лукашук И.И. Право международной ответственности. М. : Волтерс Клувер, 2004. С. 96.

Так, по жалобе, принятой ЕСПЧ 10 сентября 2021 г., «Тевенон против Франции» (жалоба № 46061/21)³, касающейся принудительной вакцинации в отношении отдельных категорий населения, введенной во Франции на основании Закона о преодолении кризиса в системе здравоохранения (Law no. 2021-1040 of 5 August 2021), заявитель указал на нарушение данным внутригосударственным нормативно-правовым актом ст. 8 (право на уважение частной и семейной жизни), ст. 14 (запрет дискриминации) Европейской конвенции, а также ст. 1 Протокола № 1 к данной Конвенции (защита права собственности). В целом, по состоянию на 19 августа 2021 г., в ЕСПЧ поступило 672 запроса о введении предварительных мер в виде приостановления обязательной вакцинации, введенной указанным внутригосударственным актом Франции⁴. Стоит отметить, что в удовлетворении данных запросов ЕСПЧ отказал⁵.

Аналогичные жалобы были поданы 2 сентября 2021 г. против Греции от имени 30 заявителей, работающих в сфере здравоохранения (от врачей как частной практики, так и из государственных учреждений)⁶. Заявители в данном случае усмотрели нарушение ст. 206 принятого в Греции Закона о принудительной вакцинации (Law no. 4820/2021), гораздо большего количества статей Европейской конвенции, а именно, помимо заявленных гражданами Франции нарушений ст. 8 и 14, нарушение ст. 2 (право на жизнь), ст. 3 (запрет пыток), ст. 4 (запрет рабства и принудительного труда), ст. 5 (право на свободу и личную неприкосновенность), ст. 6 (право на справедливое судебное разбирательство). Заявители также просили о введении предварительных мер в виде приостановления действия в их отношении требования Закона о принудительной вакцинации до принятия ЕСПЧ решения по делу. Но и в данном случае Суд отказал в удовлетворении данного запроса, ссылаясь на то, что это выходит за рамки ст. 39 Регламента ЕСПЧ. Мотивируя свой отказ, Суд сослался на то, что предварительные меры должны вводиться Судом без предрешения каких-либо последующих решений о приемлемости или по существу дела. Также Суд указал, что подобные меры вводятся в крайних случаях, исключительно при наличии угрозы жизни заявителя или риска причинения ему необратимого вреда⁷.

³ Thevenon v. France (App. No. 46061/21). URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=002-13425> (дата обращения: 25.10.2021).

⁴ Notice of application before Court concerning compulsory vaccination of certain workers imposed by French law on health crisis / ECHR 294 (2021). 07.10.2021. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng-press#%7B%22itemid%22:%7B%22003-7145912-9686564%22%7D%7D> (дата обращения: 25.10.2021).

⁵ Abgrall and 671 Others v. France (App. No. 41950/21). URL: *Mesures provisoires introduites par 672 sapeurs-pompiers contre la loi relative à la gestion de la crise sanitaire* (coe.int) (дата обращения: 25.10.2021).

⁶ Kakaletri and Others v. Greece (App. No. 43375/21); Theofanopoulou and Others v. Greece (App. No. 43910/21). URL: https://www.echr.coe.int/Documents/CP_Greece_ENG.pdf (дата обращения: 25.10.2021).

⁷ Refusal of requests for interim measures in respect of the Greek law on compulsory vaccination of health-sector staff against Covid-19 / ECHR Press Release 266 (2021). 09.09.2021. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng-press?i=003-7113391-9633858> (дата обращения: 25.10.2021).

Помимо принудительной вакцинации, не менее остро стоит проблема принудительной самоизоляции и соответствия нормативно-правовых актов о введении данной меры положениям международно-правовых актов о защите прав человека. Так, в деле «Терхеш против Румынии»⁸, рассмотренном ЕСПЧ, заявитель указывал на нарушение введенной мерой самоизоляции его права, гарантированного ст. 5 Европейской конвенции (право на свободу и личную неприкосновенность). Однако Суд пришел к выводу, что введенная мера не нарушает собственно право на свободу передвижения и не может рассматриваться как индивидуальная ограничительная мера, поскольку заявитель мог поддерживать социальные связи, покидать место жительства по различным причинам, мог посещать различные публичные места и не подвергался индивидуальному наблюдению со стороны властей государства, что не позволяет приравнять данную меру к домашнему аресту. Учитывая, что заявитель не указывал на нарушение иных его прав, гарантированных Европейской конвенцией и Протоколами к ней, о соответствии принятых Румынией внутригосударственных мер иным статьям конвенции ЕСПЧ вопрос не рассматривал, хотя, возможно в перспективе, нужно было сослаться на нарушение ст. 2 Протокола № 4 к Европейской конвенции⁹.

Стоит отметить, что Европейская конвенция допускает отступление от исполнения государствами принятых на себя обязательств в рамках данной конвенции в чрезвычайных ситуациях, под которыми в ст. 15 понимаются обстоятельства, угрожающие жизни нации, причем такое отступление от обязательств возможно лишь в той степени, в которой это обусловлено чрезвычайностью обстоятельств. Однако о таком отступлении государства должны обязательно уведомить Генерального секретаря Совета Европы, и рядом государств подобные уведомления уже были направлены (Сербия, Сан-Марино, Румыния, Республика Молдова, Грузия, Эстония, Албания, Северная Македония, Армения). Тем не менее, даже при условии такого уведомления, остаются сомнения, во-первых, относительно адекватности ограничительных мер, а во-вторых, относительно достаточного контроля со стороны ЕСПЧ в подобных случаях в отношении уведомивших государств¹⁰.

Не меньшую озабоченность международного сообщества вызывают и сбор, использование, хранение и дальнейшая передача персональной информации, получаемой в процессе проведения тестирований для выявления заболеваний новой коронавирусной инфекцией, а также во время лечения.

---

⁸ TERHEȘ c. ROUMANIE (App. No. 49933/20). URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-210026> (дата обращения: 25.10.2021).

⁹ Бондарчук О. Решение Европейского суда по делу «Терхеш против Румынии» от 13 апреля 2021 г., жалоба № 49933/20 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2021. № 8 (230). С. 164–165.

¹⁰ Green A. States should declare a State of Emergency using Article 15 ECHR to confront the Coronavirus Pandemic // Strasburg Observers. 2002. April 2.

Безусловно, сбор такой информации крайне необходим для проведения анализа полученных данных не только о круге контактов заболевшего с целью их предупреждения или изоляции, но и об эффективности и последствиях лечения и вакцинации. Однако подобный сбор и хранение информации могут повлечь массовое нарушение права человека на неприкосновенность частной жизни. Юридическая судьба данной информации после ее анализа для целей борьбы с коронавирусной инфекцией COVID-19, ее возможное использование в целях, не связанных с борьбой с пандемией, бесспорно, представляет серьезную проблему и потенциальную опасность. В этой связи Организация Объединенных Наций и ее учреждения (ВОЗ, МОМ, ЮНИСЕФ, УВКПЧ и др.) приняли Совместное заявление о защите данных и неприкосновенности частной жизни в условиях борьбы с COVID-19¹¹, в котором закрепили минимальные требования к любому сбору, использованию и обработке персональных данных учреждениями системы ООН. Помимо требования законности таких действий (их необходимости и пропорциональности целям в борьбе с пандемией COVID-19), они должны обеспечивать надлежащие конфиденциальность, безопасность, ограниченное по срокам хранение, а затем и надлежащее уничтожение или удаление данных. Обмен же данными должен осуществляться в соответствии с принципами защиты данных и неприкосновенности частной жизни, анализ которых должен производиться на основе должной осмотрительности и оценки рисков. Представляется вполне оправданным и необходимым распространение указанных минимальных требований не только на учреждения системы ООН, но и на все иные международные организации, а также внутригосударственные органы власти, осуществляющие сбор, хранение, обработку и последующую передачу информации, связанной с борьбой с COVID-19.

Таким образом, остается дискуссионным вопрос о том, являются ли меры, принимаемые на внутригосударственном уровне, необходимыми, адекватными, соразмерными и, напротив, достаточными для полноценной защиты основополагающих прав и свобод человека и гражданина. Как подчеркивает Е.Н. Маркова, принятие государствами соответствующих мер по борьбе с коронавирусной инфекцией подразумевает установление справедливого баланса между конкурирующими интересами человека и сообщества в целом¹². При этом необходимо обратить внимание на тот факт, что не все международные правозащитные акты закрепляют непосредственно как таковое право человека на здоровье. Оно, в частности, не закрепляется

¹¹ UN Doc. Joint Statement on Data Protection and Privacy in the COVID-19 Response. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/joint_statement_on_data_protection_and_privacy_in_covid-19_response.pdf (дата обращения: 26.10.2021).

¹² Маркова Е.Н. Обязательная вакцинация в эпоху пандемии COVID-19: вводить нельзя отменить // Журнал Белорусского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 3. С. 44.

Европейской конвенцией. Тем не менее за государствами закрепляется позитивная ответственность за принятие всех необходимых мер с целью защиты права на жизнь своих граждан, а также иных лиц, находящихся под их юрисдикцией, а также обязанность защищать их право на личную неприкосновенность. Неисполнение государствами принятых на себя обязательств в рамках правозащитных конвенций возможно лишь в случае чрезвычайной ситуации. Государства вправе осуществить ограничение прав и свобод человека только в соответствии с нормами внутригосударственного права, а содержание таких норм и есть свобода усмотрения государства¹³. В связи с этим ограничение на внутригосударственном уровне прав человека, гарантированных международными правовыми актами в период борьбы с пандемией COVID-19, допустимо. Однако такое отступление от принятых государствами на себя обязательств не только должно быть мотивированным и временным, но и иметь в качестве своей цели устранение угрозы жизни населения страны в целом.

Кривенкова М.В.,

доцент кафедры юридических дисциплин

Набережночелнинского института

Казанского (Приволжского) федерального университета,

кандидат юридических наук, доцент

(Республика Татарстан, г. Набережные Челны)

Литература

1. Бондарчук О. Решение Европейского суда по делу «Терхеш против Румынии» от 13 апреля 2021 г., жалоба № 49933/20 / О. Бондарчук // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2021. № 8 (230).
2. Лукашук И.И. Право международной ответственности / И.И. Лукашук. Москва : Волтерс Клувер, 2004.
3. Маркова Е.Н. Обязательная вакцинация в эпоху пандемии COVID-19: вводить нельзя отменить / Е.Н. Маркова // Журнал Белорусского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 3.
4. Ястребова А.Ю. Право на здоровье в системе международно-правовой защиты прав человека на универсальном и региональном уровне / А.Ю. Ястребова, Е.Е. Гуляева // Московский журнал международного права. 2021. № 2.
5. Green A. States should declare a State of Emergency using Article 15 ECHR to confront the Coronavirus Pandemic / A. Green // Strasburg Observers. 2020. 2 April.

Защита прав и интересов участников арбитражного разбирательства при исполнении иностранных арбитражных решений

Участники трансграничных отношений нередко сталкиваются с необходимостью надежного разрешения международных коммерческих споров. Для урегулирования спора стороны зачастую выбирают международный коммерческий арбитраж, рассчитывая на правовую определенность и справедливость при вынесении решения, а также при его признании и исполнении в другом иностранном государстве.

Признание и исполнение иностранных арбитражных решений в первую очередь осуществляется на основании Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение арбитражных решений, которая была заключена в Нью-Йорке 10 июня 1958 г. (далее — Нью-Йоркская конвенция 1958 г.)¹. Нью-Йоркская конвенция 1958 г. применяется в большинстве государств мира уже более полувека. За это время правоприменительная практика государств выявила проблемы, с которыми сталкиваются участники арбитражного разбирательства при исполнении арбитражных решений в иностранных государствах. Одна из таких проблем — исполнение отмененных арбитражных решений.

Исполнение арбитражных решений, которые были отменены по месту их вынесения, приводит к тому, что одна из сторон арбитражного разбирательства после отмены арбитражного решения останется незащищенной от нового процесса и исполнения отмененного решения.

Кроме того, может возникнуть ситуация, когда отмененное арбитражное решение будет приведено в исполнение в другом государстве, а в это время будет вынесено новое арбитражное решение. В целях соблюдения прав участников арбитражного процесса новое арбитражное решение должно быть приведено в исполнение. Однако государственный суд будет вынужден отказать в исполнении нового арбитражного решения на основании одного из принципов международного гражданского процесса — *lis pendens*, дабы не допустить ситуацию, когда в одном государстве будет действовать два решения между теми же сторонами, по одному и тому же предмету и по тем же основаниям. В результате одна из сторон, которая добилась отмены судебного

---

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г. (заключена в г. Нью-Йорке в 1958 г.) // Официальный сайт Комиссии Организации Объединенных Наций по международной торговле. URL: <https://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/arbitration/NY-conv/New-York-Convention-R.pdf> (дата обращения: 29.10.2021).

решения в государстве его вынесения, фактически окажется в ситуации, когда в одной стране ее права и интересы будут признаны, а в другой — нет, поскольку там уже приведено в исполнение иное арбитражное решение.

В правоприменительной практике государств уже неоднократно возникали подобные проблемы. Например, по делу ‘Yukos Capital SARL v. OJSC Rosneft Oil Co’, когда британский суд признал и привел в исполнение отмененное арбитражное решение². В деле ‘Chromalloy Aeroservices v. Arab Republic of Egypt’ Суд Соединенных Штатов признал и привел в исполнение на основании Нью-Йоркской конвенции 1958 г. арбитражное решение, которое было отменено государственным судом Египта³. При рассмотрении вопроса исполнения арбитражного решения, которое было частично отменено австрийским судом, в деле ‘Pabalk v. Norsolor’ французский суд удовлетворил ходатайство об исполнении отмененного арбитражного решения и привел его в исполнение⁴.

Рассматривая дело ‘OTV v. Hilmarton’, где испрашивалось признание арбитражного решения, отмененного государственным судом Швейцарии, французский суд признал и привел в исполнение отмененное арбитражное решение⁵. Вместе с тем в Швейцарии спор между OTV и Hilmarton был передан на рассмотрение арбитражного суда в ином составе. В результате арбитражный суд принял новое арбитражное решение, где, в отличие от первоначального решения, требования Hilmarton были удовлетворены. Вопрос признания и приведения второго арбитражного решения был поставлен перед французскими судами, которые отказали в его исполнении на основании существующего окончательного решения французского суда по тому же предмету и между теми же сторонами (принцип *lis pendens*)⁶.

Аналогичные обстоятельства сложились в споре ‘PT Putrabali Adyamulia v. S.A. Rena Holding’. Французский суд признал и привел в исполнение отмененное английскими судами арбитражное решение⁷. Однако после отмены

² United Kingdom, England and Wales, High Court № 2010 Folio: 315 & 316, Yukos Capital S.à r.L v. OJSC Oil Company Rosneft, 3 July 2014. URL: http://newyorkconvention1958.org/doc_num_data.php?explnum_id=2955 (дата обращения: 29.10.2021).

³ United States, U.S. District Court, District of Columbia, case № 94-2339, Chromalloy Aeroservices v. Arab Republic of Egypt, 31 July 1996. URL: https://newyorkconvention1958.org/index.php?lvl=notice_display&id=1139 (дата обращения: 29.10.2021).

⁴ France, Cour de cassation № 83-11.355, Société Pabalk Ticaret Limited Sirketi c. Société Norsolor, 09 October 1984. URL: http://newyorkconvention1958.org/index.php?lvl=notice_display&id=118 (дата обращения: 29.10.2021).

⁵ France, Cour de cassation, case № 92-15.137, Société Hilmarton Ltd v. Société Omnium de traitement et de valorisation (OTV), 23 March 1994. URL: https://newyorkconvention1958.org/index.php?lvl=notice_display&id=140 (дата обращения: 29.10.2021).

⁶ Cour de Cassacion, First Civil Chamber, 10 June 1997, Petition No. 95-18402 95-18403 // Clay T., Pinsolle P., Voisin T. French. International Arbitration Law Reports: 1963–2007. Juris Publishing, Inc., 2014. P. 348.

⁷ France, Cour de cassation № 05-18.053 / Société PT Putrabali Adyamulia v. Société Rena Holding et Société Moguntia Est Epices, 29 June 2007. URL: http://newyorkconvention1958.org/index.php?lvl=notice_display&id=176 (дата обращения: 29.10.2021).

английскими судами арбитражного решения было вынесено новое решение по этому же спору, которое было противоположным по отношению к первоначальному. В признании второго арбитражного решения французскими судами было отказано на основании принципа *lis pendes*.

Нарушению прав участников арбитражного процесса при исполнении отмененных арбитражных решений способствует произвольное толкование государственными судами положений Нью-Йоркской конвенции 1958 г. Так, подп. «е» п. 1 ст. V Нью-Йоркской конвенции 1958 г. устанавливает, что в признании и приведении в исполнение арбитражного решения *может быть* отказано, если «решение еще не стало окончательным для сторон или было отменено или приостановлено исполнением компетентной властью страны, где оно было вынесено, или страны, закон которой применяется» (курсив наш. — *Е.М.*). Суды некоторых государств толкуют данное положение как то, что у суда есть право выбора признавать и исполнять отмененные арбитражные решения или отказывать в исполнении подобных решений.

Решение государственных судов в отношении исполнения отмененных арбитражных решений напрямую зависит от подхода государства к правовой природе международного коммерческого арбитража. В последнее время активно обсуждается концепция делокализации арбитража, которая предполагает, что арбитраж не связан с национальным правовым порядком какого-либо государства и функционирует самостоятельно от него⁸.

Концепция делокализации арбитража направлена на ограничение государственного контроля за деятельностью международного коммерческого арбитража и за его решениями⁹. Также в соответствии с концепцией делокализации арбитража отмененное арбитражное решение может быть признано и приведено в исполнение в иностранном государстве.

Примером государства, где развивается концепция делокализации арбитража, является Франция, в связи с чем правоприменительная практика французских судов направлена на исполнение арбитражных решений, которые были отменены по месту их вынесения.

Интерес государств к концепции делокализации арбитража основан прежде всего на привлечении трансграничных споров в свою юрисдикцию. Однако ограничение контроля государственных судов за арбитражем и исполнение отмененных арбитражных решений может привести к нарушению прав участников арбитражного разбирательства, что подтверждается вышеприведенной практикой государств.

Вместе с тем большинство государств придерживаются концепции международного коммерческого арбитража, в соответствии с которой арбитраж

⁸ Gaillard E. *Legal Theory of International Arbitration* Leiden. Boston, 2010. P. 15–66.

⁹ Paulsson J. *Delocalization of International Commercial Arbitration: When and Why it Matters* // *International and Comparative Law Quarterly*. 1983. Vol. 32. P. 53–61.

и его решения связаны с национальными правовыми порядками¹⁰. Если основываться на связи международного коммерческого арбитража с правовыми порядками государств, его решения, в случае если они были отменены по месту их вынесения, не могут быть приведены в исполнение в каком-либо иностранном государстве. Также в рамках данного подхода за государственным судом сохраняется контроль за арбитражем. При этом такой контроль имеет специфический характер и строго регламентируется законом, регулирующим деятельность арбитража.

Подобный подход к правовой природе международного коммерческого арбитража обеспечивает защиту прав участников арбитражного разбирательства. Отказ в признании и приведении в исполнение арбитражного решения, отмененного по месту его вынесения, предотвратит ситуации, когда одна из сторон арбитражного разбирательства после отмены решения останется не защищенной от нового процесса и исполнения отмененного решения, а также отказ в исполнении нового арбитражного решения в каком-либо государстве в соответствии с принципом *lis pendens*.

Представляется, что государства, выбирая концепцию арбитража в рамках своего правового порядка, должны в первую очередь учитывать защиту прав и интересов участников арбитражного процесса и только после этого вырабатывать правовые механизмы для привлечения трансграничных споров в свою юрисдикцию.

Курочкина Е.М.,

аспирант кафедры международного права
Санкт-Петербургского государственного университета
(г. Санкт-Петербург)

Литература

1. Gaillard E. *Legal Theory of International Arbitration* / E. Gaillard. Leiden, Netherlands : Martinus Nijhoff, 2010.
2. Mann F.A. *Lex Facit Arbitrum* / F.A. Mann // *International Arbitration: Liber Amicorum for Martin Domke* / eds. by P. Sanders Netherlands : Martinus Nijhoff, 1967.
3. Paulsson J. *Delocalisation of International Commercial Arbitration: When and why it Matters* / J. Paulsson // *International and Comparative Law Quarterly*. 1983. Vol. 32.

---

¹⁰ Mann F.A. *Lex Facit Arbitrum* // *International Arbitration. Liber Amicorum for Martin Domke*. The Hague, 1967. P. 244.

Правовое регулирование свободы передвижения в канве ограничений о запрете иметь двойное гражданство для федеральной государственной службы

Сегодня десятки, если не сотни тысяч россиян являются одновременно гражданами других стран и помимо российского загранпаспорта имеют второй паспорт другого государства. С одной стороны, паспорт далекой экзотической страны на ваше имя — это возможность уехать именно тогда, когда это потребует. При этом во многих случаях не обязательно уезжать в страну, гражданином которой являешься. Например, имея паспорт государства, входящего в Европейский союз (ЕС), можно проживать и работать в любой из 28 стран Евросоюза. С другой стороны, при наличии гражданства двух стран есть возможность выбрать, в вооруженных силах какого государства служить и служить ли вообще (можно ведь в это время находиться в третьей стране). Тем не менее предъявлять в российском военкомате второй паспорт бесполезно: если вы получили повестку, то предстоит служить по российским законам. Второй паспорт иностранной державы в вашем статусе на территории Российской Федерации ничего не меняет.

Существует множество объективных обстоятельств, которые способствуют появлению лиц с двумя гражданствами (необходимо отличать двойное гражданство от второго гражданства). Прежде всего это миграционные процессы (люди едут туда, где жить экономически выгоднее и проще). Более того, многие страны (Великобритания, Ирландия, Канада, Австралия, Новая Зеландия, США) имеют программы целенаправленного привлечения мигрантов на свою территорию. Как правило, стараются привлечь профессионалов, бизнесменов, инвесторов. И отсюда терпимое отношение к лицам с двумя гражданствами и двумя легальными паспортами. Израиль, Германия, Греция и ряд других стран пошли немного по другому пути, а именно смягчили условия предоставления гражданства по этническим признакам.

Согласно поправкам в п. «т» ст. 71 Конституции РФ от 12 декабря 1993 г., в ведении Российской Федерации находятся: «...федеральная государственная служба; установление ограничений для замещения государственных и муниципальных должностей, должностей государственной и муниципальной службы, в том числе ограничений, связанных с наличием

гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина РФ на территории иностранного государства, а также ограничений, связанных с открытием и наличием счетов (вкладов), хранение наличных денежных средств и ценностей в иностранных банках, расположенных за пределами территории РФ»¹.

Федеральная государственная служба предполагает определение правовых основ ее организации, статуса государственных служащих в Российской Федерации. Институт государственной службы в 2003–2004 гг. подвергся кардинальному реформированию. В соответствии с Федеральным законом от 27 мая 2003 г. «О системе государственной службы»² установлено три ее вида: государственная гражданская, военная и правоохранительная служба. При этом гражданская государственная служба разделяется на федеральную, регулирование которой осуществляется только Россией, и службу субъектов РФ, являющуюся сферой совместного ведения.

Основными принципами построения и функционирования системы государственной службы являются: федерализм, законность, приоритет прав и свобод, равный доступ к ней, единство правовых и организационных основ, взаимосвязь государственной и муниципальной службы, открытость, компетентность, профессионализм и др.

Поэтому все три вида государственной службы представляют собой профессиональную служебную деятельность граждан на должностях государственной службы.

Государственная служба взаимосвязана и соотнесена как с иными ее видами (военной, правоохранительной), так и с муниципальной службой по основным условиям и размерам оплаты труда, социальным гарантиям, ограничениям и обязательствам, прохождению, учету иных видов при исчислении стажа, соотносительности основных условий государственного пенсионного обеспечения граждан³. Как один из ее видов государственная гражданская служба представляет собой профессиональную служебную деятельность на должностях по обеспечению исполнения полномочий государственных органов (федеральных и субъектов РФ) и лиц, замещающих государственные должности. Гражданским служащим присваиваются классные чины 1–3-го классов в соответствии с замещаемой должностью гражданской службы.

---

¹ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : Закон РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ. URL: <http://duma.gov.ru/news/48045/> (дата обращения: 11.10.2020).

² СЗ РФ. 2003. № 22. Ст. 2063; 2003. № 46 (часть I). Ст. 4437.

³ О государственной гражданской службе Российской Федерации : Федеральный закон от 27 июля 2004 г. // СЗ РФ. 2004. № 32. Ст. 3215 (в ред. от 02.02.2006).

Данным законом определены также права и основные обязанности государственного служащего, ограничения, связанные с поступлением на службу и ее осуществлением, гарантии для служащих (денежное содержание и надбавки к нему, премии, отпуска, пенсионное обеспечение и т.д.), порядок замещения должностей и прохождения службы, статус кадровых служб государственных органов.

Федеральным законодательством регулируется также военная и правоохранительная служба — во внутренних войсках и в полиции, органах ФСБ, в том числе в пограничных войсках, прокуратуре, органах по контролю за оборотом наркотических и психотропных веществ, службах исполнения наказания и судебных приставов, таможенных органах.

В 2005 году впервые установлены также правовые и организационные основы несения государственной службы российским казачеством, под которым понимаются граждане Российской Федерации, являющиеся членами казачьих обществ⁴. Несение ими службы распространяется только на деятельность, связанную с государственной службой, и обеспечивается федеральным законодательством о данной службе.

Согласно ст. 62 Конституции РФ от 12 декабря 1993 г.⁵ в России не запрещено иметь двойное гражданство:

1. Гражданин РФ может иметь гражданство иностранного государства (двойное гражданство) в соответствии с федеральным законом или международным договором РФ.

2. Наличие у гражданина РФ гражданства иностранного государства не умаляет его прав и свобод и не освобождает от обязанностей, вытекающих из российского гражданства, если иное не предусмотрено федеральным законом или международным договором РФ.

Понятие «двойное гражданство» является частным случаем множественного гражданства. В международном праве и российском законодательстве понятие «двойное гражданство» означает наличие у лица одновременного гражданства (или подданства — если страну возглавляет не президент, а монарх) двух или более государств. В настоящее время вопрос двойного гражданства у Российской Федерации полностью легализован только с Таджикистаном; есть соответствующий двусторонний договор. Ранее был еще договор с Туркменией, но он прекратил свое действие в мае 2015 г. Что касается всех остальных стран мира, то российские граждане, имеющие два или несколько гражданств, не рассматриваются Россией на ее территории как

⁴ О государственной службе российского казачества : Федеральный закон от 5 декабря 2005 г. // СЗ РФ. 2005. № 50. Ст. 5245.

⁵ Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. URL: <http://www.constitution.ru> (дата обращения: 15.10.2020).

«двойные граждане». Их второй паспорт означает не двойное, а два гражданства, то есть создан так называемый «правовой вакуум».

Согласно ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»⁶:

1. Гражданин Российской Федерации, имеющий также иное гражданство, рассматривается Российской Федерацией только как гражданин Российской Федерации, за исключением случаев, предусмотренных международным договором Российской Федерации или федеральным законом.

2. Приобретение гражданином Российской Федерации иного гражданства не влечет за собой прекращение гражданства Российской Федерации.

Как было отмечено выше, примером «легализации» двойного гражданства на межгосударственном уровне могут служить Договор России с Таджикистаном об урегулировании вопросов гражданства. Договор определяет, в частности, что каждая из сторон признает за своими гражданами право приобрести гражданство другой стороны, не утрачивая предыдущего. В отношении прав и обязанностей «двойных» граждан, их социального обеспечения и военной службы договор определяет, что данные вопросы относятся к компетенции той стороны, на территории которой такие лица постоянно проживают. При этом лица, прошедшие военную службу в одной из сторон, освобождаются от призыва на военную службу в другой стороне. «Двойные» граждане пользуются защитой и покровительством каждой из сторон. Наличие у граждан паспортов двух государств дает им преимущества для безвизовых поездок из одного государства в другое.

28 мая 2014 года в Закон «О гражданстве РФ» внесены поправки, по которым любой гражданин РФ будет обязан в установленные сроки уведомить государственные органы о наличии второго гражданства. Законодательство обязывает каждого обладателя второго гражданства, ВНЖ и ПМЖ в другой стране сообщить об этом факте в надзорные органы (до 2018 г. эту функцию выполняла ФМС, сейчас — ГУМВ МВД России). Это положение касается всех, включая несовершеннолетних и недееспособных — за них это должны сделать родители или опекуны, действующие на основании нотариально заверенной доверенности.

Уведомление о получении второго гражданства должно быть направлено в течение 60 дней с даты наступления события. Сделать это можно только на территории Российской Федерации двумя способами:

1) принести документы в ближайшее отделение ГУМВ МВД лично по месту прописки или пребывания;

---

⁶ О гражданстве Российской Федерации : Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ (ред. от 13.07.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36927/ (дата обращения: 20.10.2020).

2) воспользоваться услугами почты. При этом отрывная часть уведомления остается на почте в качестве доказательства, что документы приняты к отправке.

Другие способы, включая уведомление через портал Госуслуг, не предусмотрены. Помимо заполненного бланка уведомления необходимо предоставить копии обоих паспортов (российского и иностранного) или документов, подтверждающих наличие ВНЖ или ПМЖ в другой стране. Если документы подаются от имени несовершеннолетнего (до 18 лет) или недееспособного гражданина, то дополнительно прикладывается копия доверенности. При этом личное присутствие опекаемых не требуется. При наличии второго гражданства уведомляющие документы подаются однократно, тогда как лица, имеющие вид на жительство, обязаны уведомлять ГУВМ МВД при каждом его продлении.

Россияне, постоянно проживающие за рубежом, уведомление о втором гражданстве могут не подавать. Однако если они приезжают в Россию (например, в гости к родственникам), то закон обязывает их сообщать о его наличии в течение 30 дней с даты пересечения границы.

Несоблюдение сроков уведомления, предоставление некорректных, неполных или заведомо дезинформирующих данных является административно наказуемым. В указанных случаях нарушителю грозит штраф от 500 до 1000 руб. Непредставление информации о наличии второго гражданства — это уже уголовное преступление. Оно чревато крупным штрафом (200 тыс. руб.) или принудительными работами на срок до двух месяцев.

Что касается, например, Украины, то еще во время инаугурационной речи Президент Украины Владимир Зеленский пообещал вернуть на родину коренных украинцев. И не только трудовых мигрантов, но и потомков тех, кто выезжал в Канаду, США, Европу два или три поколения назад. Главная новелла законопроекта — возможность претендовать на украинское гражданство для тех, чьи предки жили на территории Украины начиная с конца XIX в. Идея ждет воплощения с 13 декабря 2019 г. — именно тогда на рассмотрение парламента поступил определенный президентом как неотложный законопроект № 2590⁷.

Также в документе установлен перечень государственных должностей, которые не могут занимать бипатриды. В список включены, в частности, секретарь СНБО и его заместители, члены ЦИК, Нацсовета по вопросам телевидения и радиовещания, члены Кабинета министров, прокуроры и т.п. Претенденты на эти должности должны подать декларацию об отсутствии

⁷ Лебедь Н. Получат ли украинцы право на двойное гражданство? URL: <https://112.ua/statji/dayte-dva-rada-vvedet-dvoynoe-grazhdanstvo-536418.html> (дата обращения: 12.10.2019).

паспортов других государств. При этом упоминание о народных депутатах отсутствует, а механизм проверки достоверности информации в декларациях не определен.

Таким образом, ограничение, связанное с гражданской службой, а именно запрет на принятие на государственную службу в случае наличия второго гражданства, является важной вехой в государственном строительстве и управлении. Однако, во-первых, двойное гражданство возникает, если в законодательстве не содержится полного набора ограничителей, препятствующих его возникновению; во-вторых, источник двойного гражданства кроется, как правило, во внутреннем законодательстве каждого из двух государств. Правовой вакуум — это не законодательный запрет иметь два гражданства, это всего лишь отсутствие регулирования, что является актуальным в условиях конституционной реформы в Российской Федерации.

Максименко С.В.,
кандидат юридических наук
(г. Москва)

Литература

1. Лебедь Н. Получат ли украинцы право на двойное гражданство? / Н. Лебедь. URL: <https://112.ua/statji/dayte-dva-rada-vvedet-dvoynoe-grazhdanstvo-536418.html> (дата обращения: 12.10.2019).

Значение правового мониторинга для достижения основных задач в рамках Европейской ассоциации свободной торговли

20 ноября 1959 года в итоговом коммюнике Стокгольмского саммита было провозглашено создание зоны свободной торговли и подписана Конвенция об учреждении Европейской ассоциации свободной торговли (далее — Конвенция о ЕАСТ)¹. Среди основных задач ЕАСТ необходимо назвать следующие: содействие росту экономической активности хозяйствующих субъектов государств — членов ЕАСТ, повышение благосостояния граждан государств — членов ЕАСТ и обеспечение занятости населения, а также предоставление добросовестных условий конкуренции в торговле между государствами-членами. К началу 90-х гг. XX в. проект ЕАСТ успешно реализован, в частности: сформирована система органов, способных обеспечивать непрерывную деятельность, — зона свободной торговли (ЗСТ), созданы торговый режим, характеризующийся взаимосвязанностью и взаимообусловленностью национальных экономик, и специальная система контроля за движением товара.

В начале 90-х гг. XX в. в качестве самостоятельного проекта по сотрудничеству с третьими странами ЕАСТ стала развивать торгово-экономические отношения с государствами Европы (не членами Европейского союза), Азии, Африки и Латинской Америки². Основной характеристикой «большой ЕАСТ» как ЗСТ можно считать то, что в ее рамках свои внешнеэкономические позиции государства — члены ЕАСТ разрабатывают с учетом тех обязательств, которые они взяли на себя по Конвенции о ЕАСТ, Соглашению о Европейском экономическом пространстве (ЕЭП) и билатеральным соглашениям Швейцарии и Европейского союза (ЕС). Соглашение о Европейском экономическом пространстве было подписано в 1994 г. между ЕС и государствами — членами ЕАСТ. Среди основных целей соглашения учреждение «динамичного и однородного» экономического пространства на пространстве ЕАСТ — ЕС, поддержание гармоничного развития государств-партнеров по ЕЭП, а также содействие непрерывному сбалансированному укреплению торгово-экономических отношений между сторонами соглашения.

¹ Communique and resolution adopted by Great Britain, Austria, Denmark, Norway, Portugal, Sweden, and Switzerland at the ossation of the establishment of the European Free Trade Association. Stockholm, 20 Nov., 1959 // Great Britan. Foreign Policy and the Span of Empire. P. 1689–1971.

² Машкова Е.В. Особенности формирования и новые тенденции развития межрегиональной зоны свободной торговли, созданной Европейской ассоциацией свободной торговли // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 8. С. 389–395.

Реализация указанных целей должна быть достигнута путем готовности государств — членов ЕАСТ (национальных правовых систем) к внесению изменений в свете построения однородного правового пространства на уровне ЕС/ЕАСТ/ЕЭП³. Отдельно отметим, что ЕЭП, в отличие от ЕС, представляет собой форму регионального взаимодействия государств в сфере экономики, в частности, ЕЭП не является международной организацией, институциональная система не обладает наднациональными характеристиками, а в качестве основы регулирования процесса интеграции избран метод координации. При этом Соглашение о ЕЭП выступает своего рода «внешним режимом» по отношению к пространству ЕАСТ и национальным законодательствам государств — членов ЕАСТ.

Особое значение для эффективной работы ЕАСТ приобретает согласованность и предсказуемость действий Исландии, Норвегии, Лихтенштейна и Швейцарии, поскольку логика процессов сотрудничества в сфере экономики на пространстве ЗСТ предполагает изменение внутреннего правового регулирования в государствах-членах. Взаимодействие государств в данном случае направлено не только на тесное сотрудничество, но и на создание благоприятных условий для работы хозяйствующих субъектов, связанных друг с другом общими бизнес-процессами. В этой связи вопрос о проведении качественных мониторинговых исследований становится крайне актуальным.

Вопрос о мониторинге международно-правовых актов, в отличие от национальных правовых актов, остается недостаточно исследованным⁴. Ключевым инструментом для обеспечения проверки качества законодательной инициативы в государствах Европы и в ЕС является процедура оценки регулирующего воздействия (ОРВ)⁵. Важная цель проведения ОРВ заключается во влиянии принятого решения на государство или на ЕС, на их экономическое, социальное и политическое развитие. При этом не менее важная цель заключается в определении степени влияния принятого регулирования на работу бизнес-структур, хозяйствующих субъектов, работающих на правовом пространстве ЕС/ЕЭП.

Для улучшения качества реализации мониторинговой деятельности в ЕС в 2006 г. в составе Европейской комиссии (ЕК) был создан Совет по ОРВ для обеспечения независимого контроля качества и поддержания качества при-

---

³ Agreement on the European Economic Area 1994 the Contracting parties, considering the objective of establishing a dynamic and homogeneous European Economic Area, have decided to conclude the Agreement on the European economic area (OJ No L 1, 3.1.1994, p. 3; and EFTA States' official gazettes).

⁴ Ogus A. Regulation: Legal Forma and economic theory. Oxford — Portland, Oregon, 2004; Habermas Y. Between Facts and Norms. Cambridge, Polity Press, 1997, 1998, 2004.

⁵ ОРВ представляет собой более общую систему механизмов, позволяющих рационализировать процессы выработки и принятия регулирующих решений, учесть мнения заинтересованных групп и достичь консенсуса в отношении целей регулирования и наиболее действенных и эффективных путей их реализации.

нимаемых решений. Результаты проведенных ОРВ в ЕС оформляются в виде доклада или публикуются в «зеленых книгах». Также Совет ЕС обладает полномочиями по оценке всех проектов отчетов о проведении ОРВ на предмет соответствия требованиям к качеству таких отчетов и дает заключения, содержащие рекомендации по вопросам совершенствования ОРВ.

Важным результатом ОРВ следует считать то, что выводы, полученные в ходе ее проведения, необходимо учитывать при принятии правовых предписаний. Итоги проведения ОРВ не могут игнорироваться Советом ЕС и Парламентом ЕС при их участии в законодательных инициативах. Комиссия ЕС при реализации законодательной инициативы должна опираться на результаты ОРВ, при этом принятие решения, отличного от сделанных в результате проведения ОРВ выводов, должно быть серьезно аргументировано⁶.

Процесс проведения ОРВ в рамках ЕС основывается на принципах прозрачности (отчеты об оценке регулирующего воздействия публикуются на порталах ЕК, Совета и Парламента) и всеобъемлемости (сферы проведения ОРВ охватывают все процессы интеграции). Особенностью проведения ОРВ следует считать обязанность создания отдельных исследовательских групп для каждого проведения ОРВ. Такие группы могут состоять из научных сотрудников, являющихся специалистами по исследуемой проблематике, и практиков (представителей бизнеса, социальной среды, национальных и международных чиновников), заинтересованных в решении данного вопроса.

Методика проведения ОРВ в ЕАСТ во многом совпадает с методикой применяемой в ЕС, однако она имеет ряд принципиальных особенностей. Принципиальны также отличия в работе органов ЕАСТ и ЕС и в тех полномочиях, которыми органы ЕАСТ обладают в рамках ЗСТ.

Мониторинговая функция, в частности, возложена на Постоянный комитет ЕАСТ, который является одним из основных органов ЕАСТ и самым тесным образом связан с обеспечением процесса общеевропейского экономического сотрудничества государств и построением единого экономического пространства. На Постоянный комитет возложены следующие задачи: поддержание и развитие однородного экономического пространства посредством взаимодействия с Европейской службой внешних связей в Совместном комитете ЕЭП; разработка решений, которые впоследствии будут обсуждены в ходе консультаций и приняты в рамках Совместного комитета ЕЭП и Совета ЕЭП; надзор за исполнением решений, принятых Постоянным комитетом ЕЭП; получение информации от Комиссии ЕС и доведение данной информации до сведения государств — членов ЕАСТ.

⁶ European Commission (2009), Impact Assessment Guidelines, 15 January 2009 (SEC (2009) 92). European Commission (2009), Impact Assessment Guidelines, Part III: Annexes to impact assessment guidelines. Friedman D. Law's Order. What Economics has to do with law and why it matters. Princeton, 2000.

В рамках «большой ЕАСТ» проводится мониторинг созданными на основании соглашений о ЗСТ комитетами, которые осуществляют контроль за добросовестностью выполнения сторонами Конвенции ЕАСТ и соглашений о ЗСТ взятых на себя обязательств — путем обзора внутреннего (национального) законодательства сторон и оценки результатов практики реализации положений конвенции и соглашений. В частности, усилия комитетов направлены на устранение барьеров и других ограничительных мер при регулировании торговли между государствами — членами ЕАСТ и партнерами по соглашению.

Таким образом, можно сделать вывод, что на пространстве ЕАСТ акценты проведения ОРВ смещаются от оценки качества принимаемых решений к оценке качества исполнения решений.

Одним из консультативных органов ЕАСТ является Консультативный комитет ЕАСТ. Основными задачами комитета являются обмен мнениями и информацией между членами комитета и работа совместно со специально приглашенными экспертами по вопросам, связанным с деятельностью ЕАСТ. Таким образом, комитет может восприниматься как своего рода форум для общения, в том числе и представителей бизнес-структур. На Консультативный комитет ЕАСТ также возложена обязанность проведения мониторинга, который направлен на оценку влияния реализации положений Конвенции о ЕАСТ, уже подписанных соглашений о ЗСТ с третьими государствами и Соглашения о ЕЭП как на экономику и правовую среду государств — членов ЕАСТ (включая Швейцарию), так и на развитие бизнес-структур на пространстве «малой» и «большой» ЕАСТ.

Результаты мониторинговой деятельности Консультативного комитета отражаются в докладах комитета. Так, в различные годы Консультативный комитет подготовил доклады, в которых отмечал необходимость расширения сотрудничества ЕАСТ с третьими государствами в таких областях, как промышленные товары, рыба и другие морские продукты, переработка сельскохозяйственной продукции, государственные закупки, в сфере интеллектуальной собственности, торговли услугами и прямых инвестиций, по вопросам энергетики и окружающей среды⁷.

Таким образом, можно говорить, что государства — члены ЕАСТ опираются на результаты проведенных ОРВ при принятии решений на пространстве не только «малой ЕАСТ», но и «большой ЕАСТ».

Отдельно также отметим, что активное информационное взаимодействие между органами интеграции, органами государственной власти, бизнес- и экспертным сообществом является важнейшим условием сохранения экономической целостности и правового единства. Во-первых, при прове-

---

⁷ An Opinion from the EFTA Consultative Committee EFTA's Third-country relations. C/00/R/010 1 Annex. 11 June 2001 Brussels.

дении ОРВ могут быть использованы данные, доступные только при поддержке государств — членов ЕАСТ (например, внутренние документы министерств и ведомств), однако для принятия решений в рамках ЗСТ важно получение информации, не связанной с деятельностью органов публичной власти. Это вызвано тем, что на органах государственной власти в определенных случаях лежат ограничения на предоставление информации, а также предоставляемые государственными органами данные могут в некоторых случаях носить субъективный характер. Также необходимо учитывать, что у государства нет обязанности давать подробную информацию, или раскрывать какую-либо информацию, которую оно не считает нужным раскрывать. Во-вторых, важной составляющей ОРВ являются выводы, сделанные экспертным и научным сообществом, поэтому как органы интеграционного объединения, так и органы ЗСТ имеют самостоятельную консультативную сеть (специалисты-аналитики, сотрудники международных органов и научные сотрудники (практические работники) различных исследовательских учреждений). И в-третьих, информация для процедур ОРВ может быть представлена заинтересованными частными лицами и хозяйствующими субъектами и содержаться в документах, составляемых по итогам консультаций, проводимых в органах ЕАСТ.

Важной составляющей ОРВ являются статистические данные, поэтому к настоящему моменту реализовано сотрудничество ЕАСТ и ЕС в технической сфере и сфере статистики и установлены тесные связи по линии Европейской статистической системы. При этом в рамках самой ЕАСТ существует постоянно действующая статистическая программа для обеспечения целостности данных. При реализации этой программы в ЕАСТ используются аналогичные с ЕС методики проведения ОРВ.

В связи с «многоуровневостью» правового регулирования на пространстве ЕАСТ проблема расхождений или противоречий между отдельными правовыми актами, регулируемыми одинаковые либо смежные общественные отношения, постоянно остается актуальной. Противоречия, возникающие в процессе правоприменительной деятельности и реализации компетентными субъектами своих полномочий, могут порождать правовые коллизии, что влечет нарушение системности правового регулирования⁸. Таким образом, мониторинговые исследования проводятся также непосредственно в государствах — членах ЕАСТ, в том числе и с привлечением представителей органов ЕАСТ.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

Во-первых, основная задача проведения ОРВ в ЕАСТ заключается в формулировании прогноза воздействия правовых предписаний ЕС и ЕЭП

⁸ Правовой мониторинг : научно-практическое пособие / под ред. Ю.А. Тихомирова и Д.Б. Горохова. М., 2009. С. 3–4.

на экономику и социальную среду государств — членов ЕАСТ и самой ЕАСТ, а также оценке прежде всего экономических и правовых последствий того или иного регулирования.

Во-вторых, особенностью правового мониторинга на пространстве ЕАСТ следует считать то, что выбранные методики предполагают и на практике демонстрируют значительную степень общности государств — членов ЕАСТ с государствами — членами ЕС и самим ЕС. В частности, данная взаимосвязь наиболее заметна в части формирования критериев (показателей) эффективности и методологии установления их значений.

В-третьих, столь сложные усилия государств по взаимодействию на пространстве ЕАСТ направлены на активизацию в первую очередь деятельности коммерческих структур. Как показало исследование, органы ЕАСТ при проведении мониторинга изменяют критерии оценки эффективности, которые смещаются от таких показателей, как степень взаимной торговли (товарооборота) государств интеграционного объединения, рост экономики государств и экспортных доходов, объем валовой внутренней продукции и иностранных инвестиций, отражающих в основном важные для государства критерии оценки состояния экономики, в сторону таких показателей, как уровень жизни населения, эффект масштаба производства, состояние инвестиционного климата, качество и доступность инфраструктуры и услуг, распространение новейших технологий, и многих других, которые важны как для деятельности хозяйствующих субъектов, так и для благосостояния жителей государств — членов ЕАСТ.

Машкова Е.В.,

ассистент кафедры международного права

Юридического факультета

Московского государственного университета (МГУ)

имени М.В. Ломоносова

(г. Москва)

Литература

1. Машкова Е.В. Особенности формирования и новые тенденции развития межрегиональной зоны свободной торговли, созданной Европейской ассоциацией свободной торговли / Е.В. Машкова // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 8.
2. Правовой мониторинг : научно-практическое пособие / под редакцией Ю.А. Тихомирова и Д.Б. Горохова. Москва : Юриспруденция, 2009.
3. Friedman D. Law's Order: What Economics Has to Do with Law and Why It Matters / D. Friedman. Princeton University Press, 2001.
4. Ogus A. Regulation: Legal Forma and economic theory / A. Ogus. Portland, Oregon : Oxford, 2004.
5. Habermas Y. Between Facts and Norms / Y. Habermas. Cambridge : Polity Press, 1997, 1998, 2004.

Международно признанная свобода совести как важное условие обеспечения благополучия человека: теоретико-правовые проблемы

Проблемы достижения и обеспечения благополучия человека остаются актуальными по настоящее время. На указанную проблематику выпускаются монографии, написаны научные статьи¹.

В связи с тем что термин «благополучие человека» рассматривается с позиций социологии, юриспруденции, психологии, педагогики и других наук, отсутствует единое определение указанного термина. Представляется, что многогранность и многоаспектность указанного термина затрудняют выработку единого определения.

Следует отметить, что благополучие человека неразрывно связано с правами человека. В связи с низкой эффективностью реализации международных универсальных и региональных актов о правах человека обеспечить благополучие человека в современном мире не представляется возможным.

Сформулированные в научной литературе подходы к свободе совести не всегда учитывают ее содержание.

Второй проблемой в понимании свободы совести является не вполне корректное отождествление с более узким понятием «свобода вероисповедания», рассмотрение свободы совести через юридически не определяемый термин «религия».

Согласно позиции С.А. Бурьянова, «современное правовое регулирование свободы совести, в настоящее время, основывается на понятийном аппарате, не вполне соответствующем требованиям современной юридической техники»².

Как указывает С.В. Рыбак, «право на свободу совести как право человека отличается наиболее слабой научной разработанностью, неадекватностью научных суждений в силу того, что юридическая наука в данной сфере сосредоточена преимущественно в сфере правоприменения»³.

Представляется, что свобода совести выступает как «системообразующее право каждого в системе прав человека, установленное и гарантированное международным и внутригосударственным правом, предполагающее

¹ Петухова Н.В. Обзор международной научно-практической конференции «Социальное благополучие человека: конституционные параметры» // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2018. № 6 (46). С. 181.

² Свобода совести: проблемы теории и практики : монография / под ред. Ф.М. Рудинского, С.А. Бурьянова. М., 2012. С. 270.

³ Рыбак С.В. Свобода совести как право человека на самоопределение по отношению к религии // Философия права. 2015. № 6 (73). С. 53.

свободный выбор мировоззренческой идентичности в соответствии с собственными убеждениями»⁴.

Отметим, что проблемы реализации свободы совести в современном мире можно условно подразделить на теоретические и практические⁵.

К первой группе относятся низкая теоретическая разработанность термина «свобода совести», проблема соотношения с понятиями «светскость государства», «свобода вероисповедания», отождествление с юридически не определяемым термином «религия».

Свобода совести нуждается в эффективных гарантиях реализации. Представляется, что указанной гарантией выступает принцип светскости государства, в котором она может быть реализована. Согласно позиции И.А. Алебастрова, демократические государства являются светскими. Конституции этих государств закрепляют отделение церкви от государства, равноправие религий и свободу совести⁶.

Ко второй группе следует отнести проблемы нормативного закрепления на уровне международных универсальных и региональных актов, национального законодательства, а также реализации свободы совести.

Согласно современным подходам, закрепление права на свободу совести происходит в универсальных⁷ и региональных⁸ актах о правах человека.

К первой группе отнесены положения о свободе совести, закрепленные в Уставе ООН от 26 июня 1945 г., Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г., международных пактах 1966 г. Всеобщая декларация прав человека вместе с указанными пактами составляет Международный билль о правах человека.

В связи с тем что декларации являются актами рекомендательного характера, представляется возможным принятие на их основе юридически обязательных документов с учетом современных общественных отношений.

Также следует отметить положения Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений от 25 ноября 1981 г., Декларации принципов толерантности от 16 ноября 1995 г., Венской конвенции и Программы действий Всемирной конференции по правам человека от 25 июня 2013 г., Декларации ЮНЕСКО о расе и расовых предрасудках от 16 ноября 1995 г., Конвенции и Рекомендации ЮНЕСКО о борь-

---

⁴ Никитаев Д.М. К вопросу о современном определении понятия и содержании свободы совести // Современный юрист. 2018. № 4 (25). С. 70.

⁵ Никитаев Д.М. Проблемы реализации свободы совести в современных России и мире : монография / под науч. ред. С.А. Бурьянова. М. : РУСАЙНС, 2020. 146 с.

⁶ Алебастрова И.А. Конституционное право зарубежных стран. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ТК Велби : Проспект, 2007. С. 208.

⁷ Карташкин В.А. Организация Объединенных Наций и международная защита прав человека в XXI веке : монография М. : Норма : ИНФРА-М, 2015. С. 8–71.

⁸ Buryanov S.A. State Worldview Neutrality in the Context of Deteriorating Imbalances in Globalization. Amsterdam, 2018. 228 p.

бе с дискриминацией в области образования от 14 декабря 1960 г. и иных документов.

На уровне региональных актов следует отметить Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., документы СБСЕ/ОБСЕ, СНГ, Европейскую социальную хартию от 3 мая 1996 г. Отметим, что закрепленные в указанных документах положения о свободе совести являются декларативными и подвергаются нарушениям со стороны государств⁹.

В докладах международных, региональных и национальных правозащитных организаций обобщена практика нарушений и даны рекомендации по совершенствованию нормативной базы и правоприменения.

Анализ указанных докладов указывает на систематические нарушения прав человека, в том числе права на свободу совести в современном мире¹⁰. Указанные нарушения происходят в конфессиональных и светских по своей конституции государствах.

Согласно данным Pew Research Center, ксенофобия и нетерпимость по мировоззренческому признаку продолжается в более чем 90% государств современного мира.

Проблемы права на свободу совести обусловлены низкой эффективностью реализации принципов и норм международного права¹¹.

Отметим, что международные акты о правах человека уже не вполне учитывают усложнение общественных отношений, что значительно снижает эффективность реализации их положений¹².

Представляется возможным реформировать принципы и нормы международного права через включение теоретико-правовой модели свободы совести, а также привести в соответствие с современными общественными отношениями.

Как указывает правовед В.А. Карташкин, к настоящему времени уже сложились условия для подготовки акта универсального характера в виде единой хартии прав человека на основе Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г., международных пактов и иных документов¹³.

⁹ Бурьянов С.А., Бурьянов М.С., Никитаев Д.М. Право на свободу совести в условиях глобальных процессов: теория и практика реализации в Российской Федерации : монография / под науч. ред. С.А. Бурьянова. М. : Русайнс, 2020. С. 150.

¹⁰ Никитаев Д.М. Современные проблемы реализации принципа светскости государства в Российской Федерации / под науч. ред. С.А. Бурьянова. М. : КНОРУС, 2021. С. 60.

¹¹ Бурьянов С.А. Светскость государства в Российской Федерации : Теоретико-прикладное исследование за 2016-й — начало 2017 года. М., 2017. С. 160.

¹² Бурьянов С.А. Международное признание права на свободу совести и проблемы его имплементации в Российской Федерации в условиях современных глобальных процессов : монография. М. : Полиграф сервис, 2020. С. 90.

¹³ Карташкин В.А. Международные пакты о правах человека: новый этап исторического опыта // Международные пакты о правах человека: ценностные характеристики : материалы международной научно-практической конференции. М., 2016. С. 28.

Перспективы развития цивилизации во многом зависят от способности преодоления разделительных принципов, построения диалога для совместного разрешения глобальных проблем.

Эффективная реализация права на свободу совести возможна только при условии создания, нормативного закрепления научно разработанной модели принципа светскости государства как важной гарантии права на свободу совести.

Представляется возможным обозначить следующие направления разрешения проблем реализации свободы совести:

1. На теоретико-правовом уровне предлагается сформулировать единое содержание свободы совести как свободы мировоззренческого выбора, а также принципа светскости государства;

2. Выработать единую научно обоснованную модель светскости как гарантии права на свободу совести и иных прав человека.

На нормативном уровне:

1. Осуществить реформирование норм и принципов международного права путем включения в них научной теоретико-правовой модели светскости государства.

2. Принять на уровне международных универсальных актов декларацию о светскости государства, в которой закрепить понятие «светскость государства» как мировоззренческий нейтралитет, «право на свободу совести» как свободу мировоззренческого выбора, отдельные аспекты реализации указанного права и принципа.

3. На основании указанной декларации следует принять обязательный для исполнения акт — конвенцию о светскости государства, в которой будут детально раскрыты положения указанной декларации, выработаны и закреплены контрольные механизмы реализации принципа светскости государства как гарантии свободы совести;

4. Также представляется возможным принять дополнительный протокол к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. в части уточнения сроков ограничения некоторых прав человека.

5. Предлагается внести изменения в п. 1 ст. 15 Европейской конвенции, а именно дополнить данный пункт абзацем следующего содержания: «принимать меры для временного отступления от ее обязательств».

6. Представляется возможным и целесообразным совершенствовать внутрисударственное право государств на основе реформированных норм и принципов международного права.

На уровне правоприменения:

1. Отказаться от преподавания конфессионально ориентированных дисциплин в государственной и муниципальной школах;

2. Упразднить духовные институты в силовых структурах, пенитенциарной системе, государственных и муниципальных органах власти.

Таким образом, эффективная реализация права на свободу совести представляется необходимой для преодоления разделительных принципов, ксенофобии, дискриминации.

В данной связи право на свободу совести выступает одним из важнейших условий эффективной коммуникации, гармоничного развития современной цивилизации, мира и безопасности, обеспечения благополучия человека.

Никитаев Д.М.,

соискатель ученой степени кандидата юридических наук,
научный сотрудник Института свободы совести
(г. Москва)

Литература

1. Алебастрова И.А. Конституционное право зарубежных стран / И.А. Алебастрова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : ТК Велби : Проспект, 2007.
2. Бурьянов С.А. Международное признание права на свободу совести и проблемы его имплементации в Российской Федерации в условиях современных глобальных процессов : монография / С.А. Бурьянов. Москва : Полиграф сервис, 2020.
3. Бурьянов С.А. Право на свободу совести в условиях глобальных процессов: теория и практика реализации в Российской Федерации (Магистратура) : монография / С.А. Бурьянов, М.С. Бурьянов, Д.М. Никитаев ; под научной редакцией С.А. Бурьянова. Москва : Русайнс, 2020.
4. Бурьянов С.А. Светскость государства в Российской Федерации : теоретико-прикладное исследование за 2016-й — начало 2017 года / С.А. Бурьянов. Москва : Издательские решения, 2017.
5. Карташкин В.А. Международные пакты о правах человека: новый этап исторического опыта / В.А. Карташкин // Международные пакты о правах человека: ценностные характеристики : материалы международной научно-практической конференции (г. Москва, 18 октября 2016 г.) / ответственные редакторы Т.А. Сошникова, Н.В. Колотова. Москва : Московский гуманитарный университет, 2016.
6. Карташкин В.А. Организация Объединенных Наций и международная защита прав человека в XXI веке : монография / В.А. Карташкин. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2015.
7. Никитаев Д.М. К вопросу о современном определении понятия и содержании свободы совести / Д.М. Никитаев // Современный юрист. 2018. № 4 (25).
8. Никитаев Д.М. Проблемы реализации свободы совести в современной России и мире : монография / Д.М. Никитаев ; под научной редакцией С.А. Бурьянова. Москва : РУСАЙНС, 2020.
9. Никитаев Д.М. Современные проблемы реализации принципа светскости государства в Российской Федерации / Д.М. Никитаев ; под научной редакцией С.А. Бурьянова. Москва : КНОРУС, 2021.
10. Петухова Н.В. Обзор международной научно-практической конференции «Социальное благополучие человека: конституционные параметры» / Н.В. Петухова // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. № 6 (46).
11. Рыбак С.В. Свобода совести как право человека на самоопределение по отношению к религии / С.В. Рыбак // Философия права. 2015. № 6 (73).
12. Свобода совести: проблемы теории и практики : монография / под редакцией Ф.М. Рудинского, С.А. Бурьянова. Москва : Мир, 2012.
13. Buryanov S.A. State Worldview Neutrality in the Context of Deteriorating Imbalances in Globalization / S.A. Buryanov. Amsterdam, 2018.

Признание и разрешение исполнения решений иностранных судов о взыскании убытков по контракту: на пути к универсальной регламентации

Гаагской конференцией по международному частному праву 2 июля 2019 г. на 22-й дипломатической сессии принята Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским и торговым делам. Конвенция 2019 г. открыта для подписания всеми государствами и призвана способствовать эффективному трансграничному движению судебных решений в целях создания благоприятной международной среды для многосторонней торговли, инвестиций и мобильности¹.

К настоящему времени Конвенция 2019 г. подписана пятью государствами, в их число 17 ноября 2021 г. вошла и Российская Федерация².

Конвенция 2019 г. предлагает новую для правовой системы Российской Федерации правовую конструкцию для решения вопроса о возможности признания и разрешения исполнения решения иностранного суда о взыскании убытков.

Так, в силу ст. 10 Конвенции 2019 г. в признании или приведении в исполнение судебного решения может быть отказано, если и в той мере, в какой данное судебное решение присуждает возмещение убытков, в том числе карательных или штрафных убытков, которые не компенсируют стороне действительно понесенные убытки или причиненный вред³.

Таким образом, присуждение иностранным судом убытков в размере, превышающем размер действительно понесенных (*actual loss suffered*), выделено в качестве самостоятельного основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранного судебного акта в соответствующей части.

Российские государственные суды имеют практику рассмотрения вопроса, касающегося размера присужденных иностранным судом убытков и их

---

¹ См.: URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/specialised-sections/judgments> (дата обращения: 20.11.2021).

² Также Конвенцию 2019 г. подписали Коста-Рика, Израиль, Украина и Уругвай. См.: URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/status-table/?cid=137> (дата обращения: 20.11.2021).

³ Convention of 2 July 2019 on the Recognition and Enforcement of Foreign Judgments in Civil or Commercial Matters // Официальный сайт Гаагской конференции по международному частному праву. URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/publications1/?dtid=3&cid=137> (дата обращения: 22.10.2021).

правовой природы, в рамках проверки соответствия иностранного судебного решения публичному порядку Российской Федерации.

Например, в отношении признания и приведения в исполнение иностранных решений, предусматривающих взыскание заранее установленных в заключенных между контрагентами договорах убытков (liquidated damages), Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации разъяснил условия, при которых такое взыскание не противоречит публичному порядку Российской Федерации⁴.

Судебная практика обусловлена соответствующим правовым регулированием, содержащимся как в российском процессуальном законодательстве, так и в международных договорах, участником которых является Российская Федерация, а также теоретическими подходами к пониманию категории публичного порядка.

Так, согласно, например, определению Н.Ю. Ерпылевой, под публичным порядком понимается «некая совокупность политических, экономических, моральных и правовых принципов, существующих в данном государстве»⁵. В научной литературе специалисты выделяют в том числе материально-правовой и процессуальный аспекты публичного порядка⁶.

Применительно к приведению в исполнение решения третейского суда Верховный Суд Российской Федерации в 2019 г. вновь разъяснил, что под публичным порядком понимаются фундаментальные правовые начала (принципы), которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой систем государства⁷.

Согласно п. 5 ч. 1 ст. 412 Гражданского процессуального кодекса РФ (ГПК) и п. 7 ч. 1 ст. 244 Арбитражного процессуального кодекса (АПК), отказ в признании и принудительном исполнении решения иностранного суда

⁴ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 26 февраля 2013 г. № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Ерпылева Н.Ю. Международное частное право. М., 2015. С. 310.

⁶ Привод. по: Карабельников Б.Р. Проблема публичного порядка при приведении в исполнение решений международных коммерческих арбитражей // Журнал российского права. 2001. № 8 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ См. п. 51 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2019 г. № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража». Ранее аналогичное содержание понятия «публичный порядок» было раскрыто в Информационном письме Президиума ВАС РФ от 26 февраля 2013 г. № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений».

допускается в случае, если исполнение решения противоречит публичному порядку Российской Федерации. В то же время в ГПК и АПК специально не выделены в качестве оснований отказа в признании и приведении в исполнение иностранного судебного решения обстоятельства, связанные с существом такого решения. Аналогичное правовое регулирование содержится и в наиболее часто применяемых международных договорах⁸.

В связи с изложенным оценка иностранного судебного решения в части присуждения контрактных убытков может быть произведена в рамках проверки перспективы противоречия приведения в исполнение такого решения публичному порядку в его материальном аспекте.

Создавая новое универсальное регулирование признания и приведения в исполнение решений иностранных судов, разработчики Конвенции 2019 г. закрепили в ст. 7 возможность отказа в признании и приведении в исполнение иностранного судебного решения в случае, если это будет явно противоречить публичному порядку запрашиваемого государства, включая ситуации, когда определенные процедуры, предшествовавшие вынесению судебного решения, были несовместимыми с фундаментальными принципами процессуальной справедливости такого государства, а также ситуации, угрожающие безопасности и суверенитету такого государства.

Как следует из пояснительного отчета, составленного в ходе работы над конвенцией и содержащего анализ ее положений и обоснование предложенного регулирования⁹, концепция публичного порядка должна толковаться строго, обращение к ней должно осуществляться только в исключительных случаях, признание или приведение в исполнение судебного решения должно было бы представлять собой явное нарушение верховенства права, которое считается существенным в правовом порядке запрашиваемого государства.

Мотивом установления специального регулирования вопроса об убытках послужило то обстоятельство, что в ходе переговоров некоторые делегации сообщили о возникающих проблемах с решениями о присуждении убытков, в тех случаях, когда их размер выходит далеко за рамки суммы факти-

---

⁸ Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, подписанное государствами — участниками СНГ в г. Киеве 20 марта 1992 г.; Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенная в г. Минске 22 января 1993 г.; Договор между СССР и Королевством Испании о правовой помощи по гражданским делам, подписанный в г. Мадриде 26 октября 1990 г.; Договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам, подписанный в г. Пекине 19 июня 1992 г.

⁹ Judgments Convention: Revised Draft Explanatory Report. No 1 of December 2018. URL: <https://www.hcch.net/en/publications-and-studies/details4/?pid=6642&dtid=61> (дата обращения: 06.11.2021).

ческих убытков истца, в частности в ситуациях взыскания штрафных убытков (punitive damages, exemplary damages) или заранее оцененных убытков (liquidated damages)¹⁰. Иные, составленные в ходе работы над конвенцией материалы также не свидетельствуют о том, что ее разработчики пришли к выводу о формировании определенным количеством стран — потенциальных участников конвенции единого подхода, заключающегося в недопустимости присуждения убытков, которые превышают действительно понесенные убытки или причиненный вред.

Вместе с тем, на наш взгляд, выделение специальных оснований отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений может быть оправданно высокой степенью сближения правовых подходов государств к решению интересующего вопроса. Вопрос о возможности взыскания убытков сверх сумм действительного ущерба мы вряд ли можем отнести к числу таковых.

В частности, российскому гражданскому законодательству, равно как и, например, законодательству Республики Армении, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, знаком правовой институт неустойки, который не носит строго компенсационный характер¹¹. В странах англо-американской системы права широко распространен такой юридический инструмент, как заранее оцененные убытки (liquidated damages), представляющий собой фиксированную или predetermined сумму, согласованную сторонами договора и подлежащую уплате при нарушении обязательства одной из сторон¹². Правовые системы стран Латинской Америки во многом схожи в регулировании товарно-денежных отношений, для них также характерен такой способ защиты права, как взыскание неустойки, размер которой может превышать размер действительно понесенных убытков: так, например, ст. 1585 Гражданского кодекса Эквадора прямо предусматривает возможность взыскания неустойки независимо от того, что неисполнение обязательства не повлекло возникновения убытков у кредитора или даже принесло ему какие-либо выгоды¹³. Праву США, Новой Зеландии, Канады и Австралии, Великобритании и Кипру известен институт

¹⁰ Там же.

¹¹ См. п. 1 ст. 330, п. 1 ст. 394 Гражданского кодекса Российской Федерации, ст. 369 и 410 Гражданского кодекса Республики Армения; ст. 311 и 365 Гражданского кодекса Республики Беларусь; ст. 293 и 351 Гражданского кодекса Республики Казахстан; ст. 320 и 359 Гражданского кодекса Кыргызской Республики.

¹² Микрюков В.А. Российский аналог англо-американских 'liquidated damages': перспективы законодательного закрепления // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. 2018. № 41.

¹³ Кархалев Д.Н. Способы защиты гражданских прав по законодательству стран Латинской Америки // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 3 (58). С. 51–58. DOI: 10.12737/20576

штрафных убытков, взыскиваемых сверх компенсаторных и номинальных убытков¹⁴.

Это лишь немногие примеры, которые, на наш взгляд, свидетельствуют об отсутствии общей мировой тенденции к определению размера убытков, подлежащих взысканию с должника, в пределах действительно понесенных, в связи с чем решение выделить соответствующее специальное основание отказа в признании и приведении в исполнение решения иностранного суда на данном этапе представляется весьма спорным.

Павлова О.А.,

аспирант кафедры международного права
Санкт-Петербургского государственного университета
(г. Санкт-Петербург)

Литература

1. Афанасьева Е.Г. 2013.03.052. ВАНЛЕЕНХОУВ С. штрафные убытки и европейское право: куда идем? / Е.Г. Афанасьева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право (Реферативный журнал). 2013. № 3.
2. Ерпылева Н.Ю. Международное частное право : учебник / Н.Ю. Ерпылева. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015.
3. Карабельников Б.Р. Проблема публичного порядка при приведении в исполнение решений международных коммерческих арбитражей / Б.Р. Карабельников // Журнал российского права. 2001. № 8.
4. Кархалев Д.Н. Способы защиты гражданских прав по законодательству стран Латинской Америки / Д.Н. Кархалев // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 3 (58).
5. Микрюков В.А. Российский аналог англо-американских 'liquidated damages': перспективы законодательного закрепления / В.А. Микрюков // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. 2018. № 41.

---

¹⁴ Афанасьева Е.Г. 2013.03.052. ВАНЛЕЕНХОУВ С. штрафные убытки и европейское право: куда идем? [VANLEENHOVE C. punitive damages and European law: quo vademus? // The power of punitive damages: is Europe missing out? / ed. L. Meurkens, E. Nordin. Cambridge, U.K. ; Portland : Intersentia, 2012. P. 333–349. URL: <http://ssrn.com/abstract=2054595>] / Е.Г. Афанасьева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право (Реферативный журнал). 2013. № 3. С. 185–189.

Защита «климатических прав» в Европейском суде по правам человека

Последние несколько десятилетий ознаменовались появлением новой сферы сотрудничества государств, а именно сотрудничеством в борьбе с изменением климата. Признание влияния климатических изменений на права человека привело к тому, что наблюдаются попытки граждан и отдельных групп граждан оказать влияние на те меры, которые принимают государства в рамках борьбы с изменением климата. В частности, последние годы все чаще инициируются разбирательства в международных и национальных органах в отношении прав человека, реализация которых затрудняется или прекращается в связи с климатическими изменениями. Обращения в Межамериканскую комиссию по правам человека¹, Комитет по правам ребенка² пока не повлекли вынесение постановлений по существу вопроса. Стоит отметить, что эти органы и не обладают возможностью выносить обязательные решения. Однако недавнее обращение в Европейский суд по правам человека (далее — Суд) нескольких граждан Португалии может повлечь принятие решения, имеющего важное правовое значение.

Прежде чем обратиться к данной жалобе, стоит отметить, что признание влияния климатических изменений на осуществление прав человека не обрвало каких-то специальных прав на благоприятный климат. Несмотря на то что в 2008 г. Совет ООН по правам человека единогласно принял резолюцию 7/23, признавая, что «изменение климата создает непосредственную и далеко идущую угрозу для людей и сообществ по всему миру и имеет значение для полного осуществления всех прав человека»³, в практической плоскости имеется круг прав человека, на нарушение которых ссылаются заявители в связи с климатическими изменениями: право на жизнь, право на здоровье, право на благоприятную окружающую среду, право на жилище, запрет дискриминации и некоторые другие.

¹ Inuit Circumpolar Conference, Petition to the Inter-American Commission on Human Rights Seeking Relief from Violations Resulting from Global Warming caused by Acts and Omissions of the United States (December 7, 2005). URL: http://earthjustice.org/sites/default/files/library/legal_docs/petition-to-the-inter-american-commission-on-humanrights-on-behalf-of-the-inuit-circumpolar-conference.pdf (дата обращения: 21.10.2021); Petition to the Inter-American Commission on Human Rights Seeking Relief from Violations of the Rights of Arctic Athabaskan Peoples Resulting from Rapid Arctic Warming And Melting Caused by Emissions of Black Carbon by Canada. URL: http://earthjustice.org/sites/default/files/AAC_PETITION_13-04-23a.pdf (дата обращения: 21.10.2021).

² Обращение 16 детей разных национальностей в Комитет по правам ребенка в 2019 г. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2fC%2f88%2fD%2f104%2f2019&Lang=en

³ URL: https://ap.ohchr.org/documents/E/HRC/resolutions/A_HRC_RES_7_23.pdf (дата обращения: 27.11.2021).

Что касается Европейского суда по правам человека, то, как известно, право на благоприятную окружающую среду не было закреплено в ни в Конвенции 1950 г., ни в протоколах к ней, но все же получило защиту косвенным образом, через защиту таких прав, как право на жизнь (ст.2), запрет пыток (ст. 3), право на уважение частной и семейной жизни (ст.8), право собственности (ст. 1 Протокола 1) и др.⁴ Но можно ли считать, что поданная в 2020 г. жалоба португальских граждан молодого возраста, от 12 до 21 года, просто следующая в перечне «экологических жалоб»?⁵

Следует обратить внимание на обстоятельства и правовые особенности данного дела. Заявители жалуются на то, что участвовавшие вследствие климатических изменений пожары негативно отражаются на их здоровье и жизни, в частности во время лесных пожаров, или, как последствия их, наблюдаются нарушения сна, аллергия, затрудненное дыхание, происходят ограничения в отношении пребывания на воздухе и закрываются школы. Помимо этого, заявители, имеющие дома около моря, указывают, что их имущество подвержено сильному риску из-за усилившихся зимних штормов. Также в жалобе обосновывается «дискриминация между поколениями»: потепление климата все больше влияет на их (жалобщиков) поколение, и далее, с учетом их возраста вмешательство в их права будет сильнее, чем в права предыдущего поколения. Таким образом, в жалобе обозначен обычный круг статей, связанных с нарушением права на благоприятную окружающую среду. Речь идет о нарушении государствами своих позитивных обязательств по следующим правам: ст. 2 — право на жизнь, ст. 3 — запрещение пыток, ст. 8 — право на уважение частной и семейной жизни, ст. 14 — запрещение дискриминации — в сочетании со ст. 2 и 8, ст. 1 Протокола 1 к конвенции — право собственности.

Кроме того, жалоба относится к категории дел, в которых государства обвиняются в бездействии и невыполнении ряда обязательств, необходимых для предотвращения стихийных бедствий и/или их негативных последствий для человека. Надо также обратить внимание на то, что речь идет не просто о невыполнении государством (его органами, должностными лицами) необходимых действий, вытекающих из требований безопасности и обычно содержащихся в национальных нормативно-правовых актах (прове-

⁴ См. более подроб., напр.: Рылова М.А. Вопросы охраны окружающей среды в решениях Европейского суда по правам человека // Евразийский юридический журнал. 2013. № 7. С. 60–63; Дanelьян А.А., Гуляева Е.Е. Право на здоровую и благоприятную окружающую среду в практике Европейского Суда по правам человека. URL: <http://inter-legal.ru/pravo-na-zdorovuyu-i-blagopriyatnyu-okruzhayushuyu-sredu-v-praktike-evropejskogo-suda-po-pravam-cheloveka> (дата обращения: 27.11.2021).

⁵ Application no. 39371/20, Duarte Agostinho and Others v. Portugal and 32 Other States. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/Eng#%7B%22sort%22:%5B%22kdate%20Descending%22%5D,%22respondent%22:%5B%22PRT%22%5D,%22itemid%22:%5B%22001-206535%22%5D%7D> (дата обращения: 25.11.2021).

дение правильных землеустроительных работ, проведение необходимого ремонта, принятие мер по защите от наводнения и т.п.)⁶, а о том, что невыполнение позитивных обязательств связывается с нарушением государствами международных обязательств, вытекающих из ряда международных актов, прежде всего из Парижского соглашения по климату 2015 г.⁷, а также Конвенции о правах ребенка 1989 г.⁸, где в п. 1 ст. 3 указывается, что «во всех действиях в отношении детей первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка»⁹. Обвинение в несоблюдении обязательств выдвинуто против 33 государств, которые участвуют в борьбе с глобальным потеплением, среди них также указана и Российская Федерация. Заявители считают, что государства не выполняют свои обязательства, касающиеся выбросов парниковых газов и не принимают адекватные и эффективные меры по борьбе с климатическими изменениями. Парижское соглашение, в частности, фиксирует цель, которую стремятся достичь государства, — это сдерживание повышения средней температуры на планете значительно ниже 2 °С по сравнению с доиндустриальными уровнями и приложение усилий по ограничению повышения температуры до 1,5 °С по сравнению с доиндустриальным уровнем¹⁰.

Заявители считают, что государства-участники разделяют предполагаемую ответственность за изменение климата и что неопределенность в отношении «справедливой доли» этого вклада между государствами-членами может сыграть только на пользу заявителям¹¹. Они подчеркивают настоятельную необходимость принятия мер в интересах климата и считают необходимым, чтобы Суд признал общую ответственность государств и освободил заявителей от обязанности исчерпать внутренние средства правовой защиты в каждом государстве-члене¹², что Суд и сделал.

Таким образом, Суду, если дело дойдет до рассмотрения по существу, придется обратиться к вопросу о выполнении государствами — участниками Парижского соглашения своих обязательств. И такое рассмотрение имеет целый ряд сложностей:

⁶ Как, например, в делах «Будаева и другие против России» или «Коляденко и другие против России». См.: Applications nos. 67667/09, 44092/12 and 56717/12. *Budayeva and Others v. Russia*, ECHR Judgment of 20 March 2008, § 132. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/rus/?i=001-85436>; Applications nos. 17423/05, 20534/05, 20678/05, 23263/05, 24283/05 and 35673/05. *Kolyadenko and Others v. Russia*, ECHR Judgment of 28 February 2012. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/fre/?i=001-109283> (дата обращения: 25.11.2021).

⁷ Парижское соглашение // Бюллетень международных договоров. 2020. № 4.

⁸ Вопросы о применении Конвенции о правах ребенка, мы в данном, «климатическом» исследовании не будем касаться.

⁹ Конвенция о правах ребенка // Ведомости Съезда НД СССР и ВС СССР. 1990. № 45. Ст. 955.

¹⁰ Статья 2 Парижского соглашения 2015 г.

¹¹ Application no. 39371/20. *Duarte Agostinho and Others v. Portugal and 32 Other States*.

¹² Там же.

1. Стоит обратиться к характеру обязательств, зафиксированных в Парижском соглашении. Статья 2, устанавливающая цели удержания прироста температуры (уже приведенная выше), очень часто становится основой для требований к государствам увеличить свой вклад в борьбу с изменением климата¹³. Между тем Парижское соглашение не фиксирует никаких сроков для осуществления этой цели. Фактически этот вопрос оставлен на политическое усмотрение самих государств, и в своих программных и политических актах правительства фиксируют свои сроки¹⁴. Главные обязательства государств закреплены в ст. 3 и 4, которые предусматривают, что «каждая Сторона подготавливает, сообщает и сохраняет последовательные определяемые на национальном уровне вклады, которых она намеревается достичь» и что «стороны должны предпринимать и сообщать амбициозные усилия». Таким образом, государства, установив такой вклад (все государства-участники так и сделали), уже частично выполнили свои обязательства. В отношении вкладов остается лишь вопрос о том, насколько они амбициозны, говоря терминами Парижского соглашения. Но может ли Европейский суд по правам человека решать этот вопрос? Напрашивается целый ряд возражений. Вопрос оценки вклада — это вопрос, который требует учета множества факторов: технического развития, экономического развития, социального плана и др., которые имеются в каждом конкретном государстве и принимаются им во внимание при определении вклада. Вряд ли Суд обладает всей необходимой информацией для подобной оценки. Еще один момент связан с тем, что Парижское соглашение имеет собственные механизмы для помощи тем государствам, которые испытывают проблемы с «амбициозностью»¹⁵. Странно было бы игнорировать существование этого органа и не учитывать его деятельность при решении вопроса о соблюдении обязательств.

2. Следующий сложный вопрос связан с тем, что в предыдущей практике¹⁶ Европейского суда по правам человека мы имели дело с ситуацией, когда экологическое неблагоприятное воздействие (шумовое, химическое и т.п.

¹³ См. анализ судебной практики национальных судов в статье: Ермакова Е.П. Судебные иски к правительствам и частным компаниям стран Европы о защите климата в рамках Парижского соглашения 2015 года (Великобритания, Нидерланды, Германия, Франция) // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. 2020. Вып. 49. С. 604–625.

¹⁴ Так, недавно Президент Российской Федерации в выступлении на «Российской энергетической неделе» обозначил срок выхода России к углеродной нейтральности экономики — не позднее 2060 г. См.: URL: <https://rg.ru/2021/11/18/putin-rossiaa-dostignet-uglerodnoj-nejtralnosti-ne-pozdnee-2060-goda.html> (дата обращения: 29.11.2021).

¹⁵ Ст. 15 Парижского соглашения о механизме содействия осуществлению и поощрению соблюдения соглашения.

¹⁶ Примером такого рода дел могут служить: «Пауэлл и Рейнер против Великобритании» 1990 г., «Хаттон и другие против Великобритании» 2003 г., «Морено Гомес против Испании» 2004 г., «Милева и другие против Болгарии» 2010 г., «Дубецка и другие против Украины» 2011 г. и некоторые другие.

загрязнение) имело ограниченную область воздействия и затрагивало относительно небольшой круг людей. Имелось также конкретное государство, которое несло ответственность. В отношении такой проблемы, как изменение климата, мы не можем говорить о подобном ограниченном воздействии, — последствия изменения климата если не сейчас, то в будущем коснутся всех людей, и это происходит на всей планете Земля. Уже сейчас эти последствия испытывают различные группы людей по всему миру (коренные народы, населения малых островных государств и т.п.). В случае с ранними делами, касавшимися загрязнения отходами, шумом, химией и т.п., ответчик был ясен, как ясно было и местонахождение источника загрязнения, и можно было установить причинно-следственную связь между конкретным источником и конкретными неблагоприятными последствиями. «Климатические проблемы» носят иной характер. Уже имеющийся результат — изменение климата — не может быть определен как результат действия (бездействия) конкретного государства, конкретных двух или нескольких государств, определены доли каждого из них. Конечно, есть понимание, что изменение климата — результат антропогенного воздействия, но определить конкретный вклад в эти последствия каждого государства мы не можем. Речь идет об общей ответственности всех государств. В случае с климатом нельзя (по крайней мере на данный момент развития общества) определить «долю» ответственности каждого конкретного государства, и даже больше — усилий и мер, принимаемых одним государством, недостаточно для того, чтобы предотвратить или значительно уменьшить процесс изменений. Взятые же данным конкретным государством обязательства (дифференцированная ответственность, вклад) не связаны с данным конкретным вредом, причиненным конкретному человеку. Они в целом направлены на будущий результат, достижение которого также зависит и от усилий других субъектов.

В целом, процесс борьбы с изменениями климата, в котором участвуют государства, во многом еще носит политический характер, и с научной точки зрения знания об этом процессе приблизительные, предположительные, во многом еще требуют уточнения и развития. Проблемы такого плана неоднократно отмечались в литературе¹⁷.

Подводя итог, следует отметить следующее:

1. Европейский суд по правам человека столкнулся с новым делом в своей практике, которое, возможно, создаст важный прецедент и подход в вопросе соотношения таких областей международного права, как права человека и сотрудничество по борьбе с изменением климата.

¹⁷ См., напр.: Анисимов А.П. Правовые проблемы возмещения вреда, причиненного изменением климата: опыт России и США // *Matters of Russian and International Law*. 2015. Vol. 10. С. 10–29.

2. Как представляется, Суд не должен вмешиваться в самостоятельное определение национальных вкладов, а вопрос об их «амбициозности» выходит за пределы компетентности и назначения Суда.

3. Процесс борьбы с изменением во многом носит политический характер, и с научной точки зрения знания об этом процессе приблизительные, предположительные, во многом еще требуют уточнения и развития.

4. У граждан остается возможность обращаться в Европейский суд по правам человека и защищать нарушенные права, если обращение будет осуществляться в соответствии с установившейся практикой, т.е. в связи с бездействием государства в отношении конкретных стихийных событий (пожара, засухи, шторма и т.п.).

Рылова М.А.,

доцент кафедры международного права Юридического факультета
Московского государственного университета (МГУ)
имени М.В. Ломоносова,
кандидат юридических наук
(г. Москва)

Литература

1. Анисимов А.П. Правовые проблемы возмещения вреда, причиненного изменением климата: опыт России и США / А.П. Анисимов // Вопросы российского и международного права. 2015. № 10.
2. Данельян А.А. Право на здоровую и благоприятную окружающую среду в практике Европейского Суда по правам человека / А.А. Данельян, Е.Е. Гуляева // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2021. № 2.
3. Ермакова Е.П. Судебные иски к правительствам и частным компаниям стран Европы о защите климата в рамках Парижского соглашения 2015 года (Великобритания, Нидерланды, Германия, Франция) / Е.П. Ермакова // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. 2020. № 49.
4. Рылова М.А. Вопросы охраны окружающей среды в решениях Европейского суда по правам человека / М.А. Рылова // Евразийский юридический журнал. 2013. № 7 (62).

Взгляд на безопасность жилых помещений через призму системы принципов жилищного права

Важность принципов жилищного права, как основополагающих начал отрасли, отмечают в своих работах многие ученые-цивилисты (Г.А. Свердлых, И.Б. Марткович, П.И. Седугин, В.Д. Комаров). Однако вопросы сущности, набора и классификации данных принципов являются дискуссионными. Спор возникает при рассмотрении вопроса о том, какие принципы для жилищного права являются основополагающими, а какие — специальными принципами, т.е. присущими только жилищному праву.

На наш взгляд, система принципов жилищного права строится из общеправовых (общеотраслевых), межотраслевых и отраслевых принципов права.

Из статьи 1 Жилищного кодекса РФ (ЖК РФ) вытекает наличие как минимум девяти отраслевых принципов жилищного права (например, они были перечислены П.В. Крашенинниковым¹, Д.С. Ксенофонтовой²). Однако, анализируя норму ЖК РФ (п. 2 ст. 7 ЖК РФ), приходим к выводу, что, используя при необходимости аналогию права в жилищных правоотношениях, можно применять принципы из других отраслей с обязательным соблюдением требований добросовестности, гуманности, разумности и справедливости.

Указанные требования, на наш взгляд, являются не чем иным, как либо общеправовыми принципами (принцип гуманности и принцип справедливости), либо отраслевыми принципами (принцип добросовестности и принцип разумности, которые относятся к принципам гражданского права). Хотя А. Ширвиндт перевел принцип добросовестности в ряд более высоких, общих принципов³. А вот принцип разумности недостаточно укрепился даже в правовом пространстве гражданского права, поэтому говорить о его общеправовом значении преждевременно.

Систематизация принципов в ст. 1 ЖК РФ путем их простого перечисления не отражает их содержания, и это изложение, по мнению Б.М. Гонгало⁴, является абстрактным, да и, на наш взгляд, не отражает всех основ жилищного законодательства и, уж тем более, их содержания. В настоящее время

¹ Крашенинников П.В. Жилищное право. М. : Статут, 2020. С. 6.

² Жилищное право : учебник для бакалавров / отв. ред. Е.Е. Богданова, К.Р. Файзрахманов. М. : Проспект, 2018. С. 26.

³ Михайлова А. Разумность как принцип гражданского права. URL: ПМЮФПРАВО. RUhttps://pravo.ru/lf/story/211503/ (дата обращения: 27.10.2021).

⁴ Гонгало Б.М. Основные начала российского жилищного законодательства (комментарий законодательства) // Нотариус. 2005. № 3. С. 23–26.

только три принципа жилищного права удостоены именных статей в первой главе Жилищного кодекса РФ. Это принципы:

- обеспечения условий для осуществления права на жилище (ст. 2);
- неприкосновенности жилища и недопустимости его произвольного лишения (ст. 3)
- и защиты жилищных прав (ст. 11).

В данных статьях раскрыто содержание этих принципов. Другие статьи ЖК РФ только раскрывают либо часть содержания принципов, либо вообще их не касаются. Таким образом, законодательное закрепление принципов требует более тщательного разбора и систематизации.

В доктрине жилищного права⁵ можно насчитать большое разнообразие принципов жилищного права, которое не ограничивается перечисленными в ЖК РФ. Разнообразие подходов к определению принципов вытекает из «комплексного» характера отрасли жилищного права и различий в понимании сущности принципов права, которое воспринимается с двух основных позиций:

1. Доктринальный подход. Исключительный доктринальный характер принципов жилищного права означает, что они не закреплены в законе и не обязательны к исполнению, т.е. не являются императивными. Это могут быть по-новому сформулированные уже существующие принципы права или принципы, которые пока не закреплены в законе, но их нормативное закрепление уже назрело в обществе, или принципы, которых еще нет, но которые теоретически разработаны для смоделированных отношений в будущем.

2. Позитивистский подход — признание только норм, закрепленных государством в нормативно-правовом акте. Данный подход предполагает четкое указание в акте права на сущность и применение конкретного принципа права к конкретным правовым отношениям и запрет на его иное, нежели в акте, правопонимание.

Закрепленные в источниках права (Конституции, законах, кодексах) принципы выполняют регулятивную функцию; интерпретационную и диалектическую функции исполняет доктринальный подход к принципам — через научное объяснение, толкование и будущее развитие принципов в частности и отрасли в целом⁶.

Все составляющие правовой системы (отрасли, институты) имеют свою систему принципов. Совпадая и соприкасаясь друг с другом, принципы ча-

---

⁵ Корнеев С.М. Основные тенденции развития жилищного права в условиях становления рыночной экономики / отв. ред. Е.А. Суханов. М. : ДЕ-ЮРЕ, 2005. С. 146; Литовкин В.Н. Жилищное право, жилищное законодательство — соотношение с гражданским правом // Новый гражданский кодекс России и отраслевое законодательство. 2015. № 59. С. 51–76.

⁶ Ковалева О.А. Коррупционные проявления в сфере жилищно-коммунального хозяйства как угроза нарушения принципа безопасности жилища // Конкурентное право. 2020. № 3. С. 40.

сто носят общеправовой характер, и достаточно сложно определить специфику принципов отдельных «комплексных» отраслей права, например такого, как жилищное право.

На наш взгляд, принципы права — это основные идеи о том, как должно реализовываться право, в каком направлении оно должно развиваться, это основные направления правового воздействия на общественные отношения, обусловленные социальным назначением права, т.е., другими словами, исходя из юридической терминологии, принципы права — это функции права.

В последнее время очевидно постепенное изменение принципов права. Так, в рамках позитивистского подхода мы начинаем рассматривать и понимать принципы по-другому, с других позиций, отходим от понимания их как идеи, то есть мысли как о продукте человеческого мышления, об общем и наиболее существенном представлении о праве, правовом мироздании, о ценности права. И начинаем рассматривать принципы права с точки зрения из влияния на регулирование общественных отношений и их реализации в правоотношениях.

Принципы жилищного права, их содержание и основные тренды развития проходят и рассматриваются в настоящее время через призму глобальных проблем общества: через повсеместную цифровизацию экономических процессов, через экономические кризисы, проблемы энергетической безопасности, проблемы устойчивости пользования информационными правами граждан, через призму распространения COVID-19 и встающие перед гражданами проблемы безопасности жилых помещений, в том числе и его экологической, биологической, энергетической безопасности.

Доктринальная система принципов в настоящий момент представляется мне как система принципов, построенная в следующем иерархическом порядке: общеотраслевые принципы, отраслевые принципы жилищного права, межотраслевые принципы. Кроме того, отраслевые принципы жилищного права необходимо четко сформулировать в ст. 1 ЖК РФ. И каждому принципу посвятить именную статью в ЖК РФ с его четкой правовой формулировкой.

Наметилась новая тенденция переосмысления содержания принципа безопасности жилого помещения. Его содержание необходимо разделить на две части: юридическую (информационную безопасность, юридическую безопасность) и фактическую (обеспечивается такое состояние жилья, при котором нет угрозы для жизни и здоровья граждан, проживающих в нем).

Необходимость новых исследований принципов и новых подходов к пониманию принципа безопасности жилых помещений обусловлена тем, что экономическая ситуация и реалии развития общества существенно изменились за 16 лет после принятия ЖК РФ. В нашу жизнь вошли такие понятия, как «пандемия» и «цифровизация», которые потребовали нового взгляда,

например, на содержание принципа безопасности жилого помещения. Необходимо развитие позитивистского подхода к системе принципов жилищного права. Так как на них базируется вся отрасль, а они четко не сформулированы. Особенно тщательно необходимо проработать вопросы безопасного пользования жилыми помещениями, а именно обратить внимание на их защищенность от разного вида внешних воздействий (экономических, экологических, пожарных, градостроительных, военных, природных, чрезвычайных, экологических, информационных, криминогенных и т.п.), на вопросы безопасного проведения капитального ремонта в МКД и домах, отнесенных к объектам исторического наследия.

Таким образом, на наш взгляд, давно назрела необходимость изменения ст. 1 ЖК РФ, где четко будет сформулирована система принципов жилищного права, отражающая реалии современной общественной жизни, и представлен понятийный аппарат каждого принципа, его основное содержание, отражающее совокупность опыта из уже накопившейся судебной практики.

Ковалева О.А.,

доцент кафедры гражданского права и процесса
Оренбургского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Оренбург)

Литература

1. Габитдинов Р.Ф. Вновь к предмету жилищного права. Квалифицирующие признаки / Р.Ф. Габитдинов // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. 2015. № 26.
2. Гонгало Б.М. Основные начала российского жилищного законодательства (комментарий законодательства) / Б.М. Гонгало // Нотариус. 2005. № 3.
3. Жилищное право : учебник для бакалавров / ответственные редакторы Е.Е. Богданова, К.Р. Файзрахманов. Москва : Проспект, 2018.
4. Карягина В.С. Принцип добросовестности в жилищном праве: вопросы теории и судебной практики / В.С. Карягина // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 7.
5. Ковалева О.А. Коррупционные проявления в сфере жилищно-коммунального хозяйства как угроза нарушения принципа безопасности жилища / О.А. Ковалева // Конкурентное право. 2020. № 3.
6. Корнеев С.М. Основные тенденции развития жилищного права в условиях становления рыночной экономики / С.М. Корнеев ; ответственный редактор Е.А. Суханов. Москва : ДЕ-ЮРЕ, 2005.
7. Крашенинников П.В. Жилищное право / П.В. Крашенинников. Москва : Статут, 2020.
8. Литовкин В.Н. Жилищное право, жилищное законодательство — соотношение с гражданским правом / В.Н. Литовкин // Новый гражданский кодекс России и отраслевое законодательство. 2015. № 59.
9. Михайлова А. Разумность как принцип гражданского права / А. Михайлова // ПМЮФ ПРАВО.RU. 2019. 15 мая.
10. Сорокина Ю. Особенности признания лица добросовестным приобретателем по договору купли-продажи помещения / Ю. Сорокина // Жилищное право. 2014. № 12.

Правовые проблемы определения границ балансовой принадлежности и эксплуатационной ответственности

В настоящий момент при заключении договора холодного водоснабжения и водоотведения между абонентами и организацией ВКХ часто возникают разногласия относительно определения границ балансовой принадлежности и эксплуатационной ответственности по водопроводным и канализационным сетям объектов капитального строительства. Данные разногласия сводятся к тому, что абоненты отказываются содержать участки водопроводных и канализационных сетей за внешней границей объектов капитального строительства по причине отсутствия правомочий собственника на них. При этом возлагают эту ответственность на организацию ВКХ как более сильную сторону в спорных отношениях и имеющую возможность выравнивания баланса интересов сторон мерами тарифного регулирования.

Зачастую абоненты и организация ВКХ не достигают соглашений в досудебном порядке и передают возникающие разногласия на разрешение спора в арбитражные суды. Последние, в свою очередь, при разрешении данных споров устанавливают границу балансовой принадлежности по водопроводным и канализационным сетям по границе земельного участка, принадлежащего абоненту, со ссылкой на п. 3 ст. 261 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ). Что касается водопроводных и канализационных сетей за границей земельного участка абонента, то в соответствии с ч. 5–7 ст. 8 Закона № 416-ФЗ бремя содержания данных сетей должна нести организация ВКХ, использующая эти объекты в своей хозяйственной деятельности и обладающая возможностью учесть расходы по их эксплуатации при установлении тарифов¹.

Холодное водоснабжение и водоотведение объектов капитального строительства осуществляется на основании договора холодного водоснабжения и водоотведения с обязательным установлением границ балансовой принадлежности и эксплуатационной ответственности по водопроводным и канализационным сетям². При этом граница балансовой принадлежности

¹ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 20 октября 2020 г. № Ф04-3781/20 по делу № А27-24426/2019, Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 9 февраля 2021 г. № Ф04-6542/20 по делу № А27-1493/2020; и др.

² Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 416 «О водоснабжении и водоотведении» // Российская газета. 2011. 10 декабря.

по водопроводным и канализационным сетям объектов капитального строительства определяется исходя из установления факта принадлежности абоненту на каком-либо праве собственности этих сетей или законного владения ими, а граница эксплуатационной ответственности — это обеспечение их эксплуатации по признаку обязанностей³.

В доктрине гражданского права понятия границ балансовой принадлежности и эксплуатационной ответственности по сетям водоснабжения и водоотведения между абонентами и организацией ВКХ не часто становились объектом научного исследования. Авторами, которые исследовали данные вопросы в отечественной литературе, были Е.В. Шоломова и Д.О. Семенов.

Так, Е.В. Шоломова в статье «Согласование границ балансовой принадлежности и эксплуатационной ответственности» рассматривает данные вопросы между ресурсоснабжающей и управляющими организациями, ТСЖ, ЖСК, где приходит к выводу о том, что граница балансовой принадлежности по сетям водоснабжения и водоотведения объекта капитального строительства — многоквартирного дома должна проходить с учетом п. 8 Правил № 491 по стене многоквартирного дома, а граница эксплуатационной ответственности — в месте соединения ОПУ с соответствующей инженерной сетью, входящей в МКД. В продолжение рассмотрения данных вопросов Е.В. Шоломова в статье «Добиваемся изменения границ» пришла к тем же выводам, что и в предыдущей статье.

Д.О. Семенов разбирался в вопросе о порядке переноса границ эксплуатационной ответственности по договору водоснабжения, заключенному между гарантирующей организацией и собственником нежилого здания, и в интересах последнего в своей работе пришел к выводу о том, что «если водопроводные и канализационные сети находятся за пределами здания абонента, но в рамках земельного участка, принадлежащего абоненту на праве собственности или аренды, границы балансовой принадлежности и эксплуатационной ответственности должны проходить по границе земельного участка, принадлежащего абоненту».

Однако подобная точка зрения не позволяет учесть тот факт, что любой объект капитального строительства технологически присоединяется к централизованным системам водоснабжения и водоотведения посредством строительства наружных водопроводных и канализационных сетей в точке подключения, определенной в документах о технологическом присоединении к централизованным системам водоснабжения и водоотведения, через которые осуществляется снабжение холодной водой и отвод сточных вод объектов капитального строительства. И в случае установления границ балансовой принадлежности и эксплуатационной ответственности как по

---

³ Правила холодного водоснабжения и водоотведения : утв. Постановлением Правительства РФ от 29 июля 2013 г. № 644. П. 2 // СЗ РФ. 2013. № 32. Ст. 4306.

стене многоквартирного дома, так и по границе земельного участка, принадлежащего абоненту, наружные сети водоснабжения и водоотведения, необходимые для нормального функционирования объектов капитального строительства, приобретают статус «бесхозяйного имущества».

В нашей статье мы предлагаем иную точку зрения определения границ балансовой принадлежности и эксплуатационной ответственности, которая основывается на принципе однократности технологического присоединения к централизованным системам водоснабжения и водоотведения.

Исследуя вопрос об определении данных границ с учетом принципа однократности технологического присоединения, прежде всего необходимо отметить, что большинство объектов капитального строительства на территории России осуществлялось еще в советский период, где в действующем на тот период законодательстве приоритетной была государственная собственность⁴, а после перехода к рыночным отношениям приоритет поменялся на частную собственность⁵. В связи с этим государство активно способствовало передаче государственного имущества в собственность физических и юридических лиц⁶. В кратчайшие сроки проводилась инвентаризация государственного имущества предприятий, составлялись акты оценки с описанием имущества, подлежащего передаче в частную собственность гражданам и акционерным обществам. При этом сети водоснабжения и водоотведения, необходимые для нормального функционирования объектов капитального строительства, зачастую не включались в описание имущества, подлежащего приватизации.

С 14 августа 2013 года вступали в силу новые Правила холодного водоснабжения и водоотведения, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 29 июля 2013 г. № 644. В абзаце 5 п. 2 правил федеральный законодатель установил понятие «граница балансовой принадлежности», исходя из факта принадлежности абоненту на каком-либо праве собственности сетей водоснабжения и водоотведения или законного владения ими, упуская при этом, что большинство объектов капитального строительства, которые технологически присоединены к централизованным системам водоснабжения и водоотведения, были введены в эксплуатацию задолго до внесенных изменений. А также им не учтено, что строительство любого объекта капитального строительства осуществляется в соответствии с проектной и сметной документацией. В состав данной документации в обязательном порядке входят и технические условия о подключении этих объектов

⁴ Гражданский кодекс РСФСР 1964 года // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

⁵ Закон РСФСР «О собственности в РСФСР» // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1990. № 30. Ст. 416.

⁶ Закон Российской Федерации № 1531-1 «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 27. Ст. 927.

к централизованным системам водоснабжения и водоотведения, получаемые в организациях ВКХ, в которых устанавливаются точки подключения к централизованным системам водоснабжения и водоотведения. При этом данные точки подключения определялись не на границе земельного участка и тем более не на внешней границе объектов капитального строительства, а в уже существующих централизованных системах водоснабжения и водоотведения. И для технологического присоединения объектов капитального строительства в точке подключения к централизованным системам водоснабжения и водоотведения проектной и сметной документацией предусматривалось как строительство необходимых наружных водопроводных и канализационных сетей, так и выделение денежных средств на их строительство. То есть объекты капитального строительства проектируются и строятся вместе с наружными водопроводными и канализационными сетями, а создание условий для фактического получения услуг холодного водоснабжения и водоотведения осуществляется через разовую процедуру технологического присоединения к централизованным системам водоснабжения и водоотведения.

Становится очевидным, что объект капитального строительства и наружные водопроводные и канализационные сети, необходимые для нормального его функционирования, являются единым объектом вещных прав, и в случае изменения формы собственности или собственника данного объекта меняются лишь юридическое содержание собственности и субъект права, при этом физическая природа процесса технологического присоединения, как технологической операции, которая совершается однократно, остается неизменной.

Таким образом, наружные сети водоснабжения и водоотведения объектов капитального строительства до точки подключения являются неотъемлемой частью функционирования данных объектов, они не предназначены для выполнения самостоятельных функций, и в случае их демонтажа водоснабжение и водоотведение прекратится только тех объектов капитального строительства, для которых данные сети были построены. Исходя из этого, представляется, что в случае смены формы собственности или собственника объектов капитального строительства наружные сети водоснабжения и водоотведения, построенные вместе с объектами капитального строительства, переходят в собственность как вещи, предназначенные для обслуживания главной вещи, связанные с ней общим назначением и следующие ее судьбе (ст. 135 ГК РФ). В силу своей принадлежности главной вещи и следования ее судьбе наружные сети водоснабжения и водоотведения до точки подключения к централизованным системам водоснабжения и водоотведения было бы разумным считать переданными во владение, пользование и распоряжение новому правообладателю объекта капитального строительства. В конечном

счете границу балансовой принадлежности и эксплуатационной ответственности по сетям водоснабжения и водоотведения следовало бы определять с учетом принципа однократности технологического присоединения к централизованным системам водоснабжения и водоотведения.

С учетом вышеизложенного приходим к следующим выводам:

1. Понятие границы балансовой принадлежности необходимо установить именно исходя из принципа однократности технологического присоединения, который состоит в необходимости учета физической природы и технических параметров процесса технологического присоединения как технологической операции, которая совершается однократно и не может быть изменена при последующей правовой динамике правоотношений.

2. В целях снижения конфликтных ситуаций между абонентами и организацией ВКХ целесообразно внести изменения в Правила холодного водоснабжения и водоотведения, определив понятие «границы балансовой принадлежности» как линию, проходящую в точке подключения наружных водопроводных и канализационных сетей объектов капитального строительства к централизованным системам водоснабжения и водоотведения.

Красникова Л.А.,

аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права
Новосибирского государственного университета экономики
и управления «НИНХ»,

(г. Новосибирск),

начальник юридического отдела МУП «Междуреченский Водоканал»
(Кемеровская область — Кузбасс, г. Междуреченск)

Литература

1. Семенов Д.О. Перенос границ эксплуатационной ответственности по инициативе собственника нежилого здания / Д.О. Семенов // Жилищно-коммунальное хозяйство: бухгалтерский учет и налогообложение. 2017. № 3.
2. Шоломова Е.В. Добиваемся изменения границ / Е.В. Шоломова // Жилищно-коммунальное хозяйство: бухгалтерский учет и налогообложение. 2014. № 6.
3. Шоломова Е.В. Согласование границ балансовой принадлежности и эксплуатационной ответственности / Е.В. Шоломова // Жилищно-коммунальное хозяйство: бухгалтерский учет и налогообложение. 2014. № 4.

Искусственный интеллект для благополучия человека: роль гражданского права и морали

В Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (утверждена Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в РФ») дано определение искусственному интеллекту, обозначены принципы и приоритетные направления развития и использования данной технологии.

Среди принципов развития и использования искусственного интеллекта указываются защита прав и свобод человека, а также безопасность, что предохраняет от причинения вреда гражданам и юридическим лицам.

Приоритетные направления использования искусственного интеллекта в хозяйственной и социальной сферах закладывают основы обеспечения благополучия человека за счет автоматизации рутинной работы, оптимизации графика труда, снижения уровня непосредственного участия человека в опасных для жизни и здоровья процессах, повышения качества государственных и муниципальных услуг, услуг в сфере здравоохранения и образования.

Футуристы пишут, что когда-нибудь роботы появятся в наших домах в качестве товарищей для игр с детьми и услуги для взрослых. Они могут стать суррогатными партнерами в семье, будут заседать в судах в качестве судей, находиться в больницах в качестве зрителей. Они будут выполнять для нас опасные военные и космические задачи, а также очищать окружающую среду¹.

Уже сейчас искусственный интеллект эффективно используется для преодоления распространения COVID-19. Чрезвычайные меры, связанные с пандемией, обеспечиваются автоматизированными системами и новейшими технологиями для мониторинга и контроля ситуации. При этом отслеживание эпидемиологической обстановки и прогнозирование ее развития создает огромный риск утраты персональной или коммерческой информации, собранной в условиях борьбы с коронавирусной инфекцией².

Несмотря на всю опасность, которая скрывается в алгоритмах искусственного интеллекта, всегда следует помнить, что истинная опасность

¹ McNally P., Inayatullah S. The rights of robots. Technology, culture and law in the 21st century // Futures. 1988. Vol. 20 (2). P. 119–136.

² Кашкин С.Ю., Тищенко С.А., Алтухов А.В. Правовое регулирование применения искусственного интеллекта для борьбы с распространением COVID-19: проблемы и перспективы с учетом мирового опыта // Lex russica. 2020. Т. 73. № 7. С. 105–114; Залойло М.В. Искусственный интеллект в праве : научно-практическое пособие / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцева. М. : Инфотропик Медиа, 2021. 132 с.

заключается в людях, которые внедряют и используют технологии для воздействия, контроля и манипулирования другими людьми. Никто из нас не есть сверхнабожный, поэтому нам нужно научиться сдерживать самих себя³.

В соответствии с национальной стратегией, в 2030 г. в России должна функционировать комплексная и гибкая система нормативно-правового регулирования в области искусственного интеллекта.

Технология искусственного интеллекта работает по принципу нейронных сетей (по аналогии с человеческим мозгом), поэтому обеспечивать благополучие современного человека должны не только нормы права, но и этические стандарты взаимодействия человека и робота.

В национальной стратегии создание сильного искусственного интеллекта, способного, подобно человеку, решать различные задачи, мыслить, взаимодействовать и адаптироваться к изменяющимся условиям, названо сложной научно-технической проблемой, разрешить которую можно на стыке естественных, технических и социально-гуманитарных научных знаний.

Проектирование правовой защиты в этой интеллектуальной среде требует творческого сотрудничества юристов, законодателей, программистов, философов и обывателей, для того чтобы найти и эффективно отразить фундаментальную взаимосвязь и различие между моралью и правом в сфере робототехники⁴.

Искусственный интеллект может обеспечить благополучие человека в узкой профессиональной области, например, заменить юриста в работе с информацией.

Искусственный интеллект создает новые возможности в правотворческой деятельности, а также обсуждается роботизация правоприменения⁵, хотя искусственный интеллект недостаточно развит, поэтому реальное внедрение концепции машиночитаемого и машиноисполнимого права требует обеспечения баланса частных и публичных интересов, а также защиты прав гражданина⁶.

Информационные системы образуют пространство для реализации процессуальных действий, но за судьями и работниками аппарата суда

³ Balkin Jack M. The Three Laws of Robotics in the Age of Big Data // Ohio State Law Journal. 2017. Vol. 78. URL: <https://ssrn.com/abstract=2890965>

⁴ Leenes Ronald E., Lucivero Federica. Laws on Robots, Laws by Robots, Laws in Robots: Regulating Robot Behaviour by Design // Law, Innovation and Technology. 2014. № 6 (2). P. 194–222. URL: <https://ssrn.com/abstract=2546759>; Casey Bryan Amoral Machines, Or: How Roboticists Can Learn to Stop Worrying and Love the Law // Northwestern University Law Review. 2017. Vol. 111. № 5. URL: <https://ssrn.com/abstract=2923040>

⁵ См.: Залоило М.В. Указ. соч.

⁶ См.: Янковский Р. Машиночитаемое право: правовой вызов современности // Закон. 2021. № 10; Сеницын С.А. Машиночитаемое и машиноисполнимое право как вызов правовому регулированию // Российская юстиция. 2021. № 7. С. 36–40.

следует сохранить главенствующую роль в их взаимодействии с технологией искусственного интеллекта⁷. Такой интеллект обеспечивает процессуальную экономию за счет скорости и безошибочности вычислений, но существующие технологии не позволяют квалифицировать правоотношения, автономно и полноценно принимать судебные акты, поэтому судопроизводство невозможно в отрыве от судьи-человека⁸.

Решая задачу безопасного достижения благополучия человека посредством установления основ использования искусственного интеллекта, право должно избегать пробелов в регулировании и новых юридических коллизий.

В этом контексте актуальной является дискуссия относительно правового режима объектов, создаваемых искусственным интеллектом.

Технологические вызовы провоцируют цивилистов пересмотреть понятие лица в гражданском праве и наделить саму систему искусственного интеллекта в отношении результатов деятельности такой системы статусом правообладателя наряду с владельцем системы, программистом или обладателем патентов на изобретения, на основе которых функционирует способная к творчеству система⁹.

Ряд ученых полагают, что вопрос о правосубъектности роботов является преждевременным, так как у роботов нет сознания, совести человека и способности выполнять множество социальных ролей на основе моральных суждений¹⁰.

Другие авторы для юнита искусственного интеллекта (интеллектуального робота) применяют теорию электронного лица, которое не всегда может находиться под контролем человека и, в отличие от юридического лица, представляет собой одновременное сочетание свойств субъекта и объекта права¹¹.

---

⁷ Момотов В.В. Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5. С. 188–191.

⁸ Андреев В.К., Лаптев В.А., Чуча С.Ю. Искусственный интеллект в системе электронного правосудия при рассмотрении корпоративных споров // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Право. 2020. Т. 11. Вып. 1. С. 19–34.

⁹ Понкин И.В., Редькина А. Искусственный интеллект и право интеллектуальной собственности // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2018. № 2. С. 35–44.

¹⁰ Гаджиев Г.А. Является ли робот-агент лицом? (Поиск правовых форм для регулирования экономики) // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 15–30; Габов А.В., Хованова И.А. Эволюция роботов и право XXI века // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 215–233.

¹¹ Морхат П.М. Юридическое лицо и электронное лицо в гражданском праве: концепт соотносимости // Копирайт. Вестник Российской академии интеллектуальной собственности и Российского авторского общества. 2019. № 1. С. 16–28; Карцхия А.А. Искусственный интеллект: «ларец Пандоры» или новая надежда? // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 4. С. 23–30.

Можно выявить следующую аргументацию по вопросу юридической природы и принадлежности результатов, созданных искусственным интеллектом:

1. Результаты системы искусственного интеллекта приравниваются к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности с признанием исключительных прав на них за собственником или пользователем такой компьютерной системы, которая образует сложную вещь по ст. 134 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ), но без права авторства и других личных неимущественных прав при отсутствии прямой связи между творческим трудом граждан-создателей и конечным результатом (Е.П. Сесицкий)¹². Позиция обоснована в части разных видов интеллектуальных прав, но заслуживает серьезной критики отнесение компьютерной системы к сложной вещи, так как это противоречит существу юридических категорий в ГК РФ.

2. Распространение концепции фикции юридического лица на искусственный интеллект позволит аккумулировать исключительные права на созданную им интеллектуальную собственность в рамках юридического лица или специального субъекта прав (системы искусственного интеллекта), а пользоваться и распоряжаться исключительным правом сможет правообладатель системы, что не исключает наличие личных неимущественных прав на результаты интеллектуальной деятельности искусственного интеллекта, если создатель системы — физическое лицо (Э.А. Шахназарова)¹³.

3. Результаты, созданные автономным искусственным интеллектом, не признаны сегодня в качестве объектов исключительных прав, но на них могут быть установлены иные субъективные права для коммерциализации таких результатов, их учета и предоставления доступа к ним (Ю.С. Харитоновна)¹⁴.

4. Результаты деятельности машинного интеллекта не могут быть объектами авторского права и не подлежат охране правом интеллектуальной собственности, так как в них нет человеческого творчества, поэтому В. Витко поддерживает теорию отнесения созданных таким образом, например, фотографий к «фотовещам» (снимки напечатаны) либо «фотоправам»¹⁵.

¹² Сесицкий Е.П. Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 9—11.

¹³ Шахназарова Э.А. Правовое регулирование отношений, возникающих по поводу объектов интеллектуальной собственности, созданных технологией искусственного интеллекта, на примере опыта Великобритании, США и ЕС // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 32. С. 34—45.

¹⁴ Харитоновна Ю.С. К вопросу об охраноспособности результата деятельности искусственного интеллекта // Право будущего: Интеллектуальная собственность, инновации, Интернет : Ежегодник. Вып. 1 / отв. ред. Е.Г. Афанасьева ; РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. правообразования; Каф. предпринимательского права МГУ им. М.В. Ломоносова. 2018. URL: <https://internet.garant.ru/>

¹⁵ Витко В. Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты деятельности искусственного интеллекта // ИС. Авторское право и смежные права. 2019. № 2—3. С. 5—22.

5. В зарубежной науке, в частности, G. Spindler отмечает, что искусственный интеллект в его нынешних формах не может определять предпочтения или цели, так как это зависит от человека, использующего технологию. Квалификация искусственного интеллекта в качестве новой формы юридического лица (так называемое «электронное лицо») игнорирует тот факт, что такой интеллект может улучшить способы достижения цели, но не может ее изменить. Искусственный интеллект не является «разумным» в юридическом смысле, его нельзя сравнить с человеческой волей, поэтому именно человек определяет границы результата деятельности искусственного интеллекта, креативность которого не следует преувеличивать. Если художник существенно повлиял на создание искусственным интеллектом картины, например, использовал для машинного обучения только некоторые картины Рембрандта для интерпретации «нового Рембрандта», то итоговая работа должна быть приписана художнику. Однако если художник закладывает в алгоритм все картины Рембрандта и картины других художников, то постановка цели и возможные пределы результата будут менее определенными. Если в такой ситуации художник не будет знать, как был обучен искусственный интеллект, то трудно говорить о творчестве художника. Кроме этого, генерируемые искусственным интеллектом новые данные не защищены авторским правом, но могут быть квалифицированы как коммерческая тайна по директиве ЕС о защите ноу-хау и деловой информации¹⁶.

Таким образом, результаты деятельности искусственного интеллекта могут не быть по ГК РФ объектами интеллектуальных прав, если невозможно установить творчество авторов технологии в отношении созданных технической системой результатов, но на них могут возникнуть иные гражданские права.

В таком же ключе возникает проблема вещных прав на созданную интеллектуальным роботом вещь или обязательствных, корпоративных прав, когда искусственный интеллект причастен к возникновению обязательства или формированию уставного капитала корпорации и т.д.

Роль гражданского права в сфере искусственного интеллекта сводится к обеспечению благополучия человека в цифровой реальности, однако новые отношения и поиск правовых режимов для них порождают юридические сущности, которые влекут за собой очередные риски в различных сферах жизни человека, минимизация которых образует задачу, в том числе для цивилистической науки, претендующей также обеспечить благополучие человека.

На данном этапе развития искусственного интеллекта его юридическую природу и сущность (назначение) следует определять не столько через

---

¹⁶ Spindler G. Copyright Law and Artificial Intelligence // IIC — International Review of Intellectual Property and Competition Law. 2019. Vol. 50. P. 1049–1051.

категории субъекта и объекта права, сколько через понятие универсальной («сквозной») цифровой технологии, которая, согласно национальной стратегии, посредством комплекса технических решений имитирует интеллектуальную деятельность человека, что способствует новым способам возникновения, изменения и прекращения правоотношений между традиционными лицами в отношении привычных объектов прав в современных условиях с учетом принципов этики.

Сама технология искусственного интеллекта основана на уже известных объектах гражданского права (изобретение, программа ЭВМ) или выражается в них (вещь как корпус робота; патентные и авторские исключительные права для использования технологии) либо воплощается благодаря им (работы по изготовлению деталей робототехники, услуги по разработке и установлению программного обеспечения и т.д.).

Лоренц Д.В.,

доцент кафедры гражданского права и процесса Юридического института
Балтийского федерального университета имени И. Канта,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Калининград)

Литература

1. Андреев В.К. Искусственный интеллект в системе электронного правосудия при рассмотрении корпоративных споров / В.К. Андреев, В.А. Лаптев, С.Ю. Чуча // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Право. 2020. Т. 11. № 1.
2. Витко В. Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты деятельности искусственного интеллекта / В. Витко // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2019. № 2.
3. Витко В. Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты деятельности искусственного интеллекта / В. Витко // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2019. № 3.
4. Габов А.В. Эволюция роботов и право XXI века / А.В. Габов, И.А. Хованова // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435.
5. Гаджиев Г.А. Является ли робот-агент лицом? (Поиск правовых форм для регулирования экономики) / Г.А. Гаджиев // Журнал российского права. 2018. № 1.
6. Залоило М.В. Искусственный интеллект в праве : научно-практическое пособие / М.В. Залоило ; под редакцией Д.А. Пашенцева. Москва : Инфотропик Медиа, 2021.
7. Карцхия А.А. Искусственный интеллект: «ларец Пандоры» или новая надежда? / А.А. Карцхия // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 4.
8. Кашкин С.Ю. Правовое регулирование применения искусственного интеллекта для борьбы с распространением COVID-19: проблемы и перспективы с учетом мирового опыта / С.Ю. Кашкин, С.А. Тищенко, А.В. Алтухов // Lex russica (Русский закон). 2020. Т. 73. № 7.

9. Момотов В.В. Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования / В.В. Момотов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5.
10. Морхат П.М. Юридическое лицо и электронное лицо в гражданском праве: концепт соотносимости / П.М. Морхат // Копирайт. Вестник Российской академии интеллектуальной собственности и Российского авторского общества. 2019. № 1.
11. Понкин И.В. Искусственный интеллект и право интеллектуальной собственности / И.В. Понкин, А. Редькина // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2018. № 2.
12. Сесицкий Е.П. Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Е.П. Сесицкий. Москва, 2019.
13. Синецын С.А. Машиночитаемое и машиноисполнимое право как вызов правовому регулированию / С.А. Синецын // Российская юстиция. 2021. № 7.
14. Харитонова Ю.С. К вопросу об охраноспособности результата деятельности искусственного интеллекта / Ю.С. Харитонова // Право будущего: интеллектуальная собственность, инновации, Интернет : ежегодник. Вып. 1 / ответственный редактор Е.Г. Афанасьева. Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2018.
15. Шахназарова Э.А. Правовое регулирование отношений, возникающих по поводу объектов интеллектуальной собственности, созданных технологией искусственного интеллекта, на примере опыта Великобритании, США и ЕС / Э.А. Шахназарова // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 32.
16. Янковский Р. Машиночитаемое право: правовой вызов современности / Р. Янковский // Закон. 2021. № 10.
17. Balkin J.M. The Three Laws of Robotics in the Age of Big Data / J.M. Balkin // Ohio State Law Journal. 2017. Vol. 78. URL: <https://ssrn.com/abstract=2890965>
18. Casey B. Amoral Machines, Or: How Roboticists Can Learn to Stop Worrying and Love the Law / B. Casey // Northwestern University Law Review. 2017. Vol. 111. № 5. URL: <https://ssrn.com/abstract=2923040>
19. Leenes R.E. Laws on Robots, Laws by Robots, Laws in Robots: Regulating Robot Behaviour by Design / R.E. Leenes, F. Lucivero // Law, Innovation and Technology. 2014. № 6 (2). URL: <https://ssrn.com/abstract=2546759>
20. McNally P. The rights of robots. Technology, culture and law in the 21st century / P. McNally, S. Inayatullah // Futures. 1988. Vol. 20 (2).
21. Spindler G. Copyright Law and Artificial Intelligence / G. Spindler // IIC — International Review of Intellectual Property and Competition Law. 2019. Vol. 50.

Прекращение права требовать от должника исполнения обязательства в натуре при возмещении убытков и оплате неустойки: судьба принципа реального исполнения обязательств в гражданском праве современной России

В отечественном гражданском праве и науке гражданского права вопрос о реальном исполнении обязательства всегда являлся актуальным и дискуссионным. Теоретиками и правоприменителями выделяется такой принцип обязательственного права, как «принцип реального исполнения», под которым обычно понимают обязанность должника совершать именно те действия, которые составляют объект обязательства, и право кредитора требовать исполнения обязательства в натуре¹. Необходимость реального исполнения закреплена как в законодательстве, так и в теории права, при этом в теории права возникает некая неоднозначность относительно первичности такого принципа реального исполнения и его действительности в современных условиях.

Многие ученые, например А.Г. Карапетов², В.Ф. Яковлев³, А.Д. Манджиев⁴ отмечают, что принцип реального исполнения был отличительной чертой именно советского права. В частности, А.Г. Карапетов рассматривает принцип с точки зрения экономической целесообразности в постсоветский период и поэтому указывает: «Так как появление свободного рынка и возможности свободно выбирать партнеров по бизнесу привело в большинстве случаев к потере для кредиторов привлекательности и целесообразности понуждения должника к исполнению обязательства по суду. Чаще всего куда более удобно взыскать с недобросовестного должника убытки и (или) неустойку и заключить договор с более достойным контрагентом, взыскав с нарушителя разницу в ценах»⁵.

¹ Гражданское право : учебник : в 2 т. Т. 2 / под ред. Б.М. Гонгало. М. : Статут, 2018 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Карапетов А.Г. Иск о присуждении к исполнению обязательства в натуре. М. : Статут, 2003 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Яковлев В.Ф. Избранные труды. Т. 2: Гражданское право: история и современность. Кн. 1. М. : Статут, 2012 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Манджиев А.Д. Свобода воли в договорных правоотношениях. М. : Статут, 2017 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Карапетов А.Г. Указ. соч.

В свою очередь В.Ф. Яковлев, выступая за вторичность принципа реального исполнения, отмечал, что действующий Гражданский кодекс РФ (ГК РФ) «с учетом изменившихся экономических условий не закрепляет принцип реального исполнения обязательства в качестве генерального, общеобязательного. В условиях рыночной экономики возмещение убытков кредитора за счет должника означает компенсацию всех потерь кредитора, в том числе и упущенной выгоды, т.е. той прибыли, которую кредитор получил бы, если бы обязательство было исполнено должником. Вполне естественно поэтому, что п. 2 ст. 396 ГК РФ установлено правило, в соответствии с которым возмещение убытков в случае неисполнения обязательства и уплаты неустойки за его неисполнение освобождают должника от исполнения обязательства в натуре, если иное не предусмотрено законом или договором. Таким образом, данная норма является, по существу, отказом от принципа реального исполнения обязательства. Правда, она является диспозитивной»⁶. То есть первый председатель Высшего Арбитражного Суда РФ утверждал, что в современном ГК РФ такого принципа, как реальное исполнение обязательства, просто нет.

Однако некоторые исследователи, наоборот, считают, что принцип реального исполнения в настоящее время имеет колоссальное значение и занимает центральное место в обязательственном праве. Например, А.В. Захаркина указывает на то, что данный принцип отражает существо гражданско-правового обязательства, в силу которого должник обязан совершить в пользу кредитора определенное действие, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности⁷. Также указанный автор подчеркивает, что принцип реального исполнения направлен на выполнение разнообразных функций: защиты добросовестной стороны обязательства, баланса интересов кредитора и должника⁸.

Действительно, вывод в поддержку принципа реального исполнения может быть сделан из ряда норм ГК РФ, среди которых прежде всего следует назвать следующие:

— статья 308.3 ГК РФ гарантирует кредитору право требовать по суду исполнения обязательства в натуре в случае неисполнения должником обязательства;

— согласно п. 1 ст. 396 ГК РФ, в случае ненадлежащего исполнения уплаты неустойки и убытков не освобождает от исполнения обязанности в натуре.

Кроме того, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданско-

---

⁶ Яковлев В.Ф. Указ. соч.

⁷ Захаркина А.В. Факультативные обязательства по российскому гражданскому праву: монография. М.: Статут, 2017 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Там же.

го кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» в п. 22, ссылаясь на названные нормы, дополнительно разъясняет, что кредитор вправе требовать исполнения обязательства в натуре в случае неисполнения должником обязательства.

В свою очередь, мнение о том, что в настоящее время принцип реального исполнения отошел на второй план, представляется, может быть нормативно основано только на не совсем точном толковании п. 3 ст. 396 ГК РФ («Отказ кредитора от принятия исполнения, которое вследствие просрочки утратило для него интерес (п. 2 статьи 405), а также уплата неустойки, установленной в качестве отступного (статья 409), освобождают должника от исполнения обязательства в натуре»), поскольку данной нормой хотя и установлены основания освобождения от исполнения обязательства в натуре, но по своей сути они не соответствуют принципу реального исполнения, в силу которого у должника есть обязанность исполнить, а у кредитора есть право требовать исполнения этой обязанности в натуре. Отказ кредитора в связи с утратой интереса по своей сути ближе к основанию прекращения обязательства, например к отступному.

Критика всеобщего характера принципа реального исполнения видится справедливой лишь в том случае, когда она описывает ситуации, предусмотренные в п. 2 ст. 396 ГК РФ (должник в случае неисполнения обязательства освобождается от исполнения обязательства в натуре, если возместит убытки и уплатит неустойку, если иное не предусмотрено законом или договором).

Однако законом действительно предусмотрено иное, а именно многочисленные исключения. Так, согласно п. 3 ст. 13 закона о защите прав потребителей, уплата неустойки (пени) и возмещение убытков не освобождают изготовителя (исполнителя, продавца, уполномоченную организацию или уполномоченного индивидуального предпринимателя, импортера) от исполнения возложенных на него обязательств в натуре перед потребителем; ст. 505 ГК РФ исключает возможность продавца по договору розничной купли-продажи освободиться от обязательств в случае неисполнения обязательства по договору розничной купли-продажи; абз. 2 п. 3 ст. 8 Федерального закона от 2 декабря 1994 г. № 53-ФЗ «О закупках и поставках сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд» нивелирует для виновной стороны возможность освободиться от обязательства, если иное не предусмотрено государственным контрактом.

Хотя, казалось бы, странно и немного противоречиво, что в п. 2 ст. 396 ГК РФ указывается на возможность освобождения должника от обязанности исполнить в натуре, а в ст. 308.3 ГК РФ гарантируется право кредитора требовать в суде, т.е. возникает некая конкуренция норм, на деле сложностей возникать не должно, поскольку норма в п. 2 ст. 396 ГК РФ является специальной (конкретизирующей) по отношению к ст. 308.3 ГК РФ, поскольку

освобождение от исполнения обязанности находится в зависимости от совокупности факторов — возмещения убытков и уплаты неустойки.

Рассматривая вопрос с точки зрения правоприменения, нельзя не отметить, что судебной практике принцип реального исполнения известен и суды им вполне руководствуются, хотя и трактуют очень расширительно.

Так, в Обзоре практики Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа указано: «Установленное в пункте 1 статьи 1104 Кодекса положение о необходимости возврата приобретенного имущества в натуре, то есть возврата именно той вещи, которой потерпевший лишился, полностью соответствует действующему в российском обязательственном праве принципу реального исполнения обязательства»⁹, т.е. суд в данном случае предлагает распространять действие принципа на обязательства сторон, которые возникают в силу закона, а не только на обязательства, добровольно принятые ими.

В Постановлении Арбитражного суда Поволжского округа от 25 июня 2020 г. № Ф06-61771/2020 по делу № А12-33488/2019 упоминается: «Доводы ответчика об избрании истцом ненадлежащего способа защиты подлежат отклонению как основанные на неправильном толковании нормы статьи 12 ГК РФ и принципа реального исполнения обязательства»¹⁰.

Изучая судебную практику, можно прийти к следующему выводу. Пункт 2 ст. 396 ГК РФ почти не находит своего применения, в том плане, чтобы кредитор освобождался от обязанности исполнения в натуре на том основании, что выплатил неустойку и возместил убытки. Суды в основном ссылаются на названную норму только в совокупности с нормами п. 1 ст. 396 ГК РФ и п. 308.3 ГК РФ, обосновывая взыскание неустойки или убытков, а не освобождение должника от обязанности исполнить обязательство в натуре выплатой неустойки и компенсацией убытков. Так, в Определении Верховного Суда РФ от 5 июня 2020 г. № 305-ЭС20-4196 по делу № А40-285997/2018 цитируется п. 2 ст. 396 ГК РФ и указывается, что «в нарушение названных норм истец — арендодатель предъявил одновременно требование об обязанности исполнить обязательство в натуре, возместить ему убытки в размере ежемесячной арендной платы...»¹¹. То есть суд не ставил вопрос об освобождении должника от обязанности исполнить обязательство в натуре, а указывал на недопустимость одновременного предъявления разных требований.

---

⁹ Федеральный арбитражный суд Волго-Вятского округа «Обобщение практики рассмотрения споров, связанных с неосновательным обогащением» // СПС «Консультант-Плюс».

¹⁰ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 25 июня 2020 г. № Ф06-61771/2020 по делу № А12-33488/2019.

¹¹ Определение Верховного Суда РФ от 5 июня 2020 г. № 305-ЭС20-4196 по делу № А40-285997/2018.

Иные судебные акты, в которых применяется п. 2 ст. 396 ГК РФ, были приняты более 10 лет назад.

Так, в одном из случаев решением арбитражного суда по первоначальному делу (№ А41-К1-337/98) по иску юридического лица ему были «возвращены денежные средства, внесенные в счет долевого участия», а также взысканы «проценты за пользование чужими денежными средствами в связи с несвоевременным их возвратом». При таких обстоятельствах суды по иному делу между теми же сторонами пришли к выводу о «прекращении обязательств сторон по договору, так как цель совместной деятельности была достигнута, а должник освобожден от исполнения обязательства в натуре»¹² в соответствии со ст. 396 ГК РФ.

В другом деле суд исходил из того, что «кредитору возмещены убытки, вызванные неисполнением должником обязательства по передаче квартир» и сделал вывод, что в силу п. 2 ст. 396 ГК РФ «должник освобождается от исполнения обязательства в натуре, в связи с этим обязательство по передаче квартир истцу в данном случае следует признать прекращенным»¹³.

Выборка применения (или отсутствие материала для ее репрезентативности) п. 2 ст. 396 ГК РФ именно как основания освобождения от исполнения обязанности в натуре позволяет сделать вывод о том, что исследователи, которые говорят о снижении значения принципа реального исполнения, хотя и основываются на возможностях, предоставленных гражданским законодательством, все же правы только отчасти, поскольку судебных актов, которыми устанавливается справедливость требований понуждения к исполнению в натуре, несравненно больше, чем актов, которыми было бы установлено освобождение лица от исполнения обязанности в натуре.

Такой перекокс может говорить и о том, что норма работает и вне судебного применения. Но учитывая, что:

— часто границы между исполнением и ненадлежащим исполнением размыты;

— вопрос, в какой момент просрочку можно считать неисполнением законодательства, не решен;

— очевидна несправедливость возможности для неисполнившего «соскочить» с обязательства, уплатив неустойку и компенсировав убытки, а для исполняющего, но плохо, уплатив такую же неустойку и компенсировав убытки в таком же размере, — обязанности нести расходы по исполнению обязательства;

— постоянно растет количество судебных процессов.

¹² Постановление Президиума ВАС РФ от 2 марта 1999 г. № 6746/98 по делу № А40-10813/98-82-145.

¹³ Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 13 сентября 2007 г. № Ф08-5986/2007 по делу № А32-7806/2006-49/227-2006-49/890.

Сделать вывод об уменьшении значения принципа реального исполнения не получается.

Основываясь на изложенном выше, можно сделать вывод, что с точки зрения законодательства принцип реального исполнения действительно не носит всеобщий характер, однако согласно сложившейся практике освобождение от исполнения обязательства в натуре носит чаще всего договорный характер (например, соглашение об отступном, что не противоречит принципу реального исполнения), а не является произвольным отказом в соответствии с п.2. ст. 396 ГК РФ.

Маркин П.В.,

аспирант факультета подготовки кадров высшей квалификации
Российского государственного университета правосудия
(г. Москва)

Литература

1. Гражданское право : учебник. В 2 томах. Т. 2 / под редакцией Б.М. Гонгало. Москва : Статут, 2018.
2. Захаркина А.В. Факультативные обязательства по российскому гражданскому праву : монография / А.В. Захаркина. Москва : Статут, 2017.
3. Карапетов А.Г. Иск о присуждении к исполнению обязательства в натуре / А.Г. Карапетов. Москва : Статут, 2003.
4. Манджиев А.Д. Свобода воли в договорных правоотношениях / А.Д. Манджиев. Москва : Статут, 2017.
5. Яковлев В.Ф. Избранные труды. В 3 томах. Т. 2. Гражданское право: история и современность. Кн. 1 / В.Ф. Яковлев. Москва : Статут, 2012.

Особенности регулирования обязательств по перевозке в уголовно-исполнительной системе на воздушном транспорте

Немаловажным аспектом в Российской Федерации является организация перевозок осужденных к наказанию в виде лишения свободы, а также особенности использования транспорта в Федеральной службе исполнения наказаний (далее — ФСИН России). Если специальный транспорт других видов имеется в собственности у данной службы, то с воздушным транспортом дела обстоят иначе, поскольку это слишком дорогое удовольствие для государства. В связи с этим ФСИН России при таких видах перевозок обращается к частным компаниям, которые осуществляют подобного рода рейсы в сфере гражданской авиации.

Направление представляет собой перемещение осужденного к месту отбывания наказания. Оно может носить как плановый, так и иной характер. В зависимости от этого определяется и число перемещаемых осужденных.

Лица, осужденные к лишению свободы, направляются в место отбывания наказания и перемещаются из одного места отбывания наказания в другое под конвоем, то есть в сопровождении и под охраной вооруженных сотрудников системы исправительных учреждений. Такая процедура перевода осужденных к лишению свободы обусловлена тем, что, во-первых, они изолированы от общества, что должно обеспечиваться и на период их передвижения; во-вторых, осужденные к лишению свободы, как правило, представляют собой повышенную социальную опасность, и наличие конвоя должно помешать им совершить новые преступления.

Сегодня немалое значение при организации перевозок осужденных транспортом имеют нормы, связанные с организацией безопасности лиц, перемещаемых вследствие приговоров суда и иных обстоятельств из одного учреждения в другое.

Воздушные перевозки на транспорте гражданской авиации имеют свою дальнюю историю, в том числе связанные с перевозкой спецконтингента. Данные правоотношения регулируются как гражданским, так и воздушным законодательством, а при перевозке осужденных в том числе и уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации¹.

¹ См. об этом подроб.: Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021). Часть вторая // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410; Воздушный кодекс Российской Федерации (далее — ВЗК РФ) от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ (в ред. от 02.07.2021) // СЗ РФ. 1997. № 12. Ст. 1383; Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

Осужденные не могут заключить договор воздушной перевозки самостоятельно. В данном случае используется договор фрахтования воздушного судна, который заключается на основании ст. 104 ВЗК РФ. При этом плата по данному договору производится за счет средств Российской Федерации, то есть за счет бюджетных средств. А такой договор в качестве фрахтователя с фрахтовщиком заключается либо от имени Российской Федерации, либо от имени территориального органа ФСИН России, в зависимости от целей, которые поставлены.

В первом случае это может быть использовано при экстрадиции, где осужденный, как правило, летит вместе со всеми обычным рейсом под охраной и пристегнутый наручниками к креслу, либо, если это не позволяет сделать тип самолета, просто пристегнутый наручниками, и руки у него находятся спереди.

Во втором случае таким примером может быть перевозка осужденных к местам лишения свободы на территории нашего государства.

Самым распространенным примером являются перелеты осужденных из Красноярска в Норильск. Именно там находится одна из самых крупных колоний промышленного сектора, где спецконтингент собирает металлические конструкции из цветных металлов для Норильского горно-металлургического комбината им. А.П. Завенягина. Перевозка самолетом является единственным способом по доставке осужденных в Заполярье, которая осуществляется на Ан-24 и Ту-154. В основном воздушный транспорт во ФСИН России используют для перевозки тогда, когда не имеется возможности другим транспортом добраться до места назначения.

Перелет длится около четырех часов. Спецконтингент, как и при экстрадиции, для того чтобы не допустить побегов либо бунта, при транспортировке пристегивают наручниками к специальной клетке, которая ограждает их от передней части самолета, или непосредственно к самому креслу, в котором они находятся в течение всего полета. На протяжении перевозки осужденным разрешено пить воду, которую им приносят сопровождающие сотрудники ФСИН России (конвой). Иногда при длительном перелете либо задержке рейса разрешается давать спецконтингенту сухой поек, который очень скуден по своему содержанию. При посещении туалета разрешается снять в редких случаях наручники, при этом закрывать дверь запрещено. Конечно, на высоте более чем в десять тысяч метров осужденные вряд ли смогут сбежать, однако меры безопасности должны строго соблюдаться на протяжении всего пути следования².

---

² См. об этом: Полет под конвоем, или Как заключенных возят на работу в «воздушной тюрьме» // Официальный сайт РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20131001/967012992.html> (дата обращения: 24.11.2021).

Вместе с тем в августе 1990 г. был случай, когда спецконтингент пытался захватить воздушное судно. Тогда одиннадцать осужденных, которых перевозили из Нерюнгри в Якутск, напали на конвой, отобрали у них оружие и взяли пассажиров в заложники, требуя изменить маршрут полета в сторону Карачи. Однако захватчики, будучи юридически безграмотными в сфере международного права, понятия не имели, что в Пакистане закреплены в уголовном законодательстве очень жесткие нормы права в отношении лиц, угоняющих самолеты. Таким образом, прибыв в место назначения, весь спецконтингент был задержан, заложники освобождены, а захватчиков приговорили к смертной казни, которая в дальнейшем была заменена им на пожизненное лишение свободы. Буквально уже через несколько месяцев указанные осужденные попросили об экстрадиции. Вместе с тем их возвращение в Россию произошло спустя восемь лет. К тому времени, к сожалению, не все смогли вернуться в связи с кончиной троих, а возвратившиеся осужденные получили срок по пятнадцать лет.

Еще один не менее интересный случай произошел в 2006 г. в Магаданской области. Именно там, в поселке Талая располагается колония общего режима № 3. Так, в январе того же года температура воздуха опустилась на градуснике до пятидесяти трех градусов. В результате прорыва труб и частичной их заморозки перестала работать котельная. Неудачная попытка перезапустить котельную привела к тому, что триста осужденных были направлены в СИЗО, располагавшийся в областном центре. В результате следственный изолятор оказался переполненным, в связи с чем часть спецконтингента была переведена в свободные колонии Приморья, при этом этапирование происходило с использованием воздушной перевозки. ФСИН России арендовало для этого чартерный самолет, который за несколько часов использования обошелся почти в один миллион рублей. Для безопасности члены экипажа в полном составе были заменены на мужчин. Также при построении коридора следования осужденных использовали солдат внутренних войск и ОМОН. В результате весь спецконтингент без каких-либо происшествий удалось доставить до колоний, расположенных в Хабаровском крае и Амурской области³.

Других каких-либо значительных конфликтов официально не было. При этом такие рейсы, как Красноярск — Норильск, осуществляются регулярно — примерно два раза в месяц.

Есть и другие регионы, куда осужденных доставляют воздушным транспортом, — Магаданская область, Якутия, Ямало-Ненецкий АО.

И несмотря на то что во ФСИН России имеется несколько своих воздушных судов, которые используются в экстренных случаях, перевозка осужденных осуществляется гражданскими воздушными судами.

³ См. подроб.: Этап самолетом. URL: <http://www.tyurma.com/etap-samoletom?page=12> (дата обращения: 24.11.2021).

В других странах воздушная перевозка осужденных выглядит несколько иначе.

Так, в отличие от России, например, в США перевозка осужденных воздушным транспортом до мест лишения свободы происходит иным способом. Перевозкой спецконтингента там занимаются частные охранные предприятия⁴.

Также в США с 1984 г. существует специальная авиакомпания, которая перевозит осужденных, и называется она «Флай маршалз», что в переводе означает «летающие маршалы». Юридический адрес находится в штате Оклахома. Перевозчик на сегодняшний день оснащен примерно пятнадцатью самолетами, которые специально переоборудованы для перевозки спецконтингента. При этом на борту воздушного судна полностью отсутствует гражданский персонал.

Авиакомпания «Флай маршалз» подведомственна Министерству юстиции США и совпадает с названием самой службы — Федеральная служба маршалов. Функции маршалов до 11 сентября 2001 г. практически дублировали обязанности российских сотрудников из Федеральной службы судебных приставов. Вместе с тем после знаменитой трагедии, для того чтобы обеспечить безопасность воздушного пространства при перевозке осужденных до мест лишения свободы, в обязанности маршалов добавилось сопровождение самолетов.

Каких-либо серьезных казусов при перевозке осужденных воздушным транспортом в США никогда не происходило.

Необходимо отметить, что, несмотря на то что конвоирование в США по сравнению с Россией более лояльно, существует место, а именно тюрьма в Гуантанамо, куда осужденных доставляют в особых очках, залепленных черной пленкой, хирургических масках, толстых рукавицах, берушах и специальных ремнях. В указанной выше тюрьме содержатся, как правило, лица, обвиняемые властями США в терроризме, ведении войны на стороне противника и т.п., поэтому безопасность с такими осужденными превыше всего⁵.

В Российской Федерации каких-либо специальных требований к воздушному судну или персоналу, который обслуживает данное судно, не предъявляется, за исключением стандартных мер авиационной безопасности, которые согласуются со ФСИН России, а порой и с органами внутренних дел,

⁴ См. также: Косолапов Ю.В., Сивова А.А. Перемещение правонарушителей специальным транспортом в зарубежных странах // Транспортное право и безопасность. 2020. № 2 (34). С. 177–186; Пенин О.В. Специальные автомобили, используемые учреждениями УИС для перемещения осужденных и лиц, содержащихся под стражей, при конвоировании // Транспортное право. 2016. № 2. С. 8–13.

⁵ См. об этом подроб.: Этап самолетом. URL: <http://www.tyurma.com/etap-samoletom?page=12> (дата обращения: 24.11.2021).

таможней и Федеральной службой безопасности Российской Федерации. Сам персонал авиакомпании обслуживать и разговаривать с осужденными не имеет права. В случае же каких-либо неприятностей на борту, а именно причинения вреда, например, жизни или здоровью осужденных, несмотря на то, что у последних отсутствуют авиационные билеты, к ним будут применяться общие правила, касающиеся гражданско-правовой ответственности, а именно гл. 40 и 59 ГК РФ, а также гл. XVII ВЗК РФ. Остальные отличия перевозки осужденных связаны лишь с конвоированием, что не затрагивает гражданское и воздушное законодательство Российской Федерации.

Таким образом, предлагается по аналогии с США создать отдельную службу, которая бы занималась перевозкой осужденных на воздушном транспорте, где был бы свой воздушный парк, специально реконструированный для таких видов перевозки, а также персонал, который знал бы все требования авиационной безопасности помимо общих правил конвоирования. Вместе с тем перевозка спецконтингента по-прежнему должна осуществляться в соответствии с требованиями гражданского, воздушного и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации, а также международных норм.

Махиборода М.Н.,

доцент кафедры гражданского права и процесса

Института подготовки государственных и муниципальных служащих
Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний

(Академии ФСИН России),

кандидат юридических наук

(г. Рязань)

Литература

1. Косолапов Ю.В. Перемещение правонарушителей специальным транспортом в зарубежных странах / Ю.В. Косолапов, А.А. Сивова // Транспортное право и безопасность. 2020. № 2 (34).
2. Пенин О.В. Специальные автомобили, используемые учреждениями УИС для перемещения осужденных и лиц, содержащихся под стражей, при конвоировании / О.В. Пенин // Транспортное право. 2016. № 2.

Дистанционное участие в удостоверении завещаний в соответствии со ст. 1127 Гражданского кодекса РФ как одно из возможных направлений расширения функций нотариуса в рамках развития системы электронного нотариата

В развитие темы «Роль права в обеспечении благополучия человека», вынесенной на обсуждение в рамках XI Московской юридической недели, хотелось бы остановиться на ряде вопросов, которые не являются по своей сути новеллами, однако требуют научного осмысления в рамках продолжающейся в России «цифровизации», так как вскрывают новые аспекты возможного применения цифровых технологий к давно сложившимся и законодательно урегулированным общественным отношениям. Одной из сфер, в которой активно внедряются инновационные формы реализации привычных институтов с одновременным расширением собственных функций, стала сфера нотариальной деятельности. Как отмечают президент Федеральной нотариальной палаты К.А. Корсик и А.А. Парфенчикова, «законодатель идет по пути планомерного расширения полномочий нотариата»¹, а также «осуществляет оптимизацию процедур за счет активного участия в них нотариуса»²; огромную роль в этом процессе играет внедрение единой информационной системы нотариата, при этом привычными становятся ведение документооборота в цифровой форме, осуществление электронного межведомственного взаимодействия, дистанционное оказание услуг при помощи современных высокотехнологичных средств связи. Авторы справедливо отмечают, что «высокий темп цифровизации... общественных... отношений требует своевременного обновления правового регулирования»³, к тому же «спрос на совершение нотариальных действий в цифровом формате постоянно растет»⁴. Набирающий обороты процесс «переосмысления» правового регулирования большинства правоотношений в рамках цифровизации, несомненно, требует наиболее полного учета всех проявлений регулятивной и охранительной функций права.

---

¹ Корсик К.А., Парфенчикова А.А. Трансформация российского нотариата в новых экономических условиях // Государственная служба. 2020. № 1. С. 93.

² Там же. С. 93.

³ Там же. С. 94.

⁴ Там же. С. 94.

Новые перспективы, которые продиктованы современными цифровыми возможностями нотариата, позволяют по-новому взглянуть и на отношения, касающиеся формы завещания, предусмотренные отечественным законодательством. В качестве одной из работ, обращающей на себя внимание, можно назвать диссертацию Т.В. Андроповой, посвященную «нетипичным формам завещания»⁵; в ней автор справедливо отмечает, что «курс на цифровизацию общественной жизни... должен найти... отражение... в... возможности использования современных технологий... в наследственных правоотношениях при составлении завещания»⁶. С нашей точки зрения, заметным шагом вперед стало появление возможности дистанционного нотариального удостоверения сделок и, более того, создание возможности участия при этом одновременно нескольких нотариусов, независимо от их местонахождения. Затрагивая вопрос, касающийся сделок, а также поэтапного расширения применения цифровых технологий в рамках осуществления иных нотариальных действий, полагаем возможным упомянуть и вопрос, связанный с удостоверением нотариусами завещаний. Как известно, ст. 1124 Гражданского кодекса РФ (ГК)⁷ содержит норму, не допускающую составление завещания с использованием электронных либо иных технических средств. Традиционно осторожный подход законодателя к изменениям в правовом регулировании наследственных отношений более чем обоснован, в особенности это касается всего, что может затронуть требование о максимально точной передаче воли лица, всего, что связано с вопросами волеизъявления. Невозможно переоценить важность самого права граждан на распоряжение имуществом на случай смерти, оно всегда требовало и будет требовать повышенной степени правовой охраны и защиты в случае посягательств на него, как и максимального соблюдения прав наследников (по закону и по завещанию). Однако общественные отношения не стоят на месте, и то, что ранее было сложно реализовать технически, в современных условиях становится возможным с учетом соблюдения ряда правил, в том числе касающихся безопасности внедряемых технологий, обеспечения их оптимального применения. В настоящее время одной из актуальнейших проблем становится ситуация, связанная с многочисленностью правонарушений в «киберпространстве» и с растущим числом «киберрисков», которую нельзя недооценивать. В связи с этим мы не считаем в полной мере оправданной практику дистанционного составления и удостоверения нотариусом завещаний,

⁵ Андропова Т.В. Нетипичные формы завещания: сравнительно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2019.

⁶ Там же. С. 5.

⁷ Гражданский кодекс РФ (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

полагаем, что о целесообразности ее повсеместности говорить еще слишком рано. Тем не менее можно выделить ряд случаев, когда это не только приемлемо, но и, на наш взгляд, вполне оправданно. Это касается отношений, регулируемых ст. 1127 ГК, которой закрепляются завещания, приравняемые к нотариально удостоверенным. Как известно, указанная статья возлагает функции по удостоверению завещаний на главных врачей, их заместителей, дежурных врачей больниц, госпиталей и иных медицинских учреждений, на директоров и главных врачей домов престарелых и инвалидов; на капитанов судов во время плавания; на начальников экспедиций, антарктических станций и полевых баз; на командиров воинских частей; на начальников мест лишения свободы. В свое время основной причиной введения данного положения являлась невозможность обеспечения присутствия нотариуса в момент совершения завещания, при необходимости обеспечить любому гражданину право на составление завещания доступными способами. Времена меняются. Современные технологические возможности по использованию информационных каналов (разумеется, защищенных), расширение возможностей удаленной идентификации лица позволяют обеспечить присутствие нотариуса. Конечно, личное присутствие профессионального юриста незаменимо, тем не менее, даже дистанционное его участие гораздо лучше, нежели никакое, оно создает дополнительную гарантию соблюдения прав и законных интересов завещателя. Полагаем, что в приведенном примере целесообразно (особенно на переходном этапе цифровизации, когда все «киберриски» оценить крайне сложно) сохранение общей процедуры, предполагающей подписание завещания завещателем в присутствии удостоверяющего лица, поименованного ст. 1127 (например, главного врача больницы), и свидетеля, тем не менее с реализацией возможности дистанционного присутствия удостоверяющего нотариуса (а при желании — нотариусов). Важнейшая роль последнего продиктована и тем, что он совершает нотариальные действия от имени Российской Федерации, и тем, что к его статусу действующим законодательством предъявляются жесткие требования, касающиеся как компетенции, так и ответственности, которая приобретает совершенно особое значение в условиях развивающейся системы финансовых гарантий, направленных на защиту прав лиц, обращающихся за оказанием нотариальной помощи (центральное место из существующих гарантий занимает система страхования профессиональной ответственности). Общее правило ст. 1124 ГК РФ гласит, что завещание должно быть составлено в письменной форме и удостоверено нотариусом. Соответственно, невозможно переоценить и его роль в обозначенных отношениях.

Нотариус является лицом, обладающим необходимыми знаниями в области права, в том числе наследственного. Ни одно из перечисленных

в ст. 1127 ГК лиц не обладает специфическими знаниями в правовых вопросах и не владеет требуемой узконаправленной практикой в сочетании со специфическими требованиями, касающимися статуса. Невозможно игнорировать тот факт, что составление завещания (максимально отвечающего интересам завещателя) предполагает правовое консультирование и разъяснение спорных вопросов, осведомленность в которых есть прямая обязанность нотариуса. В процессе совершения завещания крайне важно разъяснение завещателю его прав и обязанностей, а также соответствующих прав, обязанностей и законных интересов иным участникам наследственных правоотношений. Сложившаяся практика предполагает равенство нотариусов между собой, тем не менее, говоря о современных трансформациях в системе юридической помощи, хотелось бы указать на следующее. Учитывая усложняющиеся общественные отношения на фоне увеличения степени «мобильности» граждан, ярко проявляющейся трансграничности (расширение транспортных потоков, активное пользование средствами связи, развитие межрегиональных и международных отношений в самых различных областях деятельности), можно предположить, что будет увеличиваться фактор доверительности между субъектом, обратившимся за совершением нотариального действия, и конкретным нотариусом (например, в производстве которого находится большинство дел обратившегося лица). В полной мере осознавая значение медицинской деятельности, все же вызывает сомнение возможность врача в полной мере дать квалифицированные разъяснения правового характера на уровне лица, к которому (в нашем случае — нотариуса) предъявляются столь жесткие требования касательно наличия юридического образования, необходимого стажа, процедуры вступления в должность и соблюдения особых требований для последующего нахождения в ней. Со своей стороны, мы убеждены, что создание механизма участия нотариуса в удостоверении завещаний в дистанционной форме является необходимым и отвечающим духу времени. Разумеется, с учетом возможных «киберрисков», с необходимостью максимального соблюдения нотариальной тайны при достижении возможности качественного выполнения нотариальных функций в цифровом формате. К сожалению, современная ситуация, связанная с распространением коронавирусной инфекции, а также прогнозы специалистов о том, что протекающая пандемия, скорее всего, окажется не последней⁸, убеждают в необходимости создания условий для оказания дистанционных услуг надлежащего качества, безопасных и эффективных. Не будет лишним упомянуть, что даже не в условиях пандемий и эпидемий

---

⁸ «Мир должен извлечь уроки из ситуации с COVID-19 и подготовиться к новым пандемиям» — заявил на брифинге в Женеве генеральный директор ВОЗ. URL: <https://ria.ru/20200907/pandemiya-1576896255.html>

любой гражданин всегда рискует столкнуться с угрозами для здоровья и жизни, которые могут потребовать экстренной госпитализации с нежелательностью или невозможностью (по медицинским показаниям) присутствия иных субъектов, кроме персонала лечебного учреждения, даже если этим субъектом является нотариус. Аналогичные ситуации с точки зрения важности, пусть и дистанционного, но все же присутствия нотариуса имеют место в случае участия гражданина в экспедиции, его пребывания в труднодоступной местности. Ход времени диктует следующее: что было ранее невозможно или крайне сложно, в современных условиях может быть обеспечено посредством развивающихся технологий. Подытоживая, отметим, что современный нотариат представляет собой динамично развивающуюся систему, которая должна идти в ногу со временем в интересах защиты прав и законных интересов граждан, для чего необходим поиск тех общественных отношений, в которых реализация функций нотариальной деятельности (в условиях нарастающих темпов и объемов цифровизации) наиболее оправданна и незаменима.

Михайлова А.С.,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Государственного социально-гуманитарного университета
(г. Москва)

Литература

1. Андропова Т.В. Нетипичные формы завещания: сравнительно-правовое исследование : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Т.В. Андропова. Ульяновск, 2019.
2. Корсик К.А Трансформация российского нотариата в новых экономических условиях / К.А. Корсик, А.А. Парфенчикова // Государственная служба. 2020. № 1.

Услуги в современном обществе и их качество: общая характеристика

Услуга сегодня — это основа практически всех повседневных отношений. Услуга — это результат, как минимум, одного действия, осуществленного при взаимодействии поставщика услуг и потребителя услуг. Услуга направлена на удовлетворение потребностей других лиц, и в данном контексте уместно задуматься, что есть потребность. Потребность — нужда в чем-либо необходимом или недостаток чего-либо необходимого для поддержания жизнедеятельности человека, развития его личности и общества в целом. Потребность можно характеризовать как состояние неудовлетворенности, преодолеваемое путем использования определенных благ. В настоящее время, в условиях активно развивающегося информационного общества, основной потребностью для человека стало время. Время — самая дорогая валюта нашей реальности. В этой связи перечень возможных услуг, которые способны сэкономить время, пользуется спросом, а сфера услуг, в свою очередь, развивается достаточно стремительно.

В настоящее время популярны такие виды услуг, как:

1. Транспортные услуги (такси, доставка, перевозка, туристские услуги).
2. Бытовые услуги (услуги питания, ремонт, уборка, прачечные услуги, услуги имиджмейкера и дизайнера, организация праздников, ритуальные услуги).
3. Финансовые услуги (заем, кредит, услуги банка).
4. Услуги здоровья и красоты (стоматологические, косметологические, репродуктивные услуги и иные медицинские услуги).
5. Образовательные услуги.
6. Иные профессиональные услуги (аутстаффинг, аутсорсинг, юридические услуги, услуги психолога, клиринг, охрана и мн. др.).

Регулирование сферы услуг нельзя назвать недостаточным, тем не менее существуют концептуальные моменты, которые требуют осмысления.

Так, например, при оказании тех или иных услуг не всегда должным образом реализуются общие требования об исполнении договора оказания услуг. В первую очередь это касается требований надлежащего и реального исполнения применительно к обязательству по оказанию услуг и требований добросовестности, содействия, информированности и учета прав и обязанностей контрагента.

В рамках правоотношений по оказанию услуг ведущую роль, несомненно, играют основные требования исполнения сторонами взятых на себя обязательств. К числу таковых, в частности, относятся такие требования, как

надлежащее исполнение обязательств и реальное исполнение обязательств, при этом требования добросовестности сторон при исполнении ими взятых на себя обязательств, сотрудничества (содействия) сторон в рамках исполнения обязательств, экономичности исполнения обязательств охватываются надлежащим исполнением и не должны выделяться отдельно, но в целом характеризовать качество услуги.

Требование надлежащего исполнения обязательств фактически законодательно закреплено положениями ст. 309 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ). Согласно приведенной статье обязательства должны быть исполнены надлежащим образом и в соответствии с условиями таких обязательств, а также требованиями закона, иных правовых актов. В случае если такие акты отсутствуют, то обязательства должны исполняться в соответствии с обычаями или иными обычно предъявляемыми требованиями. При этом под обычаем, согласно ст. 5 ГК РФ, понимается «сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской или иной деятельности, не предусмотренное законодательством правило поведения» вне зависимости от того, закреплено ли оно в каком-либо документе.

Следует отметить, что надлежащее исполнение обязательств должно соответствовать определенным критериям (условиям), в частности:

- обязательство совершено надлежащим должником в адрес надлежащего кредитора;
- обязательство исполнено надлежащим предметом;
- обязательство совершено надлежащим способом и в надлежащий срок;
- обязательство исполнено в надлежащем месте.

Вместе с тем необходимо отметить, что применительно к институту возмездного оказания услуг следует дополнительно выделять специфичные для него критерии, в частности «критерий качества» оказанной услуги. Говоря о настоящем «критерии качества» оказываемой услуги как неовещественного объекта обязательства, необходимо указать на ряд факторов, которые напрямую взаимодействуют и способствуют надлежащему и полному исполнению обязательств по оказанию услуг.

В качестве таких факторов будут выступать¹:

1. Исполнение специальных требований законодателя касательно статуса исполнителя при оказании ряда определенных услуг, в частности, сюда относят необходимость лицензирования деятельности исполнителя, наличие аккредитаций, страхование ответственности и т.д.

¹ См.: Кулаков В.В. К проблеме определения качества услуги // Коммерческое право. 2010. № 1.

2. Максимально полная регламентация (прозрачность) деятельности исполнителя в процессе оказания услуг, а также сотрудничество с заказчиком услуги и его информированность.

3. Соблюдение требований безопасности при оказании услуг, объектом в которых выступает физическое лицо (при оказании туристских, медицинских, образовательных услуг и т.п.).

В научной литературе выделяют также такие критерии, как наличие у стороны-исполнителя надлежащей квалификации, соответствие деятельности исполнителя установленным государством посредством стандартизации императивным требованиям².

Ю.А. Кузнецова также рассматривает услугу как неовещественный объект обязательства и в качестве существенных недостатков при оказании услуг выделяет: несоблюдение стороной договора (исполнителем) порядка действий (напр., несвоевременных действий), установленных соглашением сторон, нормативными актами или нормами СРО; нарушение условий надлежащего исполнения имеющихся обязательств; несоответствие исполнителя требованиям квалификации, установленным при оказании соответствующих услуг; непосредственное причинение вреда личности или имуществу стороны заказчика³.

В связи с изложенным представляется, что достижение надлежащего качества услуги в процессе ее предоставления возможно в случае установления требований по следующим двум общим основаниям: во-первых, требований к исполнителю, его личности, заключающихся, например, в лицензировании его деятельности, а также путем использования иных правовых средств; во-вторых, требований непосредственно к деятельности исполнителя (процессу оказания услуг), что позволяет контролировать качество оказываемых услуг с помощью правовых инструментов государственной стандартизации, технического регулирования, а также установления последовательности действий исполнителя путем включения в договор необходимых условий. При этом договором могут быть установлены более жесткий порядок и требования к качеству оказываемой услуги, нежели порядок, установленный правилами СРО или соответствующими нормами законодательства.

Также необходимо проводить границу между оценкой качества оказываемой услуги применительно к самому процессу оказания выбранной услуги, а также ее «потребления» и результатом деятельности исполнителя, оказывающего соответствующую услугу, так как недостижение результата

² См.: Галь И.Г. Обязательство по оказанию медицинской услуги : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 123.

³ Кузнецова Ю.А. Договорное регулирование качества // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2013. № 36.

деятельности не может рассматриваться в качестве ненадлежащего исполнения обязательства по оказанию возмездной услуги, то есть фактически речь идет о необходимости различать качество результата оказания услуги и качество процесса оказания услуги⁴.

Несомненно, что изложенное относится в большей мере к тем услугам, содержание которых составляют фактические действия исполнителя, то есть к услугам такого рода, в процессе оказания которых у заказчика не возникает каких-либо прав и обязанностей по отношению к другим лицам.

Примером сказанного могут служить возмездные услуги в медицинской сфере, например, в одном из судебных дел заказчик требовал от исполнителя возмещения морального вреда вследствие некачественно проведенной ринопластики (пластической операции на носу), выраженной в возникших осложнениях (затрудненное дыхание и неизгладимое обезображивание лица). В рассматриваемом деле была проведена судебно-медицинская экспертиза, по результатам которой было установлено, что еще до начала операции у заказчика услуги имелась врожденная деформация носа, сама же операция была проведена согласно всем действующим регламентам и методикам оказания подобных услуг. По совокупности доказательств в удовлетворении исковых требований было отказано⁵.

Также нельзя не отметить, что результат некоторых услуг потребляется и исчезает после ее оказания, тогда как в иных случаях результат оказанных услуг продолжает сохранять положительный эффект и после исполнения обязательств, — таким примером может служить оказание услуг в сфере медицины или образования. Тем не менее достижение заявленного положительного результата оказания услуги в некоторых случаях напрямую связано с личностью заказчика и не всегда может быть гарантировано исполнителем. Например, некоторые авторы отмечают, что не представляется возможным оценить результат оказанной медицинской услуги до ее получения в связи с физиологическими особенностями заказчика и последующей реакцией его организма⁶. В рамках оказания образовательных услуг ситуация аналогична, степень обучаемости и восприятия учебного материала отличается у каждого человека, в связи с чем желаемый результат может быть не достигнут.

Таким образом, можно заключить, что в отечественной доктрине гражданского права остаются открытыми вопросы, связанные с исполнением

---

⁴ См.: Санникова Л.В. Обязательства об оказании услуг в российском гражданском праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 30–31.

⁵ Решение Советского районного суда г. Красноярска от 28 октября 2004 г. № 2-718/04 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Данилочкина Ю.В. Понятие и правовая природа медицинских услуг // Медицинское право. 2008. № 4. С. 11.

обязательств по оказанию услуг. Соответственно, возникает потребность в изучении особенностей применения принципов исполнения обязательств (требований) к обязательствам по возмездному оказанию услуг.

Сложность представляет установление факта надлежащего исполнения обязательства, поскольку широкий спектр возможных услуг и их нематериальный характер не позволяют однозначно определить критерии качества услуг, соответственно, встает вопрос о возможности применения к услугам в субсидиарном порядке правил о качестве работ или качестве товара из подрядных обязательств и обязательств по возмездной передаче вещей.

Назарова М.Г.,
старший преподаватель кафедры правовых дисциплин
Северо-Кавказского института (филиала)
Московского гуманитарно-экономического университета
(г. Москва)

Литература

1. Галь И.Г. Обязательство по оказанию медицинской услуги : диссертация кандидата юридических наук / И.Г. Галь. Москва, 2014.
2. Данилочкина Ю.В. Понятие и правовая природа медицинских услуг / Ю.В. Данилочкина // Медицинское право. 2008. № 4.
3. Илюшина М.Н. Проблемы гражданско-правовой ответственности сторон агентского договора, заключаемого в предпринимательской деятельности / М.Н. Илюшина // Реклама и право. 2010. № 1.
4. Кузнецова Ю.А. Договорное регулирование качества / Ю.А. Кузнецова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2013. № 36.
5. Кулаков В.В. К проблеме определения качества услуги / В.В. Кулаков // Коммерческое право. 2010. № 1.
6. Санникова Л.В. Обязательства об оказании услуг в российском гражданском праве : автореферат диссертации доктора юридических наук / Л.В. Санникова. Москва, 2007.

Тенденции законодательства в области обеспечения жилищных прав граждан

Право на жилище является одним из основополагающих социально-экономических прав граждан. Между тем не всегда получается полноценно реализовать данное право из-за пробелов и противоречий, существующих в гражданском и жилищном законодательстве. Нормотворчество должно быть направлено на восполнение данных пробелов. Их довольно много, ниже будут представлены лишь некоторые.

Одна из проблем связана с тем, что зачастую не соблюдается требование законодательства о необходимости государственной регистрации долей детей в жилых помещениях, приобретенных за счет средств материнского (семейного) капитала, и сложно определить доли родителей.

Согласно п. 4 ст. 10 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» лицо, получившее сертификат на материнский (семейный) капитал, его супруг (супруга) обязаны оформить жилое помещение, приобретенное (построенное, реконструированное) с использованием средств (части средств) материнского (семейного) капитала, в общую собственность такого лица, его супруга (супруги), детей (в том числе первого, второго, третьего ребенка и последующих детей) с определением размера долей по соглашению. Ранее в данной норме также говорилось о необходимости оформления жилья, приобретенного на средства материнского (семейного) капитала в общую долевую собственность родителей и детей.

Между тем на практике на такие жилые помещения доли детей в ЕГРН оформляются достаточно редко. Возникает проблема и при определении долей родителей. Ведь чаще всего в квартиру вкладывается не только материнский капитал, но и общие средства супругов. Представляется необходимым уточнить порядок определения размера долей родителей и детей в квартирах, приобретенных за счет материнского капитала. При продаже таких жилых помещений нередко нарушаются права как детей, так и одного из родителей, что влечет оспаривание сделки.

Имеет смысл установить в законодательстве дополнительные гарантии оформления долей детей в жилых помещениях, приобретенных на средства материнского (семейного) капитала. Например, взаимодействие между органами Пенсионного Фонда и Росреестра при регистрации прав на такую недвижимость. Что касается долей родителей, их можно было бы определять, например, соглашением о разделе имущества, предусмотренным ст. 38 Семейного кодекса РФ.

Еще одна проблема связана с тем, что резко возросла стоимость жилых помещений, приобретаемых по договорам участия в долевом строительстве.

В соответствии со ст. 3 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» привлечение денежных средств участников долевого строительства возможно только путем их размещения на счетах эскроу. Данное требование появилось в 2019 г., до этого обязательства застройщика обеспечивались путем внесения взносов в компенсационный фонд. Многие исследователи считали компенсационный фонд достаточно надежным инструментом¹.

С переходом на банковское финансирование теряется вообще смысл договора участия в долевом строительстве, который был в нем заложен изначально. Задумывалось, что дольщик финансирует строительство на его ранних этапах и за счет этого приобретает квартиру по более низкой цене, но в то же время берет на себя некоторые риски (правда, были и противники идеи данного договора, утверждавшие, что застройщик «торгует воздухом»)². При замещении финансирования строительства гражданами банковским финансированием риски перекладываются на банк, но стоимость жилья возрастает. Поэтому, несмотря на льготы по ипотеке, гражданам стало сложнее решать жилищный вопрос.

В соответствии с п. 4 ст. 15.5 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» денежные средства на счет эскроу вносятся после регистрации договора участия в долевом строительстве на срок условного депонирования денежных средств, который не может превышать более чем на шесть месяцев срок ввода в эксплуатацию многоквартирного дома.

Практика такова, что если дом не введен в эксплуатацию вовремя и не заключено дополнительное соглашение к договору участия в долевом строительстве о продлении этого срока, то счет эскроу закрывается в связи с истечением его срока, а деньги возвращаются дольщику. В связи с этим автоматически расторгается и договор долевого участия в строительстве. То есть при просрочке ввода в эксплуатацию дома более шести месяцев дольщик вместо квартиры может получить обратно только свои обесценившиеся деньги, если не заключит дополнительное соглашение с застройщиком. Но при заключении дополнительного соглашения о продлении срока ввода в эксплуатацию дома теряется право на неустойку за просрочку исполнения обязательства застройщика.

¹ См., напр.: Кирсанов А. Р. Законодательство о долевом строительстве: прошлое, настоящее и будущее // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. № 6. С. 64–74 // СПС «КонсультантПлюс».

² См., напр.: Участие в долевом строительстве: неразрешенные проблемы // Закон. 2017. № 4. С. 20.

Но даже если договор долевого участия был заключен до начала обязательного использования счетов эскроу, право на неустойку дольщика нередко нарушается. Так, распространена практика уменьшения судами требуемой дольщиком неустойки на основании ст. 333 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) с обоснованием, что «неустойка явно несоразмерна последствиям нарушенного обязательства»³. Высшие судебные инстанции критикуют подобный подход, но нижестоящие суды все равно нередко его применяют.

Таким образом, правила о банковском финансировании застройщиков приводят к нарушению жилищных прав дольщиков. В последние два года стоимость квартир в новостройках выросла почти вдвое. Дольщик, получивший обратно внесенные на счет эскроу деньги, уже не сможет решить с их помощью свою жилищную проблему. Представляется, что необходимо вернуться к обеспечению обязательств застройщика путем внесения взносов в компенсационный фонд и отказаться от использования счетов эскроу.

Еще одна проблема связана с тем, что Жилищный кодекс РФ (ЖК РФ) допускает выселение граждан из занимаемых ими жилых помещений. Статьи 90 и 91 ЖК РФ устанавливают узкий круг оснований выселения граждан из жилого помещения, занимаемого ими по договору найма жилого помещения, в качестве санкции за неправомерное поведение (невнесение наемной платы без уважительных причин более шести месяцев, а также использование жилого помещения не по назначению, систематическое нарушение прав и законных интересов соседей или бесхозяйственное обращение с жилым помещением). Статья 293 ГК РФ предусматривает прекращение права собственности на жилое помещение также только в исключительных случаях, например, когда систематически нарушаются права и интересы соседей. Выселение из жилого помещения в любом случае возможно только в судебном порядке.

Статья 90 ЖК РФ предполагает выселение с предоставлением другого жилого помещения площадью не менее 6 кв. м жилой площади на человека. Статья 91 закрепляет возможность выселения без предоставления другого жилого помещения. Статья 293 ГК РФ предусматривает, что собственнику передается вырученная от продажи его жилья сумма за вычетом расходов на проведение торгов.

В пункте 16 Замечания общего порядка № 7 «Право на достаточное жилище (п. 1 ст. 11 пакта): принудительные выселения», принятого Комитетом ООН по экономическим, социальным и культурным правам в 1997 г., сказано: «Выселения не должны приводить к появлению бездомных лиц или лиц, уязвимых с точки зрения нарушения других прав человека».

Конституционный Суд РФ еще в период действия ЖК РСФСР признавал неконституционными некоторые его нормы, приводившие к появлению бездомных. Так, Постановлением Конституционного Суда РФ от 23 июня

---

³ См., напр.: Гаврилова И.Н. Проблема правового обеспечения прав граждан на жилище в современной России: социологический подход // Правовые вопросы недвижимости. 2019. № 2. С. 3–7 // СПС «КонсультантПлюс».

1995 г. № 8-П⁴ были признаны не соответствующими ст. 40 (ч. 1) и 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации положения ч. 1 и п. 8 ч. 2 ст. 60 Жилищного кодекса РСФСР, допускавшие лишение гражданина (нанимателя жилого помещения или членов его семьи) права пользования жилым помещением в случае временного отсутствия, а положение п. 8 ч. 2 ст. 60 Жилищного кодекса РСФСР — также ст. 19, 46 (ч. 1) Конституции Российской Федерации. Конституционный суд постановил, что временное отсутствие гражданина (нанимателя жилого помещения или членов его семьи), в том числе в связи с осуждением к лишению свободы, само по себе не может служить основанием лишения права пользования жилым помещением.

Другой пример — Постановление Конституционного Суда РФ от 25 апреля 1995 г. № 3-П⁵, которое признало содержащееся в ч. 1 ст. 54 Жилищного кодекса РСФСР положение об «установленном порядке» как процедуре вселения в жилое помещение при условии соблюдения режима прописки не соответствующим по содержанию ст. 18, 19 (ч. 1), 27 (ч. 1), 40 (ч. 1) и 55 (ч. 2 и 3) Конституции Российской Федерации.

Российское законодательство допускает также выселение из самовольно занятых жилых помещений и из самовольных построек. В этих ситуациях у человека не возникает правового основания пользования жилым помещением.

Круг проблем, связанных с правом на жилище, очень велик. Здесь были представлены лишь некоторые из них, которые вызывают наибольший отклик в научном сообществе.

Пушкина А.В.,
старший научный сотрудник сектора гражданского права,
гражданского и арбитражного процесса
Института государства и права Российской академии наук,
кандидат юридических наук
(г. Москва)

Литература

1. Гаврилова И.Н. Проблема правового обеспечения прав граждан на жилище в современной России: социологический подход / И.Н. Гаврилова // Правовые вопросы недвижимости. 2019. № 2.
2. Кирсанов А.Р. Законодательство о долевом строительстве: прошлое, настоящее и будущее / А.Р. Кирсанов // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. № 6.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 23 июня 1995 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности части первой и пункта 8 части второй статьи 60 Жилищного кодекса РСФСР в связи с запросом Муромского городского народного суда Владимирской области и жалобами граждан Е.Р. Такновой, Е.А. Оглоблина, А.Н. Вашука».

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 25 апреля 1995 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л.Н. Ситаловой».

Роль гражданского права в обеспечении интересов и автономии воли человека как основы его благосостояния в условиях цифровизации общественных отношений

Право связано с социальным пониманием благополучия. Однако следует отметить, что им не исчерпывается его определение. Благополучие имеет нравственно-этическое измерение и с позиции смыслового наполнения, возможно, является приоритетным, определяющим содержание остальных аспектов. Вслед за философами прошлого современные зарубежные и отечественные исследователи считают, что «главным механизмом обеспечения благополучия является создание всех необходимых условий для формирования в человеке таких качеств личности, ценностных ориентаций и установок, которые способствуют поддержанию согласия с миром и собой, уважения к окружающим людям, культуре, традициям, ценностям своего народа»¹.

Эти философские выводы подтверждаются социологическими исследованиями. Так, кросс-секционные сравнения наций американского социолога и политолога, создателя социологической теории постматериализма Р. Инглхарта показывают нелинейную зависимость уровня счастья от темпов экономического роста: «Существует порог, при котором экономический рост более не приносит значительное увеличение уровня субъективного благополучия»². Важно отметить, что при достижении высокого уровня экономического развития благополучие определяется по степени индивидуальной автономии при уменьшении роли внешних авторитетов.

Представляется, что указанные выводы, конечно, не могут быть оценены в качестве последней истины, но они точно подтверждают значимость для благосостояния человека автономии личности, которая прежде всего определяется через автономию его воли.

Именно автономия воли человека, понимаемая как свободное усмотрение сторон, становится в современном мире наиболее ценным ресурсом,

---

¹ Современные теории социального благополучия : учебное пособие / Л.Г. Гусякова, И.В. Гайдай, Г.В. Говорухина [и др.] ; под ред. Л. Г. Гусяковой. М. : Изд-во «Русайнс», 2015. 236 с.; Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя / Э. Фромм ; пер. с англ. Д.Н. Дудиной. М., 2000. 672 с.; Тульчинский Г.Л. Философия поступка: самоопределение личности в современном обществе. СПб. : Алетейя, 2020. С. 414.

² Смирнова Ж. Бежать, чтобы оставаться на месте // Экспертный сайт Высшей школы экономики. URL: <https://iq.hse.ru/news/177671281.html> (дата обращения: 05.12.2012).

поскольку в условиях электронно-цифрового технологического уклада позволяет основную производительную силу — человеческий труд использовать на безвозвратной основе, т.е. эксплуатировать его. При этом основной риск для пользователей экосистем — это резкое снижение возможности выбора. Кроме того, возможно «дополнение индивидуального предложения (когда алгоритмы подбирают потенциально интересные продукты на основе предыдущих покупок и предпочтений) индивидуальным ценообразованием: ведь за нужный продукт в нужное время потребитель готов платить больше, чем за менее важную или менее срочную покупку»³. А «получение экосистемой большого объема данных о потребительских привычках и ежедневных покупках клиента, изучение паттерна поведения клиента и соответствующая настройка адресной (таргетированной) рекламы в перспективе могут привести к тому, что в условиях все ускоряющегося ритма жизни и дефицита времени потребитель будет почти автоматически соглашаться на предложения продуктов и услуг от экосистемы». Это угрозы, которые существуют помимо проблемы снижения конкуренции на рынках⁴.

Банк России в докладе для общественных консультаций, опубликованном в апреле 2021 г. констатировал, что «российская экономика переходит на платформенные модели и экосистемы, как и остальной мир», отметив также обозначенные выше угрозы⁵. При этом для минимизации рисков отмечается необходимость скорейшего адаптирования правового регулирования отношений, складывающихся в рамках платформ и экосистем.

Следует отметить, что схожие угрозы, приводящие к несовпадению воли и волеизъявления при совершении сделок, достаточно эффективно устраняются с помощью ряда положений гражданского законодательства. Так, в ст. 177–179 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) определяется, что сделка признается недействительной в связи с тем, что она совершена гражданином, не способным понимать значение своих действий или руководить ими, под влиянием существенного заблуждения, под влиянием обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств. При этом подразумевается, что лицо обладает разумом и волей, которые в целом направлены

³ «Важно, что в силу особенностей электронных продаж (клиент видит определенный интерфейс и обычно не может сравнить его с тем, как видит тот же интерфейс кто-то другой) потребитель может и не узнать о практиках дискриминационного ценообразования или иного манипулирования информацией со стороны экосистемы». См.: Смирнова Ж. Указ. соч.

⁴ Там же.

⁵ Экосистемы: подходы к регулированию : доклад для общественных консультаций (апрель 2021 г.). С. 5. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/119960/Consultation_Paper_02042021.pdf

на конструктивные последствия как для себя, так и для окружающих: ведь никто не будет действовать против своих интересов. Однако понимание последних меняется.

В современной философии отмечается, что «с конца XX века стало очевидным, что управлять можно не только путем сокрытия информации, обмана, фальсификации фактов. Можно просто лишить человека самой возможности свободного и самостоятельного суждения путем навязывания ему теорий, понятий, картин мира, их понятийной перекодировки»⁶. Таким образом, воля и волеизъявление сохраняют единство и сами по себе не деформированы. Однако лица, сохраняя вменяемость, действуют, по сути, против своего интереса, вступая в отношения, в рамках которых удовлетворяют их псевдопотребности: приобретают ненужные товары, выступают заказчиками ненужных им работ и услуг. Наиболее ярким примером здесь могут выступать онлайн-игры, которые не относятся к азартным играм, поскольку в них «отсутствует условие о "выигрыше"»⁷. Моделируемые в них псевдопотребности удовлетворяются посредством совершения многочисленных сделок в связи с монетизацией ресурса.

Очевидно, что действия, которые деформируют потребности, противоречат общественным интересам и потому должны влечь ответственность, имеющую прежде всего публичный характер, определяясь в положениях административного и уголовного законодательства. Вместе с тем и в рамках гражданского права также необходимо предусмотреть положения, определяющие последствия манипулирования интересами пользователей, в частности установить специфические меры защиты и ответственности. Аналогом здесь может выступать законодательство о защите прав потребителей.

Вместе с тем, следует разграничивать потребителей и пользователей, которые и выступают объектом манипулирования в социальных сетях, экосистемах и платформах, в том числе и игровых. Несмотря на то что пользователь, как и потребитель, действует для удовлетворения личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности (абз. 3 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защи-

---

⁶ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995; Тульчинский Г.Л. Указ. соч. С. 705.

⁷ Речи идет о денежных средствах или ином имуществе, в том числе имущественных правах, подлежащих выплате или передаче участнику азартной игры при наступлении результата азартной игры, предусмотренного правилами, установленными организатором азартной игры, в связи с чем отсутствует существенное условие «азартной игры» или «пари». См.: Бурибаев Т.Н., Гачина А.А. World of Lawcraft. Вопросы защиты прав пользователей онлайн-игр // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 2 (32). С. 110–127.

те прав потребителей»), пользователь дает согласие на использование своих персональных данных в качестве своеобразной «платы» за использование программы для ЭВМ и базы данных. Именно доступ к персональным данным и дает возможность владельцам агрегаторов воздействовать на сознание пользователей, делая их слабой стороной.

Пользователем выступает лицо, заключающее так называемое пользовательское соглашение (англ. *end-user license agreement* — «лицензионное соглашение с конечным пользователем»); сокращается до *EULA*). Правовая природа пользовательских соглашений не ясна: в действующем российском законодательстве отсутствует их определение.

В таком договоре предусматривается порядок использования электронно-цифровой системы: права и обязанности пользователя и владельца системы, порядок использования функционала и контента системы, ограничение ответственности владельца системы и мн. др. Как правило, неотъемлемой частью пользовательского соглашения выступают лицензия на использование программы для ЭВМ и баз данных, так называемая политика конфиденциальности, а также условия использования отдельных сервисов. Исследователями отмечается, что, несмотря на исходную ситуацию, в которой сформировались указанные соглашения, только их часть может относиться к лицензионным договорам⁸. Очевидно, что пользовательское соглашение представляет собой договор возмездного оказания услуг, встречное предоставление, которое выражается в раскрытии пользователем своих персональных данных как сведений о своей частной жизни.

Соответственно, пресечение нарушений возможно посредством запрета использовать персональные данные в ущерб интересам лица, давшего согласие на их обработку. В пункте 1 ст. 9 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» установлено, что пользователь принимает решение о предоставлении его персональных данных и дает согласие на их обработку свободно, своей волей и в своем интересе. Однако это положение не должно толковаться так, что позволяет снимать ответственность с тех, кто обрабатывает персональные данные, ведь лицо не может быть согласно с противоправным или причиняющим вред ему или иным лицам использованием своих персональных данных.

⁸ Глонина В.Н. Не все то лицензия, что ею зовется: проблемные аспекты правового регулирования отношений между пользователями и цифровыми сервисами // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2019. № 24. С. 43–53; Данилов И.С. Game over: серьезный вопрос о роли права в мире видеоигр // Предпринимательское право. 2021. № 1. С. 53–58. См.: Решение Арбитражного суда г. Москвы от 8 апреля 2015 г. по делу № А40-56211/14-90-70. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/bc73d104-4358-403a-89bf-12bc4557f448>

Очевидно, что навязанность интереса должна вести к признанию как согласия пользователя на обработку персональных данных, так и сделки, опосредующей оказание услуг в рамках информационной, ничтожными в связи с их антисоциальным характером (ст. 169 ГК РФ). Кроме того, очевидно, что в случае причинения навязанностью интереса вреда пользователю он может быть возмещен в соответствии с соответствующими положениями гл. 59 и 60 ГК РФ.

Родионова О.М.,
профессор кафедры гражданского права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, доцент
(г. Москва)

Литература

1. Бергер П. Социальное конструирование реальности : Трактат по социологии знания : перевод / П. Бергер, Т. Лукман. Москва : Московский философский фонд, 1995.
2. Бурибаев Т.Н. World of Lawcraft. Вопросы защиты прав пользователей онлайн-игр / Т.Н. Бурибаев, А.А. Гачина // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 2 (32).
3. Глонина В.Н. Не все то лицензия, что ею зовется: проблемные аспекты правового регулирования отношений между пользователями и цифровыми сервисами / В.Н. Глонина // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2019. № 24.
4. Данилов И.С. Game over: серьезный вопрос о роли права в мире видеоигр / И.С. Данилов // Предпринимательское право. 2021. № 1.
5. Смирнов К.В. «Бежать, чтобы оставаться на месте...» / К.В. Смирнов // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 2012. 5 декабря.
6. Современные теории социального благополучия : учебное пособие / Л.Г. Гусякова [и др.] ; под редакцией Л.Г. Гусяковой. Москва : Русайнс, 2015.
7. Тульчинский Г.Л. Философия поступка: самоопределение личности в современном обществе / Г.Л. Тульчинский. Санкт-Петербург : Алетейя, 2020.
8. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя / Э. Фромм ; перевод с английского Д.Н. Дудиной. Москва : Попурри, 2001.

Договорные обязательства в период пандемии

Актуальность темы исследования обусловлена наличием спорных вопросов в договорных отношениях в связи с возникновением новой проблемы — пандемии коронавируса COVID-19. Вторжение данного вируса поразило не только иммунную систему граждан, но и правовую систему государства. Возникшие обстоятельства заставили законодателя по-новому взглянуть на вопросы исполнения обязательств, искать решения проблем как исходя из уже существующих норм, так и принимая новые законы и меры поддержки граждан. Одной из наиболее острых правовых проблем является надлежащее исполнение договорных обязательств.

Во многих субъектах РФ эпидемия коронавируса была признана обстоятельством непреодолимой силы, что послужило поводом для многочисленных споров и обращений предпринимателей о признании обстоятельств форс-мажором¹. Бизнесмены полагают, что признание форс-мажора не только освободит от штрафных санкций, но и вполне легально позволит уйти от исполнения обязательства.

Понятие форс-мажора (обстоятельства непреодолимой силы) уже долгое время известно российскому законодательству, однако до пандемии коронавируса его признание считалось довольно редким, а в 2020 г. данное явление приобрело чуть ли не массовый характер. Свыше 95% запросов предпринимателей касательно получения заключений об обстоятельствах непреодолимой силы по внутрироссийским контрактам были отклонены, так как не являлись форс-мажором. Данную информацию предоставил 6 апреля 2020 г. глава Торгово-промышленной палаты (ТПП) России Сергей Катырин. Одновременно с этим президент Московской ТПП Владимир Платонов заявил, что для разрешения спорных вопросов, касающихся исполнения обязательств, привлекаются специалисты-медиаторы². Медиация как способ досудебного урегулирования споров, по мнению Платонова, должна помочь в сложной ситуации с контрагентами.

В данной статье предлагается разобрать основные, по мнению автора, аспекты, на которые стоит обратить внимание при обсуждении вопроса договорных обязательств в период пандемии коронавируса.

¹ В данной статье термины «обстоятельства непреодолимой силы» и «форс-мажор» используются как синонимы.

² ТПП отклонила 95% обращений о признании форс-мажора из-за COVID-19 // PRAVO.RU : справочно-правовая система. 2021. URL: <https://pravo.ru/news/220286/> (дата обращения: 21.10.2021).

Первым аспектом предлагается считать соблюдение досудебного порядка урегулирования спора. На стадии заключения договора при выявлении сторонами возможных рисков, связанных с надлежащим исполнением обязательств, необходимо прописать порядок урегулирования споров, относясь к этому не с формальной точки зрения, а с соблюдением необходимых требований, установленных законодательством.

Так, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» прямо указывает на обязательное досудебное урегулирование споров об изменении и расторжении договора³.

При этом досудебное регулирование должно включать в себя не только общепринятую претензию, но и вполне конкретные процедуры, которые докажут, что стороны сделали все возможное, чтобы прийти к соглашению. К данным процедурам законодатель относит: переговоры, медиацию, обращение к финансовому уполномоченному по правам потребителей финансовых услуг или в органы государственной власти.

Также Пленум разъясняет: при предъявлении встречного иска соблюдения досудебного порядка не требуется, так же как и для третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора.

Вторым аспектом предлагается считать установление факта обстоятельств непреодолимой силы, отказ от исполнения обязательства. Если сторонам, несмотря на все принятые меры досудебного урегулирования, не удалось прийти к общему решению, придется действовать через суд.

Верховный суд разъяснил, что наличие обстоятельств непреодолимой силы устанавливается только с учетом обстоятельств конкретного дела в каждом отдельном случае. Согласно ст. 401 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) обстоятельства, которые вызваны угрозой распространения коронавирусной инфекции, и меры органов государственной власти и местного самоуправления по ограничению ее распространения могут быть признаны форс-мажором, если будет установлено, что именно они явились препятствием для исполнения обязательства⁴.

---

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.10.2021).

⁴ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.10.2021).

Таким образом, только суд при рассмотрении конкретного дела на основании всей совокупности доказательств сможет решить, считать ли форс-мажором обстоятельства, которые помешали должнику исполнить его обязательство. Суд выяснит, мог ли должник предотвратить препятствия, мешающие ему исполнить договорные обязательства.

Однако стоит отметить, что признание обстоятельства форс-мажором вовсе не освобождает должника от его исполнения, а только позволит ему уйти от ответственности за неисполнение, т.е. с момента установления форс-мажора с должника, нарушившего обязательство, уже нельзя взыскать неустойку или убытки, а также проценты по ст. 395 ГК РФ.

Исходя из вышеизложенного, логично утверждать, что отказ от исполнения договорных обязательств в связи с установлением обстоятельств непреодолимой силы недопустим.

Третьим аспектом является изменение и расторжение договора. До пандемии коронавируса конструкция ст. 451 ГК РФ судами использовалась редко, однако пандемия заставила «обратить внимание» на данную норму, вследствие этого суды стали рассматривать распространение коронавирусной инфекции как существенное изменение обстоятельств.

Анализируя судебную практику, можно сделать вывод о том, что каждая сторона правоотношения хочет выйти из него с минимальными для себя потерями, но правильно оценить действительный риск и последствия применения той или иной правовой нормы под силу далеко не всем организациям. Поэтому важно отметить еще один момент: при существенном изменении обстоятельств в большинстве случаев договор будет расторгнут, а не изменен, так как сохранение договора при изменении условий возможно лишь в исключительных случаях: расторжение договора будет противоречить общественным интересам либо повлечет для сторон ущерб, значительно превышающий затраты, необходимые для исполнения договора на измененных судом условиях⁵.

Также стоит учитывать, что даже расторжение договора не является основанием для прекращения обязанностей сторон: при расторжении договора вследствие существенно изменившихся обстоятельств суд по требованию любой из сторон определяет последствия расторжения договора, исходя из необходимости справедливого распределения между сторонами расходов, понесенных ими в связи с исполнением этого договора⁶.

---

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с посл. изм. и доп.). П. 4 ст. 451 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.10.2021).

⁶ Там же. П. 3 ст. 451.

Кроме того, при расторжении договора через суд придется обратить внимание еще на два обстоятельства: договор прекратится только с момента, когда судебное решение вступит в законную силу⁷, а сам судебный процесс может занять несколько месяцев.

В заключение данной статьи автор приходит к следующим выводам. На стадии заключения договора стоит обратить внимание на досудебное урегулирование споров, прописать четкий механизм взаимодействия сторон при возникновении разногласий. Признание форс-мажора устанавливается только судом с учетом обстоятельств каждого конкретного дела, однако даже признание обстоятельств непреодолимой силы не является основанием для освобождения от исполнения обязательства. Признание форс-мажора освобождает должника только от ответственности за неисполнение обязательства.

Рожкова Е.А.,
юрисконсульт
ООО «Транспортно-производственная компания “Промтехдепо”»
(г. Москва)

---

⁷ Там же.

Роль товариществ собственности недвижимости в обеспечении жилищных прав граждан

Товарищества собственников недвижимости играют большую роль в обеспечении жилищных прав граждан. Причем в данном случае речь идет преимущественно об одном из наиболее распространенных его видов — товариществах собственников жилья. Безусловно, к видам товариществ собственников недвижимости относятся и иные, например, садоводческие некоммерческие товарищества, в которых также ряд граждан регистрируются по месту жительства в своих домах, расположенных на территории соответствующего товарищества, но наибольшую роль в развитии жилищных прав граждан играют товарищества собственников жилья¹.

Поэтому в данной статье речь пойдет в первую очередь именно об этих юридических лицах. Итак, будучи одним из видов товариществ собственников недвижимости, товарищества собственников жилья выступают и в качестве способа управления многоквартирным домом. Насколько эффективно в данном случае строится вопрос об управлении многоквартирным домом, рассуждать достаточно сложно, ведь товарищества собственников жилья выступают одним из трех способов управления многоквартирным домом (наряду с управлением управляющей организацией и непосредственным управлением многоквартирным домом), каждый из которых имеет свои плюсы и минусы.

При этом исторически, с учетом того что товарищества собственников жилья выступили одним из наиболее распространенных способов, данные юридические лица, на наш взгляд, наиболее приспособлены к обеспечению жилищных прав граждан. Однако следует обратить внимание, что, несмотря на право граждан вступать в различные объединения, до 1998 г. членство в таких товариществах носило обязательный («автоматический») характер. Но Конституционный Суд РФ в Постановлении от 3 апреля 1998 г. № 10-П² признал действовавшие на тот момент положения п. 4 ст. 32 Федерального закона «О товариществах собственников жилья» неконституционными, тем самым подтвердив добровольный порядок вступления в члены товарищества.

Товарищества собственников жилья — важнейшие участники в обеспечении жилищных прав граждан, поскольку благодаря данным юридическим лицам осуществляются управление многоквартирным домом, распоряжение

¹ Тихомиров М.Ю. Товарищество собственников жилья: новые требования законодательства. М. : Тихомиров, 2014. С. 59–60.

² Пушкина А.В. Защита права на свободу ассоциаций в контексте обеспечения устойчивого развития // Стратегия устойчивого развития: экологические права и другие компоненты / отв. ред. Т.А. Сошникова, Н.В. Колотова, Е.Е. Пирогова : материалы международной научно-практической конференции. М. : Изд-во Московского гуманитарного университета, 2018. С. 162.

общим имуществом собственников, а также достижение иных целей в сфере жилья, ради которых оно создано.

Проводя параллели между товариществами собственников жилья и садоводческими некоммерческими товариществами — не только как наиболее распространенными видами товариществ собственников жилья, но и как юридическими лицами, тесным образом связанными с возможностью обеспечения жилищных прав граждан, важно отметить следующее. Безусловно, в домах, расположенных на территории садоводческого некоммерческого товарищества, находящихся на праве собственности, можно регистрироваться по месту жительства. Однако для того, чтобы это сделать, садовый дом нужно перевести в жилой. Безусловно, процедуру перевода упростили, и теперь она носит уведомительный характер, однако ее следует в любом случае выполнить³.

Кроме того, проживание в домах на территории садоводческого некоммерческого товарищества связано и с нюансами предоставления электричества, периодичностью вывоза мусора с территории товарищества и т.п. Поэтому для проживания в данном виде товариществ имеют значение не только условия организации и управления товариществом, но и сезонность, а также настрой на обеспечение защиты своих прав самими участниками товарищества, поскольку в любом товариществе необходимо формировать еще эффективные механизмы контроля, во избежание расхищения имущества и т.п., что приводит к нарушению прав участников и необходимости обращения в суд.

В этой связи в более выгодном положении находится товарищество собственников жилья, ведь многоквартирные дома построены по другому принципу, и их правовой режим закреплен в нормах жилищного законодательства. Товарищества собственников жилья — специализированные юридические лица по обеспечению жилищных прав граждан. Однако и в данном случае возможны обращения в суд за защитой прав участников товариществ, например, при необоснованном или неправомерном взимании дополнительных взносов с участников товарищества, не предусмотренных законодательством.

При этом, будучи собственниками жилых помещений, участники товариществ вполне могут предоставлять свои жилые помещения по договорам найма иным лицам, что будет создавать условия для обеспечения жилищных прав и иных граждан (нанимателей жилых помещений). Также могут предоставляться в аренду и объекты общего имущества в многоквартирном доме или имущества общего пользования в садоводческом некоммерческом товариществе, если это не нарушает прав иных участников рассматриваемых правоотношений⁴.

---

³ Постановление Правительства РФ от 28 января 2006 г. № 47 (ред. от 27.07.2020) «Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом» // СЗ РФ. 2006. № 6. Ст. 702.

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 5 декабря 2019 г. № 3273-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2020. № 1.

Далее интересно обратить внимание и на тот факт, что, поскольку перечень видов товариществ собственников недвижимости исчерпывающим по действующему законодательству не является, что, на наш взгляд, вполне обоснованно, поскольку перечень видов объектов недвижимого имущества также открытый, вполне могут возникнуть и иные виды товариществ собственников недвижимости, которые будут обеспечивать жилищные права граждан. Так, пока апартаменты не признаны видом жилых помещений, представляется возможным создание товариществ собственников апартаментов. Но, поскольку законодательное регулирование получили в первую очередь лишь указанные выше наиболее распространенные виды товариществ собственников недвижимости, по иным видам товариществ необходима будет дополнительная регламентация в законодательстве.

Таким образом, товарищества собственников недвижимости играют важнейшую роль в обеспечении жилищных прав граждан, предоставляя возможность управления расположенной на их территории недвижимостью, а также для достижения иных целей, ради которых они созданы. При этом каждое товарищество имеет свою специфику, связанную не только с организацией и деятельностью, но и с историческим развитием соответствующего вида товарищества собственников недвижимости. Наибольшую роль в обеспечении жилищных прав играют товарищество собственников жилья и садоводческое некоммерческое товарищество. Возможно и создание иных видов товариществ, обеспечивающих жилищные права граждан. При этом для разрешения проблем новых видов товариществ, представляется, что важно анализировать нюансы действующего законодательства и историко-правового развития наиболее распространенных видов товариществ собственников недвижимости, обеспечивающих реализацию жилищных прав граждан, что позволит минимизировать в дальнейшем проблемы новых видов товариществ.

Саяпина Т.С.,

начальник отдела координации научно-исследовательской деятельности,
старший преподаватель кафедры правовых дисциплин
Московского экономического института,
соискатель Института государства и права Российской академии наук
(г. Москва)

Литература

1. Пушкина А.В. Защита права на свободу ассоциаций в контексте обеспечения устойчивого развития / А.В. Пушкина // Стратегия устойчивого развития: экологические права и другие компоненты : материалы международной научно-практической конференции (г. Москва, 16 мая 2018 г.) / ответственные редакторы : Т.А. Сошникова, Н.В. Колотова, Е.Е. Пирогова. Москва : Изд-во Московского гуманитарного университета, 2018.
2. Тихомиров М.Ю. Товарищество собственников жилья: новые требования законодательства / М.Ю. Тихомиров. Москва : Тихомиров, 2014.

О гражданско-правовых основах участия государства (публично-правовых образований) в гражданских (корпоративных) отношениях

Участие государства (публично-правовых образований) в экономических отношениях, в отношениях имущественного (гражданского) оборота урегулировано большим количеством нормативно-правовых актов. При этом основной массив этих норм вряд ли можно отнести к источникам гражданского права. Объективно эти нормы относятся к источникам конституционного, административного или муниципального права. Поэтому вопросы участия публично-правовых образований в гражданских правоотношениях всегда вызывают большие сложности. С одной стороны, гражданское право должно в достаточной степени урегулировать отношения гражданского оборота, в том числе отношения гражданского оборота с участием государства (публично-правовых образований), с другой — участие государства (публично-правовых образований) в этих отношениях обязывает правоприменителя соблюдать правила, установленные публичным правом.

С точки зрения специально-юридического (функционального) подхода вопросы участия государства (публично-правовых образований) в гражданских правоотношениях должны рассматриваться на основе метода гражданско-правового регулирования, основными признаками которого являются: имущественная обособленность, правовая автономия и юридическое равенство участников этих отношений¹. Кроме того, функциональный подход обязывает во всей многогранности нормативного регулирования отношений гражданского оборота с участием государства (публично-правовых образований) выделять гражданско-правовой аспект.

Прежде всего необходимо определить гражданско-правовую природу государства (публично-правовых образований) как субъекта гражданских правоотношений. На наш взгляд, специальная глава в Гражданском кодексе, посвященная участию государства (публично-правовых образований) в этих отношениях, с этой задачей не справляется. И здесь, по нашему мнению, юриспруденция (цивилистика) ничего особенного предложить не мо-

---

¹ См., напр.: Садриева Р.Р. К вопросу о сущности государства как субъекта гражданского права // Юрист. 2016. № 10. С. 4–8; Садриева Р.Р. Равные начала выступления Российской Федерации с иными участниками гражданских правоотношений // Нотариус. 2018. № 7. С. 17–19.

жет, кроме использования конструкции юридического лица². Речь идет обо всех особенностях механизма гражданско-правового участия государства (публично-правовых образований) как юридического лица в отношениях гражданского оборота. При этом не надо оценивать данный подход как упрощение всей сложности указанного механизма. Мы неоднократно обращали внимание на необходимость понимания юридического лица как правового средства. С этой точки зрения юридическое лицо — это правоотношение, которое возводится самым сложным механизмом правового регулирования в ранг субъекта права³. Соответственно, каждое юридическое лицо, в каждый момент его участия в гражданско-правовых отношениях имеет свою определенную сущность, которое должно нами адекватно восприниматься и учитываться для юридической квалификации его действий как субъекта гражданского права. И эта сущность для каждого юридического лица определяется отношением участия в этом юридическом лице. Для корпораций — это основное корпоративное правоотношение. Для унитарных юридических лиц — это правоотношение учредительства в этом юридическом лице. Отто фон Гирке относил государство к разновидности корпораций, выделял отношения участия граждан в государстве в особую группу корпоративных отношений⁴. Против такого подхода вряд ли можно возразить, так как такая квалификация является объективной закономерностью. Но такой подход будет неизбежно вынуждать включать в сферу гражданского права нормы конституционного (административного, муниципального) права для того, чтобы определить сущность государства (публично-правового образования) применительно к его отдельно взятому действию. И никуда от этого не деться. Так оно на практике и происходит. И опять же это надо рассматривать как объективную закономерность.

Предложенный выше подход как будто бы делает положение контрагентов (всех третьих лиц) в отношениях гражданского оборота с участием государства (публично-правовых образований) очень сложным и весьма нестабильным. Это не так. Для юридической квалификации действий государства (публично-правовых образований), как и любого другого юридического лица, мы должны виртуозно использовать весь инструментарий

² См.: Садриева Р.Р. Федеральные органы государственной власти в механизме участия Российской Федерации в гражданских правоотношениях // Юридический мир. 2017. № 1 (241). С. 25–29; Садриева Р.Р. О юридическом лице публичного права и форме участия Российской Федерации в гражданских правоотношениях // Юридический мир. 2018. № 11 (263). С. 41–43.

³ Подроб. об этом см.: Ушницкий Р.Р. Юридическое лицо как правовое средство // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2021. № 2. С. 37–40.

⁴ См.: Суворов Н.С. О юридических лицах по римскому праву (по изд. 1990 г.). М., 2000. С. 104–107.

механизма гражданско-правового регулирования. Речь идет о распределении рисков, установлении на основе этого распределения соответствующих презумпций. Например, должен ли контрагент государства (публично-правовых образований) нести риски от неразумных или недобросовестных действий должностного лица, представляющего это государство (публично-правовое образование) в отношениях гражданского оборота? Полагаем, что нет, все указанные риски должны лежать на том, кто назначил данное неразумное или недобросовестное лицо на указанную должность и возложил на него указанные функции, т.е. на государстве (публично-правовом образовании). В вопросе действительности сделки с участием государства должны быть установлены такие же презумпции, как и в сделках с участием юридического лица. Соответственно, на сделки с участием государства должны распространяться все общие положения о действительности и недействительности сделок, закрепленные в гл. 9 Гражданского кодекса РФ. В необходимости такого подхода обязывает юридическое равенство не только как принцип гражданского права (в котором могут быть исключения), но и как характеристику метода гражданско-правового регулирования (а здесь отход от равенства автоматически исключает эти отношения из области гражданского права).

Переходя к вопросу об участии государства (публичных образований) в корпоративных отношениях, необходимо, на наш взгляд, сделать следующее пояснение. Корпоративные отношения изначально имеют гражданско-правовую природу, однако этот факт получил официальное подтверждение лишь в 2013 г., когда их «включили» в состав отношений, регулируемых гражданским законодательством (т.е. специально выделили в составе этих отношений)⁵. Неопределенность этого вопроса позволила многим авторам до этого рассуждать на тему особенностей корпоративных отношений, в том числе делать выводы о том, что они имеют отличный от гражданско-правовой природы характер⁶. Надеюсь, что объективная закономерность гражданско-правовой природы корпоративных отношений в настоящий момент никем не оспаривается. Дискуссия на эту тему закрыта. Однако этот вывод (т.е. закрепленное как фундаментальная основа положение), на наш взгляд, никак не повлиял на гражданско-правовое регулирование корпоративных отношений с участием государства (публично-правовых образований).

---

⁵ Подробнее об этом см.: Ушницкий Р.Р. Теория корпоративного права и новелла статьи 2 ГК РФ // Журнал российского права. 2015. № 12. С. 48–58.

⁶ См., напр.: Белых В.С. О корпорациях, корпоративных отношениях и корпоративном праве // Проблемы предпринимательского (хозяйственного) права в современной России : труды ИГП РАН. 2007. № 2. С. 119; Шиткина И. Вопросы корпоративного права в проекте Федерального закона о внесении изменений в Гражданский кодекс РФ // Хозяйство и право. 2012. № 6. С. 3–31.

До сих пор здесь мы встречаем явные и скрытые противоречия методу гражданско-правового регулирования. Соответственно, в судебной практике мы наблюдаем решения, которые принимаются вопреки принципам равенства, правовой автономии, в итоге противоречат самой идее справедливости⁷.

Выше мы указали, что в регулировании корпоративных отношений с участием государства (публично-правовых образований) до сих пор нет полного воплощения всех признаков метода гражданско-правового регулирования. Например, право на «золотую акцию»⁸. Когда речь идет о корпорациях, гражданско-правовая природа отношений участия в них предполагает действие всех принципов гражданского права, в первую очередь принципа равенства, что обязывает предоставить одинаковые правовые возможности всем участникам корпораций. Если есть экономический смысл существования корпораций, в которых один участник имеет особый статус, закрепляемый «золотой акцией», и это является особым свойством корпорации, которое влияет на ее инвестиционную привлекательность, то почему бы всем участникам гражданского оборота не дать возможность право использовать такую конструкцию. Не видим здесь каких-либо препятствий для свободного использования права на «золотую акцию». Однако государство право на конструкцию корпорации с правом одного из участников на «золотую акцию» сохраняет исключительно для себя. Если же нет экономического смысла существования таких корпораций, то право на «золотую акцию» следует отменить. Государство, как и всякий «мажоритарий», должно иметь право сохранить корпоративный контроль над акционерным обществом обычным путем — концентрацией в своих руках контрольного пакета акций этого общества.

Главной проблемой является, на наш взгляд, использование государством эксклюзивных прав на особые организационно-правовые формы

⁷ Определение Конституционного суда РФ от 15 декабря 2000 г. № 251-О «По запросу Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) о проверке конституционности Федерального закона “О внесении изменений и дополнений в статью 3 Федерального закона “О государственных долговых товарных обязательствах”» // СПС «КонсультантПлюс: Судебная практика»; Определение Конституционного суда РФ от 5 июля 2005 г. № 297-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества “Центральная телекоммуникационная компания” на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 2 статьи 124 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс: Судебная практика»; Определение Верховного Суда РФ от 9 января 2018 г. № 309-ЭС17-19353 по делу № А07-13989/2016 // СПС «ГАРАНТ» (Текст официально опубликован не был).

⁸ См., напр.: Ламбаев Ж.Т. Участие Российской Федерации в хозяйственных обществах: гражданско-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Екатеринбург, 2018.

юридических лиц, как правило унитарных⁹. Понимаем, что выделение унитарных юридических лиц как дихотомического антипода корпорациям имело целью в том числе вывести отношения учредительства в унитарных юридических лицах из-под действия норм гражданского права, исключить необходимость соблюдать требования метода гражданско-правового регулирования (равенства, правовой автономии, имущественной обособленности) в этих отношениях. Полагаем, что обязательно найдутся критики, которые скажут, что тут нет корпоративных отношений, соответственно, это не гражданское право (в конце концов обвинят нас в элементарной неграмотности). В качестве возражений на подобную критику заявляем, что отношения учредительства в унитарном юридическом лице объективно имеют гражданско-правовую природу. Унитарное юридическое лицо с точки зрения функций гражданского права (функционального подхода) создается исключительно для участия в гражданском обороте, поэтому для гражданского права это такое же правовое средство, которое используется участниками для своего опосредованного участия в гражданском обороте. Соответственно, полагаем, что права на использование таких правовых средств должны предоставляться на равных началах всем участникам гражданско-правовых отношений. А государство (публично-правовые образования) может получить эксклюзивные права на использование особых организационно-правовых форм юридических лиц только при соблюдении требований ст. 1 Гражданского кодекса РФ о том, что «гражданские права могут быть ограничены на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

Ушницкий Р.Р.,

декан юридического факультета

Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова,

кандидат юридических наук, доцент

(Республика Саха, г. Якутск)

Литература

1. Белых В.С. О корпорации, корпоративных отношениях и корпоративном праве / В.С. Белых // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2007. № 2.

---

⁹ Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 317-ФЗ «О Государственной корпорации по атомной энергии “Росатом”» (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2007. № 49. Ст. 6078; Федеральный закон от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 52 (часть I). Ст. 5029.

2. Ламбаев Ж.Т. Участие Российской Федерации в хозяйственных обществах: гражданско-правовой аспект : диссертация кандидата юридических наук / Ж.Т. Ламбаев. Екатеринбург, 2018.
3. Садриева Р.Р. К вопросу о сущности государства как субъекта гражданского права / Р.Р. Садриева // Юрист. 2016. № 10.
4. Садриева Р.Р. О юридическом лице публичного права и форме участия Российской Федерации в гражданских правоотношениях / Р.Р. Садриева // Юридический мир. 2018. № 11 (263).
5. Садриева Р.Р. Равные начала выступления Российской Федерации с иными участниками гражданских правоотношений / Р.Р. Садриева // Нотариус. 2018. № 7.
6. Садриева Р.Р. Федеральные органы государственной власти в механизме участия Российской Федерации в гражданских правоотношениях / Р.Р. Садриева // Юридический мир. 2017. № 1 (241).
7. Суворов Н.С. О юридических лицах по римскому праву (по изд. 1990 г.) / Н.С. Суворов. Москва : Статут, 2000.
8. Ушницкий Р.Р. Теория корпоративного права и новелла статьи 2 ГК РФ / Р.Р. Ушницкий // Журнал российского права. 2015. № 12.
9. Ушницкий Р.Р. Юридическое лицо как правовое средство / Р.Р. Ушницкий // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2021. № 2.
10. Шиткина И. Вопросы корпоративного права в проекте Федерального закона о внесении изменений в Гражданский кодекс РФ / И. Шиткина // Хозяйство и право. 2012. № 6.

К вопросу об оценочных понятиях в законоположениях об обязательной доле в наследстве

Обязательная доля в наследстве является очень важным институтом отечественного наследственного права. При рассмотрении данной законодательной конструкции, на наш взгляд, особого внимания заслуживают оценочные понятия, содержащиеся в нормах об обязательной доле в наследстве (ст. 1149 Гражданского кодекса РФ; далее — ГК РФ).

Первыми среди обозначенных понятий являются «нетрудоспособные дети наследодателя», «его нетрудоспособные супруг и родители», а также «нетрудоспособные иждивенцы наследодателя».

«Единого легального определения круга нетрудоспособных, используемого во всех случаях, когда с фактом нетрудоспособности связываются правовые последствия, нет. В различных законах с оговоркой для целей соответствующего закона приводимые перечни нетрудоспособных лиц не совпадают. Вопрос о трудоспособности в отечественном правопорядке традиционно относится к сфере законодательства о пенсионном обеспечении, определяющего условия назначения пенсии по инвалидности, по случаю потери кормильца или по старости. Цивилистическая доктрина выступает преимущественно за применение этих правил по аналогии в наследственном праве, в частности в отношении условий нетрудоспособности законных наследников»¹.

Пункт 31 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании»² (далее — Пленум, Пленум ВС № 9) разъясняет, что в рассматриваемой ситуации к нетрудоспособным относятся: «Несовершеннолетние лица (п. 1 ст. 21 ГК РФ); граждане, достигшие возраста, дающего право на установление трудовой пенсии по старости (пункт 1 статьи 7 Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ “О трудовых пенсиях в Российской Федерации”) вне зависимости от назначения им пенсии по старости. Лица, за которыми сохранено право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости (ст. 27 и 28 названного Федерального закона), к нетрудоспособным не относятся; граждане, признанные в установленном порядке инвалидами I, II или III группы (вне зависимости от назначения им пенсии по инвалидности)»³.

¹ Блинков О.Е., Борисова Е.Н. Понятие, сущность и основания иждивения (наследственно-правовой аспект) // Наследственное право. 2008. № 4 // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Там же.

До недавнего времени возраст, дающий право на пенсионное обеспечение, для мужчин составлял 60 лет, для женщин — 55 лет⁴. Несмотря на то что пенсионный возраст, в соответствии с Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «О страховых пенсиях»⁵, в настоящее время установлен в 65 и 60 лет (для мужчин и женщин соответственно), разъяснения Пленума актуальности не утратили. Обусловлено это новой редакцией ст. 8.2 Федерального закона от 26 ноября 2001 г. № 147-ФЗ «О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»⁶, согласно которой «Правила о наследовании нетрудоспособными лицами, установленные статьей 1148, пунктом 1 статьи 1149 и пунктом 1 статьи 1183 Гражданского кодекса Российской Федерации, применяются также к женщинам, достигшим пятидесятипятилетнего возраста, и мужчинам, достигшим шестидесятилетнего возраста»⁷.

Любопытно отметить, что во многих странах западного мира пенсионный возраст как для мужчин, так и для женщин одинаков. К примеру, в Великобритании, Швеции, Канаде, Чехии, Испании он, как правило, составляет 65 лет. В Норвегии, Германии, Дании — 67 лет. Как отмечает профессор М.Л. Захаров, «различия в возрастном пенсионном цензе по признаку пола (гендеру) многие специалисты уже давно признают необоснованными. Ведь право на страховую пенсию по старости предоставляется в связи с достижением определенного возраста, когда обычно наступают затруднения в осуществлении дальнейшей трудовой деятельности у многих людей. Возрастные изменения характерны для всех людей, они связаны со многими причинами, но, пожалуй, меньше всего зависят от гендера»⁸. Можно вспомнить и ч. 3 ст. 19 Конституции РФ, согласно которой «мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации». «Если механистически применять критерий продолжительности жизни, то пенсионный возраст женщин вообще должен быть выше, чем у мужчин, поскольку первые живут больше, чем вторые»⁹. Вместе с тем «историко-правовые и культурные традиции нашей страны предполагают особое отношение законодателя к нашей женщине, выполняющей не только трудовые функции на основной работе, но и осуществляющей колоссальный

⁴ Об отношении к повышению пенсионного возраста см.: Фиошин А.В. Право социального обеспечения : учебное пособие. Ульяновск : Ульяновский гос. пед. ун-т, 2012. С. 46.

⁵ Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «О страховых пенсиях» // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Федеральный закон от 26 ноября 2001 г. № 147-ФЗ (ред. от 25.12.2018) «О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Там же.

⁸ Захаров М.Л. Международные стандарты и российская пенсионная система // Журнал российского права. 2012. № 9. С. 5–18; № 10. С. 14–29 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Чирков С.А. Разный пенсионный возраст мужчин и женщин в России — аксиома или атавизм? // Социальное и пенсионное право. 2018. № 3. С. 47–55 // СПС «КонсультантПлюс».

объем домашнего труда»¹⁰. Уместно упомянуть и о позиции Конституционного Суда РФ (далее — КС РФ) по данному вопросу. В одном из своих определений КС РФ отметил, что «законодатель применил дифференциацию, основанную на физиологических и других различиях между ними, а также исходя из особой социальной роли женщины в обществе, связанной с материнством, что согласуется с положением статьи 38 (часть 1) Конституции Российской Федерации, в соответствии с которым материнство находится под защитой государства и не может оцениваться как дискриминационное ограничение конституционных прав, так как такое решение законодателя обеспечивает — по смыслу статьи 19 Конституции Российской Федерации — достижение подлинного, а не формального равенства»¹¹. «По существу, — верно отмечает С.А. Чирков, — пенсионные преференции лицам в связи с рождением и воспитанием детей являются государственными гарантиями и льготами, предоставляемыми им в связи с выполнением этих важнейших для жизни общества и государства функций. Именно такие правовые механизмы позволяют обеспечить равенство прав женщин с мужчинами, поскольку учитывают их естественные особенности»¹².

Относительно нетрудоспособности инвалида Пленум № 9 постулирует, что обозначенное лицо считается таковым, если «инвалидность ему установлена с даты, совпадающей с днем открытия наследства или предшествующей этому дню, бессрочно либо на срок до даты, совпадающей с днем открытия наследства, или до более поздней даты (пункты 12 и 13 Правил признания лица инвалидом, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 20 февраля 2006 года № 95 “О порядке и условиях признания лица инвалидом”)»¹³.

Согласно же п. 11 Постановления Правительства РФ от 20 февраля 2006 г. № 95 «О порядке и условиях признания лица инвалидом» (далее — Постановление Правительства № 95)¹⁴, «в случае признания гражданина инвалидом датой установления инвалидности считается дата поступления в бюро

¹⁰ Фиошин А.В. О некоторых аспектах отечественного пенсионного обеспечения (от прошлого к настоящему) // Постсоветское пространство: проблемы и пути их решения : матер. межд. науч.-практ. конф. (Москва, 23 мая 2019 г.) / под общ. ред. А.М. Багмета. М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2019. С. 191.

¹¹ Определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2000 г. № 276-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб граждан Березкина Владимира Рейновича, Бушмелева Геннадия Николаевича, Корниенко Николая Николаевича, Кропотова Геннадия Ивановича и Мамаева Александра Степановича на нарушение их права на пенсионное обеспечение положениями статей 10 и 12 Закона Российской Федерации “О государственных пенсиях в Российской Федерации” и статьи 242 КЗоТ Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Чирков С.А. Указ. соч.

¹³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании». Подп. «б» п. 31 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Постановление Правительства РФ от 20 февраля 2006 г. № 95 «О порядке и условиях признания лица инвалидом» // СПС «КонсультантПлюс».

направления на медико-социальную экспертизу (заявления гражданина о проведении медико-социальной экспертизы)».

Учитывая современные реалии, а также то, что в соответствии с п. 16 Постановления Правительства № 95 «медицинская организация направляет гражданина на медико-социальную экспертизу после проведения необходимых диагностических, лечебных и реабилитационных или абилитационных мероприятий при наличии данных, подтверждающих стойкое нарушение функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами»¹⁵ целесообразными представляются некоторые корректировки п. 11 обозначенного нормативного акта. Думается, что для целей совершенствования поддержки инвалидов, а также социально-справедливого, своевременного признания их обязательными наследниками датой установления инвалидности следует считать дату принятия решения о направлении гражданина на медико-социальную экспертизу.

Еще одно оценочное понятие рассматриваемого законоположения — «иждивенцы наследодателя». Подпункт «в» п. 31 Пленума ВС № 9 определяет в качестве иждивенца «лицо, получавшее от умершего в период не менее года до его смерти — вне зависимости от родственных отношений — полное содержание или такую систематическую помощь, которая была для него постоянным и основным источником средств к существованию, независимо от получения им собственного заработка, пенсии, стипендии и других выплат».

И.В. Журавлев отмечает: «...закон выделяет две категории нетрудоспособных иждивенцев: родственники наследодателя, как по прямой, так и по боковой линии (п. 1 ст. 1148 ГК РФ), и лица, не связанные с ним родственными отношениями (п. 2 ст. 1148 ГК РФ)»¹⁶.

Применительно ко второй категории иждивенцев в литературе высказано критическое отношение. Некоторые авторы считают совершенно необоснованным их включение в круг обязательных наследников, поскольку де-юре они не являются членами семьи наследодателя. «Содержание таких иждивенцев, — отмечает Н.Б. Демина, — принято на себя завещателем самостоятельно по собственному усмотрению, в силу разнообразных личных обстоятельств. Более того, содержание иждивенцев обычно является односторонней обязанностью, принятой на себя лицом не на правовом основании. Отношения сторон по содержанию не получают оформления в виде договора или соглашения, содержание, его вид и размер определяются самим наследодателем. В этом отношении содержание наследодателя является формой благотворительной, меценатской деятельности наследодателя... Введение категории иждивенцев в круг обязательных наследников приводит, таким образом, к ущемлению прав не менее нуждающихся родственни-

¹⁵ Постановление Правительства РФ от 20 февраля 2006 г. № 95 «О порядке и условиях признания лица инвалидом» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Журавлев И.В. Наследственные права иждивенцев: современное регулирование // Наследственное право. 2014. № 2. С. 12–17 // СПС «КонсультантПлюс».

ков наследодателя — размер доли, полагающейся последним, пропорционально уменьшается»¹⁷.

Такой подход представляется небесспорным. Многообразие жизненных ситуаций едва ли возможно учесть на законодательном уровне. Вместе с тем формальные родственные связи и коррелирующие с ними наследственные правоотношения не всегда отвечают принципу социальной справедливости. Так, в силу ст. 17 Семейного кодекса РФ «муж не имеет права без согласия жены возбуждать дело о расторжении брака во время беременности жены и в течение года после рождения ребенка». Если предположить, что нетрудоспособная жена увлекалась адюльтерами, в результате чего и зачала ребенка, а не имеющий права на развод муж умер на последнем месяце ее беременности, то едва ли мы сможем говорить о справедливости наследования обязательной доли такой женой в сравнении с находившейся у наследодателя на иждивении *de jure* чужой женщины, фактически выращившей последнего.

Фиошин А.В.,

доцент кафедры гражданского права

Российского государственного университета правосудия,

профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин

Московской академии Следственного комитета Российской Федерации,

кандидат юридических наук, доцент

(г. Москва)

Литература

1. Блинков О.Е. Понятие, сущность и основания иждивения (наследственно-правовой аспект) / О.Е. Блинков, Е.Н. Борисова // *Наследственное право*. 2008. № 4.
2. Демина Н.Б. Обязательная доля как средство обеспечения прав родственников наследодателя / Н.Б. Демина // *Нотариус*. 2005. № 4.
3. Журавлев И.В. Наследственные права иждивенцев: современное регулирование / И.В. Журавлев // *Наследственное право*. 2014. № 2.
4. Захаров М.Л. Международные стандарты и российская пенсионная система / М.Л. Захаров // *Журнал российского права*. 2012. № 9.
5. Захаров М.Л. Международные стандарты и российская пенсионная система / М.Л. Захаров // *Журнал российского права*. 2012. № 10.
6. Фиошин А.В. О некоторых аспектах отечественного пенсионного обеспечения (от прошлого к настоящему) / А.В. Фиошин // *Постсоветское пространство: проблемы и пути их решения : материалы международной научно-практической конференции (г. Москва, 23 мая 2019 г.) / под общей редакцией А.М. Багмета*. Москва : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2019.
7. Фиошин А.В. *Право социального обеспечения : учебное пособие* / А.В. Фиошин. Ульяновск : Ульяновский государственный педагогический университет, 2012.
8. Чирков С.А. Разный пенсионный возраст мужчин и женщин в России — аксиома или атавизм? / С.А. Чирков // *Социальное и пенсионное право*. 2018. № 3.

¹⁷ Демина Н.Б. Обязательная доля как средство обеспечения прав родственников наследодателя // *Нотариус*. 2005. № 4. С. 18–22.

Категория «благополучие» и правовое положение наследника

Понятие «благополучие» используется в научной литературе, нормативных актах и актах правоприменения в разных аспектах. Применительно к человеку принято говорить о его материальном, физическом, психическом, психологическом, финансовом, имущественном благополучии. Помимо благополучия отдельного человека применяют термин «благополучие» к иным социальным общностям или государству в целом. Поэтому встречаются — «благополучие семьи», «благополучие населения», «благополучие страны». Применительно к населению отдельно используют термины — «санитарно-эпидемиологическое благополучие» и «социальное благополучие».

Словарь русского языка определяет благополучие как «спокойное течение жизни, не нарушаемое несчастьями, неудачами»¹, поэтому наследственное право, как определяющее последствия смерти гражданина, что ассоциируется с бедой, горем, несчастьем, не направлено на укрепление психического, психологического или физического благополучия человека. Но наследование как институт, исторически сложившийся во взаимосвязи с отношениями собственности, безусловно нацелен на укрепление материально-экономической основы семьи и лиц, которых избрал наследодатель своими преемниками. А значит, связан с обеспечением материального, имущественного благополучия человека. Еще Карл Маркс, говоря о наследовании в эпоху древней родовой организации, писал, что оно «благоприятствовало накоплению богатств в семье и делало семью силой, противостоящей роду»². Но является ли наследование в современный период способом материального обогащения? Представляется, что отнюдь не всегда. Так, например, по предварительным данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Удмуртской Республике за 2020 г., наибольший процент населения в нашем регионе — 23,5% — составили граждане со среднедушевым денежным доходом в месяц от 27 тыс. до 45 тыс. руб. Немного отстают — 22,4% — граждане со среднедушевым денежным доходом в месяц от 19 тыс. до 27 тыс. руб. Далее идут 18,1% населения — от 14 тыс. до 18 тыс. руб., 14% — от 10 тыс. до 14 тыс. руб., 7,6% — от 7 до 10 тыс. руб.,

¹ Толковый словарь Ушакова. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/748006> (дата обращения: 29.09.2021).

² Маркс К. О диалектическом и историческом материализме. М. : Политиздат, 1984. С. 430.

3,6% — до 7 тыс. руб. Лишь небольшая группа граждан — около 11% — имеют среднедушевой денежный доход свыше 45 тыс. руб. (от 45 тыс. до 60 тыс. руб. — 6,4%, свыше 60 тыс. — 4,4%)³. Приведенные цифры подтверждают определяемую социологами тенденцию о социальной дифференциации общества. Размер полученных денежных средств напрямую влияет на количественный и качественный состав того, что смогут получить наследники после смерти наследодателя. Но, тем не менее, материальное благополучие предопределено не только объемом имеющихся у лица материальных благ, но и рациональностью их использования и потребления, а также степенью влияния публичного интереса. В зарубежных странах пользуются популярностью услуги так называемых планировщиков недвижимости, которые способны просчитать наиболее выгодные варианты распоряжения имуществом с точки зрения расходов по оформлению прав наследников, судебных расходов, налогового бремени.

При отсутствии сложной системы расчетов и относительной простоте российского законодательства о наследовании основная задача правовых норм на современном этапе состоит в том, чтобы создать наиболее благоприятный правовой режим для любого из субъектов наследственного права.

С точки зрения наследников важными факторами, определяющими их «благополучие» в наследственном праве, являются:

— учет семейно-родственного характера отношений. Учет интересов членов семьи и наиболее близких наследодателю родственников и лиц является исторически преемственным фактором, лежащим в основе наследования по закону. В свете реформирования законодательства о наследовании основным является вопрос о том, следует ли расширять или, наоборот, сокращать установленный законом перечень наследников по закону?

В литературе отстаивают позиции о наделении наследственными правами сожителей наравне с наследниками по закону 1-й очереди⁴. Решение этого вопроса, как и определение круга наследников по закону, как представляется, не может быть изолированным от норм семейного законодательства. Поэтому если СК РФ не признает каких-либо лиц членами семьи, то и включать их в круг наследников по закону вряд ли обоснованно. Так, например, сожители не признаются участниками семейных правоотношений,

---

³ Распределение населения Удмуртской Республики по размеру среднедушевого денежного дохода в 2020 году (в процентах от общей численности населения). URL: https://udmstat.gks.ru/storage/mediabank/m8VeUdUI/2021.04.29%20Динамика%20уровня%20бедности%20населения_20.pdf (дата обращения: 29.09.2021).

⁴ Выборнова М.М. Фактический брак мужчины и женщины в гражданском и семейном законодательстве и доктрине : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 7–8.

не наделены какими-либо семейными правами и обязанностями, а значит, должны признаваться только наследниками по завещанию или по наследственному договору. Аналогичный аргумент может быть выдвинут в пользу сокращения числа наследников по закону боковой линии родства (двоюродные бабушки и дедушки, двоюродные племянники и племянницы и т.д.). В римском праве призвание большого числа родственников как по прямой, так и по боковой линии имело под собой исторические причины, но в современных условиях, как еще отмечал И.А. Покровский, «род как некоторый союз, несший когда-то на себе существенные и совершенно реальные обязанности по отношению к своим членам»⁵ уже утратил свое значение. Более того, «родственники более далеких степеней часто в жизни не состоят между собой ни в каких отношениях, даже не знают друг друга»⁶, что не позволяет говорить о сформированности некой семейной общности как основы для материального благополучия лиц, заинтересованных в друг друге, оказывающих внимание, заботу и поддержку. Учитывая эти же факторы, есть смысл задуматься над наследственными правами отчима, мачехи, пасынка, падчерицы, которые в настоящее время признаны лишь наследниками 7-й очереди. Это вряд ли является обоснованным ввиду того, что эти лица, как правило, проживают одной семьей и считать их более отдаленными по степени семейных уз, чем двоюродные дяди, тети, двоюродные племянники и племянницы несправедливо.

Следует признать обоснованными предложения, уже выдвигавшиеся в отечественной науке о наделении правом наследования фактических воспитателей и воспитанников⁷. Коль скоро эти лица становятся членами семьи, между которыми возможны алиментные правоотношения, то с учетом межотраслевого подхода право наследования, как основанное на семейной общности, может быть закреплено и за этой категорией лиц;

— установление режима осуществления права наследования. Негативной тенденцией следует признать стабильно высокое число дел о восстановлении сроков принятия наследства, о принятии наследства, о признании права на наследственное имущество, что свидетельствует в большинстве случаев о безответственном отношении граждан к осуществлению своих прав. В 2020 году судами РФ было рассмотрено 29 804 дела, в 2019 г. — 37 154, в 2018 г. — 36 483, в 2017 г. — 38 690⁸. Такому обращению, в частности, способ-

⁵ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. URL: http://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/pokrovsky_ia_osnovnye_problemy_grazhdanskogo_prava/ (дата обращения: 02.10.2021).

⁶ Там же.

⁷ См., напр.: Байзигитова А.М. Очередность наследования по закону в Российской Федерации и зарубежных странах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 6–7.

⁸ Судебная статистика РФ. URL: <http://stat.api-пресс.рф> (дата обращения: 23.10.2021).

ствуется право лица заявить об уважительности причин пропуска срока, закрепленное в ст. 1155 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ), вопреки пресекающей природе срока. Однако в большинстве случаев причины, заявленные лицами, не принимаются во внимание в качестве уважительных. Что можно сделать в этой ситуации? Если четкое следование правовой природе срока считать радикальной мерой, хотя бы и с возможным увеличением срока до 9 месяцев, то вполне можно предложить установить иную систему, «систему отречения от наследства», свойственную законодательству Германии, Швейцарии, благодаря которой наследник будет считаться принявшим наследство, если не заявит об отказе от наследства. В этом случае отпадет необходимость в судебном порядке восстановления срока или в установлении факта принятия наследства, но не исключено, что актуализируются вопросы признания наследника отказавшимся от наследства при пропуске им соответствующего срока;

— положения об ответственности наследников по долгам наследодателя. Вопрос достаточно актуальный. За последние 5 лет произошло существенное увеличение (почти в 11 раз) количества дел, рассмотренных судами по требованиям кредиторов. Причем категория дел об ответственности наследников по долгам наследодателя стабильно располагается на 3-м месте в иерархии всех наследственных споров, опережая споры о признании завещания недействительным, о разделе наследственного имущества и о признании наследника недостойным. Так, если в 2016 г. было рассмотрено судами всего 872 дела, то в 2017 г. эта цифра уже составила 2 955 дел, в 2018 г. — 5 213 дел, в 2019 г. — 6 135 дел, а в 2020 г. — уже 9 518 дел⁹. С учетом складывающейся социально-экономической ситуации, эти цифры подтверждают лишь увеличение числа долговых обязательств российских граждан и не более того. Следует ли здесь что-то менять? Е.Ю. Петров предлагает, ориентируясь на зарубежный правопорядок, ввести правила об инвентарной льготе и сепарации. Ратуя за поощрение добросовестности, автор предлагает возложить на наследника обязанность по представлению информации о наличии у наследодателя каких-либо имущественных обязательств. Иначе «нечестность наследника карается неограниченной ответственностью»¹⁰. Сходные положения определены в § 2005 BGB, определяющем неограниченную ответственность наследника в случае неверной описи наследственного имущества¹¹. Однако определение добросовестности наследника представля-

---

⁹ Судебная статистика РФ. URL: <http://stat.api-пресс.пф> (дата обращения: 11.10.2021).

¹⁰ Петров Е.Ю. Наследственное право России: состояние и перспективы развития (сравнительно-правовое исследование). М. : М-Логос, 2017. С. 135.

¹¹ BGB. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/BJNR001950896.html#BJNR001950896.BJNG017702377> (дата обращения: 20.10.2021).

ется затруднительным по причине большой распространенности долговых обязательств и их разнообразия. Если наследник, возможно, был в курсе о том, что завещанная ему квартира приобретена на заемные средства (и то не факт, что это его интересовало), то у него вряд ли могла быть информация о взятом в кредит автомобиле, потребительском займе, микрозайме и т.д. Даже оформленная гражданином уже вполне обычная кредитная банковская карта свидетельствует о наличии таких обязательств. Поэтому возлагать ответственность за то, что достоверно установить наследник не может, нецелесообразно. Более того, у наследника даже нет правовых оснований при жизни наследодателя интересоваться перечнем его имущественных обязательств, что может быть расценено как вмешательство в частные дела (ст. 150 ГК РФ), а поиск этой информации после смерти наследодателя сопряжен уже с дополнительными сложностями — что, где и у кого искать. Определенную положительную роль в получении информации о неисполненных кредитных обязательствах призван сыграть сервис по розыску наследства, работа которого началась с 7 апреля 2021 г. В рамках ЕИС поэтапное подключение к сервису произойдет по всей стране и будет отлажена технология взаимодействия между нотариатом и пока двумя кредитными организациями — Сбербанком и ВТБ — в части обмена данными о счетах, вкладах и кредитах. Такое взаимодействие будет направлено на защиту интересов наследников в целях получения достоверной и своевременной информации, необходимой прежде всего для решения вопроса о принятии наследства.

Что же касается сепарации и проведения инвентарной описи, то Е.Ю. Петров хотя и анализировал их применение в российских условиях, тем не менее признал, что это достаточно затратная процедура и в большинстве случаев останется невостребованной конструкцией¹². А с учетом того что право предназначено для регулирования типичных жизненных ситуаций, т.е. ряда складывающихся типовых обстоятельств, то вряд ли есть смысл в заимствовании этих процедур.

Нормы об ограниченной и солидарной ответственности наследников достаточно успешно вписались в систему российского законодательства. Но в связи с их применением остаются для решения и обсуждения некоторые вопросы. Определим три из них: 1) определение надлежащего ответчика по искам кредиторов в случаях, предусмотренных п. 3 ст. 1175 ГК РФ. Даже при условиях, указанных в этой норме, ответчиком по иску не может быть имущество. С точки зрения теории гражданско-процессуальных отношений ответчиком могут выступать только субъекты, а не объекты права.

---

¹² Петров Е.Ю. Указ. соч. С. 135–136.

В качестве такого субъекта следует признать будущих наследников, а в ст. 131 Гражданского процессуального кодекса РФ (ГПК РФ) следует внести изменения, дополнив содержание п. 3 ч. 1 следующим предложением: «В предусмотренных в федеральных законах случаях невозможности указания личных сведений об ответчике в исковом заявлении следует привести название субъекта спорного материального правоотношения»; 2) сведения о личности наследников для кредиторов следует сделать доступными, что разрешит проблему их поиска и будет способствовать защите интересов кредиторов. В настоящее время информация о круге наследников составляет нотариальную тайну и кредитор может получить ее только по запросу суда, но для этого необходимо подать иск в суд. А как определить ответчика? Если иск кредитор подает в течение срока принятия наследства, то закон разрешает заявить требование к наследственному имуществу. Если же срок принятия наследства истек, предполагается, что круг наследников полностью определен. Однако это не означает, что информация об этом стала доступна кредиторам. А без определения личности наследника обратиться в суд он не может; 3) правомерность привлечения наследников к ответственности при наличии у наследодателя обязательств по договору личного страхования. Известный казус стал предметом рассмотрения Верховного Суда РФ. Наследники приняли наследство, в состав которого вошли обязательства по возврату кредита и процентов. Кредитор заявляет к ним требование о расторжении кредитного договора и взыскании задолженности, которое было удовлетворено и поддержано нижестоящими судебными инстанциями. Верховный Суд РФ направил дело на новое рассмотрение с указанием на необходимость учета принципа добросовестности из-за невыясненности обстоятельств заключения заемщиком договора личного страхования. Поскольку заемщик при жизни выразил согласие быть застрахованным по договору страхования жизни и здоровья заемщика банка в соответствии с «Условиями участия в Программе коллективного добровольного страхования жизни и здоровья заемщиков ОАО «Сбербанк России»», что подтверждается имеющимся в деле заявлением от 25 ноября 2013 г.¹³, то при наличии такого механизма защиты прав кредитора требование о взыскании суммы задолженности с наследников было поставлено под сомнение. Если в подобной ситуации страховая организация отказывает в выплате средств кредиторам, то на практике можно увидеть следующие решения, защищающие наследника: 1. В том случае, когда отказ в выплате средств был обусловлен непредставлением со стороны наследников ряда документов, суды не учитывают подобный аргумент, ссы-

---

¹³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 2 февраля 2021 г. № 18-КГ20-109-К4 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.09.2021).

лаясь на ст. 963 ГК РФ, и не взыскивают сумму задолженности с наследников при условии, что выплаченная сумма страхового возмещения достаточна для покрытия задолженности¹⁴. 2. Суды удовлетворяют требование наследника о выплате в его пользу страхового возмещения, если при отказе страховщика банк взыскал суммы неоплаченной задолженности с наследника¹⁵. Такие разнообразные решения требуют единообразного законодательного подхода. Несмотря на то что страхование выступает дополнительной гарантией удовлетворения интересов кредитора, а наследники становятся субъектами ответственности по долгам наследодателя, тем не менее банки не должны злоупотреблять своим положением, а необоснованные ограничения, вводимые для наследников со стороны страховых организаций, должны быть сняты.

Большое значение для наследников с точки зрения их интересов имеют не только нормы наследственного права, но и нормы нотариального права. Именно от их содержания зависят простота, ясность, доступность и удобство процедуры оформления наследственных прав.

Перечень спорных положений, определяющих правовое положение наследника, безусловно, может быть дополнен и предложен к обсуждению в следующих работах.

Ходырева Е.А.,

доцент кафедры гражданского права
Удмуртского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Республика Удмуртия, г. Ижевск)

Литература

1. Байзигитова А.М. Очередность наследования по закону в Российской Федерации и зарубежных странах : автореферат диссертации кандидата юридических наук / А.М. Байзигитова. Саратов, 2004.
2. Выборнова М.М. Фактический брак мужчины и женщины в гражданском и семейном законодательстве и доктрине : автореферат диссертации кандидата юридических наук / М.М. Выборнова. Москва, 2011.
3. Маркс К. О диалектическом и историческом материализме : сборник / К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин. Москва : Политиздат, 1984.
4. Петров Е.Ю. Наследственное право России: состояние и перспективы развития : сравнительно-правовое исследование / Е.Ю. Петров. Москва : М-Логос, 2017.
5. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. Петроград : Право, 1917.
6. Толковый словарь русского языка. В 4 томах / под редакцией Д.Н. Ушакова. Москва : Астрель : АСТ, 2000.

¹⁴ Решение Арзамасского городского суда (Нижегородская область) от 26 февраля 2020 г. по делу № 2-103/2020 URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 23.10.2021).

¹⁵ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 1 сентября 2020 г. № 88-13519/2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.09.2021).

Обеспечение прав интеллектуальной собственности – право на благополучие

В современных условиях интеллектуальная собственность имеет двойственную природу: с одной стороны, она выступает как нематериальное благо, основанное на творческой деятельности. Творческая деятельность — это деятельность человеческого мозга, который способен создавать только идеальные образы, а не предметы материального мира¹, а значит, творческая деятельность является не материальным, а идеальным объектом. С другой стороны, современная природа интеллектуальной собственности может участвовать в экономическом обороте, становиться товаром, функционировать на рынке. Именно двойственность природы интеллектуальной собственности порождает необходимость признания ее важнейшей составляющей и духовного, и экономического богатства страны. А значит, определение роли и места интеллектуальной собственности и в экономике, и в правоведении приобретает особую значимость, создав условия для реализации прав человека и прав интеллектуальной собственности, будет развиваться интеллектуальный потенциал, формирующий культурное и научное наследие государства, и обеспечен высокий уровень благосостояния общества.

Права интеллектуальной собственности, как было указано выше, имеют тенденцию к взаимопроникновению в другие сферы, отрасли и институты, а их содержание связано с творческими возможностями человека, раскрываемыми через реализацию им своих прав, поэтому интерес представляет соотношение прав человека и интеллектуальных прав.

Это соотношение приобрело особую актуальность в системе Организации Объединенных Наций на базе международных договоров.

Одним из них является Всеобщая декларация прав человека, закрепляющая, что «каждый человек имеет право свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, участвовать в научном прогрессе и пользоваться его благами... имеет право на защиту его моральных и материальных интересов, являющихся результатом научных, литературных или художественных трудов, автором которых он является»² (ст. 27).

Статья предусматривает как права массового пользователя (участие в культурной жизни, доступ к совокупности знаний в научном прогрессе),

---

¹ Управление интеллектуальной собственностью : учеб. пособие для вузов / В.И. Мухин ; Нац. ин-т бизнеса, Центр инновац. предпринимательства. М. : [Нац. ин-т бизнеса], 2006. 381 с.

² Всеобщая декларация прав человека : принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. // Декларации. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml

так и защиту авторства (защита моральных и материальных интересов) и закрепляет базовые принципы, такие как:

— свобода в создании и реализации научных исследований и творческой деятельности, которое базируется не только на свободном порождении знания, технических и технологических разработок, создании различных форм, способов и видов произведений, но и на возможности реализации результатов научного, технического и творческого исследования на благо человека, социальной группы, общества и мирового сообщества;

— охрана, развитие и распространение достижений науки и культуры;

— обеспечение осуществления права интеллектуальной собственности.

В рамках системы ООН по правам человека были проведены следующие мероприятия: видеоконференция специального докладчика о влиянии политики в области интеллектуальной собственности на реализацию культурных прав (2015 г.); организация круглого стола по теме «Интеллектуальная собственность и культурные права» (2015 г.); проведена консультация Региональным представительством ЮНЕСКО совместно со Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС) по вопросам культурных прав, интеллектуальной собственности и традиционных знаний (2012 г.); организована дискуссия Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам о праве пользования результатами научного прогресса (2018 г.) и о праве каждого человека на защиту его моральных и материальных интересов, являющихся результатом научных, литературных или художественных трудов, автором которых он является (2020 г.).

На Генеральной Ассамблее ООН в октябре 2015 г. специальный докладчик на основе тематического исследования сделал выводы о влиянии режимов регулирования интеллектуальной собственности на права человека, в том числе: на право людей получать доступ к культурному наследию и пользоваться им; на доступ для всех без какой-либо дискриминации к результатам научного прогресса и их применение, включая научные знания, технологии, возможность внести вклад в научную деятельность; на свободу, необходимую для научных исследований, в том числе доступ к научной информации и достижениям, а также совместной работе; на свободу художественного самовыражения и право людей на доступ к искусству и вклад в него, наслаждение им; на право каждого человека на защиту его моральных и материальных интересов, являющихся результатом научных, литературных или художественных трудов, автором которых он является; на права коренных народов и местных сообществ³.

³ Влияние регулирования в области интеллектуальной собственности на осуществление права на науку и культуру // Объединенные нации. Права человека. Управление Верховного комиссара. URL: <https://www.ohchr.org/ru/Issues/CulturalRights/Pages/ImpactofIntellectualProperty.aspx>

Можно сделать вывод, что на международной арене при соотношении прав интеллектуальной собственности (защита моральных и материальных интересов) и прав человека (права на научные и культурные достижения) речь идет о различных правовых режимах. Защита авторства отличается от охраны авторских прав, и права автора идут вразрез с расширением доступа к произведениям и возможностей в сфере образования.

Так как международное право носит, как правило, декларативный характер и на международном уровне права интеллектуальной собственности урегулированы в относительно малой степени⁴, эти права закреплены на национальном уровне. Основным актом о правах человека является Конституция РФ, гарантирующая каждому свободу литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания и закрепляющая право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям (ст. 44 Конституции РФ)⁵.

Нормативно-правовые акты Российской Федерации об интеллектуальных правах не содержат непосредственных упоминаний об иных правах и свободах человека и гражданина. Однако можно выявить некоторые взаимосвязи интеллектуальных прав с правом на образование, предусмотренным ст. 43 Конституции РФ, поскольку право интеллектуальной собственности охраняет произведения и другие результаты интеллектуальной деятельности, которые необходимо как можно более широко использовать в образовательных целях. Возникающее здесь противоречие между публично-правовыми интересами общества, которое нуждается в как можно большем числе образованных людей, и частноправовыми целями защиты интересов правообладателей нивелируется посредством введения в законодательство об интеллектуальной собственности (в частности, ст. 1273–1280 Гражданского кодекса РФ) ограничений и исключений (случаев свободного использования произведений)⁶.

Человек — это высшая ценность с его правами и свободами, и в законодательстве Российской Федерации мы видим подтверждение, что возможность пользоваться достижениями научного прогресса, культурным достоянием — как проявление основных прав и свобод человека стоит выше коммерческой выгоды автора.

---

⁴ Черкасова О.В. Защита интеллектуальной собственности : учеб. пособие / М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. 102 с.

⁵ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Документы // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Савина В.С. Эволюция концепции права интеллектуальной собственности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 383 с.

В целях реализации свободы научного, технического и других видов творчества, а также осуществления прорывного научно-технологического и социально-экономического развития Российской Федерации под руководством Президента РФ Правительством РФ в 2018 г. были поставлены национальные цели и разработаны стратегические задачи в сфере науки, направленные на создание научно-образовательных центров на основе интеграции университетов и научных организаций и их кооперации с организациями, действующими в реальном секторе экономики, и формирование целостной системы подготовки и профессионального роста научных и научно-педагогических кадров, обеспечивающей условия для осуществления молодыми учеными научных исследований и разработок, создания научных лабораторий и конкурентоспособных коллективов⁷.

Практическим воплощением расширения свободы научного творчества стало создание в 2018 г. научного культурно-образовательного центра «Донецк — Орел», направленного на объединение и координацию усилий ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского» и ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева» по проведению научных исследований, образовательной деятельности, культурно-просветительских и воспитательных мероприятий, на международную деятельность, популяризацию научных знаний и культурных достижений, а также подписание в 2021 г. Договора о сотрудничестве и партнерстве между Лабораторией экофилософских исследований (кафедра философии) ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского» и Русским космическим обществом с целью подготовки научных основ для разработки стратегии развития космического будущего России в мире; использования потенциала скрытых резервов космонавтики посредством рождения новых идей, воплощение которых в инновационный технологический продукт обеспечивает безопасность и ускорение развития на локальном, региональном и глобальном уровнях; повышения результативности, эффективности и качества в воспитательной, образовательной, исследовательской, конструкторской, организаторской и просветительской деятельности, используемых как в космонавтике, так и в смежных областях, и др.

Заключенные договоры о сотрудничестве расширяют границы доступа к результатам научного прогресса, а также возможности внести вклад в научную деятельность, поскольку разнообразные формы практической деятельности (проведение круглых столов, конференций, форумов, презента-

⁷ Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Документы. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57425>

ций, выставок, фестивалей) и формат работы (онлайн и офлайн) открывают потенциал общей и интеллектуальной культуры.

Россия — страна с мощным природно-ресурсным и геополитическим потенциалом, и формирование грамотной политики в сфере интеллектуальной собственности, создающей комфортные условия для научных исследований и разработок, стимулирующей профессиональный рост ученых, изобретателей и обеспечивающей охрану результатов творческой деятельности, укрепит и расширит возможности пользования благами творческого, культурного, научного прогресса.

Сегодня, на наш взгляд, имеется потребность не только в охране результатов интеллектуальной собственности, но и в предоставлении возможности осуществления научных разработок, распространения научной информации, культурных достижений как среди ученых, так и среди населения, осуществления обмена знаниями и опытом, сотрудничества.

Таким образом, сбалансированность законодательной системы между авторами и общественным интересом, то есть закрепление охраны и реализация защиты прав авторов, и осуществление возможностей доступа к научной и культурной информации для населения позволят расширять культурное и научное наследие государства и обеспечат высокий уровень благосостояния общества.

Ширкова И.В.,

доцент кафедры правовых и политических наук
Донецкого национального университета экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского,
кандидат философских наук
(Донецкая Народная Республика, г. Донецк)

Литература

1. Мухин В.И. Управление интеллектуальной собственностью : учебное пособие для вузов / В.И. Мухин. Москва : Национальный институт бизнеса, 2006.
2. Савина В.С. Эволюция концепции права интеллектуальной собственности : диссертация кандидата юридических наук / В.С. Савина. Москва, 2019.
3. Черкасова О.В. Защита интеллектуальной собственности : учебное пособие / О.В. Черкасова. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2017.

Идентичность российского гражданского судопроизводства

Глобализация права поставила общество перед проблемой идентичности не только отдельной личности либо этнической группы, но и правовой системы государства, включая правила защиты (в первую очередь — судебной) гражданских прав как основного, по мнению межгосударственных судов, элемента данной системы.

Проблема идентичности в современном российском правоведении предполагает необходимость ответа на вопрос: подразумевает ли исследуемая категория фундаментальные, необходимые и неизменные свойства групп и индивидов либо же предполагает возможность изменений, конструирования и вообще зависит от контекста, представляется разрешимой на основе вариантного понимания самого термина «идентичность». Если обратиться к его лингвистическому толкованию, то синонимичными исследуемому термину выступают термины «тождественность» и «адекватность», при этом адекватность понимается как *полное* совпадение с чем-либо, то тождественность означает совпадение по *отдельным* признакам. Вместе с тем применительно к гражданскому процессу адекватность имеет неоднозначное понимание, более близкое к категории разумности, понимаемой как требование сбалансированного учета судом интересов всех участвующих в деле и иных лиц¹.

Термин «идентичность» опасен своим дуализмом. Если понимать идентичность в смысловом значении адекватности, то ответ на предложенный вопрос не вызовет особого труда: идентичность в таком понимании может выступать лишь как постоянная величина, что означает необходимость и неизменность свойств субъектов, предметов, действий и т.п. Если же придавать категории идентичности содержание тождественности, то можно и нужно допустить изменение свойств субъектов, предметов, действий, предполагая множественность с сохранением лишь основной части свойств и признаков, по которым можно судить о соблюдении заранее оговоренных «правил» тождества.

Представляется, что именно в смысле тождественности категория идентичности используется (по крайней мере это будет наиболее целесообразным) при регулировании и, следовательно, осуществлении субъектами своих прав посредством обращения к компетентным судебным органам,

¹ Борисова Л.В. Принцип разумности в российском гражданском процессе : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 030501 «Юриспруденция». М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 95 с.

как российским, так и межгосударственным. При этом права человека в идентичности-тождественности будут являть собой лично-приватные признаки, а права гражданина отражать публичные характеристики. Но в рамках гражданского судопроизводства данное разделение прав человека и гражданина почти не имеет значения (да простят меня специалисты в области конституционного и международного права), в нашей сфере идентичность важна в качестве индикатора-ограничителя идей интернационалистического толка, которые отражаются, в частности, в так называемых модельных кодексах судопроизводства и/или исполнительного производства² либо меж(над)государственных «высших» судебных органов по типу Европейского суда по правам человека.

При этом стоит отметить, что модельность правового регулирования не являет собой признак современной интеграции российского государства в некое общеправовое мировое пространство; в прошлом веке классическим примером «модельности» были «Основы» различных отраслей советского права, применительно к нашей отрасли права — Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик, которые вполне успешно были примером «правильного» (идеального с позиции советской правовой теории и общесоюзного законодателя) регулирования советских гражданских процессуальных отношений республиканским законодательством. Последнее имело некоторое право на самобытность, которая до идентичности явно не «дотягивала». На постсоветском пространстве также была признана целесообразность разработки модельного Гражданского процессуального кодекса (Кодекса гражданского судопроизводства) для государств — участников СНГ, была создана рабочая группа по руководством профессора юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета Н.А. Чечиной, но полных материалов по итогам разработки (кроме ссылок на его структуру и концепцию)³, к сожалению, в открытом доступе нами не найдено (ни в коей мере не имеем в виду, что их не существует, и будем благодарны, если кто-либо из коллег даст о них информацию. — *О.И.*).

Следует привести весьма интересную позицию К.Л. Брановицкого, который проанализировал недостатки и преимущества модельного регулирования применительно именно к гражданскому процессу. В качестве такового преимущества Константин Леонидович, в частности, назвал то, что «госу-

---

² Модельный исполнительный кодекс для государств — участников Содружества Независимых Государств : принят на 29-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ (Постановление от 31 октября 2007 г. № 29-6). URL: <https://docs.cntd.ru/document/902092588?marker=23TQJHT&section=text>

³ Вербар Е.П. Заключение для комиссии по разработке Модельного кодекса гражданского судопроизводства при Межпарламентской ассамблее СНГ // Система гражданской юрисдикции в канун XXI века: современное состояние и перспективы развития : межвуз. сб. науч. тр. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2000. С. 213—220.

дарства, ставящие задачи по реформированию своего гражданского процесса, более склонны ориентироваться на имплементацию в национальное право признанных международных стандартов, чем на простое заимствование прав иностранного государства»⁴. Такая имплементация, в отличие от заимствования чужих норм и иных правил, всегда легче воспринимается именно потому, что не отрицает идентичность национальных правил, хотя и обязывает их координировать с учетом признанных международных стандартов. Заметим, что саратовской процессуальной школой семь лет назад при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации был проведен анализ с целью выявления пробелов и коллизий гражданского процессуального законодательства и практики его применения, определены пути совершенствования гражданского судопроизводства в направлении соответствия его норм и их применения российскими судами международно-правовым стандартам судебной защиты. В результате исследования были изданы пособия, иные публикации, в том числе монография, в которой анализу с целью разработки предложений по унификации была подвергнута существующая на тот момент практика судов общей юрисдикции всех уровней, изучен ряд международных источников права для определения условий и порядка внедрения в законодательство и правоприменение в России установленных ими стандартов судебной защиты⁵. Однако высказанные тогда выводы и рекомендации, к сожалению, так и не были восприняты, а на сегодня уже во многом устарели.

Вместе с тем современное развитие судебной системы и необходимость совершенствования российского законодательства с учетом тренда сохранения здоровья населения в «пандемийный» период предъявляют повышенные требования к механизму судебной защиты их прав и законных интересов. Правосудие в Российской Федерации всегда находится в постоянном развитии, но зачастую в угоду самой судебной системе и интересам ее представителей, а не лиц, заинтересованных в защите со стороны суда. При этом без соответствия гражданского процессуального законодательства и судебной практики Российской Федерации по гражданским делам международным стандартам судебной защиты невозможны не только процесс интеграции России в мировое сообщество, но и само благополучие людей, а также исследование роли права, обеспечение которого и является основной целью Московской юридической недели в этом году.

---

⁴ Брановицкий К.Л. Проблемные аспекты модельного регулирования как инструмента сближения гражданского процесса на постсоветском пространстве // Herald of the Euro-Asian Law Congress. 2019. № 1 (3). С. 37.

⁵ Соответствие гражданского процессуального законодательства и судебной практики Российской Федерации по гражданским делам международным стандартам судебной защиты : монография / под ред. д.ю.н., проф. О.В. Исаенковой. М. : Юрлитинформ, 2014. 376 с.

Не получая судебной защиты своих прав и законных интересов в национальных судах, российские граждане и организации обращаются в межгосударственные органы, при этом наше государство продолжает лидировать по количеству жалоб, поданных в Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), оставаясь единственной страной Совета Европы, где уже в течение шести лет законом предусмотрена возможность не исполнять решение ЕСПЧ. Между тем одним из оснований пересмотра судебных постановлений, вступивших в законную силу, ст. 392 Гражданского процессуального кодекса РФ называет установление Европейским судом по правам человека нарушения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом конкретного дела, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в ЕСПЧ. Данной нормой подтверждается возможность реализации решения ЕСПЧ не в ущерб идентичности российского гражданского процесса.

Таким образом, признавая категорию идентичности в ее адаптации на российском правовом поле, хотелось в качестве одной из реальных и обязательных целей указать потребности российского общества совместить законные, обоснованные и разумные судебные акты по гражданским делам, действенную защиту прав, свобод и законных интересов субъектов правоотношений с экономией времени и денежных ресурсов участников судопроизводства.

Заметим, что советским гражданским процессом в качестве основной задачи правосудия по гражданским делам предполагались правильность и быстрота рассмотрения дела, при этом разумность и своевременность не являлись общепризнанными категориями. Советское государство формировало не только «новую историческую общность — советский народ», но и новое право — «советское». «Советское право» являлось стержнем советской правовой культуры и, как учебная дисциплина, преподавалось практически во всех высших неспециальных учебных заведениях. Таким образом, высшее образование советского гражданина предполагало знание именно советского права. Однако, если советское право (в его позитивном понимании) могло себе позволить игнорирование проблем идентичности как собственно себя самого и любой своей отрасли права в мировой правовой системе, так и отдельных субъектов и объектов внутри себя, то современное российское право (а следовательно, и российскую процессуальную науку) такое положение не устроит. Романтизм первых лет реформирования права в России уже достаточно давно заменило осознание невозможности общего правопорядка для всех правовых культур. Считаем это одной из причин того, что проект по созданию Гражданского процессуального кодекса Европы его создатели назвали на международной конференции «Реформа гражданского процесса в суде первой инстанции в государствах региона Балтийского моря

и Центральной Европы», прошедшей в Вильнюсе 16–19 сентября 2004 г., провалившимся⁶.

Процесс унификации законодательства и сближения процессуальных форм России, других стран СНГ и Европейского союза в 90-е гг. XX в. на тот момент был прогрессивен. Но в настоящее время приоритетной целью научно-правовых (особенно процессуальных) изысканий должно выступить согласование и гармонизация правовых норм в направлении их внутренней и внешней совместимости, с сохранением идентичности процессуальных норм государства, позволяющей системе этих норм взаимодействовать с общемировыми не столько по подчиненным, сколько по равным моделям взаимодействия.

Исаенкова О.В.,
заведующая кафедрой гражданского процесса
Саратовской государственной юридической академии,
доктор юридических наук, профессор
(г. Саратов)

Литература

1. Борисова Л.В. Принцип разумности в российском гражданском процессе : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Л.В. Борисова. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2012.
2. Брановицкий К.Л. Проблемные аспекты модельного регулирования как инструмента сближения гражданского процесса на постсоветском пространстве / К.Л. Брановицкий // Herald of the Euro-Asian Law Congress. 2019. № 1.
3. Вербар Е.П. Заключение для комиссии по разработке Модельного кодекса гражданского судопроизводства при Межпарламентской ассамблее СНГ / Е.П. Вербар // Система гражданской юрисдикции в канун XXI века: современное состояние и перспективы развития : сборник научных трудов. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2000.
4. Исаенкова О.В. Исполнительное законодательство: использование зарубежного опыта / О.В. Исаенкова // Исполнительное право. 2008. № 4.
5. Соответствие гражданского процессуального законодательства и судебной практики Российской Федерации по гражданским делам международным стандартам судебной защиты : монография / под редакцией О.В. Исаенковой. Москва : Юрлитинформ, 2014.

⁶ См., подроб.: Исаенкова О.В. Исполнительное законодательство: использование зарубежного опыта // Исполнительное право. 2008. № 4. С. 13–18.

Конкретизация как форма судебного усмотрения при определении предмета доказывания

Проблемам судебного усмотрения посвящено достаточно много исследований. Судебное усмотрение — это предоставленное суду правомочие принимать, сообразуясь с конкретными условиями, такое решение по вопросам права, возможность которого вытекает из общих и лишь относительно определенных указаний закона. К.И. Комиссаров исследовал формы судебного усмотрения, к которым относил: конкретизацию субъективных прав и обязанностей, применение норм факультативного характера, применение аналогии закона и аналогии права¹. Впервые фундаментально исследовал сущность конкретизации Н.Б. Зейдер². В литературе выделены факторы, действующие при осуществлении судом конкретизации защищаемого права: действие закона или иной правовой нормы; фактические обстоятельства данного конкретного дела; правила морали; правосознание судей в смысле совокупности правовых воззрений представляет собой неотъемлемый элемент осуществления правосудия³.

Освещение конкретизации как формы судебного усмотрения в гражданском судопроизводстве при исследовании проблематики предмета доказывания связано в первую очередь с применением относительно-определенных норм (требующих конкретизации) при определении предмета доказывания. Конкретизация же обстоятельств предмета доказывания осуществляется при изменении предмета или основания иска, увеличении исковых требований, заявлении ответчиком встречного иска.

Итак, одной из форм судебного усмотрения является конкретизация субъективных прав и обязанностей. Судебное усмотрение — это предоставленное суду правомочие принимать, сообразуясь с конкретными условиями, такое решение по вопросам права, возможность которого вытекает из общих и лишь относительно-определенных указаний закона⁴. Конкретизация является способом применения ситуационных норм⁵. В форме конкретизации в основном устанавливается объем субъективных прав и обязанностей,

---

¹ Комиссаров К.И. Судебное усмотрение в советском гражданском процессе // Советское государство и право. 1969. № 4. С. 51.

² Зейдер Н.Б. Судебное решение по гражданскому делу. М., 1966. С. 92–97.

³ Зейдер Н.Б. Судебное решение и спорное право // Правоведение. 1958. № 2. С. 79–90. Цит. по: Комиссаров К.И. Судебное усмотрение в советском гражданском процессе // Советское государство и право. 1969. № 4. С. 56.

⁴ Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М.: Изд-во «Зерцало», 2008. С. 24.

⁵ Комиссаров К.И. Судебное усмотрение в советском гражданском процессе // Советское государство и право. 1969. № 4. С. 51.

но иногда она может касаться и содержания права⁶. При наличии ситуационных фактических составов и ситуационных материально-правовых норм суд применяет следующие формы конкретизации⁷: определение спорного материального права исходя из собранных доказательственных материалов; конкретизация спорного права в тех случаях, когда на суд ложится задача определения содержания права в зависимости от обстоятельств дела и при отсутствии точного указания на то, каково содержание права в законе, административном акте или сделке участников правоотношения⁸. Необходимо отметить, что материальное право изобилует ситуационными нормами⁹, которые наряду с альтернативными и факультативными нормами включаются в состав относительно-определенных норм. Именно относительно-определенные нормы предоставляют право правоприменителю разрешать дело с учетом конкретных обстоятельств. К ситуационным нормам относят нормы, предусматривающие возможность прямого конкретизированного регулирования актом правоприменительного органа в зависимости от особенностей конкретной ситуации¹⁰. При этом допустимы конкретизация гипотезы нормы, конкретизация диспозиции (санкции), одновременно конкретизация и гипотезы, и диспозиции (санкции) нормы¹¹. Значительное число ситуационных норм в материальном праве и обуславливает сложность определения предмета доказывания, когда суд должен определять искомые факты с учетом конкретных обстоятельств рассматриваемого дела.

Бесспорно, содержание нормы материального права имеет значение при определении предмета доказывания, предмет доказывания определяется с учетом применимой к спорным правоотношениям нормы материального права, и требований, и возражений сторон. Например, при абсолютно-определенной норме права искомые юридически значимые обстоятельства определены в ее содержании. При относительно-определенной норме материального права юридически значимые обстоятельства представлены обобщенно и требуют конкретизации судом. Вместе с тем учитывается и структура нормы материального права при определении предмета доказывания. В правоведении существует длительная дискуссия о наличии двучленной (гипотеза и диспозиция (санкция)) либо трехчленной структуры нормы права (гипотеза, диспозиция, санкция). Фактические обстоятельства,

⁶ Там же. С. 52.

⁷ Кац А.К. Конкретизация судом гражданских и семейных правоотношений с частично неурегулированным содержанием : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск : Свердловский юридический институт, 1965. С. 15.

⁸ Зейдер Н.Б. Судебное решение по гражданскому делу. С. 93–94.

⁹ Треушников М.К. Судебные доказательства. М. : Издательский дом «Городец», 2016. С. 26.

¹⁰ Алексеев С.С. Общая теория права : в 2 т. Т. II. М. : Юридическая литература, 1982. С. 74; Комиссаров К.И. Судебное усмотрение в советском гражданском процессе // Там же. С. 49–56.

¹¹ Исаков В.Б. Фактический состав в механизме правового регулирования. Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1980. С. 30.

имеющие правовое значение, при которых норма вступает в действие, и правовые последствия, которые наступают при указанных в норме условиях, определены в гипотезе и диспозиции нормы материального права, и указанные обстоятельства учитываются судом при определении предмета доказывания в гражданском судопроизводстве. В теории гражданского процессуального права существуют различные классификации юридических фактов и фактических составов в гражданском судопроизводстве. Значение для правильной оценки фактов, вывода суда о взаимных правах и обязанностях¹² имеет классификация на факты, порождающие права и обязанности, прекращающие права и обязанности, изменяющие права и обязанности, препятствующие возникновению прав и обязанностей. Интерес для настоящего исследования представляют индивидуально-определяемые факты, требующие конкретизации, допускающие конкретизацию и не допускающие конкретизацию¹³. К числу юридических фактов, конкретизация которых необходима, следует отнести обстоятельства, которые невозможно или нецелесообразно закреплять в законе. Конкретизация неизбежна при выполнении пробела в праве¹⁴. Кроме того, в литературе существуют различные классификации фактических составов как совокупности юридических фактов, необходимых для наступления определенных правовых последствий. Среди составов с элементом — волеизъявлением выделяется особая группа составов, в которых элемент-волеизъявление выполняет функцию конкретизации¹⁵. Направление конкретизации либо осуществляется в отношении фактической предпосылки, либо конкретизирует правовое последствие, либо одновременно конкретизирует фактическую предпосылку и правовое последствие. Данная классификация соответствует трем основным формам индивидуального регулирования, используемым в правовом регулировании общественных отношений, — конкретизации гипотезы, либо диспозиции (санкции), либо одновременно и того и другого¹⁶. Степень определенности юридической нормы предусматривает объем конкретизации фактического состава (альтернативные, факультативные, ситуационные составы с элементом-конкретизатором соответствуют делению юридических норм на альтернативные, факультативные, ситуационные нормы). В первом случае субъект выбирает один из нескольких вариантов фактической предпосылки. Во втором случае один вариант предложен как основной, другой как факультативный, реализуется в порядке исключения. В третьем случае

¹² Треушников М.К. Указ. соч. С. 32.

¹³ Кац А.К. Конкретизирующая деятельность суда и семейные правоотношения с частично неурегулированным содержанием // Правоведение. 1964. № 2. С. 87; Исаков В.Б. Фактический состав в механизме правового регулирования. С. 58.

¹⁴ Исаков В.Б. Указ. соч. С. 58.

¹⁵ Там же. С. 30.

¹⁶ Там же.

конкретизация проводится с учетом конкретных обстоятельств дела, конкретной ситуации¹⁷.

Фактический состав правоотношения как предмет доказывания в гражданском процессе включает в себя совокупность материально-правовых порождающих, прекращающих, изменяющих, препятствующих фактов. Именно указанная классификация должна быть учтена при закреплении в законе механизма определения предмета доказывания, поскольку отражает содержание искомых, значимых материально-правовых фактов и может позволить учитывать правоприменителю конкретные обстоятельства гражданского дела. Вместе с тем иногда для правильного разрешения дела по существу имеют значение и процессуально-правовые факты (обстоятельства соблюдения компетенции судом, надлежащего ответчика, соблюдения процессуально-правового срока обращения в суд и т.п.), значимость указанных фактов для разрешения дела позволяет говорить некоторым исследователям о широком толковании предмета доказывания в гражданском судопроизводстве.

Нахова Е.А.,
доцент кафедры гражданского процессуального права
Северо-Западного филиала
Российского государственного университета правосудия,
кандидат юридических наук
(г. Санкт-Петербург)

Литература

1. Алексеев С.С. Общая теория права : учебный курс. В 2 томах. Т. 2 / С.С. Алексеев. Москва : Юридическая литература, 1982.
2. Зейдер Н.Б. Судебное решение и спорное право / Н.Б. Зейдер // Правоведение. 1958. № 2.
3. Зейдер Н.Б. Судебное решение по гражданскому делу / Н.Б. Зейдер. Москва : Юридическая литература, 1966.
4. Исаков В.Б. Фактический состав в механизме правового регулирования / В.Б. Исаков. Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1980.
5. Кац А.К. Конкретизация судом гражданских и семейных правоотношений с частично неурегулированным содержанием : автореферат диссертации кандидата юридических наук / А.К. Кац. Свердловск, 1965. 15 с.
6. Кац А.К. Конкретизирующая деятельность суда и семейные правоотношения с частично неурегулированным содержанием / А.К. Кац // Правоведение. 1964. № 2.
7. Комиссаров К.И. Судебное усмотрение в советском гражданском процессе / К.И. Комиссаров // Советское государство и право. 1969. № 4.
8. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права / О.Э. Лейст. Москва : Зерцало, 2008.
9. Треушников М.К. Судебные доказательства / М.К. Треушников. Москва : Городец, 2016. 304 с.

¹⁷ Кац А.К. Конкретизация судом гражданских и семейных правоотношений с частично неурегулированным содержанием. С. 15–16.

Правовая определенность гражданского судопроизводства как гарантия эффективной судебной защиты нарушенных прав

Категория «правовая определенность» является объектом научных исследований представителей различных отраслей права¹, пристальное внимание к которой в современной доктрине обусловлено ратификацией в Российской Федерации Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., в которой право на правовую определенность гарантируется ст. 6 конвенции, как часть права на справедливое судебное разбирательство. Перед современной наукой и правоприменительной практикой раскрылись проблемы правовой определенности гражданского судопроизводства, от правильного решения которых зависит эффективность защиты нарушенных прав и охраняемых законом интересов.

1. Категориально-дефинитивная проблема. Отсутствие в тексте конвенции непосредственно термина «правовая определенность», а также определения понятия «правовая определенность» порождает необходимость осмысления и содержательного наполнения данного явления, а также выработки признаков, критериев и стандартов данного понятия. Отправной точкой в данном вопросе являются правовые позиции Европейского суда по правам человека, который в своих постановлениях дает толкование понятий, косвенным образом закрепленных в нормах конвенции. Суд рассматривает право на правовую определенность как часть права на справедливое судебное разбирательство, наряду с правом на доступность правосудия, правом на эффективное средство правовой защиты, правом на исполнение судебного акта².

В российском законодательстве также отсутствует нормативное закрепление данного термина, что порождает дискуссию среди ученых относительно дефиниции. В доктрине встречаются такие наименования данного принципа, как принцип «правомерных ожиданий», «веры и доверия», «защиты законных ожиданий», «ожидаемого поведения», «определенности закона» и др.

2. Формально-юридическая проблема. Каждое юридическое понятие должно иметь форму выражения и закрепления. При этом возможны три варианта легализации: непосредственное законодательное закрепле-

---

¹ Алексеева Т.М. Пределы действия принципа правовой определенности в надзорном производстве по уголовным делам // Уголовное право. 2015. № 2.

² Пресняков М.В. Правовая определенность как системное качество российского законодательства // Журнал российского права. 2009. № 5.

ние, закрепление на уровне официальной судебной практики судов высших инстанций, доктринальное определение понятия. Возникают вопросы: необходимо ли законодательное закрепление данной дефиниции и не ограничит ли законодательная фиксация само понятие правовой определенности?

3. Проблема содержательного наполнения. Поскольку в практике ЕСПЧ и в след практике Конституционного Суда РФ правовая определенность применяется в купе с такими категориями, как принцип, требование к законодательству, свойство судебного и иного акта, последствие вступления решения в законную силу, компонент права на справедливое судебное разбирательство и иными, естественным образом возникает вопрос: какое значение правовой определенности является доминирующим? Такая вариативность обуславливает необходимость выработать наиболее обоснованную и максимально отражающую понятие правовой определенности концепцию.

4. Генеалогическая проблема. Фокусировку внимания ученых и практиков на исследовании категории «правовая определенность» традиционно связывают с принятием Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Однако смысловое (косвенное) закрепление категории «правовая определенность» в ст. 6 конвенции и ее последующая детализация в постановлениях ЕСПЧ вовсе не свидетельствуют о том, что правовая определенность как самостоятельное явление появилась именно в середине XX в. Данное обстоятельство диктует необходимость исследовать генеалогию правовой определенности и элементов, ее составляющих.

5. Правоприменительная проблема. Нарушение правовой определенности не закреплено в нормах Гражданского процессуального кодекса РФ (ГПК РФ) и Арбитражного процессуального кодекса РФ в качестве основания для отмены судебного постановления в апелляционном, кассационном, надзорном порядке (ст. 330, 387, 391.9 ГПК РФ). Суды проверочных инстанций могут констатировать наличие нарушения правовой определенности и квалифицировать его в качестве основания для отмены судебного акта. Данный критерий может быть применен судом в качестве основания для оставления обжалуемого судебного акта в силе. Отсюда вопрос: как применять критерий «правовой определенности» при отсутствии его нормативного закрепления? Может ли нарушение исключительно правовой определенности выступать самостоятельным основанием для отмены судебного постановления?

6. Проблема межотраслевого характера. Поскольку ст. 6 конвенции не проводит границы между гражданским, уголовным, административным и иными видами судопроизводства, возникает вопрос о специфике применения правовой определенности в различных сферах правоотношений. Отраслевые особенности формируют специфику способов ее обеспечения. Поэтому велико внимание ученых, представителей различных отраслей

права, к правовой определенности и ее применению в рамках отдельных секторов национального права³ с одновременным поиском и разработкой общетеоретических основ⁴.

7. Проблема обеспечительного механизма. Осознание необходимости соблюдения правовой определенности на практике актуализирует вопрос о создании в рамках отдельных отраслей права обеспечительного механизма, способного сформировать режим правовой определенности, включающий средства (законодательные, правоприменительные, доктринальные), находящиеся в компенсаторном взаимодействии, при котором возникающие погрешности в функционировании какого-то элемента своевременно восполняются иными элементами, нивелируются или блокируются.

Вариативность правовой определенности позволяет вести речь о данном явлении как своеобразном правовом феномене, разнообразные проявления которого имеют специфические характеристики и содержательно наполняются своеобразными качествами в зависимости от доминирующего аспекта, который применяется в конкретном случае. Этим отчасти обусловлены проблемы применения и толкования правовой определенности на практике.

Рехтина И.В.,

докторант Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(г. Москва)

Литература

1. Алексеева Т.М. Пределы действия принципа правовой определенности в надзорном производстве по уголовным делам / Т.М. Алексеева // Уголовное право. 2015. № 2.
2. Пресняков М.В. Правовая определенность как системное качество российского законодательства / М.В. Пресняков // Журнал российского права. 2009. № 5.
3. Сидоренко М.В. Правовая определенность позиций Европейского суда по правам человека для системы российского уголовно-процессуального права / М.В. Сидоренко // Международное уголовное право и международная юстиция. 2017. № 5.

³ Сидоренко М.В. Правовая определенность позиций Европейского суда по правам человека для системы российского уголовно-процессуального права // Международное уголовное право и международная юстиция. 2017. № 5.

⁴ Пресняков М.В. Правовая определенность как системное качество российского законодательства // Журнал российского права. 2009. № 5.

Гарантии при оказании юридической помощи

Тема представительства в гражданском и арбитражном процессе относится к числу тех, которые постоянно находятся в центре внимания ученых-юристов.

Согласно ст. 46 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод и предоставляется право обжалования в суд решений и действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц.

Представительство в гражданском и арбитражном процессе призвано обеспечить реализацию провозглашенного Конституцией Российской Федерации права на судебную защиту. Без представительства невозможна защита интересов несовершеннолетних, недееспособных граждан. Поэтому представительство — важный процессуальный институт, содействующий надлежащей защите прав и интересов участвующих в судопроизводстве лиц и, следовательно, способствующий решению задач правосудия (ст. 2 Гражданского процессуального кодекса РФ (ГПК РФ), ст. 2 Арбитражного процессуального кодекса РФ).

Одной из проблем доступности правосудия по гражданским делам является проблема гарантий при оказании юридической помощи. Проблема российского общества, как доступность правосудия по гражданским делам, должна разрешаться через гарантии при оказании юридической помощи, система которых может и должна обеспечивать права всех лиц, обратившихся или имеющих намерение обратиться за судебной защитой.

Современное российское общество расслаивается по имущественному признаку чрезвычайно быстро. Имущественное неравенство отражается на всех сторонах общественной жизни, в том числе и при разрешении гражданских дел. Материально более обеспеченная сторона имеет в состязательном процессе значительное преимущество за счет возможностей по найму более квалифицированного представителя, оплате государственной пошлины и экспертизы, иных расходов, связанных с производством дела и исполнением решения. Принцип равноправия в российском гражданском процессе предполагает равные возможности для всех тяжущихся быть представленными в суде надлежащим образом. Система гарантий при оказании юридической помощи может и должна обеспечивать права всех лиц, обратившихся или имеющих намерение обратиться за судебной защитой.

Отсюда выводится необходимость такого реформирования правовой системы в целом и процессуального права в частности, при котором законодательство предоставляло бы возможность судебной защиты своих прав всем субъектам вне зависимости от их материального, социального положения и других факторов.

В странах англо-американской системы гражданского процесса господствует подход, в соответствии с которым «состязательность сторон как принцип правосудия идеальна лишь в том случае, когда спорящие стороны обладают равными шансами быть представленными в суде должным образом»¹. В этих странах в ходе борьбы населения за доступ к правосудию (преимущественно во второй половине XX века) родилось и получило свое развитие так называемое право общественного интереса, под которым понимались:

- правовая служба для бедных;
- бесплатное или по сниженным ценам представительство в делах о восстановлении основных индивидуальных гражданских прав;
- право милосердных организаций².

Из российских ученых первой к праву общественного интереса обратилась И.В. Решетникова. Она выделила такие его составляющие, как:

- деятельность фирм, адвокатов, других организаций по оказанию бесплатных или по сниженным ставкам правовых услуг;
- защита плохо представляемых интересов;
- защита недостаточно представляемых групп людей;
- процессуальные меры защиты общественного интереса³.

Таким образом, мы видим, что право общественного интереса предполагает развитие института процессуального представительства. При этом законодательство о процессуальном представительстве должно содержать нормы, предусматривающие защиту права общественного интереса судебными представителями. С.А. Халатов предлагает выделить ряд процессуальных особенностей участия представителя по таким делам, которые, необходимо отметить, должны быть установлены вне зависимости от того, в каком суде (общей юрисдикции, арбитражном) рассматривается дело. Такими особенностями могут быть отсутствие ограничений на взыскание с проигравшей стороны компенсации расходов на оплату помощи представителей, ограничения полномочий процессуального представителя в части отказа от иска, заключения мирового соглашения, даже если эти полномочия указаны в доверенности или ином документе, законодательное регулирование порядка отказа представителя от участия в деле⁴.

Российский гражданский процесс предусматривает возможность защиты права общественного интереса путем, в частности, предъявления исков прокурором и лицами, указанными в ст. 46 ГПК РФ.

В юридической литературе встречается мнение об абсолютном разделении представительских и правозаступнических функций в современной России.

---

¹ Решетникова И.В. Доказательственное право Англии и США. Екатеринбург, 1997.

² Cooper J. Public Interest Law: Keyguide to information sources in Public Interest Law. L., 1991. Цит. по: Решетникова И.В. Доказательственное право Англии и США. Екатеринбург, 1997.

³ Решетникова И.В. Указ. соч.

⁴ Халатов С.А. Проблемы представительства в гражданском судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000.

Первые являются принадлежностью адвокатов и других лиц, имеющих право быть представителями, а исполнение вторых возложено на прокуратуру и органы государственного управления, а также общественные организации и граждан, возбуждающих в суде дела в защиту прав и интересов других лиц⁵. К.С. Юдельсон писал, что представительством в собственном смысле слова является ведение дела только через представителя, а совместное участие в процессе представителя и представляемого следует считать правозаступничеством⁶. Согласимся с позицией С.А. Халатова, который полагает, что такое деление представляется бессмысленным с теоретической и практической точек зрения. Без определения правозаступнической деятельности невозможно говорить о том, кто и в каких случаях ее осуществляет. Семантика же слова «правозаступничество» говорит, что оно подразумевает защиту чужого права. Однако, как уже было показано, защиту чужих прав в современном гражданском процессе осуществляют прокурор, лица, указанные в ст. 46 ГПК РФ, и процессуальные представители. Каждая из перечисленных категорий лиц осуществляет свою деятельность в специфической форме, но содержание их деятельности одно — защита чужого права⁷.

В дореволюционном законодательстве вопрос предоставления гарантий при оказании юридической помощи решался с помощью института «права бедности». Воспользоваться правом бедности давало такое имущественное положение лица, обращающегося за судебной защитой, при котором недостаточность имущества для покрытия судебных издержек существенно затрудняет или делает невозможным использование судебного процесса для защиты своих прав. Нормы о праве бедности располагались в Уставе гражданского судопроизводства и предусматривали необходимость предоставления доказательств указанного имущественного положения лицами, желающими воспользоваться правом бедности. Такими доказательствами могли быть удостоверения начальника лица, требующего признания за ним права бедности, о недостаточности средств на ведение дела с обязательным указанием сведений о доходах, имуществе и семейном положении. За достоверность представленных сведений несли ответственность лица, выдавшие удостоверения, и лица, утверждавшие о своей бедности.

Вместе с тем признание за лицом права бедности не освобождало его от возмещения казне произведенных за него расходов за счет присужденного ему имущества. Казна могла получить возмещение и за счет имущества обвиненной стороны⁸.

На современном этапе необходимость законодательного закрепления бесплатного оказания юридической помощи неимущим и малоимущим слоям

⁵ Ференц-Сороцкий А.А. Представительство в гражданском процессе // Гражданский процесс : учебник / под ред. В.А. Мусина, Н.А. Чечиной, Д.М. Чечота. М., 1996.

⁶ Юдельсон К.С. Представительство социалистических организаций в суде и арбитраже : учебное пособие. Свердловск, 1981.

⁷ Халатов С.А. Указ. соч.

⁸ Там же.

населения связано с тем, что в условиях рыночной экономики для большинства граждан получение квалифицированной юридической помощи в полном объеме представляется невозможным в связи с неудовлетворительным материальным положением. Однако одним из важнейших постулатов реформы системы оказания бесплатной юридической помощи, о необходимости которой уже шла речь выше, должно быть то, что юридическую помощь следует оказывать бесплатно для лица, ее получающего, но не для лица, ее оказывающего.

Ученые-юристы отмечают, что с участием адвоката в процессе связана проблема доступности его услуг⁹. Международные организации принимают решения, направленные на то, чтобы государства создавали гарантии доступности услуг адвокатов в процессе. В частности, это касается адекватного обеспечения прав человека и основных свобод, на которые люди имеют право, предоставляемых им в политической, социальной, экономической, культурной и гражданской жизни, и требует, чтобы все люди имели эффективную возможность пользоваться юридической помощью, осуществляемой независимой юридической профессией. Для этого правительства должны гарантировать эффективную процедуру и работающий механизм для реального и равного доступа к адвокатам всех лиц. Правительства должны обеспечить необходимое финансирование и другие ресурсы для юридической помощи состоятельным людям¹⁰.

В нашем законодательстве эти положения нашли закрепление в Декларации прав и свобод человека и гражданина (ст. 37), где провозглашается, что каждому гарантируется право на пользование квалифицированной юридической помощью¹¹, и в ст. 48 Конституции РФ.

Необходимо подчеркнуть, что от решения этого вопроса зависит реальность действия принципов равенства всех перед законом и судом (ч. 1 ст. 19 Конституции РФ и ст. 6 ГПК РФ), состязательности и процессуального равноправия сторон (ст. 123 Конституции РФ и ст. 12 ГПК РФ). Эти принципы, в свою очередь, влияют на эффективность судебной защиты прав граждан.

Ряд исследователей, например Т.В. Сахнова, считают, что решить вопрос о «бесплатном правосудии» следует непосредственно в нормах процессуального права, где предусмотреть условия и порядок предоставления права на «бесплатное правосудие». В этом случае, по мнению Т.В. Сахновой, указанное право может быть предоставлено в силу закона при наличии формальных оснований, указанных в норме права, либо по соответствующему определению суда. Суд в последнем случае проводит дополнительное производство, веду-

---

⁹ См., например: Баранов В., Приженникова А. Актуальные проблемы участия представителя в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2006. № 2.

¹⁰ Основные положения о роли адвокатов (приняты Восьмым конгрессом ООН по предупреждению преступлений. Нью-Йорк, 1990); Основные принципы, касающиеся роли юристов (приняты Восьмым конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Гавана, 1990).

¹¹ Постановление Верховного Совета РСФСР от 22 ноября 1991 г. «О декларации прав и свобод человека и гражданина».

щееся параллельно с основным, если сторона, ходатайствующая о бесплатном правосудии, не заявит ходатайство о приостановлении основного производства; при наличии такого ходатайства суд приостанавливает основное производство до решения вопроса о наличии оснований для предоставления права на «бесплатное правосудие»¹². Но, повторимся, «бесплатное правосудие» должно быть таковым только для лица, обратившегося за судебной защитой, но не для лица, оказывающего юридическую помощь. В.В. Ярковым обосновывалось предложение по созданию специальных фондов при органах юстиции, которые бы могли заниматься финансированием оказания бесплатной юридической помощи¹³. Им же был предложен проект федерального закона о юридической помощи по судебным делам малоимущим гражданам¹⁴. Выходом из сложившейся ситуации могла бы явиться организация муниципальной адвокатуры или указанного выше специализированного фонда, из которого бы оплачивалась юридическая помощь нуждающимся. Организация системы муниципальной адвокатуры могла бы произойти и на уровне субъектов Российской Федерации¹⁵.

Таирова А.Т.,

ассистент кафедры гражданского процесса Юридического факультета Московского государственного университета (МГУ) имени М.В. Ломоносова

Литература

1. Баранов В. Актуальные проблемы участия представителя в гражданском процессе / В. Баранов, А. Приженникова // Арбитражный и гражданский процесс. 2006. № 2.
2. Бернэм У. Судебная реформа: проблемы гражданской юрисдикции / У. Бернэм, И.В. Решетникова, В.В. Ярков. Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного университета, 1996.
3. Решетникова И.В. Доказательственное право Англии и США / И.В. Решетникова. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 1997.
4. Ференц-Сороцкий А.А. Представительство в гражданском процессе / А.А. Ференц-Сороцкий // Гражданский процесс : учебник / А.П. Вершинин [и др.] ; под редакцией В.А. Мусина, Н.А. Чечиной, Д.М. Чечота. Москва : Гардарика ; Проспект, 1996.
5. Халатов С.А. Проблемы представительства в гражданском судопроизводстве : диссертация кандидата юридических наук / С.А. Халатов. Екатеринбург, 2000.
6. Юдельсон К.С. Представительство социалистических организаций в суде и арбитраже : учебное пособие / К.С. Юдельсон. Свердловск : УрГУ, 1981.
7. Ярков В.В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права : диссертация доктора юридических наук / В.В. Ярков. Екатеринбург, 1992.

¹² Сахнова Т.В. Проект ГПК РФ: нерешенные проблемы // Теоретические и прикладные проблемы реформы гражданской юрисдикции. Екатеринбург, 1998.

¹³ Ярков В.В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992 г.

¹⁴ Бернэм У., Решетникова И.В., Ярков В.В. Судебная реформа: проблемы гражданской юрисдикции. Екатеринбург, 1996.

¹⁵ Халатов С.А. Указ. соч.

Проблемы правоприменения защиты прав третьих лиц при отказе собственника от права собственности

Правоприменительная практика показывает, что в работе органов государственной регистрации имеют место случаи прекращения права собственности на основании добровольного отказа от него без разрешения или без предварительного удовлетворения требований обременителей и не принимая во внимание наличие зарегистрированных и не зарегистрированных, но имеющих права третьих лиц (сособственники, второй супруг, малолетние или несовершеннолетние, наследники и другие лица, которые имеют право пользования имуществом и т.п.).

Так, Германское гражданское уложение основанием для приобретения права собственности на бесхозяйную движимую вещь трактует ее захват во владение¹. Оно также содержит норму, согласно которой не может быть приобретено право собственности в случае, когда захватом вещи нарушается право на овладение, что принадлежит другому лицу.

Анализ нормативно-правовых актов свидетельствует об отсутствии в законодательстве общего порядка передачи помещений в многоквартирном доме (МКД), к примеру, подвала, находящегося в собственности третьих лиц, путем отказа от него и передачи в общую долевую собственность всех собственников МКД.

В отношении соблюдения и защиты прав третьих лиц следует учитывать, что отказ собственника от права собственности не влечет прекращения прав и обязанностей по отношению к имуществу, пока другое лицо не приобрело на него право собственности.

Наиболее актуально данное положение в отношении недвижимого имущества. Так, в отношении земельного участка собственник, отказавшись от права на него, обязан продолжать уплачивать земельный налог на него до регистрации права собственности другим лицом, что несет дополнительные расходы для других членов семьи. Иногда эти суммы являются довольно значительными и служат причиной отказа от права собственности, если земельный участок не используется или находится территориально слишком далеко от владельца.

В отношении жилого помещения после отказа от права собственности на него также существует обязанность оплачивать затраты на его содержание,

---

¹ Bürgerliches Gesetzbuch. Art. 958. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bgb>

обеспечивать его сохранность. До полного прекращения права собственности собственник, кроме того, несет риски, связанные с имуществом (ст. 210 Гражданского кодекса РФ; далее — ГК РФ), и обязан возмещать третьим лицам убытки, возникшие вследствие особых качеств самой вещи. Таким образом, действует принцип, что у каждой вещи должен быть собственник, который по воле самого собственника отменен не может быть.

Законодательство предусматривает возможность отказа собственника от принадлежащего ему земельного участка (доли) путем подачи заявления в территориальный орган Росреестра по месту его нахождения.

При этом обременение данного участка правами третьих лиц (к примеру, право прохода через участок — сервитут) не может служить препятствием для отказа от права собственности. В то же время законодательно прямо не закреплено регулирование подобных условий при отказе.

Следует отметить, что наличие на земельном участке недвижимости, которая зарегистрирована на праве собственности, приводит к невозможности отказа от права собственности на земельный участок. Данный запрет прямо установлен ст. 35 Земельного кодекса РФ: запрещено отчуждение земельного участка, на котором расположено здание или сооружение, которое принадлежит одному и тому же лицу².

Следует отметить, что нормы ст. 236 ГК РФ находятся в неразрывной связи с нормами, регулирующими порядок приобретения права собственности на бесхозные вещи.

Отказ собственника от имущества является одним из трех оснований, на основании которого оно становится бесхозным согласно ст. 225 ГК РФ³. В широком понимании бесхозным имуществом является имущество, не имеющее собственника через его добровольный отказ от него или его неустановленность. При этом отказ может быть как выраженным (путем действия), так и скрытым (путем бездействия). Бездействие проявляется как неостребованность грузов, почтовых отправлений, находок и т.д.

В вопросе определения прав третьих лиц при отказе собственника от права собственности, приведшего к получению вещь статуса бесхозной, необходимо ограничивать ее от статуса выморочного имущества. Статус выморочного имущество приобретает в случае смерти гражданина, который не имеет наследников. Как правило, такое имущество переходит в собственность государства, выступающего так называемым «запасным наследником».

² Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 01.05.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Федеральный закон от 22 июля 2008 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования земельных отношений».

Обращению в суд с заявлением о признании права муниципальной собственности на бесхозную вещь должно предшествовать установление реальности ее бесхозности для избежания нарушения прав третьих лиц, сбор доказательств, что свидетельствует об оставлении вещи собственником без намерения сохранить на нее право собственности. Большинство муниципальных органов используют практику розыска собственника через размещение в СМИ публикации о розыске⁴.

Для доказательства бесхозности вещи собственнику необходимо направлять уведомление о необходимости использования объекта недвижимого имущества по назначению отделами администрации и муниципальными унитарными предприятиями, организациями и учреждениями при выявлении объектов недвижимого имущества, не используемых собственниками.

С целью защиты прав третьих лиц отдел по управлению муниципальным имуществом и земельными ресурсами (ОУМИ) для подтверждения отказа от права собственности должен истребовать у собственника заявление об этом с приложением документов, подтверждающих наличие права собственности. Так как необоснованное признание вещи бесхозной приводит к нарушению прав не только собственника, но и третьих лиц, в частности возможных сособственников, членов семьи собственника.

Право собственности на бесхозные вещи также может приобретаться через институт приобретательной давности. Приобретательная давность не касается случаев завладения чужим имуществом обманом или преступным путем. Она используется в ситуации, когда владелец имущества не заявляет о своем праве длительное время, то есть фактически отказывается от такого имущества. А другое лицо фактически открыто пользуется таким имуществом, несет расходы на его содержание и ремонт⁵. Для учета интересов и прав всех третьих лиц приобретение права собственности через институт приобретательной давности осуществляется только по решению суда.

При этом владелец имущества как своего собственного до приобретения им права собственности через институт приобретательной давности имеет право на защиту своего владения от третьих лиц, которые не являются его собственниками, а также не имеют прав на владение им на иных предусмотренных законом или договором основаниях (п. 2 ст. 234 ГК РФ)⁶.

---

⁴ Как гражданину отказаться от права собственности на земельный участок в случае отсутствия возможности передачи другому лицу // Официальный сайт органов местного самоуправления. Алексеевский городской округ. URL: <https://www.adm-alekseevka.ru/publications/kak-grazhdaninu-otkazatsya-ot-prava-21-04-2020>

⁵ Судебные и нормативные акты РФ. Решение от 30 июля 2018 г. № 2-770/2018 2-770/2018~М-675/2018 М-675/2018

⁶ Никитенко П. Устранение препятствий в пользовании имуществом: тенденции судебной практики // Ваш партнер. 2016. № 22 (9638).

Анализ судебной практики свидетельствует об отсутствии единого подхода при рассмотрении указанной категории дел, также часто имеют место случаи, когда суды первой инстанции неверно применяют нормы относительно отказа от права собственности, тем самым нарушая права третьих лиц.

Так, судом первой инстанции вынесено неправомерное решение в отношении сгоревшего дома, что находился в общей долевой собственности, с которым согласился суд апелляционной инстанции. В частности, судами было определено, что из-за того, что жилой дом сгорел, а ответчик часть дома демонтировал на своем земельном участке, то право собственности на жилой дом считается прекратившимся.

Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации апелляционное определение отменено. Указано, что нарушены требования ст. 198 ГК РФ и судами не дана оценка тому обстоятельству, что после пожара сохранилась часть жилого дома, что находится в общей долевой собственности истца и ответчика. Кроме того, не установлено, имел ли место отказ С. от принадлежащего ему права собственности на сохранившийся после пожара жилой дом и прекращено ли оно в установленном законом порядке. Таким образом, отсутствие в постановлении суда правовой квалификации данных обстоятельств привело к нарушению права третьего лица — совладельца.

Диспозитивность гражданского законодательства ведет к тому, что строительство нового строения с последующим возникновением прав на него не должно вести к нарушению существующих прав третьих лиц, которые добросовестно их реализовали. В частности, идет речь о нарушении права, не соединенного с лишением владения⁷.

В отношении рассмотрения дел о приобретении права собственности через институт приобретательной давности при отказе владельца от этого права судами разного уровня принимаются диаметрально противоположные решения. Так, апелляционный суд отменил решение районного суда, которое признавало право собственности в силу приобретательной давности в связи с тем, что оно не могло быть признано добросовестным в соответствии с нормами ст. 234 ГК РФ⁸. Основанием для данной отмены послужил тот факт, что истцы не предоставили суду в нарушение ст. 56 Гражданского процессуаль-

⁷ Гражданский кодекс РФ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. Ст. 304 // СПС «Консультант-Плюс».

⁸ Справка по результатам обобщения судебной практики рассмотрения судами Иркутской области гражданских дел по спорам о праве собственности на объекты недвижимого имущества (кроме самовольных построек). Проведено в соответствии с планом работы Иркутского областного суда на второе полугодие 2019 года на основании поступивших из судов первой инстанции гражданских дел, а также на основании апелляционной и кассационной практики Иркутского областного суда за 2018–2019 годы.

ного кодекса РФ⁹ доказательства, подтверждающие отказ от права собственности на спорное имущество. Также истцы знали о наличии наследников у умершей совладелицы жилого помещения, и ими были нарушены их права в общей долевой собственности как третьих лиц¹⁰. В этой связи упор истцов на фактическое пользование квартирой более 15 лет не может стать основанием признания права собственности, что противоречит п. 15 постановления Пленума № 10/2¹¹.

В то же время изложенная позиция вступает в противоречие с позицией Верховного Суда Российской Федерации, которой он придерживается на протяжении ряда лет¹². В частности, определением ВС РФ в 2019 г. отменены решения суда первой инстанции и апелляционного суда, которые признали права на 1/2 доли в праве собственности на земельный участок и жилой дом, применив институт приобретательной давности¹³.

Так, в рассматриваемом деле суд первой инстанции опирался на то, что не предоставлены доказательства, свидетельствующие об отказе ответчиков от спорного недвижимого имущества.

В то же время Верховный Суд Российской Федерации считает, что предоставление доказательств, свидетельствующих об отказе для приобретения права собственности в силу приобретательной давности, не обязательно. Для принятия решения достаточно устранения в течение длительного времени титульного собственника от владения вещью, непроявления к ней интереса, неисполнения обязанностей по ее содержанию, то есть наличия признаков фактической брошенности вещи собственником.

Данной позиции при рассмотрении дел этой категории Верховный Суд Российской Федерации придерживается и в ряде других определений¹⁴, которые касаются действий органа местного самоуправления по фактическому отказу от права собственности на предмет спора¹⁵.

Как следует из этих определений, в отличие от ряда решений судов первой инстанции и апелляционного суда, Верховный Суд считает, что недобро-

---

⁹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Зарубин А.В. Защита прав участников отношений общей долевой собственности на недвижимое имущество. URL: <https://pro-sud-123.ru/tribune/zashchita-prav-uchastnikov-otnosheniy-obshchey-dolevoy-sobstvennosti-na-nedvizhimoe-imushchestvo>

¹¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. № 10/22 г. Москва «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав».

¹² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 22 октября 2019 г. № 4-КГ19-55.

¹³ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 22 октября 2019 г. № 2-598/2018.

¹⁴ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 мая 2018 г. № 117-КГ18-25.

¹⁵ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 31 июля 2018 г. № 81-КГ18-15.

совестность давностного владения не может базироваться на осведомленности давностного владельца о наличии титульного собственника.

Обобщая правоприменительную практику и данные судебной практики, считаем, что однозначно без наличия правильно оформленного отказа предыдущего собственника от права собственности обратиться в собственность имущество по правилам ст. 234 ГК РФ практически невозможно.

Таким образом, законодательство дает возможность собственнику отказаться от принадлежащего ему имущества. В то же время данный отказ необходимо оформлять так, чтобы были соблюдены и не нарушены права третьих лиц, в большей степени сособственников и членов семьи совладельца, как зарегистрированные, так и не зарегистрированные.

Шереметьева Н.В.,

старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
Владивостокского государственного университета экономики и сервиса,
соискатель Российского государственного университета правосудия
(г. Владивосток)

Литература

1. Зарубин А.В. Защита прав участников отношений общей долевой собственности на недвижимое имущество / А.В. Зарубин // Кубанское агентство судебной информации. 2016. 20 февраля.
2. Никитенко П. Устранение препятствий в пользовании имуществом: тенденции судебной практики // Экономика и жизнь. 2016. 10 июня.

Использование искусственного интеллекта в судебной деятельности

Появление новых технологий толкает стремительно к развитию цифровизации общества в мировом и региональном — государственном масштабе. Правосудие не является исключением в этом прогрессе. Одним из важных фактов международного цифрового информационного и прогрессивного направления является искусственный интеллект.

Искусственный интеллект в настоящий момент является реальностью и проник во все сферы человеческой жизни—от квартиры до офиса. Благодаря искусственному интеллекту управляется автомобильное движение, банки рассчитывают возможную выдачу клиенту кредита и выдают итоговое решение по заявке на него. Если брать другие отрасли российского производства, то в медицине, промышленности, индустрии развлечений, сельском хозяйстве — во всех отраслях искусственный интеллект нашел широкое применение.

Исходя из вышеназванной государственной стратегии, государство направит 7,3 млрд руб. на изучение искусственного интеллекта. В 2021 году в России создадут шесть исследовательских центров на базе вузов и научных организаций и до 2024 г. каждый год будут создавать еще по шесть таких центров¹.

Несмотря на присущую консервативность, технологические решения в виде применения искусственного интеллекта являются актуальными и востребованными для судебной деятельности.

Поскольку широко в судебском сообществе в последнее время рассматривается вопрос цифровизации правосудия, то нельзя обойти и не рассмотреть актуальный практический вопрос будущего: «В каких формах возможно использование искусственного интеллекта в судебной деятельности в ближайшей перспективе и в недалеком будущем?» «Внедрение цифровых технологий в судебную систему, а также последующая цифровизация документооборота потребуют привлечения “облачных технологий”, разработки соответствующих поисковых систем, способных обрабатывать весь массив цифровой информации, в том числе с применением систем искусственного интеллекта для анализа судебной практики»².

¹ Алпатова И. Искусственный интеллект закрепился в бюджете // Российская газета. Федеральный выпуск. 2021. № 25 (8376).

² Выступление председателя Совета судей РФ В.В. Момотова на заседании Клуба имени Д.Н. Замятина // Официальный сайт Совета судей Российской Федерации. URL: <http://www.ssrif.ru/news/vystupleniia-intierv-iu-publikatsii/40097>

Цифровизация по сути является фактором роста и перспективным звеном осуществления правосудия на современном этапе в условиях чрезвычайных ситуаций, таких как пандемия Covid-19 и не только. Появляющиеся новеллы в цифровизации в судебной системе подразумевают движение, эволюцию форм, методов, взаимосвязанных способов использования информационных систем и сервисов цифровизации, в обязательном порядке урегулированных текущим законодательством³.

Мировое сообщество уже активно регулирует формы использования и внедрения в судебную систему искусственного интеллекта. На международном уровне ведется работа по созданию деклараций, модельных актов и стандартов. Однако большинство существующих международных документов не носят нормативно-правовой характер. В национальных законодательствах не нашли свое отражение базовые принципы и нормы создания, ввода в эксплуатацию, использования, распределения ответственности, определения правового статуса искусственного интеллекта.

Наиболее успехов при внедрении искусственного интеллекта в юридической деятельности добились в США, странах Евросоюза, Японии, Южной Корее и Китае. В этих государствах применению искусственного интеллекта в юридической деятельности уделяется не меньше внимания, чем в сферах бизнеса, промышленности, транспорта, медицины и IT. Искусственный интеллект используется для использования роботов-юристов, сопровождения патентных процедур, автоматизации процессов работы с документами⁴.

Урегулированными правом являются лишь конкретные вопросы, затрагивающие использование робототехники и искусственного интеллекта в определенной сфере жизнедеятельности (промышленности, обслуживании)⁵.

Распоряжением Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 3684-р утверждена программа фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 гг.), в которой перед научным сообществом в стратегическом планировании поставлена задача для поиска инновационной модели развития государственно-

³ Майоров А.А. Адаптация к цифровизации в условиях инновационного развития государства // Креативная экономика. 2020. Т. 14. № 9. С. 1929–1950.

⁴ См.: Дробышев П. Инновации в юриспруденции: обзор достижений и тенденций в области IT-технологизации юридического бизнеса в англоязычных юрисдикциях. URL: https://zakon.ru/blog/2017/12/16/innovacii_v_yurisprudencii_obzor_dostizhenij_v_oblastiit-tehnologizacii_yuridicheskogo_b_71828 (дата обращения: 25.10.2021).

⁵ Карташов В.Н., Климова А.С., Глазырина М.А. Основы этического и правового регулирования искусственного интеллекта и разумного робота // Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова. Журнал «Вестник ЯрГУ». Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 1. С. 37–41.

правовых институтов. В частности, к таким научным исследованиям указанным нормативно-правовым актом следует отнести в сфере правового регулирования вопрос уточнения правового статуса искусственного интеллекта.

Интеллектуально-информационное развитие на порядок выше возможно за счет новых, ранее не использованных ресурсов. Заинтересованность в вопросах цифровизации судебной системы в Российской Федерации прослеживается на уровне государственной правовой политики. Выполнить эту задачу, сделать структуру судебной системы Российской Федерации более независимой от внешнего воздействия означает вступить в новую мировую масштабную цифровую стадию развития. Обобщенная оценка исследования позволяет утверждать, что цифровизация — динамичная, пополняемая новыми элементами система, отличающаяся непрерывной сменой этапов, составов, соотношения инструментов и уровней цифрового развития, позволяющая решать практические вопросы с учетом текущих задач не только судейского сообщества, но и общества в целом.

Вместе с тем нельзя забывать про обычного человека, которому в его жизни цифровизация является лишь одним из вспомогательных инструментов к существованию, и не более того. При этом развитие информационных технологий не должно привести к утрате правосудием «человеческого лица»⁶.

Таким образом, следует помнить в гонке IT-технологий об обычных гражданах и их интересах, для которых участие в судопроизводстве с помощью современных цифровых устройств, в том числе искусственного интеллекта в будущем, должно быть удобным, доступным и быстрым, но не безальтернативным. Очевидно, что наряду с цифровыми должны сохраняться (или внедряться) и другие способы получения услуг. До тех пор, пока они остаются востребованными. Если пожилые люди могут записаться к врачу только через систему электронных госуслуг, а они им недоступны, это автоматически выводит их за границы полноправных граждан. Значит, надо оставлять им выбор на неэлектронную запись⁷.

Алгоритмически принятые судебные решения во многих странах с применением искусственного интеллекта в судах продолжатся независимо от связанных с ними опасностей и рисков, поскольку эффективность

---

⁶ Момотов В.В. Электронное правосудие : монография / Е.В. Бурдина [и др.] ; под ред. Е.В. Бурдиной, С.В. Зуева. М. : РГУП, 2021. 344 с.

⁷ См.: Емельяненко В. Почему главным в цифровом мире по-прежнему остается человек. URL: <https://rg.ru/2021/10/20/pochemu-glavnym-v-cifrovom-mire-po-prezhnemu-ostается-chelovek.html> (дата обращения: 25.10.2021).

правосудия сегодня является приоритетом не только в России, но и во всем мире.

Предполагаем, для обсуждения форм возможного использования искусственного интеллекта в судебной деятельности необходимо собирать многочисленные круглые столы, научные конференции, на которых для широкого обсуждения включать практиков — как юристов, а именно судей, работников аппарата суда, так и разработчиков IT-технологий, специалистов IT-компаний, научных деятелей в области права и IT-технологий.

К примеру, в сентябре 2021 г. в режиме видеоконференции прошел в Совете Федерации ФС РФ «круглый стол» на тему «Этико-правовые проблемы цифровой трансформации». Мероприятие организовано Комитетом СФ по конституционному законодательству и государственному строительству совместно с секцией «Искусственный интеллект» Совета по развитию цифровой экономики при СФ. Обращалось внимание при дискуссии на проект Национального кодекса этики по искусственному интеллекту, который устанавливает общие принципы и стандарты поведения. По мнению участников круглого стола, этими принципами могут и должны руководствоваться акторы искусственного интеллекта — лица, принимающие различное участие в функционировании систем искусственного интеллекта на территории Российской Федерации.

В настоящее время, исходя из научной теории, прогнозирование пределов использования искусственного интеллекта в судебной деятельности является достаточно затруднительным фактором исследований, поскольку международный научный опыт показывает, что система противовесов «за» и «против» может быть выстроена только с учетом практики и научного прогресса.

Предложения о внедрении систем искусственного интеллекта в судебную деятельность сопровождаются дискуссиями и поддерживаются не всеми учеными. В качестве аргументов приводятся утверждения о разрушительном воздействии искусственного интеллекта на осуществление основополагающих прав и свобод человека, внедрение искусственного интеллекта в судебную деятельность рассматривается как угроза правам человека⁸.

Таким образом, при использовании на текущий момент в Российской Федерации искусственного интеллекта в судопроизводстве требуется законодательно утвердить, по аналогии со статусом судьи, порядок наделения полномочиями искусственного интеллекта, основания приостановления

⁸ Чижов М.В. Электронное правосудие : монография / Е.В. Бурдина [и др.] ; под ред. Е.В. Бурдиной, С.В. Зуева. М. : РГУП, 2021. 344 с.

и прекращения полномочий искусственного интеллекта, принципы (алгоритмы) его деятельности в судебной деятельности. Необходимо вновь подчеркнуть актуальность и перспективность рассматриваемого научного вопроса по внедрению в федеральных судах судебной системы Российской Федерации в период развивающихся механизмов искусственного интеллекта в многочисленных формах судебной деятельности.

Свинцов Д.В.,
старший преподаватель кафедры организации судебной
и правоохранительной деятельности
Российского государственного университета правосудия,
судья в почетной отставке, полковник юстиции запаса
(г. Москва)

Литература

1. Алпатова И. Искусственный интеллект закрепился в бюджете / И. Алпатова // Российская газета. Федеральный выпуск. 2021. 7 февраля.
2. Выступление председателя Совета судей РФ В.В. Момотова на заседании Клуба имени Д.Н. Замятина // Официальный сайт Совета судей Российской Федерации. 2020. 23 декабря.
3. Дробышев П. Инновации в юриспруденции: обзор достижений и тенденций в области IT-технологизации юридического бизнеса в англоязычных юрисдикциях / П. Дробышев // *Zakon.ru*. 2017. 16 декабря.
4. Емельяненко В. Почему главным в цифровом мире по-прежнему остается человек / В. Емельяненко // Российская газета. 2021. 20 октября.
5. Карташов В.Н. Основы этического и правового регулирования искусственного интеллекта и разумного робота / В.Н. Карташов, А.С. Климова, М.А. Глазырина // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 1 (47).
6. Майоров А.А. Адаптация к цифровизации в условиях инновационного развития государства / А.А. Майоров // Креативная экономика. 2020. Т. 14. № 9.
7. Момотов В.В. Электронное правосудие : монография / Е.В. Бурдина [и др.] ; под редакцией Е.В. Бурдиной, С.В. Зуева. Москва : РГУП, 2021.
8. Чижов М.В. Электронное правосудие : монография / Е.В. Бурдина [и др.] ; под редакцией Е.В. Бурдиной, С.В. Зуева. Москва : РГУП, 2021.

Защита биоразнообразия растений и животных в праве географических указаний

Обеспечение благополучия человека в настоящем и будущем является насущной проблемой современности. Сейчас, когда мы вступаем в новое десятилетие, воздействие климатических изменений на окружающую нас среду ощущается во всем мире.

Растет осознание того, что разрешение этих проблем обеспечивается как новыми «зелеными» технологиями, так и сохранением традиционных знаний и моделей низкоуглеродного производства.

В этой связи права интеллектуальной собственности (ИС) представляются в качестве ценного драйвера защиты благополучия человека, окружающей среды и биоразнообразия.

Главное предназначение прав ИС заключается в том, чтобы способствовать инновациям и творчеству, а также сохранению традиционных знаний и технологий производства.

Разнообразные права ИС защищают как новые технологии и изобретения (патенты), способы информирования потребителей (товарные знаки и географические указания), так и творческие произведения, способные оказать позитивное влияние на благополучие человека и окружающей его среды¹.

Особого упоминания в этом ряду заслуживает право географических указаний (ГУ). *Sui generis* (права особого рода) ГУ выражены во взаимосвязи особых свойств товара с определенными природными условиями и людскими факторами (ст. 1516 Гражданского кодекса РФ; далее — ГК РФ)². Наименования места происхождения товара (НМПТ) и ГУ — единственные объекты ИС способные охарактеризовать принадлежность к конкретной экосистеме и ее содержательные характеристики, определяющие свойства товара с соответствующим обозначением.

Границы содержания *sui generis* в российском праве ГУ можно найти в Постановлении Правительства РФ от 8 августа 2020 г. № 1195 «О федеральных органах исполнительной власти, уполномоченных выдавать заключения, необходимые для государственной регистрации наименования места

¹ Международный день интеллектуальной собственности 2020 г.: инновации для «зеленого» будущего // Официальный сайт ВОИС. URL: https://www.wipo.int/ip-outreach/ru/ipday/2020/green_future.html (дата обращения: 21.09.2021).

² Гражданский кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 11.06.2021). Часть четвертая // Российская газета. 2006. № 289; СЗ РФ. 2021. № 24 (часть I). Ст. 4231.

происхождения товара и осуществления юридически значимых действий в отношении зарегистрированного наименования места происхождения товара, и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации»³: товары минерального происхождения (лечебные грязи, минеральная питьевая лечебная, лечебно-столовая, минеральная природная столовая воды); продукты питания и алкоголь (продукция сельского хозяйства, пищевая продукция, алкогольная и спиртосодержащая продукция), «непищевые» продукты (товары народных художественных промыслов и музыкальные инструменты).

Таким образом, экосистема, особые свойства которой защищаются в рамках права ГУ, представляет собой сочетание недр, почв, ландшафта и климата с учетом антропогенного влияния. За пределами *sui generis* российского права ГУ оказались такие важные компоненты экосистемы, как биологическое разнообразие растений и животных, а также водные ресурсы (за исключением подземных вод).

В рамках предложенной концепции *sui generis* права ГУ Европейского союза (ЕС) как экосистема могут оцениваться предельно консервативно. Основа европейского *sui generis* ГУ — терруар (*terroir* — фр.), совокупность почвенно-климатических характеристик и ландшафта местности⁴.

В настоящее время в ЕС ведутся дебаты в отношении расширительной трактовки *sui generis* права ГУ⁵. Модернизация трактовки *sui generis* права ГУ ведется в нескольких направлениях. Во-первых, обоснование необходимости защиты в качестве *protected designation of origin / protected geographical indication (PDO/GI)* для «непищевых» продуктов, таких как товары народных художественных промыслов и музыкальные инструменты⁶. Во-вторых, поощрение регистрации не только продуктов растительного происхождения, но и сортов растений в рамках определенного терруара. В-третьих, легитимация водных ресурсов как составной части терруара. Подобные шаги направлены как на достижение благополучия человека, так и на сохранение биоразнообразия растений и животных в рамках стабильных экосистем.

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 8 августа 2020 г. № 1195 // СЗ РФ. 2020. № 33. Ст. 5395.

⁴ Teigen De Master Kathryn, LaChance James, Bowen Sarah, MacNell Lillian. *Terroir in Transition: Environmental Change in the Wisconsin Artisanal Cheese and New England Oyster Sectors // Sustainability*. 2019. Vol. 11. № 10. 2969.

⁵ Zappalaglio A., Guerrieri F., Carls, S. *Sui Generis Geographical Indications for the Protection of Non-Agricultural Products in the EU: Can the Quality Schemes Fulfil the Task?* 2020. ИС 51, 35.

⁶ Zappalaglio A. *The Transformation of EU Geographical Indications Law: The Present, Past and Future of the Origin Link*. 1st ed. Routledge, 2021. P. 23.

Сорта растений в настоящее время охраняются Международным союзом по охране новых сортов растений (УПОВ) в соответствии с Международной конвенцией по охране новых сортов растений 1978 и 1991 гг. (Конвенции УПОВ)⁷. По мнению Лоуренса Хелфера, механизмы конвенции не предназначены для защиты традиционных сортов растений, созданных без использования методов селекции в естественной среде⁸. Сорта растений, культивируемые в рамках терруаров, не соответствуют требованиям патентов или прав селекционеров в отношении их новизны.

Кроме того, Хелфер обращает внимание на опасность использования семян, полученных методами лабораторной селекции растений, вместо сортов, полученных традиционными методами, из-за того, что первые имеют однородные генетические характеристики и могут оказать неблагоприятное воздействие на биоразнообразие⁹.

ГУ могут быть использованы в качестве защиты традиционных сортов растений с учетом отсутствия механизмов их защиты, — требование новизны, необходимое для защиты прав селекционеров растений в соответствии с конвенциями УПОВ 1978 и 1991 гг.

Защита сортов растений и других биоресурсов, происходящих из определенных терруаров, с помощью ГУ позволяет контролировать их коммерциализацию. В отличие от товарных знаков, ГУ связывают продукты с местом их происхождения и способствуют поддержанию традиционных методов производства. Более того, чрезмерная эксплуатация ресурсов биоразнообразия может повлечь его последующее исчезновение, в то время как защита биоразнообразия с помощью ГУ будет способствовать его сохранению.

В 2007 году ЕС зарегистрировал сорт растения «колумбийский кофе» в качестве PGI¹⁰. Позднее, в 2019 г. в рамках торгового соглашения между ЕС, Колумбией, Эквадором и Перу¹¹ статус PGI был предоставлен «колумбийской розе», «колумбийской гвоздике» и «колумбийской хризантеме»¹².

⁷ Международная конвенция по охране новых сортов растений (изм. от 19.03.1991) // ФГБУ «Госсорткомиссия». URL: https://gossortrf.ru/upov/convention/Act_1991.pdf (дата обращения: 21.09.2021).

⁸ Helfer Laurence R. Intellectual Property Rights in Plant Varieties: International Legal Regimes and Policy Options for National Governments. 2004. P. 28.

⁹ Ibid.

¹⁰ Vásquez-Arango Carolina. Protection of Traditional Knowledge and Biodiversity through a Higher protection of Geographical Indications: A review of Colombia's Position at the WTO. 2014. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/trips_e/colloquium_papers_e/2014/chapter_5_2014_e.pdf (дата обращения: 21.09.2021).

¹¹ Decision No. 1/2018 of the Trade Committee of 13 December 2018 modifying Appendix 1 to Annex XIII to the Trade Agreement between the European Union and its Member States, of the one part, and Colombia, Ecuador and Peru, of the other part [2019/179] // The official EU website. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:2019D0179&from=EN> (дата обращения: 21.09.2021).

¹² GIs from non-EU countries protected in the EU under bilateral agreements] // The official EU website. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/food-farming-fisheries/food_safety_and_quality/documents/list-gis-non-eu-countries-protected-in-eu_en.pdf (дата обращения: 21.09.2021).

Распространение права ГУ на водные ресурсы ЕС произошло из-за давления шотландских рыбаков, требующих признать традиционные промыслы лосося. В постановлении Еврокомиссии от 2 декабря 2008 г. № 1195/2008¹³ впервые описывалось не рыбное блюдо, к примеру «копченый шотландский дикий лосось» (Scottish Smoked Wild Salmon (PGI)), а рыба с определенными видовыми характеристиками (Scottish Farmed Salmon (PGI)).

Позднее, в 2009 г. в ЕС было зарегистрировано ГУ «Устрицы Марен — Олерон» (Huitres Marennes-Oléron (IGP))¹⁴ во Франции. Впервые законодателями ЕС был использован термин «бассейн» (*le bassin* — фр.), индивидуализирующий, по аналогии с терруаром, поверхностные водные ресурсы. Площадь бассейна Марен — Олерон насчитывает более 3000 га, границами которого являются устье реки Седр, восточное побережье острова Олерон, берега у Бурсфран-ле-Шапю и Пор-Де-Барк¹⁵.

По состоянию на 2021 год в ЕС было зарегистрировано более 75 ГУ, имеющих в своем названии наименование водного бассейна и определенного вида рыб или моллюсков, в том числе 13 ГУ из стран за пределами ЕС¹⁶.

Таким образом, признание сортов растений, водных ресурсов и определенных промыслов видов рыб и моллюсков в качестве объектов *sui generis* европейского права ГУ способствует сохранению биоразнообразия животных и растений в существующих экосистемах, охране существующих экосистем в рамках права ИС, а также поощрению низкоуглеродных практик.

В российском праве ГУ защита сортов растений началась с регистрации «Астраханских арбузов» (№ 111 от 03.09.2009)¹⁷ и «Астраханских томатов» (№ 112 от 03.09.2009)¹⁸ в качестве НМПТ. В описании особых свойств данных товаров прослеживается четкая взаимосвязь между сортавыми особенностями и географическими особенностями их произрастания.

¹³ Commission Regulation (EC) No. 1195/2008 of 2 December 2008 approving non-minor amendments to the specification for a name entered in the register of protected designations of origin and protected geographical indications (Scottish Farmed Salmon (PGI)) // The official EU website. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=CELEX:32008R1195> (дата обращения: 21.09.2021).

¹⁴ Les secrets d'élevage des huitres Marennes-Oléron // Le ministère de l'Agriculture et de l'Alimentation website. URL: <https://agriculture.gouv.fr/les-secrets-delevage-des-huitres-marennes-oleron> (дата обращения: 21.09.2021).

¹⁵ Ibid.

¹⁶ eAmbrosia — the EU geographical indications register // The official EU website. URL: <https://ec.europa.eu/info/food-farming-fisheries/food-safety-and-quality/certification/quality-labels/geographical-indications-register/> (дата обращения: 21.09.2021).

¹⁷ Открытые реестры ГУ и НМПТ // ФИПС. URL: https://fips.ru/registers-doc-view/fips_rvlet?DB=RUGP&DocNumber=111&TypeFile=html (дата обращения: 21.09.2021).

¹⁸ См.: Открытые реестры ГУ и НМПТ.

Позднее, с появлением в российском законодательстве термина ГУ¹⁹, в феврале 2021 г. Россия зарегистрировала первое иностранное ГУ 홍삼 Korean Red Ginseng (№ 259 от 26.02.2021)²⁰.

По мнению Сун Хи Пака²¹, красный корейский женьшень упоминался как ГУ в первом соглашении о свободной торговле Кореи и Чили в 2004 году для дифференциации корейского сорта растения от китайского женьшеня. Тем не менее, утверждения Сун Хи Пака об отличиях между китайским и корейским женьшенем никак не отразились в документах Роспатента, а китайский женьшень не был зарегистрирован в России как НМПТ или ГУ.

Защиту биоразнообразия водных ресурсов и охрану целостности водных ресурсов в России можно проиллюстрировать на примерах НМПТ «Таймырский сиг» (№ 198 от 16.04.2019)²² и НМПТ «Камчатская нерка» (№ 176 от 16.11.2018)²³. В обоих случаях указываются как видовые характеристики рыб, так и бассейн их обитания.

Особое место в российском *sui generis* ГУ занимает НМПТ «Горно-алтайский марал» (№ 217 от 22.08.2019)²⁴. Объектом охраны является крупное парнокопытное дикое животное из семейства оленевых, разводимое в Республике Алтай. Подобная регламентация на сегодняшний день не имеет международных правовых аналогов.

С одной стороны, видится явным использование животного в качестве элемента зонтичной защиты ИС производных продуктов (панты, мясо, кровь и проч.) и объекта промысла — мараловодства вне естественных условий. С другой стороны, объектами охраны являются видовые характеристики *Cervus elaphus sibiricus* и ареал его обитания.

Охрана диких животных в рамках права ГУ является новой и малоиспользуемой темой, которой необходимо дать детальную правовую оценку.

Роль права ГУ в благополучии человека, построении низкоуглеродной экономики и защите биоразнообразия растений и животных чрезвычайно высока. Основной задачей видится расширение состава объектов *sui generis* прав ГУ с целью обеспечения защиты всех элементов экосистемы.

¹⁹ Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 230-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 1 и 231 Федерального закона “О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции”» // Российская газета. 2019. 31 июля.

²⁰ См.: Открытые реестры ГУ и НМПТ.

²¹ SunHee Park Taking Cultural Goods Seriously: Geographical Indications and the Renegotiation Strategies for the Korea-EU FTA First published: 08 July 2020.

²² См.: Открытые реестры ГУ и НМПТ.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

Российский правовой режим ГУ является частью этого процесса, многие отечественные практики не имеют аналогов — например, количество объектов НМПТ минерального происхождения. Между тем российский *sui generis* прав ГУ недостаточно регламентирован.

Абрамов С.А.,

аспирант кафедры истории и государственно-правовых дисциплин
Среднерусского института управления — филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
(г. Орел)

Литература

1. Teigen De Master K. Terroir in Transition: Environmental Change in the Wisconsin Artisanal Cheese and New England Oyster Sectors / K. Teigen De Master, J. LaChance, S. Bowen, L. MacNell // *Sustainability*. 2019. Vol. 11. Iss. 10.
2. Zappalaglio A. Sui Generis Geographical Indications for the Protection of Non-Agricultural Products in the EU: Can the Quality Schemes Fulfil the Task? / A. Zappalaglio, F. Guerrieri, S. Carls // *ИИС — International Review of Intellectual Property and Competition Law*. 2020. Vol. 51.
3. Zappalaglio A. The Transformation of EU Geographical Indications Law: The Present, Past and Future of the Origin Link / A. Zappalaglio. Routledge, 2021.

Можно ли «встроить» произведения и изобретения, созданные искусственным интеллектом, в существующую систему авторских и патентных прав?

Современные системы искусственного интеллекта (далее — AI-системы) способны генерировать (производить) продукцию, представляющую интерес с точки зрения авторского и патентного права. Сегодня они «научились» вполне прилично рисовать, сочинять, конструировать. В некоторых сферах, например в разработке электротехнического оборудования, эти системы уже превосходят человека. По оценкам специалистов, радиоантенны, спроектированные машинами, по своим техническим характеристикам лучше всех аналогичных конструкций, сделанных профессиональными инженерами. Весьма активно и не менее эффективно искусственный интеллект используется при поиске новых лекарственных форм (набор компонентов, обладающий заданной биологической активностью). Созданные «умными» машинами лекарства представляют собой вполне патентоспособное изобретение. Примерами компьютерных «произведений», потенциально способных к авторско-правовой охране, могут быть автоматические машинные переводы, «автоматизированная журналистика» (репортажи, заметки, статьи, которые «пишут» машины, человек лишь ставит тему и вводит исходные данные), электронная музыка («сочиненные» компьютером мелодии), фотографии, картины и др.

Основная проблема возможной правовой охраны результатов «машинного» творчества связана с **фигурой автора**. Дело в том, что автор, т.е. человек, создавший творческий результат, является первым — и обязательным! — «звеном» в цепочке всех последующих правообладателей. Именно в его лице возникают первоначальные права на такие результаты, которые затем в порядке сингулярного и универсального правопреемства могут перейти к другим лицам — работодателям, заказчикам наследникам. Очень четко эта принципиальная идея отражена в российском Гражданском кодексе (далее — ГК РФ). Согласно ст. 1228 ГК РФ, автором и первоначальным обладателем исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности (к числу которых относятся произведения искусства и изобретения) признается *гражданин*, творческим трудом которого создан такой результат. Очевидно, что система искусственного интеллекта (которую в самом общем виде можно определить как компьютерную систему с соответствующим программным обеспечением) не является ни гражданином, ни иным «лицом» (субъектом), обладающим гражданской правоспособностью.

В последние полтора-два года в разных юрисдикциях были предприняты попытки «сломать» этот стереотип, объявив автором компьютерного продукта (технического решения) саму AI-систему. Однако патентные ведомства Евросоюза (EPO), США (USPTO) и Великобритании, куда были поданы соответствующие заявки, отказали в выдаче патентов. Формальным поводом к отклонению заявок послужило то обстоятельство, что заявители (во всех случаях это были граждане) не смогли удовлетворительно ответить на вопрос, *от кого* они получили право на подачу заявки? Компьютерная система не была признана «лицом» (person), способным иметь и передавать какие-либо права. Контраргументы заявителей о том, что основанием правопреемства является факт титульного владения машиной, не произвели на чиновников патентных ведомств (а затем — и судей) должного впечатления.

В своем пресс-релизе по этому делу EPO высказала мнение, что понимание термина «изобретатель» как исключительно «человека» или «физического лица» следует считать общепризнанным международным стандартом¹. Позиция американского ведомства была более догматичной. В своих рассуждениях оно исходило из того, что ключевым элементом изобретательской деятельности является «концепция» ('conception'), то есть «формирование в сознании изобретателя определенной и окончательной идеи завершеного и действующего изобретения» ('the formation in the mind of the inventor, of a definite and permanent idea of the complete and operative invention'). Поскольку концепция — это «мыслительный акт» ('mental act'), он должен выполняться физическим лицом; вследствие чего изобретателями не могут быть корпорации, органы власти или в более широком смысле — машины. Вскоре после этих разъяснений USPTO опубликовало решение по петиции, поясняющее, что в соответствии с действующим законодательством только физические лица могут быть названы изобретателями в патентной заявке².

Идея «человеческого авторства» до сих пор остается доминирующей и в отношении «компьютерных» произведений. В последних официальных разъяснениях Бюро по авторским правам США подтвердило свою прежнюю позицию о том, что только произведения, созданные человеком, могут охраняться авторским правом и регистрироваться в соответствии с американским законодательством³. Большинство европейских юрисдикций также требуют обя-

¹ '...The understanding of the term inventor as referring to a natural person appears to be an internationally applicable standard'. EPO publishes grounds for its decision to refuse two patent applications naming a machine as inventor. 28 January 2020. URL: <https://www.epo.org/news-events/news/2020/20200128.html>

² United States Patent and Trademark Office (USPTO). Decision on Petition, Application No. 16/524,350. Более подробный анализ этих прецедентов см.: Pihlajamaa Heli. Legal Aspects of Patenting Inventions Involving Artificial Intelligence Summary of Feedback by EPC Contracting States. Presentation (EPO, 2020); Dhaliwal Inder. Third strike for AI machines as patent inventors — this time USPTO says no / THE LENS: Digital developments in focus. URL: <https://thelens.slaughterandmay.com/post/102g8b7/third-strike-for-ai-machines-as-patent-inventors-this-time-uspto-says-no>

³ «Поскольку авторское право охраняет плоды интеллектуального труда, основанные на творческой силе разума... Бюро откажет в регистрации правопритязания,

зательного участия «автора-человека» в процессе создания охраноспособного произведения⁴.

С учетом вышесказанного постараемся ответить на *вопрос: каким образом могла бы быть разрешена проблема авторства на «произведения» и «изобретения», генерированные AI-системами?*

Если разрешать эту проблему, не выходя за рамки классических институтов авторского и патентного права, такой субъект, как автор/изобретатель, обязательно должен быть найден или в крайнем случае — создан. Принципиально это может быть сделано двумя способами: (а) путем приписывания авторства человеку, который взаимодействовал с машиной; (б) введением фигуры условного (фиктивного) автора.

Автор-человек. Идея присвоения авторства человеку, который так или иначе взаимодействует с AI-системой, выглядит вполне логично. Дело в том, что системы искусственного интеллекта еще не достигли того уровня, когда они могут писать, рисовать и изобретать то, что хочется им самим. Все-таки *пока* задачи им ставит человек. Он же контролирует их выполнение, отбирая те выходные данные (в том числе соответствующие формальным признакам изобретений и произведений), которые, с его точки зрения, решают поставленную задачу наиболее оптимальным образом. По авторитетному мнению представителей IT-индустрии, создание так называемого «сильного» интеллекта, который способен воспроизводить когнитивные функции человека, ставить самому себе задачи и работать, так сказать, «свободным художником», — дело весьма отдаленного и неопределенного будущего⁵.

На наш взгляд, наиболее перспективными кандидатами на «должность» автора компьютерного продукта могли бы быть *оператор-пользователь* системы или человек, который ее обучает, — *настройщик системы* (если это разные лица, возможен режим соавторства). Попутно заметим, что сам процесс «обучения» происходит путем целенаправленного отбора и ввода в память системы необходимых исходных данных в виде текстов, изображений, фотографий, музыкальных отрывков и т.п., которые затем обрабатываются

если установит, что произведение было создано не человеком». U.S. Copyright Office. COMPENDIUM (THIRD) § 101.1(A).

⁴ В частности, Суд Европейского союза (CJEU) неоднократно указывал на то, что авторское право распространяется лишь на такие произведения, в которых отражается «собственное интеллектуальное творение автора» ('author's own intellectual creation'). На языке доктрины та же идея обычно интерпретируется таким образом, что в каждом оригинальном произведении должна отражаться личность автора ('author's personality'), что естественным образом подразумевает автора-человека. Подроб.: Guadamuz Andres. Artificial intelligence and copyright. WIPO MAGAZINE. October 2017. No. 5. P. 17–18.

⁵ На эту тему см., например: URL: <https://www.epo.org/news-events/in-focus/ict/artificial-intelligence.html>

«операционной логикой» в соответствии с поставленными перед AI-системой целями и задачами⁶.

Гораздо менее логичной выглядит идея признания автором *программиста*. Доводя эту идею до логического конца, можно прийти к выводу, что человек, который однажды написал программу, должен считаться автором *всего* генерированного компьютерного контента — что кажется очевидным правовым нонсенсом. Ведь ни у кого из серьезных юристов не возникает сомнений в вопросе о том, могут ли родители признаваться авторами произведений, созданных их детьми. Самообучаемые AI-программы, так же как и дети, со временем вырастают из «коротких штанишек» первоначально заложенных в них алгоритмов. Принципиальной особенностью этих программ (систем) считается их способность к самообучению. Суть в том, что такая система может работать без заранее прописанного алгоритма создания тех решений (технических, художественных и т.п.), к которым она приходит. Фигурально говоря, программа «сочиняет» или «дописывает» свои алгоритмы на ходу, реагируя на новые данные, которые она получает из окружающей среды.

В этой связи в литературе справедливо отмечается тот факт, что законный интерес программиста распространяется прежде всего на добавочный код, созданный программой в процессе самообучения⁷. И авторские права на эти «дописанные» машиной коды должны принадлежать именно ему, что вполне оправданно с политико-правовой точки зрения, поскольку весь этот «наработанный» машиной материал он сможет правомерно и эксклюзивно использовать для доработки своих программ.

Признание автором компьютерного контента именно программиста может быть оправданно лишь в том случае, если программа разработана для решения конкретной практической задачи (в области техники, дизайна и т.п.). Это тем более справедливо, если программист принимал участие в процессе «обучения» AI-системы (ввод исходных данных) и последующей выборки полученных результатов (отбор выходных данных)⁸. В этом последнем случае его деятельность приближается к деятельности пользователя системы.

Автор-машина (юридический автор). В этом варианте нет ничего необычного, если относиться к такому «автору», как к фикции — условной точке «привязки» всех первоначальных прав, которые впоследствии перейдут или будут осуществляться реальными лицами. Современному гражданскому праву известна масса подобных фикций. Например, никого уже не удивляет тот факт, что *что-то* может принадлежать «юридическим лицам», которых,

---

⁶ Вопрос правомерности использования в процессе обучения системы массива данных (материалов), которые сами по себе могут охраняться авторским или смежным правом, составляет отдельную проблему.

⁷ Гурко А. Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее // ИС. Авторское право и смежные права. 2017. № 12.

⁸ На эту тему см. также: Abbott Ryan. The Artificial Inventor Project // Wipo Magazine. December 2019. № 6.

в отличие от компьютеров, никто и никогда не видел. Почему бы не ввести (хотя бы по аналогии с этими виртуальными субъектами) еще одну фикцию — «юридических авторов», которая могла бы снять многие проблемы авторского и патентного права, причем связанные не только с искусственным интеллектом⁹.

Как европейским, так и американским патентным и судебным властям больше всего не понравилось то обстоятельство, что лица, подавшие заявки на выдачу патента, не смогли обосновать факт правопреемства: *от кого* они получили право на подачу этих заявок? Предложенная фикция «юридического автора» могла бы легко решить эту задачу. Для этого достаточно сделать еще один логический шаг: факт законного владения «автором-машиной» *ipso facto* переносит на владельца все правомочия интеллектуального собственника, в том числе исключительное право на использование компьютерного «произведения» и право на патентование компьютерного «изобретения»¹⁰.

Вместо послесловия. В июле 2021 года Федеральный суд Австралии, кажется впервые в мировой истории, вынес решение, в котором автором изобретения была признана сама AI-система. Принимая это решение, федеральный судья сказал, на наш взгляд, очень правильную вещь: «Мы просто признаем реальность, присваивая искусственному интеллекту статус изобретателя»¹¹.

Бузанов В.Ю.,

доцент кафедры гражданского права Юридического факультета
Московского государственного университета (МГУ)
имени М.В. Ломоносова
(г. Москва)

Литература

1. Гурко А. Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее / А. Гурко // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 12.
2. Abbott R. The Artificial Inventor Project / R. Abbott // WIPO Magazine, 2019. Iss. 6.
3. Dhaliwal I. Third strike for AI machines as patent inventors — this time USPTO says no / I. Dhaliwal // The Lens: Digital developments in focus. 2020. 3 June.
4. Guadamuz A. Artificial intelligence and copyright / A. Guadamuz // WIPO Magazine. 2017. Iss. 5.
5. Pihlajamaa H. Legal Aspects of Patenting Inventions Involving Artificial Intelligence Summary of Feedback by EPC Contracting States / H. Pihlajamaa. Presentation (EPO, 2020).

⁹ Заметим, что российскому законодательству уже известен опыт использования таких фикций. Речь идет о правовом режиме аудиовизуальных произведений (теле- и кинофильмов), созданных в советское время. Их авторами признаются киностудии, которые осуществили съемку, т.е. юридические лица (см. ст. 486 ГК РСФСР, 1964, ст. 6 Вводного закона к части четвертой ГК РФ).

¹⁰ С точки зрения российского Гражданского кодекса, для обоснования этой презумпции может быть использована аналогия закона о приобретении права собственности на плоды и продукцию, производимую своей или арендуемой вещью (ст. 136 и 606 ГК РФ).

¹¹ We 'are simply recognising the reality by according artificial intelligence the label of 'inventor'. Federal Court of Australia. Thaler v Commissioner of Patents [2021] FCA 879.

Концепция трудового поведения и ее значение для совершенствования законодательства о юридической ответственности

Поведенческая проблематика привлекает к себе внимание представителей различных областей знания со времен древности. Спектр связанных с ней вопросов чрезвычайно широк, в связи с чем аспекты именно правового поведения составляют его незначительную часть. В настоящее время поведение изучается в целом ряде предметных областей, в том числе в рамках междисциплинарных подходов на стыке социальных и естественных наук — психологии, нейробиологии, экономики, социологии и права.

В юриспруденции актуальность и значение исследований в области поведения обусловлены тем, что именно оно является непосредственным объектом правового регулирования. Как метко отметил известный правовед С.С. Алексеев, «регулировать — значит определять поведение людей и их коллективов, давать ему направление функционирования и развития, вводить его в определенные рамки, целеустремленно его упорядочивать»¹.

Таким образом, исследование поведенческой проблематики в сфере правового регулирования строится на фундаментальном теоретическом постулате о том, что поведение образует материальное содержание правовых отношений, и в той степени, в какой оно приобретает социально-правовую оценку, находит правовое опосредование в субъективных правах и юридических обязанностях участников этих правоотношений (т.е. в их юридическом содержании).

В связи с этим юридическая наука, в том числе наука трудового права, не может не обращаться к исследованию поведения, находящегося в правовой сфере, и прежде всего к критериям его классификации, оценки на предмет соответствия правовым нормам и определению адекватных юридических последствий различных его разновидностей.

Такая оценка становится возможной именно в рамках концепции правового поведения, учитывающей отраслевую специфику формирования критериев правомерности, что позволяет отграничить правомерное поведение от иных разновидностей правового поведения (правонарушения, объективно противоправного поведения, злоупотребления правом) и наиболее точно определить их юридические последствия. Это, как представляется,

¹ Алексеев С.С. Теория права. М., 1995. С. 30.

способствует позитивным изменениям как в законодательстве во всех сферах, включая сферу применения несамостоятельного труда, так и в правоприменительной практике.

Вместе с тем, несмотря на столь существенное значение категории правового поведения, по справедливому замечанию Ю.А. Тихомирова, стало очевидным «забвение поведенческих аспектов в юридической литературе и практике»², в связи с чем требуется расширение исследований актуальных проблем стабильности и динамики поведения в обществе в рамках всех юридических наук, в том числе и науки трудового права.

Здесь следует пояснить, что, говоря именно о правовом поведении, мы исходим из общетеоретического подхода, сформулированного В.Н. Кудрявцевым, согласно которому оно определено как социально значимое, волевое, регламентированное нормами права, подконтрольное государству и влекущее либо способное повлечь юридические последствия поведения индивидуальных и коллективных субъектов³. На основании этого можно сформулировать понятие правового поведения в сфере несамостоятельного труда как наиболее широкое, применимое ко всем субъектам трудового права и влекущее юридические последствия по нормам как трудового права, так и иных отраслей, а также как более узкое понятие правового поведения участников трудового правоотношения (работника и работодателя), рассмотрев его через призму юридических последствий, наступающих по нормам именно трудового права.

Понятие трудово-правового поведения участников трудового правоотношения требует отграничения от смежных понятий (трудо-вого действия, трудо-вой операции, трудо-вого поступка и трудо-вого проступка), которые употребляются в современной литературе по трудовому праву. Не останавливаясь сейчас на этих вопросах ввиду ограниченности времени, автор статьи хотела бы отметить, что в сфере несамостоятельного труда правовое поведение характеризуется определенными особенностями формирования и проявления, которые обусловлены прежде всего спецификой предмета, метода и системы источников отрасли трудового права. Выявление и анализ таких особенностей, в том числе применительно к отдельным разновидностям трудо-правового поведения, позволяют, на наш взгляд, наиболее эффективно стимулировать правомерное поведение в этой сфере и пресекать поведение неправомерное, и прежде всего трудовые правонарушения.

В рассматриваемом контексте требует исследования взаимосвязь трудо-правового поведения и такой фундаментальной правовой категории, как

² Тихомиров Ю.А. Поведение в обществе и право // Журнал российского права. 2011. № 2 (170). С. 7.

³ Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. С. 41.

юридическая ответственность в трудовом праве. Это обуславливает необходимость исследования видов трудовправового поведения как фактических оснований такой ответственности, а также анализа актуальных проблем ее правового регулирования, с учетом современных общетеоретических научных подходов к рассмотрению юридической ответственности как социально-правового явления.

В связи с постановкой вопроса о влиянии концепции трудовправового поведения на развитие законодательства о юридической ответственности в трудовом праве следует выделить ряд моментов.

Прежде всего, с учетом разграничения понятий правового поведения и юридически значимого поведения как поведения в правовой сфере, не влекущего юридических последствий, обнаруживается специфика трудовправового поведения, обусловленная включением в субъектный состав трудового правоотношения лиц, не являющихся дееспособными (и соответственно, деликтоспособными) в силу возраста и наличия у них определенных психических заболеваний. В сфере труда эти лица могут осуществлять трудовую деятельность (выполнять трудовые действия), однако не могут совершать многие юридически значимые действия (правовые поступки), следовательно, не могут рассматриваться как полноправные субъекты трудовправового поведения. Являясь субъектами правомерного трудовправового поведения, они не могут признаваться субъектами трудовых правонарушений, поскольку их противоправное поведение имеет объективно-противоправный характер в связи с отсутствием в составе совершаемых ими противоправных деяний такого необходимого элемента правонарушения, как надлежащий деликтоспособный субъект.

Далее, на основе соотношения между поведением отдельных индивидов и деятельностью образуемых ими коллективных образований, в том числе юридических лиц, выступающих в трудовых правоотношениях в качестве работодателей, можно сделать вывод о том, что деятельность работодателя в трудовом правоотношении реализуется через поведение осуществляющих эту деятельность физических лиц и, таким образом, является своего рода поведением юридического лица. Это обуславливает необходимость применения по отношению к работодателю — юридическому лицу понятия вины на основе как доктрины объективно возможной заботливости и осмотрительности в поведении участника правоотношения, так и доктрины психической обусловленности поведения организации деяниями соответствующих физических лиц, прежде всего образующих ее органы управления. Заметим, что эта проблематика является актуальной и в цивилистике применительно к сфере гражданско-правовой ответственности.

Следующий вопрос связан с определением пределов правомерного поведения участников трудового правоотношения в аспекте его отграничения от иной разновидности трудового поведения — злоупотребления правом работниками и работодателями. В этой связи, как представляется, требует дифференцированного подхода регламентация юридических последствий злоупотребления правом в зависимости от субъекта поведения. Необходимость такой дифференциации обусловлена спецификой юридической связи между работником и работодателем, что отличает ее от связи свободных, автономных участников гражданско-правовых отношений, применительно к которым была в свое время разработана в цивилистике конструкция злоупотребления правом.

Полагаем, основным правовым последствием злоупотребления правом со стороны работника должен быть именно отказ юрисдикционного органа в защите права, в то время как по отношению к работодателю таковыми, в зависимости от конкретной ситуации, могут быть как отказ в защите соответствующего права работодателя, так и применение к нему мер юридической ответственности в виде возложения на работодателя обязанности по возмещению причиненного работнику материального ущерба и морального вреда. По этому пути идет и правоприменительная практика. В частности, известно уже немало дел, в том числе и рассмотренных на уровне Верховного Суда РФ, где суды усматривали в поведении работодателя признаки злоупотребления правом, в частности, на привлечение работника к дисциплинарной ответственности, на основании чего отменяли приказы работодателей о применении к работникам дисциплинарной ответственности, в том числе и об увольнении⁴.

Как известно, согласно ст. 394 Трудового кодекса РФ (ТК РФ)⁵, признание судом по иску работника увольнения с работы незаконным влечет удовлетворение требований истца, в том числе по оплате работнику периода вынужденного прогула. В то же время возмещение работодателем работнику не полученного последним заработка во всех случаях незаконного лишения его возможности трудиться является, согласно ст. 234 ТК РФ, мерой материальной ответственности работодателя, а соответствующее поведение работодателя квалифицируется как виновное противоправное поведение (ст. 233 ТК РФ). Таким образом, правовые последствия злоупотребления правом со стороны работодателя, как видно, могут быть аналогичны последствиям правонарушения, что свидетельствует о том, что и злоупотребление правом, и право-

⁴ Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прекращением трудового договора по инициативе работодателя (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 09.12.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 4.

⁵ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Российская газета. 2001. 31 декабря.

нарушение едины по признаку противоправности как элементу объективной стороны деяния, а, следовательно, правомерного злоупотребления правом в контексте рассмотрения поведения субъекта именно как правового не бывает.

В заключение представляется важным поставить вопрос о необходимости возложения на работодателя как на основного организатора процесса несамостоятельного труда обязанности по четкой регламентации в рамках локального, коллективного и индивидуального договорного регулирования порядка реализации работниками трудовых прав и исполнения ими юридических обязанностей для недопущения квалификации в качестве злоупотребления правом тех действий работников, которые не являются злонамеренными, а обусловлены либо незнанием ими своих трудовых прав, либо недостаточной регламентацией порядка их реализации на локальном уровне.

Забрамная Е.Ю.,

доцент кафедры трудового права Юридического факультета
Московского государственного университета (МГУ)
имени М.В. Ломоносова,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Москва)

Литература

1. Алексеев С.С. Теория права / С.С. Алексеев. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : БЕК, 1995.
2. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология / В.Н. Кудрявцев. Москва : Наука, 1982.
3. Тихомиров Ю.А. Поведение в обществе и право / Ю.А. Тихомиров // Журнал российского права. 2011. № 2 (170).

Механизм обеспечения прав привлеченных работников в сфере труда

Можно по-разному относиться к таким процессам, как сужение сферы действия трудового права в результате роста неформальной экономики, развитие новых информационных технологий и форм организации труда, в частности децентрализация производства и передача его на субподряд, глобализация, международная конкуренция, расширение сферы удаленной и дистанционной работы, «перевод значительной части работников на удаленный режим работы»¹, увеличение числа работников, занятых неполный рабочий день, расширение возможностей заключения срочных трудовых договоров, рост числа самозанятых лиц, появление различий в правовом регулировании труда в государственном и «негосударственном» секторах экономики, дальнейшая либерализация привлеченного труда и др., однако это современная реальность, и необходимо разрабатывать не только дополнительные гарантии прав работников, но и правовые средства, обеспечивающие осуществление прав и исполнение обязанностей как работодателем, так и юридическим или физическим лицом, не являющимся работодателем по отношению к работнику, осуществляющему деятельность в его интересах.

В настоящее время все более широкое распространение получают формы привлечения к труду наемных сотрудников с отклонениями от классического трудового договора в видоизмененных сочетаниях, а иногда, и вообще, имеет место неформальный труд². Одной из основных форм нетипичных трудовых отношений на современном этапе является «привлеченный труд» (применяется как условный термин)³.

Исследование особенностей субъектного состава нетипичного трудового отношения и его объекта позволяет выявить специфическую разновидность так называемого «привлеченного труда», под которым понимается постоянная или временная работа, выполняемая работником в интересах, под управлением и контролем физического или

¹ Хронова И.А. Регулирование дистанционной работы и практические аспекты трудового законодательства. Краснодар : Кубанский государственный технологический университет, 2021. С. 3.

² По данным общественного движения «Труд» сегодня в России 18 млн рабочих мест находятся в неформальной экономике.

³ В рамках привлеченного труда предлагается выделять два основных вида: так называемый «заемный труд» (применяется как условный термин в зарубежном праве) и «предоставленный труд», а также дополнительные, например, секондмент.

юридического лица, не являющегося для него работодателем, на основании договора о привлечении персонала, заключенного работодателем с лицом, в пользу которого осуществляется работа.

Поэтому необходимо разработать не только дополнительные гарантии прав работников, но и правовые средства, обеспечивающие осуществление прав и исполнение обязанностей как работодателем, так и юридическим или физическим лицом, не являющимся работодателем по отношению к работнику, осуществляющему деятельность в его интересах.

Все это, в свою очередь, свидетельствует о необходимости разработки правовых норм, регулирующих отношения, возникающие по поводу применения «привлеченного труда».

Признавая субъектами ряда нетипичных трудовых отношений работников, труд которых предоставляется другим юридическим и физическим лицам, есть основания именовать их «привлеченным персоналом». А исходя из принципа единства и дифференциации правового регулирования трудовых отношений, можно выделить привлеченный персонал в отдельную категорию работников в целях выравнивания их положения в сравнении с общей категорией работников и обеспечивая, таким образом, им равные права и возможности.

Это позволяет эффективно использовать применение сложившихся на современном этапе нетипичных конструкций, не разрушая при этом систему трудового права.

Анализ применения привлеченного труда позволяет, наряду с привлеченным персоналом, выявить иной субъект, правовой статус которого имеет определенные отличия. Так, если привлеченный персонал выступает субъектом отношений, возникающих в связи с применением нетипичных форм занятости в широком понимании, то работники, труд которых предоставляют юридические и физические лица по договору о предоставлении труда, выступают субъектами исключительно трудовых отношений.

Это позволяет утверждать о наличии разновидности так называемого «привлеченного персонала» — субъекты трудовых отношений, которые являются «предоставляемым персоналом».

Современная практика применения трудового законодательства свидетельствует об отсутствии действенного механизма правового регулирования отношений, возникающих в связи с предоставлением труда работников (персонала) юридическими лицами, не являющимися частными агентствами занятости. Между тем объективная реальность свидетельствует о необходимости их легализации в рамках холдинговых компаний, а также отдельных бизнес-структур, взаимосвязанных бизнес-групп,

участников акционерных соглашений путем установления определенных правил, в том числе ограничений или преференций, определения основания и особенностей использования данной конструкции, что может оказать неоценимую помощь в целях обеспечения как интересов работника, так и реализации права работодателя перераспределять в рамках холдинговых и иных бизнес-структур, взаимосвязанных бизнес-групп, участников акционерных соглашений работников с использованием механизма предоставления персонала работодателю, не являющемуся для работника работодателем.

Для обеспечения реализации права указанных выше лиц предоставлять труд работников (персонала) предлагается к числу аффилированных лиц по отношению к направляющей стороне отнести:

— лицо, которое способно оказывать влияние на деятельность направляющей стороны;

— лицо, на деятельность которого способна оказывать влияние направляющая сторона;

— лицо, на деятельность которого, так же как и на деятельность направляющей стороны, способно оказывать общее влияние третье лицо.

Все вышесказанное в целях упорядочения системы занятости и труда, которые приобретают новые характерные признаки, диктует необходимость принятия Федерального закона «О правовом регулировании привлеченного труда», структурно состоящего из 8 разделов (1. Общие положения. 2. Правовой статус частного агентства занятости. 3. Правовой статус привлеченного работника. 4. Порядок взаимодействия государственных и частных служб занятости. 5. Отношения привлеченного работника и частного агентства занятости. 6. Отношения привлеченного работника и организации-пользователя. 7. Отношения частного агентства занятости и организации-пользователя. 8. Социальное партнерство с участием привлеченных работников)⁴, с одновременным внесением соответствующих изменений в Закон от 19 апреля 1991 г. № 1032-І «О занятости населения в Российской Федерации».

А в целях упорядочения существующего механизма предоставления труда работников (персонала) для юридических лиц, не являющихся частными агентствами занятости, необходимо принять Федеральный закон «О регулировании труда работников, направляемых временно работодателем, не являющимся частным агентством занятости, к другим юридическим лицам по договору о предоставлении труда работников (персонала)».

⁴ См.: Закалюжная Н.В. Основные формы нетипичных трудовых отношений в России и за рубежом в условиях модернизации экономики : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. Приложение 1: Проект Федерального закона Российской Федерации «О правовом регулировании привлеченного труда». С. 394.

В рамках первого из предлагаемых федеральных законов, например, важно определить систему органов по трудоустройству, указав следующее:

«В Российской Федерации действует двухуровневая система органов по трудоустройству:

— государственная служба занятости, включающая:

- уполномоченный Правительством Российской Федерации федеральный орган исполнительной власти;

- органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие полномочия в области содействия занятости населения и переданное полномочие по осуществлению социальных выплат гражданам, признанным в установленном порядке безработными;

- государственные учреждения службы занятости населения;

— частные агентства занятости, объединенные в национальные ассоциации агентств по привлеченному труду во главе с Общероссийской ассоциацией по применению привлеченного труда и трудоустройству.

Отношения между государственной службой занятости и частными агентствами занятости должны быть партнерскими и строиться на началах сотрудничества (государственно-частное партнерство). Такое сотрудничество поощряется.

К мерам, обеспечивающим взаимодействие, относятся:

- объединение информации и использование общей терминологии;
- обмен объявлениями о вакантных местах;
- проведение совместных проектов в различных отраслях занятости;
- регулярное консультирование с целью совершенствования профессиональной практики;
- совместная профессиональная подготовка персонала.

Государственные службы занятости имеют возможность заключать с частным агентством занятости соглашения о трудоустройстве лиц, зарегистрированных в качестве безработных.

В Российской Федерации создается Общероссийская ассоциация по применению привлеченного труда и трудоустройству (далее — Ассоциация) в виде саморегулируемой организации, целевым назначением которой предполагается выработка основных правил поведения ее членов, требований к ним, наличие условия членства (объем деятельности, профессионализм и др.) Такие правила предусматриваются уставом Ассоциации.

Этика поведения ее членов регламентируется Кодексом этики поведения агентств.

Членами данной Ассоциации являются национальные ассоциации агентств по привлеченному труду, состоящие из отдельных агентств привлеченного труда.

Этическая совокупность правил поведения Ассоциации включает обязательство заключения договора в письменной форме, наличие квалифицированного персонала, компетентного в области трудового права и права социального обеспечения, наличие прозрачной бухгалтерии и др.

Общероссийская ассоциация по применению привлеченного труда и трудоустройству может оказывать своим членам услуги по разработке типовых договоров, помогать в привлечении клиентов, сотрудничает с международными организациями, с национальными государственными органами и негосударственными национальными организациями, профсоюзами в целях разработки политики, связанной с оказанием помощи социально уязвимым категориям работников.

Другим примером нормы из предлагаемого проекта федерального закона может быть редакция статьи о субсидиарной ответственности организации-пользователя перед привлеченным работником:

«В случае задержки частным агентством занятости выплаты заработной платы и других выплат, причитающихся привлеченному работнику, на срок свыше одного месяца, привлеченный работник имеет право обратиться к организации-пользователю с требованием о погашении указанной задолженности независимо от того, исполнила ли организация-пользователь свои финансовые обязательства перед частным агентством занятости по договору о предоставлении труда привлеченных работников. При этом если невыплата частным агентством занятости привлеченному работнику заработной платы и других выплат, причитающихся привлеченному работнику, вызвана невыполнением организацией-пользователем своих финансовых обязательств перед частным агентством занятости, то организация-пользователь обязана также одновременно с погашением задолженности выплатить работнику денежную компенсацию в размере, предусмотренном настоящим Федеральным законом.

Организация-пользователь обязана доплатить привлеченному работнику по его требованию разницу в потере заработка, если указанная потеря произошла вследствие банкротства частного агентства занятости и имущества агентства недостаточно для выплаты указанной заработной платы в полном объеме.

Частное агентство занятости обязано произвести выплату страховых взносов на обязательное пенсионное страхование привлеченного работника в соответствии с действующим законодательством независимо

от наличия задолженности по заработной плате и иным выплатам, причитающихся заемному работнику».

Приведенные и другие нормы из предлагаемых к принятию федеральных законов позволят создать обширную систему правовых, организационных, финансовых гарантий трудовых и социальных прав привлеченных работников в нашей стране.

Закалюжная Н.В.,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Брянского государственного университета
имени академика И.Г. Петровского,
кандидат юридических наук, доцент,
магистр экономики, магистр педагогики
(г. Брянск)

Литература

1. Актуальные проблемы трудового законодательства в условиях модернизации экономики : монография : к 15-летию факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» / ответственный редактор Ю.П. Орловский. Москва : Юстицинформ, 2012.
2. Андриановская И.И. Преемственность и новизна в современном трудовом праве России / И.И. Андриановская // Юридическая наука как основа правового обеспечения инновационного развития России : материалы III Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения» (г. Москва, 28 ноября — 2 декабря 2011 г.). Вып. 12 / ответственный редактор К.Н. Гусов. Москва : Юрист, 2012.
3. Закалюжная Н.В. Основные формы нетипичных трудовых отношений в России и за рубежом в условиях модернизации экономики : диссертация доктора юридических наук / Н.В. Закалюжная. Москва, 2021.
4. Орловский Ю.П. Диалектика развития трудового права: от советского периода до наших дней : избранные труды Ю.П. Орловского. Москва : РГ-Пресс, 2018.
5. Хронова И.А. Регулирование дистанционной работы и практические аспекты трудового законодательства / И.А. Хронова. Краснодар : Кубанский государственный технологический университет, 2021.

Социально-правовые проблемы материального обеспечения работников в период отпуска по уходу за ребенком

Конституция РФ и современное законодательство о социальном обеспечении¹ гарантируют государственную поддержку семьи, материнства, отцовства и детства, которая в силу особой значимости предполагает наличие правовых механизмов, обеспечивающих институту семьи эффективную защиту, соответствующую целям социальной политики России.

В развитие ч. 1 ст. 38 и п. «ж» и «ж.1») ч. 1 ст. 72 Конституции РФ указанные вопросы находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов, которые в соответствии с региональными нормативными правовыми актами предоставляют меры дополнительной поддержки семьям с детьми.

Применительно к защите занятых, а точнее, работающих по трудовому договору женщин это означает, что государство обеспечивает создание необходимых условий для сохранения здоровья женщин в процессе труда, в том числе для охраны труда беременных женщин и оказания им надлежащих услуг по охране их здоровья в дородовой и послеродовой периоды, а также для повышения уровня здоровья новорожденных детей.

Началом правового регулирования выплат, направленных на поощрение рождаемости, считается принятый 23 июня 1912 г. Закон № 37444 «Об учреждении присутствий по деламъ о страхованиі рабочихъ»², ст. 13 которого содержала положения об обеспечении рабочих на случай болезни и страховании рабочих от несчастных случаев; он также ввел пособие по беременности и родам, заложив правовую основу для развития советского законодательства о страховых выплатах в связи с материнством и детством. Хотя действие принятого закона и распространялось только на регионы Европейской части России, а его нормы применялись лишь в отношении фабричных работниц, застрахованных в больничных кассах на предприятиях фабрично-

¹ См.: Закон о пособиях на детей. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6659; Закон о материнском капитале; Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» // СЗ РФ. 2008. № 17. Ст. 1755; Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3802; и иные нормативные правовые акты, в том числе и субъектов РФ.

² Полное собрание законов Российской империи : в 50 т. Собрание Третье. Т. XXXII. Отд. 1. 1912 г. / под ред. М.М. Сперанского. СПб. : Государственная типография, 1915. С. 847–850.

заводской, горной и горно-заводской промышленности, это был период появления государственного (обязательного) социального страхования.

В первые послереволюционные годы социальная поддержка при рождении детей предоставлялась в Советской России лишь трудящимся женщинам, которые получали пособия по беременности и родам, а также в период кормления ребенка грудью. Роженицам также выдавалось дополнительное пособие на предметы ухода в размере 15-кратного минимального дневного пособия, но неработающим женщинам пособия не полагались³. На протяжении 20–30-х гг. XX в. условия предоставления и размеры пособий по беременности и родам, а также на кормление детей неоднократно менялись. Для исключения злоупотреблений со стороны женщин, ранее не работавших, но временно поступивших на работу для получения пособий, требовался определенный трудовой стаж. Получателями пособия на кормление ребенка признавались и те, кто нуждался в помощи из-за отсутствия средств к существованию (семьи военнослужащих, призванных в Красную Армию и Флот, слепых и глухих, инвалидов войны и т.п.)⁴.

Обратимся к законодательству постсоветского периода. Ему предшествовали нормативные правовые акты конца 80-х гг. XX в., действие которых перешло и на период после распада СССР.

Пособие по уходу за новорожденными вместе с частично оплачиваемым отпуском за период такого ухода введены в СССР в 1981 г.⁵

Позднее Постановлением Совета Министров СССР и ВЦСПС от 22 августа 1989 г. № 677 «Об увеличении продолжительности отпусков женщинам, имеющим малолетних детей» женщинам стали предоставлять частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет и дополнительный отпуск без сохранения заработной платы по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет⁶.

³ См.: Кодекс законов о труде РСФСР от 10 декабря 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 87–88 (утратил силу); Декрет СНК РСФСР от 31 октября 1918 г. «Положение о социальном обеспечении трудящихся» // СУ РСФСР. 1918. № 89. С. 906 (утратил силу); Декрет СНК РСФСР от 5 декабря 1921 г. «О дополнительных пособиях роженицам» // СУ РСФСР. 1921. № 79. Ст. 668 (утратил силу); и др.

⁴ См.: О введении в действие Кодекса Законов о Труде Р.С.Ф.С.Р. изд. 1922 г. (вместе с «Кодексом Законов о Труде Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1922. № 70. Ст. 903 (утратил силу); Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 28 декабря 1927 г. «Временное положение о пособиях, выдаваемых органами социального страхования» // СЗ СССР. 1928. № 4. Ст. 33 (утратил силу); Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 13 февраля 1930 г. «Об утверждении Положения о пенсиях и пособиях по социальному страхованию» // СЗ СССР. 1930. № 11. Ст. 131 (утратил силу); Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б), ВЦСПС от 23 декабря 1938 г. «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле» // СП СССР. 1939. № 1. Ст. 1 (утратил силу); и др.

⁵ Постановление Совмина СССР, ВЦСПС от 2 сентября 1981 г. № 865 «О порядке введения частично оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста одного года и других мероприятий по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей». URL: <https://docs.cntd.ru/document/902009137> (утратил силу).

⁶ URL: <http://base.garant.ru/188789/> (утратил силу).

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 сентября 1987 г. № 7639-ХІ «О расширении льгот работающим беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей»⁷ была предоставлена возможность беременным женщинам и матерям, воспитывающим ребенка в возрасте до 8 лет, иметь по их просьбе неполное рабочее время. В период получения пособия по уходу за ребенком женщина могла воспользоваться правом работы на дому в течение года с сохранением пособия и оплатой с учетом выработки или отработанного времени.

Современная ситуация, сложившаяся в обществе, вызывает необходимость разработки и принятия дополнительных мер социальной поддержки беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, включая меры правового характера, что требует предварительного анализа трудового и социально-обеспечительного законодательства с целью выявления и устранения пробелов.

За последние 20 лет в многочисленных официальных документах (программах, национальных планах, концепциях, указах Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 716 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» и от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»⁸, распоряжении Правительства РФ от 23 января 2021 № 122-р «Об утверждении плана основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 года»⁹ и др.) не только назывались причины сокращения рождаемости, плохого здоровья родителей и детей, но и предлагались конкретные меры по исправлению сложившегося положения, многие из которых так и не были реализованы. В частности, отмечалось, что масштабы и острота существующих проблем далеки от окончательного разрешения, а интересы будущего страны требуют принятия неотложных мер для улучшения положения детей и их защиты. Сказанное в полной мере относится и к мерам социальной поддержки семей с детьми, правовая основа которых содержится в трудовом законодательстве и законодательстве о социальном обеспечении.

В XX веке в научной литературе отмечалось, что уровень рождаемости обратно пропорционален трудовой деятельности женщин¹⁰. В семье с одним ребенком гораздо больше возможностей для сочетания женщиной функции материнства с трудовой деятельностью, отсутствуют серьезные ограничения в бюджете, досуге и развлечениях.

⁷ Ведомости Верховного Совета СССР. 1987. № 36. Ст. 586 (утратил силу).

⁸ URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805070038>

⁹ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_375249/

¹⁰ См.: Харчев А.Г., Мацковский М.С. Современная семья и ее проблемы: социально-демографическое исследование. М.: Статистика, 1978. С. 152.

Отпуск по беременности и родам

Период отпуска по беременности и родам	Продолжительность выплаты пособия (в календарных днях)	Обстоятельства, влияющие на увеличение сроков выплаты пособия
<i>До родов</i>	70	
	84	многоплодная беременность
<i>После родов</i>	70	
	86	осложненные роды
	110	рождение двух и более детей

Ряд нормативных правовых актов в сфере труда, социального обеспечения и охраны здоровья граждан, действующих в России, поощряют и охраняют материнство. Наибольшее количество таких гарантий закреплено в ТК РФ. В первую очередь имеются в виду продолжительность отпуска по беременности и родам, 70 календарных дней до родов и 70 календарных дней после родов, которые были введены Законом РФ от 4 апреля 1992 г. № 2660-1 «О дополнительных мерах по охране материнства и детства»¹¹, а в современном законодательстве закреплены в ст. 255 ТК РФ (см. табл. 1).

Из анализа трудового и социально-обеспечительного законодательства следует, что пособие по беременности и родам устанавливается в размере 100% среднего заработка на весь период указанного отпуска, продолжительность которого дифференцируется в зависимости от послеродового состояния женщины и от количества рожденных детей.

В.Н. Толкунова предлагала предоставлять оплачиваемый отпуск по беременности и родам сроком на 120, 140, 160, 180 календарных дней при рождении первого, второго, третьего (при наличии двух детей), четвертого и последующих детей соответственно, а при ненормальных родах прибавлять к ним еще по 14 дней¹². Аналогичной позиции придерживались и другие исследователи¹³, полагая, что это усилит демографическую функцию государственной социальной политики.

¹¹ Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 17. Ст. 896 (утратил силу).

¹² См.: Толкунова В.Н. Социально-правовые проблемы дальнейшего улучшения условий труда и быта работающих женщин // Правовые проблемы регулирования труда в свете решений XXV съезда КПСС (Труды, Т. 50). М., 1977. С. 182, 183.

¹³ См.: Кравченко Е.В. Правовое регулирование обеспечения пособиями семей, имеющих детей, в европейских странах — членах СЭВ : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 (Трудовое право; право социального обеспечения). М., 1986. С. 55; Москвичева Т.М. Особенности правового регулирования труда женщин, работников с семейными обязанностями и опекунов (попечителей) несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 (Трудовое право; право социального обеспечения). Пермь, 2005. С. 20;

С этим мнением можно поспорить. На наш взгляд, увеличение количества дней в отпуске по беременности и родам вряд ли сможет стимулировать рождаемость. Такой отпуск предоставляется женщине с определенными целями — сохранение здоровья ее и ребенка (дородовый отпуск) и восстановление здоровья женщины после родов. В связи с этим целесообразнее связывать продолжительность послеродового отпуска с состоянием здоровья роженицы и новорожденного ребенка, а не с количеством детей в семье.

Другое дело — отпуск по уходу за ребенком, когда у члена семьи, осуществляющего уход, требует присмотра и дополнительных материальных затрат не только новорожденный, но и другие малолетние дети. Согласно действующему законодательству, отпуск по уходу за ребенком может предоставляться до достижения ребенком возраста трех лет, при этом пособие предоставляется только до достижения ребенком полуторагодовалого возраста (см. табл. 2).

Таблица 2

Отпуск по уходу за ребенком и размер пособия на период такого отпуска

ТК РФ Статья 256. Отпуска по уходу за ребенком	Федеральный закон от 29.12.2006 № 255-ФЗ (ред. от 26.05.2021) «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» Статья 11.1. Условия и продолжительность выплаты ежемесячного пособия по уходу за ребенком
По заявлению женщины ей предоставляется отпуск по уходу за ребенком до достижения им <i>возраста трех лет</i> .	
<i>Порядок и сроки выплаты пособия по государственному социальному страхованию в период указанного отпуска определяются федеральными законами.</i>	Ежемесячное пособие по уходу за ребенком выплачивается застрахованным лицам (матери, отцу, другим родственникам, опекунам), фактически осуществляющим уход за ребенком и находящимся в отпуске по уходу за ребенком , со дня предоставления отпуска по уходу за ребенком до достижения ребенком возраста полутора лет .
	Ежемесячное пособие по уходу за ребенком выплачивается в размере 40 процентов среднего заработка застрахованного лица, но не менее минимального размера этого пособия, установленного Федеральным законом «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей». <i>(Статья 11.2. Размер ежемесячного пособия по уходу за ребенком)</i>

Дифференциация в этом случае просматривалась в размере пособия в зависимости от того, первый или последующий ребенок рожден в семье, только у неработающих женщин. Такая дифференциация существовала с 2007 г. и до июня 2020 г.¹⁴, после этой даты устанавливается одинаковый размер

Протас Е.В. Правовое регулирование социального обеспечения семей, имеющих детей, в условиях перехода к рыночной экономике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 (Трудовое право; право социального обеспечения). М., 1992. С. 19; Чернышева Е.Ф. Правовое регулирование отношений по социальному обеспечению семей, имеющих детей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 (Трудовое право; право социального обеспечения). Ленинград, 1981. С. 22; и др.

¹⁴ Федеральный закон от 8 июня 2020 г. № 166-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях принятия неотложных мер, направленных на обеспечение устойчивого развития экономики и предотвращение последствий распространения новой коронавирусной инфекции» (посл. ред.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354459/

по уходу и за первым, и за вторым ребенком. Считаем, что для занятых женщин размер указанного пособия целесообразно дифференцировать с учетом количества предыдущих детей. Предлагаем ч. 1 ст. 11.2 Федерального закона № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» изложить в следующей редакции: 1. Ежемесячное пособие по уходу за первым ребенком выплачивается в размере 40%; по уходу за вторым — 45%; по уходу за третьим и последующими детьми — 50% среднего заработка застрахованного лица, во всех случаях размер пособия не может быть ниже минимального размера этого пособия, установленного Федеральным законом «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей».

В части 1 ст. 11.1 закрепить соответствие периода выплаты пособия по уходу за ребенком периоду, на который предоставляется одноименный отпуск, а именно до достижения ребенком возраста трех лет. Таким образом, правовое закрепление государственной поддержки работников в период отпуска по уходу за ребенком разрешит существующие в настоящее время противоречия и позволит в полном объеме исполнять родительские обязанности. На необходимость разрешения указанных проблем в своих научных работах обращали внимание М.Л. Захаров¹⁵, Е.В. Чупрова¹⁶ и другие ученые, занимающиеся проблемами трудового и социально-обеспечительного права.

Карданова И.В.,

старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
Северо-Кавказского филиала
Российского государственного университета правосудия
(г. Краснодар)

Литература

1. Захаров М.Л. Законодательство о страховых пособиях: современное состояние и тенденции дальнейшего развития / М.Л. Захаров // Журнал российского права. 2016. № 3.
2. Толкунова В.Н. Социально-правовые проблемы дальнейшего улучшения условий труда и быта работающих женщин / В.Н. Толкунова // Правовые проблемы регулирования труда в свете решений XXV съезда КПСС : сборник статей / ответственный редактор В.С. Андреев. Москва : [б. и.], 1977.
3. Чупрова Е.В. О некоторых проблемах реализации гражданами права на социальное обеспечение в связи с осуществлением ухода за детьми / Е.В. Чупрова // Защити меня. 2021. № 1.

¹⁵ Захаров М.Л. Законодательство о страховых пособиях: современное состояние и тенденции дальнейшего развития // Журнал российского права. 2016. № 3. С. 64–79.

¹⁶ Чупрова Е.В. О некоторых проблемах реализации гражданами права на социальное обеспечение в связи с осуществлением ухода за детьми // Защити меня. 2021. № 1. С. 69–73.

О судебной специализации в контексте трудового права

Государства постоянно находятся в поисках идеальной модели судоустройства, поскольку правосудие рассматривается в качестве одного из инструментов гармонизации общественных отношений¹. Россия — не исключение, продолжается судебная реформа. Есть некоторые результаты — появление института мировых судей, объединение Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, введение апелляционных судов в систему судов общей юрисдикции и т.д. Остаются дискуссионные вопросы, которые находятся на той или иной стадии научной проработки (например, введение в России института пенитенциарных судей², следственных судей³).

К числу дискуссионных можно отнести вопрос о введении в Российской Федерации специализированных трудовых судов или функциональной специализации судей судов общей юрисдикции на трудовых спорах⁴.

Судебная специализация, безусловно, влечет за собой повышение качества и снижение сроков рассмотрения дел, а сроки и качество традиционно выступают основными показателями эффективности судебной деятельности.

Ю.К. Макеева считает, что необходимо проработать комплексный подход к институту специализации судей — осуществлять подготовку профессиональных судебных специализированных кадров, назначение судей в конкретные «подразделения судебной системы», дальнейшее повышение квалификации и обучение судей с учетом их специализации на рассмотрении определенной категории дел. Исследовательница предлагает формально определить специализацию судей на рассмотрении уголовных, гражданских и административных дел⁵.

¹ Петрякова А.В. Правосудие как инструмент гармонизации интересов государства и гражданина // Научные труды Российской академии юридических наук. М. : Изд-во «Юрист», 2020. С. 284–287.

² Грушин Ф.В. Развитие уголовной политики в отношении условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2021. № 7 (230). С. 6–14.

³ Петрякова А.В. Организационно-правовые вопросы в связи с введением института следственных судей в Российской Федерации // Администратор суда. 2021. № 1. С. 8–12.

⁴ Куренной А.М. Практический комментарий к законодательству о трудовых спорах / А.М. Куренной, В.И. Миронов. М. : Изд-во «Дело», 1997. 384 с.

⁵ Макеева Ю.К. Специализация как элемент принципа профессионализма судей в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2019. № 8 (176). С. 34–36.

Данная позиция заслуживает внимания и дополнительного изучения. Действительно, в районных судах общей юрисдикции по усмотрению председателя суда или иным образом определяются судьи, преимущественно осуществляющие рассмотрение гражданских дел, и судьи, преимущественно осуществляющие рассмотрение уголовных дел. В некоторых районных судах определяются также судьи, специализирующиеся на административных делах. Или, как вариант, административные дела, производства в рамках осуществления функции судебного контроля рассматривает дежурный судья или судья, определяемый случайным образом (например, электронной системой распределения дел). При распределении между судьями районных судов гражданских дел приоритет отдается не специализации судьи, а территориальному фактору.

При существовавшем ранее специалитете в системе высшего юридического образования такая организация судебной деятельности была допустима, юристы — выпускники вузов имели универсальное юридическое образование.

В настоящее время бакалавриат и магистратура многих вузов предлагают разнообразные программы подготовки «специализированных» юристов: юристов уголовно-правового профиля, гражданско-правового профиля, корпоративных юристов и т.д. Насколько юрист, получивший подготовку по уголовно-правовому профилю или международно-правовому профилю, состоятелен как специалист в трудовом праве⁶ и в гражданском процессе? Если введена и действует специализация при подготовке юридических кадров, было бы логично предположить, что эта специализация должна в дальнейшем сохраняться при построении юридической карьеры. В ином случае возникает необходимость переподготовки. Если юрист уголовно-правового профиля решит работать в судебной системе, очевидно, что он должен специализироваться на уголовном судопроизводстве. Или пройти полную переподготовку.

Вопросы, которые затрагиваются в научных работах по теме судебной специализации, касаются в основном глубины такой специализации. И здесь представляется, что глубокая судебная специализация на определенной категории дел должна быть достаточно обоснована и научно проработана. Насколько эффективно вводить в судебную систему специализированные трудовые суды при общем объеме трудовых споров,

⁶ Трудовое право России : учебник / А.А. Бережнов, И.К. Дмитриева, Е.Ю. Забрамная [и др.] ; под ред. А.М. Куренного ; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова ; Юридический факультет. 4-е изд., испр. и доп. М. : Проспект, 2020. 672 с. (Классический университетский учебник). DOI: 10.31085/9785392310425-2020-672

составляющем 1,12% от общего числа рассматриваемых судами гражданских дел за год?⁷

Ю.К. Макеева указывает, что прослеживается определенная тенденция создания «социально-трудовых составов» на уровне судов субъектов РФ, то есть наметилась узкоспециализированная категория судей, рассматривающих трудовые споры⁸.

А.М. Козлов в работе «Развитие специализации судей районных судов» отмечает целесообразность дополнительной внутренней специализации судей гражданско-правового направления и выделяет отдельные подкатегории, в числе которых трудовые, жилищные и социальные дела (объединенно)⁹.

В.А. Кончева рассматривает зарубежный опыт создания и функционирования трудовых судов и делает вывод, что практика деятельности специализированных трудовых судов показывает взаимосвязь судебной специализации по трудовым спорам с широко применяемыми упрощенными, ускоренными процедурами, развитием социального партнерства в сфере труда¹⁰, способствующего оперативному урегулированию социальных конфликтов в трудовой сфере¹¹.

Возможно, что показатель процентного соотношения трудовых споров к общему количеству рассматриваемых дел не является объективным индикатором социальной напряженности в трудовой сфере. Проведенный опрос среди студентов направлений подготовки «Менеджмент» и «Управление крупными городами» Московского международного университета показал, что большинство опрошенных с большей вероятностью обратились бы в суд за защитой своих нарушенных трудовых прав, если бы это был специализированный суд или специализированный судья по трудовым спорам.

Судебная специализация, по мнению авторского коллектива двухтомника «Эффективность правосудия и проблема устранения судебных

⁷ Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2020 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5083> (дата обращения: 21.10.2021).

⁸ Макеева Ю.К. Специализация как элемент принципа профессионализма судей в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2019. № 8 (176). С. 34–36.

⁹ Козлов А.М. Развитие специализации судей районных судов // Правосудие в Республике Мордовия. 2010. № 2.

¹⁰ Об этом см.: Куренной А.М. Вопросы эффективности представительства интересов работников в сфере наемного труда // Закон. 2019. № 11. С. 47–56.

¹¹ Кончева В.А. Системы организации правосудия по трудовым делам в мировой практике: некоторые аспекты // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 5. С. 237–240.

ошибок»¹², способствует сокращению рабочего времени судьи на рассмотрение конкретного дела и повышению общего качества рассмотрения дел (качество преимущественно рассматривается как отсутствие отмен или изменений решений судов вышестоящими судебными инстанциями. — *Прим. автора*).

Смеем предположить, что узкопрофильная судебная специализация, возможность установления неполного рабочего дня или неполной рабочей недели специализированным судьям (в зависимости от судебной нагрузки), активное использование дистанционного формата при рассмотрении трудовых споров, привлечение судей в отставке к рассмотрению этой категории дел на условиях неполной занятости способны сделать правосудие по трудовым спорам оперативным и соответствующим современным вызовам. В целом речь может идти о необходимости разработки концепции судебного менеджмента — нового научного междисциплинарного направления (сочетания судебного права и менеджмента — организации работы судей). Дополнительным триггером для развития новых технологий в судебной деятельности явилась пандемия Covid-19, в связи с чем особую актуальность имеет цифровизация судопроизводства¹³, включая использование цифровых технологий, разработку технологий искусственного интеллекта для рассмотрения трудовых споров. Логично предположить, что в условиях дистанционного труда¹⁴ дистанционный работник предпочтет обращение за защитой своих прав в сфере труда в дистанционный же суд. А дистанционный суд — также возможный вариант специализированного суда.

Тема судебной специализации (и, в частности, судебной специализации по трудовым спорам) представляется недостаточно изученной, в ней кроется значительный потенциал для творческого научного поиска и правового моделирования.

Петрякова А.В.,
старший преподаватель Юридического факультета
кафедры публично-правовых дисциплин и международного права
Московского международного университета
(г. Москва)

¹² Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок / под ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1975.

¹³ Степанов О.А. О проблеме конкретизации права в условиях цифровизации общественной практики // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 3. С. 4–23. DOI 10.17323/2072-8166.2018.3.4.23

¹⁴ О применении дистанционного труда в РФ см.: Мировой финансовый рынок и Россия / Б.Ж. Абилкасымов, П.В. Алексеев, А.А. Белавина [и др.] ; отв. ред. Е.А. Звонова, А.Г. Глебова. М. : Изд-во «КноРус», 2021. 340 с.

Литература

1. Грушин Ф.В. Развитие уголовной политики в отношении условно-досрочного освобождения от отбывания наказания / Ф.В. Грушин // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2021. № 7 (230).
2. Козлов А.М. Развитие специализации судей районных судов / А.М. Козлов // Правосудие в Республике Мордовия. 2010. № 2.
3. Кончева В.А. Системы организации правосудия по трудовым делам в мировой практике: некоторые аспекты / В.А. Кончева // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 5.
4. Куренной А.М. Вопросы эффективности представительства интересов работников в сфере наемного труда / А.М. Куренной // Закон. 2019. № 11.
5. Куренной А.М. Практический комментарий к законодательству о трудовых спорах / А.М. Куренной, В.И. Миронов. Москва : Дело, 1997.
6. Макеева Ю.К. Специализация как элемент принципа профессионализма судей в Российской Федерации / Ю.К. Макеева // Право и государство: теория и практика. 2019. № 8 (176).
7. Мировой финансовый рынок и Россия / Б.Ж. Абилкасымов [и др.] ; ответственные редакторы Е.А. Звонова, А.Г. Глебова. Москва : КноРус, 2021.
8. Петрякова А.В. Организационно-правовые вопросы в связи с введением института следственных судей в Российской Федерации / А.В. Петрякова // Администратор суда. 2021. № 1.
9. Петрякова А.В. Правосудие как инструмент гармонизации интересов государства и гражданина / А.В. Петрякова // Научные труды Российской академии юридических наук. Москва : Юрист, 2020.
10. Степанов О.А. О проблеме конкретизации права в условиях цифровизации общественной практики / О.А. Степанов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 3.
11. Трудовое право России : учебник / А.А. Бережнов [и др.] ; под редакцией А.М. Куренного. 4-е изд., испр. и доп. Москва : Проспект, 2020.
12. Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок / под редакцией В.Н. Кудрявцева. Москва : [б. и.], 1975.

Регулирование труда домашних работников, работающих у работодателей — физических лиц, по законодательству Германии

Особенности труда работников, которые работают у работодателей — физических лиц, выделяются не только в российском трудовом законодательстве, но и в законодательстве ряда стран.

Например, в трудовом праве Германии к помощнику по дому (например, к няне, домработнице, садовнику, повару и т.д.) применяются, по общему правилу, те же нормы права, что и к работнику, работающему в организации, но есть ряд исключений.

В трудовом праве Германии есть специальная форма занятости, которая называется «Мини-работа» ('Minijob'). 'Minijob' — это термин, введенный Комиссией HARTZ для низкооплачиваемых форм занятости. Мини-работой в Германии считается та, где заработная плата не превышает 450 евро в месяц. С одной стороны, у мини-работников много налоговых льгот, с другой — на них не распространяется страхование в случае болезни, при необходимости осуществлять уход (в случае инвалидности) и при безработице. Если длительное время работать на мини-работе, при достижении пенсии ее размер будет минимальным. За 10 лет на мини-работе за 450 евро можно будет претендовать на пенсию менее 45 евро в месяц.

Также мини-работой является краткосрочная работа. Она зависит не от размера ежемесячной заработной платы, а от продолжительности трудовых правоотношений. При мини-работе срок трудового договора не должен превышать 3 месяцев или 70 дней в течение календарного года.

Все мини-работы должны быть зарегистрированы в штаб-квартире по мини-работе. В трудовых правоотношениях между работником и работодателем при мини-работе часть функций работодателя исполняет вышеупомянутая штаб-квартира.

За пропуск регистрации мини-работы в штаб-квартире по мини-работе работодатель может быть оштрафован на сумму до 5 тыс. евро.

Штаб-квартирой по мини-работе отдельно выделяется занятость в частных домах при условии, что обязанности по уходу за детьми, пожилыми людьми, уборке, стирке, глажке, садоводству и т.д. выполняет не член семьи за денежное вознаграждение. Такие правоотношения признаются в Германии трудовыми.

Работодателем мини-работника может быть член семьи, которой оказывается помощь по ведению домашнего хозяйства. Вместе с тем при мини-работе не могут быть работодателем клиринговое агентство, управляющая компания и т.д.

Из-за привлекательности такой формы занятости, как мини-работа, дискуссионным является вопрос о возможности работы в качестве мини-работника близкого родственника. Штаб-квартира по мини-работе указывает, что это возможно, если трудовые правоотношения не являются фиктивными. Невозможно заключение трудового договора на выполнение мини-работы между супругами, а также между родителем и ребенком, при условии, что ребенок проживает с родителем и находится на его обеспечении¹.

Если у работника есть несколько подработок, он также считается занятым на мини-работе при условии, что его заработок в месяц в совокупности от всех мини-работ не превышает 450 евро. Кроме того, возможно стать мини-работником, имея основное место работы. Со второй и каждой последующей мини-работы необходимо платить отчисления в фонд социального страхования.

В Германии есть лица (die Pflegepersonen), которые осуществляют уход за пожилыми людьми, инвалидами и иными нетрудоспособными лицами в домашних условиях. Как правило, такие лица не являются мини-работниками и не должны регистрироваться в штаб-квартире по мини-работе. Критерием для определения наличия или отсутствия правоотношений по мини-работе в данном случае будет то, выделяются ли денежные средства непосредственно на оплату работы сиделки. При этом пособие, выделяемое на лицо, нуждающееся в уходе, не является заработной платой сиделки. Таким образом, если целью ухода является оказание помощи (например, член семьи осуществляет уход за пожилым родственником, нуждающимся в уходе), а не заработок, то правоотношения по мини-работе не возникают.

На мини-работу распространяется немецкое трудовое законодательство.

Даже при отсутствии заключенного в письменной форме трудового договора у работника есть все права и гарантии, предусмотренные трудовым законодательством.

В немецком трудовом праве действует принцип равного обращения (der Gleichbehandlung). Согласно § 4 Закона о неполном рабочем дне

¹ Die Minijob-Zentrale. Minijobs im Privathaushalt. Risiken vermeiden — Vorteile nutzen! 2021. URL: https://www.minijob-zentrale.de/SharedDocs/Downloads/DE/Broschueren/privat/01_p_19905_mj_in_phh_.pdf?__blob=publicationFile&v=9

и временной работе (Teilzeit- und Befristungsgesetz — TzBfG) работник с неполной занятостью не должен подвергаться дискриминации по сравнению с работником на полной занятости. Это распространяется на все действия работодателя и заключаемые между работниками и работодателями соглашения. Например, работнику, работающему неполный рабочий день, должна быть произведена оплата труда в размере, соответствующем оплате труда работника, работающего полный рабочий день, в пропорции, соответствующей количеству отработанных часов.

С 1 января 2021 г. минимальная размер оплаты труда по закону о минимальной заработной плате (Mindestlohngesetz — MiLoG) составляет 9,50 евро в час. Он не должен быть ниже, даже если работник работает у работодателя — физического лица на дому. Этот минимальный размер оплаты труда применяется ко всем работникам, независимо от продолжительности рабочего времени (полная/частичная) или формы занятости, а значит, и к мини-работникам.

Мини-работники имеют право на оплату больничных листов сроком до шести недель. В соответствии с § 3 Закона о продолжении оплаты труда (Entgeltfortzahlungsgesetz — EntgFG) данное право возникает у работника через 4 недели после начала работы.

Также в соответствии с Законом о защите матерей (Mutterschutzgesetz — MuSchG) немецкий работодатель обязан оплатить работнице отпуск по беременности и родам, а также по уходу за ребенком. Принимая во внимание тот факт, что оплата таких длительных отпусков для работодателей — физических лиц является обременительной, законодательством предусмотрено, что работодателям компенсируется 80% оплаченной суммы при болезни работника и 100% оплаченных сумм при отпуске по беременности и родам, а также по уходу за ребенком.

По § 12 Федерального закона об отпусках мини-работники, как и другие, имеют право на оплачиваемый отпуск по общему правилу в размере 24 дней в год (Bundesurlaubsgesetz — BUrlG). При этом имеет значение только то, сколько рабочих дней работник работает в неделю, а не сколько часов длится его рабочий день. При шестидневной рабочей неделе отпуск составляет 24 дня, при пятидневной — 20 дней. При меньшем количестве рабочих дней в неделю требования пересчитываются соответствующим образом.

Право на полный оплачиваемый отпуск возникает спустя 6 месяцев работы у работодателя. Если работник отработал более короткий период времени, у него есть право на частичный отпуск.

Если рабочий день попадает на праздничный день, он должен также оплачиваться работодателем, как если бы работник работал.

Закон о защите от увольнения (Kündigungsschutzgesetz (KSchG)) распространяется на лиц, работающих у работодателя более 6 месяцев при условии, что у данного работодателя в штате не менее 10 человек. Таким образом, Закон о защите от увольнения не распространяется на мини-работников, а значит, у них нет гарантий своевременного уведомления о предстоящем расторжении трудового договора. Как правило, трудовой договор может быть расторгнут обеими сторонами при предварительном уведомлении о расторжении за четыре недели до 15 числа календарного месяца или до конца месяца.

Мини-работника можно привлечь к сверхурочной работе, к работе в выходной или праздничный день, в ночное время при наличии согласия работника (исключение составляют чрезвычайные ситуации, при которых получения согласия не требуется), уведомив его об этом не менее чем за 4 дня.

Несмотря на то что на мини-работников распространяются нормы немецкого трудового права (например, оплачиваемый отпуск, оплата больничных листов), нередки случаи, когда права таких работников нарушаются. Эти проблемы побудили законодателей обязать работодателей (кроме работодателей — домашних хозяйств) вести учет рабочего времени работников на мини-работе².

По приведенной статистике, тремя основными нарушениями трудовых прав мини-работников являются неоплата отпуска, неоплата больничных листов, а также неоплата праздничных дней³.

Таким образом, мини-работа выгодна в первую очередь работодателю. Работники часто принимают невыгодные для них условия работодателей, хотя знают, что их трудовые права нарушаются. По мнению руководителя правового отдела Федерального совета немецкого Союза профсоюзов Хельги Нильбок, это происходит из-за боязни работников потерять свое рабочее место⁴.

Примечательно, что в случае нарушения работодателем трудовых прав работника последний, если он является членом профсоюзной организа-

---

² Bosch G., Weinkopf C. Minijobs und Mindestlohn. 2017. URL: Minijobs und Mindestlohn (researchgate.net)

³ Ibid.

⁴ Kolat D. Schriftenreihe im Rahmen des Projekts Joboption Berlin Gefördert von der Senatsverwaltung für Arbeit, Integration und Frauen Ausgabe Nr. 2/2014. Berlin. Arbeitsrecht gilt für alle — auch für Minijobbeschäftigte. URL: <http://docplayer.org/21816108-Arbeitsrecht-gilt-fuer-alle-auch-fuer-minijobbeschaeftigte.html>

ции, может обратиться в профсоюз за бесплатной юридической консультацией, а также за помощью бесплатного судебного представителя.

Еще одной причиной частого нарушения трудовых прав мини-работников выделяют юридическую неграмотность работодателей и работников, незнание законодательно установленных прав и обязанностей. По мнению ученых, неполная занятость ассоциируется у населения с меньшим количеством прав.

Стрельникова П.В.,

аспирант Юридического факультета кафедры трудового права
Московского государственного университета (МГУ)

имени М.В. Ломоносова

(г. Москва)

Литература

1. Bosch G. Minijobs und Mindestlohn / G. Bosch, C. Weinkopf // Tarifpolitik als Gesellschaftspolitik: Strategische Herausforderungen im 21. Jahrhundert / T. Schulten, H. Dribbusch, G. Bäcker, C. Klenner. VSA, 2017.
2. Heinze I. Der Minijob. Da ist mehr für Sie drin! Tipps und Hinweise und die wichtigsten Regeln / I. Heinze, C. Steylaers. 2020.
3. Huep T. Haufe Personal Office Platin. Die HR-Software für erfolgreiche Personalarbeit / T. Huep. URL: https://www.haufe.de/personal/haufe-personal-office-platin/haushaltshilfe-arbeitsrecht_idesk_PI42323_HI726973.html
4. Kolat D. 'Arbeitsrecht gilt für alle — auch für Minijobbeschäftigte'. Schriftenreihe im Rahmen des Projekts Joboption Berlin Gefördert von der Senatsverwaltung für Arbeit, Integration und Frauen Ausgabe № 2/2014. Berlin / D. Kolat. URL: <http://docplayer.org/21816108-Arbeitsrecht-gilt-fuer-alle-auch-fuer-minijobbeschaefigte.html>
5. Winkel R. Haushaltshilfen legal einstellen — leicht gemacht / R. Winkel // Neue Osnabrücker Zeitung. 2013. Vol. 38.

Роль и влияние юридического экспертного сообщества в регулировании трудовых правоотношений

Проблема нарушений трудовых прав граждан в России носит массовый и остросоциальный характер и касается миллионов работников. Эффективное обеспечение права на труд является одной из ключевых задач социального государства, поскольку без работы и заработной платы значительная часть россиян просто останется без средств к существованию. По статистике 43% жителей России независимо от уровня дохода живут от зарплаты до зарплаты, тратя все свои денежные поступления за месяц, а более 80% не контролируют свои расходы и не планируют их¹. Это предопределяет значимость и необходимость создания эффективного правового регулирования для разрешения огромного числа конфликтов между работодателями и работниками, касающегося вопросов получения заработной платы и добровольности увольнения работников.

В этой связи следует отметить, что юридическое экспертное сообщество очень слабо оказывает влияние на нормотворческую и правоприменительную деятельность в сфере трудовых отношений, что в конечном счете сказывается на низком уровне рассмотрения трудовых споров в судах и на неудовлетворенности работников как слабой стороны трудовых правоотношений качеством судебных актов по таким спорам. Экспертное юридическое сообщество мало поднимает наиболее острые проблемы между трудом и капиталом и что-либо делает для их разрешения правовыми средствами, в том числе редко поднимает вопросы о совершенствовании законодательства и правоприменительной практики в высших органах исполнительной и судебной власти. Исследовательская работа с использованием междисциплинарных подходов на стыке права, психологии, социологии юристами осуществляется недостаточно активно, без должного анализа влияния современных социальных процессов на выработку адекватных времени правовых конструкций и без серьезной оценки потребностей справедливого и эффективного правосудия в сфере трудовых правоотношений. В результате качество правовых конструкций в сфере трудовых отношений остается на достаточно архаичном и догматическом уровне, не учитывающем произошедшее за последние десятилетия усложнение социальной структуры общества, стремительное развитие информационных технологий, сочетающееся с растущей дегуманизацией общества и нарастанием негативных поведенческих установок в обществе. В российском трудовом законодательстве имеется

¹ URL: <https://www.business-gazeta.ru/news/435089>

довольно поверхностное и лишенное достаточной инструментальности правовое регулирование сложных и конфликтных ситуаций, возникающих между работниками и работодателями. Этими недостатками и пробелами в правовом механизме трудовых правоотношений активно пользуются недобросовестные работодатели в целях служебной дискриминации работников. Данная проблема получила весьма широкое распространение. С различными формами неправомерного воздействия работодателей на работников сталкиваются миллионы российских работников. Так, по данным исследования авторитетного портала 'Superjob.ru', 31% россиян утверждают, что сталкивались на работе с психологическим и организационным давлением. Также в данном исследовании выяснилась тенденция, что чаще других с давлением на работе сталкиваются более возрастные или более высокооплачиваемые работники, что закономерно, поскольку работодатель может более эффективно манипулировать именно этими категориями работников². Получается, что значительная часть работодателей активно и безнаказанно пользуется дефицитом правового регулирования и нежеланием судов разбираться во всех значимых обстоятельствах трудового спора. Очень часто работники, которые испытывают на себе подобный прессинг администрации, вынуждены увольняться из таких организаций против своей воли.

В настоящее время имеется только один пункт в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации», в котором в достаточно общем и абстрактном виде указывается на необходимость учета судами обстоятельств, связанных с вынужденностью увольнения работника. Отсутствие более детальных разъяснений на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ по вопросу влияния различных факторов на вынужденность увольнения работников сказывается на том, что суды, включая суды кассационных инстанций, при рассмотрении трудовых споров игнорируют многие факторы, влияющие на добровольность увольнения работников. В результате в судебной практике наблюдается, что нормы трудового права применяются судами первой, апелляционной и кассационной инстанций очень формально, не в последнюю очередь по причине отсутствия у судов необходимой концептуальной основы для научно обоснованной оценки конкретных обстоятельств увольнения работника и сопутствующих такому увольнению факторов. В частности, судам неясно, как тот или иной фактор может повлиять на вынужденность увольнения работника с точки зрения его субъективной стороны. Научная концепция, связанная с субъективной стороной личности работника, недостаточно хорошо проработана в трудовом праве, которое плохо регулирует вопросы волеизъявления сторон трудового правоотношения. Представляется, что выработка подобной концептуаль-

² URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/112166/ot-abyuza-na-rabote-muzhchiny-stradayut-chasche-zhenschin/>

ной основы требует междисциплинарного подхода и активного участия юридического экспертного сообщества в тесном сотрудничестве с психологами, социологами и другими профильными специалистами, способными оценить влияние тех или иных факторов на волю работника, изъявившего намерение на увольнение.

О каких факторах, влияющих на волю работника, идет речь. Исследования данной проблемы показывают, что давление на работника со стороны работодателя может осуществляться в различных формах — от оскорблений до планомерной, комплексной и систематической системы мер психологического давления. Работники, столкнувшиеся с таким давлением администрации указывают на такие методы прессинга работодателя, как постоянное принуждение работника к сверхурочной работе или работе, не обусловленной трудовым договором, без оплаты, постоянные звонки руководства и вызовы работника на работу во внерабочее время, задержка или невыплата зарплаты, полное игнорирование техники безопасности на производстве, злоупотребление администрацией своими властными полномочиями, оскорбления, унижение в присутствии других членов трудового коллектива, систематическая и беспочвенная неконструктивная критика результатов работы работника, искусственное очернение репутации работника, угрозы, шантаж, склонение к противоправной деятельности в интересах работодателя, харассмент... Действие отмеченных факторов давления на работника со стороны администрации усугубляют распространенный в корпоративной культуре авторитарный стиль управления организациями, круговая порука, привычка не «выносить сор из избы», отсутствие даже зачатков самоорганизации трудового коллектива, создающие условия массовых злоупотреблений со стороны работодателей.

На практике нередко работодатель пытается грубо игнорировать положения трудового законодательства в отношении работника путем размытого описания его функционала и невключения в трудовой договор реальных функций, которые он будет исполнять в этой организации. Тем самым с самого начала трудовых отношений работодателем создается основа для дискриминации, психологических манипуляций и принудительного труда работника. Наиболее типичная форма манипулирования — навязывание работнику в нарушение ст. 60 Трудового кодекса РФ работы, не обусловленной трудовым договором, попытки работодателя склонить работника к противоправной деятельности, к одобрению сомнительных сделок, к подписанию документов, в том числе кредитных договоров, протоколов органов управления организацией, реально или потенциально возлагающих на работника неприемлемую для него ответственность (материальную, субсидиарную, административную и т.п.). Подобное поведение работодателя нередко провоцирует трудовой конфликт. Однако, как показывает практика, работнику на досудебной стадии практически некуда жаловаться на подобную

дискриминацию, да и судебная процедура не очень эффективна для него. Так, например, при рассмотрении одного из дел Верховный суд установил, что суды первой, апелляционной и кассационной инстанций даже не посчитали факт избиения директором работника, отказавшегося добровольно увольняться, фактором вынужденности увольнения работника. Также не увидели никаких нарушений трудовых прав этого работника органы прокуратуры и Федеральной инспекции труда³. Подобные случаи свидетельствуют о ненормальности ситуации при разрешении трудовых споров, когда только вмешательство Верховного Суда РФ способно переломить ситуацию, прямо скажем, с черствостью и цинизмом нижестоящих судов, прокуроров и работников трудовой инспекции. Если и упоминать наметившуюся в последнее время определенную положительную тенденцию в судебной практике, в большей степени учитывающую интересы увольняющегося работника, то это заслуга исключительно Верховного Суда РФ. Практикующие юристы часто отмечают пассивность и формальный подход органов прокуратуры в ходе судебных разбирательств по трудовым спорам, что дает основание считать участие прокурора в таких делах, как анахронизм, лишенный какого-либо смысла.

Вместе с тем наличие между работником и работодателем производственного конфликта должно служить во всех случаях рассмотрения трудовых споров судами триггером — фактором, запускающим тонкую правовую надстройку для скрупулезного исследования судами генезиса, причин и существа этого конфликта, его влияния на наличие или отсутствие свободного волеизъявления работника при его увольнении. Именно подобными соображениями руководствовался Верховный Суд РФ в своем определении от 16 августа 2021 г. № 56-КГПР21-11-К9⁴, указывая, что «судами не дана оценка имевшей место конфликтной ситуации между С. и его непосредственным руководителем...».

Основная форма давления работодателя на работника при увольнении — навязывание работодателем работнику написания заявления об увольнении якобы по собственному желанию с использованием различных видов манипуляции сознанием работника, таких как принудительный труд, невыплата зарплаты или премии, создание неопределенности в трудовом статусе работника (издание различных приказов об увольнении работника, попытки составить акты о прогуле работника). Исходя из разъяснений Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2, при оспаривании работником увольнения по собственному желанию именно на нем лежит бремя дока-

³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 5 апреля 2021 г. № 5-КГПР20-165-К2. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-05042021-n-5-kgpr20-165-k2/>

⁴ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16 августа 2021 г. № 56-КГПР21-11-К9. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-16082021-n-56-kgpr21-11-k9/>

звания вынужденности увольнения. Суды при оценке доказательств и доводов работника очень часто игнорируют представленные работником доказательства, такие как переписка с работодателем по электронной почте, свидетельские показания, аудиозаписи переговоров с работодателем. События, связанные с более психологически тонкими и длящимися во времени системными манипуляциями работодателя, а также различные формы дискриминации работника практически всегда не считаются судами факторами вынужденности увольнения работника, что идет вразрез с правовой позицией Европейского суда по правам человека, изложенной, например, в деле *Nerva and others v United Kingdom* от 24 сентября 2002 г. № 42295/98, в соответствии с которой при дискриминации должно быть установлено, что другие лица в аналогичной или подобной ситуации имеют преимущества и нет разумного или объективного оправдания этого различия⁵.

Сложившаяся система судебного рассмотрения споров не обеспечивает полноценную защиту трудовых прав граждан. Распространенным явлением при рассмотрении трудовых споров является неправильное применение судами норм ст. 67 и 198 Гражданского процессуального кодекса РФ, результатом чего становится немотивированность судебных решений. Как правильно указано в п. 30 Постановления Европейского суда по правам человека по делу «Хирвисаари против Финляндии» от 27 сентября 2001 г. (жалоба № 49684/99), изложение мотивированного решения — единственная возможность для общественности проследить отправление правосудия⁶.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что необходима консолидация усилий юристов-практиков и научных сообществ, законодательных и судебных органов с целью выработки надежного правового механизма, обеспечивающего эффективную и справедливую защиту конституционного права граждан на труд, в том числе в судебном порядке. В этой связи следует отметить, что для создания такого правового механизма необходимо прежде всего изменение концептуального подхода законодателя и судебных органов в понимании причин вынужденного увольнения работников, что могло бы быть обеспечено как изменением норм трудового законодательства, регулирующих порядок увольнения работников, так и детальными и системными разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, ориентирующими суды всех уровней на эффективную защиту прав трудящихся.

Шичанин А.В.,

частнопрактикующий юрист, кандидат юридических наук
(г. Москва)

⁵ Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 сентября 2002 г. по делу «Нерва и другие против Соединенного Королевства» [*Nerva and others — United Kingdom*] (Жалоба № 42295/98) (II Секция).

⁶ *European Court of Human Rights (49684/99) — Court (Fourth Section) — Decision — HIRVISAARI v. FINLAND.*

Роль права в обеспечении рационального природопользования

В современных условиях отношение человека к природе достигло критической черты. Природные ресурсы нашей страны, являясь важнейшим экономическим потенциалом, стали объектом обогащения. Их использование приносит доход государству, и а также сверхприбыль тем, кто эксплуатирует национальные запасы.

При этом для развития бизнеса в сфере использования минеральных, энергетических, лесных и иных ресурсов государство уделяет немало внимания. Так, недавняя реформа «регуляторной гильотины» была нацелена на устранение избыточной административной нагрузки на субъекты предпринимательской деятельности и позволила отменить огромное количество требований и запретов, в том числе в сфере природопользования.

Таким образом, реализуется целый комплекс мер, направленных на повышение конкурентоспособности и устойчивости бизнеса, создаются благоприятные условия для его осуществления. Однако, насколько экологически ответственно относятся пользователи природных ресурсов к национальным богатствам, — вот вопрос.

Вместе с тем охрана окружающей природной среды должна заботить не только экологов, но в первую очередь обеспечение благоприятной и качественной среды обитания человечества представляется одной из важнейших современных задач для тех, кто непосредственно влияет на состояние окружающей природной среды, т.е. самих пользователей-загрязнителей.

Перед обществом уже давно встала задача прекращения сверхэксплуатации природных ресурсов. В связи с чем одним из основополагающих условий обеспечения благоприятного состояния окружающей природной среды и благополучия населения в целом является *рациональное природопользование*. Поскольку совершенно очевидно, что благополучие населения напрямую зависит от качества окружающей среды и от того, каким образом используются природные ресурсы.

Как совершенно справедливо отмечает В.Д. Попков, рачительное, хозяйственное использование природных ресурсов, забота о них и охрана есть гражданский долг всех жителей России¹. По существу, этот фактор предопределен и конституционным положением о значении природных ресурсов как основы жизни и деятельности человека (ст. 9).

В связи с чем полагаем, что в сложной системе мер обеспечения рационального природопользования главная роль принадлежит правовым сред-

¹ Теория государства и права : учебник / под ред. М.Н. Марченко. М. : Изд-во «Зерцало», 2005. С. 333.

ствам. Так как основные принципы экологического и природоресурсного права ориентированы именно на обеспечение рационального природопользования, как безусловный и неотделимый аспект охраны окружающей природной среды.

Право в данном контексте осуществляет функцию главного регулятора природоресурсных и природоохранных отношений. Его роль высокозначима и с позиции обеспечения экологического благополучия. Без права невозможно создать экологически ответственную модель природопользования. Любая деятельность по использованию природных ресурсов или косвенно воздействующая на окружающую природную среду всегда находится в правовом пространстве. А иначе и быть не может.

Многофункциональность права позволяет полноценно реализовывать все ее проявления. Ввиду того, что функции права представляют собой основные направления воздействия права на общественные отношения и определяют характер влияния права на ту или иную сферу деятельности людей.

Одна из таких функций права — *регулятивная*, которая обеспечивает упорядочение общественных отношений и направлена на установление правил поведения людей позитивного свойства, не связанных с противоправными деяниями.

Другая, *охранительная* функция направлена на борьбу и вытеснение вредных и опасных для общества вариантов поведения, охрану и защиту от нарушений прав различных субъектов отношений, обеспечение охраны законности в стране. Включая экологический правопорядок.

И наконец, *воспитательная* функция заключается в воздействии на волю и сознание людей в целях обеспечения правомерного поведения людей, воспитания чувства уважения к закону, повышения авторитета права, а также в пропаганде идей гуманизма, справедливости, демократизма, приоритета прав и свобод личности, верховенства закона в правовой системе. Она направлена также на правовое просвещение, в том числе экологическое².

Таким образом, для обеспечения благоприятного состояния окружающей среды и благополучия населения в целом важно иметь отлаженный и эффективный правовой механизм регулирования рационального природопользования. Так как рациональное использование природных ресурсов подразумевает такую их эксплуатацию, которая осуществляется в строгом соответствии с правовыми требованиями и положениями экологического и природоресурсного законодательства.

В настоящее время, несмотря на уже сложившийся и на первый взгляд достаточно развитый правовой механизм, регулирующий охрану окружающей природной среды и рациональное природопользование, существует проблема совершенно *нерационального* использования природных ресурсов.

² Пиголкин А.С. Теория государства и права : учебник. М. : Изд-во «Городец», 2003. С. 77.

По данным Государственного доклада о состоянии окружающей среды, загрязнение водных ресурсов оценивается в большинстве регионов как высокое, сточные воды от промышленных объектов превышают предельно допустимые нормативы. Большинство земель подвержено загрязнению в той или иной степени. А загрязненная почва представляет опасность не только с точки зрения поступления в организм человека токсичных веществ вместе с продуктами питания, но и как источник вторичного загрязнения приземного слоя воздуха³.

И масса других экологических проблем, вызванных именно небрежным, нерациональным отношением к природным богатствам страны.

И прежде всего это обусловлено многочисленными правовыми проблемами в сфере природопользования. К ним относятся и нестабильность правового регулирования, и несогласованность некоторых законодательных положений. Земельный кодекс РФ за последние только 5 лет претерпел 53 изменения, не говоря уже обо всем сроке действия закона с 2001 г. Аналогично меняются Лесной и Водный кодексы РФ и другие природоресурсные акты. А в результате этих бесконечных изменений текст закона теряет единообразие и системность. Что приводит к неверному или двойственному толкованию норм.

Другой серьезной проблемой законодательства является неопределенность правовой терминологии. До сих пор не сформулировано определение самого понятия «рациональное природопользование», оно принимается как нечто очевидное. Разумеется, слово «рациональное» всем понятно и не требует пояснений, но что касается принципа «рационального природопользования», «рационального использования природных ресурсов», на котором базируется все правовое и не только правовое регулирование охраны окружающей природной среды и природопользования, то для данной правовой категории взвешенное, научно обоснованное и исчерпывающее определение обязательно.

В науке природоресурсного права не единожды обсуждался данный правовой пробел в контексте неценности и малоизученности⁴. Комплексный характер принципа рационального природопользования диктует всесторонний, эффективный и обоснованный правовой подход. Это важно не только для теоретического исследования, но и для единообразного понимания этого принципа при регулировании различных правовых процессов в сфере использования природных ресурсов.

Немаловажной проблемой правового механизма в сфере природопользования является конкуренция норм гражданского и природоресурсного

³ О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2019 году. Государственный доклад. М. : Минприроды России ; МГУ имени М.В. Ломоносова, 2020. 1000 с.

⁴ Правовой механизм обеспечения рационального использования природных ресурсов : монография / отв. ред. Е.А. Галиновская. М. : ИГиСП : ИНФРА-М, 2022. 312 с.

права в регулировании именно природоресурсных отношений, и не только имущественных. При этом зачастую эти нормы дублируют своих оппонентов. А как следствие, происходит расслоение правового механизма, которое мало того что затрудняет правоприменительную практику, так еще и дискредитирует и обесценивает нормы публичного, природоресурсного права перед частно-правовыми.

В связи с чем можно отметить, что право иногда играет негативную роль, а это, безусловно, пагубно сказывается на реализации принципа рационального природопользования как одного из правовых средств обеспечения охраны природных ресурсов и устойчивого развития в целом.

Важное место в оценке роли права в обеспечении рационального природопользования занимает также вопрос о влиянии норм экологического и природоресурсного права на общественные отношения, например в сфере предпринимательства. Ведь главным источником антропогенного воздействия на природу является хозяйственная (предпринимательская) деятельность. И соблюдение всех экологических норм и требований для бизнеса всегда затратно, обременительно и поэтому невыгодно.

Однако недостаточно только обеспечить показатели по выполнению экологических требований, прежде всего необходимо сформировать экологически ответственное отношение к окружающей среде у природопользователей. Для того чтобы не только законы рынка диктовали правила поведения, но и забота о здоровье населения, о собственном здоровье. Никто же не желает вредить самому себе. А именно наша окружающая среда и есть наше жилище.

Очень интересным решением проблемы является недавно появившаяся концепция «экологической ответственности бизнеса», так называемая ESG, которая оказала влияние на бизнес по всему миру, включая и Россию. Аббревиатуру ESG можно расшифровать как «экология, социальная политика и корпоративное управление», что в широком смысле понимается как устойчивое развитие коммерческой деятельности, базирующееся на следующих принципах:

- ответственного отношения к окружающей среде;
- высокой социальной ответственности;
- высокого качества корпоративного управления.

Данная концепция обрела популярность только в последние несколько лет, но уже закрепились на международном уровне. И очень отраднo, что ESG-факторы влияют на инвестиционную привлекательность субъектов предпринимательской деятельности.

По словам вице-президента «Тинькофф» Нери Толлардо, в ближайшем будущем мировые фонды перестанут инвестировать в компании, которые игнорируют принципы устойчивого развития.

В России принципы ESG менее распространены, чем за рубежом, но их уже пытаются внедрять в наш бизнес. А главная проблема успешного

освоения данной концепции заключается в отсутствии правового закрепления ESG-принципов в качестве обязательных требований при осуществлении предпринимательской деятельности, в ходе которой используются природные ресурсы.

И в заключение следует отметить, что право сегодня сильно отстает в реализации своей главенствующей роли в обеспечении рационального природопользования и требует дальнейшего развития. Рациональное использование (эксплуатация) природных ресурсов должно быть направлено прежде всего на экологичное обращение с природой, т.е. в строгом соответствии с требованиями, установленными экологическим и природоресурсным правом.

Поскольку пагубное влияние хозяйственной деятельности не только уничтожает природу, но и вредит самому бизнесу, негативные факторы окружающей среды являются одним из основных барьеров стабильного социально-экономического развития страны.

Поэтому столь необходимо разработать правовой механизм, систему правового регулирования, обеспечивающие реализацию принципа экологически ответственного использования природных ресурсов и внедрение его во все сферы предпринимательской деятельности. И особенно это важно для сферы предпринимательства, связанной с использованием природных ресурсов, главным постулатом которой должно стать рациональное и экологически ответственное (безопасное) использование природных ресурсов с учетом интересов общества.

Будникова Ю.Е.,

доцент кафедры земельного права

и государственной регистрации недвижимости

Московского государственного университета геодезии и картографии,

кандидат юридических наук

(г. Москва)

Литература

1. О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2019 году. Государственный доклад / С.А. Аксенов [и др.] ; главный редактор Е.А. Киселев. Москва : Минприроды России ; МГУ имени М.В. Ломоносова, 2020.
2. Правовой механизм обеспечения рационального использования природных ресурсов : монография / ответственный редактор Е.А. Галиновская. Москва : ИЗиСП : ИНФРА-М, 2022.
3. Теория государства и права : учебник / под редакцией М.Н. Марченко. Москва : Зерцало, 2005.
4. Теория государства и права : учебник для юридических вузов / А.И. Абрамова [и др.] ; под общей редакцией А.С. Пиголкина. Москва : Городец, 2003. 255 с.

Перерасчет земельного налога при уменьшении кадастровой стоимости земли

Граждане и организации часто сталкиваются с необоснованным завышением кадастровой стоимости земли, что приводит к увеличению налогооблагаемой базы и налогового бремени. В отдельных случаях это может иметь парадоксальные примеры, когда кадастровая стоимость в 10 раз превышает рыночную (например, дело № 3а-267/2021, которое слушается в Ростовском областном суде), возлагая на собственников недвижимости непомерные налоговые платежи. Такие случаи неизбежно приводят к судебным спорам, где граждане и организации вынуждены оспаривать кадастровую стоимость и устанавливать кадастровую стоимость земли, равную рыночной стоимости¹.

Из данных статистики Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии за период с 1 января 2020 г. по 31 декабря 2020 г., в судах было инициировано 20 746 споров об оспаривании величины кадастровой стоимости, внесенной в государственный кадастр недвижимости. Требования об установлении кадастровой стоимости, равной рыночной стоимости, составили 99,46%. Требования истцов были удовлетворены в 96% случаев². Приведенная статистика показывает острую проблему государственной кадастровой оценки земли, что в конечном итоге приводит к несоразмерности налогообложения.

Возможность установления кадастровой стоимости земли в размере рыночной стоимости является важным инструментом, который позволяет собственникам земельных участков защитить свое право на экономически обоснованное и справедливое налогообложение³. Именно такой подход к налогообложению декларируется в ст. 3 Налогового кодекса РФ⁴.

К настоящему моменту времени принят ряд существенных изменений в регулировании кадастровой оценки земли. Эти изменения могут отразиться на возможности граждан и организаций требовать перерасчета земельного налога при уменьшении кадастровой стоимости земли. Для того чтобы разобратся в этом вопросе, предлагается начать с действующего регулирования.

¹ Корнеева С.Ю. Особенности дел о взыскании судебных расходов при установлении кадастровой стоимости земельных участков в размере рыночной // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 3. С. 85; Овсянкина Н.В. Судебное оспаривание кадастровой стоимости объектов недвижимого имущества. Вопросы правоприменительной практики // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 1. С. 45.

² URL: <https://rosreestr.gov.ru/> (дата обращения: 27.10.2021).

³ Колесников Ю.А., Киселева А.В. Факторы проявления налогового суверенитета в финансовой деятельности органов местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 7. С. 34.

⁴ Налоговый кодекс РФ (часть первая) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

Действующая редакция Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке»⁵ в п. 7 ст. 22 закрепляет правило, согласно которому рыночная стоимость определяется на дату определения кадастровой стоимости земли. Если кадастровая стоимость была установлена в 2019 г., а оценка рыночной стоимости проводится в настоящий момент времени, то оценка стоимости земли должна быть дана на 2019 г., то есть на дату кадастровой оценки. Это позволяет ретроспективно применять рыночную стоимость для уменьшения налоговой нагрузки.

В случае установления кадастровой стоимости, равной рыночной, уменьшается налогооблагаемая база (стоимость земли), что позволяет уменьшить земельный налог и прочие налоги, платежи не только на будущий период, но и за предшествующие налоговые периоды.

Так, согласно абз. 2 ч. 15 ст. 378.2 Налогового кодекса РФ (НК РФ) в случае изменения кадастровой стоимости объекта налогообложения вследствие установления его рыночной стоимости сведения об измененной кадастровой стоимости, внесенные в Единый государственный реестр недвижимости, учитываются при определении налоговой базы начиная с даты начала применения для целей налогообложения сведений об изменяемой кадастровой стоимости. Следовательно, ретроспективность установления рыночной стоимости на дату кадастровой оценки позволяет произвести перерасчет имущественных налогов за прошлые налоговые периоды.

Согласно правовой позиции Министерства финансов РФ⁶ (письме от 15.07.2019 № 03-05-05-02/52329) перерасчет имущественных налогов не бесконечен и ограничен только тремя налоговыми периодами. Такой подход основан на п. 2.1 ст. 52 НК РФ, согласно которому перерасчет сумм ранее исчисленных налогов, указанных в п. 3 ст. 14 и п. 1 и 2 ст. 15 НК РФ, осуществляется не более чем за три налоговых периода, предшествующих календарному году направления налогового уведомления в связи с перерасчетом. Следовательно, налогоплательщик может вернуть переплату по земельному налогу за три предшествующих года. По одному из дел данный подход был оспорен и признан незаконным. В кассационном определении Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19 мая 2021 г. № 88А-7563/2021 по административному делу № 2а-3666/2020⁷ кассационный суд пришел к выводу, что ст. 52 НК РФ не ограничивает право налогоплательщика на перерасчет земельного налога за предшествующий период более трех лет.

⁵ Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке» // СЗ РФ. 2016. № 27 (часть I). Ст. 4170.

⁶ Письмо Минфина России от 15 июля 2019 г. № 03-05-05-02/52329; Письмо Минфина России от 11 июля 2019 г. № 03-05-04-02/51243; Письмо Минфина России от 5 апреля 2019 г. № 03-05-06-02/23839.

⁷ Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19 мая 2021 г. № 88А-7563/2021 по административному делу № 2а-3666/2020. URL: <https://8kas.sudrf.ru/> (дата обращения: 27.10.2021).

В этой связи в письме ФНС России от 27 июля 2021 г. № СД-4-21/10567@⁸ даны иные разъяснения, согласно которым налоговая служба не вправе отказать налогоплательщику-физлицу в перерасчете земельного налога за налоговый период за пределами трех лет. Следовательно, возможность перерасчета имущественного налога не ограничена трехлетним периодом.

Возможность перерасчета имущественных налогов появилась сравнительно недавно. Соответствующие изменения в Налоговый кодекс РФ были внесены Федеральным законом от 23 ноября 2020 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁹ и вступили в силу только 1 января 2021 г. Эта норма введена в связи с постановлением Конституционного Суда РФ от 15 февраля 2019 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности статьи 402 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О.Ф. Низамовой»¹⁰. В указанном постановлении признано право гражданина на перерасчет земельного налога.

Как видно, возможность перерасчета земельного налога за прошлый период сформировалась в результате ряда судебных решений, то есть в результате борьбы граждан и организаций за возможность такого перерасчета. Но последние изменения законодательства могут свести на нет все достижения по данному вопросу.

Представляется, что возможность перерасчета земельного налога при изменении кадастровой стоимости будет полностью исключена в связи с новыми изменениями в законодательстве о государственной кадастровой оценке. Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 269-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹¹ (далее — Закон о внесении изменений) существенным образом изменены порядок кадастровой оценки объектов недвижимого имущества и порядок оспаривания результатов кадастровой оценки земельных участков. Изменение этих порядков влияет на возможность перерасчета земельного и прочих имущественных налогов.

Достаточно революционная новелла предусмотрена п. 7 ст. 22.1 приведенного закона (вступает в силу с 01.01.2023, а для отдельных регионов до 01.01.2023 по решению высшего исполнительного органа субъекта РФ). В новой редакции закона исключено правило определения рыночной

⁸ Письмо ФНС России от 27 июля 2021 г. № СД-4-21/10567@ // СПС «Консультант-Плюс».

⁹ Федеральный закон от 23 ноября 2020 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 48. Ст. 7627.

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 15 февраля 2019 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности статьи 402 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О.Ф. Низамовой» // СЗ РФ. 2019. № 8. Ст. 820.

¹¹ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 269-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5028.

стоимости на дату кадастровой оценки земли. Взамен этого правила закреплено новое положение, согласно которому заявление об установлении рыночной стоимости может быть подано в течение шести месяцев с даты, по состоянию на которую проведена рыночная оценка недвижимости. Получается, что оценку рыночной стоимости земли можно провести в любой период времени с момента постановки объекта недвижимости на кадастровый учет и до момента исключения сведений об объекте из реестра (ч. 2 ст. 22.1 Закона о внесении изменений). Но обратиться с заявлением об установлении рыночной стоимости можно только в течение шести месяцев с момента подготовки отчета об оценке рыночной стоимости. То есть ретроспективность рыночной оценки стоимости земли теперь невозможна, поскольку оценка проводится не на дату оценки кадастровой стоимости земли.

Это означает, что перерасчет имущественных налогов за прошлый период также невозможен, поскольку кадастровая стоимость на прошлый период осталась неизменной, а рыночная стоимость определяется на актуальную дату (предшествующие 6 месяцев).

Представляется, что такое положение вещей нарушает права граждан и организаций, создает препятствия для перерасчета земельного налога за прошлый период. Эта законодательная новелла фактически допускает обход постановления Конституционного Суда РФ от 15 февраля 2019 г. № 10-П, которое признает право на перерасчет земельного налога при изменении кадастровой стоимости. Такое нормативное регулирование возлагает на граждан финансовое бремя за ошибки в расчете кадастровой стоимости, которые допущены государственными органами. Представляется, что такое нормативное регулирование не соответствует роли закона в обеспечении благополучия граждан. Восстановление прав граждан видится в законодательном закреплении возможности перерасчета налогов за предыдущие налоговые периоды в ситуации, когда кадастровая стоимость определена неверно.

Волконитин А.С.,

преподаватель кафедры конституционного и муниципального права

Южно-Российского института управления (филиала)

Российской академии народного хозяйства и государственной службы

при Президенте Российской Федерации,

адвокат Ростовской областной коллегии адвокатов «Советник»

(г. Ростов-на-Дону)

Литература

1. Колесников Ю.А. Факторы проявления налогового суверенитета в финансовой деятельности органов местного самоуправления / Ю.А. Колесников, А.В. Киселева // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 7.
2. Корнеева С.Ю. Особенности дел о взыскании судебных расходов при установлении кадастровой стоимости земельных участков в размере рыночной / С.Ю. Корнеева // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 3.
3. Овсянкина Н.В. Судебное оспаривание кадастровой стоимости объектов недвижимого имущества. Вопросы правоприменительной практики / Н.В. Овсянкина // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 1.

Отдельные вопросы цифровизации в эколого-правовой сфере

В эпоху цифровизации жизнь уже не представляется без использования различных устройств (ноутбуков, смартфонов, умных часов, умных колонок, различных приставок, бортовых компьютеров в машине, шлемов дополненной реальности и др.). И в этом смысле на первое место выходят специальные программы, без которых указанные устройства не имеют смысла и могут считаться просто «железом». Данные программы помогают в различных сферах жизнедеятельности — от просмотра видео на телефонах до автоматизации выпуска различной продукции. Это все относится и к сфере экологического права, которое традиционно считается «суперотраслью», поскольку заимствует и объединяет не только различные правовые институты, но и целые подотрасли. Программы, без которых невозможно представить сегодня использование компьютерных технологий и цифровизации в целом, используются в самых различных сферах, начиная, например, от нормирования природопользования и охраны окружающей среды (обработка данных по нормативам ПДК и ПДВ (С) вредных веществ), обучающих программ, интерактивных образовательных технологий в области экологического права и вплоть до программ, используемых при размещении научных работ, статей, исследований и т.д. на поисковых серверах, а также для хранения аутентичных записей, созданных и/или поддерживаемых в цифровой форме. И здесь экологическое право использует понятийно-категорийный аппарат, заимствованный в гражданском праве.

Так, понятие программы для ЭВМ закреплено в ст. 1261 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), под которой понимается представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения.

Программа для ЭВМ является неклассическим объектом для авторского права, ведь при создании программы используемые инструменты (исходный код и объектный код) не позволяют создать произведение и художественные образы, также, помимо текста, программы для ЭВМ могут содержать в себе различные аудиовизуальные изображения (графика, звук, дизайн и др.), на основании чего существует множество споров, должны ли программы для ЭВМ подчиняться правовому режиму именно авторского права. Для настоящей статьи данные споры имеют прямое влияние, так как отнесение программы для ЭВМ к тому или иному правовому режиму будет влиять и на его основные элементы — исходный код и объектный код.

Существует три классических подхода относительно принадлежности программы для ЭВМ к определенному правовому режиму.

Доминирующим подходом как в науке, так и поддерживаемым законодателем является подход, согласно которому программа для ЭВМ является объектом авторского права и охраняется по аналогии с произведениями литературы. Данный подход также находит отражение в Бернской конвенции¹.

Второй подход в доктрине именуется как «патентный», его приверженцы (А.И. Савельев, С.А. Середа и др.)² полагают, что отнесение программы для ЭВМ к правовому режиму, охватываемому патентным правом, более естественно для программы, поскольку такой объект представляет собой результат технического творчества, а регистрационная система позволит обеспечить более высокую защиту нелитеральных элементов программы (порядок преобразования данных, интерфейс). Но при таком подходе мы совсем исключаем входящие в программу для ЭВМ электронные игры, которые соединяют в себе как литеральные элементы (сценарий, персонажи, созданный мир и др.) так и нелитеральные (объектный код, исходный текст). Пока мы не выделим подобные объекты права интеллектуальной собственности как *sui generis*³, такой подход будет вряд ли применим, тем более что автор программы для ЭВМ может пройти этап государственной регистрации, что обеспечит его продукту более полную защиту.

Сторонниками третьего подхода (Е.А. Войниканис, В.А. Дозорцев и др.)⁴ предлагается выделение программы ЭВМ в качестве объекта особого рода, с сохранением правового положения авторского права на программу и соединением регистрационной системы.

Нетрадиционные подходы на данном этапе невозможны без существенно расширения законодательной базы и выделения новых объектов интеллектуальной собственности из программы для ЭВМ, но, пока не возникнет потребности для их выделения, например через судебную практику⁵, необходимо

¹ Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. (с изм. на 28.09.1979). Россия присоединилась к документу Постановлением Правительства РФ от 3 ноября 1994 г. № 1224 с заявлением. Заявление отозвано Постановлением Правительства РФ от 11 декабря 2012 г. № 1281.

² Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. М. : Статут, 2014.

³ Воронцов М.И. Защита нарушенных прав авторов и правообладателей электронных игр : выпускная квалификационная работа. Казань, 2021. Ст. 25.

⁴ Калятин В.О. База данных как объект комплексного правового регулирования // Актуальные вопросы российского частного права : сб. ст., посвящ. 80-летию со дня рождения профессора В.А. Дозорцева. М. : Статут, 2008.

⁵ Признание объектом авторских прав программы для ЭВМ впервые было узаконено в Соединенных Штатах Америки, а именно решением Верховного суда США от 19 октября 1973 г. по делу 'Honeywell, Inc. V. Sperry Rand Corp., et al.', где стороной в качестве аргумента выделения нового объекта прозвучало следующее: «Эккерт и Моучли не являлись первыми изобретателями автоматической электронной цифровой вычислительной машины, а извлекли сущность концепции из изобретения доктора Джона Винсента Атанасова». То есть данным аргументом была доказана оригинальность отдельного от ЭВМ нового объекта — программы для ЭВМ. Так вот, когда будет запрос в практике выделения для защиты из программы для ЭВМ новых объектов *sui generis*, как, например, «электронной игры», тогда разработанные концепции будут необходимо внедрять в законодательство.

придерживаться классического подхода: программа для ЭВМ — произведение литературы.

В статье 1261 ГК РФ указываются охраняемые элементы программы для ЭВМ — это исходный текст и объектный код. Элементы программы являются литеральными компонентами программы и вызывают споры в цивилистической доктрине.

Современное законодательство содержит определение элементов программы для ЭВМ. Так, под исходным кодом (исходной программой) понимается соответствующее представление одного или более процессов, которые могут быть преобразованы программирующей системой в форму, исполняемую оборудованием (объектный код), когда под объектным кодом понимается подлежащая исполнению форма подходящего представления одного или более процессов (текст программы или язык программы), которая компилируется программирующей системой (общее примечание по программному обеспечению)⁶. Проблема данных определений заключается в том, что они не дают полного представления о реальном назначении и работе компонентов программы для ЭВМ.

В цивилистической доктрине часто дается слишком широкое понятие и, как следствие, широкое толкование указанных элементов. Так, исходный текст — код, в читаемой форме понятный программисту⁷, а объектный код, который «понятен машине»⁸.

Исходя только из таких понятий, будет сложно сказать, являются ли элементы программы сами по себе результатом творческого труда.

В данном исследовании мы остановимся на самом спорном элементе — объектном коде, который чаще всего в доктрине подвергают сомнению в объективной новизне, и форме его выражения, «понятной машине»⁹.

⁶ Указ Президента РФ от 17 декабря 2011 г. № 1661 (ред. от 19.02.2021) «Об утверждении Списка товаров и технологий двойного назначения, которые могут быть использованы при создании вооружений и военной техники и в отношении которых осуществляется экспортный контроль».

⁷ На практике уже проглядывается влияние такого доктринального понятия исходного кода, как в git-репозитории программного комплекса «Витрина данных НСУД», разработанного по заказу Минцифры. См.: https://g.info.gov.ru/damart/nsud-datamarts/-/blob/master/open_license_ru. Лицензия практически не ограничивает свободу действий пользователей ПО и разработчиков, работающих с исходным кодом. В главе 1 под «исходным текстом» понимается программа для ЭВМ в форме текста на языке программирования, который может быть прочтен человеком. Естественно, такая трактовка вызывает множество сомнений, ведь, на основании определения, исходный текст не обязательно подразумевает возможность получения из него исполняемого кода, как и то, что этот код не является сгенерированным на базе кода в предпочтительной форме для внесения изменений. См.: Официальный сайт gitlab. URL: https://g.info.gov.ru/damart/nsud-datamarts/-/blob/master/open_license_ru

⁸ Новоселова Л.А. Право интеллектуальной собственности : учебник. Т. 2: Авторское право. М. : Статут 2017. С. 93–95.

⁹ Корнеев В.А. Программы для ЭВМ, базы данных и топологии интегральных микросхем как объекты интеллектуальных прав. М. : Статут, 2010. С. 18.

Так, А.И. Савельев придерживается позиции, что для сокращения незаконного использования программы необходимо более надежно защищать все элементы программы для ЭВМ, в которые входит объектный код¹⁰. Другие ученые, например Р.И. Ситдикова, в своих работах ссылаются на то, что объектный код является техническим результатом деятельности ЭВМ и не несет в себе творческой составляющей, в отличие от исходного кода, так как он по своей сути является техническим средством защиты.

Вместо понятия «объектный код» правильнее использовать «объектный файл», так как, во-первых, файл является результатом одного из этапов компиляции, а во-вторых, также может объединять в себе объектный код, который может быть сформирован компилятором (программой) и непосредственно человеком (группой авторов). Объектный файл — это файл, содержащий в себе объектный код, который может быть перемещаемым, разделяемым или непосредственно выполняемым при определенных условиях.

В случае нормативно-правового закрепления предложенного выше понятия объектного кода будет презюмироваться правило о том, что если программа скомпилирована и создана искусственным интеллектом, то она не может противоречить действующему законодательству (поскольку, например, всегда будет объективно отражать значения содержащихся в атмосферном воздухе вредных веществ, нарушающих нормативы предельно допустимой концентрации или предельно допустимого уровня вредного воздействия). В этом случае может возникнуть и следующая проблема: возможно изменение такой программы и со стороны человека (недобросовестного природопользователя, стремящегося, например, занижить норматив ПДК/ПДВ (С) вредных веществ), что, несомненно, нарушит законодательство и повлечет нарушение экологических прав граждан. Однако выявленная проблема является основанием для отдельного исследования, выходящего за рамки настоящей статьи.

Воронцова О.В.,

член Избирательной комиссии Республики Коми
с правом решающего голоса,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Сыктывкар)

Воронцов М.И.,

магистрант 1-го курса
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
(НИУ ВШЭ)
(г. Москва)

¹⁰ Лицензирование программного обеспечения в России: законодательство и практика. М. : Инфотропик Медиа, 2012. С. 19–20.

Литература

1. Воронцов М.И. Защита нарушенных прав авторов и правообладателей электронных игр : выпускная квалификационная работа / М.И. Воронцов. Казань : КФУ, 2021.
2. Калятин В.О. База данных как объект комплексного правового регулирования / В.О. Калятин // Актуальные вопросы российского частного права : сборник статей, посвященный 80-летию со дня рождения профессора В.А. Дозорцева / составители : Е.А. Павлова, О.Ю. Шиловост. Москва : Статут, 2008.
3. Корнеев В.А. Программы для ЭВМ, базы данных и топологии интегральных микросхем как объекты интеллектуальных прав / В.А. Корнеев. Москва : Статут, 2010.
4. Лицензирование программного обеспечения в России: законодательство и практика / А.И. Савельев ; предисловие А.В. Кашанина. Москва ; Берлин : Инфотропик Медиа, 2012.
5. Право интеллектуальной собственности : учебник. В 4 томах. Т. 2. Авторское право / Е.С. Гринь [и др.] ; под общей редакцией Л.А. Новоселова. Москва : Статут, 2017.
6. Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование / А.И. Савельев. Москва : Статут, 2014.

Роль земельного права в обеспечении благоприятной окружающей среды

Следует указать на существование определенного противоречия между формулировкой темы конференции в целом («Роль права в обеспечении благополучия человека») и названием секции экологического и земельного права («Роль права в обеспечении благоприятной окружающей среды»). Еще в 2008 году М.М. Бринчук применительно к такой правовой категории, как благоприятная окружающая среда, отмечал: «Предназначение этой категории права пока не очень осознано ни в науке экологического права, ни особенно в природоохранной практике правоприменения»¹. Со временем ситуация, учитывая довольно большое количество научных работ по соответствующей проблематике, в какой-то мере изменилась. Однако в целом, как подчеркивает уже в 2021 году П.С. Быченко, по-прежнему отсутствует «единое мнение в науке о том, каковы критерии, позволяющие обозначить окружающую среду как благоприятную»². При этом и сегодня некоторые авторы ограничиваются указанием на то, что под благоприятной окружающей средой «имеется в виду такое состояние окружающей среды, при котором возможны достойная жизнь и здоровье человека»³.

Что особенно интересно, Н.Ш. Гаджиалиева в цитируемой работе обосновывает свой вывод ссылкой на норму ст. 1 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее — ФЗ «Об охране окружающей среды»), согласно которой благоприятной считается «окружающая среда, качество которой обеспечивает устойчивое функционирование естественных экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов». В то же время очевидно, что человек непосредственно не является ни элементом экосистемы, ни природным (природно-антропогенным) объектом. Тем самым никакого указания на то, что окружающая среда должна быть благоприятной именно для человека, рассматриваемое определение не содержит. Соответственно, упомянутое выше противоречие состоит в том, что конференция в целом посвящена благополучию человека как субъекта права, а работа секции экологического и земельного права формально посвящена благополучию не субъекта, а объекта правоотношений (окружающей среды и отдельных составляющих ее элементов).

¹ Бринчук М.М. Благоприятная окружающая среда — важнейшая категория права // Журнал российского права. 2008. № 9. С. 37.

² Быченко П.С. Проблемы, связанные с реализацией права на благоприятную окружающую среду // Modern science. 2021. № 2-1. С. 122.

³ Гаджиалиева Н.Ш. Понятие и содержание права на благоприятную окружающую среду в законодательстве России // Закон и право. 2020. № 11. С. 96.

С другой стороны, подобное противоречие в значительной степени является именно формальностью, обусловленной недостаточной продуманностью и, как следствие, недостаточной полнотой легального определения важнейшего эколого-правового понятия. Тем более что другие статьи рассматриваемого федерального закона, по сути, противоречат данному в первой статье определению. Так, в п. 6 ст. 2 ФЗ «Об охране окружающей среды» речь идет о законодательстве, «направленном на обеспечение **благоприятной для человека** (выделено нами. — А.Г.) окружающей среды». Далее, к числу основных принципов охраны окружающей среды ст. 3 рассматриваемого закона относит не только «соблюдение права человека на благоприятную окружающую среду», но и «обеспечение благоприятных условий жизнедеятельности человека». Своеобразным объединением двух указанных принципов является формулировка п. 1 ст. 44 ФЗ «Об охране окружающей среды», предполагающая проведение «мероприятий по обеспечению благоприятного состояния окружающей среды для жизнедеятельности человека».

Таким образом, исходная формулировка ст. 1 ФЗ «Об охране окружающей среды», привязанная исключительно к параметрам экосистем и игнорирующая тем самым потребности человека, существенно корректируется буквально в следующих статьях того же самого закона. Подобную ситуацию вряд ли следует считать приемлемой как с доктринальных позиций, так и с позиций правоприменения. В этой связи уместно процитировать С.А. Боголюбова, который несколько в ином аспекте отмечает: «Распространенной фикцией становится право каждого на благоприятную окружающую среду, когда ставится задача, заведомо трудновыполнимая: понятие “благоприятная среда” не имеет четкого терминологического определения»⁴. Особую остроту ситуации придает то обстоятельство, что рассматриваемое право является конституционным (ст. 42 Конституции РФ предполагает благоприятность окружающей среды именно для человека).

Как следствие, формулировку ст. 1 ФЗ «Об охране окружающей среды» следует толковать расширительно, исходя из того, что окружающая среда должна быть благоприятной не только для экосистем, но и для человека. В противном случае роль права в обеспечении благоприятной окружающей среды должна оцениваться исключительно однобоко, поскольку право в целом легитимирует губительное вмешательство человека в природу, превращение отдельных природных объектов и целых экосистем в природно-антропогенные и полностью антропогенные объекты.

Ведущую роль в этом процессе играет именно земельное право, которое не только легитимирует постоянно нарастающее замещение природных

⁴ Боголюбов С.А. Особенности юридической ответственности в системе экологических правоотношений // Журнал российского права. 2019. № 4. С. 112.

объектов антропогенными, но и принципиально изменяет их эколого-правовой режим. Так, в общем случае обладающий почвенным слоем земельный участок сельхозназначения обременяет собственника обязанностями как по использованию объекта принадлежащего ему права, так и применительно к соблюдению требований по охране земель, в том числе проведению мероприятий соответствующего содержания. Как только почвенный слой скрывается под возведенным на участке зданием или сооружением, пользование участком трансформируется в пользование рукотворной недвижимостью, а обязанность по охране земель прекращается как минимум применительно к соответствующей части участка, а скорее всего — ко всему участку. Именно земельное законодательство в тесной связи с градостроительным на системной основе оформляет в масштабах общества в целом разрешение конфликта его экологических интересов (в сохранении естественных экосистем) и социально-экономических интересов (в создании и эксплуатации антропогенных объектов) в пользу последних.

В то же время здесь следует принимать во внимание не только принципиальную схему саму по себе, но и масштабы ее применения. Дело в том, что предназначенные главным образом для размещения антропогенных объектов категории земель (земли населенных пунктов наряду с землями промышленности и иного спецназначения) в сумме занимают менее 3% площади земельного фонда России. С другой стороны, почти 3% такой площади занимают земли особо охраняемых территорий, практически полностью состоящие из земель особо охраняемых природных территорий. Очевидно, что в данном случае именно земельное право обеспечивает сохранение благоприятной окружающей среды в узком смысле (в трактовке ст. 1 ФЗ «Об охране окружающей среды»), консервируя расположенные в пределах обладающих особо охраняемыми природными свойствами территорий естественные экосистемы.

Если к этому добавить, что практически две трети земель в Российской Федерации составляют земли лесного фонда, роль земельного права в сохранении благоприятной окружающей среды видится уже совершенно иначе, учитывая сохранение лесных экосистем на лесных землях, экосистем на землях лесного фонда, занятых болотами и иными водными объектами. Следует иметь в виду, что в данном аспекте сохранение лесных естественных экосистем предполагает в том числе деятельность по воспроизводству лесов. Кроме того, составляющие почти четверть земельного фонда земли сельхозназначения также участвуют в той или иной степени в обеспечении благоприятной для естественных экосистем окружающей среды. Наконец, очевидна связь земель водного фонда и функционирования водных экосистем. В целом получается, что количественно вопрос о роли земельного права в обеспечении окружающей среды, благоприятной не-

посредственно для естественных экосистем, решается в положительном ключе.

Однако ограничиться исключительно эгоцентрической трактовкой рассматриваемого понятия не представляется возможным, необходимо рассмотреть также вопрос о роли земельного права в обеспечении окружающей среды, благоприятной именно для человека. В этой связи, наряду с конституционным уровнем и уровнем федерального законодательства, заслуживает внимания решение рассматриваемого вопроса на уровне национальных идей. Так, Минприроды России утвержден национальный проект «Экология», реализация которого рассчитана на срок до конца 2024 г. Проект включает разноплановые мероприятия эгоцентрической направленности: по восстановлению водных объектов и очистке их берегов, по воспроизводству лесов и др. В то же время значительная часть проекта изначально ориентирована именно на экологически значимые параметры антропогенных объектов: уменьшение объемов захоронения отходов человеческой деятельности, уменьшение выбросов опасных загрязняющих веществ, модернизацию технологий и др.

Далее, Указом Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474, определяющим национальные цели развития РФ на период до 2030 г., в число таковых включена «комфортная и безопасная среда для жизни» (при этом «сохранение населения, здоровье и благополучие людей» представляют собой отдельную цель). Рассматриваемый документ по содержанию в целом ожидаемо и оправданно является антропоцентричным, как следствие — в соответствии с ним среда должна быть комфортной и безопасной именно для жизни людей. При этом мероприятия по достижению рассматриваемой национальной цели также довольно четко делятся на две группы, но уже по степени связи не с человеком (как в нацпроекте «Экология»), а с природой. С одной стороны, это мероприятия, непосредственно связанные с экологическими параметрами окружающей человека среды (обращение с ТКО, снижение выбросов, оздоровление водных объектов и т.д.). С другой — речь идет о необходимости увеличения объемов жилищного строительства, повышения качества дорожной сети и т.д.

В рассматриваемом контексте роль земельного права представляется намного более однозначной, поскольку оно позволяет юридически корректно оформить и тем самым гарантировать реализацию различных интересов общества: как связанных, так и не связанных непосредственно с воздействием на окружающую среду в целом и отдельные составляющие ее экосистемы. Однако, если рассматривать тематику конференции сквозь призму названия секции экологического и земельного права, необходимо акцентировать внимание именно на эгоцентрическом подходе. Характерно, что С.А. Боголюбов, рассматривая вопрос о содержании понятия «экологи-

ческое благополучие», особо выделяет благополучие земельных ресурсов⁵. Т.В. Волкова, в свою очередь, указывает на принципиальный характер «сохранения и приумножения качества» таких ресурсов⁶. В целом же определенная ангажированность ФЗ «Об охране окружающей среды» в вопросах формирования понятийного аппарата не является препятствием для дальнейшего развития земельного права и увеличения его роли в обеспечении благоприятной окружающей среды.

Горбачев А.Н.,
заведующий кафедрой земельного, трудового и экологического права
Брянского государственного университета
имени академика И.Г. Петровского,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Брянск)

Литература

1. Боголюбов С.А. Особенности юридической ответственности в системе экологических правоотношений / С.А. Боголюбов // Журнал российского права. 2019. № 4.
2. Боголюбов С.А. Периодизация освоения земельных, экологических положений Конституции Российской Федерации / С.А. Боголюбов // Аграрное и земельное право. 2020. № 2.
3. Бринчук М.М. Благоприятная окружающая среда — важнейшая категория права / М.М. Бринчук // Журнал российского права. 2008. № 9.
4. Быченко П.С. Проблемы, связанные с реализацией права на благоприятную окружающую среду / П.С. Быченко // Modern science. 2021. № 2-1.
5. Волкова Т.В. Механизм управления земельными ресурсами: понятие и структура / Т.В. Волкова // Вестник Томского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 35.
6. Гаджиалиева Н.Ш. Понятие и содержание права на благоприятную окружающую среду в законодательстве России / Н.Ш. Гаджиалиева // Закон и право. 2020. № 11.

⁵ См.: Боголюбов С.А. Периодизация освоения земельных, экологических положений Конституции Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2020. № 2. С. 89.

⁶ См.: Волкова Т.В. Механизм управления земельными ресурсами: понятие и структура // Вестник Томского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 35. С. 168.

Публичные и частные интересы в природоресурсном регулировании — проблемы противостояния и пути согласования

Проблемам, возникающим в рамках правового регулирования природоресурсных отношений, соотношения публичных и частных интересов посвящено многочисленное количество научных работ, публикаций и статей¹.

На взгляд автора, такое количество проблем обусловлено, **во-первых**, спецификой рассматриваемой отрасли права, которая включает в себя экономический, политический и экологические аспекты, ее комплексный характер, а **во-вторых**, смешанным методом правового регулирования, который включает в себя как императивные, так и диспозитивные подходы, именно поэтому вопрос соотношения публичных и частных интересов в экологическом праве всегда остается актуальным.

В обозначенной статье предлагается проанализировать вопросы соотношения публичных и частных интересов в области охраны окружающей среды на примере деятельности птицефабрик.

Основным веществом, загрязняющим природную среду, которое образуется в процессе деятельности птицефабрик, является куриный помет.

Опасность куриного помета для окружающей среды заключается в содержащихся в нем химических элементов (азот аммонийный, который переходит в нитратную форму — нитрат аммония). При большом количестве помета и его длительном воздействии происходит уничтожение плодородного слоя почвы, а также в ней накапливаются различные нитраты.

Куриный помет как органическое вещество используется для производства удобрения. Статус удобрения приобретает после оформления свидетельства о государственной регистрации продукта в качестве удобрения.

Согласно Федеральному классификационному каталогу отходов (далее — ФККО), утвержденному приказом Министерства природных ресурсов Российской Федерации от 2 декабря 2002 г. № 786, **помет куриный свежий** (код 131 001 01 03 01 3) относится к III классу опасности, а **помет куриный перепший** (код 131 001 01 01 00 4) — к IV классу опасности.

¹ О соотношении публичных и частных интересов в экологическом праве, например, см.: Правовое регулирование использования и охраны биологических ресурсов : научно-практическое пособие // С.А. Боголюбов, Е.А. Галиновская, Д.Б. Горохов [и др.] ; отв. ред. Е.Л. Минина. М. : ИГиСП ; ИНФРА-М, 2016. 328 с.; Лунева Е.В. Экологические императивы в системе правовых предписаний о рациональном природопользовании // Журнал российского права. 2020. № 6. С. 148–161; и т.д.

Признавая куриный помет отходом производства и потребления, законодатель устанавливает требования к осуществлению деятельности, связанной с его обращением.

Во-первых, в соответствии с п. 1 ст. 9 Федерального закона от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления», п. 30 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» деятельность по обращению с отходами производства и потребления подлежит лицензированию.

Во-вторых, согласно ст. 16 и 24 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» при обращении с отходами производства и потребления устанавливаются плата за негативное воздействие на окружающую среду и соответствующие нормативы и лимиты на размещение таких отходов.

Исходя из существующего правового регулирования деятельности в области обращения с отходами производства и потребления (куриный помет), в правоприменительной практике куриный помет рассматривается как сырье, необходимое для производства удобрения.

При рассмотрении куриного помета как сырья, необходимого для производства удобрения, обнаруживается проблема отсутствия нормативного регулирования такой деятельности.

В настоящее время единственным актом, который описывает такое состояние куриного помета, как сырье, является ГОСТ 31461-2012. «Межгосударственный стандарт. Помет птицы. Сырье для производства органических удобрений. Технические условия», который, по мнению автора, не является источником права, а лишь техническим актом, поскольку не содержит обязательных правил поведения.

Именно такую позицию занял Верховный Суд РФ при рассмотрении административного иска о признании положений ГОСТа не соответствующими действующему законодательству².

Кроме того, приведенный ГОСТ никак не регламентирует технологический процесс получения сырья, а только содержит классификацию куриного помета, его физические и химические показатели.

С позиции птицефабрик вся пометная масса, образуемая от птиц, уже в помещении, где они содержатся, превращается в сырье, поскольку она сразу смешивается с опилом либо с другим влагопоглощающим материалом.

Однако необходимо отметить, что при таком процессе деятельности химическое состояние сырья и его негативные свойства ничем не отличаются от куриного помета, который рассматривается как отход производства и потребления.

² См.: Решение Верховного Суда РФ 5 марта 2018 г. № АКПИ17-1145 // СПС «КонсультантПлюс».

К примеру, при рассмотрении Режевским городским судом жалобы птицефабрики на постановление Департамента Росприроднадзора по Уральскому федеральному округу о привлечении к административной ответственности по ч. 1 ст. 8.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях допрошенный в судебном заседании эксперт обозначил проблематику проводимых экологических экспертиз, в частности:

1) любое сырье на основе куриного помета будет отходом (исходя из существующей методики определения через разбавление водной вытяжки);

2) качество помета по ГОСТу и помета как отхода по ФККО невозможно соотносить между собой, поскольку требования к качеству отходов отсутствуют;

3) нельзя точно ответить на вопрос о курином помете или сырье, поскольку один и тот же образец при определенных физических, химическом и термальном воздействиях может стать отходом и наоборот³.

Учитывая отсутствие нормативного регулирования куриного помета как сырья и невозможность определения его статуса (отход или сырье) посредством экологических экспертиз, на территории Свердловской области складывается негативная практика невозможности привлечения птицефабрик к ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды при обращении с отходами производства и потребления.

Еще более интересная ситуация обстоит с лицензированием указанной деятельности.

Как уже отмечалось выше, сбор, транспортирование, обработка, утилизация, обезвреживание и размещение отходов I–IV классов опасности являются лицензируемыми видами деятельности, для которых характерны плата за негативное воздействие на окружающую среду, а также нормирование и лимиты на их размещение.

Вместе с тем, по мнению Минприроды России⁴, навоз, помет и иные органические вещества и материалы, образующиеся в животноводстве в результате содержания сельскохозяйственных животных и являющиеся продуктами жизнедеятельности последних, после их обезвреживания и обеззараживания в соответствии с санитарными правилами, при наличии технических условий и технологических регламентов, экологических сертификатов соответствия и паспортов качества продукции не являются отходами производства и потребления, в связи с чем требования законодательства о лицензировании, а также требования, связанные с безопасностью и охраной окружающей среды, неприменимы в рассматриваемом вопросе.

³ См.: Решение Режевского городского суда от 15 февраля 2019 г. по делу № 12-8/2019 // ГАС РФ «Правосудие».

⁴ См.: Разъяснения Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 24 мая 2016 г. (об отходах производства и потребления) // СПС «КонсультантПлюс».

Данный подход о необоснованном требовании у хозяйствующего субъекта соответствующей лицензии на осуществлении деятельности в области обращения с куриным пометом нашел отражение в арбитражной практике Уральского региона⁵.

Представляется, что указанный правоприменительный подход является неверным с точки зрения публичных интересов государства и общества в области охраны окружающей среды, поскольку, как уже отмечалось, куриный помет, и как сырье, и как отход, имеет одни и те же химические показатели, в связи с чем одинаково способен причинять вред окружающей среде.

Более того, при таком подходе определяется негативная тенденция, связанная с тем, что любой отход производства и потребления, отраженный в ФККО, посредством разъяснений того или иного министерства может «выпасть» из категории отходов и на него перестанут распространяться требования в области лицензирования, нормирования, лимитирования, платы за негативное воздействие на окружающую среду.

Таким образом, необходимый баланс публичных и частных интересов в природоресурсном регулировании может быть установлен, во-первых, посредством детального нормативного регулирования процесса обращения с органическими веществами и материалами, образующимися в результате содержания сельскохозяйственных животных, а во-вторых, путем внедрения сельскохозяйственными производителями института экологического комплаенс-контроля⁶.

Дубовик Д.М.,

ассистент кафедры земельного, градостроительного и экологического права
Уральского государственного юридического университета
имени В.Ф. Яковлева
(г. Екатеринбург)

Литература

1. Коваленко Е.И. Экологический комплаенс как часть корпоративной политики / Е.И. Коваленко, И.П. Пушкарев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2020. Т. 20. № 1.
2. Лунева Е.В. Экологические императивы в системе правовых предписаний о рациональном природопользовании / Е.В. Лунева // Журнал российского права. 2020. № 6.
3. Правовое регулирование использования и охраны биологических ресурсов : научно-практическое пособие / С.А. Боголюбов [и др.] ; ответственный редактор Е.Л. Минина. Москва : ИЗиСП ; ИНФРА-М, 2016.

⁵ К примеру, см.: Решение Арбитражного суда Свердловской области от 23 августа 2018 г. по делу № А60-63408/2017; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 4 февраля 2019 г. по делу № А07-21119/2018.

⁶ См.: Коваленко Е.И., Пушкарев И.П. Экологический комплаенс как часть корпоративной политики // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2020. Т. 20. № 1. С. 46–50.

Роль экологического законодательства в проектах комплексного развития территории

На всей территории России отмечается тенденция активной реализации проектов комплексного развития территории (КРТ). Агентом Российской Федерации по вовлечению в оборот земельных участков, находящихся в федеральной собственности и не используемых правообладателями (ДОМ.РФ), планируется реализация 13 пилотных проектов. Всего, по данным Минстроя РФ, под проекты КРТ в России предварительно отобрано 418 участков общей площадью 20 тыс. га, на которых можно построить 700 млн кв. м недвижимости¹.

Исходя из масштабов освоения территории, ввод большого объема объектов недвижимости не может проходить отдельно от учета экологических требований, предъявляемых к процессу строительства, а также от специальных обязательств к субъектам строительной деятельности. В этой связи роль экологического законодательства существенным образом повышается.

На сегодняшний день, в связи с молодостью института КРТ, его недостаточной правовой регламентацией и отсутствием обширной практики реализации проектов, нельзя сделать однозначный вывод о сложившейся совокупности специальных экологических требований. В итоге можно выделить следующие зоны развития, на которые следует обратить внимание законодателя и правоприменителю.

1. Изменение градостроительного законодательства в части установления инфраструктурной целостности проектов КРТ

Федеральный закон № 494-ФЗ, принятый в декабре 2020 г. и нацеленный на совершенствование института КРТ, механизма расселения людей из аварийного и ветхого жилья, упростил процедуру выделения застройщикам земель, но в то же время, как отмечают многие ученые, разрушил инфраструктурную и морфологическую комплексность проекта КРТ².

Так, ч. 5.1 ст. 30 Градостроительного кодекса РФ (ГрК РФ) определено, что в Правилах землепользования и застройки (ПЗЗ) в обязательном порядке устанавливаются территории, на которых предполагается осуществление КРТ. Границы таких территорий устанавливаются по границам

¹ URL: <https://erzrf.ru/news/na-zemlyakh-domrf-v-11-regionakh-budet-realizovano-13-pilotnykh-proyektov-krt-s-gradostroitelnyim-potentsialom-27-mln-kv-m>

² Трутнев Э.К. О рекомендациях по обеспечению комплексного развития территории в период действия Закона № 494-ФЗ // Имущественные отношения в РФ. 2021. № 4. С. 32.

одной или нескольких территориальных зон и могут отображаться на отдельной карте. В отношении таких территорий заключается один или несколько договоров о комплексном развитии территории.

В то же время ч. 5.2 ст. 30 ГрК РФ установлено, что, если иное не предусмотрено нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации, решение о комплексном развитии территории может быть принято в отношении территории, которая в соответствии с правилами землепользования и застройки на дату принятия указанного решения **не определена в качестве такой территории, либо в отношении территории, границы которой не совпадают с границами территории, указанной в правилах землепользования и застройки в качестве территории, в отношении которой допускается осуществление деятельности по ее комплексному развитию.**

Кроме того, по смыслу ст. 66 ГрК РФ внесение изменений в генеральный план поселения, генеральный план городского округа, правила землепользования и застройки осуществляется **«в случае необходимости».**

Перед реализацией проекта комплексного развития территории должна проводиться не только инвестиционная оценка, **но и комплексная оценка территории на наличие экологических обременений и ограничений.** Недостаточный учет этих критериев при планировании и реализации строительного проекта может привести к ряду негативных последствий, начиная от дополнительных внешних издержек застройщика и заканчивая невозможностью строительства.

Таким образом, в отсутствие этапа первичности изменения документации территориального планирования происходит нарушение инфраструктурной целостности проекта КРТ и, как следствие, возникают пробелы в учете экологических обременений территории.

2. Усовершенствование информационной системы обеспечения информацией о градостроительной деятельности

Неотображение территории КРТ в документации территориального планирования (отсутствие обоснованных расчетных показателей, информации об экологических обременениях) негативно сказывается на праве граждан на информацию о благоприятной окружающей среде.

В связи с введением нового правового регулирования правообладатели земельных участков рискуют узнать о реализации проекта КРТ в процессе проведения публичных слушаний по утверждению документации по планировке территории, в худшем — на этапе строительства объектов.

Ведь говоря о праве на благоприятную окружающую среду, важно помнить, что она в должной мере может быть обеспечена при наличии эффек-

тивно действующей информационной системы градостроительной деятельности.

Для своевременной реакции на нарушение права на благоприятную окружающую среду гражданам необходимо видеть отображенную систему в режиме онлайн. В научной литературе предлагается создать на основе ГАС «Управление» информационную систему стратегирования в области экологического развития, в основе которой лежат принципы адекватности и гибкости системы. Авторами отмечается, что «эффективность и смысл стратегирования заключаются именно в том, чтобы создать прочную информационную основу для принятия решений на основе постоянной обратной связи, позволяющей корректировать действия в парадигмах “желание-возможность”, “прогноз-реальность”, “предвидение-последствия”³.

3. Активное использование «зеленых» стандартов в строительной деятельности

Качество среды проживания может зависеть от применения специальных «зеленых» стандартов в области строительства.

Минстроем РФ и КБ Стрелка был разработан стандарт КРТ (*далее — Стандарт КРТ*), состоящий из 6 книг и 4 каталогов, которые являются методическим руководством по развитию застроенных и освоению новых территорий. По своей правовой природе он не является сертификатом, как британский BREEM (метод оценки экологической эффективности зданий), в рамках которого готовят специальных независимых лицензируемых оценщиков и оценивают здание в соответствии с ISO9001. Он также не представляет собой стандарт, на основании которого обеспечивается соблюдение требований Федерального закона от 30 декабря 2009 г. № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений».

Как отмечается в книге первой, на основе стандарта формируются предложения по совершенствованию действующей нормативно-правовой базы в сфере развития территории жилой и многофункциональной застройки в России, в том числе: федерального законодательства, технического регулирования, регулирования санитарно-эпидемиологического благополучия населения⁴.

Таким образом, даже если застройщик станет декларировать, что проект будет им разрабатываться по Стандарту КРТ, то фактически неисполнение

³ Жаворонкова Н.Г., Выпханова Г.В. Правовые проблемы стратегирования в экологическом праве // Lex russica. 2020. Т. 73. № 1. С. 38.

⁴ URL: <https://xn--d1aqf.xn--plai/urban/standards/printsipy-kompleksnogo-razvitiya-territoriy/>

требований стандарта не повлечет для него юридически значимых последствий (кроме репутационных издержек).

Несмотря на то что Стандарт КРТ является теоретическим пособием, на его основе реализуются многочисленные строительные проекты. Так, к примеру, одним из первых объектов, который практически полностью был построен в соответствии со стандартом КРТ, стал жилой комплекс «Август-Астры» в Казани, он получил 83% на соответствие требованиям стандарта⁵.

Стандарты КРТ разрабатываются также субъектами РФ. Так, в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре принят «Югорский стандарт»⁶.

Представляется, что внедрение «зеленых» стандартов возможно также посредством ужесточения требований к конкурсной документации на заключение договора о КРТ, в частности введения прямого обязывания соблюдать требования Стандарта КРТ.

Таким образом, в связи с массовой реализацией проектов КРТ роль экологического законодательства возрастает: благодаря активному использованию правовых механизмов охраны окружающей среды в проектах КРТ может быть дан старт дальнейшему развитию не только института КРТ, но и экологического законодательства в целом.

Максимкина Ю.А.,

аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ,
юрист Land Law Firm
(г. Москва)

Литература

1. Жаворонкова Н.Г. Правовые проблемы стратегирования в экологическом праве / Н.Г. Жаворонкова, Г.В. Выпханова // *Lex russica (Русский закон)*. 2020. № 1 (158).
2. Трутнев Э.К. О рекомендациях по обеспечению комплексного развития территории в период действия Закона № 494-ФЗ / Э.К. Трутнев // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2021. № 4 (235).

⁵ URL: <https://www.business-gazeta.ru/news/500487>

⁶ URL: <https://storage.strategy24.ru/files/news/202011/7b1a804624c6b07910bbe4d9fa2a6ec3.pdf>

Правовая охрана земель и проблемы обеспечения низкоуглеродного природопользования*

Одним из актуальных направлений научного обеспечения экологического развития в последние годы стали проблемы «декарбонизации» российской экономики и другие связанные с ними вопросы, вытекающие из реализации Парижского соглашения по климату¹ и иных международных обязательств России.

Следует отметить, что в целом климатическая проблематика не нова и с конца XX в. привлекает пристальное внимание международного сообщества, о чем свидетельствуют принятые в 90-х гг. такие наиболее значимые международно-правовые документы, как Рамочная конвенция ООН об изменении климата (заключена в г. Нью-Йорке 09.05.1992)², Киотский протокол к Рамочной конвенции ООН об изменении климата (подписан в г. Киото 11.12.1997)³.

Указанная климатическая повестка (в период до Парижского соглашения) нашла отражение и развитие в сфере международных отношений, а также в национальном законодательстве. К примеру, Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство между Россией, с одной стороны, и европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны⁴. Статья 69 соглашения⁵ предусматривала, что стороны развивают и укрепляют взаимное сотрудничество в области защиты окружающей среды по таким направлениям, как экологическое воздействие сельского хозяйства, охрана лесов, глобальные климатические изменения и др.

Исполнение международно-правовых обязательств по климатической повестке обеспечивалось принятием соответствующих нормативно-правовых актов, в частности: Постановления Правительства РФ от 28 мая 2007 г. № 332 «О порядке утверждения и проверки хода реализации проектов, осуществляемых в соответствии со статьей 6 Киотского протокола к Рамочной конвенции ООН об изменении климата»⁶, распоряжения Правительства РФ от 3 сентября

* Статья подготовлена при информационной поддержке СПС «КонсультантПлюс».

¹ Парижское соглашение (заключено в г. Париже 12.12.2015) // СПС «КонсультантПлюс».

² СЗ РФ. 1996. № 46. Ст. 5204.

³ СЗ РФ. 2005. № 10. Ст. 764.

⁴ Заключено на о. Корфу 24 июня 1994 г. (с изм. от 17.12.2014) // Бюллетень международных договоров. 1998. № 8. С. 3–74.

⁵ Действие Соглашения прекращено, см.: Распоряжение Правительства РФ от 30 июля 2009 г. № 1055-р // СЗ РФ. 2009. № 32. Ст. 4053.

⁶ СЗ РФ. 2007. № 23. Ст. 2797. Постановление утратило силу, в настоящее время данные отношения урегулированы Постановлением Правительства РФ от 15 сентября 2011 г. № 780 (в ред. от 03.10.2018 № 1183) «О мерах по реализации статьи 6 Киотского протокола к Рамочной конвенции ООН об изменении климата» // СПС «КонсультантПлюс».

2010 г. № 1458-р «Об утверждении Стратегии деятельности в области гидрометеорологии и смежных с ней областях на период до 2030 года (с учетом аспектов изменения климата)»⁷ и др. Однако особенно активная деятельность в данной сфере⁸ началась после принятия Россией к исполнению Парижского соглашения по климату⁹.

Сравнительный анализ целей и задач, поставленных в настоящее время (2019–2021 гг.) и ранее указанных в международно-правовых документах и актах российского законодательства, показывает, что длительный период участия в международных соглашениях по климатической повестке не привел к ожидаемым результатам. Показательным в этом анализе является сравнение задач, поставленных указанным выше распоряжением Правительства РФ от 3 сентября 2010 г. № 1458-р в части исследований климата, что предусматривало мониторинг факторов, формирующих климат, развитие методов инвентаризации источников выбросов и поглощения парниковых газов, развитие агрометеорологического обеспечения АПК аналитической информацией о погодных условиях и воздействии на урожайность. И в 2019 году, руководствуясь Климатической доктриной РФ¹⁰ (во исполнение которой было принято и распоряжение от 03.09.2010 № 1458-р), Правительство РФ утверждает национальный план мероприятий первого этапа адаптации к изменениям климата на период до 2022 г.¹¹, который «снова» предусмотрел обеспечение выполнения международных обязательств по Рамочной конвенции ООН об изменении климата и других международных договоров, а также разработку и принятие ряда документов, обеспечивающих климатическую безопасность и адаптацию к последствиям изменений климата. Новым направлением реализации Климатической доктрины РФ стало создание карбоновых полигонов¹², из 14 запланированных три уже действуют на текущий момент¹³.

Наряду с нормативно определенными формами реализации климатической повестки вызывают интерес инициативные разработки, имеющие целью внедрить новые формы понижения «углеродного следа» отдельных секторов экономики. Таким примером является экспертный доклад

⁷ СЗ РФ. 2010. № 38. Ст. 4850.

⁸ Подробнее см.: Харьков В.Н. Проблемы развития экологического и природоресурсного законодательства Российской Федерации в контексте модернизации функционирования публичной власти // Экологическое право. 2021. № 1. С. 14–18.

⁹ См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 21 сентября 2019 г. № 1228 «О принятии Парижского соглашения» // СЗ РФ. 2019. № 39. Ст. 5430.

¹⁰ См.: Распоряжение Президента РФ от 17 декабря 2009 г. № 861-рп «О Климатической доктрине Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 51. Ст. 6305.

¹¹ Распоряжение Правительства РФ от 25 декабря 2019 г. № 3183-р (в ред. от 17.08.2021 № 2247-р) «Об утверждении национального плана мероприятий первого этапа адаптации к изменениям климата на период до 2022 года» // СПС «КонсультантПлюс».

¹² См.: Приказ Минобрнауки России от 5 февраля 2021 г. № 74 «О полигонах для разработки и испытаний технологий контроля углеродного баланса» // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ См.: Вылегжанина У. Под Калининградом открылся третий в России карбоновый полигон // Российская газета. 2021. 18 ноября.

«Битва за климат: карбоновое земледелие как ставка России»¹⁴. Кроме более чем претенциозного наименования, этот доклад обращает на себя внимание еще не менее претенциозными отдельными предложениями. В частности, в сфере сельскохозяйственного производства содержатся предложения: по выстраиванию комплексной системы землепользования, включающей в качестве одной из экосистемных услуг поглощение выбросов парниковых газов; постановка задачи селекционерам «по подготовке новых сортов для целей карбонового земледелия», способствующих поглощению парниковых газов¹⁵; «выведение сортов и видов сельхозрастений, в том числе принципиально новых, которые обладали бы способностью подавлять сорняки, противостоять вредителям и болезням без помощи агрохимии»¹⁶ (при заявленных выше качествах такие сорта растений могут иметь невысокую урожайность); неиспользуемые земли сельскохозяйственного назначения (от 40 до 80 млн га) использовать для лесного хозяйства, что компенсирует выбросы двуоксида углерода в объеме от 100 млн т в год¹⁷.

В части прогнозируемых направлений селекционных «достижений» их реалистичность в значительной степени определяется составом авторского коллектива, в котором нет специалистов в области селекции сельскохозяйственных культур. Однако в части предложенного масштаба увеличения площади лесов за счет земель сельскохозяйственного назначения оценка вышеозначенным предложениям дана законодательством. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 13 Земельного кодекса РФ все землепользователи обязаны проводить мероприятия по воспроизводству плодородия земель сельскохозяйственного назначения, защите сельхозугодий от зарастания деревьями и кустарниками. Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ (в ред. от 02.07.2021 № 299-ФЗ) «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»¹⁸ закрепил принцип сохранения целевого использования соответствующих земельных участков (ч. 3 ст. 1). Доктрина продовольственной безопасности РФ¹⁹ в качестве интересов государства в сфере продовольственной безопасности

¹⁴ Битва за климат: карбоновое земледелие как ставка России : экспертный доклад / под ред. А.Ю. Иванова, Н.Д. Дурманова (рук-ли авт. колл.) [и др.] ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 120 с.

¹⁵ Перечень парниковых газов, в отношении которых осуществляется учет эмиссии, установлен распоряжением Правительства РФ от 22 октября 2021 г. № 2979-р «Об утверждении перечня парниковых газов, в отношении которых осуществляется государственный учет выбросов парниковых газов и ведение кадастра парниковых газов». См.: СЗ РФ. 2021. № 44 (часть III). Ст. 7456.

¹⁶ Это предложение, вероятно, направлено на снятие барьеров для генномодифицированных сельхозкультур, что, оценивая риски для потребителей сельхозпродукции, неприемлемо с точки зрения абсолютного приоритета жизни и здоровья человека.

¹⁷ Битва за климат: карбоновое земледелие как ставка России : экспертный доклад. 2021. С. 9, 12, 48, 99.

¹⁸ СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ См.: Указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 4. Ст. 345.

на долгосрочный период определила: повышение качества жизни граждан за счет достаточного продовольственного обеспечения; восстановление и повышение плодородия сельхозземель, предотвращение сокращения их площади (п. 7). И такие стратегические цели предполагают обеспечение эффективного (с точки зрения продуктивности (урожайности)) использования и охраны земель. Этим же целям посвящена «Государственная программа эффективного вовлечения в оборот сельхозземель и развития мелиоративного комплекса РФ»²⁰, которая, оценивая сложившуюся в АПК страны ситуацию в части земель сельскохозяйственного назначения, отмечает в качестве отрицательной характеристики сокращение площади этих земель, а в качестве основных приоритетов и целей указывает на предотвращение сокращения их площади и др.

Возможно, полярные направления государственной земельной политики и мнение авторов доклада о «карбоновом земледелии» не стоило подробно обсуждать, если бы указанному докладу не предшествовало безусловно одобрительное вступительное слово министра природных ресурсов и экологии РФ А.А. Козлова, который видит позитивные перспективы в реализации идей «карбонового земледелия» и превращении «российского сельхозпроизводителя, землепользователя в поставщика услуг по поглощению углерода»²¹.

Следует отметить, что наше критическое отношение к идеям «карбонового земледелия» в приведенном докладе не исключает проведения исследований по определению эмиссии углерода в сфере АПК²², однако с учетом значимости сельхозземель как незаменимого средства производства и при сохранении качественных и количественных характеристик этих земель как важнейших составляющих продовольственной, а значит, и национальной безопасности²³.

По нашему мнению, климатические изменения, обострившие проблемы обеспечения глобальной экологической безопасности, тем не менее не должны смещать конституционные приоритеты национальной политики, закрепленные ч. 1 ст. 9 Конституции России, требующей от всех органов публичной власти обеспечения использования и охраны земель и других природных ресурсов как основы жизни и деятельности как настоящих, так и будущих поко-

²⁰ См.: Постановление Правительства РФ от 14 мая 2021 г. №731 (в ред. от 27.10.2021 № 1832) «О Государственной программе эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ Битва за климат: карбоновое земледелие как ставка России : экспертный доклад. 2021. С. 5–6.

²² Необходимость таких исследований ранее отмечалась автором. См.: Харьков В.Н. Актуальные вопросы развития экологического законодательства в контексте реализации научно-технической политики Российской Федерации // Экологическое право. 2021. № 4. С. 12.

²³ См.: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Подп. 10 п. 33 // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

лений народов России, а значит, в целях повышения их экономического благосостояния и экологического благополучия. И такой подход, на наш взгляд, предполагает минимизацию выбросов парниковых газов, прежде всего в тех секторах экономики страны, которые в этом деле «лидируют», — энергетика и металлургия. По этой причине и с учетом вышесказанного аграрный сектор российской экономики, особенно в части растениеводства, должен стать приоритетным направлением устойчивого развития, залогом чего выступает реализация организационно-правовых мер охраны земель, восстановление деградированных земель и включение их в сферу аграрного производства.

На наш взгляд, «насаждаемая» России «карбоновая тематика» также требует постановки вопроса о недопустимости решения задачи достижения углеродной нейтральности в ущерб конституционным социально-экономическим и экологическим правам и интересам граждан России и суверенным правам государства на пользование своими природными ресурсами²⁴. С учетом многофакторности (природного и антропогенного) влияния на климатические изменения и продолжающейся научной дискуссии о достоверности выводов о приоритетном характере антропогенного влияния на климат представляется необходимым при всей вовлеченности Российской Федерации в разрешение глобальных климатических проблем обеспечить безусловный приоритет национальных целей и задач устойчивого социально-экономического и экологического развития с учетом состояния экологических систем и природных комплексов, а также в целом природно-ресурсного потенциала страны, главной целью использования которого является экономическое благосостояние и экологическое благополучие граждан России.

Харьков В.Н.,

доцент кафедры гражданского и земельного права
Тульского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Тула)

Литература

1. Битва за климат: карбоновое земледелие как ставка России : экспертный доклад / А.Ю. Иванов [и др.] ; под редакцией А.Ю. Иванова, Н.Д. Дурманова. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021.
2. Вылегжанина У. Под Калининградом открылся третий в России карбоновый полигон / У. Вылегжанина // Российская газета. 2021. 18 ноября.
3. Харьков В.Н. Актуальные вопросы развития экологического законодательства в контексте реализации научно-технической политики Российской Федерации / В.Н. Харьков // Экологическое право. 2021. № 4.
4. Харьков В.Н. Проблемы развития экологического и природоресурсного законодательства Российской Федерации в контексте модернизации функционирования публичной власти / В.Н. Харьков // Экологическое право. 2021. № 1.

²⁴ См.: Хартия экономических прав и обязанностей государств : принята 12 декабря 1974 г. Резолюцией 3281 (XXIX) на 2315-м пленарном заседании 29-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Ст. 2; Всемирная хартия природы : принята 28 октября 1982 г. Резолюцией 37/7 Генеральной Ассамблеи ООН. П. 22 // СПС «КонсультантПлюс».

О влиянии типологии письма на решение задач судебно-почерковедческой экспертизы рукописей иноязычного графического состава

Среди наиболее распространенных и сложных задач судебно-почерковедческой экспертизы на текущем этапе выделяются исследования рукописей иноязычного графического состава — кириллического, латинского, арабского, китайского и т.д. Результаты анкетирования и опросов сотрудников судебно-экспертных учреждений свидетельствуют о высоком росте материалов в указанной сфере производства. Это объясняется широким вовлечением России в процесс международной миграции населения, ежегодным прибытием в нашу страну не менее полумиллиона иностранных граждан из ближнего и дальнего зарубежья.

Большой миграционный поток наряду с положительным эффектом (развитие отечественной экономики, компенсация убыли населения) увеличивает социальную напряженность в обществе и оказывает негативное влияние на криминогенную ситуацию. В частности, мигранты активно включаются в различные сферы преступной деятельности, связанные с торговлей людьми и криминальной эксплуатацией человека, экстремизмом и террористической деятельностью, незаконным оборотом оружия, наркотических средств и т.д.¹.

При раскрытии и расследовании преступлений, совершенных мигрантами, весьма часто вещественным доказательством по делу выступает документация, представленная в виде рукописей иноязычного графического состава. Данная особенность криминального документооборота затрудняет ее использование в качестве источника доказательственной и ориентирующей информации.

Как объекты судебно-почерковедческого исследования рукописи иноязычного графического состава (тексты, краткие записи, подписи) характеризуются ярко выраженной спецификой и поэтому традиционно выделяются в отдельную категорию экспертных задач. Эффективность их решения определяется научным потенциалом судебного почерковедения, который в ситуации устойчивого роста миграционной преступности нуждается в дальнейшем развитии.

¹ Влияние миграционных потоков на криминогенную обстановку на территории Российской Федерации: аналитический обзор / В.И. Коваленко, Л.М. Шураева, П.С. Жуков. М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. С. 11.

Совершенствование теоретических и методических основ судебно-почерковедческой экспертизы рукописей иноязычного графического состава базируется на достижениях лингвистики в области типологии письма. Эти знания имеют фундаментальный характер, так как выступают основой для систематизации отдельных типов письма, раскрывают закономерности структуры и механизма реализации соответствующих им видов письменного функционально-динамического комплекса (ФДК) навыков, определяют специфику графического состава иноязычных рукописей и присущих им криминалистических свойств письменной речи и почерка в качестве непосредственных объектов экспертного исследования.

Согласно лингвистическим данным, на текущем этапе известно около 400 видов письма, включая исторические, уже неиспользуемые системы². Из них около 35 видов активно используются в современной общественной жизни.

Автором одного из первых трудов по типологии письма является английский филолог И. Тэйлор³. В ней освещается эволюционная модель развития систем письма с их дифференциацией на основе характера (обозначаемого) письменных знаков. Так, ученым выделяются два типа письма, отражающие основные этапы его филогенетического развития: 1) идеографическое, направленное на непосредственную репрезентацию предметов и идей; 2) фонографическое письмо, корреспондирующее с элементами речи⁴.

Идеографический тип представляет собой письмо рисунками, которые воспроизводят обозначаемые ими объекты окружающей действительности. Со временем такие рисунки приобретают конвенциональный (условный) характер, что позволяет им передавать уже абстрактные понятия. В свою очередь, фонографическое письмо подразделяется автором на: 1) словесное, в котором письменные знаки обозначают слова; 2) слоговое, письменные знаки которого выражают слоги; 3) буквенное, обозначением письменных знаков которого являются звуки.

Впоследствии данная исходная типология уточняется в работе крупного американского специалиста в области истории и теории письма И.Е. Гельба⁵. В ней ученый впервые предпринимает попытку систематического изложения истории и эволюции письма на основе применения сравнительно-типологического метода.

² Федорова Л.Л. История и теория письма. М., 2015. С. 20.

³ Taylor I. The alphabet : in 2 vol. Vol. 1: Semitic alphabets : an account of the origin and development of letters / by I. Taylor. Kegan Paul, Trench & Co., 1883.

⁴ Ibid. С. 5–6.

⁵ Гельб И.Е. Опыт изучения письма. М., 1982.

Одним из важнейших результатов его исследования является аргументированная критика использования понятия «словесное письмо». Так, И.Е. Гельб приходит к выводу, что словесные письменные системы не являются таковыми в полном объеме⁶. Письменные знаки в таких системах, помимо слов, могут обозначать фонетические сегменты типа слога для записи имен собственных, иностранных слов, грамматических показателей и т.д. В этой связи он определяет этот тип письма как словесно-слоговое.

В результате ученый представляет процесс развития письма как последовательный переход от семасиографической предписьменности (письма рисунками, передающими общий смысл сообщения) к собственно фонографическому письму во все более совершенных формах — словесно-слоговому, слоговому и буквенному⁷.

В настоящее время к числу наиболее известных и признанных относится типология письма американского ученого П.Т. Дэниелса. Прежде всего он высказывает обоснованное сомнение в приемлемости использования концепции эволюции в отношении развития письма и предлагает говорить скорее о его последовательном усовершенствовании⁸.

Несомненно, эволюция, начиная с предписьма, не всегда приводит к буквенно-звуковому — алфавитному письму и может остановиться на любом этапе. Наглядным примером может служить иероглифическое китайское письмо «вэньянь», которое не претерпело существенных изменений в течение нескольких тысячелетий. Тем самым разные типы письма, сменяющие друг друга на историческом пути, могут одновременно использоваться в мировом пространстве.

В своей типологии П.Т. Дэниелс, помимо словесно-слогового, слогового и буквенного письма, дифференцирует и выделяет в особые типы: «абджад», в котором письменные знаки выражают только согласные звуки; «абугиду», письменные знаки которого обозначают согласные звуки с последующим стандартным гласным, изменение которого передается модификацией знака (с помощью диакритики); признаковое письмо, с письменными знаками, выражающими артикуляторные признаки фонем⁹.

Рассмотрению теоретических проблем типологии письма посвящено также значительное число работ отечественных ученых-лингвистов. Равно как и представители зарубежной науки, они определяют в качестве осно-

⁶ Там же. С. 67–120.

⁷ Там же. С. 184–198.

⁸ Daniels P.T. and Bright W. (eds.). *The World's Writing Systems*. New York : Oxford University Press, 1996. С. 8.

⁹ Там же. С. 4.

вы для типологического анализа письма характер (обозначаемое) письменного знака.

Одной из наиболее авторитетных в отечественной науке является типология письма В.А. Истрина. В своих трудах он различает четыре типа письма, которые, по его мнению, представляют основные этапы его исторического развития: 1) пиктографию (рисуночное) письмо, в котором письменные знаки передают какое-либо целое сообщение; 2) идеографию (логографию), письменные знаки которого обозначают отдельные слова или морфемы; 3) слоговое (силлабическое) письмо, где письменные знаки выражают слоги и слогообразующие звуки (например, гласные); 4) буквенно-звуковое письмо, обозначением письменных знаков (букв) которого являются отдельные звуки речи¹⁰.

В составе идеографического письма ученым также выделяется его особая разновидность — современные научно-технические знаки (цифры, символы), направленные на обозначение соответствующих терминов¹¹. Для них характерна возможность быть представленными не только в виде одного слова, но и целого словосочетания.

И.М. Дьяконов в своей типологии предлагает дифференцировать четыре основных типа письма: 1) идеографический, письменные знаки которого могут выражать слова любой грамматической формы в пределах круга понятийных ассоциаций (либо прямо вызываемых изображением, составляющим данный знак, либо условных); 2) словесно-слоговой (логографически-силлабический), в котором письменные знаки обозначают определенные слова; 3) собственно силлабический, где каждый знак передает последовательность звуков; 4) буквенно-звуковой (алфавитный), планом содержания письменных знаков которого являются звуки¹².

Тем самым ученый не признает за пиктографией право называться полноценным письмом. Он мотивирует это тем, что «настоящее письмо возникает только там, где фиксируется речь... и, таким образом, воспроизводится не только общий смысл именно сообщения, но и его дословное содержание»¹³.

В трудах С.В. Друговойко-Должанской и М.Б. Попова освещается типология письма, включающая в себя пиктографический, словесный (идеографический, иероглифический), буквенно-звуковой (алфавитный) типы письма¹⁴. При этом ученые прибегают к оптимальному решению, предлагая

¹⁰ Истрин В.А. Развитие письма. М. : Изд-во академии наук СССР, 1961. С. 24–42.

¹¹ Там же. С.33.

¹² Дьяконов И.М. ПИСЬМО // Большая российская энциклопедия. Т. 26. М., 2014. С. 278.

¹³ Дьяконов И.М. О письменности // Дирингер Д. Алфавит. М., 1963. С. 9.

¹⁴ Друговойко-Должанская С.В., Попов М.Б. Современное русское письмо: графика, орфография, пунктуация : учебник. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2019. С. 35–48.

рассматривать буквенно-звуковое письмо в широком смысле. В его состав они включают две разновидности — буквенно-слоговое и собственно буквенно-звуковое письмо¹⁵. Данное соображение обусловлено тем, что указанные подтипы в равной степени ориентированы прежде всего на обозначение звучания слов, а не их значение и всегда предполагают наличие алфавита — упорядоченного набора письменных знаков (букв).

«Усредненный» вариант типологии письма, обобщающий все известные на сегодняшний день классификации, принадлежит Л.Л. Федоровой¹⁶. На основе фонографии автором выделяются следующие типы.

1) морфосиллабическое (морфемно-силлабическое), или словесно-слоговое, письмо, где письменные знаки могут корреспондировать со словом, морфемой или слогом;

2) слоговое письмо:

2.1) полнослоговое (силлабическое), в котором письменные знаки соответствуют слогу или его сегменту;

2.2) мораическое цельное типа «кана», где письменные знаки обозначают неделимый фонетический слог или сегмент;

2.3) мораическое, дифференцированное по гласному, со стандартной подсистемой гласных модификаций — «абугида»;

2.4) мораическое редуцированное, не дифференцированное по гласному — «абджад»;

3) алфавитное письмо, где письменные знаки (буквы) обозначают звуки, фонемы:

3.1) неполногласное, редуцированное, в котором самостоятельными письменными знаками являются только согласные (консонантный алфавит);

3.2) полногласное линейно упорядоченное, гласные и согласные звуки в котором последовательно записываются полноправными самостоятельными буквами;

3.3) полногласное нелинейно упорядоченное, в котором гласные и согласные записываются с нарушением линейного порядка — «Пахау»;

3.4) признаковое — полногласное нелинейно упорядоченное по буквам (в слоговых блоках), которые системно дифференцированы по артикуляторным признакам.

В источниках судебного почерковедения данные о типологии письма представлены на основе трудов В.А. Истрина, выделяющего пиктографическое, идеографическое, слоговое и буквенно-звуковое письмо¹⁷.

¹⁵ Там же. С. 46–47.

¹⁶ Федорова Л.Л. История и теория письма. М., 2015. С. 501–504.

¹⁷ Почерковедение и почерковедческая экспертиза : учебник / под ред. В.В. Серегина. Волгоград : ВА МВД России, 2014. С. 17.

Полагаем, что эта модель типологии письма является наиболее приемлемой для криминалистики, так как лишена избыточных лингвистических тонкостей, которые не имеют принципиального значения для развития судебного почерковедения. Вместе с тем для решения частных научных задач, связанных с разработкой теоретических и практических основ судебно-почерковедческого исследования рукописей иноязычного графического состава, она нуждается в оптимизации.

Для этого необходимо прежде всего дифференцировать предметы лингвистического и криминалистического познания письма. Лингвисты рассматривают письмо главным образом с семиотической точки зрения — как знаковую систему, вторичную по отношению к языку¹⁸. Криминалисты же определяют письмо как вид речевой деятельности человека, способность к которому формируется в виде письменного ФДК навыков, включающего письменно-интеллектуальные, письменно-речевые и письменно-двигательные средства выражения и фиксации мысли индивида в рукописи.

Очевидно, что прямая экстраполяция в «криминалистическое поле» лингвистической типологии письма не способствует выделению криминалистически значимых типов письма, для которых характерны релевантные особенности исследования в судебном почерковедении. Поэтому наиболее приемлемой для криминалистики выступает типология письма с учетом не только характера используемых письменных знаков, но и специфики (структуры, механизма) письменного ФДК, графической частью которого они являются.

В этой связи представляется целесообразным высказать следующие соображения, относящиеся к развитию судебного почерковедения в целом и судебно-почерковедческой экспертизы рукописей иноязычного графического состава в частности.

Автор согласен с И. М. Дьяконовым, который разграничивает идеографическое письмо, выражающее слова любой грамматической формы в пределах круга понятийных ассоциаций, и иероглифическое (словесно-слоговое) письмо, обозначающее конкретные слова и морфемы. Такое определение идеографического типа письма позволяет отнести к его содержанию письмо научно-техническими символами.

Сущность этого подхода заключается в дифференциации указанных типов письма между собой по степени интеграции речевого компонента письменного ФДК. В отличие от иероглифического письма, полноценно передающего речевую информацию с использованием всего набора

¹⁸ Дьяконов И. М. ПИСЬМО // Там же. С. 278.

письменно-речевых средств (лексических, грамматических, стилистических), при идеографическом письме задействуются лишь в некоторой мере только лексические письменно-речевые средства выражения мысли.

При этом в составе идеографического типа письма стоит различать две категории научно-технических символов. Это мотивировано традиционным делением в судебном почерковедении рукописей цифрового и «иног» научно-технического состава — продуктов идеографического письма, для исследования которых свойственно применение отдельных теоретических положений и методических средств. Кроме того, «иные» научно-технические символы (физические, химические, кибернетические и т.д.) имеют интернациональный характер, а система цифровых знаков может изменяться на уровне вида в составе графики различных языков — арабское, римское, китайское цифровое письмо и т.д.

Полагаем, что при решении частных экспертных задач также необходимо учитывать точку зрения С.В. Друговойко-Должанской и М.Б. Попова о возможности рассматривать буквенное письмо в широком смысле. Характерные для буквенно-слогового и собственно буквенно-звукового типов письма письменные знаки — буквы, направленные на отражение звучания слов в целом, и наличие у них алфавита обуславливает реализацию аналогичной или весьма близкой структуры письменного ФДК и механизма его функционирования. Из этого следует, что судебно-почерковедческое исследование указанных типов письма должно осуществляться по единой методической схеме.

Кроме того, представляется целесообразным выделение в судебном почерковедении особого — буквенно-иероглифического (смешанного) типа письма, выступающего основой для выполнения рукописей аналогичного графического состава. В этой инициативе мы опираемся на авторитетное мнение В.А. Истрина, который различает письмо «промежуточного, переходного типа»¹⁹. К нему относятся системы письма, графика которых представлена в виде искусственного сочетания двух различных систем, одна из которых является иероглифической, другая — буквенной (например, современные японское и корейское письмо). В этой связи структуру и механизм функционирования письменного ФДК данного смешанного типа письма объединяют особенности, характерные как для буквенного, так и иероглифического типов.

Таким образом, для криминалистики и судебной экспертизы наиболее целесообразным является использование типологии, включающей:

- 1) пиктографическое письмо;

¹⁹ Истрин В.А. Развитие письма. М. : Изд-во академии наук СССР, 1961. С. 40.

- 2) идеографическое письмо (цифровое, «иное» научно-техническое);
- 3) иероглифическое письмо;
- 4) буквенное письмо;
- 5) буквенно-иероглифическое (смешанное) письмо.

Полагаем, что предложенная нами «криминалистическая типология письма» составляет важный раздел фундаментального базиса судебного почерковедения, влияющий на развитие его теоретического и методического потенциала. Она выступает основой дальнейшего развития знаний о структуре и механизме функционирования письменного ФДК, определяет специфику графического состава иноязычных рукописей в качестве непосредственных объектов судебно-почерковедческой экспертизы.

Бобовкин А.М.,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
(г. Москва)

Литература

1. Влияние миграционных потоков на криминогенную обстановку на территории Российской Федерации : аналитический обзор / В.И. Коваленко, Л.М. Шураева, П.С. Жуков. Москва : ВНИИ МВД России, 2018.
2. Гельб И.Е. Опыт изучения письма : основы грамматики / И.Е. Гельб ; перевод с английского Л.С. Горбовицкой, И.М. Дунаевской. Москва : Радуга, 1982.
3. Друговейко-Должанская С.В. Современное русское письмо: графика, орфография, пунктуация : учебник / С.В. Друговейко-Должанская, М.Б. Попов. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2019.
4. Дьяконов И.М. О письменности / И.М. Дьяконов // Дириингер Д. Алфавит : перевод с английского / Д. Дириингер ; предисловие и примечание И.М. Дьяконова. Москва : Изд-во иностранной литературы, 1963.
5. Дьяконов И.М. Письмо / И.М. Дьяконов // Большая российская энциклопедия. В 30 томах. Т. 26. Перу — Полуприцеп / председатель научно-редакционного совета Ю.С. Осипов. Москва : Большая российская энциклопедия, 2014.
6. Истрин В.А. Развитие письма / В.А. Истрин. Москва : Изд-во академии наук СССР, 1961.
7. Почерковедение и почерковедческая экспертиза : учебник / под редакцией В.В. Серегина. Волгоград : ВА МВД России, 2014.
8. Федорова Л.Л. История и теория письма / Л.Л. Федорова. Москва : Флинта : Наука, 2015.
9. Daniels P.T. The World's Writing Systems / eds. by P.T. Daniels, W. Bright . New York : Oxford University Press, 1996.
10. Taylor I. The alphabet. In 2 volumes. Vol. 1. Semitic alphabets : an account of the origin and development of letters / I. Taylor. Kegan Paul, Trench & Co., 1883.

Кибернетические методы в судебно-почерковедческой экспертизе: современное состояние и перспективы развития

В настоящее время происходит активное внедрение информационных технологий в судебно-экспертную деятельность. Оно осуществляется в рамках таких направлений, как использование достижений математических, технических и естественных наук, а также адаптация ранее разработанных цифровых технологий и информационных систем в целях обеспечения потребностей экспертно-криминалистических подразделений. Среди рассмотренных путей цифровизации экспертно-криминалистической деятельности наиболее перспективными представляются: разработка современных технических средств, приемов, кибернетических методов и новых методик экспертного исследования, а также использование различных систем искусственного интеллекта, в особенности робототехники¹.

Указанные векторы реализации цифровых технологий затрагивают и судебно-почерковедческую экспертизу. На современном этапе данная область использования специальных знаний характеризуется появлением новых объектов исследования (например, изображений различных рукописей), объективизацией и формализацией процесса идентификации, а также разработкой новейших технических средств, приемов, методов и методик экспертного исследования.

По мнению авторов, особую практическую значимость представляют направления, связанные с инструментализацией и автоматизацией практической деятельности эксперта-почерковеда. Впервые в 1963 г. свое развитие в судебном почерковедении получило кибернетическое направление математического моделирования. Научные разработки в этой области связаны с трудами видных математиков В.А. Якубовича, Б.Н. Козинца, В.М. Соколова и криминалиста Р.М. Ланцмана, проводивших свои исследования на базе Литовского НИИСЭ. В результате исследований ими были разработаны две системы дифференционных и идентификационных алгоритмов, получивших название «ДИА» и «Прост», прошедшие успешную апробацию в структурных подразделениях НИИСЭ, и были внедрены в практическую деятельность. Однако, несмотря на значительный успех данных экспериментальных

¹ См.: Камалова Г.Г. Цифровые технологии в судебной экспертизе: проблемы правового регулирования и организации применения // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2019. Т. 29. № 2. С. 180–186.

разработок, научно-практическое сообщество пришло к единому мнению о невозможности создания универсальных алгоритмов почерковедческой экспертизы, полностью автоматизирующих процесс экспертного исследования. Ввиду чего дальнейшие научные разработки в этой области стали развиваться по пути отдельных экспертных алгоритмов, используемых совместно с традиционными методами исследования рукописных объектов, имеющих по отношению к ним лишь вспомогательное значение².

В эпоху цифровизации обозначенное направление переживает новый виток своего развития, что обусловлено потребностями судебно-экспертных учреждений России и иностранных государств по вопросам повышения объективизации, степени научной обоснованности и достоверности выводов эксперта. В последние годы методическая база рассматриваемой области использования специальных знаний пополнилась значительным количеством кибернетических методов и новых методик исследований, часть из которых имеет вспомогательное значение, а в ходе других предпринимается попытка некоторой автоматизации отдельных этапов и всего процесса экспертного исследования. В связи с чем сосредоточим внимание преимущественно на зарубежном опыте использования отмеченных методических средств.

С практической точки зрения внимания заслуживает *компьютерная программа 'Wanda', выступающая инструментом для криминалистического исследования документов*. Данная разработка получила свое происхождение в Норвежской лаборатории информационной безопасности 'Nislab', расположенной в Университетском колледже г. Йевики, в Норвегии. В настоящее время областью применения этой системы является идентификация автора и исполнителя рукописных объектов. Программа базируется на специальных плагинах, реализующих цифровую обработку изображений и распознавание образов. Она позволяет производить объективные измерения и установление идентификационных признаков почерка в целях обеспечения воспроизводимых результатов анализа. Кроме того, на основе изучения экспертной практики в системе создан архив данных 'WandaXML', предназначенный для обработки, накопления и хранения оцифрованных рукописных документов.

Программа 'Wanda' может проводить в автоматическом режиме десять измерений, среди них: различные высоты элементов письменных знаков (восходящих, нисходящих, овальных элементов), наклон и ширина букв (знаков), характеристики верхних и нижних петель письменных знаков, средние расстояния между базовыми линиями в рукописном тексте и проч.

² См.: Козинец Б.Н., Ланцман Р.М., Якубович В.А. Опознание и дифференциация почерков при помощи электронно-вычислительных машин // В сб.: Самообучающиеся автоматические системы. М. : Изд-во «Наука», 1966. С. 21–28.

Основными достоинствами рассматриваемой системы являются: точное измерение и определение признаков, надежность и воспроизводимость результатов, высокая защита от фальсификаций, использование специальных знаний в области судебно-почерковедческой и компьютерно-технической экспертизы.

Программа ‘Wanda’ не только выступает в качестве эффективного кибернетического метода исследования, но и может быть использована для дальнейших разработок в области криминалистического исследования документов. Структура программы и архивы, содержащие значительные эмпирические данные, позволяют исследователям в автоматическом режиме и вручную анализировать большие массивы информации. Такие данные могут быть использованы в целях статистического анализа информации для оптимизации автоматизации процесса идентификации исполнителя рукописи, а также определения новых корреляций между особенностями реализации письменно-двигательного навыка и его отображением в почерке³.

Активное распространение в Европе и странах Африки получил компьютерный программный комплекс ‘GLOBALGRAF’, предназначенный для анализа и оценки зависимостей между графометрическими и моторными (ритмическими и нажимными) признаками почерка. Целью данной системы выступает объективизация процесса идентификационного исследования, а также автоматизация и формализация отдельных этапов работы эксперта. Вышеуказанный пакет программ были разработан в Польше в результате реализации совместного проекта Польской ассоциации судебной экспертизы и Варшавского университета. В данный программный комплекс входит несколько отдельных программ: GRAFOTYP, RAYGRAF, KINEGRAF, SCANGRAF, отличающихся целями и возможностями использования.

GRAFOTYP применяется для установления метрических и геометрических характеристик исследуемого почерка и сравнительных образцов, а также их последующего сравнения. Она позволяет сопоставлять: коэффициент площади поверхности многоугольника, образованного путем выделения конфигурации объекта (например, подписи), поделенный и коэффициент Шарпа (квадрат периметра этого многоугольника); коэффициент длины двух выбранных участков в сравниваемых объектах (пропорции размеров). Отмеченное программное обеспечение также позволяет статистически оценивать степень совместимости установлен-

³ См.: Franke K., Franke K. WANDA: A Generic Framework applied in Forensic Handwriting Analysis and Writer Identification, Design and Application of Hybrid Intelligent Systems. Amsterdam, The Netherlands : IOS Press, 2003.

ных ранее структурных параметров путем применения специального алгоритма.

RAYGRAF является программой, направленной на определение структурно-геометрических параметров письма. С помощью нее эксперт получает возможность установить такие признаки, как: длина участков графической линии, позволяющая определить коэффициент линейного подобия; угол наклона письменных знаков, с помощью которого возможно выявить коэффициент подобия угла; степень и характер нажима. Следует отметить, что вероятность совместимости анализируемых соотношений в исследуемых объектах и образцах выражается в процентах.

KINEGRAF предназначен для установления кинетико-геометрических характеристик письма. Программа позволяет сравнить почерковые объекты на основе значения коэффициента кинетико-геометрического подобия. В целях достижения указанной цели реализуется сопоставление следующих параметров: направление письма (выделяется до 10 вариаций, в числе которых 8 прямых и 2 изогнутых), степень искривления линий и их длина. В дополнение к указанному программное обеспечение также позволяет определять информативность объектов с учетом степени их геометрической и двигательной сложности, обусловленной способом выполнения.

SCANGRAF позволяет определять моторные (нажимные и ритмические) особенности почерка. Алгоритм программы основан на утверждении о том, что явление затемнения возникает в результате изменения давления, оказываемого пишущим прибором на поверхность следовоспринимающего объекта, вызывает более сильную насыщенность штриха в тех местах, где давление было больше, а также меньшее насыщение в местах, где давление было меньше. Соответственно, задача указанного программного обеспечения состоит в том, чтобы найти (на основе компонентов RGB) места с самыми темными и светлыми оттенками цвета в штрихах рукописи. Для установления указанных параметров используется колориметрический компьютерный анализ. Дальнейшее сравнение исследуемых рукописных объектов и образцов почерка предполагаемого исполнителя производится путем последовательного удаления наименее насыщенных линий, которое позволяет оценить уровень совместимости распределения затемнения штрихов рукописного объекта.

В результате программный комплекс 'GLOBALGRAF' позволяет сравнивать значимые в идентификационном плане графометрические и двигательные особенности почерка, отражающие особенности реализации письменно-двигательного навыка исполнителя рукописи. Кроме того, применение данных программ способствует повышению уровня объек-

тивности почерковедческой экспертизы и положительно влияет на однозначность оценки экспертного исследования органами предварительного следствия и суда. Необходимо отметить тот факт, что авторы рассмотренного кибернетического метода также приходят к мнению о вспомогательном значении компьютерных программ. Согласно их точке зрения, выбор подходящей методики, непосредственное идентификационное исследование, окончательную интерпретацию его результатов должен осуществлять исключительно эксперт-почерковед⁴.

Научно-практический интерес представляет *криминалистическая информационная система для исследования почерка 'FISH'* (РЫБА), разработанная в 1991 г. в США. Данная программа позволяет эксперту-почерковеду сканировать, оцифровывать, измерять и хранить рукописные объекты ранее установленных лиц с целью поиска почерков по ранее сохраненным материалам за короткий промежуток времени. Областью применения системы распознавания рукописного текста 'FISH' выступают сравнение вновь поступивших писем с угрозами с имеющимися в базах рукописями, а также идентификации отдельных лиц или групп, которые могут представлять угрозу для должностных лиц США.

База данных системы 'FISH' состоит из отсканированных изображений писем с угрозами, выполненными в отношении президента, вице-президента и других высокопоставленных лиц указанного государства. FISH содержит архив рукописей, выполненных с 1991 г. по настоящее время, и включает в себя все материалы дел и изображения документов. Основная задача программы сводится к измерению некоторых характеристик письменных знаков, таких как размер, разгон и расстояния между ними, а также автоматизированному поиску круга вероятных исполнителей среди отсканированных изображений документов с угрозами.

Особенностью данной информационной системы выступает ограниченный доступ к ее использованию, ввиду чего программу могут пользоваться лишь отдельные представители правоохранительных органов.

Проводя аналогию с отечественными разработками в области почерковедения, система 'FISH' в определенной степени представляет собой автоматизированную базу розыскных таблиц, направленную на защиту высших государственных чиновников.

Таким образом, кибернетические методы в судебно-почерковедческой экспертизе, применяемые на современном этапе, имеют вспомогательное значение, поскольку в полной мере не могут заменить деятельность экспер-

⁴ См.: Гоч М. Computer Programmes — Possibilities for New Quality in Handwriting Examination // Криминалист первопечатный. 2017. № 14. С. 65–74.

та-почерковеда. Развитие этого направления требует дальнейших научных изысканий в области математического моделирования в судебно-почерковедческой экспертизе.

Бобовкин С.М.,
доцент кафедры
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук
(г. Москва)

Диденко О.А.,
заместитель начальника кафедры исследования документов
учебно-научного комплекса судебной экспертизы
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук
(г. Москва)

Литература

1. Камалова Г.Г. Цифровые технологии в судебной экспертизе: проблемы правового регулирования и организации применения / Г.Г. Камалова // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2019. Т. 29. № 2.
2. Козинец Б.Н. Опознавание и дифференциация почерков при помощи электронно-вычислительных машин / Б.Н. Козинец, Р.М. Ланцман, В.А. Якубович // Самообучающиеся автоматические системы : сборник статей / ответственный редактор А.А. Фельдбаум. Москва : Наука, 1966.
3. Franke K. A Generic Framework applied in Forensic Handwriting Analysis and Writer Identification, Design and Application of Hybrid Intelligent Systems / K. Franke [et al.]. Amsterdam, The Netherlands : IOS Press, 2003.
4. Goc M. Computer Programmes — Possibilities for New Quality in Handwriting Examination / M. Goc // International Research and Practice Juridical Journal. 2017. Vol. 14.

Проблемные вопросы при оценке действий пешехода судебным экспертом-автомехаником

Немецкий криминалист К.Д. Поль, ссылаясь на «Соборные хроники Райхенталя», приводит пример несчастного случая, произошедшего в Альпах с папой Иоанном в 1414 г. в результате опрокидывания повозки, в которой он передвигался¹. Таким образом, уже в Средние века были попытки зафиксировать дорожно-транспортные происшествия.

Когда появились механические транспортные средства, возникла необходимость в создании определенных правил передвижения. Первым таким официальным документом принято считать Правила автомобильного движения, которые были введены в действие 14 августа 1893 г. во Франции².

Однако до появления судебной автотехнической экспертизы было еще далеко. В Советском Союзе государственная судебная автотехническая экспертиза была организована в 1959 г. в НИЛСЭ Юридической комиссии Совета министров РСФСР³. С этого момента начинается история отечественной судебной автотехнической экспертизы.

В судебной автотехнической экспертизе исследование действий того или иного участника дорожного движения необходимо проводить в соответствии с методиками, которые разработаны, апробированы, внедрены, аттестованы и рекомендованы для использования в установленном законодательством порядке. Кроме того, такие методики должны быть занесены в Реестр методик судебных экспертиз. Методики исследования наездов на пешеходов изложены в ряде работ отечественных авторов⁴. Оценка действий пешеходов данными методиками не предусмотрена, поэтому действия пешеходов не исследуются и не оцениваются экспертами-автомеханиками. В своих заключениях эксперты ограничиваются констатацией факта того,

¹ Поль К.Д. Естественно-научная криминалистика: Опыт применения научно-технических средств при расследовании отдельных видов преступлений : пер. с нем. М. : Юрид. лит., 1985. С. 16.

² Пучкин В.А. Основы экспертного анализа дорожно-транспортных происшествий: База данных. Экспертная техника. Методы решений. Ростов-на-Дону : ИПО ПИ ЮФУ, 2010. С. 9.

³ Бекасов В.А. Автомобильная экспертиза / В.А. Бекасов [и др.]. М. : Юридическая литература, 1967. С. 3.

⁴ Боровский Б.Е. Безопасность движения автомобильного транспорта. Анализ дорожно-транспортных происшествий. Л. : Лениздат, 1984. 304 с.; Суворов Ю.Б. Экспертное исследование обстоятельств ДТП, совершенных в нестандартных дорожно-транспортных ситуациях или в особых дорожных условиях / Ю.Б. Суворов, И.И. Чава. М. : ГУ РФЦСЭ, 2003. 142 с.; Судебная автотехническая экспертиза. Ч. II: Теоретические основы и методики экспертного исследования при производстве автотехнической экспертизы : пособие для экспертов-автомехаников, следователей и судей / отв. ред. В.А. Иларионов. М. : ВНИИСЭ, 1980. 492 с.

что оценка действий пешехода не требует применения специальных знаний в области судебной автотехники и может быть проведена органом, назначившим экспертизу, самостоятельно, применительно к определенным требованиям правил дорожного движения. Однако следователи и судьи не всегда располагают достаточным опытом для проведения такой оценки, кроме того, в некоторых случаях все-таки может присутствовать технический аспект в оценке действий пешехода, в частности при оценке действий «возвращающегося» пешехода, и т.д.

Для данного случая следует привести пример наезда на пешехода на нерегулируемом пешеходном переходе. В соответствии с требованиями п. 18.1 Правил дорожного движения Донецкой Народной Республики (далее — ПДД) «водитель транспортного средства, приближающегося к нерегулируемому пешеходному переходу, на котором находятся пешеходы, обязан уменьшить скорость, а при необходимости остановиться, чтобы уступить дорогу пешеходам, для которых может быть создано препятствие или опасность»⁵. В рассматриваемой ситуации водитель, который приближается к нерегулируемому пешеходному переходу, обнаружив пешехода, уже находящегося на пешеходном переходе, т.е. на проезжей части в границах пешеходного перехода, обозначенного дорожной разметкой или дорожными знаками, должен снизить скорость или остановиться, поскольку в соответствии с указанным пунктом ПДД опасность создает не пешеход, а водитель транспортного средства. Если водитель транспортного средства не снизил скорость или не остановился, хотя имел такую возможность, его действия не соответствовали требованиям п. 18.1 ПДД. Однако это будет справедливо, если пешеход вышел на пешеходный переход и остановился, когда транспортное средство находилось от траектории его движения на достаточном для снижения скорости либо остановки расстоянии, а затем начал движение и на него был совершен наезд. При оценке действий водителя транспортного средства этот случай не вызывает трудностей. Не вызывает трудностей и оценка действий пешехода при условии, если пешеход вышел на пешеходный переход, остановился и начал движение, когда транспортное средство находилось от траектории его движения на достаточном для снижения скорости либо остановки расстоянии, однако по какой-то причине водитель транспортного средства не принял мер к снижению скорости или остановке, и на пешехода был совершен наезд. В данном случае очевидно, что действиями пешехода наступление события происшествия не определялось. Однако если пешеход вышел на пешеходный переход, остановился и начал движение, когда транспортное средство находилось от траектории его движения на недостаточном

⁵ Правила дорожного движения Донецкой Народной Республики. URL: <https://pravodnr.ru/lawdnr/postanovleniya-soveta-ministrov/ob-utverzhenii-pravil-dorozhnogo-dvizheniya-dnr/> (дата обращения: 18.10.2021).

для снижения скорости либо остановки расстояний, и даже при принятии водителем транспортного средства мер к снижению скорости или остановке на пешехода был совершен наезд, каким образом следует оценивать действия пешехода? Варианты могут быть разными, например, если транспортное средство в момент начала движения пешехода находилось от траектории его движения на расстоянии 5 м, 10 м или 20 м и т.д. Очевидно, что в данном случае следователь или суд самостоятельно, без привлечения лица, обладающего специальными знаниями, оценить действия пешехода не смогут. Еще более затруднительно оценивать действия пешехода, выбежавшего на проезжую часть перед движущимся транспортным средством, водитель которого, уходя от опасности, предпринял маневр, в результате которого транспортное средство выехало за пределы проезжей части и опрокинулось. Как следует из указанного, при проведении расследования или рассмотрении в суде дел о дорожно-транспортных происшествиях следователь или суд может привлечь лицо, обладающее специальными знаниями в области судебной автотехники, как для оценки действий водителя, так и для оценки действий пешехода.

В настоящее время, как указывалось выше, при проведении судебно-автотехнических экспертиз в основном оцениваются только действия водителя. Это прежде всего происходит из-за того, что действия лица, управляющего транспортным средством, оцениваются в так называемой системе «ВАДС» — водитель, автомобиль, дорога, среда. При этом каждый элемент этой системы имеет следующие характеристики:

- водитель — лицо, управляющее транспортным средством, обладающее своей психикой, физиологией, знающее правила дорожного движения, устройство транспортного средства и его технические возможности и т.д.;

- автомобиль — транспортное средство, его техническое состояние, технические характеристики (вес, скоростные качества, параметры движения, устойчивость, управляемость и т.д.);

- дорога — инженерное сооружение, предназначенное для движения транспортных средств, которое характеризуется определенными параметрами (наличие покрытия, ширина, уклон, состояние, разметка и т.д.);

- среда — звуковые сигналы транспортного средства, световые сигналы транспортного средства, состояние видимости, окружающая обстановка и т.д.

Анализируя указанные элементы системы «ВАДС», следует прийти к выводу о том, что водитель, управляя транспортным средством и постоянно оценивая его техническое состояние и параметры движения, а также дорожные условия, должен постоянно следить за окружающей обстановкой и ее изменениями. При этом судебной автотехнической экспертизой водитель оценивается как оператор машинной системы, т.е. он должен быть психиче-

ски и физически здоровым, своевременно реагировать на изменения окружающей обстановки и т.д.

Что касается пешехода, каким же образом оценивать его действия при исследовании обстоятельств дорожно-транспортного происшествия?

По аналогии с оценкой действий водителя, действия пешехода предлагаются оценивать в системе «ПДС» — пешеход, дорога, среда. При этом каждый элемент этой системы имеет следующие характеристики:

— пешеход — лицо, которое участвует в дорожном движении вне транспортного средства, при этом не производит на дороге никакой работы и может не знать правил дорожного движения;

— дорога — инженерное сооружение, которое предназначено для движения пешеходов только в специально отведенных местах или местах, не противоречащих требованиям правил дорожного движения, и которое характеризуется определенными параметрами (наличие покрытия, ширина, уклон, состояние, разметка и т.д.);

— среда — звуковые сигналы транспортного средства, световые сигналы транспортного средства, состояние видимости, окружающая обстановка и т.д.

Как видим, пешеход действует вне транспортного средства, может не знать правил дорожного движения, даже дорога рассматривается пешеходом не так, как водителем.

Следует отметить, что понятия указанных терминов — элементов ВАДС и ПДС применительно к нашему исследованию трактуются несколько в ином ключе по сравнению с правилами дорожного движения, поскольку они рассматриваются, условно говоря, на основании понимания этих терминов водителем и пешеходом. В частности, понятие «дорога» не учитывает «разделительный газон», по которому движение запрещено, или понятие «обочина», движение по которой разрешено, но в определенных случаях. Поскольку данные объекты водитель должен учитывать при движении, данные понятия условно отнесены к окружающей обстановке.

Оценивая элементы в системах «ВАДС» и «ПДС», следует прийти к выводу о том, что совпадающими в большей или меньшей степени являются два элемента, а именно дорога и среда, т.е. то объективное, что существует в обстоятельствах дорожно-транспортного происшествия и не зависит от субъективных качеств, присущих водителю или пешеходу.

Исходя из этого, субъективные качества водителя или пешехода экспертом-автотехником при оценке их действий не должны учитываться.

Следует отметить, что дорожно-транспортное происшествие может совершить, например, 10-летний психически больной ребенок, каким-то образом севший за руль легкового автомобиля. Однако, несмотря на это, его действия будут оцениваться судебным экспертом-автотехником

как действия водителя. Окончательную же оценку его действиям все равно должен дать следователь или суд с учетом его возрастных, психических и т.д. особенностей.

Также должно обстоять дело и с оценкой действий пешехода. В данном случае оцениваются обстоятельства, явившиеся причиной дорожно-транспортного происшествия, на основании оценки которых выводится причинная связь между действиями пешехода и наступившим происшествием.

Еще раз следует отметить, что данная оценка производится судебным экспертом-автотехником с технической точки зрения и не учитывает субъективные аспекты, характеризующие пешехода, например его возраст, состояние и т.д. Поэтому орган расследования или суд может и не принять данную оценку.

Учитывая дискуссионность данного вопроса, на обсуждение предлагается два варианта решения данной задачи.

По первому варианту оценку действий пешехода предлагается проводить следующим образом: в данной дорожно-транспортной ситуации пешеход М. должен был действовать в соответствии с требованиями п. XX ПДД. В данной дорожно-транспортной ситуации действия пешехода М. не соответствовали требованиям п. XX ПДД и с технической точки зрения находились в причинной связи с наступлением события происшествия. Или, например, в данной дорожно-транспортной ситуации пешеход М. должен был действовать в соответствии с требованиями п. XX ПДД. В данной дорожно-транспортной ситуации в действиях пешехода М. несоответствий требованиям п. XX ПДД не усматривается, и с технической точки зрения его действия не находились в причинной связи с наступлением события происшествия.

По второму варианту оценку действий пешехода предлагается проводить следующим образом:

То обстоятельство, что малолетний пешеход вышел на полосу движения транспортного средства из-за объекта, ограничивающего обзорность, в непосредственной близости от транспортного средства, противоречило требованиям п. XX ПДД, создавало условия для наступления события происшествия и находилось с ним в причинной связи.

Данная оценка применима, если пешеходом является малолетний ребенок, недееспособное лицо и т.д. Вместе с тем на оценку действий пешехода не должно оказывать влияние нахождение его в состоянии алкогольного или наркотического опьянения.

В данном случае предлагается оценивать дорожно-транспортную ситуацию не относительно действий пешехода, а относительно предшествующих происшествию обстоятельств, как в приведенном примере, в частности при выходе малолетнего пешехода из-за объекта, ограничивающего обзорность, на полосу движения транспортного средства.

Таким образом, судебный эксперт может и должен оценивать действия пешехода при дорожно-транспортном происшествии. Эта оценка не является окончательной, она ограничивается только специальными знаниями судебного эксперта-автотехника. Окончательную же оценку действий пешехода дает следователь или суд, основываясь на внутреннем убеждении и руководствуясь принципами оценки доказательств. При этом важно понимать, что зачастую оценка действий пешехода необходима не для того, чтобы орган расследования или суд установил вину пешехода и применил к нему наказание, а для того, чтобы установить степень вины водителя транспортного средства.

Бордюгов Л.Г.,
профессор кафедры криминалистики
Донбасской юридической академии,
кандидат юридических наук
(Донецкая Народная Республика, г. Донецк)

Литература

1. Бекасов В.А. Автомобильная экспертиза / В.А. Бекасов [и др.]. Москва : Юридическая литература, 1967.
2. Боровский Б.Е. Безопасность движения автомобильного транспорта. Анализ дорожно-транспортных происшествий / Б.Е. Боровский. Ленинград : Лениздат, 1984.
3. Поль К.Д. Естественно-научная криминалистика: Опыт применения научно-технических средств при расследовании отдельных видов преступлений) : перевод с немецкого / К.Д. Поль ; под общей редакцией и со вступительной статьей В.Я. Колдина. Москва : Юридическая литература, 1985.
4. Пучкин В.А. Основы экспертного анализа дорожно-транспортных происшествий: База данных. Экспертная техника. Методы решений / В.А. Пучкин. Ростов-на-Дону : ИПО ПИ ЮФУ, 2010.
5. Суворов Ю.Б. Экспертное исследование обстоятельств ДТП, совершенных в нестандартных дорожно-транспортных ситуациях или в особых дорожных условиях / Ю.Б. Суворов, И.И. Чава. Москва : ГУ РФЦСЭ, 2003. 142 с.
6. Судебная автотехническая экспертиза. В 2 частях. Часть 2. Теоретические основы и методики экспертного исследования при производстве автотехнической экспертизы : пособие для экспертов-автотехников, следователей и судей / ответственный редактор В.А. Иларионов. Москва : ВНИИСЭ, 1980.

Скриншот как доказательство, полученное в ходе процессуальных действий

Современный этап развития информационных технологий способствует переходу коммуникации людей на использование интернет-мессенджеров, электронной почты, а документооборот компаний становится цифровым.

Что касается преступлений экономической направленности, то они также совершаются с использованием средств вычислительной техники (далее — СВТ), программного обеспечения, удаленных компьютерных сетей и систем, интернет-мессенджеров, интернет-почты и интернет-браузеров. Значимая информация сегодня представлена в цифровой форме, перемещается по каналам связи, находится в удаленных компьютерных сетях и системах. Именно эти обстоятельства серьезно осложняют процесс доступа к рассматриваемой информации, а также ее обнаружение и документирование.

В связи с чем при раскрытии и расследований преступлений экономической направленности повышается интерес к последним достижениям науки и техники, способам собирания, проверки, оценки электронных доказательств, представленных в виде: снимка экрана (скриншот), копии интернет-страницы, а также передаваемых в сети Интернет сообщений, медиафайлов видео-, аудио-, фотоформатов.

Электронные доказательства — это «сведения в электронно-цифровой форме, созданные при помощи электронно-вычислительных средств, на основании которых устанавливается наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для разрешения уголовного дела»¹. Электронные доказательства обладают определенной спецификой, могут быть отнесены к следующим видам доказательств: вещественное доказательство (ч. 1 ст. 81 Уголовно-процессуального кодекса РФ; далее — УПК РФ)², иные документы (ч. 2 ст. 84 УПК РФ).

Роль электронных доказательств в раскрытии и расследований преступлений экономической направленности неуклонно растет, поскольку правонарушители используют инновационные информационные технологии для совершения и сокрытия преступлений, а правоохранительные органы стремятся к совершенствованию способов выявления, раскрытия и расследования преступлений.

¹ Маслов А.В., Соскова К.А. Электронная информация, как доказательство по уголовному делу // Центральный научный вестник. 2017. Т. 2. № 11. С. 58.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Российская газета. 2001. 22 декабря.

Вследствие чего становится актуальным вопрос о процессуальном закреплении электронных доказательств, обладающих определенными особенностями.

В последнее время все более возрастает использование «скриншота» (англ. *screenshot*) в уголовно-процессуальном доказывании преступлений экономической направленности.

Инновационные технологии, появление новых программ и возможностей способствуют появлению новых терминов в криминалистике, которые не закреплены в российском законодательстве, государственных стандартах (ГОСТ), а также терминологических справочниках³. В этой связи можно привести авторское определение нового специального термина «скриншот», который целесообразно использовать в ходе отражения результатов процессуальных действий в целях единообразного подхода к терминологии: «скриншот» — фотоизображение отображаемой на экране СВТ информации в конкретный момент времени, выполненное программными средствами осматриваемого СВТ.

Правовая регламентация «скриншота» в российском законодательстве закреплена недостаточно. Арбитражно-процессуальное, гражданско-процессуальное законодательство в некоторой мере регламентирует вопросы использования «скриншота» в качестве доказательства, в отличие от уголовно-процессуального, где присутствует множество пробелов в его правовом регулировании.

Так, с помощью «скриншота» в уголовно-правовой сфере может быть зафиксирована следующая информация, например:

- осматриваемое содержимое интернет-страницы;
- осматриваемое содержимое чатов интернет-мессенджеров;
- осматриваемое содержимое электронной почты;
- осматриваемое специализированное программное обеспечение, его настройки и формируемая с его помощью информация;
- множественные данные, индивидуализирующие пользователя СВТ.

«Скриншот» может быть выполнен стандартными средствами операционной системы 'Windows' (клавиша 'PrtScr') либо с использованием иного программного обеспечения. В случае если необходимо выполнить «скриншот» информации, отображаемой на экране мобильного устройства, в целях минимизации изменения информации, находящейся в области данных, используют подключение к персональному компьютеру и специализированное программное обеспечение (например, Apowermanager, 3uTools). При таком способе формируемые «скриншоты» (снимки экрана) информации, отображаемой на экране мобильного телефона, сохраняются

³ Тушканова О.В. Терминологический справочник судебной компьютерной экспертизы: справочное пособие. М.: ЭКЦ МВД России, 2005. 257 с.

на персональном компьютере, что в дальнейшем упрощает задачу документирования.

Использование сформированных скриншотов в уголовном процессе при раскрытии и расследовании преступлений экономической направленности является перспективным направлением. Вместе с этим нельзя сказать, что в правоприменительной практике данный вопрос решен однозначно.

Следственной практикой в настоящий момент не выработано единого подхода к способу оформления выполненных (сформированных) «скриншотов», используется несколько способов:

- помещаются непосредственно в описательной части протокола процессуального действия;
- помещаются в фототаблицу к протоколу процессуального действия;
- записываются на оптический диск однократной записи в виде файлов и являются приложением к протоколу процессуального действия.

Следует отметить, что прежде всего «скриншот», как доказательство, должен соответствовать требованиям относимости, допустимости, достоверности (ч. 1 ст. 88 УПК РФ).

К «скриншоту», как доказательству, применяется требование относимости, т.е. формируемый «скриншот» должен иметь отношение к обстоятельствам рассматриваемого дела. Пленум Верховного Суда РФ⁴ установил, что надлежащим доказательством «скриншот» может быть признан лишь в том случае, если он создан в результате последовательности действий, исключающих какое-либо его изменение, модификацию.

Поэтому возникает необходимость определения процессуальных правил формирования «скриншота» и его оформления в целях соответствия всем требованиям уголовно-процессуальных доказательств и исключения возможности фальсификации.

При формировании «скриншота» и его оформления в протоколе процессуального действия необходимо:

- к осмотру СВТ и формированию «скриншота» привлекать специалиста, обладающего знаниями в области компьютерной техники, информационных технологий (для минимизации изменений, вносимых в СВТ);
- указывать адрес осматриваемого интернет-ресурса (страницы), дату и время доступа к ней;
- указывать данные, индивидуализирующие владельца аккаунта в социальной сети, интернет-мессенджера, электронной почты;
- указывать краткие характеристики осматриваемого СВТ, на котором и (или) с использованием которого формировался «скриншот»;

⁴ О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 // Российская газета. 2019. 6 мая.

— указывать программное обеспечение, с помощью которого формировался «скриншот», учитывая, что использование криминалистического метода должно быть научно обосновано;

— использовать унифицированные термины, избегая сленга;

— распечатать «скриншот», заверить подписями лиц, участвующих в процессуальном действии;

— записать «скриншот» в виде файла на оптический диск однократной записи, не допускающий внесения изменений (фальсификации). При этом в протоколе процессуального действия необходимо указывать: дату и время создания файла, размер записанной информации.

Такой порядок формирования и оформления «скриншота» в протоколе процессуального действия позволяет рассматривать его в качестве надлежащего, допустимого доказательства, подлежащего исследованию правоприменителем наряду с другими письменными доказательствами.

Вместе с тем нельзя утверждать, что существует какая-то универсальная формула, в соответствии с которой то или иное доказательство («скриншот») признавалось бы во всех случаях надлежащим, поскольку всегда есть процессуально-правовые нюансы и обстоятельства конкретных уголовных дел, которые должны быть учтены.

Горбунова Е.Ю.,

эксперт отдела компьютерных экспертиз

Экспертно-криминалистического центра УМВД России

по Мурманской области,

адъюнкт Санкт-Петербургского университета МВД РФ

(г. Мурманск)

Литература

1. Маслов А.В. Электронная информация, как доказательство по уголовному делу / А.В. Маслов, К.А. Соскова // Центральный научный вестник. 2017. Т. 2. № 11.
2. Тушканова О.В. Терминологический справочник судебной компьютерной экспертизы : справочное пособие / О.В. Тушканова. Москва : ЭКЦ МВД России, 2005.

Обстоятельства, подлежащие доказыванию по преступлениям террористической направленности (на примере материалов уголовного дела)

Фактические данные о механизме террористической деятельности, обнаруженные и зафиксированные в соответствии с процессуальными нормами, образуют совокупность доказательств участия в рассматриваемой деятельности определенных лиц, а также доказательств совершения ими действий криминальной направленности. Доказательства являются ядром доказывания, из них формируется доказательственная основа, предопределяющая всю правовую позицию субъекта доказывания. Они составляют «корневую систему» аргументации субъекта доказывания¹.

При этом следует учитывать, что в Уголовно-процессуальном кодексе РФ законодатель стал относиться к доказательствам в уголовном процессе как к «любым сведениям», отказавшись от формулировки «фактические данные»².

С криминалистических позиций, любые сведения — это определенного рода доказательственная информация. Деятельность преступника неизбежно порождает изменения как в сознании людей, так и в материальной сфере. В этих изменениях, в силу естественных причин, закономерно запечатлевается информация о преступлении и его участниках. Обнаружение, познание и использование такой информации есть необходимое условие раскрытия и расследования преступления³. Информация, запечатленная в изменениях среды, позволяет судить об обстановке, обстоятельствах и деталях происшедшего события, о количестве и физических признаках субъектов, их действиях, о виде и особенностях использованных ими механизмов, инструментов. Обнаружение изменений среды, восприятие и осмысление возникшей при этом информации, установление относимости выявленных изменений к расследуемому событию позволяют квалифицировать последние, как следы преступления. В свою очередь, следы в уголовном процессе приобретают статус доказательств⁴.

¹ См.: Новицкий В.А. Теория российского процессуального доказывания и правоприменения : монография. Ставрополь : Изд-во СГУ, 2002. С. 185.

² Там же. С. 187.

³ Собственно, и сам термин «расследование» означает метод познания события по его следам. При взаимодействии тел неживой природы отражение выражается в образовании различных видов деформации в зависимости от определенных физико-химических закономерностей. Например, на поверхности одного объекта отражается строение другого.

⁴ См.: Грабовский В.Д. Курс лекций по криминалистической технике. Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2002. С. 4.

Применительно к расследованию отдельных преступлений террористической направленности доказыванию подлежат следующие основные группы обстоятельств⁵:

— создание преступного сообщества для совершения тяжких и особо тяжких преступлений, в том числе террористической направленности;

— участие в преступном сообществе или участие в деятельности экстремистской организации, в отношении которой имеется решение суда о запрете ее деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности;

— склонение лиц к участию в деятельности террористической организации, осуществление в этих целях пропагандистской деятельности;

— налаживание контактов с представителями аналогичных организаций у себя в стране и за рубежом, в том числе путем использования сети Интернет;

— тиражирование для распространения листовок, пособий и другой литературы, в которой популяризируются идеи терроризма, религиозного экстремизма, которая, например, призывает к изменению государственного строя и построению исламского государства путем всеобщей тотальной исламизации населения, не исключая использования при этом террора как формы политической борьбы;

— знание членами организации о ее запрете Верховным Судом РФ, о признании ее террористической и, несмотря на это, вступление в члены организации, участие в ее деятельности, выполнение поручений по вербовке в члены организации граждан, распространение ее литературы, проведение активной пропаганды идей организации или партии;

— приобретение, хранение членами экстремистской, террористической организации оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств, которые применялись при совершении террористического акта или предполагались к использованию в процессе подготовленной террористической акции.

Расследование указанных обстоятельств обеспечивается проведением комплекса следственных действий и судебных экспертиз, которые формируют систему доказательств по уголовному делу. При этом каждое из доказательств может иметь свои особенности в плане формирования мнения суда, который рассматривает данное дело.

⁵ Далее по тексту в качестве иллюстрации будут использоваться материалы приговора Верховного суда Республики Башкортостан от 4 августа 2005 г. по уголовному делу в отношении Габдрахманова Р.Р. (ст. 222 ч. 1, 210 ч. 1, 205-1 ч. 1 УК РФ), Алибаева М.У. (ст. 222 ч. 1, 205-1 ч. 1, 210 ч. 1 УК РФ), Савельева Е.А. (ст. 205-1 ч. 1, 210 ч. 2 УК РФ), Гумерова И.Р. (ст. 22 ч. 1, 282-2 ч. 2, 210 ч. 2 УК РФ), Ахметсафина М. Ш. (ст. 205-1 ч. 1, 210 ч. 1 УК РФ), Рядинского В.Н. (ст. 205-1 ч. 1, 210 ч. 1 УК РФ), Гаянова М.Г. (ст. 282-2 ч. 2, 210 ч. 2 УК РФ), Гаянова Б.М. (ст. 205-1 ч. 2, 210 ч. 1 УК РФ), Гаянова С.М. (ст. 205-1 ч. 1, 210 ч. 2 УК РФ).

Показания подсудимого и обвиняемого нередко имеют существенные отличия, которые связаны с получением квалифицированной юридической инструкции от адвоката перед судебным заседанием. Например, подсудимый Р. в судебном заседании заметил, что показания на предварительном следствии им даны под принуждением. Его поместили в камеру 5.6, так называемую «красную камеру», где сокамерники избивали его, вынуждали давать показания и написать явку с повинной. При этом суд посчитал, что в судебном заседании Р. изменил показания с целью исключения ответственности за содеянное. В ходе предварительного следствия он давал показания, соответствующие другим доказательствам обвинения. Криминальная активность Р. подтверждается его заявлением на имя прокурора Республики Башкортостан, из которого усматривается, что по поручению не установленно-го следствием лица по имени Рустам он и, по его поручению, Г. и Ш. делали звонки в г. Альметьевск Республики Татарстан руководству правоохранительных органов с тем, чтобы сформировать негативное отношение общественности к задержаниям членов подразделения их организации в указанном городе.

Отдельные подсудимые, несмотря на заключение религиозоведческой экспертизы об экстремистском характере обнаруженной у них литературы, продолжают утверждать, что идеи организации и есть истинный ислам. Например, подсудимый А. вину в предъявленном обвинении не признал и показал, что, отбывая наказание в местах лишения свободы, познакомился с идеями партии «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (далее — ХТИ). Утверждает, что идеи партии ХТИ и есть ислам. Считает, что это и есть истинная религия. Он не является членом партии ХТИ, но идеи этой партии поддерживает. Также утверждает, что партия ХТИ не приемлет террор как форму политической борьбы. Относительно обнаруженной литературы не отрицает, что эта литература партии ХТИ и принадлежит ему. Что касается гранаты, обнаруженной в стеллаже квартиры, категорически не согласен, утверждает, что гранату подложил оперативный сотрудник ФСБ.

Одним из мотивов изменения показаний свидетелями являются родственные связи с подсудимыми. Например, в суде свидетель Р. (брат жены подсудимого Г.) показал, что литературу, принадлежащую организации ХТИ, в квартире Г. не видел, догадывался, что Г. принадлежал к этой партии, но утверждать об этом не может. На суде Р. также заявил, что показания на предварительном следствии дал под психологическим давлением со стороны сотрудников ФСБ, МВД, но претензий к ним не имеет.

Суд, совершенно обоснованно посчитал, что указанный свидетель из родственных отношений меняет показания с целью исключения ответственности Г. При допросе в качестве свидетеля он показал, что Г. является участником движения ХТИ, у него были книги, литература этой организации.

Считал, что указанное движение является чуждым традиционному исламу, так как ставит задачу строительства халифата во всем мире во главе с халифом и нетерпимо к другим религиям. На суждения Р. о противоправности деятельности их движения Г. отвечал, что готов терпеть лишения в случае конфликта с властями. Знал, что в период совместной учебы в медресе основам традиционного ислама у Г. постоянно были конфликты с учителями.

Эти показания свидетеля суд посчитал правдивыми, так как они последовательны, согласуются с другими доказательствами по делу.

Утверждение о том, что истина столь же необходима для суда, как и справедливость, актуально и сегодня. Поэтому правильное понимание сущности и содержания обстоятельств, подлежащих доказыванию, чрезвычайно важно для успешного отправления правосудия, особенно по уголовным делам данной категории.

Жук И.О.,

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин

Института экономики, управления и права

Волжского государственного университета водного транспорта,

кандидат юридических наук, доцент

(г. Нижний Новгород)

Литература

1. Грабовский В.Д. Курс лекций по криминалистической технике / В.Д. Грабовский. Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2002.
2. Новицкий В.А. Теория российского процессуального доказывания и правоприменения : монография / В.А. Новицкий. Ставрополь : Изд-во СГУ, 2002.

Криминалистическое исследование почерковых реализаций, выполненных в состоянии физической усталости (под влиянием различных типов физической нагрузки)

Вопрос о влиянии физической усталости, испытываемой пишущим, на признаки его письма представляет значительный интерес для почерковедческой экспертизы. Эксперту нередко приходится исследовать документы, выполненные в необычных условиях и состояниях, в том числе и в состоянии физической усталости. При исследовании таких почерковых реализаций эксперт, наряду с комплексом совпадающих признаков, указывает на ряд различающихся признаков, которые нельзя объяснить преднамеренным искажением письма. Возникает необходимость точно определить природу указанных различающихся признаков, а также причину их возникновения. Эта задача может быть решена только в том случае, если эксперту будут известны характер и пределы изменений признаков письма, возникающих под влиянием различных факторов, в том числе и физической усталости исполнителя.

В рамках криминалистики в целом и судебного почерковедения в частности изучением факта выполнения рукописного текста в измененном психофизиологическом состоянии занимались многие ученые, в числе которых Л.Е. Ароцкер, М.В. Бобовкин, С.М. Вул, С.Г. Михайленко, В.Ф. Орлова, Е.А. Шкоропат и др., однако разрешить данную проблему в полной мере еще не удалось. Мы знаем, что на почерк влияют и смена пишущей руки, алкогольное и наркотическое опьянение, а также стресс и психические заболевания. Однако, несмотря на то что многие годы эксперты и ученые интересовались проявлениями физической усталости в почерке пишущего лица, среди всей совокупности научных исследований трудно отыскать работы, наиболее полно изучившие данную проблему.

Ни для кого не секрет, что физическая нагрузка, так или иначе, влияет на показатели работоспособности человека. Но каким образом она сказывается на особенностях почерка пишущего? Как именно изменяются признаки почерка под влиянием различных типов физической нагрузки?

Научное исследование влияния физического утомления на признаки почерка затруднено по причине неоднозначности трактовки понятия «утомление» в современной физиологии. Мнения ученых касательно фундаментальных вопросов проблемы утомления, например причин и проявлений центрально-нервного или периферического утомления, характера

их возникновения, а также биологического значения данного феномена, кардинально разнятся. Трактовка утомления как временно-го уменьшения функциональных возможностей организма, вызванного интенсивной или длительной работой и выражающегося в снижении работоспособности¹, является наиболее распространенной. Важно отметить, что фактором, снижающим работоспособность, должно являться именно осуществление деятельности, это является отличительной чертой внешнего аспекта физического утомления. Как известно, и болезнь, и алкогольное опьянение, и сбивающие факторы могут вызывать снижение работоспособности, однако в данных случаях это физическим утомлением считаться не будет.

В свою очередь, внутренний аспект утомления включает в себя функциональные нарушения работы нервной и мышечной систем вегетативной сферы, а также изменения биохимии человека при выполнении им длительной или кратковременной, но энергозатратной деятельности.

Для установления комплекса признаков, проявляющихся в рукописном тексте под влиянием утомления от физической нагрузки, нами было проведено экспериментальное исследование. Для данного эксперимента были приглашены 50 человек обоих полов в возрасте от 18 до 55 лет различной степени физической подготовки: лица, не занимающиеся спортом на регулярной основе, спортсмены-любители, имеющие среднюю физическую подготовленность, и профессиональные спортсмены. Испытуемым было предложено выполнить произвольный рукописный текст, включающий все буквы русского алфавита, на нелинованных листах бумаги формата А4. Образцы почерка отбирались перед началом физической нагрузки и сразу после нее, при этом исследовалось влияние таких типов работы, как кардиотренировки — бег на беговой дорожке и работа на тренажере-эллипсоиде; силовые тренировки — отдельно исследовалась работа мышц плечевого пояса для утомления непосредственно мышц рук и силовая тренировка на группы мышц всего тела, а также тренировка дзюдо. Длительность физической нагрузки варьировалась от 1 до 3 часов.

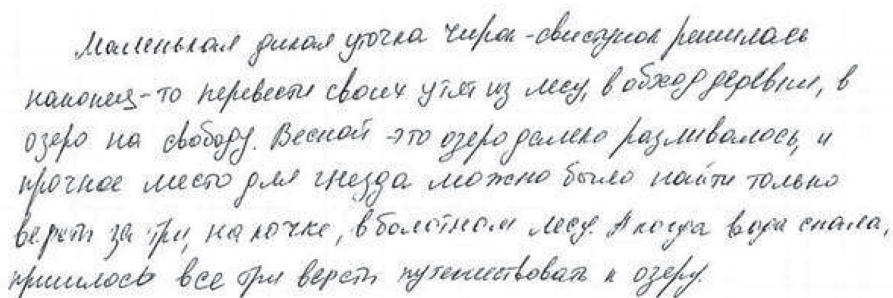
Наряду с признаками письменной речи, изучались общие и частные признаки почерка, однако основная часть исследования была направлена на изучение изменения общих признаков почерка, так как частные признаки изменялись незначительно.

При анализе результатов данного эксперимента важно учитывать различия в физической подготовленности испытуемых. Выраженность изменения признаков напрямую зависела от степени подготовленности испытуемых: сильнее всего общие и частные признаки, а также признаки снижения

¹ Большая медицинская энциклопедия (БМЭ) / под ред. Б.В. Петровского. 3-е изд. URL: <https://бмэ.орг/index.php/УТОМЛЕНИЕ> (дата обращения: 26.10.2021).

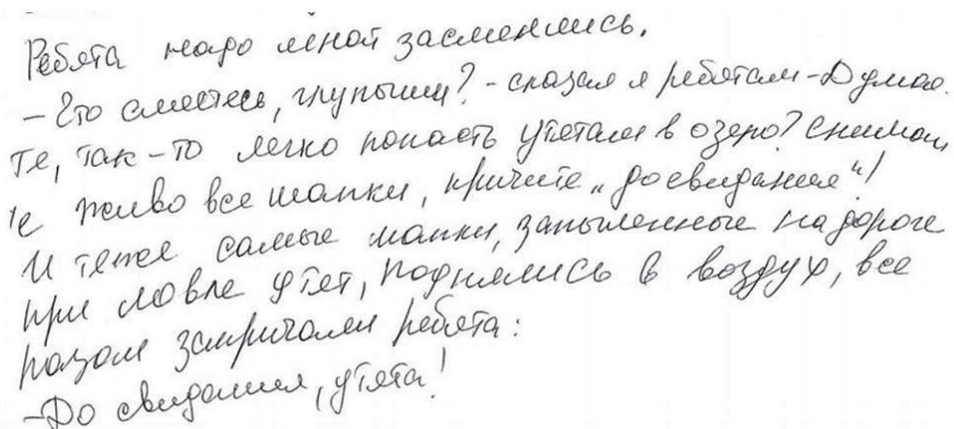
координации изменились у «нетренированных» лиц, так как показатели физической усталости у них проявляются сильнее. Меньше всего изменились общие и частные признаки у профессиональных спортсменов, это объясняется адаптированностью организма к физическим нагрузкам, мышечная усталость проявляется невыраженно.

Аэробные нагрузки влияют на общие признаки почерка, а именно на топографические (направление линии письма относительно горизонтальных срезов листа бумаги, форма линии письма), а также на группу признаков, отражающих структуру движений по их траектории (подвержены изменениям наклон почерка и его размер), частные признаки почерка, в свою очередь, практически не изменялись (рис. 1, 2).

Максимальный угол наклона - это перевод своих утят из леса, в болоту деревни, в озеро на свободу. Весной это озеро далеко разливалось, и много места для гнезда можно было найти только веревка за три на ножке, в болотном лесу. Когда вода спадала, крикнула все три веревки путешествовать в озеро.

Рис. 1. Фрагмент рукописного текста, выполненного в состоянии покоя

Ребята много много засмеялись,
- Это смеется, глупости? - сказали я ребятами - Думай.
Те, так - то легко покажет улетает в озеро? Сказали,
те только все манки, кричите «ро свиракее!»
И тогда самые манки, замешенные на жаром
при ловле утят, поднялись в воздух, все
показал закричали ребята:
- До свиракее, утят!

Рис. 2. Фрагмент рукописного текста, выполненного после аэробной нагрузки

В рукописных текстах, выполненных после силовой тренировки, направленной на мышцы всего тела, чаще всего изменялись общие признаки, характеризующие размеры полей, красных строк, интервалов между словами

и строками. Человек, находящийся в состоянии общей мышечной усталости, как показал эксперимент, склонен писать более сжато и мелко, тем самым затрачивая меньшее количество энергии на написание текста. Частные признаки, как и в образцах, выполненных после аэробных нагрузок, подвержены изменениям не были (рис. 3).

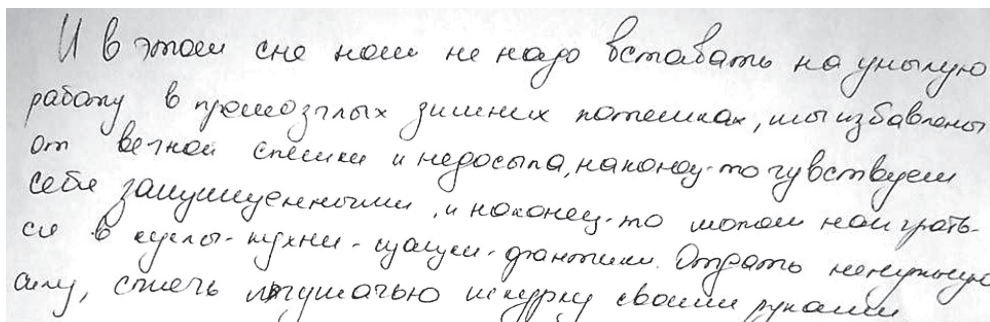

Рис. 3. Фрагмент рукописного текста, выполненного в состоянии покоя

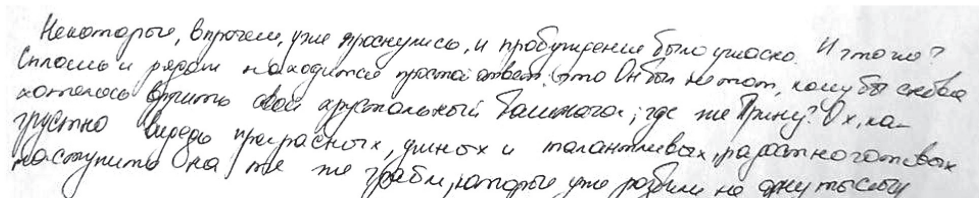

Рис. 4. Фрагмент рукописного текста, выполненного
после общесиловой нагрузки

Наиболее интересными для изучения оказались почерковые материалы, написанные после тренировки на мышцы плечевого пояса: трапециевидная мышца, дельты плеча, двухглавая мышца (бицепс), а также грудные мышцы. Общие признаки были менее подвержены изменениям, однако во всех образцах данной группы были изменены частные признаки почерка, а также проявились признаки снижения координации: изломы, дополнительные штрихи, дописки, появилась извилистость и угловатость (рис. 5, 6).

Независимо от вида физической нагрузки в образцах почерка, выполненных в состоянии мышечного утомления, координация движения снизилась.

Судить о природе орфографических, пунктуационных ошибок, нарушений синтаксиса предложений, пропусков слогов и слов, а также замене слов там, где эта замена быть не должна, трудно, так как данные ошибки могут иметь разные причины. Во-первых, это может быть следствием общей утомленности организма, вызванной физической нагрузкой, так как сильная усталость провоцирует снижение когнитивных способностей. Во-вторых,

Таким образом, Тимокхин, начальник торговли, возманивший свою огромную
драгоценность именно за ее блеск большого бриллианта, всего страдал только и на-
трасным честолюбием.

Наступала весна. Тимокхин честолюбцев, мещанин непонятных Непомонов воз-
деваются в это время урядки или скачивают клубы. Это их роковая судьба:
сатати салат и яблоки, в то время как их более частливые камрады насативают
пограничные стабы.

Рис. 5. Фрагмент рукописного текста, выполненного в состоянии покоя

Таким образом, Тимокхин, начальник торговли, возманивший свою огромную
драгоценность именно за ее блеск большого бриллианта, всего страдал только и на-
трасным честолюбием.

Наступала весна. Тимокхин честолюбцев, мещанин непонятных Непомонов воз-
деваются в это время урядки или скачивают клубы. Это их роковая судьба:
сатати салат и яблоки, в то время как их более частливые камрады насативают
пограничные стабы.

Рис. 6. Фрагмент рукописного текста, выполненного
после физической нагрузки на мышцы рук и плечевого пояса

мы не можем с полной уверенностью утверждать, что данные ошибки не присущи человеку в принципе, — оценить грамотность лица в рамках данного эксперимента невозможно, нужны специализированные тесты. Объяснить наличие орфографических и пунктуационных ошибок физической утомленностью можно лишь в том случае, когда в образцах, выполненных в состоянии покоя, данных ошибок нет или их количество незначительно, а в образцах почерка, выполненных после существенной физической нагрузки, их количество резко возрастает. В рамках данного эксперимента было выявлено 2 подобных случая; интересно отметить, что лица, в чьих образцах почерка после выполнения физической нагрузки было выявлено большое количество ошибок, дописок и исправлений, относятся к группе испытуемых, не имевших опыта систематических физических нагрузок. Данный феномен подтверждает тезис о влиянии физической утомленности на работу головного мозга, особенно у неподготовленных людей.

Важно сказать, что исследование интерференции физического утомления на признаки письма в криминалистике ранее не проводилось в полной мере. В учебниках можно встретить лишь упоминания о существовании дан-

ного влияния, однако предметных исследований проведено не было в силу специфичности и относительности явления утомления. Мы исследовали лишь малую составляющую данного феномена, особый интерес представляют другие его грани: перенапряжение, эмоциональное утомление, хроническое утомление, вызванное как физическими нагрузками, так и эмоциональными. Данная экспериментальная работа имеет предварительный характер и открывает возможности для дальнейших исследований.

Захарова Л.Ю.,
старший преподаватель кафедры исследования документов
учебно-научного комплекса судебной экспертизы
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
подполковник полиции
(г. Москва)

Литература

1. Большая медицинская энциклопедия. В 30 томах. Т. 26. Углекислые воды — Хлор / под редакцией Б.В. Петровского. 3-е изд. Москва : Советская энциклопедия, 1895.
2. Неидентификационные исследования в почерковедческой экспертизе / Л.Е. Ароцкер [и др.] ; ответственный редактор Л.Е. Ароцкер. Киев : РИО МВД УССР, 1972.
3. Снетков В.А. Криминалистическая диагностика в деятельности экспертно-криминалистических подразделений МВД России по применению экспертно-криминалистических методов и средств : учебное пособие / В.А. Снетков. Москва : ЭКЦ МВД России, 1998.
4. Шкоропат Е.А. Теоретические и методические аспекты диагностирования необычных психофизиологических состояний исполнителя рукописи по почерку : диссертация кандидата юридических наук / Е.А. Шкоропат. Волгоград, 2008.

Реализация международных антикоррупционных стандартов как часть системы мер по обеспечению благополучия человека

Коррупция как опасное, подрывающее жизнедеятельность общества и надлежащее функционирование государства явление ухудшает и жизнь конкретного человека. К сожалению, все сферы жизни: здравоохранение, образование — подвержены коррупции.

Поэтому в рамках XXII Международной научно-практической конференции юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова на тему «Роль права в обеспечении благополучия человека» есть необходимость доложить о проблемах реализации международных антикоррупционных стандартов, которые, по нашему мнению, являются частью системы мер по обеспечению благополучия человека.

Поскольку коррупция приобрела транснациональный характер, то усилий, которые предпринимает государство в одиночку, к сожалению, недостаточно. В связи с этим международное сообщество сосредоточило свои силы на борьбе с коррупцией.

Реализация международных антикоррупционных стандартов направлена на:

- 1) повышение эффективности противодействия коррупции на национальном уровне;
- 2) укрепление позиций России в международном антикриминальном сотрудничестве и ее международного престижа;
- 3) улучшение инвестиционной привлекательности страны;
- 4) гармонизацию антикоррупционного законодательства и практики государств — членов международных организаций и объединений, в которых участвует Россия (ЕАЭС, СНГ, ОДКБ, Союзное государство), что способствует более активному развитию интеграционных процессов этих государств.

Важность реализации международных антикоррупционных стандартов связана также с тем, что во всех запросах, сделанных в целях обеспечения эффективной реализации органами прокуратуры Российской Федерации указанных полномочий приказом и.о. Генерального прокурора Российской Федерации от 5 августа 2019 г. № 550 утверждено и введено в действие с 6 августа 2019 г. Положение о порядке направления в иностранные банки, иные иностранные организации и уполномоченные органы иностранных государств запросов в связи с проведением проверки соблюдения запрета, установленного Федеральным законом от 7 мая 2013 г. №79-ФЗ «О запрете отдельным

категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами», делалась ссылка на Конвенцию Организации Объединенных Наций (ООН) против коррупции (ст. 3 и 43, согласно которым государства — участники конвенции рассматривают возможность оказания друг другу содействия в расследовании и производстве по гражданско-правовым и административным вопросам, связанным с коррупцией).

Вместе с тем существуют проблемы с реализацией международных антикоррупционных стандартов: во-первых, не все положения антикоррупционных конвенций имплементированы в отечественное законодательство, во-вторых, не все антикоррупционные предупреждающие меры применяются. В частности, недостаточно разработана защита лиц, которые сообщают о коррупционных правонарушениях.

Полагаем, что с учетом высокого уровня латентности коррупционных преступлений особый интерес для России представляет зарубежный опыт правовой и, при необходимости, физической защиты лиц, сообщивших об актах коррупции¹.

В 2011 году в УК Словении введена ст. 287 «Нарушение конфиденциальности разбирательства». В соответствии с ней тюремным заключением наказывается лицо, раскрывшее информацию о личности осведомителя, сообщившего о факте коррупции, если это раскрытие повлекло для последнего серьезные последствия².

Некоторые государства принимают специальные законодательные акты о защите и поощрении лиц, сообщающих о факте коррупционного правонарушения или иным образом оказывающих содействие в борьбе с коррупцией (США, Великобритания, Канада, Республика Корея, Румыния, Сербия и др.)³.

Французский Кодекс законов о труде также содержит нормы, относящиеся к борьбе с коррупцией. Так, согласно ст. L.1161-1 лицо, которое в ходе выполнения своих профессиональных обязанностей стало свидетелем

¹ Английский термин ‘whistleblower’ переводят по-разному (в частности, доноситель, информатор, осведомитель), в том числе с учетом исторически сложившейся негативной коннотации отдельных терминов, а также с учетом терминологии, применяемой в национальных нормативных правовых актах применительно к лицам, выполняющим сходные функции на добровольной или платной основе.

² Правовые основы противодействия коррупции: международные и национальные стандарты : монография : в 2 т. Т. 2 / под общ. ред. Т.Я. Хабриевой, Р.А. Курбанова. М. : Проспект, 2019. С. 179.

³ См.: Правовая защита лиц, сообщающих о фактах коррупции : науч.-практ. пособие / В.Ю. Артемов, Н.А. Голованова, А.Ю. Заксон [и др.] ; отв. ред. А.М. Цирин, Е.И. Спектор // СПС «КонсультантПлюс». 2016.

коррупционных действий должностных лиц, участвовало в судебном процессе по делу о коррупции, а впоследствии было уволено, признается французским законодателем объектом дискриминации со стороны работодателя. В связи с этим французский законодатель определяет, что лицо, выступающее свидетелем по коррупционному делу, не может быть уволено или не утверждено на какую-нибудь должность, а также не может быть обойдено в вопросах вознаграждения, повышения квалификации, переаттестации, нового назначения, профессионального продвижения, перевода по службе или возобновления контракта. Если к данному лицу применяются подобные дискриминационные меры, то принятое решение об их применении признается незаконным.

Законодатель Японии не только предусмотрел формы поощрения за осведомление государства о фактах коррупции, но и гарантировал правовую защиту для лиц, доводящих до компетентных структур сведения о фактах коррупции как в публичной сфере, так и в частных организациях, издав Закон от 18 июня 2004 г. (в ред. Закона от 2017 г. № 70) № 122 «О защите осведомителей»⁴.

В России также должны подумать о благополучии лиц, которые выполняют гражданский долг и сообщают о коррупционных правонарушениях.

Полагаем, что с учетом положений международных антикоррупционных актов и зарубежного опыта необходимо существенно расширить защиту лиц, сообщающих о коррупционных правонарушениях, совершаемых как в государственном, так и в частном секторе, в том числе уголовно-правовыми средствами.

Зимин В.В.,

помощник Головинского межрайонного прокурора г. Москвы
(г. Москва)

Литература

1. Правовая защита лиц, сообщающих о фактах коррупции : научно-практическое пособие / В.Ю. Артемов [и др.] ; ответственные редакторы А.М. Цирин, Е.И. Спектор. Москва : Ин-т законодательства и сравнительного правоведения, 2016.
2. Правовые основы противодействия коррупции: международные и национальные стандарты : монография. В 2 томах. Т. 2 / под общей редакцией Т.Я. Хабриевой, Р.А. Курбанова. Москва : Проспект, 2019.

⁴ Правовые основы противодействия коррупции: международные и национальные стандарты : монография : в 2 т. Т. 2 / под общ. ред. Т.Я. Хабриевой, Р.А. Курбанова. М. : Проспект, 2019. С. 412.

Роль криминалистического обеспечения судебного разбирательства по уголовным делам в обеспечении прав и свобод человека

Судебное разбирательство по уголовному делу является завершающим этапом уголовного судопроизводства, заключительным актом оценки доказательств и назначения наказания, которые должны предопределяться конституционными основами демократического правового государства, включая государственную защиту прав и свобод человека и гражданина, соблюдение конституционных гарантий прав личности, справедливости и равенства. В последние десятилетия криминалистические знания перманентно пополняются передовыми достижениями таких наук, как, например, кибернетика, квантовая механика, генетика, биохимия, молекулярная биология, в связи с чем при осуществлении судебного разбирательства по уголовным делам объективно и неуклонно возрастает необходимость использования рекомендаций криминалистической науки, применения современных криминалистических средств, методов и технологий, которые должны обеспечивать гарантии прав и свобод человека при осуществлении правосудия.

Раздел I. Влияние научно-технического прогресса на возрастание роли криминалистического обеспечения судебного разбирательства

Первоначальная точка зрения научных и практических деятелей, заключающаяся в том, что криминалистика является прикладной наукой, используемой в основном при осуществлении предварительного расследования преступных деяний, с точки зрения автора, во многом объяснялась тем обстоятельством, что к моменту возникновения криминалистики как науки развитие естественно-научных и технических знаний в различных областях человеческой деятельности было еще недостаточным для того, чтобы рассматривать криминалистическое обеспечение судебного разбирательства в качестве одного из важнейших требований к осуществлению правосудия судом. В тех исторических условиях криминалистические познания судей были, как правило, достаточны для осуществления судебной оценки любых показаний, доказательств по делу, решения вопросов, связанных с назначением, проведением и оценкой результатов судебного осмотра, судебного эксперимента, судебной экспертизы. Впрочем, Ганс Гросс прозорливо указывал, что самые ценные положения уголовного права «лишены всякого значения, если судья не сумеет применить эти отвлеченности к реальностям

текущей жизни... если он вообще не знаком с бесчисленными положениями, совокупность которых составляет криминалистику»¹.

В настоящее время научные достижения объективно оказывают существенное влияние на криминалистику, непрерывно обогащая ее передовыми аналитическими, физико-химическими, биологическими и кибернетическими методами исследования, предоставляющими уникальные возможности для изучения человеческого организма, состава и структуры веществ. Перманентное и объективное нарастание необходимости криминалистического обеспечения судебного разбирательства порождается появлением и широким распространением, например, программного обеспечения и аппаратуры, позволяющей анализировать и систематизировать различные массивы и виды информации, систем видеонаблюдения, распознавания и контроля, а также информационно-телекоммуникационных сетей, сайтов в информационно-коммуникационной сети Интернет, поисковых систем, систем идентификации и аутентификации, электронных сообщений, электронных документов, документов, подписанных электронной подписью, выполненных в форме цифровой, графической записи во всех областях жизнедеятельности, в том числе в деятельности органов судебной власти.

Автор разделяет точку зрения о том, что «обеспечение полного и всестороннего исследования фактических обстоятельств преступления, а следовательно, в значительной мере и правильного разрешения дела зависит не только от точного исполнения судом и участниками судебного разбирательства процессуального закона (хотя это первейшее, необходимое условие правосудия), но и от целесообразного, умелого использования приемов и методов, разрабатываемых криминалистикой»². Автор считает, что осуществление процесса доказывания по уголовным делам практически невозможно без использования специальных познаний³.

Достижения научно-технического прогресса, нашедшие свое отражение в криминалистической науке, расширение научно-технических и криминалистических возможностей формирования и оценки доказательств оказывают влияние и на процесс внесения изменений в законодательные нормы, регламентирующие уголовно-процессуальную деятельность (например, ст. 74, 81, 82, ст. 84, 164.1, 166, 182, 183, 186.1, 194, 201 Уголовно-процессуального кодекса; далее — УПК РФ).

¹ Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М. : ЛексЭст, 2002. С. VIII–IX.

² Корневский Ю.В. Криминалистика для судебного следствия : научно-практическое пособие. М. : ЮрИнфоР, 2001. С. 9–10.

³ Ильин Ф.И. К вопросу о совершенствовании правового регулирования статуса эксперта в уголовном процессе // VOX JURIS. «Глас права». СПб., 2020. № 1. С. 220.

Раздел II. Использование судебными работниками достижений криминалистики — важная гарантия объективной оценки доказательств, полученных с помощью современной криминалистической техники и технологий

При разрешении уголовного дела суд не связан доводами сторон, свободен в оценке представленных и исследованных доказательств, независим от каких-либо влияний со стороны заинтересованных лиц и действует исключительно как орган правосудия в интересах охраны прав и свобод человека и гражданина.

Несмотря на то что в настоящее время криминалистика уже не считается прикладной наукой для предварительного расследования, однако следует признать, что имеющиеся криминалистические методики традиционно ориентируются на использование их прежде всего следственными работниками, в связи с чем в недостаточной мере используются судьями при отправлении правосудия. Необходимость разработки криминалистических методик, пригодных для использования при осуществлении судебного разбирательства объясняется, в частности, и тем обстоятельством, что проведение судебных действий, требующих криминалистического обеспечения, в значительной мере отличается от деятельности по предварительному расследованию преступлений.

В научной литературе на протяжении многих лет отмечалась необходимость учета специфики судопроизводства при разработке криминалистических рекомендаций, указывалось, что «исследование возможностей и пределов применения данных криминалистики судом в ряде случаев выявило необходимость разработки таких криминалистических рекомендаций, которые предназначались бы для суда, учитывая специфику судебного следствия и его отличия от предварительного расследования»⁴.

Следует признать, что в настоящее время судьями наиболее востребованы рекомендации криминалистического характера, касающиеся экспертиз, тогда как частные криминалистические методики судебного разбирательства по делам конкретных категорий разрабатываются и используются недостаточно. Автор считает, что целесообразно осуществлять разработку частных криминалистических методик судебного разбирательства по отдельным видам и группам преступлений (например, коррупционные, преступления, совершенные военнослужащими, сотрудниками силовых структур, компьютерные и т.п.). В связи с существенным отличием криминалистических методик для следователей и для судей требуются приспособление имеющихся и разработка новых методик для судебных стадий уголовного судопроизводства, которые также имеют существенные отличия.

⁴ Белкин Р.С. Очерки криминалистической тактики : учебное пособие. Волгоград : Изд-во ВСШ МВД РФ, 1993. С. 19.

В случае, если судебные деятели в достаточной степени владеют современными достижениями криминалистики и криминалистическими методиками в ходе разбирательства, они являются вполне независимыми при отправлении правосудия и способны объективно оценить всю совокупность доказательств по уголовному делу. Уместно вспомнить напутствие Г. Гросса, что «никогда не следует забывать, что даже самый лучший эксперт не есть уголовный судья»⁵. Судья при этом не должен обладать специальными научными познаниями в конкретной научной сфере, подменяя собой эксперта. Наличие у судей глубоких криминалистических познаний способно воспрепятствовать тенденции необоснованного придания наивысшей юридической силы заключениям экспертов и специалистов.

Выводы

1. Современные научные достижения оказывают существенное влияние на криминалистику, обогащая ее передовыми аналитическими, физико-химическими, биологическими и кибернетическими методами исследования, предоставляющими уникальные возможности для изучения человеческого организма, состава и структуры веществ, государственной защиты прав и свобод человека и гражданина и соблюдения конституционных гарантий прав личности. Непрерывное ускорение научно-технического прогресса, нарастание специализации производственной и научной деятельности, усиление дифференциации и интеграции знания обуславливают неуклонное, объективное и перманентное возрастание роли криминалистики не только в процессе осуществления предварительного расследования и при проведении экспертных исследований, но и в процессе судебного разбирательства, в ходе судебного следствия, исследования и оценки судом доказательств, личности и психики подсудимого, осуществления квалификации деяния, назначения, проведения и оценки результатов судебных осмотра, эксперимента, экспертизы, а также при осуществлении истребования доказательств судом по собственной инициативе.

2. Использование судьей современных научных достижений криминалистики, разработка и использование методик, специально разработанных для криминалистического обеспечения судебного разбирательства при возрастающей роли криминалистического обеспечения судебного разбирательства укрепляют гарантии соблюдения конституционных прав и свобод человека, реализации судом такого фундаментального принципа уголовного судопроизводства, закрепленного в ст. 17 УПК РФ, как свобода оценки доказательств, препятствуют тенденции необоснованного придания наивысшей юридической силы заключениям экспертов и специалистов, позволяют суду, осуществляя правосудие на основе состязательности и равноправия

⁵ Гросс Г. Указ. соч. С. 4.

сторон, объективно и квалифицированно оценивать их наравне с иными доказательствами по уголовному делу.

3. Частные криминалистические методики судебного разбирательства по делам конкретных категорий разрабатываются и используются судами недостаточно. Целесообразно осуществлять разработку частных криминалистических методик судебного разбирательства по отдельным видам и группам преступлений (например, коррупционные, преступления, совершенные военнослужащими и сотрудниками силовых структур, компьютерные, высокой общественной значимости и т.п.). В связи с существенным отличием криминалистических методик для следователей и судей требуются приспособление имеющихся и разработка новых методик для судебной стадии уголовного судопроизводства в различных инстанциях, которые также имеют существенные отличия (например, первая, апелляционная, кассационная). Методическое регулирование исследования, проверки и оценки доказательств судом не должно быть чрезмерным, не должно мешать реализации принципа свободной оценки доказательств судом, обусловленного ст. 17 УПК РФ.

При разработке криминалистических методик, в особенности для использования судами первой и апелляционной инстанций, предлагается учесть специфику судебного разбирательства, в частности того обстоятельства, что для суда основное значение имеют оценка доказательств, представленных сторонами состязательного процесса, а не их самостоятельный поиск, добывание и фиксация, внимание к сложным вопросам квалификации деяния, назначения наказания, учет личности и типичных качеств личности подсудимого, субъективная сторона преступления.

Ильин Ф.И.,

аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики
юридического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета,
помощник судьи по уголовным делам
1-го Западного окружного военного суда
(г. Санкт-Петербург)

Литература

1. Белкин Р.С. Очерки криминалистической тактики : учебное пособие / Р.С. Белкин. Волгоград : Изд-во ВСШ МВД РФ, 1993.
2. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики / Г. Гросс. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. Москва : ЛексЭст, 2002.
3. Ильин Ф.И. К вопросу о совершенствовании правового регулирования статуса эксперта в уголовном процессе // Vox Juris. Глас права : сборник научных статей. Вып. 1 / ответственный редактор В.В. Суязов. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2020.
4. Корневский Ю.В. Криминалистика для судебного следствия : научно-практическое пособие / Ю.В. Корневский. Москва : ЮрИнфоР, 2001.

Особенности планирования и выдвижения следственных версий в ходе расследования преступлений, связанных с умышленным причинением вреда здоровью

Для предварительного следствия первоначальный этап расследования является неотъемлемой частью, фундаментом для дальнейшего направления хода расследования. В связи с этим данному этапу необходимо уделять особое внимание. Его структура охватывается периодом от момента получения сообщения о признаках преступления и доследственной проверки до проведения всего комплекса первоначальных следственных действий, оперативно-разыскных мероприятий. Следует отметить, что содержание первоначального этапа расследования определяется следственной ситуацией, сложившейся в зависимости от времени, прошедшего с момента совершения преступления либо обнаружения его следов, предмета преступления, поведения лиц, предположительно совершивших деяние, свидетелей и некоторых иных обстоятельств.

Основой неформального и полного расследования преступления является планирование и выдвижение следственных действий следователем. Выдвинуть версию, наиболее близкую к реально произошедшим событиям, — одна из главных задач, стоящих перед следователем на данном этапе расследования. Особенно важную тактическую роль следственные версии играют при расследовании преступлений с большим количеством эпизодов.

В зависимости от вида совершенного преступного деяния и основных особенностей криминалистической характеристики преступлений следователем составляется план совместных следственно-оперативных мероприятий по уголовному делу и выдвигаются следственные версии. Построение следственных версий имеет особое значение для процесса расследования, ведь на их основе осуществляются все дальнейшие процессуальные действия. Таким образом, важно на начальном уровне проводить четкий анализ криминалистической характеристики преступления исходя из имеющейся информации по делу на реальный момент времени. На этот счет достаточно точно выразился А.С. Князьков, отметив, что криминалистическая характеристика преступления, рассмотренная как теоретическая основа следственной версии, представляет собой основу модели поисково-познавательной деятельности и является формой криминалистических целей следственного действия, а также выступает в процессе производства следственного

действия средством криминалистического анализа причинно-следственных и иных связей между элементами преступного события¹.

Одной из первых моделей, используемых в теории и практике криминалистики, стала следственная версия. В рамках получившего широкое распространение в криминалистике метода моделирования криминалистическая (следственная) версия рассматривается как идеальная информационно-логическая модель расследуемого события.

Теоретическая значимость следственной версии проявилась в том, что в результате исследования соответствующих положений была создана основа для выделения иных моделей, используемых в процессе расследования преступлений; отсюда несомненно важными являются вопросы о характере следственной версии как модели, ее основаниях, характере взаимообусловленности и взаимодействия следственной версии и иных моделей, проявляющихся в ходе исследования деяния, содержащего признаки состава преступления.

Одним из первых авторов, наметивших возможность перехода от следственной версии к иным информационным моделям расследования преступления, был Л.Я. Драпкин, который выделил, помимо фактического основания, также теоретическое основание следственной версии. Отмечалось, что фактическая база версии формируется за счет результатов проведения следственных, оперативно-разыскных и проверочных действий; важное свойство информации, составляющей фактическое основание следственной версии, состоит в том, что «она находится как бы “внутри” уголовного дела, четко ограничена его процессуальными и объемно-логическими рамками»².

Е.Е. Центров, отмечая необходимость понимания следственной версии как интегральной идеи, подчеркивает, что по своему содержанию каждая выдвинутая по делу версия основывается не только на имеющихся данных, но и на опыте следователя и т.п.³.

Обращаясь к практике, можно сделать определенный вывод о том, что в большинстве случаев субъектами по делам указанной категории являются непосредственно знакомые либо родственники, которые проживают временно либо постоянно на одной территории. Также целесообразно учитывать и некоторые особенности типичных мест совершения таких преступлений, которыми зачастую являются квартиры, дома либо развлекательные заведения. Так, следователь, имея некую информацию о статистических данных совершения умышленного причинения тяжкого вреда здоровью

¹ Князьков А.С. Следственная версия как элемент информационной модели расследования преступлений // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 348. С. 98.

² Драпкин Л.Я. Информационно-поисковая функция криминалистической характеристики преступления / Л.Я. Драпкин, Е.А. Бородин // Проблемы развития криминалистики в условиях научно-технического прогресса : межвузовский сборник научных трудов / ответственный редактор И.Ф. Герасимов. Свердловск : СЮИ, 1982. С. 139–142.

³ Центров Е.Е. Следственные версии и некоторые новации «информационных технологий доказывания» // Вестник криминалистики. 2007. № 3 (23). С. 4–13.

и проводя анализ сведений, имеющихся на настоящий период, может должным образом составить план основных следственных версий и определенных мероприятий по ним. По делам рассматриваемой категории зачастую выдвигаются «типичные» следственные версии, варьирующиеся в зависимости от конкретной сложившейся ситуации. К таким версиям могут относиться следующие:

- умышленное причинение тяжкого вреда здоровью сожителем;
- умышленное причинение тяжкого вреда здоровью родственником;
- умышленное причинение тяжкого вреда здоровью соседом;
- умышленное причинение тяжкого вреда здоровью коллегой по работе или учебе;

– умышленное причинение тяжкого вреда здоровью знакомым (либо малознакомым) человеком после совместного распития спиртных напитков.

При составлении следственных версий следователем также определяются мероприятия, общие для всех ситуаций; к таким процессуальным действиям по делам об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью относятся:

- осмотр места происшествия;
- признание и допрос в качестве потерпевшего;
- допрос в качестве свидетелей лиц, находившихся в момент совершения преступления, либо врачей, оказывающих первую медицинскую помощь;
- выемка одежды, в которой находился потерпевший, для осмотра и обнаружения следов преступления;
- установление и допрос в качестве свидетелей возможных очевидцев преступления;
- установление, отработка на причастность и допрос лиц, ранее судимых за аналогичные преступления, а также склонных к совершению преступлений, из числа жителей близлежащих районов от места преступления.

Очевидно, что выстраивание следственных версий и общего плана расследования преступлений устанавливает определенные рамки, сужающие границы тех процессуальных действий, которые необходимо производить на этапе расследования уголовного дела, что, безусловно, упрощает работу следственных и оперативных подразделений, а также помогает очертить примерную линию поведения, которой необходимо придерживаться в целях эффективного раскрытия преступного деяния. В этой связи нельзя не согласиться с А.В. Варданяном и И.И. Варовым, указавшими на тот факт, что все следственные и иные действия, которые осуществляются в рамках каждой следственной ситуации, производятся исключительно с учетом процессуальных условий и тактических рекомендаций, специально предусмотренных положениями конкретной частной криминалистической методики⁴.

⁴ Варданян А.В. Дискуссионные вопросы формирования исходных следственных ситуаций, типичных для первоначального этапа злоупотреблений полномочиями лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях /

Следственные версии, равно как и запланированные следственно-оперативные мероприятия, в процессе производства процесса расследования могут меняться; производятся какие-либо корректировки; при обнаружении новой информации по уголовному делу не исключены некоторые дополнения плана намеченных следственно-оперативных мероприятий. Отметим, что при расследовании умышленного причинения тяжкого вреда здоровью выдвижение следственных версий имеет неоспоримое значение, одним из факторов этого утверждения служит тот факт, что дела данной категории достаточно типичны и схожи между собой, субъектами по рассматриваемым преступлениям в основном выступают лица, имеющие непосредственную связь с потерпевшим, мотивы совершения деяний практически всегда одинаковы, а построение плана и версий по уголовному делу помогает систематизировать ход предварительного следствия, выстроить некий алгоритм расследования.

Обобщив вышесказанное, можно сделать вывод, что составление планирования расследования, а также следственных действий — это очень важный этап в ходе расследования преступлений, связанных с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью. Именно этот этап закладывает фундамент для качественного и успешного расследования преступлений. Именно поэтому нужно уделить особенное внимание этапу планирования со стороны правоохранительных органов, расследующих вышеуказанную категорию преступлений.

Исакова Е.А.,
адъюнкт Восточно-Сибирского института МВД России
(г. Иркутск)

Литература

1. Варданян А.В. Дискуссионные вопросы формирования исходных следственных ситуаций, типичных для первоначального этапа злоупотреблений полномочиями лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях / А.В. Варданян, И.И. Варов // Известия Тульского государственного университета. Серия: Экономические и юридические науки. 2013. № 2-2.
2. Драпкин Л.Я. Информационно-поисковая функция криминалистической характеристики преступления / Л.Я. Драпкин, Е.А. Бородин // Проблемы развития криминалистики в условиях научно-технического прогресса: межвузовский сборник научных трудов / ответственный редактор И.Ф. Герасимов. Свердловск: СЮИ, 1982.
3. Князьков А.С. Следственная версия как элемент информационной модели расследования преступлений / А.С. Князьков // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 348.
4. Центров Е.Е. Следственные версии и некоторые новации «информационных технологий доказывания» / Е.Е. Центров // Вестник криминалистики. 2007. № 3 (23).

А.В. Варданян, И.И. Варов // Известия Тульского государственного университета. Серия: Экономические и юридические науки. 2013. № 2-2.

Парадигмы использования современных технологий при исследовании следовой информации

Новые парадигмы осуществления криминалистического познания материально фиксированных следов предполагают основные направления использования современных технологий. Любые события, процессы, действия или акты вызывают определенные изменения реальности, которые могут выражаться: в совокупности различных материально фиксированных следов; в исчезновении вещей или предметов, нарушениях их местоположений, появлении новых (или их частей, остатков веществ), их разрушении или деформации, появлении на них отображений других вещей или предметов; в появлении запахов людей, животных или веществ¹. Для субъектов судопроизводства важным является грамотное агрегирование (выборочное целевое собрание) всех обнаруженных сведений о произошедших событиях с целью их дальнейшего исследования, оценки и использования.

На современном этапе развития технологий осуществления познания следов можно выделить несколько эффективных направлений их агрегирования и исследования. Первым из них можно назвать оптимизацию этих процессов в ходе производства следственных действий на первоначальном этапе расследования, которая включает определение: временных параметров допустимости агрегирования и исследования следов; надлежащего субъекта поисковой деятельности и процедур производства; оптимальных способов фиксации хода и результатов действий.

Второе направление выражается в совершенствовании криминалистического обеспечения этих процессов. В этом направлении допустимо выделить следующие основные аспекты: повышение профессиональной подготовки исследователей; современное техническое обеспечение; совершенствование технологии агрегирования и исследования следов². Третье направление представляет собой введение в систему таких процедур всего спектра следов — получаемых непосредственно в результате производства следственных действий, от органов оперативно-разыскной, административной, частно-

¹ Вагурина М.В. Основы криминалистической техники : учебное пособие / М.В. Вагурина, Н.Н. Егоров, Ю.К. Панжинский. Хабаровск : ДВЮИ МВД РФ, 2000. С. 13–14.

² Григорьев В.Н. Предварительное расследование (понятие, задачи, формы) : лекция. М. : ЮИ МВД РФ, 1998. С. 30; Григорьев В.Н. Первоначальные действия при получении сведений о преступлении (процессуальные и организационные формы) : учебное пособие / В.Н. Григорьев, Ю.В. Прушинский. М. : ЮИ МВД РФ, Книжный мир, 2002. С. 17; Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность / под ред. В.А. Власихина. М. : Юристъ, 2000. С. 20–21; Скорченко П.Т. Криминалистика. Технико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений : учебное пособие для вузов. М. : Былина, 1999. С. 272.

детективной деятельности, от иных субъектов и участников судопроизводства.

Четвертое направление охватывает технологию экспертного исследования выявленных следов. Пятым направлением можно считать получение следовой информации от органов зарубежной уголовной юстиции.

Сегодня особенно важным представляется *использование современных технологий при осуществлении криминалистического познания материально фиксированных следов как при первоначальном следственном исследовании, так и при экспертном исследовании*. Производство любых детальных аналитически ориентированных осмотров обеспечивается инновационным и комплексным подходами к исследованию объектов. Технология исследования складывается из ряда составляющих: знания общих методических подходов и структуры составления описания процесса осмотра; оценки промежуточных данных; формирования убеждения исследователя и умения формулировать свои выводы³.

В познавательном процессе особое значение придается эвристическому мышлению. Исследователю просто необходимо строить рабочие гипотезы, подтверждать или опровергать их, многократно повторять этот процесс до тех пор, пока его суждения не достигнут статуса объективной истины. Особенно сложным мыслительный процесс становится при осуществлении оценки результатов исследования как итога всех предшествующих этапов познавательной деятельности. Оценочные суждения формируются в виде выводов, уверенность в правильности которых основана на объективных данных исследования. Важное место в осуществлении технологий любого исследования следов занимает познание сущности выводов разных видов: категоричных и вероятностных; утвердительных (положительных) и отрицательных; альтернативных, безусловных, категорических и условных; идентификационных и диагностических и др.⁴.

Использование современных технологий при осуществлении криминалистического познания материально фиксированных следов особенно ярко проявляется при исследовании конкретных их видов и функциональной направленности. Особенно актуальными сегодня представляются вопросы познания следов биологического происхождения для анализа ДНК-молекулы и цифровых следов, получаемых при выявлении на специфических компьютерных носителях. Функционально важно отразить технологические процессы их изучения при обнаружении (что конкретно нужно выявить, по каким признакам, где следует осуществлять поиск, как правильно производить изъятие и

³ Майлис Н.П. Теория и практика судебной экспертизы в доказывании. Спецкурс : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки 0309000.68 «Юриспруденция». М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2015. С. 101.

⁴ Майлис Н.П. Указ. соч. С. 104–105; Орлов Ю.К. Заключение эксперта и его оценка по уголовным делам. М., 1995. С. 29–30.

фиксацию, какие условия и сроки сохранности следует учитывать), при исследовании (какой порядок, методы, особенности выведения заключения и производства его оценки), а также при использовании (где, как и особенно-сти применения).

Так, молекулярно-генетический анализ (генотипоскопия) представляет собой выделение ДНК из объектов биологического происхождения. Для исследования ДНК-молекул необходимо обнаружить и изъять следы, содержащие эти молекулы: следы крови, спермы, слюны, пота (в том числе на любых предметах, включая потожировые выделения в отпечатках), мышцы (фрагменты), волосы, кости и костные фрагменты, кожу и ее фрагменты (в том числе предметы, которые могли соприкасаться с открытыми участками кожи, например украшения или одежда), ногти и их фрагменты⁵.

Технология выявления и исследования следов биологического происхождения для анализа ДНК-молекулы требует соблюдения ряда правил. Метод, применяемый для анализа ДНК, в настоящее время называется «ДНК-идентификация», «генотипоскопия» или «анализ ДНК-профилей». Внедрение новейших методов молекулярной биологии, ДНК-анализа в судебно-экспертную практику открыло возможность использования практически всех следов тканей и выделений человека в самых малых количествах (ранее считавшихся непригодными)⁶. Сущность ДНК-анализа заключается в анализе ДНК, находящейся в ядрах (ядерной) и митохондриях (митохондриальной) клеток, *с использованием полимеразной цепной реакции (ПЦР)*. Метод основан на способности бактериальных фрагментов распознавать строго определенные последовательности в молекуле ДНК и разрезать ее по областям распознавания. В криминалистическом ДНК-анализе используются два основных метода: *прямая и опосредованная идентификации*.

Вместе с тем современные парадигмы познания вопросов выявления и исследования следов биологического происхождения для анализа ДНК-молекулы устанавливают некоторое несовершенство существующей системы. В частности: наличие чрезмерной зависимости от импортного (в первую очередь американского) оборудования в расходных материалах; низкий уровень цифровизации; использование в разных регионах несопадающих наборов с маркерными локусами; недетерминированность уровня полиморфизма, присущего STR-локусам. Сегодня успешно осуществляется деятельность по разработке и внедрению нового подхода к этой проблеме

⁵ Абрамов А.С., Кузнецов С.В., Мокроусов А.А., Шур А.А., Хмелева А.В. Возможности исследования вещественных доказательств — ДНК — объектов. Возможности medico-криминалистического исследования вещественных доказательств // Вещественные доказательства: сборание и возможности исследования / отв. ред. Н.Н. Егоров. М. : Юрлитинформ, 2017. С. 187–212.

⁶ Стороженко И.В., Кульгин А.Ю., Никитаев В.Г., Проничев А.В., Бердникович Е.Ю. Компьютерные технологии в судебно-генетической экспертизе : учеб. пособие. М., 2010.

(однонуклеотидные замены): снипы — SNP — Single-Nucleotide Polymorphism. Новые подходы позволяют провести максимальную цифровизацию данных, предоставляют возможность детекции более коротких участков ДНК, выявляют объекты исследования даже в старых биологических образцах. Разработан оригинальный способ оцифровки в бинарном формате сразу всей четверки нуклеотидов в каждом снипе, что позволяет вводить в базу данных сведения на одного человека не более одного килобайта (с помощью STR-локусов — более 200 килобайт). Кроме того, снипы позволяют получить информацию о личностных особенностях человека в виде пигментации кожи, волос, радужной оболочки глаз, болезнях или предрасположенности к ним и др.⁷.

Еще большую актуальность приобретает в настоящее время разработка технологий поиска и исследований цифровых следов. Цифровизация во всех сферах деятельности общества оказала существенное влияние на судопроизводство вообще и на особенности и разнообразие информационных технологий поиска и исследования цифровых следов на специфических компьютерных носителях в частности⁸. Технологиям поиска и исследования цифровых следов в криминалистике посвящено новое учение «Криминалистическое исследование компьютерных средств и систем»⁹. В этом учении и в системообобщенной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности обоснованы понятия цифровых следов, описаны их виды и способы собирания¹⁰. Несмотря на серьезность представленных научных трудов, самую большую распространенность цифровых

⁷ Аминев Ф.Г., Аминев А.Ф., Аминев А.Ф. О современных научно-технических средствах и методах противодействия преступности // Фундаментальные и прикладные исследования в сфере судебно-экспертной деятельности и ДНК-регистрации населения Российской Федерации : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (17–18 октября 2019 г.). Уфа : РИЦ БашГУ, 2019. С. 8–14; Аминев Ф.Г., Гармаев Ю.П. Методологические основы современного научного анализа судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : материалы VIII Международной научно-практической конференции. М. : РГ-Пресс, 2021. С. 3–7.

⁸ Россинская Е.Р., Рядовский И.А. Концепция цифровых следов в криминалистике // Аубакировские чтения : материалы международной научно-практической конференции (19 февраля 2019 г.). Алматы, 2019. С. 6–9; Россинская Е.Р. Проблемы использования специальных знаний в судебном исследовании компьютерных преступлений в условиях цифровизации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 5 (57). С. 31–44.

⁹ Россинская Е.Р., Семикаленова А.И. Основы учения о криминалистическом исследовании компьютерных средств и систем как часть теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Право. 2020. Т. 11. Вып. 3. С. 745–759.

¹⁰ Россинская Е.Р. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: концепция, система, основные закономерности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (99). С. 193–202; Россинская Е.Р., Сааков Т.А. Проблемы собирания цифровых следов преступлений из социальных сетей и мессенджеров // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3 (15). С. 106–123.

следов, сегодня пока отсутствует хорошая теоретическая база их исследования.

Цифровой след как достаточно новый объект поиска и исследования следует представлять как криминалистически значимую компьютерную информацию о каких-либо событиях, действиях или актах, отраженную в материальной среде, в процессе ее возникновения, обработки, хранения и передачи¹¹. Цифровые следы неотделимы от носителей: устройств для записи и хранения сведений; для ввода/вывода информации; ее обработки, передачи по каналам связи; систем обработки информации или отдельных функциональных устройств таких систем; системных блоков персональных компьютеров, ноутбуков, нетбуков; машинных носителей (накопителей на жестких и гибких магнитных дисках, флеш-накопителей, карт памяти, оптических дисков; мобильных телефонов сотовой связи, смартфонов, планшетов, SIM-карт; навигаторов, трекеров; платежных пластиковых карт и скимминговых устройств; плат игровых автоматов; видеорегистраторов и др.). Познания технологии поиска и исследования цифровых следов содержат их классификацию, общие положения технологии работы и правила обращения с ними и их носителями в целях их сохранности и пригодности. Кроме того, познания в этой области науки разрешают множество сложных проблем, возникающих в связи с их интеграцией и дифференциацией в системе IT-технологий. Одна из таких проблем представляется в виде комплексности цифровых следов. Родовая классификация цифровых следов и их носителей включает в себя технические (аппаратные) средства компьютерных систем; программное обеспечение; компьютерные данные; сетевую информацию; фоно- и фотоизображения. Технология поиска и исследования цифровых следов неразрывно связана с ситуационным подходом. Исследование отдельных носителей (жесткого магнитного диска (HDD), флеш-карты, лазерного диска и проч.) осуществляется с использованием методов в рамках комплексной методики. Так же как и поиск цифровых следов в компьютерных системах и сетях, планшетах, мобильных коммуникаторах, на серверах, в облачных хранилищах. Кроме случаев их агрегирования или исследования, не требующего технической расшифровки сведений. Достаточно часто в качестве цифровых следов выступают электронные документы (сомнительные или не вызывающие сомнения в их подлинности), которые анализируются в соответствии с задачами исследования. Созданные с помощью программных продуктов образы цифровых следов на бумажных носителях (распечатки скриншотов, электронных документов и др.) исследуются с использованием различных графических процессоров и проч.

¹¹ Россинская Е.Р. Учение о цифровизации судебно-экспертной деятельности в системе частных теорий судебной экспертологии // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : материалы VIII Международной научно-практической конференции. М. : РГ-Пресс, 2021. С. 263.

Технология поиска и исследования цифровых следов предполагает определенный порядок и последовательность действий, при которых следует: выявить все подлежащие изучению машинные средства; опционально снять с работающих средств образ оперативной памяти; составить схему их расположения; осмотреть работающие машинные средства с целью исследования отдельных баз данных, доступа к облачным хранилищам или обнаружения криптоконтейнеров; проверить соответствие показаниям времени и даты с реальностью; установить сведения о пользователях и паролях доступа к информационным ресурсам; опционально извлечь энергонезависимые носители информации (кроме ненужных); опционально создать образы носителей информации или посекторные копии (используются программные, аппаратно-программные либо аппаратные дубликаторы, вычисляется хеш-функция копируемого носителя); опционально собрать дополнительную информацию (протоколы работы сетевых устройств, систем авторизации пользователей, копирование сетевого графика); выключить работающие средства, упаковать и опечатать их и изымаемые носители информации, объекты, содержащие копии или образы; составить протокол произведенного действия¹².

Технология исследования цифровых следов также тесно связана с процессом механизма познания киберпространства¹³ и осуществлением противодействия использованию вредоносных компьютерных программ¹⁴.

Практика выявления вредоносных программ, в частности, указывает на то, что чем сложнее программно-техническое обеспечение, тем уязвимее средства защиты информации в автоматизированных системах (все больший объем информации концентрируется в точках ее сбора и обработки). Иерархия контроля позволяет быстрее обнаружить слабость информационной защиты. К разрешению этой проблемы необходимо подходить комплексно¹⁵.

Карепанов Н.В.,

доцент кафедры криминалистики

Уральского государственного юридического университета

имени В.Ф. Яковлева,

кандидат юридических наук, доцент

(г. Екатеринбург)

¹² Тушканова О.В. Криминалистическое исследование компьютерной информации // Криминалистика : учебник для бакалавров / под ред. Л.В. Бертовского. М. : РГ-Пресс, 2018. С. 360–365.

¹³ Вершинина И.А. Социальное неравенство в современных городах: перспективы урбанистической революции // Социология города. 2017. № 1. С. 13; Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2003. С. 5.

¹⁴ Козлов В.Е. Теория и практика борьбы с компьютерной преступностью. М. : Горячая линия — Телеком, 2002. 176 с. [Kozlov V.E. Theory and practice of combating computer crime. М. : Hotline — Telecom, 2002. 176 s.]

¹⁵ Осипенко А.Л. Борьба с преступностью в глобальных компьютерных сетях : международный опыт : монография. М. : Норма, 2004. 320 с. [Osipenko A.L. Fighting Crime in Global Computer Networks: International Experience : monograph. М. : Norma, 2004. 320 s.]

Литература

1. Абрамов А.С. Возможности медико-криминалистического исследования вещественных доказательств / А.С. Абрамов, С.В. Кузнецов, А.А. Мокроусов, А.А. Шур // Вещественные доказательства: собрание и возможности исследования : монография / А.С. Абрамов [и др.] ; ответственный редактор Н.Н. Егоров. Москва : Юрлитинформ, 2017.
2. Аминев Ф.Г. Методологические основы современного научного анализа судебно-экспертной деятельности / Ф.Г. Аминев, Ю.П. Гармаев // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : материалы VIII Международной научно-практической конференции (г. Москва, 28–29 января 2021 г.). Москва : РГ-Пресс, 2021.
3. Аминев Ф.Г. О современных научно-технических средствах и методах противодействия преступности / Ф.Г. Аминев, А.Ф. Аминев, А.Ф. Аминев // Фундаментальные и прикладные исследования в сфере судебно-экспертной деятельности и ДНК-регистрации населения Российской Федерации : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Уфа, 17–18 октября 2019 г.) / ответственный редактор Ф.Г. Аминев. Уфа : РИЦ БашГУ, 2019.
4. Вагурина М.В. Основы криминалистической техники : учебное пособие / М.В. Вагурина, Н.Н. Егоров, Ю.К. Панжинский. Хабаровск : ДВЮИ МВД РФ, 2000.
5. Вершинина И.А. Социальное неравенство в современных городах: перспективы урбанистической революции / И.А. Вершинина // Социология города. 2017. № 1.
6. Григорьев В.Н. Первоначальные действия при получении сведений о преступлении (процессуальные и организационные формы) : учебное пособие / В.Н. Григорьев, Ю.В. Прушинский. Москва : ЮИ МВД РФ, Книжный мир, 2002.
7. Григорьев В.Н. Предварительное расследование (понятие, задачи, формы) : лекция / В.Н. Григорьев. Москва : ЮИ МВД РФ, 1998.
8. Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность / под редакцией В.А. Власихина. Москва : Юрист, 2000.
9. Козлов В.Е. Теория и практика борьбы с компьютерной преступностью / В.Е. Козлов. Москва : Горячая линия — Телеком, 2002.
10. Майлис Н.П. Теория и практика судебной экспертизы в доказывании. Спецкурс : учебное пособие / Н.П. Майлис. Москва : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2015.
11. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / М. Маклюэн ; перевод с английского В.Г. Николаева. Москва ; КАНОН-пресс-Ц ; Жуковский : Кучково поле, 2003.
12. Орлов Ю.К. Заключение эксперта и его оценка по уголовным делам : учебное пособие / Ю.К. Орлов. Москва : Юрист, 1995.
13. Осипенко А.Л. Борьба с преступностью в глобальных компьютерных сетях: Международный опыт : монография / А.Л. Осипенко. Москва : Норма, 2004.
14. Россинская Е.Р. Концепция цифровых следов в криминалистике / Е.Р. Россинская, И.А. Рядовский // Аубакировские чтения : материалы международной научно-практической конференции (г. Алматы, 19 февраля 2019 г.). Алматы : Қазақстан Республикасы ІІМ М. Есболатов атындағы Алматы академиясының ҒЗжРБЖҰБ, 2019.
15. Россинская Е.Р. Основы учения о криминалистическом исследовании компьютерных средств и систем как часть теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности / Е.Р. Россинская, А.И. Семика-

- ленова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Право. 2020. Т. 11. № 3.
16. Россинская Е.Р. Проблемы использования специальных знаний в судебном исследовании компьютерных преступлений в условиях цифровизации / Е.Р. Россинская // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 5 (57).
  17. Россинская Е.Р. Проблемы собирания цифровых следов преступлений из социальных сетей и мессенджеров / Е.Р. Россинская, Т.А. Сааков // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3 (15).
  18. Россинская Е.Р. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: концепция, система, основные закономерности / Е.Р. Россинская // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (99).
  19. Россинская Е.Р. Учение о цифровизации судебно-экспертной деятельности в системе частных теорий судебной экспертологии / Е.Р. Россинская // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : материалы VIII Международной научно-практической конференции (г. Москва, 28–29 января 2021 г.). Москва : РГ-Пресс, 2021.
  20. Скорченко П.Т. Криминалистика. Техничко-криминалистическое обеспечение расследования преступлений : учебное пособие для вузов / П.Т. Скорченко. Москва : Былина, 1999.
  21. Стороженко И.В. Компьютерные технологии в судебно-генетической экспертизе : учебное пособие / И.В. Стороженко, А.Ю. Культин, В.Г. Никитаев. Москва : НИЯУ МИФИ, 2010.
  22. Тушканова О.В. Криминалистическое исследование компьютерной информации / О.В. Тушканова // Криминалистика : учебник для бакалавров / под редакцией Л.В. Бертовского. Москва : РГ-Пресс, 2018.
  23. Хмелева А.В. Возможности исследования вещественных доказательств — ДНК — объектов / А.В. Хмелева // Вещественные доказательства: собирание и возможности исследования : монография / А.С. Абрамов [и др.] ; ответственный редактор Н.Н. Егоров. Москва : Юрлитинформ, 2017.

Репродуктивные права как часть благополучия человека

Благополучие человека зависит от многих факторов, в частности, это связано и с возможностью иметь детей. Вместе с тем количество бесплодных пар увеличивается с каждым годом. Поэтому количество ситуаций использования вспомогательных репродуктивных технологий в России также увеличивается с каждым годом. Законодательство, регулирующее правоотношения в данной сфере, нуждается в детальной проработке и развитии. Указанные обстоятельства обуславливают актуальность исследования в этой сфере.

Проводимое нами исследование в области искусственной репродукции человека, которое стало возможным благодаря финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-14084, позволило прийти к определенным выводам.

Во-первых, развитие биотехнологий не только расширяет возможности науки, но и требует своего осмысления и продуманного законодательного регулирования. Нельзя не поддержать мысль, изложенную в п. 18 воззвания Тегеранской конференции 1968 года: «Хотя последние научные открытия и технические достижения открывают широкие перспективы для социально-экономического и культурного прогресса, они могут, тем не менее, поставить под угрозу осуществление прав и свобод человека и потребуют в связи с этим постоянного внимания».

Среди ученых, общественных и религиозных деятелей идут острые споры относительно возможностей использования достижений биотехнологий в процессе репродукции человека.

Суррогатное материнство ставит перед юристами целый комплекс трудно разрешаемых этико-правовых проблем. И по мере прогресса в области биологии и медицины возникают все более сложные вопросы, которые настоятельно требуют своего решения.

Противники суррогатного материнства считают, что оно превращает детей в подобие товара, создавая ситуацию, в которой богатые люди смогут нанимать женщин для вынашивания своих потомков. Они утверждают также, что материнство становится при этом договорной работой, поэтому стремление к выгоде может возобладать здесь над соображениями пользы для договаривающихся сторон.

Существуют также опасения, что некоторых суррогатных матерей может психологически травмировать необходимость отдать «своего» ребенка после установления той связи с ним, которая создалась во время 9-месячной беременности и родов (даже если вначале женщине казалось, что она сможет расстаться с таким ребенком без особых переживаний).

Практика заменяющего материнства подвергается критике и за возможность коммерциализации. Она заключается в том, что данный метод может быть использован как средство эксплуатации женщин в роли платных инкубаторов, производящих детей для богатых заказчиков, а феминистки к тому же считают, что суррогатное материнство будет способствовать эксплуатации женщин. О запрещении использования суррогатного материнства в коммерческих целях говорится в Брюссельской декларации Всемирной медицинской ассоциации (1985 г.).

Уменьшению риска коммерциализации суррогатного материнства может способствовать, например, то, что в качестве заменяющих матерей выступают родственники бесплодной пары, которые будут относиться к ребенку с неподдельной любовью. Например, в Австралии в 1994 г. был снят ряд ограничений с закона об использовании суррогатного материнства, что позволило сестрам и кузинам генетических родителей стать заменяющими матерями. В штате Северная Каролина (США) сестра женщины, которая сама не в состоянии была выносить ребенка, была оплодотворена спермой ее мужа и в мае 1994 г. родила ребенка. Прежде чем принять такое решение, супруги шесть лет лечились от бесплодия. Первый же случай вынашивания ребенка матерью вместо бесплодной дочери зарегистрирован в ЮАР в 1987 году.

В различных странах по-разному относятся к суррогатному материнству — от запрета до правительственной поддержки.

В России суррогатное материнство регламентируется следующими законодательными актами и нормативными документами:

- Семейный кодекс РФ (СК РФ), ст. 51–52;
- Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»;
- Закон от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния», ст. 16;
- приказ Минздрава РФ от 26 февраля 2003 г. № 67 «О применении вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) в терапии женского и мужского бесплодия».

Для регистрации ребенка (детей), рожденного суррогатной матерью, родители должны предоставить в органы ЗАГС следующие документы:

медицинское свидетельство о рождении ребенка, согласие суррогатной матери, справку из клиники ЭКО и заявление главврача.

Ошибочно считать, что услугами суррогатной матери в России может воспользоваться только супружеская пара. Действующее законодательство не предусматривает каких-либо запретов или ограничений по признаку супружеского статуса или пола при реализации программ суррогатного материнства.

Закон не запрещает регистрацию детей, родившихся у одиноких женщин и мужчин с помощью вспомогательных репродуктивных технологий, включая и суррогатное материнство, а только регулирует порядок регистрации детей, родившихся вследствие реализации программы суррогатного материнства у лиц, состоящих в браке (п. 4, ст. 51 СК РФ), устанавливая в качестве единственного условия такой регистрации получение предварительного согласия суррогатной матери.

Ссылки на п. 7 приказа Минздрава РФ от 26 февраля 2003 г. № 67 «О применении вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) в терапии женского и мужского бесплодия» несостоятельны, так как первый абзац упомянутого пункта прямо указывает на то, что правовые аспекты суррогатного материнства определены иными нормами действующего законодательства, то есть данный документ не регулирует никакие правовые вопросы, связанные с суррогатным материнством.

Есть сложности при регистрации «суррогатных» детей у одиноких женщин, но, если речь идет о необычных репродуктивных программах (посмертная репродукция, сочетание суррогатного материнства с донорскими программами и проч.), трудности увеличиваются в геометрической прогрессии.

Российский закон не оговаривает ситуацию, которая может возникнуть в случае развода или смерти биологических родителей до рождения ребенка.

Родители в любом случае должны быть вписаны в свидетельство о рождении своего «суррогатного» ребенка. Вопрос о том, кто из родителей будет его воспитывать, должен решаться предусмотренным п. 2 ст. 66 СК РФ соглашением об осуществлении родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка, или же в судебном порядке с участием органов опеки и попечительства.

По Семейному кодексу РФ (п. 4 ст. 51) заказчики могут быть записаны родителями ребенка лишь с согласия женщины, его родившей. Отозвать свое согласие после регистрации ребенка суррогатная мать уже не вправе.

Зарубежная практика имеет значительный опыт в применении этого института, хотя и не может характеризоваться как однозначная. И в настоящее время вопрос о суррогатном материнстве имеет большую актуальность за рубежом.

Первый судебный иск, связанный со спором между суррогатной матерью и супругами, имел место в США в 1988 г. Дело, известное как 'In re Baby M', было связано с решением суда о передаче ребенка суррогатной матери, которая отказалась от вознаграждения в размере 10 000 долл. и решила оставить ребенка себе¹. После этого случая судебная практика не была столь единогласна в своих решениях, несмотря на господство судебного прецедента в системе англосаксонского права.

Законодательство Российской Федерации далеко от совершенства в области репродуктивных технологий. В Семейном кодексе Российской Федерации отсутствуют требования к суррогатной матери, что является недопустимым, ведь многие вновь появившиеся в СК РФ положения являются новацией и их определения существенны в целях правильного правоприменения, в то время как зарубежная практика не только располагает понятием, но и выделяет различные виды суррогатного материнства.

В Англии под суррогатным материнством понимается процесс вынашивания ребенка женщиной, заключившей договор с супругами, которые не могут иметь или выносить ребенка. В США суррогатная мать — женщина, добровольно согласившаяся выносить ребенка и передать его согласно условиям договора другой стороне. В Австралии понятие суррогатного материнства рассматривается как соглашение, согласно которому женщина (суррогатная мать) соглашается выносить и родить ребенка для другого человека/людей (будущие назначенные родители), которые получают ребенка после его рождения.

В отечественной литературе встречается определение суррогатной матери как здоровой женщины, согласной на основе соглашения (договора) после искусственного оплодотворения выносить и родить ребенка для другой семьи. Зачатие происходит в условиях специализированного медицинского учреждения (без полового акта), для чего могут использоваться яйцеклетки и сперма как бесплодной супружеской пары, так и доноров².

Представляется, что легальное определение суррогатного материнства должно акцентировать внимание на договоре, заключаемом сторонами,

¹ Майфат А.В. Суррогатное материнство // Коллегия адвокатов. URL: <http://www/urallaw.ru>

² Юридические и практические аспекты суррогатного материнства // Юридический мир. 2004. № 8–9.

для того чтобы обозначить именно договорный характер возникающих отношений. Таким образом, суррогатное материнство — соглашение между лицом (лицами), желающими стать родителями, и женщиной, согласной на искусственное оплодотворение, вынашивание и рождение ребенка (суррогатной матерью), с последующей его передачей другой стороне по договору, за вознаграждение либо без такового. Суррогатное материнство должно основываться на законодательном уровне, где четко должны быть прописаны права и обязанности всех участников суррогатного материнства.

Кручинина Н.В.,
профессор кафедры криминалистики
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор
(г. Москва)

Попов В.П.,
аспирант кафедры криминалистики
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
(г. Москва)

Литература

1. Майфат А.В. Суррогатное материнство» и иные формы репродуктивной деятельности в новом Семейном кодексе РФ / А.В. Майфат // Юридический мир. 2000.
2. Трунова Л.К. Юридические и практические аспекты суррогатного материнства / Л.К. Трунова // Юридический мир. 2004. № 8—9.

Проблемы эффективности применения такого вида наказания, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью за преступления в спортивной сфере

В спортивных мероприятиях, олимпиадах в данный момент как в Республике Беларусь, так и в Российской Федерации существует проблема допинга и запрещенных веществ, множество спортсменов из стран СНГ были отстранены от участия в Олимпиаде-2021, прошедшей в Токио.

В настоящее время существует проблема эффективности применения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, в том числе за совершение преступлений в спортивной сфере. Анализ и изучение норм уголовного права Республики Беларусь показывает, что существуют проблемные вопросы, связанные с эффективностью применения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, которые требуют надлежащего законодательного регулирования. В практике отечественного правосудия по уголовным делам наказание занимает главенствующее место среди уголовно-правовых средств достижения целей уголовной ответственности. Это подтверждается уже тем, что именно на основе предусмотренной в Уголовном кодексе Республики Беларусь системы видов наказаний формируется вся система санкционного обеспечения преступлений. Судебная практика применения видов наказания показывает их различный воспитательно-исправительный эффект. Поэтому «эффективность системы наказаний определяется не количеством предусмотренных в ней видов наказания, а эффективностью каждого из них в достижении целей уголовной ответственности»¹.

По сей день в науке уголовного права не выработано единое определение понятия эффективности наказания. Мыслится, что эффективность уголовного наказания должна определяться с помощью объективного критерия. В качестве такого критерия может выступать степень достижения уголовным наказанием целей уголовной ответственности при минимальной его репрессивности. Таким образом, критерием определения эффективности на-

¹ Шидловский А.В. Проблемы эффективности наказания в современном уголовном праве Беларуси. URL: <https://studylib.ru/doc/2172056/a.v.-shidlovskij-problemy-effektivnosti-nakazaniya-v>

казания является оптимальное достижение либо способность достижения всех целей уголовной ответственности при минимальной затрате карательных средств.

Устойчивыми показателями при этом являются уровень рецидива (для специального предупреждения) и уровень первичной преступности (для общего предупреждения). В связи с этим система наказаний должна быть детерминирована именно целями уголовной ответственности. Гармоничность системы должна обеспечиваться согласованностью наказаний между собой по объему карательно-воспитательного воздействия на преступника, возможностью плавного перехода от одного вида наказания к другому.

Так, в противодействии применению в спорте запрещенных веществ является введение Законом Республики Беларусь от 18 июля 2019 г. уголовной ответственности за склонение спортсмена к использованию вещества и (или) метода, включенных в Республиканский перечень запрещенных в спорте веществ и методов (ст. 331-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК Республики Беларусь)), и за умышленное использование в отношении спортсмена вещества и (или) метода, включенных в Республиканский перечень запрещенных в спорте веществ и методов (ст. 331-2 УК Республики Беларусь). В настоящее время указанные правовые нормы уже вступили в силу. В качестве объекта этих преступлений выступают общественные отношения, направленные на охрану жизни и здоровья спортсмена в сфере установленного республиканскими нормативными актами запрета на использование веществ и методов, запрещенных в спорте.

Предметом данных преступлений являются вещества и (или) методы, включенные в Республиканский перечень запрещенных в спорте веществ и методов, установленный постановлением Министерства спорта и туризма Республики Беларусь от 8 ноября 2018 г. № 65 (в ред. от 11.12.2019 № 47). Данный перечень включает запрещенные в спорте вещества, методы, вещества, запрещенные в спорте в период спортивных мероприятий, а также вещества, запрещенные в определенных видах спорта. Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 331-1 УК Республики Беларусь, выражается в склонении спортсмена к использованию вещества и (или) метода, запрещенных для использования в спорте, за исключением случаев, предусмотренных ст. 331 УК Республики Беларусь (склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов). УК Республики Беларусь не разъясняет термин «склонение». Между тем в примечании к ст. 230.1 Уголовного кодекса РФ под склонением понимаются любые умышленные действия, в том числе совершенные путем обмана, уговоров, советов, указаний, предложений, предоставления информации либо запрещенных субстанций, средств применения запрещенных методов, устранения препятствий к использованию запрещенных субстанций и (или) запрещенных ме-

тодов. Представляется, что такое примечание было бы уместным и к ст. 331-1 УК Республики Беларусь. Объективная сторона преступления по ст. 331-2 УК Республики Беларусь состоит в использовании в отношении спортсмена независимо от его согласия вышеуказанных вещества и (или) метода, за исключением использования таких вещества и (или) метода в медицинских целях при наличии разрешения на их терапевтическое использование, при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных ст. 328 и 333 УК Республики Беларусь. С субъективной стороны оба преступления характеризуются умышленной формой вины в виде прямого умысла. Мотивы на квалификацию преступления не влияют. Статья 331-1 УК Республики Беларусь предусматривает специальный субъект преступления. Это могут быть тренер, педагогический работник, менеджер, спортивный агент, медицинский работник или иное лицо, участвующее в спортивной подготовке того или иного спортсмена. В отличие от ст. 230.2 УК РФ, в которой также субъект специальный, в ст. 331-2 УК Республики Беларусь предусмотрен общий субъект².

Таким образом, в системе видов наказаний имеются некоторые деструктивные моменты, которые негативно сказываются на общей картине ее эффективности и гармоничности. В связи с этим представляется целесообразным уменьшение возмездного характера наказания, усиление его воспитательного воздействия на осужденного и создание дополнительных гарантий индивидуализации наказания. Проблема эффективности применения наказания за использование спортсменами допинга в настоящее время является одной из наиболее актуальных проблем в мировом спорте — видится верным за указанное преступление применять в качестве основного либо дополнительного наказания лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью как наиболее эффективную меру воздействия, так как субъект указанного преступления является специальным.

Ларченко А.А.,

магистр юридических наук,

аспирант отдела правоохранительной деятельности

и осуществления правосудия

Института правовых исследований Национального центра
законодательства и правовых исследований Республики Беларусь
(Республика Беларусь, г. Минск)

² Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 (с изм. и доп. по сост. на 13.05.2022). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984

Самоуправство как норма, обеспечивающая благополучие человека в сфере осуществления права на защиту

В настоящее время все более актуальным становится применение уголовно-правовой нормы о самоуправстве, направленной на защиту оспариваемых прав. Самоуправство является ненадлежащим способом защиты прав и считается уголовно наказуемым лишь при причинении существенного вреда потерпевшему.

В соответствии с Конституцией РФ граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы¹.

Уголовно-правовая норма о самоуправстве направлена на защиту прав граждан на законное, справедливое и беспристрастное разрешение возникшего спора. Порядок разрешения установлен законами и иными нормативно-правовыми актами. Нарушение указанного порядка при наличии прочих признаков объективной стороны влечет уголовную ответственность по ст. 330 Уголовного кодекса РФ (УК РФ).

Для квалификации по ст. 330 УК РФ действия лиц должны совпадать с обязательными признаками объективной стороны самоуправства: совершение действий (бездействия), самовольность, несоблюдение установленного законом или иным нормативным правовым актом порядка, а также оспоримость неправомерных действий виновного гражданином или организацией (юридическим лицом), причинение существенного вреда.

В Гражданском кодексе РФ (ГК РФ) наиболее широко представлены положения, которые касаются возникновения и порядка реализации частных прав (ст. 8). Законодатель предложил открытый перечень оснований возникновения гражданских прав и обязанностей. Порядок осуществления права также урегулирован Гражданским процессуальным кодексом РФ (ГПК РФ)² и Арбитражно-процессуальным кодексом РФ (АПК РФ)³, Трудовым кодексом РФ⁴.

Под иными нормативными правовыми актами законодатель понимает подзаконные акты. Исходя из общей теории права, под последними следует понимать акты Президента РФ, Правительства РФ, а также органов местного самоуправления.

¹ Конституция Российской Федерации. Ч. 2 ст. 15 // СПС «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. Ст. 4532.

³ Федеральный закон от 21 июля 2002 г. № 05-ФЗ // СЗ РФ. 2002. Ст. 3012.

⁴ См. подроб.: Феофилактов А.С. Самоуправство в трудовых отношениях. М., 2005. № 4. С. 3–6.

Гражданский кодекс РФ определяет, что защита гражданских прав осуществляется как *юрисдикционным* способом (судебная и административная защита своих прав, а также путем обращения в третейский суд)⁵, так и *внеюрисдикционным* (самозащита гражданских прав⁶, пределы которой определены в ст. 14 ГК РФ, выходы за которые приводят к нарушению установленного порядка реализации права, и при наличии прочих условий являются уголовно наказуемым самоуправством). Так, прокуратура г. Южно-Сахалинска правомерно отклонила решение о возбуждении уголовного дела по ст. 330 УК РФ в отношении директора энергетической компании на основании отключения последним двух граждан-неплательщиков от энергоснабжения, поскольку ГК РФ не предусматривает возможности отключения граждан — потребителей электроэнергии (п. 2 ст. 546 ГК РФ содержит положение о возможности отключения за неуплату лишь абонентов — юридических лиц)⁷.

Право на судебную защиту является составной частью правоспособности лица, и отказ от этого права ничтожен⁸. Отказываясь от такого права, лицо тем самым лишает другую сторону права на законные привилегии и гарантии, беспристрастное рассмотрение соответствующего спора. В связи с этим обоснованно квалифицированы Верховным судом Республики Хакасии действия лиц, которые изъяли у потерпевшего имущество, право на которое было оспорено в судебном порядке, однако решение еще не было вынесено, следовательно, и не вступило в законную силу (изначально их действия были квалифицированы по ст. 161 УК РФ Абаканским городским судом)⁹.

После того как нарушенное право получает свое признание в судебном порядке, соответствующее решение должно быть исполнено на основании ст. 6 Федерального конституционного закона РФ «О судебной системе»¹⁰, ст. 16 АПК РФ и ст. 13 ГПК РФ. В противном случае потерпевшее лицо должно прибегнуть к правовым механизмам принудительного исполнения судебного решения путем предъявления исполнительного листа в соответствии с Федеральным законом РФ «Об исполнительном производстве»¹¹. Важную роль в принудительных мерах играют судебные приставы-исполнители, которым принадлежат достаточно широкие полномочия, в том

⁵ Статья 11 Гражданского кодекса Российской Федерации.

⁶ Статьи 12, 14 Гражданского кодекса Российской Федерации.

⁷ Южно-Сахалинская прокуратура обвинила энергетиков в самоуправстве // ИА. SAKH. COM. 25.02.2003.

⁸ Ст. 3 Гражданско-процессуального кодекса РФ, ст. 4 Арбитражно-процессуального кодекса РФ.

⁹ Обзор кассационной и надзорной практики по уголовным делам Верховного суда Республики Хакасия за 2004 г. : Кассационное определение от 30 июня 2004 г. // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (ред. от 08.12.2020) «О судебной системе Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (посл. ред.) // СПС «КонсультантПлюс».

числе проникать в жилище без специального судебного решения. Нарушение обычно проявляется в «присвоении» подобных полномочий. Так, Архангельский областной суд вынес приговор по ст. 330 УК РФ в отношении лица, который с целью возврата долга и в целях подавления воли потерпевшего нанес не менее трех ударов руками и ногами по его телу, после чего потребовал возвращения долга в размере 1 000 руб. и у другого знакомого — в размере 1 500 руб. Впоследствии лицо взяло аккумуляторную батарею и нанесло ею удар по голове, причинив легкий вред здоровью, а затем самовольно изъяло данную батарею и зарядное устройство¹². Также в качестве примера можно привести приговор Тушинского районного суда г. Москвы, в соответствии с которым лица были осуждены за совершение самоуправства с целью добиться от потерпевшего исполнения решения суда: выплаты денежных средств в размере 5 767 870 руб., в результате чего потерпевшему был причинен легкий вред здоровью, а также последним оформлена дарственная на квартиру на имя одного из виновных¹³.

Таким образом, нормальное правоотношение, охраняемое уголовным правом, должно быть осуществлено между субъектами в соответствии с законом, не присваивая одному из них права суверена, разрешающего возникший спор. Действуя вопреки установленному порядку защиты прав при наличии прочих условий, лицо может быть привлечено к уголовной ответственности за самоуправство.

Способ оспаривания при самоуправстве может быть различным: устный, письменный (в том числе путем подачи иска), жестами. Стоит согласиться с С.У. Ваневым в том, что оспоримость действий виновного является криминообразующим признаком; преступление является общественно опасным в момент совершения преступления и не может быть криминализовано постфактум (желает впоследствии потерпевший этого или нет)¹⁴. Однако судебная практика признает наличие признака оспоримости и в том случае, когда деяние было оспорено после окончания совершения преступления путем обращения в правоохранительные органы¹⁵. Кроме того, суды квалифицируют действия по ст. 330 УК РФ в случаях, когда потерпевшими вовсе не оспаривались действия виновных¹⁶.

¹² Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Архангельского областного суда от 3 сентября 2004 года по делу № 22-3150 // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Архив Тушинского районного суда г. Москвы. 1996. Дело № 1-546/96.

¹⁴ Ванев С.У. Указ. соч. С. 62.

¹⁵ Приговор Лесосибирского городского суда Красноярского края от 26 января 2011 г. в отношении Кузнецова; Приговор Кировского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан от 29 июля 2010 г. по делу № 1-394/2010; Приговор Комсомольского районного суда Хабаровского края от 24 февраля 2011 г. по делу № 1-57/11; Приговор Архангельского районного суда Республики Башкортостан от 10 июня 2014 г. по делу № 1-27/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Приговор Завитинского районного суда Амурской области от 28 февраля 2011 г. в отношении А.П. Горного; Постановление Белгородского гарнизонного военного суда в отношении Дячкова А.А. // СПС «КонсультантПлюс».

С такой практикой судов согласиться, представляется, невозможно. При самоуправстве действия виновного лица должны оспариваться с момента начала выполнения объективной стороны состава преступления и до момента наступления общественно опасных последствий, то есть наступления существенного вреда.

Самоуправство считается оконченным с момента причинения существенного вреда физическим или юридическим лицам¹⁷.

Существенность вреда является оценочным признаком, задача его определения возложена на следственные и судебные органы. Критериями для определения существенности признаются следующие: фактическое наличие у виновного права; характер нарушенных прав потерпевшего (имущественные, жилищные и т.д.), а также степень их нарушения¹⁸. Если в результате самоуправных действий указанные общественно опасные последствия не наступили по не зависящим от виновного лица обстоятельствам, то такое деяние признается покушением на самоуправство.

На практике можно заметить, что правоприменительные органы лишь констатируют факт причинения существенного вреда потерпевшей стороне, однако на самом деле вред не является существенным либо вовсе не был причинен. Так, Президиум Липецкого областного суда отменил приговор Правобережного районного суда в связи с отсутствием в действиях обвиняемого состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 330 УК РФ, а именно: ущерб в размере 34 тыс. руб. для организации был несущественным, и не было причинно-следственной связи между деянием обвиняемого и последствием в виде нанесения вреда деловой репутации организации¹⁹.

В настоящее время «кредиторы» зачастую прибегают к созданию «групп по выбиванию долгов» либо к привлечению иных лиц (участников) для возврата «долга», а также начисленных процентов за несвоевременный возврат, используя различные методы, в том числе осуществляя физическое и психическое насилие, а также угрозы его применения. П.А. Скобликов считает, что такие действия должны оцениваться более строго²⁰. Так, отягчающими обстоятельствами суд признал совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 330 УК РФ, *группой лиц по предварительному сговору*. При этом суд указал, что признание деяния, совершенного группой лиц по предварительному сговору, отягчающим обстоятельством является следствием отсутствия такого обстоятельства в качестве признаков преступлений²¹.

¹⁷ См., например: Поленов Г.Ф. Ответственность за преступления против порядка управления. М., 1966. С. 117.

¹⁸ Горелик А.С. Уголовная ответственность за самоуправство. М., 1998. № 8. С. 53.

¹⁹ Постановление Президиума Липецкого областного суда по делу Наризнего // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 6. С. 16–17.

²⁰ Скобликов П.А. Взыскание долгов и криминал. С. 26.

²¹ Апелляционное определение от 1 октября 2019 г. по делу № 2-1/19 // СПС «КонсультантПлюс».

Подтверждением в судебной практике о необходимости введения признака «совершенное организованной группой» свидетельствует Апелляционное определение Верховного Суда Республики Крым, в котором указано, что диспозицией ст. 330 УК РФ не предусмотрен такой квалифицирующий признак, как совершение преступления «*организованной группой*», при этом квалификация действий осужденных со ссылкой на ч. 3 ст. 35 УК РФ уголовным законом не предусмотрена. При таких обстоятельствах квалификации действий М. по преступлению, предусмотренному ч. 2 ст. 330 УК РФ, подлежит исключению указание суда на ч. 3 ст. 35 УК РФ как на совершение преступления «*организованной группой*»²².

В случае если имеет место совокупность преступлений, одно из которых предусматривает в качестве квалифицирующего признака совершение «*группой лиц по предварительному сговору*», суды не обращают внимания на совершение самоуправства группой лиц. Так, Г.К. и С. признаны виновными в похищении человека группой лиц по предварительному сговору, из корыстных побуждений, и в самоуправстве с применением насилия за неоплату выполненных работ²³. Представляется, что суды все же должны обратить внимание на предварительный сговор виновных лиц на совершение самоуправства с применением насилия.

В связи с этим представляется верным выделить в качестве квалифицирующего состава самоуправство, «совершенное группой по предварительному сговору» и «совершенное организованной группой».

В последнее время все чаще по ст. 330 УК РФ привлекают также сотрудников коллекторских организаций. Так, Ж., являясь специалистом центра по работе с клиентами, действуя вопреки установленному законом порядку получения просроченной задолженности по заключенному договору микрозайма денежных средств, размер которой заемщиком оспаривался, с целью погашения данной задолженности осуществлял звонки и направлял СМС-сообщения, требуя возвратить долг и угрожая применением к ним и их несовершеннолетним детям насилия, причинив своими действиями потерпевшим существенный вред. Действия Ж. квалифицированы по ч. 2 ст. 330 УК РФ²⁴.

В настоящее время граждане в большинстве случаев прибегают к собственным незаконным методам защиты, что приводит к ущемлению прав

²² Апелляционное определение Верховного Суда Республики Крым от 13 февраля 2020 г. по делу № 22-184/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

²³ Приговор Истринского городского суда Московской области от 17 октября 2019 г. (Апелляционное постановление Московского городского суда по делу № 10-21027/2019) // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴ Апелляционное постановление Московского городского суда по делу № 10-21027/2019 (Приговор Тушинского районного суда, адрес от дата в отношении Ж.) // СПС «КонсультантПлюс».

не только потерпевшего, но и самого виновного. Следует придерживаться установленного законом или иным нормативно-правовым актом порядка разрешения споров, который позволит прийти к беспристрастному и справедливому решению.

Лекарева Т.Ю.,
аспирант кафедры уголовного права и криминологии
Юридического факультета
Московского государственного университета (МГУ)
имени М.В. Ломоносова
(г. Москва)

Литература

1. Ванеев С.У. Уголовная ответственность за самоуправство по законодательству РФ : диссертация кандидата юридических наук / С.У. Ванеев. Москва, 2006.
2. Горелик А.С. Уголовная ответственность за самоуправство / А.С. Горелик // Юридический мир. 1998. № 8.
3. Поленов Г.Ф. Ответственность за преступления против порядка управления / Г.Ф. Поленов. Москва : Юридическая литература, 1966.
4. Скобликов П.А. Взыскание долгов и криминал / П.А. Скобликов. Москва : Юрист, 1999.
5. Феофилактов А.С. Самоуправство в трудовых отношениях / А.С. Феофилактов // Уголовный процесс. 2005. № 4.

Условное осуждение

Если в уголовном разбирательстве установлено, что уголовное преступление совершено и что обвиняемый виновен, он будет приговорен к соответствующему уголовному наказанию, предусмотренному Уголовным кодексом Республики Сербия (УК РС)¹. Какое наказание будет наложено, зависит от совершенного преступления и самого преступника. Наиболее распространенным уголовным наказанием, применяемым к лицам, совершившим уголовное преступление в РС, является условное осуждение. Насколько это уголовное наказание повлияет на преступника, зависит от множества обстоятельств. Например, лицо может быть подвергнуто более суровой санкции, чем штраф или короткий тюремный срок. Например, в виде «публичного объявления приговора». Самым суровым уголовным наказанием, безусловно, считается тюремное заключение. При назначении условного наказания осужденный не направляется в пенитенциарное учреждение для отбывания наказания. Это означает, что он находится на свободе, его трудовые отношения не прекращаются, а также не наступают другие последствия из-за его отбывания наказания. Большое количество осужденных, отбывающих наказание в пенитенциарном учреждении, после отбытия наказания совершают повторное преступление, поскольку возникает проблема ресоциализации. Как правило, отправление осужденного в пенитенциарное учреждение влияет и на членов его семьи, особенно в случае, когда осужденный является единственным кормильцем. Хотя считается, что в последние несколько лет тюрьмы разгружены, в них все-таки содержится большое количество лиц. Когда мы говорим о переполненности тюрем, имеем в виду, что лишенных свободы людей больше, чем вместимость самой тюрьмы. Хотя, согласно действующим положениям в пенитенциарном учреждении, помещение, в котором осужденный отбывает наказание, должно быть настолько просторным, чтобы на каждого осужденного было не менее восьми кубических метров и четырех квадратных метров². Следует отметить, что в РС осужденный может отбывать наказание в виде лишения свободы в своем доме или квартире, но это возможно только за преступления небольшой тяжести.

Уголовный кодекс Республики Сербии также предусматривает санкции, альтернативные наказанию в виде лишения свободы. Таким образом, вместо тюремного заключения при условиях, предусмотренных законом, могут

¹ Уголовный кодекс Республики Сербия // Официальный вестник. № 85/2005, 88/2005, 107/2005, 72/2009, 111/2009, 121/2012, 104/2013, 108/2014, 94/2016, 35/2019 [серб. «Службени гласник РС», бр. 85/2005, 88/2005, 107/2005, 72/2009, 111/2009, 121/2012, 104/2013, 108/2014, 94/2016, 35/2019].

² Закон «Об исполнении уголовных санкций». Ст. 79, абз. 1 // Официальный вестник. № 55/2014, 35/2019 [серб. хл. 79 ст. 1 Закона о извршењу кривичних санкција // Службени гласник РС. бр. 55/2014, 35/2019].

быть назначены, например, штраф, работа в общественных интересах, судебное предупреждение и т.п.

В РС лицу, совершившему уголовное преступление, может быть назначено не только условное осуждение, но и условное осуждение с превентивным надзором. Условное осуждение может быть назначено вместо тюремного заключения. Поэтому при наложении условного осуждения суд устанавливает наказание в виде лишения свободы и определяет испытательный срок. В случае отмены условного осуждения установленное наказание в виде лишения свободы исполняется.

Для того чтобы назначить условное наказание лицу, совершившему уголовное преступление, необходимо выполнить условия, касающиеся тяжести совершенного уголовного преступления и личности преступника³. В РС в 2019 году вступил в силу Закон о внесении изменений и поправок в Уголовный кодекс⁴, который вводит новые правила, касающиеся условий назначения условного осуждения. Введенные правила более невыгодны для преступника, потому что условия назначения этого уголовного наказания ужесточаются.

Условное осуждение может быть назначено за преступления небольшой тяжести. В РС условное наказание не может быть назначено за уголовные преступления, за которые предусмотрено тюремное заключение сроком на 8 лет или более строгое наказание. До изменений в 2019 г. этот предел грозившего наказания составлял десять лет или более строгое наказание. В качестве критерия наложения данной санкции законодатель предусмотрел размер грозившего наказания. Также условное осуждение не может быть назначено определенной категории рецидивистов. Оно не может быть назначено, если с момента вынесения приговора, по которому преступнику было назначено тюремное заключение или условное наказание за умышленное уголовное преступление, прошло менее пяти лет. Это касается лиц, на которых ранее наложено и исполненное уголовное наказание не повлияло, и они совершили повторно преступные деяния.

Принимая во внимание, что лицо, совершившее уголовное преступление, должно быть приговорено к тюремному заключению, условное наказание возможно только в том случае, если преступник был приговорен к лишению свободы на срок менее двух лет. Суд обязан установить испытательный срок, который не может быть короче одного или более пяти лет.

³ См.: Милич И. Индивидуализация наказания в виде лишения свободы — криминологический, уголовно-правовой и пенитенциарный аспекты. Нови-Сад, 2017. С. 110–111 (докторская диссертация) [серб. Милић Иван, Индивидуализација казне затвора — криминолошки, кривичноправни и пенолошки аспект, Нови Сад, 2017, 110-11 (докторска дисертација)].

⁴ См.: Милич И. Новизна в Общей части Уголовного кодекса // Сборник трудов Юридического факультета Университета в Нови-Саде. 1/2020. С. 367–381 [серб. Иван Милић, Новине у Општем делу Кривичног законика, Зборник радова Правног факултета у Новом Саду, 1/2020, 367–381].

Испытательный срок — это срок, в течение которого преступник должен вести себя законопослушно, не должен совершать преступления. Если он совершает уголовное преступление, условное осуждение может быть или должно быть отменено и установленный приговор к лишению свободы приводится в исполнение.

Субъективные условия касаются самого лица, совершившего уголовное преступление. При решении о назначении условного осуждения, суд, учитывая цель условного наказания, принимает во внимание личность преступника, его прожитую жизнь, его поведение после совершения преступления, степень вины и другие обстоятельства, при которых преступление было совершено. В отличие от объективных условий, которые легко установить, определение субъективных условий — непростая задача для суда. Следует отметить, что в ходе судебного разбирательства, как правило, первостепенную важность для суда имеет тот факт, был ли преступник ранее судим или нет. Кажется, что для суда проще всего требовать выписку из реестра судимости от МВД. Бесспорно, что эта информация важна, но следует не пренебрегать другими смягчающими или отягчающими обстоятельствами. Судимость играет большую роль при индивидуализации остальных уголовных наказаний⁵.

Как правило, лицо, которому назначено условное осуждение, не имеет никаких обязательств, касающихся назначенного наказания. Однако к условному осуждению может быть назначен также превентивный надзор. Превентивный надзор налагает на преступника определенные обязательства, такие как: обязанность являться компетентным органам в сроки, установленные этими органами, обучение определенной профессии, воздержание от употребления наркотиков или алкогольных напитков, лечение в соответствующем медицинском учреждении и т.п. Какие обязанности будут определены для осужденного, зависит от личности преступника. Например, если преступник алкоголик, было бы логично определить воздержание от алкоголя как меру превентивного надзора. Продолжительность объявленных мер определяется судом в решении суда и может длиться настолько, насколько длится испытательный срок. Разумеется, суд может решить их досрочно прекратить или заменить одну обязанность другой.

Условное осуждение может быть отменено при соблюдении установленных законом условий. Основная причина отмены условного наказания — совершение нового уголовного преступления в течение испытательного срока. В РС условное осуждение может или должно быть отменено, если осужденный совершил преступление. Возможность или необходимость отмены условного осуждения зависит от тяжести преступления, совершенного во время испытательного срока.

⁵ См.: Милич И. Об оценке предыдущей судимости при индивидуализации уголовной ответственности // Московский юридический форум онлайн — 2020 : сборник тезисов докладов : в 4 ч. Ч. 3. С. 55–59.

Суд отменит условное осуждение, если осужденный совершит одно или несколько уголовных преступлений, за которые он был приговорен к двум или более годам лишения свободы. С другой стороны, если осужденный в период испытательного срока совершит одно или несколько уголовных преступлений, за которые назначается наказание в виде лишения свободы сроком менее двух лет или штраф, суд, оценив все обстоятельства, связанные с совершенным преступлением и преступником, особенно сходство уголовных преступлений, их значение и мотивы, по которым они были совершены, решает, отменять или оставить условный приговор.

Условное наказание может быть отменено и по причине ранее совершенного преступления (в случае, если преступник совершил преступление до момента назначения условного осуждения). Речь идет о человеке, совершившем преступные деяния, о которых компетентный орган не знал на момент вынесения условного наказания, но узнал об этом деянии позже — после того, как условный приговор уже был вынесен.

Согласно решению Уголовного кодекса, суд отменит условное наказание, если после его назначения установит, что осужденный совершил уголовное преступление до того, как ему было назначено условное осуждение, и если он оценит, что не было оснований для условного осуждения, если преступление было известно. Также условное осуждение может быть отменено, если осужденный (который нарушает превентивный надзор или не выполняет возложенную на него условным осуждением обязанность) не выполнил наложенную обязанность. При отмене условного наказания исполняется установленный срок лишения свободы, а это означает, что осужденный направляется для отбывания наказания в виде лишения свободы. Испытательный срок не включается в срок наказания. Это означает, что осужденный направляется отбывать наказание в виде лишения свободы сроком, установленным судебным решением при назначении условного осуждения. Это не означает, что осужденные отбывают весь срок в тюрьме. Так, например, осужденный может быть освобожден до отбытия наказания — например, если он освобожден условно-досрочно.

В РС каждый осужденный ставится на учет судимости⁶. Осужденные, которым назначено условное осуждение, также ставятся на учет судимости. Учет в РС ведется полицией по месту рождения осужденного. Как долго осужденный будет поставлен на этот учет, зависит от тяжести назначенного наказания. Например, если осужденный был приговорен к лишению свободы на срок более пяти лет, то судимость никогда не снимается. Имея в виду, что условное осуждение не является строгой уголовной санкцией, логично,

⁶ См.: Милич И. Об учете лиц, совершивших уголовные правонарушения // I Стояновские чтения. Российские следственные органы: прошлое, настоящее, будущее : материалы научно-практической конференции (г. Москва, 15 апреля 2021 г.). М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2021. С. 112–115.

что оно удаляется быстрее, чем другие более строгие санкции. Таким образом, осужденный, приговоренный к условному сроку, снимается с учета судимости, если он не совершит нового уголовного преступления в течение испытательного срока и в течение одного года после истечения испытательного срока. Осужденный, снятый с учета, считается несудимым.

В этом случае осужденный снимается с учета судимости в соответствии с законом. Однако, если полиция «забывает» снять с учета осужденного, Уголовно-процессуальный кодекс РС⁷ предусматривает процедуру удаления.

В связи с наложенными уголовными санкциями важно отметить правовые последствия осуждения. А именно суды по определенным уголовным преступлениям или определенным наказаниям могут иметь юридические последствия прекращения действия, то есть потеря определенных прав или запрет на приобретение определенных прав. Такие как увольнение, запрет на получение определенного титула, запрет на получение определенных разрешений или согласований и т.п. В некоторых случаях эти правовые последствия приговора могут быть более суровыми, чем сама санкция. Однако правовые последствия осуждения не могут наступить, если лицу, совершившему уголовное преступление, назначено условное осуждение.

Милич И.Д.,

ассистент кафедры уголовного права

Юридического факультета

Государственного университета в городе Нови-Сад, доктор права

(Республика Сербия, г. Нови-Сад)

Литература

1. Милич И. Об оценке предыдущей судимости при индивидуализации уголовной ответственности / И. Милич // Московский юридический форум онлайн — 2020 : материалы онлайн и заочных конференций, круглых столов, дискуссионных площадок, в том числе с международным участием (г. Москва, 1 апреля — 31 мая 2020 г.). В 4 частях. Ч. 3 / председатель редакционного совета В.Н. Синюков. Москва : РГ-Пресс, 2020.
2. Милич И. Об учетах лиц, совершивших уголовные правонарушения / И. Милич // I Стояновские чтения. Российские следственные органы: прошлое, настоящее, будущее : материалы научно-практической конференции (г. Москва, 15 апреля 2021 г.) / члены редакционной коллегии : Ю.А. Цветков [и др.]. Москва : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2021.
3. Милић И. Индивидуализација казне затвора — криминолошки, кривичноправни и пенолошки аспект : докторска дисертација / И. Милић Нови Сад, 2017.
4. Милић И. Новине у Општем делу Кривичног законика / И. Милић // Novi Sad Faculty of Law — Collected Papers. 2020. Vol. 54. Iss. 1.

⁷ Уголовно-процессуальный кодекс // Официальный вестник РС. № 72/2011, 101/2011, 121/2012, 32/2013, 45/2013, 55/2014, 35/2019, 27/2021 (Решение Конституционного суда), 62/2021 (Решение Конституционного суда) [серб. Законик о кривичном поступку // Службени гласник РС. бр. 72/2011, 101/2011, 121/2012, 32/2013, 45/2013, 55/2014, 35/2019, 27/2021 (Одлука Уставног суда), 62/2021 (Одлука Уставног суда)].

Обеспечение безопасности человека посредством уголовного запрета преступной причастности к совершению самоубийства

Нормы уголовного права, охватывающие уголовно-правовые отношения, имеют первоочередное значение в обеспечении безопасности человека. Одной из основных задач уголовного законодательства является обеспечение общественной безопасности. Под общественной безопасностью следует понимать состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Это обеспечение состояния защищенности начинается с принятия эффективных нормативных запретов и контроля за их соблюдением.

Целью научного исследования является изучение исторических вопросов криминализации преступлений доведения, склонения и содействия совершению самоубийства как реакции государства на запрос и потребность общества и человека в защите от рассматриваемых посягательств.

На каждом этапе исторического развития законодательство, в том числе по вопросу склонения или содействия в совершении самоубийства, отражает особые ценностные ориентиры и представления общества, а также законодательный выбор между свободой воли автономного субъекта и необходимостью криминализации действий некоторых лиц, влияющих на других в принятии решений о совершении самоубийства.

Вопрос о допустимости совершения самоубийства является дискуссионным не только в философии и религии, но и с точки зрения теории прав человека и понятия о субъекте в доктрине как о вменяемом лице, действующем руководствуясь только своим волевым решением. В разных государствах отношение к самоубийству отличалось в зависимости от уровня развития культуры, науки и религии. Христианская религия, выступая одним из главных регуляторов общественных отношений, поддерживает идею о недопустимости совершения самоубийств. Так, в V веке значительное влияние на будущие христианские догмы оказал труд Аврелия Августина «О граде Божьем», в котором утверждается, что самоубийство никогда не было правомерно; а «указания Закона “Не убивай” надлежит понимать, что воспрещает он и самоубийство, ибо, сказав это, он не прибавляет

«ближнего твоего»»¹. В XIV веке Фома Аквинский объяснял, что «жизнь — это дар Бога» и «только Бог имеет власть решать вопросы жизни и смерти».

При старославянском, дохристианском порядке склонение и доведение до самоубийства могли носить ритуальный характер, а также являться следствием языческих обычаев. Например, если женщина переживала своего мужа, то это вело к ее самосожжению вместе с трупом мужа. Дальнейшее развитие Руси происходило под эгидой христианства, с ее вышеупомянутыми представлениями о самоубийстве. Так, существовало наказание для родителей за насильственные выдачу замуж и женитьбу, которые повлекли совершение самоубийства их ребенком². При этом сами невольные браки не запрещались.

Так, «Русская Правда» включала в себя положение о «душегубстве», которое изначально обозначало убийство, но к XV в. «душегубство» стало пониматься не только как убийство, но и смерть в результате несчастного случая, а также самоубийство³. Следует отметить, что такое церковное наказание, как запрет на погребение самоубийц в обычном порядке (самоубийц хоронили на пустырях или в других, не пригодных для посещения родственниками местах), рассматривалось и рассматривается верующими как сильный сдерживающий фактор от совершения самоубийств. Соборное Уложение 1649 г. исключило наказуемость случайной смерти, а под смертным убийством не могло пониматься самоубийство, поэтому в этот период за самоубийство могло быть предусмотрено только церковное наказание.

Военный артикул Петра I установил ответственность за самоубийство только для вменяемых лиц⁴. Аналогично Морской устав предусматривал ответственность за попытку совершения самоубийства в виде смертной казни или повешения трупа самоубийцы⁵. Как отмечали Н.С. Таганцев, М.Ф. Владимирский-Буданов, эти законодательные источники были приняты под влиянием и по образцу немецких источников. По мнению

¹ См.: Блаженный Аврелий Августин. О Граде Божием. Кн. 1–12. URL: http://az.lib.ru/a/awgustin_a/text_0427_de_civitate_dei-1.shtml (дата обращения: 18.04.2021).

² Краткая редакция Устава князя Ярослава. Комментарий // Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. С. 172.

³ Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Российского централизованного государства / под общ. ред. О.И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1985. С. 189.

⁴ Воинский артикул. 26 апреля 1715 г. // Российское законодательство X–XX вв. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А.Г. Маньков. М., 1986. С. 327–365.

⁵ Устав морской. 13 января 1720 г. // Законодательство Петра I / отв. ред. А.А. Преображенский, Т.Е. Новицкая. М., 1997. С. 232–384.

В.Б. Хатуева, самоубийство как самостоятельное преступление впервые закреплялось в этих актах⁶, и с этим мнением можно согласиться, а расположение в Артикуле воинском преступления в гл. 19 «О смертном убийстве» можно отнести к несовершенству законодательной техники. Однако до начала XIX в. представления о самоубийстве как об уголовно наказуемом деянии были неизменны. В дальнейшем законодатель, оценивая реальную ситуацию и осознавая невозможность предотвращения совершения всех самоубийств, а также неэффективность, частичную неправомерность и объективную невозможность назначения наказания самоубийцам, постепенно и очень осторожно стал переходить на направление декриминализации самоубийства и криминализации только неправомерной причастности к совершению самоубийства.

В Уложении об уголовных и исправительных наказаниях 1845 г. была выделена отдельная глава «О самоубийстве», устанавливалась ответственность за самоубийство, содействие его совершению. Также предусматривалась ответственность за доведение до самоубийства⁷, ⁸. Наказанием для самоубийц была невозможность оставления завещания, а также лишение права на христианское погребение. Аналогично вопрос был урегулирован в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Само по себе наказание за совершение самоубийства воспринималось как нечто очень устаревшее, накладывающее бремя только на родственников самоубийцы. Его пытались объяснить как устрашение других лиц с целью воздержаться их от следования примеру⁹. Критика оказала свое влияние, и перед законодателями был поставлен вопрос о декриминализации самоубийства. В 1903 году самоубийство было декриминализовано (в том числе и доведение, оставались только склонение и содействие). По сути, в УК РСФСР самоубийство рассматривалось по аналогии с убийством или как особый вид убийства с посредственным причинением, поэтому в УК 1922 г. была установлена ответственность за содействие или подговор к самоубийству несовершеннолетнего или невменяемого, а в 1926 г. первая часть была отменена, эти деяния стали признаваться убийством¹⁰, и введена ответственность за доведение до само-

⁶ Хатуева В.Б. Доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство: становление, состояние и проблемы уголовно-правовой регламентации в российском уголовном законодательстве // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 9 (106). С. 30.

⁷ Таганцев Н.С. О преступлениях против жизни по русскому праву : в 2 т. СПб., 1871. Т. 2. С. 410.

⁸ Неклюдов Н.А. Руководство к особенной части русского уголовного права. СПб., 1876. Т. 1: Преступления и проступки против личности. С. 256.

⁹ Калмыков П.Д. Учебник уголовного права : Части общая и особенная / сост. : А. Любавский. СПб. : Тип. т-ва «Обществ. польза», 1866. С. 460.

¹⁰ Волконская Е.К. Предупреждение доведения до самоубийства: уголовно-правовой и криминологический аспекты : монография. М. : Юрлитинформ, 2014. С. 53.

убийства при условии нахождения в материальной или иной зависимости лица. УК РСФСР 1960 г. содержал статью «Доведение до самоубийства» с аналогичным условием. Как отмечает С.В. Бородин, пробел ликвидировался в правоприменительной практике путем возбуждения уголовных дел без наличия зависимости потерпевшего от виновного лица¹¹.

УК РФ 1996 г. в предыдущей редакции содержал ст. 110 «Доведение до самоубийства» без условия нахождения в материальной или иной зависимости. Такое изменение повысило возможность ее применения для защиты жизни граждан от негативного влияния других людей¹². В 2017 году это положение было предусмотрено ч. 2 соответствующей статьи. Таким образом, исключение из УК РСФСР статьи о склонении к совершению самоубийства и содействии в совершении самоубийства повлекло невозможность правильного, на наш взгляд, рассмотрения некоторых судебных дел, а также наличие законодательных пробелов до 2017 г.

На современном этапе развития полем для бурных дискуссий является криминализация склонения к совершению самоубийства и содействия в совершении самоубийства. И если к настоящему времени в России вопрос решен в сторону криминализации этих деяний, то в некоторых других государствах эти вопросы остаются нерешенными. Криминализация преступной причастности к самоубийству происходит различными способами: в некоторых государствах (в том числе в Российской Федерации) криминализированы сами деяния по доведению, склонению и содействию совершению самоубийства; в других государствах отсутствуют специализированные нормы и квалифицируются описанные деяния как убийство, причинение смерти по неосторожности (простое убийство, тяжкое убийство).

Первый важный вопрос, соответствующий принципу криминализации: необходимо ли на современном этапе государству и обществу законодательное закрепление этих действий в качестве преступлений?

Самоубийство является распространенным явлением современного мира, Российская Федерация является одной из ведущих стран по количеству совершенных самоубийств. По статистике ВОЗ, опубликованной в 2019 г., Россия занимала 4-е место в мире по количеству самоубийств¹³. В 2017 году общественность потрясло огромное количество самоубийств, совершенных несовершеннолетними в результате функционирования в

¹¹ Бородин С.В. Квалификация преступлений против жизни. М., 1977. С. 122.

¹² Коробеев А.И. Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека. М., 2012. С. 161.

¹³ World Health Organization. Suicide in the World: Global Health Estimates. 2019. URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/326948> (дата обращения: 15.03.2021).

сети Интернет «групп смерти». Привлечение к уголовной ответственности за ненасильственное пособничество в совершении самоубийства было невозможно в соответствии с действовавшим на тот момент законодательством. Например, в 2012 году в случае доведения до самоубийства с помощью сети Интернет привлечение к уголовной ответственности возможно было только при наличии в деяниях виновного публичного унижения достоинства погибшего в сети Интернет.

Судебная статистика о преступлениях рассматриваемой группы демонстрирует малое количество осужденных лиц по ст. 110.1: к 2020 г. было осуждено всего 11 человек. Хотя количество пострадавших от описанных в статье деяний, вероятно, значительно больше. Представляется, что при должном оснащении правоохранительных органов техническими средствами разьяснения, в том числе в доктрине, какие именно действия рассматриваются как преступные, возможно повышение качества и эффективности применения правовых норм. Так, правоохранительные органы сталкиваются на практике с проблемой установления признаков состава в конкретном деянии, а также разграничения, какие именно деяния составляют склонение или содействие в совершении самоубийства.

В заключение отметим, что изучение исторического опыта и его рациональное, осознанное и критическое осмысление явится необходимым подспорьем не только для доктринальной разработки вопросов доведения до самоубийства и/или склонения, но и для совершенствования законодательства в указанной сфере.

Серебrenникова М.С.,
аспирант кафедры уголовного права и криминологии
Юридического факультета
Московского государственного университета (МГУ)
имени М.В. Ломоносова
(г. Москва)

Литература

1. Бородин С.В. Квалификация преступлений против жизни / С.В. Бородин. Москва : Юридическая литература, 1977.
2. Волконская Е.К. Предупреждение доведения до самоубийства: уголовно-правовой и криминологический аспекты : монография / Е.К. Волконская. Москва : Юрлитинформ, 2014.
3. Законодательство Петра I : монография / В.М. Клеандрова [и др.] ; ответственные редакторы А.А. Преображенский, Т.Е. Новицкая. Москва : Юридическая литература, 1997.

4. Калмыков П.Д. Учебник уголовного права : Части общая и особенная / П.Д. Калмыков ; составитель А. Любавский. Санкт-Петербург : Общественная польза, 1866.
5. Коробеев А.И. Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека : монография / А.И. Коробеев. Москва : Юрлитинформ, 2012.
6. Неклюдов Н.А. Руководство к особенной части русского уголовного права. В 4 томах. Т. 1. Преступления и проступки против личности / Н.А. Неклюдов. Санкт-Петербург : Тип. П.П. Меркулева, 1876.
7. Российское законодательство X–XX веков. В 9 томах / под общей редакцией О.И. Чистякова. Т. 1. Законодательство Древней Руси / ответственный редактор В.Л. Янин. Москва : Юридическая литература, 1984.
8. Российское законодательство X–XX веков. В 9 томах / под общей редакцией О.И. Чистякова. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / ответственный редактор А.Д. Горский. Москва : Юридическая литература, 1985.
9. Российское законодательство X–XX веков. В 9 томах / под общей редакцией О.И. Чистякова. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / ответственный редактор А.Г. Маньков. Москва : Юридическая литература, 1986.
10. Таганцев Н.С. О преступлениях против жизни по русскому праву. В 2 томах. Т. 2 / Н.С. Таганцев. Санкт-Петербург : Тип. Н.А. Неклюдова, 1871.
11. Хатуева В.Б. Доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство: становление, состояние и проблемы уголовно-правовой регламентации в российском уголовном законодательстве / В.Б. Хатуева // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 9 (106).

Уголовное право и отношения, связанные с публичными правонарушениями

Наиболее надежным, даже если считать его крайним — некой «Машинной Судного дня», — инструментом обеспечения благополучия человека является уголовно-правовая охрана. Воздействие, оказываемое на правоотношения уголовным правом, сравнить по силе не с чем.

В таком виде оно координирует с правом административно-деликтным.

Преступления, административные правонарушения (скоро и уголовные проступки) могут быть условно поименованы публично-правовыми или публичными правонарушениями (деликтами), правонарушениями в публично-правовой сфере¹.

Несмотря на то что закон не содержит дефиниции уголовно-правовой охраны, данная категория сформировалась фактически, чему поспособствовал Конституционный суд, совместно относящий к ним преступления и административные правонарушения².

Уголовно-правовая наука избегает оперирования указанным термином, тем самым упуская, как представляется, важные связи уголовного и административно-деликтного права, тогда как те умножаются: в административной ли преюдиции или в постоянном движении (подчас — «броуновском») правонарушений между Уголовным кодексом РФ (УК) и Кодексом об административных правонарушениях (КоАП), а границы между ними размываются³.

Это требует синхронизации законов, которая должна иметь место на базе уголовного права.

Основополагающий принцип экономии репрессии, влекущий минимализацию уголовно-правового вмешательства в общественную жизнь (в терминологии А.А. Коренной)⁴, охватывает ведь деяния, не только наказуемые по УК, но и те, наказуемость которых определяется КоАП, предполагая применение к делинквенту как уголовного наказания, альтернативного лишения свободы, так и более мягких мер воздействия, включая административные. Он определяет уголовную политику, направленную на наилучшие

¹ В англоязычной литературе распространен аналогичный термин ‘public offence’ — ‘that which is prohibited by statute and is punishable by fine or imprisonment’ («деяние, запрещенное законом и наказуемое штрафом или тюремным заключением») // The Iowa Legislature website. URL: <https://www.legis.iowa.gov/docs/code/701.2.pdf> (дата обращения: 07.11.2021).

² Постановление от 18 февраля 2019 г. № 11-П // СПС «КонсультантПлюс».

³ В частности, Н.Ю. Скрипченко указывает на стертость демаркации ст. 322.1 УК и ч. 3 ст. 18.9 КоАП. См.: Скрипченко Н.Ю. Организация незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ): вопросы законодательной техники и правоприменения // Миграционное право. 2021. № 1. С. 33–35.

⁴ Коренная А.А. Принцип экономии уголовно-правового воздействия как концептуальная основа формирования системы ответственности за преступления в сфере экономической деятельности // Российская юстиция. 2020. № 4. С. 23–25.

результаты борьбы с преступностью и достижение целей наказания при минимальной затрате карательных мер⁵.

По заключению Конституционного суда, административная ответственность и уголовная, будучи разновидностями публично-правовой ответственности, преследуют общую цель охраны публичных интересов, такую как защита прав и свобод человека и гражданина, обеспечение законности и правопорядка. Они имеют схожие задачи, принципы, дополняют друг друга. УК и КоАП включают множество смежных составов, их взаимозависимость олицетворяет постоянное преобразование преступлений в административные правонарушения и наоборот⁶.

Названный суд говорит о едином, хотя и дуалистическом, подходе государства к использованию обоих видов ответственности для борьбы с правонарушениями. Этим объясняется наличие в правовом регулировании смежных составов административных правонарушений и преступлений, что — принимая во внимание возможность изменения степени общественной опасности некоторых деяний — не исключает законодательной корректировки их противоправности⁷.

Они солидарны в принципах публичной ответственности.

Например, принцип справедливости (ст. 6 УК) не сформулирован в законодательстве об административных правонарушениях, что не мешает признанию его как теорией административно-деликтного права, так и практикой⁸. О том, что на нем основаны правила назначения административного наказания, говорится в постановлении Пленума Верховного Суда от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

Административно-деликтное право вообще относится к комплексным отраслям, находясь на стыке уголовного и административного права. Многие объединяют его с уголовным в так называемом охранительном правовом блоке⁹. Саму административную ответственность называют «предуголовной»¹⁰ или «квазиуголовной»¹¹.

⁵ Жестеров П.В. Значение принципа экономии уголовной репрессии при формировании и реализации отечественной уголовной политики // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 6-1. С. 305.

⁶ Постановление от 14 июля 2015 г. № 20-П // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Там же.

⁸ Постановление Верховного Суда РФ от 11 июня 2021 г. № 5-АД21-41-К2 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Косоногова О.В. Рассмотрение дел об административных правонарушениях судьями арбитражных судов : монография. Воронеж : Изд-во ВГУ, 2007.

¹⁰ Якуба О.М. Административная ответственность. М., 1972. С. 43. Цит. по: Морозова Н.А. Недопустимость рассмотрения арбитражными судами дел об административных правонарушениях в порядке упрощенного производства // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 4. С. 23–26.

¹¹ Морозова Н.А. Недопустимость рассмотрения арбитражными судами дел об административных правонарушениях в порядке упрощенного производства // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 4. С. 23–26.

При этом ему недостает необходимого фундамента.

В особом мнении к постановлению, посвященному конституционности нормы Налогового кодекса РФ о сроках давности привлечения за налоговые правонарушения (еще один вид публичных правонарушений, если полагать его самостоятельным)¹², судья Конституционного суда А.Л. Кононов заявил о необходимости обращения к теории уголовного права, являющейся наиболее разработанной в этой части¹³.

Доминирование уголовной сферы подтверждает практика.

Так, Верховный суд по конкретному уголовному делу сделал вывод, что, поскольку административная наказанность является характеристикой субъекта преступления, а не элементом его состава, третье деяние в их последовательности, в случае если срок давности привлечения к административной ответственности за первое истек, а за второе лицо подвергнуто уголовной ответственности, должно квалифицироваться по КоАП¹⁴. Нижестоящие же суды также часто приходили к мысли о том, что, когда подсудимый строит свою защиту по уголовному делу на оспаривании законности его привлечения к административной ответственности за совершение тождественного деяния в прошлом, возникает необходимость проверки таких постановлений¹⁵.

Подобные позиции поддержаны учеными¹⁶, в том числе в общей посылке о том, что по уголовным делам о преступлениях, составы которых предусматривают административную преюдицию, необходимо убеждаться в законности административного наказания¹⁷.

Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) не связывает отнесение деяния к преступлениям по национальному законодательству, а ориентируется на общеевропейскую доктрину, которая допускает наличие уголовно-правовых норм в разных правовых актах, включая относящиеся к позитивному праву. Исходя из замечания Л.В. Головки, уголовная сфера в понимании названного суда охватывает все деяния, наказуемые

¹² Часть административистов оспаривают самостоятельность налоговой ответственности: Артемов Н.М., Бортников С.П. Сравнительно-правовой анализ отношений налоговой ответственности за налоговые, финансовые и административные правонарушения // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 11. С. 11–22.

¹³ Постановление от 14 июля 2005 г. № 9-П // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Определение от 9 июля 2019 г. № 63-УДП18-3 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Справка Ивановского областного суда о практике по делам с административной преюдицией // Сайт Ивановского областного суда. URL: http://oblsud.iwn.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=48 (дата обращения: 07.11.2021).

¹⁶ Одоев О.С. О понятии административной преюдиции в уголовном праве России и стран СНГ // Административное и муниципальное право. 2019. № 2. С. 1–11.

¹⁷ Выступление Ю.Е. Пудовочкина на круглом столе «Субъект преступления с административной преюдицией», организованном Клубом уголовного права 'De lege lata' 27 сентября 2021 г. // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=NUjZ7KwmPC0> (дата обращения: 07.11.2021).

публичными санкциями, независимо от их наименования в российском праве¹⁸.

С этим российское право, участвующее в международно-правовой интеграции, будет считаться.

Констатируя позицию ЕСПЧ и системный кризис в разграничении кодексов, Г.А. Есаков предлагает воссоздать право уголовных проступков как часть подотрасли уголовного права в «широком» смысле слова. Он находит, что существование права административных правонарушений — искусственный пережиток советского времени: обособления правонарушений по упрощенному механизму привлечения к ответственности, а отнюдь не по существенным признакам требовала тоталитарная советская система административного давления государства, поэтому в советский период даже чисто уголовные карательные меры (ссылка, высылка) выдавались за административные¹⁹.

Не секрет, что регуляция отношений, связанных с административными правонарушениями, административно-правовой отраслью, — наследие советского законодательства, которое ставило своей задачей проникновение во все общественные отношения.

Строгое следование такой правовой модели в XXI веке вряд ли оправданно.

С.А. Голубок прямо называет КоАП «пережитком» СССР, предусматривающим уголовные по сути наказания (административный арест и проч.) вне полноценной уголовно-процессуальной процедуры²⁰. То же может быть сказано об административных обязательных работах, по замечанию И.О. Ткачев, равно мало отличимых от их уголовно-правового аналога²¹.

Вышеупомянутый вопрос о том, входит ли административно-деликтное право в «широкое» уголовное право, дискутируется, и большинство исследователей с тезисом согласны²².

Присутствует и противоположный подход.

Его основной сторонник А.В. Кирин настаивает, что уголовная и административная являются независимыми видами публично-правовой

¹⁸ Головки Л.В. Соотношение уголовных преступлений и административных правонарушений в контексте концепции criminal matter (уголовной сферы) // Международное правосудие. 2013. № 1. С. 42–52.

¹⁹ Есаков Г.А. Уголовные проступки в системе российского права // Портал Потсдамского университета (ФПГ). URL: https://publishup.uni-potsdam.de/opus4-ubp/frontdoor/deliver/index/docId/6520/file/sdrs03_s55_59.pdf (дата обращения: 07.11.2021).

²⁰ Голубок С.А. Кодекс об административных правонарушениях: небывалое бывает // Закон. 2012. № 2. С. 49–53.

²¹ Ткачев И.О. Законодательная инициатива Верховного Суда РФ об уголовном проступке: критический взгляд // Российский юридический журнал. 2018. № 6. С. 108–116.

²² Агеев А.А. О месте законодательства об административных правонарушениях в российской правовой системе // Административное право и процесс. 2011. № 2. С. 27–29.

ответственности²³, а А.П. Шергин считает, что административную ответственность уместнее признать элементом государственного принуждения, которое характеризуется запретом, императивным определением нежелательных деяний, штрафными санкциями за их совершение²⁴.

Подход заслуживает внимания, но бесперспективен.

В любом случае, по утверждению Н.В. Генрих, перенос деяний между УК и КоАП гарантирует переплетение их регулирования, «отпочкование» правонарушений от преступлений не дано раз и навсегда, границы между ними шатки²⁵.

УК и КоАП сближаются, что С.М. Зырянов связывает и с нарастающей репрессивностью административной ответственности, приводящей к ее конкуренции с уголовной²⁶. Н.Г. Иванов добавляет сюда общность их околополитической повестки, начиная с так называемой новеллизационной атаки — непрерывной перекройки кодексов и заканчивая применением их к ситуациям, явно выходящим за сферу действия законов о публичной ответственности²⁷. Да и, по суждению иных авторов, непроходимая граница между административным правонарушением и преступлением в социальной реальности отсутствует, она проведена в законодательстве условно²⁸.

Поэтому тот же Л.В. Головкин прав, призывая к отказу от понимания УК как эксклюзивного источника отечественного уголовного права. Их больше — сравнительно-правовые границы отраслей условны и подвержены изменениям в подходах правовых систем; возникает уголовное право в широком (функциональном) смысле²⁹.

Административно-деликтное право заслуживает «отрыва» от «полицейского» права — чрезмерное увлечение исключительно административными мерами, в отличие от обычных гражданских и уголовных, характеризует государство как авторитарное³⁰. Акцент на науках уголовно-правового цикла

²³ Кирин А.В. Еще раз о генезисе административной ответственности в российском праве (или ответ сторонникам «широкого» уголовного права) // Административное право и процесс. 2013. № 7. С. 53–57.

²⁴ Шергин А.П. Проблемы административно-деликтного права // Государство и право. 1994. № 8–9. С. 53–56.

²⁵ Генрих Н.В. Предмет уголовно-правового регулирования в системе правоотношений // Российская юстиция. 2010. № 8. С. 16–19.

²⁶ Зырянов С.М. Административная ответственность в системе публично-правовой ответственности // Журнал российского права. 2014. № 1. С. 15–22.

²⁷ Иванов Н.Г. Манихейские каноны российского уголовного права // Мировой судья. 2020. № 11. С. 35–41.

²⁸ Безверхов А.Г., Денисова А.В. О становлении института уголовного проступка в системе российского уголовного права // Уголовное право. 2017. № 4. С. 25–29.

²⁹ Головкин Л.В. Дежавю, или Очередная порция доводов в пользу уголовной ответственности юридических лиц // Закон. 2017. № 8. С. 105–114.

³⁰ Schotel B. Administrative Law as a Dual State. Authoritarian Elements of Administrative Law // Hague Journal on the Rule of Law. 2021. Vol. 13. P. 195–222. DOI:10.1007/s40803-021-00156-4

нужен административно-деликтной профилактике, которой желательна научная основа, а не произвольное видение бюрократических структур³¹.

Текущий хаос в административно-деликтном законодательстве (естественно сопровождаемый хаосом в правоприменении) во многом вызван именно отсутствием какой-либо связки с уголовным правом. Он успел привести действующий КоАП в то плачевное состояние, которое поставило вопрос о принятии нового.

И в ситуации с новым кодексом указанная связка обязана быть.

Смоляков П.Н.,
докторант Московского государственного университета (МГУ)
имени М.В. Ломоносова,
судья Забайкальского краевого суда,
доцент Байкальского государственного университета,
кандидат юридических наук
(г. Иркутск)

Литература

1. Агеев А.А. О месте законодательства об административных правонарушениях в российской правовой системе / А.А. Агеев // Административное право и процесс. 2011. № 2.
2. Артемов Н.М. Сравнительно-правовой анализ отношений налоговой ответственности за налоговые, финансовые и административные правонарушения / Н.М. Артемов, С.П. Бортников // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 11.
3. Безверхов А.Г. О становлении института уголовного проступка в системе российского уголовного права / А.Г. Безверхов, А.В. Денисова // Уголовное право. 2017. № 4.
4. Выступление Ю.Е. Пудовочкина на круглом столе «Субъект преступления с административной преюдицией», организованном Клубом уголовного права 'De lege lata' 27 сентября 2021 г. // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=NUjZ7KwmPC0> (дата обращения: 07.11.2021).
5. Генрих Н.В. Предмет уголовно-правового регулирования в системе правоотношений / Н.В. Генрих // Российская юстиция. 2010. № 8.
6. Головки Л.В. Дежавю, или Очередная порция доводов в пользу уголовной ответственности юридических лиц / Л.В. Головки // Закон. 2017. № 8.
7. Головки Л.В. Соотношение уголовных преступлений и административных правонарушений в контексте концепции criminal matter (уголовной сферы) / Л.В. Головки // Международное правосудие. 2013. № 1.

³¹ В октябре 2021 г. руководитель Роспотребнадзора А. Попова предложила повысить и так немалые (до 500 000 руб. для юридических лиц) административные штрафы за нарушения санитарных правил, пояснив, что «штраф должен быть таким, чтобы его не хотелось платить. Не просто обидно — рубль или два, нет, чтобы он предупреждал правонарушение». См.: Сайт РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/25/10/2021/6176b2bc9a7947bb7602a626> (дата обращения: 07.11.2021).

8. Голубок С.А. Кодекс об административных правонарушениях: небывалое бывает / С.А. Голубок // Закон. 2012. № 2.
9. Есаков Г.А. Уголовные проступки в системе российского права / Г.А. Есаков // *Berührungspunkte in der deutschen und russischen Strafrechtswissenschaft* / eds. by U. Hellmann, A. Rarog. Universitätsverlag Potsdam, 2013.
10. Жестеров П.В. Значение принципа экономии уголовной репрессии при формировании и реализации отечественной уголовной политики / П.В. Жестеров // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2015. № 6-1.
11. Зырянов С.М. Административная ответственность в системе публично-правовой ответственности / С.М. Зырянов // *Журнал российского права*. 2014. № 1.
12. Иванов Н.Г. Манихейские каноны российского уголовного права / Н.Г. Иванов // *Мировой судья*. 2020. № 11.
13. Кирин А.В. Еще раз о генезисе административной ответственности в российском праве (или ответ сторонникам «широкого» уголовного права) / А.В. Кирин // *Административное право и процесс*. 2013. № 7.
14. Коренная А.А. Принцип экономии уголовно-правового воздействия как концептуальная основа формирования системы ответственности за преступления в сфере экономической деятельности / А.А. Коренная // *Российская юстиция*. 2020. № 4.
15. Косоногова О.В. Рассмотрение дел об административных правонарушениях судьями арбитражных судов : монография / О.В. Косоногова. Воронеж : ВГУ, 2007.
16. Морозова Н.А. Недопустимость рассмотрения арбитражными судами дел об административных правонарушениях в порядке упрощенного производства / Н.А. Морозова // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2021. № 4.
17. Одоев О.С. О понятии административной преюдиции в уголовном праве России и стран СНГ / О.С. Одоев // *Административное и муниципальное право*. 2019. № 2.
18. Скрипченко Н.Ю. Организация незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ): вопросы законодательной техники и правоприменения / Н.Ю. Скрипченко // *Миграционное право*. 2021. № 1.
19. Ткачев И.О. Законодательная инициатива Верховного Суда РФ об уголовном проступке: критический взгляд / И.О. Ткачев // *Российский юридический журнал*. 2018. № 6.
20. Шергин А.П. Проблемы административно-деликтного права / А.П. Шергин // *Государство и право*. 1994. № 8–9.
21. Юшков М. Попова предложила повысить штрафы за нарушение санитарных норм / М. Юшков // *РБК*. 2021. 25 октября.
22. Якуба О.М. Административная ответственность / О.М. Якуба. Москва : Юридическая литература, 1972.
23. Schotel B. Administrative Law as a Dual State. Authoritarian Elements of Administrative Law / B. Schotel // *Hague Journal on the Rule of Law*. 2021. Vol. 13. DOI: 10.1007/s40803-021-00156-4

Использование криминалистических средств при расследовании преступлений, связанных с функционированием систем искусственного интеллекта

Создание механизма правового регулирования искусственного интеллекта (далее — ИИ) является одним из наиболее актуальных направлений развития как отечественной системы права, так и зарубежных правовых систем. В настоящее время в юридическом сообществе ведутся оживленные дискуссии практически по всем аспектам данной проблематики, в том числе по таким базовым, как юридическое определение ИИ, основные характеристики его правового статуса. В рамках данной статьи будут рассмотрены вопросы, связанные с возможностью доказывания ответственности физических лиц за противоправные действия, совершенные ИИ. В работе мы будем опираться на сформулированные в отечественном законодательстве понятие ИИ и основные положения, регулирующие процесс создания и функционирования ИИ.

В российских нормативных актах ИИ понимается как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений (п. 5 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утвержденной Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», Федеральным законом РФ № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”»)¹. В целом аналогичные определения даются в национальных стандартах, регулирующих вопросы классификации и создания ИИ: ГОСТ Р 59277-2020 «Системы искусственного интеллекта. Классификация систем искусственного интел-

¹ СПС «Консультант Плюс».

лекта» и ГОСТ Р 59276-2020 «Системы искусственного интеллекта. Способы обеспечения доверия. Общие положения». Сформулированные в указанных правовых актах подходы к регулированию правовых проблем ИИ в целом соответствуют подходам, отраженным в ряде европейских правовых документов. Например, в таких как Рекомендация от 28 апреля 2017 г. № 2102 по технической конвергенции, искусственному интеллекту и правам человека, принятая Парламентской ассамблеей Совета Европы², Европейская этическая хартия по использованию искусственного интеллекта в судебных системах и их окружении, принятая Европейской комиссией по эффективности правосудия³, и ряде других.

Проблематика доказывания ответственности физических лиц за противоправные действия, совершенные ИИ, является частью проблемы установления правосубъектности ИИ. В отечественной и зарубежной литературе сформировалось несколько позиций в отношении того, стоит ли наделять ИИ самостоятельным правовым статусом и, соответственно, может ли ИИ нести самостоятельную ответственность за свои действия, в том числе уголовно-правовую. Неоднозначность дискуссии обусловлена возможностью ИИ самообучаться и принимать «самостоятельные» решения, которые в явном виде не заложены в нем его создателями.

Существует позиция, предлагающая признать ИИ самостоятельным субъектом права и, соответственно, исключить ответственность человека за действия ИИ⁴.

Сторонники иной точки зрения отстаивают концепцию, отрицающую возможность закрепления за ИИ статуса самостоятельного субъекта права, и признают ответственность человека за действия ИИ⁵.

² PACE Recommendation 2102 (2017). Technological convergence, artificial intelligence and human rights. URL: <https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=23726&lang=en>

³ European Ethical Charter on the Use of Artificial Intelligence in Judicial Systems and their environment (Strasbourg, 3–4 December 2018). URL: <https://gm.coe.int/ethical-charter-en-for-publication-4-december-2018/16808f699c>

⁴ Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИ-РАН. 2017. № 6; Ужов Ф.В. Искусственный интеллект как субъект права // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 357–360; Solum L. B. Legal Personhood for Artificial Intelligences // North Carolina Law Review. 1992. Vol. 70. № 4; и др.

⁵ Васильев А.А., Шпоппер Д., Матаева М.Х. Термин «искусственный интеллект» в российском праве: доктринальный анализ // Юрислингвистика. 2018. № 7–8. С. 39; Тирранен В.А. Преступления с использованием искусственного интеллекта // Развитие территорий. 2019. № 3 (17). С. 10–13; Шестак В.А., Волеводз А.Г., Ализаде В.А. О возможности доктринального восприятия системой общего права искусственного интеллекта как субъекта преступления: на примере уголовного законодательства США // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 4. С. 547–554; Nevejans N. European Civil Law Rules in Robotics: Study. European Union, 2016. 34 p. URL: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/571379/IPOL_STU%282016%29571379_EN.pdf; и др.

Представляется, что решение вопроса о самостоятельной ответственности ИИ за свои действия во многом зависит от практической возможности установления и доказывания причинно-следственной связи между действиями людей, которые создали и эксплуатировали систему ИИ, и соответствующими «самостоятельными» действиями данной системы. Установление такой причинно-следственной связи возможно только на основе исследования следовой картины, отображающей процесс деятельности ИИ, и дальнейшего закрепления соответствующих следов в качестве доказательств.

Ранее мы уже отмечали, что все следы, возникающие в процессе совершения преступлений с использованием технологий ИИ, можно разделить на следующие группы. Во-первых, идеальные следы в сознании участников преступного события, свидетелей, потерпевших, подозреваемых (обвиняемых). Во-вторых, материальные следы, связанные с проявлением преступных действий (бездействия) в виде физического взаимодействия различных объектов. В-третьих, материальные следы в виртуальном пространстве⁶. Конечно, перечисленные виды следов характерны для большинства преступлений, совершаемых с применением цифровых технологий. Существуют более или менее эффективные действующие методики, позволяющие их исследовать и использовать в доказывании. Сложность в отношении систем ИИ заключается в выделении и использовании в доказывании следов, характеризующих именно противоправные действия, которые были совершены в результате решения этими системами задач, не поставленных разработчиками ИИ в явном виде и явившихся продуктом его самообучения.

При этом будем исходить из следующих постулатов. ИИ создается человеком непосредственно или опосредованно через уже созданные человеком программные и аппаратные средства. ИИ передается только накопленный человеком опыт в виде большого массива данных (большие данные, Big Data). Обучение ИИ проводится с помощью созданных человеком инструментов, методология обучения отражает опыт человека. ИИ функционирует в среде, созданной человеком. Цели ИИ могут быть не сформулированы в явном виде, но они обусловлены общими принципами, заложенными разработчиками на стадии создания ИИ, включая процесс его обучения. Достижение целей ИИ может осуществляться путем использования или только компьютерной информации, или сочетания компьютерной информации, вещей (промышленное оборудование, бытовые приборы, оружие и т.п.) и людей.

Следовательно, ИИ принципиально не может ставить перед собой цели, которые он не усвоил в процессе своего обучения или реализации заложен-

⁶ Ткачев А.В. Возможности криминалистики по установлению ответственности в результате причинения вреда системами искусственного интеллекта // Государство и право в XXI веке : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию юридического факультета Белорусского государственного университета. Минск, 2021. С. 860.

ных в нем алгоритмов. Таким образом, возможность совершения противоправных действий системами ИИ обусловлена причинами и условиями, закладываемыми на стадии создания ИИ.

В пункте 6 ГОСТ Р 59276-2020 «Системы искусственного интеллекта. Способы обеспечения доверия. Общие положения» выделены обстоятельства, влекущие действия ИИ, приводящие к наступлению вредных последствий (ГОСТ использует термин «факторы снижения качества»). Такие обстоятельства могут быть связаны с естественными (непреднамеренное снижение качества) или искусственными (преднамеренное снижение качества) причинами. В качестве примеров преднамеренного снижения качества приводятся:

— на стадии создания системы — наличие преднамеренных искажений в обучающей выборке системы распознавания изображений, приводящих к ошибкам в работе системы распознавания, вызванным специальными, заранее определенными искажениями в исходных данных, включая «сопоставительные» атаки;

— на стадии эксплуатации системы — отсутствие достоверных и представительных оценок устойчивости системы распознавания изображений к воздействию преднамеренных «сопоставительных» атак, приводящее к неустойчивой работе системы в процессе ее эксплуатации.

Примерами непреднамеренного снижения качества систем ИИ являются:

— на стадии создания системы ИИ — использование статистически смещенной обучающей выборки, приводящей к появлению «предвзятостей» в результатах работы системы ИИ;

— на стадии эксплуатации системы — нарушение конфиденциальности обрабатываемых данных в условиях, когда уровень конфиденциальности данных существенно и неконтролируемо возрос в процессе эксплуатации системы ИИ вследствие накопления и обобщения информации.

В литературе в качестве причин, приводящих к совершению ИИ неправомерных действий, также называют действия разработчиков по подбору данных, используемых для обучения ИИ, и действия по созданию программ и алгоритмов, обеспечивающих их жизнедеятельность⁷.

Действия разработчиков системы ИИ на стадии ее обучения, приводящие к использованию некорректно подобранного массива данных, могут осуществляться с прямым умыслом (целенаправленно, преднамеренно),

⁷ Талапина Э.В. Алгоритмы и искусственный интеллект сквозь призму прав человека // Журнал российского права. 2020. № 10; Харитонов Ю.С., Савина В.С., Паньини Ф. Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта: вопросы этики и права // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. 2021. Вып. 3; Shaulova T. Artificial Intelligence vs. Gender Equality // International Relations and Dialogue of Cultures. 2019. № 7. P. 52–54; и др.

с косвенным умыслом или по неосторожности в результате проявления халатности, некомпетентности разработчиков.

Действия разработчиков по выбору алгоритмов, программ, используемых для создания и функционирования ИИ, в том числе алгоритмов, предназначенных для обучения ИИ, также могут осуществляться с прямым умыслом, с косвенным умыслом или по неосторожности.

Представляется, при совершении ИИ противоправных действий должна фиксироваться и в дальнейшем использоваться в доказывании следовая картина, характеризующая как процесс и последствия самих противоправных действий, так и следы, отражающие работу разработчиков с данными, на которых обучался ИИ, а также создание и/или выбор алгоритмов и программ, реализация которых привела к причинению вреда. Именно решение последней задачи и представляет наибольшую трудность.

Предметом криминалистического анализа должны стать следующие действия разработчиков и/или пользователей.

В отношении данных: выбор массива и структуры обучающих данных; организация доступа ИИ к ним, например, ограничения по доступу к определенному виду данных; использование данных, не отвечающих предъявляемым к ним требованиям (неполных, не обеспечивающих конфиденциальность, полученных незаконным путем и т.п.).

В отношении алгоритмов и программ необходимо установить: использованы ли при создании ИИ готовые алгоритмы (программы) или были разработаны оригинальные; если использовались уже действующие, то модифицировались ли они, какие функции были добавлены; были ли заложены ограничения на допустимую область применения системы ИИ; отвечают ли они требованиям, предъявляемым ГОСТ Р 59276-2020; не имеются ли скрытые функции, осуществляемые независимо от пользователей.

Данные обстоятельства могут устанавливаться путем проведения следующих следственных действий:

- допросов разработчиков и пользователей ИИ, обладателей или операторов баз данных, других лиц, обеспечивающих доступ к соответствующим базам данных, иным информационным ресурсам;
- осмотров мест происшествий;
- осмотров и/или обысков компьютерной техники, помещений, принадлежащих и/или используемых разработчиками, пользователям ИИ;
- выемки документов и недокументированной информации, характеризующей вышеуказанные действия с данными и алгоритмами (программами);
- получения консультаций специалистов;
- назначения экспертиз.

Установление причинной связи между действиями разработчиков (пользователей) систем ИИ при обучении ИИ и выборе соответствующих алго-

ритмов и программ для реализации ИИ очевидно будет невозможно без широкого использования специальных знаний в форме экспертиз.

Видимо, можно прогнозировать развитие экспертизы компьютерной информации и техники в следующих направлениях. Во-первых, необходимо будет решать задачи по анализу процесса появления и функционирования в ИИ новых функций, созданных им самостоятельно. Во-вторых, понадобится оценивать алгоритмы и программы ИИ с точки зрения реализации в них технических требований, предусмотренных нормативными актами. В-третьих, необходимо будет обеспечить установление используемых правил обработки и предоставления данных для обучения ИИ.

Анализ правомерности действий разработчиков ИИ по обучению систем ИИ на основе массивов данных, видимо, потребует формирования нового направления экспертных исследований. Думается, что такие экспертные исследования во многих случаях будут комплексными и будут осуществляться совместно специалистами-предметниками (например, медиками, экономистами, специалистами в области организации дорожного движения и другими) и специалистами в области информатики.

Комплексность таких исследований обусловлена объектом исследования — массивами данных, которые, с одной стороны, являются структурированными цифровыми объектами, а с другой — содержат информацию об определенной предметной области. Необходимость привлечения соответствующих специалистов-предметников обусловлена возможностью манипуляций именно с содержательной составляющей таких данных.

Таким образом, в качестве одного из важнейших средств доказывания выступают экспертные исследования. В связи с этим в литературе обращалось внимание на опасность сведения процесса доказывания к выводам эксперта⁸. Представляется, что такие опасения нельзя игнорировать и это требует разработки комплексной методики доказывания преступлений, совершенных с помощью ИИ, и определения в ней места и роли экспертных исследований.

Ткачев А.В.,

доцент кафедры криминалистики Юридического факультета
Московского государственного университета (МГУ)
имени М.В. Ломоносова,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Москва)

⁸ Лаптев В.А. Ответственность «будущего»: правовое существо и вопрос оценки доказательств // Гражданское право. 2017. № 3. С. 33.

Литература

1. Архипов В.В. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике / В.В. Архипов, В.Б. Наумов // Труды СПИИРАН. 2017. № 6 (55).
2. Васильев А.А. Термин «искусственный интеллект» в российском праве: доктринальный анализ / А.А. Васильев, Д. Шпоппер, М.Х. Матаева // Юрислингвистика. 2018. № 7–8.
3. Лаптев В.А. Ответственность «будущего»: правовое существо и вопрос оценки доказательств / В.А. Лаптев // Гражданское право. 2017. № 3.
4. Талапина Э.В. Алгоритмы и искусственный интеллект сквозь призму прав человека / Э.В. Талапина // Журнал российского права. 2020. № 10.
5. Тирранен В.А. Преступления с использованием искусственного интеллекта / В.А. Тирранен // Развитие территорий. 2019. № 3 (17).
6. Ткачев А.В. Возможности криминалистики по установлению ответственности в результате причинения вреда системами искусственного интеллекта / А.В. Ткачев // Государство и право в XXI веке : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию юридического факультета Белорусского государственного университета (г. Минск, 26–27 ноября 2020 г.) / главный редактор Т.Н. Михалева. Минск : Белорусский государственный университет, 2021.
7. Ужов Ф.В. Искусственный интеллект как субъект права / Ф.В. Ужов // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3.
8. Харитонов Ю.С. Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта: вопросы этики и права / Ю.С. Харитонов, В.С. Савина, Ф. Паньини // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 3.
9. Шестак В.А. О возможности доктринального восприятия системой общего права искусственного интеллекта как субъекта преступления: на примере уголовного законодательства США / В.А. Шестак, А.Г. Волеводз, В.А. Ализде // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 4.
10. Nevejans N. European Civil Law Rules in Robotics: Study / N. Nevejans. European Union, 2016. 34 p.
11. Shaulova T. Artificial Intelligence vs. Gender Equality / T. Shaulova // International Relations and Dialogue of Cultures. 2019. Vol. 7.
12. Solum L.B. Legal Personhood for Artificial Intelligences / L.B. Solum // North Carolina Law Review. 1992. Vol. 70. Iss. 4.

Особенности практики разграничения наводящего характера действий следователя

Проблема разграничения наводящего вопроса при использовании информации на допросе нередко приобретает довольно сложный характер. Часть вторая ст. 189 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ) запрещает задавать наводящие вопросы. Однако в ст. 5 УПК РФ понятия наводящего вопроса не содержится. Но на практике наводящий вопрос чаще всего проявляется (фигурирует) не только сам по себе вместе с содержащейся в нем информацией, а еще может казаться внешне нейтральным, но зато при его постановке нередко сопровождает информацию (вещественные доказательства, заключения экспертиз, документы, вербальная информация, иная), которая может наводить, внушать необходимость подтверждения каких-либо фактических данных (сведений). Эти фактические сведения могут предшествовать постановке вопроса либо следовать за ним. В некоторых ситуациях логика вопросно-ответной стадии допроса может и не включать непосредственно сам вопрос, а только используемую информацию, предъявление которой предполагает получение соответствующего ответа. Поэтому фактически в практических ситуациях расследования наводящим является не вопрос сам по себе, а специфический комплекс, сочетание вопроса и сопровождаемой им информации.

Такой комплекс вопроса в сочетании с информацией может носить наводящий характер и может быть в этом отношении нейтральным, направленным, например, для оказания допрашиваемому помощи в припоминании забытых фактов и обстоятельств, преодоления добросовестного заблуждения, получения каких-либо иных важных для расследуемого дела сведений. И если допрашиваемый только подтверждает эту исходную информацию, не выдает при ответе ничего нового, существенного в доказательственном отношении, тогда и появляется необходимость разобраться, не носили ли действия следователя в данной конкретной ситуации наводящий характер. Полученный в таком виде ответ не может рассматриваться как доказательство, допустимое к использованию в процессе расследования (уголовном судопроизводстве). Здесь, по существу, уже идет речь не только о наводящем вопросе как таковом в соответствии с тем пониманием, которое предполагается ч. 2 ст. 189 УПК РФ, а о *наводящем характере действий следователя*. И с этих позиций к наводящему вопросу будет относиться не только сам вопрос, но и используемая, сопровождаемая им информация.

С учетом этих и других позиций понятие наводящего вопроса формулируется так: *Наводящий вопрос — это такой вопрос, который при его постановке рассчитан на подтверждение содержащейся либо сопровождающей его информации и который формулировкой, эмоционально-интонационным подтекстом, жестами, мимикой и иным образом подсказывает, внушает, наводит на определенную информацию, и ответ на него и связанные с ним другие вопросы не выходит за пределы сообщенных сведений, не содержит новой, дополнительной, ценной в доказательственном отношении информации, кроме как почерпнутой из заданного вопроса.*

С точки зрения анализа доказательственной информации все же не следует торопиться и сразу же признавать полученный в подобных ситуациях ответ как наводящий. Для того чтобы убедиться в том, что допрашиваемый проявил должную, истинную осведомленность, целесообразно попытаться задать дополнительные, проясняющие полученный ответ вопросы. Цель этих вопросов состоит в попытках проверить действительную осведомленность допрашиваемого лица в обстоятельствах, интересующих следствие. При необходимости с этой целью могут быть проведены различные следственные действия — осмотр, допросы других лиц, проверка показаний на месте, предъявление для опознания, следственный эксперимент и др.

Изложенное можно проиллюстрировать на следующем довольно характерном примере. В одной из первых классических криминалистических работ по тактике допроса рассматривается такая типовая ситуация.

Допрашиваемый Данилов не называет в числе присутствовавших на месте происшествия Сатько, а тот показал, что он там был. Как отметил один из авторов этого пособия С.С. Ордынский, Данилову был задан вначале правильно сформулированный «вопрос о том, не присутствовал ли при происшествии, кроме него, еще кто-либо». При ответе на него Данилов Сатько не назвал. Вот тогда, как отмечается в пособии, «Данилову был дополнительно задан наводящий вопрос: “Не присутствовал ли при происшествии также и Сатько?”». «Данилов в данном случае припомнил, что Сатько действительно присутствовал при этом происшествии и, таким образом, по мнению автора данного пособия, исправил ошибку, допущенную им в предыдущих показаниях. Противоречие было устранено»¹.

При внимательном анализе этой ситуации действительно следует считать, что Данилову был задан вопрос, который по форме и содержанию может быть отнесен к наводящим. Однако, оценивая полученный от Данилова

¹ Карнеева Л.М., Ордынский С.С., Розенблит С.Я. Тактика допроса на предварительном следствии. М., 1958. С. 71–72.

ответ, следует признать, что данный ответ не дает оснований, позволяющих исключать такой вопрос из числа наводящих. В подобных ситуациях тактически правильно не сразу называть допрашиваемому известную следствию фамилию, т.е. Сатько, а попытаться за счет дополнительных вопросов пробудить воспоминания допрашиваемого об обстоятельствах исследуемого события. Более правильно вначале задать вопросы о деталях происшедшего, предложить допрашиваемому нарисовать схему, указать, где он находился, попросить его припомнить, не был ли там еще кто-нибудь, можно также сообщить ему, что у следствия имеются об этом сведения, при необходимости допросить его на месте происшествия, а также использовать иные приемы, помогающие припоминанию. А если все эти приемы не привели к успеху? Ведь, возможно, Данилов не говорит о Сатько не потому, что забыл, а потому, что умышленно умалчивает о нем. В подобной ситуации вопрос: «А был ли на месте происшествия Сатько?» — приобретает иной характер. Опять же, не стоит его сразу относить к наводящим, поскольку он имеет целью не наведение на определенный ответ, а разрешение и выяснение причин возникшего противоречия. Вместе с тем вопрос направлен на выяснение осведомленности данного лица. В нем используется информация, которая должна быть известна допрашиваемому, если он там действительно был и сам воспринимал то событие или его обстоятельства, о которых дает показания. Но при ответе на такой вопрос уже будет недостаточно простого подтверждения факта пребывания Сатько на месте происшествия — «Да, Сатько там был». Такой ответ в силу повторения допрашиваемым сообщенной информации не имел бы самостоятельного значения. При подобном исходе вопрос при сравнении его с ответом оказывается внешне сходным с наводящим, поскольку цель допроса еще не достигнута. Для того чтобы этого не случилось, необходимо по меньшей мере выяснить причины, из-за которых Данилов не сообщил о Сатько. Кроме того, от обоих допрашиваемых должны быть получены такие фактические данные (детальное знание обстоятельств происшедшего события, времени, обстановки места происшествия, местонахождения каждого из них и иного, в чем, например, были одеты, и т.п.), которые бы свидетельствовали о том, что Сатько, а также Данилов, поскольку возникают сомнения и относительно его показаний, действительно были на месте происшествия. При проверке их осведомленности об исследуемом событии могут понадобиться и другие сведения (детализация показаний на месте происшествия, исследование следов, допросы иных лиц и т.п.). При необходимости могут быть проведены проверка показаний на месте и очная ставка.

При проверке, не является ли тот или иной вопрос наводящим, не следует отрывать его от содержания полученного ответа и тех показаний, которые

были даны еще раньше, до постановки исследуемого вопроса. *Вопрос должен быть сформулирован и поставлен таким образом, чтобы допрашиваемый в своих показаниях вышел за пределы содержащихся в нем либо сопровождающих его сведений. Сопоставление вопроса с ответом, а в необходимых случаях и тщательный анализ других доказательств, их сопоставление с полученной на допросе информацией позволяют судить, не был ли он наводящим.*

Деятельность следователя информационно насыщена. Поэтому далеко не всегда возможно сразу же определить, является ли поставленный следователем вопрос и используемые при этом доказательства (информация) носящими наводящий или ненаводящий характер. Категоричность вопроса, нередкая его эмоциональная насыщенность (ведь допрашиваемого уличают во лжи), содержащееся в нем требование подтвердить или опровергнуть предъявленную информацию возводят вопрос в ранг условно-наводящего.

Условно-наводящий вопрос — это такой вопрос, который вместе с сопровождающей его информацией поначалу может показаться и быть воспринят как наводящий. Для того чтобы определить, является ли он наводящим или не наводящим, необходимо задать другие, связанные с ним вопросы, проанализировать содержание полученного ответа с учетом имеющихся фактических сведений либо тех доказательств, которые могут быть получены позднее².

В процессе расследования нередко складывается ситуация, когда подозреваемый (обвиняемый) не сразу признает себя виновным. Ему предъявляются доказательства, изобличающие его в совершении преступления, задаются в связи этим вопросы. Под их воздействием он признает себя виновным и начинает давать показания об обстоятельствах данного уголовного деяния. При анализе и оценке этих показаний необходимо убедиться в том, что сообщаемые им сведения не только подтверждают содержание использованных доказательств, но еще и свидетельствуют о его виновной осведомленности, т.е. не являются самооговором и не связаны с оговором других лиц. При этом особое значение приобретает исследование обстоятельств и условий предъявления доказательств и иных фактических сведений с целью выяснения, не носили ли они при их использовании наводящий характер. Все эти данные должны быть ясно и четко отражены и зафиксированы в материалах дела, в обвинительном заключении и судебном приговоре.

В законе определено: «Признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу

² Более подробно о наводящем вопросе см.: Центров Е.Е. Наводящий вопрос и пределы использования информации на допросе // Ученые-юристы МГУ о современном праве / под ред. М.К. Треушников. М. : Изд. дом «Городец», 2005. С. 443–462.

доказательств» (ст. 77 Уголовно-процессуального кодекса РФ). При внимательном анализе, буквальном понимании этой нормы просматривается ее некоторая фактическая неточность, несовершенство, поскольку не каждое, т.е. не любое, признание может быть положено в основу обвинения как доказательство вины этого лица. В основу обвинения может и должно быть положено только такое признание вины конкретным субъектом, в котором проявлена его должная виновная осведомленность, т.е. истинное знание таких обстоятельств расследуемого события, которые могут быть известны, независимо от использованных при его допросе фактических данных, только лицу, действительно тем или иным образом причастному к данному криминальному событию. Если этого нет, то такое признание всего лишь характеризует отношение данного лица (подозреваемого, обвиняемого) к предъявленному обвинению, его конкретную позицию по делу и поэтому не может рассматриваться, использоваться как доказательство его вины³.

Здесь стоит вспомнить, что в связи с этим отмечала известный специалист в области уголовного процесса, теории доказательств и криминалистики заслуженный деятель науки РСФСР Л.М. Карнеева, 100-летие со дня рождения которой отмечается в этом году. Л.М. Карнеева долгие годы проработала на следствии, затем в НИИ Прокуратуры СССР, руководила кафедрой уголовного процесса и возглавляла предварительное следствие и дознание ВНИИ МВД СССР. Она писала: «При оценке показаний обвиняемого (подозреваемого)... следует руководствоваться общим правилом оценки доказательств, согласно которому любое доказательство, взятое само по себе и не подтвержденное другими доказательствами, не может быть положено в основу обвинения»⁴. «Важным элементом оценки показаний... является выявление в них деталей, свидетельствующих о виновной осведомленности»⁵.

В развитие этих положений следует отметить, что при оценке достоверности полученного признания и собранного по делу доказательственного материала необходимо учитывать следующие критерии: 1) насколько полно, подробно и независимо от имеющихся доказательств в показаниях подозреваемого/обвиняемого изложены все факты, относящиеся к предмету доказывания по делу (ст. 73 УПК РФ); 2) удалось ли в процессе следствия получить от обвиняемого (подозреваемого) такие фактические данные, о которых ему не сообщалось при проведении допросов и других

³ См. об этом: Центров Е.Е. Оценка достоверности признания лицом своей вины в целях его отграничения от оговора и самооговора // Вестник МГУ. Серия 11: Право. 2020. № 1.

⁴ Карнеева Л.М. Показания обвиняемых и подозреваемых // Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрид. лит., 1973. С. 631.

⁵ Там же. С. 633.

следственных действий; 3) сообщил ли обвиняемый (подозреваемый) такие детали и обстоятельства расследуемого события, которые были неизвестны следствию и которые, безусловно, должны быть известны лицу, совершившему преступление; 4) удалось ли в ходе следствия подтвердить соответствующими доказательствами факты, сообщенные допрашиваемым, которые до его показаний не были известны следствию; 5) располагает ли следствие доказательствами, исключающими возможность получения допрашиваемым соответствующих сведений, содержащихся в его признании, от каких-либо лиц и из иных источников.

Центров Е.Е.,
профессор кафедры криминалистики Юридического факультета
Московского государственного университета (МГУ)
имени М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук
(г. Москва)

Литература

1. Карнеева Л.М. Показания обвиняемых и подозреваемых / Л.М. Карнеева // Теория доказательств в советском уголовном процессе / ответственный редактор Н.В. Жогин. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Юридическая литература, 1973.
2. Карнеева Л.М. Тактика допроса на предварительном следствии / Л.М. Карнеева, С.С. Ордынский, С.Я. Розенблит. Москва : Госюриздат, 1958.
3. Центров Е.Е. Наводящий вопрос и пределы использования информации на допросе / Е.Е. Центров // Ученые-юристы МГУ о современном праве / под редакцией М.К. Треушникова. Москва : Городец, 2005.
4. Центров Е.Е. Оценка достоверности признания лицом своей вины в целях его отграничения от оговора и самооговора / Е.Е. Центров // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2020. № 1.

О кризисе в криминалистике

Уже более 10 лет в юридической литературе России и других государств постсоветского пространства обсуждается вопрос о кризисе в криминалистике. Особенно активно публикации на эту тему стали появляться после выхода монографии В.Ю. Сокола «Кризис отечественной криминалистики» (2017)¹, которую А.Ф. Вольнский назвал «своевременной и полезной книгой»².

К признакам кризиса многие авторы относят: стагнационные признаки, указывающие на отдельные несоответствия между социальными запросами в сфере правоохранительной практики и теми возможностями, которыми располагает юридическая наука в ее прикладном значении (криминалистика)³; определенный критический отрыв науки от нужд практики, начавшийся в конце XX в. и продолжающийся до настоящего времени (многие криминалистические рекомендации, связанные с раскрытием и расследованием преступлений, содержащиеся в соответствующих методиках расследования, так и остались невостребованными ввиду их громоздкости и излишней теоретизированности)⁴; концентрацию современной отечественной криминалистической науки преимущественно на внутренних характеристиках своего развития, ее обособление от общей проблематики уголовных наук, консервацию «догмы» криминалистики и традиционного круга научных исследований, что свидетельствует о кризисном состоянии, реальности угрозы ее отрыва и абстрагирования от насущных проблем практики, недооценке взаимосвязей с другими науками и, как результат, невостребованности научных криминалистических изысканий практикой⁵.

Среди факторов, обусловивших кризис криминалистики, выделяют: недооценку непосредственного влияния общественного прогресса на развитие

¹ Сокол В.Ю. Кризис отечественной криминалистики : монография. Краснодар, 2017. 332 с.

² Вольнский А.Ф. Кризис отечественной криминалистики или наук уголовно-правового блока? Расширенный отзыв на монографию В.Ю. Сокола «Кризис отечественной криминалистики». Краснодар, 2017. 332 с. // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2018. № 4. С. 222.

³ Кусаинов С.Ж. Становление и развитие криминалистики в Казахстане : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Бишкек, 2012. С. 4.

⁴ Светочев В.А. О необходимости сдвига парадигмы современной криминалистики в сторону процессуально-криминалистической алгоритмизации и программирования уголовного судопроизводства // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 4 (30). С. 20–25.

⁵ Сокол В.Ю. Кризис современной отечественной криминалистики // Криминалистика и судебно-экспертная деятельность в условиях современности : матер. межд. науч.-практ. конф. : в 2 т. / редколл. : С.В. Пахомов, Д.А. Натура, Л.А. Рычкалова ; Краснодарский университет МВД России. Краснодар, 2013. С. 139.

криминалистики и некоторые особенности его проявления в законотворческой деятельности и практике борьбы с преступностью⁶; нестабильность и несовершенство всей правовой системы, всего уголовного судопроизводства⁷; междисциплинарные противоречия между теорией криминалистики и уголовного процесса, обусловленные отнесением данных наук к различным научным специальностям; межведомственные противоречия органов, осуществляющих расследование преступлений и участвующих в этой деятельности; противоречие между устаревшей советской методологией и изменившимися условиями жизни (отсутствует четкая государственная стратегия развития криминалистической науки, выраженная в специальной программе)⁸; нерентабельность длительных научных исследований, низкое качество учебников по криминалистике, «коммерческий» менталитет студентов, инфантилизм следователей⁹; отрыв российской криминалистики, которая преимущественно «варится в собственном соку», от международных исследовательских сетей западных школ криминалистики; недостаточное использование перспективных возможностей применения компаративных подходов¹⁰; синтетичность криминалистики¹¹.

В настоящее время можно выделить группы ученых, признающих наличие кризиса, большей частью теоретико-методологического характера, и отрицающих его. К первой группе можно отнести Р.Г. Ардашева¹², В.Ю. Сокола, А.Ф. Волынского, Е.А. Жегалова¹³, И.Т. Кривошеина¹⁴, А.В. Холопова.

⁶ Волынский А.Ф. Роль общественного прогресса в развитии криминалистики // Бюллетень МАСП. 2013. № 1 (7). С. 18–22.

⁷ Волынский А.Ф. Стратегическая проблема уголовного процесса и криминалистики : после дифференциации знаний необходима их интеграция // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 77–78.

⁸ Шиенок В.П. О некоторых системных противоречиях в белорусской криминалистике начала XXI в. // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики при раскрытии и расследовании преступлений : тез. докл. респ. науч.-практ. конф. (Минск, 15 ноября 2013 г.) / Мин-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». Минск : Акад. МВД, 2013. С. 270–271.

⁹ Дегтярев С.В. О роли, месте и значении криминалистики, или Проблемы, тенденции и перспективы ее развития в постсоветский период // Российский следователь. 2014. № 5. С. 8–10.

¹⁰ Сокол В.Ю. Кризис современной отечественной криминалистики. Краснодар, 2017. С. 139.

¹¹ Холопов А.В. Синтетичность криминалистики как причина кризиса // Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р.С. Белкина : матер. межд. науч.-практ. конф. «К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста». М. : Проспект, 2018. С. 770–775.

¹² Ардашев Р.Г. Иррациональная криминалистика. О попытках симбиоза лженауки и юриспруденции // Закон и право. 2019. № 12. С. 141.

¹³ Жегалов Е.А. Нравственно-историческая школа криминалистики // Юридическая наука и практика. 2020. Т. 16. № 2. С. 84.

¹⁴ Кривошеин И.Т. О стратегии развития криминалистики // Енисейские политико-правовые чтения : сб. науч. ст. по матер. XII Всероссийской научно-практической конференции (20–21 сентября 2019 г.) / отв. ред. Г.Л. Москалев, Е.А. Акунченко. Красноярск : Общественный комитет по защите прав человека, 2019. С. 336.

Ко второй группе мы бы отнесли А.И. Головина¹⁵, Е.В. Смахтина¹⁶, А.А. Шаевича¹⁷.

Ученые, по мнению которых кризиса в криминалистике нет, полагают, что основой идеологии криминалистического научного сообщества должны быть не идеи кризиса, а «идеи объективного и поступательного развития криминалистики с учетом сохранения и уважения традиций криминалистической науки и ученых-криминалистов, независимо от эпохи, в которой они творили»¹⁸, что «говорить о кризисе в отечественной криминалистике нельзя, но необходимость уточнения ее предметной сферы назрела»¹⁹, что «кризиса и необходимости в революционной смене парадигмы в криминалистике, по нашему мнению, нет, а есть необходимость в приведении в порядок, сведении воедино различных наработок, принятии решения по базовым положениям науки, определению вектора развития»²⁰.

Однако представляется, что кризисные явления в криминалистике есть и прежде всего они проявляются в недостаточном обеспечении криминалистикой как наукой правоохранительных органов борьбы с преступностью. Практическая криминалистика развивается за счет обобщений, методик, разрабатываемых криминалистическими подразделениями самих правоохранительных органов (письма, обзоры, методические рекомендации), и в этом плане нельзя говорить о том, что криминалистика стоит на месте.

Мы поддерживаем мнение А.М. Кустова о том, что современная криминалистическая наука стоит на пороге очередного этапа своего развития²¹. И в этот период не потеряло своей актуальности и значимости предложение Р.С. Белкина о создании научного криминалистического центра, задачами которого были бы планирование и координация научных исследований, единое руководство ими, четкое определение направлений научных исследований в криминалистике, оперативное обеспечение исследователей научной информацией, соблюдение необходимых пропорций в проведении фундаментальных и прикладных исследований²². Такие же предложения

¹⁵ Головин А.И. Криминалистика : почему вредны идеи кризиса // Известия Тульского государственного университета. Серия: Экономические и юридические науки. 2017. № 3-2. С. 9–13.

¹⁶ Смахтин Е.В. Криминалистика : кризис или необходимость уточнения содержания предмета? // Российское право: образование, наука, практика. 2017. № 5 (101). С. 26–32.

¹⁷ Шаевич А.А. Криминалистика сегодня // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 2 (2). С. 79–86.

¹⁸ Головин А.И. Указ. соч. С. 13.

¹⁹ Смахтин Е.В. Указ. соч. С. 26.

²⁰ Шаевич А.А. Указ. соч. С. 86.

²¹ Кустов А.М. Поэтапное развитие науки криминалистики // Уголовное право. 2002. № 4. С. 66.

²² Белкин Р.С. Криминалистика : проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М., 1987. С. 42.

выдвигали и выдвигают многие ученые-криминалисты²³, этот вопрос обсуждался на профессорском круглом столе «Криминалистика: от Ганса Гросса до наших дней (глобальные проблемы криминалистической науки)» 4 декабря 2015 г. в Санкт-Петербурге²⁴.

Как мы ранее отмечали, отсутствие единого координирующего криминалистического центра не позволяет согласовать тематики и периодичность конференций по проблемам криминалистики, обеспечить более тесное сотрудничество и контакт между практиками и учеными. В частности, в этом направлении строилась в свое время работа Координационного бюро по криминалистике, действовавшего при ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Прокуратуре СССР, а затем НИИ Генеральной прокуратуры РФ²⁵. Мы считаем, что в настоящее время «важно централизованно и системно провести в первую очередь своего рода инвентаризацию результатов научных криминалистических исследований, определение научных направлений и перспектив развития отдельных криминалистических школ, выявление потребностей практики, координацию теоретических и практико-ориентированных исследований»²⁶.

В этом направлении актуально создание официального общероссийского научно-практического интернет-портала «Современная криминалистика», например, на основе сайта «Криминалисты.ру» (сайт www.kriminalisty.ru) является частным собранием материалов по теме «Криминалистика, экспертиза» и представляет собой любительский информационно-образовательный ресурс²⁷, или по примеру сайтов: <http://www.twirpx> и <http://www.iuaj.net> (Международной ассоциации содействия правосудию (МАСП/ИУАЖ))²⁸, или

²³ Волынский А.Ф. Роль общественного прогресса в развитии криминалистики // Бюллетень МАСП. 2013. № 1 (7). С. 22–23; Ялышев С.А. Информационная коммуникация, как важнейшее условие повышения качества научных исследований, обучения и практической деятельности криминалистов // Криминалистика: прошлое, настоящее и будущее: достижения и перспективы развития: матер. науч.-практ. конф., приуроченной к 60-летию образования службы криминалистики (Москва, 16 октября 2014 г.). М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2014. С. 120–122; Яблоков Н.П. Некоторые проблемы современной криминалистики в свете сегодняшнего времени // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы: матер. межд. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки РФ, Заслуженного юриста РСФСР, доктора юридических наук, профессора Николая Павловича Яблокова (г. Москва, 22 декабря 2015 г.) / ред.-сост. М.А. Лушечкина. М.: МАКС Пресс, 2015. С. 27.

²⁴ Профессорский круглый стол: «Криминалистика: от Ганса Гросса до наших дней (глобальные проблемы криминалистической науки)». 04.12.2015. Санкт-Петербург. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=7VvN6EiUaz0> (дата обращения: 02.01.2016).

²⁵ Шутемова Т.В. Криминалистика: кризис и (или) переход к новому этапу? // Библиотека криминалиста. 2016. № 3. С. 256.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 258.

²⁸ Шаевич А.А. Криминалистика в XXI в.: кризис или хаотичное развитие // Криминалистика и новые вызовы современности (58-е криминалистические чтения): сб. ст. Всероссийской научно-практической конференции. Электронные текстовые данные (2,18 Мб). М.: Академия управления МВД России, 2018. С. 436.

в виде создания в сети Интернет Международного центра криминалистической информации (МЦКИ) — единого информационного массива (банка данных) видеозаписей конференций по криминалистике и выступлений ведущих ученых-криминалистов, современных научных школ криминалистики, их концепций и основных трудов, дидактических материалов (задач, практических заданий, тестов, методических разработок, учебных фильмов, презентаций и проч.)²⁹.

Таким образом, признавая наличие отдельных кризисных явлений в криминалистике, полагаем, что их преодоление зависит от пересмотра подходов к содержанию и получению криминалистических знаний в условиях глобализации, развития новых коммуникационных и иных технологий, компьютеризации и других достижений научно-технического прогресса.

Шутимова Т.В.,

старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса
Волжского университета имени В.Н. Татищева (институт)
(Самарская область, г. Тольятти)

Литература

1. Ардашев Р.Г. Иррациональная криминалистика. О попытках симбиоза лженауки и юриспруденции / Р.Г. Ардашев // Закон и право. 2019. № 12.
2. Белкин Р.С. Криминалистика : проблемы, тенденции, перспективы. Общие и частные теории / Р.С. Белкин. Москва : Юридическая литература, 1987.
3. Волинский А.Ф. Кризис отечественной криминалистики или наук уголовно-правового блока? Расширенный отзыв на монографию В.Ю. Сокола «Кризис отечественной криминалистики». Краснодар, 2017. 332 с. / А.Ф. Волинский // Вестник Московской Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2018. № 4.
4. Волинский А.Ф. Роль общественного прогресса в развитии криминалистики / А.Ф. Волинский // Бюллетень Международной ассоциации содействия правосудию. 2013. № 1 (7).
5. Волинский А.Ф. Стратегическая проблема уголовного процесса и криминалистики : после дифференциации знаний необходима их интеграция / А.Ф. Волинский // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1.
6. Гаврилин Ю.В. Криминалистика: угрозы и вызовы современности / Ю.В. Гаврилин // Криминалистика и новые вызовы современности (58-е криминалистические чтения) : материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Москва, 17 ноября 2017 г.) / главный редактор С.В. Валов. Москва : Академия управления МВД России, 2018.
7. Головин А.И. Криминалистика : почему вредны идеи кризиса / А.И. Головин // Известия Тульского государственного университета. Серия: Экономические и юридические науки. 2017. № 3-2.

²⁹ Гаврилин Ю.В. Криминалистика : угрозы и вызовы современности // Криминалистика и новые вызовы современности (58-е криминалистические чтения) : сб. ст. Всероссийской научно-практической конференции. Электронные текстовые данные (2,18 Мб). М. : Академия управления МВД России, 2018. С. 64.

8. Дегтярев С.В. О роли, месте и значении криминалистики, или Проблемы, тенденции и перспективы ее развития в постсоветский период / С.В. Дегтярев // Российский следователь. 2014. № 5.
9. Жегалов Е.А. Нравственно-историческая школа криминалистики / Е.А. Жегалов // Юридическая наука и практика. 2020. Т. 16. № 2.
10. Кривошеин И.Т. О стратегии развития криминалистики / И.Т. Кривошеин // Енисейские политико-правовые чтения : материалы XII Всероссийской научно-практической конференции. Вып. 4 (г. Красноярск, 20–21 сентября 2019 г.) / ответственные редакторы Г.Л. Москалев, Е.А. Акунченко. Красноярск : Общественный комитет по защите прав человека, 2019.
11. Кусаинов С.Ж. Становление и развитие криминалистики в Казахстане : автореферат диссертации кандидата юридических наук / С.Ж. Кусаинов. Бишкек, 2012.
12. Кустов А.М. Поэтапное развитие науки криминалистики / А.М. Кустов // Уголовное право. 2002. № 4.
13. Светочев В.А. О необходимости сдвига парадигмы современной криминалистики в сторону процессуально-криминалистической алгоритмизации и программирования уголовного судопроизводства / В.А. Светочев // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 4 (30).
14. Смахтин Е.В. Криминалистика : кризис или необходимость уточнения содержания предмета? / Е.В. Смахтин // Российское право : образование, наука, практика. 2017. № 5 (101).
15. Сокол В.Ю. Кризис современной отечественной криминалистики / В.Ю. Сокол // Криминалистика и судебно-экспертная деятельность в условиях современности : материалы Международной научно-практической конференции (Краснодарский университет МВД России, 26 апреля 2013 г.). В 2 томах. Т. 1 / редколлегия : С.В. Пахомов, Д.А. Натура, Л.А. Рычкалова. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2013.
16. Сокол В.Ю. Кризис отечественной криминалистики : монография / В.Ю. Сокол. Краснодар, 2017.
17. Холопов А.В. Синтетичность криминалистики как причина кризиса / А.В. Холопов // Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р.С. Белкина : материалы Международной научно-практической конференции «К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста» (г. Москва, 22–23 ноября 2017 г.) / ответственные редакторы Л.И. Слепнева, Н.С. Неретина. Москва : Проспект, 2018.
18. Шаевич А.А. Криминалистика в XXI в.: кризис или хаотичное развитие / А.А. Шаевич // Криминалистика и новые вызовы современности (58-е криминалистические чтения) : материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Москва, 17 ноября 2017 г.) / главный редактор С.В. Валов. Москва : Академия управления МВД России, 2018.
19. Шаевич А.А. Криминалистика сегодня / А.А. Шаевич // Криминалистика : вчера, сегодня, завтра. 2017. № 2 (2).
20. Шиенок В.П. О некоторых системных противоречиях в белорусской криминалистике начала XXI в. / В.П. Шиенок // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики при раскрытии и расследовании преступлений : материалы республиканской научно-практической конференции (г. Минск, 15 ноября 2013 г.). Минск : Академия МВД, 2013.

21. Шутемова Т.В. Криминалистика : кризис и (или) переход к новому этапу? / Т.В. Шутемова // Библиотека криминалиста. 2016. № 3.
22. Яблоков Н.П. Некоторые проблемы современной криминалистики в свете сегодняшнего времени / Н.П. Яблоков // Современная криминалистика : проблемы, тенденции, перспективы : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки РФ, Заслуженного юриста РСФСР, доктора юридических наук, профессора Николая Павловича Яблокова (г. Москва, 22 декабря 2015 г.) / редактор-составитель М.А. Лушечкина. Москва : МАКС Пресс, 2015.
23. Ялышев С.А. Информационная коммуникация, как важнейшее условие повышения качества научных исследований, обучения и практической деятельности криминалистов / С.А. Ялышев // Криминалистика — прошлое, настоящее и будущее: достижения и перспективы развития : материалы научно-практической конференции, приуроченной к 60-летию образования службы криминалистики (г. Москва, 16 октября 2014 г.) / члены редакционной коллегии : А.В. Федоров, А.М. Багмет, В.В. Бычков ; ответственный редактор : А.И. Бастрькин. Москва : Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2014.

Судебно-психологическая экспертиза эмоциональных и иных состояний личности, проводимая для изучения личности женщины — подозреваемой, обвиняемой: вопросы теории и практики

Преступление — правонарушение (общественно опасное деяние), совершение которого влечет применение к лицу мер уголовной ответственности, которое обусловлено определенными причинами и условиями. В целях установления глубокой и объективной личностной характеристики необходимо провести ее изучение на научной основе. Наиболее объективный результат при этом может быть получен путем проведения судебно-психологических экспертиз.

Судебно-психологическая экспертиза способна оказывать значительную помощь в решении фундаментальных для уголовного процесса вопросов о виновности лица, совершившего общественно опасное деяние, квалификации преступлений, индивидуализации ответственности и т.д. Использование специальных психологических познаний по уголовным делам является важной гарантией как от объективного вменения, так и от не менее значимой угрозы несправедливости наказания, вследствие игнорирования или неполного учета определенных личностных свойств, влиявших на содержание деяния, предшествующее и последующее поведение субъекта.

В Уголовном кодексе РФ (УК РФ) значительно расширены предусмотренные законом задачи и пределы исследования по уголовному делу личности обвиняемых. Законодатель использовал данные психологии и для регламентации многих новых дефиниций, норм и институтов уголовного права, применяя непривычные для практики психологические термины, воспринятые из психологической науки. Это, например, «отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством» (как обстоятельство, устраняющее уголовную ответственность); «уровень психического развития, иные особенности личности несовершеннолетнего» (как обстоятельство, индивидуализирующее наказание); «обоснованный риск» (как обстоятельство, устраняющее преступность деяния); «садизм» (как обстоятельство, отягчающее наказание) и др.

В УК РФ использованы базовые для уголовной ответственности и наказания понятия, требующие психологического анализа их содержания с учетом положений общей и юридической психологии. Например: вменяемость,

возраст, с которого наступает уголовная ответственность, уголовная ответственность вменяемых лиц с психическими расстройствами, разграничение неосторожной вины и казуса, мотив преступления, личность и др. Установление многих из них требует проведения психологической экспертизы по конкретному уголовному делу.

Сказанное объясняет значительную актуализацию проблем использования профессиональных психологических познаний как при разъяснении, интерпретации, комментировании для следственной, прокурорской, экспертной, судебной практики положений уголовного закона, так и непосредственно при производстве судебно-психологических экспертиз, проведении научных консультаций по конкретным уголовным делам.

Предлагается на нормативном уровне закрепить привлечение следователем (дознавателем), специалиста — психолога либо психопсихолога для формулирования вопросов эксперту. Психологические особенности личности могут быть по-разному связаны с совершенным преступлением. Одни из них могут играть ведущую роль в выборе преступного способа удовлетворения потребностей или разрешения конфликта (эгоистическая, корыстная направленность личности, неуважение к человеческой личности и человеческому достоинству, сексуальная распущенность, агрессивность и пр.). Другие психологические особенности чаще способствуют совершению преступления при наличии внешней неблагоприятной ситуации (слабоволие, подчиняемость, легкомыслие, низкий уровень интеллектуального развития, болезненное самолюбие, эмоциональная возбудимость, трусость и проч.). Многие психологические особенности женщины остаются нейтральными по отношению к факту преступления (например, увлечения, интересы лица, совершившего преступление в состоянии аффекта или неосторожное преступление, и проч.). Личностный подход в идеале требует изучения достаточно большого объема свойств женщины по большинству уголовных дел и включает в себя исследование ее внутреннего мира: потребностей, побуждений, лежащих в основе поступков (мотивов поведения), общей структуры и отдельных черт характера, эмоционально-волевой сферы, способностей, индивидуальных особенностей интеллектуальной деятельности.

В зависимости от характера вопросов и юридического значения экспертных заключений в уголовном процессе выделяются следующие виды судебно-психологических экспертиз (далее — СПЭ):

1. СПЭ эмоциональных и иных состояний личности.
2. СПЭ регуляторных способностей личности.
3. СПЭ когнитивных способностей личности.
4. СПЭ коммуникативных способностей личности.

5. СПЭ характеристики мотива.
6. СПЭ индивидуально-психологических особенностей личности.
7. СПЭ воздействия.
8. СПЭ группы.
9. СПЭ взаимодействия и ситуации.

Все указанные экспертизы могут проводиться и в отношении женщин, для которых в зависимости от конкретного уголовного дела должен определяться и вид экспертизы, которую следует проводить. Проведение судебно-психологических экспертиз женщин направлено на установление обстоятельств, характеризующих личность обвиняемой, которые относятся, в соответствии с положениями ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса РФ, к числу обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Необходимо учитывать, что по привилегированным составам преступлений именно посредством проведенных экспертиз устанавливаются иные отклоняющиеся от нормы состояния.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что в последнее время стала явно просматриваться тенденция снижения роли личностных доказательств, т.е. показаний лиц, участвующих в расследовании, в связи с частыми отказами в суде от показаний, полученных в ходе предварительного следствия. Это выдвигает задачу извлечения максимума содержащейся в объектах экспертного исследования доказательственной информации¹.

Из вышеперечисленных судебно-психологических экспертиз автор статьи хотела бы остановиться на самой, по-нашему, значимой, а именно на *СПЭ эмоциональных и иных состояний личности*. Проводится для установления у женщины состояний аффекта и иных эмоциональных состояний. Судебная психология дает уникальный материал для понимания того, каким образом врожденные биологические различия трансформируются в социальные, культурные, поведенческие проявления, имеющие отношение к делинквентности и криминальности. Существует масса доказательств связи поведенческих расстройств, включающих связь импульсивного криминального поведения с менструальным циклом. Правонарушения женщины связаны скорее с поведенческими, чем с аффективными симптомами предменструального синдрома. В менструальный период у женщины в крови увеличивается количество тестостерона — вещества, которое может способствовать ослаблению самоконтроля и повышению агрессивности на некоторое время. Криминальное поведение женщины связано с менструальным циклом, точнее, с предменструальным напряжением, и тому имеется масса доказательств существующей связи между криминальным поведением и пе-

¹ См.: Мельник С.Л. Актуальные вопросы экспертной инициативы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. С. 4.

риодом *para-menstrium*, но не обязательно, что каждая женщина склонна к совершению преступления в предменструальный период; это относится к «уязвимой» женщине, которая вообще склонна к импульсивному поведению. Критичность заключается в том, что перестройка организма, происходящая в этот период, особенно опасна в психологическом отношении.

А.Е. Личко, Н.Я. Ивановым, Л.С. Саблиной, М.М. Мальцевой, В.П. Котовым были предложены разнообразные объяснения корреляции между преступным поведением и менструальным циклом. Ю.Б. Свирина, исследуя связи между работой половой системы и социальным поведением женщины, основывался на исследованиях Л. Вальцелли, доказывающих, что преступления агрессивного характера женщиной были совершены в момент ее менструального цикла. Ссылаясь на результаты исследований эндокринологов, считающих, что в момент внутриутробного развития существует критический период от 4 до 7 месяцев, когда мозг очень чувствителен к воздействию половых гормонов, как мужских, так и женских, Ю.Б. Свирина пришел к выводу, «что гормоны могут повышать или понижать агрессивное состояние человека, толкая его к совершению преступления...»².

Психологический стресс, как известно, может ускорить или замедлить наступление менструации. Были предложены объяснения влияния гормональных факторов, хотя постоянных биохимических отклонений обнаружено не было. Выявить непосредственную связь предменструального синдрома с криминальным поведением женщины довольно сложно, поэтому ряд исследователей: Т.Б. Дмитриева, К.Л. Иммерман, М.А. Качаева, Л.В. Ромасенко — наиболее адекватными считают указания на опосредствование или «фактор толчка»³. С.М. Иншаков также утверждал, что на женщин предменструальное напряжение действует как толчок для совершения преступления⁴.

Наличие предменструального синдрома используется в ряде стран стороной защиты в суде. Так, в Англии данное обстоятельство принимается судом в качестве смягчающего ответственность фактора. Иногда его используют в качестве основания для применения категории уменьшенной вменяемости. В США предменструальный синдром рассматривается в качестве «фактора смягчения», если психиатр докажет временное болезненное расстройство психики. В Канаде данный факт также используется для обоснования смягчения приговора. В США довольно часто практикуют помощь суду присяжных психиатра и психолога, которые могут определить состояние женщины

² Свирина Ю.Б. Биологический (генетический) фактор как одно из условий преступного поведения // Российская юстиция. 1996. № 12. С. 23.

³ Дмитриева Т.Б., Иммерман К.Л., Качаева М.А., Ромасенко Л.В. Криминальная агрессия женщин с психическими расстройствами. М. : Медицина, 2003. С. 7, 22, 37.

⁴ Иншаков С.М. Криминология. М. : Юриспруденция, 2000. С. 262.

в момент совершения убийства и пояснить, действительно ли она была убеждена в грозящей ее жизни опасности. На подобных процессах женщине выносится оправдательный приговор, если эксперты доказывают, что деликт совершался при осознании опасности жизни. Защитники добиваются вердикта невинности, основываясь на том, что женщина действовала рационально в ситуации, требовавшей самообороны.

Менопауза рассматривается в судебной психиатрии с возрастным «вторым пиком» женской преступности. В 1890 году Э. Крепелин ввел термин «инволюционная меланхолия», описывающий синдром выраженной депрессии, ипохондрии и слабой концентрации внимания у женщин в менопаузе⁵. В начале XX века З. Фрейд упрочил восприятие нервных расстройств, в частности, истерического невроза как типично женского психического нарушения, подобно древнегреческим врачам объясняя его через нарушение функции матки. Гиппократ в IV в. до н.э. связывал сумасшествие у женщин с маткой — ‘hysteron’ (греч.); отсюда произошел термин «истерия». В те классические времена женский пол ассоциировался с неизвестным, мистическим и опасным. Подобные верования приписывали женщинам иррациональность, неразумность, что приближало их к описанию психически и умственно больных или нестабильных.

Однако не совсем правильно учитывать только гормональный и физиологический факторы при объяснении роста женской преступности в этот период, значение имеет целый комплекс факторов, особенно психологических и социальных, обусловленных проблемами одиночества, старения, утраты привлекательности и т.д.

Большой вклад в изучение проблемы депрессий во второй половине жизни внесли сотрудники ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, которые проводили анализ соотношения патологической почвы и психогении при различных формах психических заболеваний у женщин — Т.Б. Дмитриева, К.Л. Иммерман, Э.С. Наталевич, Т.П. Печерникова, Е.А. Шукина. Кроме того, гормональные и физиологические особенности женского организма определяют степень эмоциональности женщины⁶.

Например, роды для нее являются специфическим стрессом, на фоне которого в период, относящийся к совершению детоубийства, у женщины отмечается острая растерянность, дезорганизация поведения, недостаточный учет своих действий и отсутствие адекватной оценки ситуации в це-

⁵ Kaplan H.I., Sadock B.J. Synopsis of psychiatry Behavioral Science. Clinical Psychiatry. N.Y. : Williams and Wilkins, 1991.

⁶ Ломброзо Ч., Ферреро Г. Женщина преступница и проститутка. Минск : ООО «Попурри», 2000. С. 193.

лом. Психологи считают, что родовой акт влияет на нервную и сосудистую системы женщины и может привести к более или менее выраженным изменениям психики. По свидетельству самих рожениц, болезненные физиологические процессы при родах и эмоциональное состояние сливаются в один настолько бурный процесс, что могут полностью подчинить волю женщины и изменить ее действия в направлении скорейшего избавления от всех этих мук.

По свидетельству врачей, в послеродовой период у женщины наблюдаются психические расстройства, которые проявляются в форме неврозов, повышенной психологической лабильности, состоянии легкой депрессии и детерминированы эндокринными изменениями. Эти психические расстройства бывают значительно тяжелее, если они подготовлены длительным негативным воздействием со стороны родственников роженицы либо ее тяжелым социальным положением и т.д. Большое значение, по мнению Н.Д. Гомонова, имеет пуэрипальный (послеродовой период), который связан с совершением детоубийства⁷. В то же время имеется немало данных о том, что существующие факты связи агрессии с гормональными влияниями необычайно сложны и неоднозначны. Известно, что когнитивные (следствие по делу) факторы и факторы окружающей среды модифицируют эндогенные, а социальные знания активно влияют на эмоциональную чувствительность, связанную с гормональными изменениями.

Законодательство России не приравнивает к болезням нормальное функционирование организма женщины — беременность и не учитывает ее смягчающим наказанием фактором при совершении преступления, а также не привлекает в судебное заседание ни психолога, ни психиатра. Уголовное законодательство в определенной мере учитывает специфику некоторых агрессивных действий женщины: например, ст. 106 Уголовного кодекса РФ предусматривает дифференцированные меры наказания в отношении женщины, совершившей убийство новорожденного, подчеркивая необходимость учета особых психофизиологических состояний и специфических психотравмирующих ситуаций в послеродовом периоде. Следователь (дознаватель) обязан учитывать данное обстоятельство и вместе с тем различать психическое состояние каждой конкретной женщины. В качестве примера можно привести уголовное дело № 1-155-2005 15/7505 об убийстве мужа обвиняемой М. В ходе следствия было выяснено, что М. 28 лет, имеет высшее музыкальное образование. Она занимала должность музыкального работника в дошкольном учреждении, а по вечерам пела в церковном хоре. С будущим мужем познакомилась на работе, куда он возил продукты,

⁷ Гомонов Н.Д. Генезис и особенности криминальной агрессии женщин // Вестник МГТУ. 2006. Т. 9. № 1. С. 149.

работая водителем. После непродолжительного знакомства они женились. Жили в частном доме, принадлежавшем мужу. Через некоторое время муж стал выражать недовольство тем, что М. по вечерам отсутствует, а сам в выходные дни стал злоупотреблять спиртным. Когда М. сообщила мужу, что беременна и ждет рождения ребенка, он выразил вначале недовольство этим. А впоследствии стал говорить, что сам «выдавит» его. Несколько раз бил ее по животу, прижигал руки сигаретой. В один из выходных дней, выпив значительное количество алкоголя, он вновь стал издеваться над женой на приусадебном участке, а затем бросил в живот бутылкой. М. заплакала и убежала в дом, а ее муж остался во флигеле. Потом ей понадобилось пройти через флигель во двор дома, и, когда она проходила мимо спящего мужа, он вдруг открыл глаза и потянулся руками к ее животу. М. схватила лежавший на полке топор и нанесла мужу множественные рубленые раны головы и тела, от которых тот скончался. Далее она просидела на крыльце дома около двух часов, а затем поехала на такси к подруге, и они вместе пришли в полицию. Однако там М. ничего вразумительного сообщить не могла, сообщив лишь, что, вероятно, убила своего мужа. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза определила, что М. в момент убийства мужа находилась в состоянии физиологического аффекта. Кроме того, у нее были выявлены такие индивидуально-личностные особенности, как повышенная эмоциональная чувствительность, слабый тип нервной деятельности, замкнутость, затрудненность принятия решения в стрессовой ситуации. В постаффектной стадии глубокой психической астении не наблюдалось. Эксперты пришли к выводу, что эмоциональные реакции подэкспертной не достигли глубины физиологического аффекта. Однако сами действия М. отличались внезапностью и импульсивностью. На особенности поведения М. в данной ситуации повлияло имеющееся у нее высокое аффективное напряжение в связи с хронической конфликтной ситуацией в семье, а также низкий уровень ее психической адаптации вследствие общей эмоциональной неустойчивости, которая усугубилась беременностью. Высокая фрустрационная напряженность способствовала дезорганизации ее поведения в исследуемой ситуации и существенно ограничивала свободу воли.

Впоследствии суд, исследовав все доказательства по уголовному делу при вынесении приговора, взял во внимание заключение психолого-психиатрической экспертизы и посчитал возможным назначить наказание М. условно. Следователем был привлечен специалист-психиатр для формулирования вопросов эксперту, и в результате грамотного составления вопросов был достигнут положительный результат в заключении судебной психолого-психиатрической экспертизы.

Считаем целесообразным, в целях объективного изучения личности женщины — подозреваемой, обвиняемой, решать вопрос о назначении судебно-

психологической экспертизы эмоциональных и иных состояний личности и привлекать специалиста для формулирования вопросов эксперту. С помощью судебно-психологической экспертизы создаются необходимые условия для наиболее полного исследования субъективной стороны преступления, объективной оценки показаний свидетелей, потерпевших, обвиняемых (подсудимых), выявления обстоятельств, смягчающих наказание виновному, данных, характеризующих его личность, а также для установления психологических причин и условий, способствовавших совершению преступлений.

Щенина Т.Е.,

доцент историко-лингвистического факультета
кафедры истории и социально-гуманитарных дисциплин
Глазовского государственного педагогического института
имени В.Г. Короленко,
кандидат юридических наук, доцент
(Удмуртская Республика, г. Глазов)

Литература

1. Гомонов Н.Д. Генезис и особенности криминальной агрессии женщин / Н.Д. Гомонов // Вестник МГТУ. Труды Мурманского государственного технического университета. 2006. Т. 9. № 1.
2. Иншаков С.М. Криминология : учебник / С.М. Иншаков. Москва : Юриспруденция, 2000.
3. Криминальная агрессия женщин с психическими расстройствами / Т.Б. Дмитриева, К.Л. Иммерман, М.А. Качаева, Л.В. Ромасенко. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Медицина, 2003.
4. Ломброзо Ч. Женщина преступница и проститутка / Ч. Ломброзо, Г. Ферреро. Минск : Попурри, 2000.
5. Мельник С.Л. Актуальные вопросы экспертной инициативы : автореферат диссертации кандидата юридических наук / С.Л. Мельник. Челябинск, 2005.
6. Свирин Ю.Б. Биологический (генетический) фактор как одно из условий преступного поведения / Ю.Б. Свирин // Российская юстиция. 1996. № 12.
7. Kaplan H.I. Synopsis of psychiatry Behavioral Science / H.I. Kaplan, B.J. Sadock. Clinical Psychiatry. N.Y. : Williams and Wilkins, 1991.

Роль уголовного права в обеспечении прав потерпевшего при причинении вреда малолетними

В российском уголовном праве категория «малолетний» рассматривается исключительно в рамках учения о потерпевшем. При этом правоприменительной практике известны примеры, когда в качестве непосредственных причинителей вреда объектам уголовно-правовой охраны выступают лица, находящиеся в малолетнем возрасте. Однако подобные случаи не охватываются пределами уголовно-правового регулирования, и, соответственно, потерпевшие от содеянного малолетними оказываются в ситуации уголовно-правовой незащищенности, поскольку в соответствии с действующим уголовным законодательством к малолетним причинителям вреда не представляется возможным применить ни одну из мер уголовно-правового воздействия.

Для того чтобы определить, каких прав лишается потерпевший при причинении вреда лицами, находящимися в малолетнем возрасте, необходимо обратиться к двум, на наш взгляд, принципиально важным проблемам. Первая проблема касается обеспечения прав потерпевшего в уголовном праве; вторая — совершенствования норм уголовного законодательства в части применения к малолетним мер уголовно-правового воздействия.

Традиционно представители научного сообщества выделяют двух субъектов уголовного правоотношения — 1) государство и 2) лицо, совершившее преступление¹. Учение о потерпевшем в уголовно-правовой доктрине в основном «замыкается» на составе преступления, а именно на объекте преступления, поскольку потерпевший выступает факультативным признаком данного элемента состава преступления, а также на основаниях освобождения от уголовной ответственности, где потерпевший реализует предоставленное законодателем право примирения с лицом, совершившим в отношении него преступление. При этом следует согласиться с теми учеными, в частности, Ю.Е. Пудовочкиным и Н.В. Генрих, которые в качестве отдельного субъекта уголовных правоотношений, наряду с государством и лицом, совершившим преступление, рассматривают потерпевшего². В самом деле, при совершении деяния, запрещенного уголовным законом, причиняется вред одному или нескольким объектам уголовно-правовой охраны, даже

¹ См., напр.: Филимонов В.Д., Филимонов О.В. Правоотношения. Уголовные правоотношения. Уголовно-исполнительные правоотношения. М., 2007. С. 15.

² Пудовочкин Ю.Е., Генрих Н.В. К вопросу о статусе потерпевшего в уголовно-правовых отношениях // Уголовное право. 2009. № 6. С. 56.

в тех случаях, когда правоохраняемый объект нарушается вследствие содеянного лицом, не отвечающим признакам надлежащего субъекта.

То есть при совершении деяния, запрещенного уголовным законом, неизбежно появляется фигура потерпевшего. Однако С.В. Анощенко исключает возникновение потерпевшего в случаях, где причинитель вреда не способен нести уголовную ответственность³. И здесь возникает закономерный вопрос: при применении ст. 75 Уголовного кодекса РФ (УК РФ) и иных статей, расположенных в гл. 11 УК РФ, уголовная ответственность в отношении причинителя вреда не наступает: каким же статусом обладает лицо, в отношении которого осуществлено преступное посягательство? Разве не статусом потерпевшего?

В этой связи целесообразно отметить, что особенность правового статуса потерпевшего в уголовных правоотношениях заключается в том, что, если потерпевшему причинен вред деянием лица, способного нести уголовную ответственность, потерпевший имеет реальную возможность реализовать свои права сквозь призму применения к виновному лицу мер уголовно-правового воздействия; если потерпевшему причинен вред деянием лица, не отвечающего признакам надлежащего субъекта преступления, — потерпевший такой возможности лишается.

Следует констатировать, что при причинении вреда деянием лица, к которому не представляется возможным применить меры уголовно-правового воздействия, реализация прав потерпевшего не осуществляется. Безусловно, не представляется возможным урегулировать все ситуации, когда потерпевший страдает от содеянного несубъектом. Однако уголовный закон должен обеспечивать реализацию прав потерпевшего в тех случаях, когда это целесообразно и возможно с точки зрения здравого смысла. Одним из таких случаев является причинение вреда потерпевшему малолетними. И здесь возникает закономерный вопрос: лица какой возрастной категории составляют группу малолетних?

Исходя из буквального содержания текста уголовного закона, следует, что законодатель хотя и оперирует категорией «малолетний», но не обозначает возрастные границы таких лиц. Дефиниция «малолетний» интересует нас с позиции причинителя вреда объекту уголовно-правовой охраны. На законодательном уровне используется термин «несовершеннолетний», синонимичный термину «малолетний». В частности, в ст. 87 УК РФ установлен возраст несовершеннолетнего — от четырнадцати до восемнадцати лет.

³ Уголовное право. Общая часть. Преступление : академический курс : в 10 т. Т. VI: Объект преступления. Объективная сторона преступления / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2016. С. 196–197 (автор главы «Потерпевший и его уголовно-правовое значение» — С.В. Анощенко).

Как видим, лица, находящиеся в возрасте до восемнадцати лет, именуются не только «малолетними», но еще и «несовершеннолетними», а также «лицами, не достигшими совершеннолетия» и другими словами-синонимами⁴. И.А. Кузнецова настаивает на использовании обобщенного понятия для определения малолетних и несовершеннолетних потерпевших — «лицо, не достигшее совершеннолетия»⁵. По смысловому содержанию, на наш взгляд, категория «малолетний» является наиболее узкой, поскольку в соответствии с п. 1 ст. 28 Гражданского кодекса РФ малолетний — это лицо в возрасте до четырнадцати лет. Остальные конструкции следует рассматривать как тождественные; ими охватываются лица, не достигшие восемнадцатилетнего возраста.

При этом необходимо учитывать, что предмет уголовного права выходит за пределы общественных отношений, порожденных преступным деянием⁶. Н.В. Генрих права в том, что интерпретация предмета уголовного права отражает «мировоззренческую позицию исследователя»⁷. Так, совершение деяния, предусмотренного статьей Особенной части УК РФ, малолетним, влечет вред в объекте уголовно-правовой охраны. При этом необходимо констатировать, что «отношения, возникающие в связи с поведением малолетних» не признаются уголовно-правовыми⁸. Как уже было сказано, причиной тому служит то обстоятельство, что в отношении лица, не достигшего возраста четырнадцати лет, невозможно применить ни одну из мер уголовного принуждения. Обозначенный пробел М.М. Коблева предлагает восполнить за счет включения «в предмет уголовного-правового регулирования отношений, которые возникают в связи с *причинением вреда правоохраняемым общественным отношениям деянием малолетнего*» (курсив авт. — И.Я.)⁹.

⁴ Подобное заключают О.М. Дементьев и О.П. Копылова, указывая, что «понятия “лицо, не достигшее 18-летнего возраста” и “несовершеннолетний” являются синонимичными». См.: Дементьев О.М., Копылова О.П. Проблемы возраста уголовной ответственности : лекции к курсу. Тамбов, 2010. С. 11.

⁵ Кузнецова И.А. Статус лица, не достигшего совершеннолетия, в российском уголовном законодательстве: возрастная характеристика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009. С. 7.

⁶ См., напр.: Коблева М.М. Помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа как мера уголовно-правового характера : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 100; Ображиев К.В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного права : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 69–72.

⁷ Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс : в 10 т. Т. I: Понятие уголовного права. Механизм уголовно-правового регулирования / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2016. С. 157 (автор главы «Предмет уголовного права в системе правовых отношений» — Н.В. Генрих).

⁸ См.: Коблева М.М. Указ. соч. С. 99–100.

⁹ Там же. С. 100.

В доктрине по вопросу возможности применения к малолетним, причинившим вред объектам уголовно-правовой охраны, мер уголовно-правового воздействия учеными высказываются две основные точки зрения.

Первая заключается в снижении возраста уголовной ответственности. В частности, Н.В. Сараев считает целесообразным ввести уголовную ответственность «для лиц, совершивших в возрасте 12 лет особо тяжкие преступления и в возрасте 13 лет тяжкие и особо тяжкие преступления»¹⁰.

Согласно второй позиции уголовно-правовое воздействие в отношении малолетних причинителей вреда может состоять в применении к ним мер воспитательного характера, предусмотренных главой 14 УК РФ. Так, Н.Э. Мартыненко полагает, что принудительная мера воспитательного воздействия в виде помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа вполне пригодна для лиц возрастом младше четырнадцати лет¹¹. Однако применить положения предложенной ученым нормы (ч. 4 ст. 20 УК РФ) в отношении малолетних не представляется возможным без внесения законодательных изменений в ч. 1 ст. 87 УК РФ, а именно без исключения нижней возрастной границы применительно к несовершеннолетним.

Кроме того, помещение лица, не достигшего возраста уголовной ответственности, в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа — слишком суровая мера воспитательного воздействия¹². В части 2 ст. 92 УК РФ указывается, что помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа применяется как принудительная мера воспитательного воздействия. Но нельзя не согласиться с М.М. Коблевой, что «эта мера отличается от принудительных мер воспитательного воздействия и от уголовного наказания своим содержанием и соотношением объемов карательного и воспитательного воздействия на подростка»¹³.

В главе 14 УК РФ содержатся и иные, менее жесткие, меры уголовно-правового принуждения, посредством которых можно воздействовать на малолетнего причинителя вреда объектам уголовно-правовой охраны, тем самым

¹⁰ Сараев Н.В. Общественно опасные деяния лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, как криминологическая категория : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007. С. 10.

¹¹ Мартыненко Н.Э. Уголовно-правовая охрана потерпевшего : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. С. 212.

¹² Как отмечает И.В. Волгарева, «закон определяет возможность ее назначения лишь в качестве альтернативы лишению свободы». См.: Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. В.В. Лукьянова, В.С. Прохорова, В.Ф. Щепелькова. Перераб. и доп. СПб., 2013. С. 546 (автор главы «Уголовная ответственность несовершеннолетних» — И.В. Волгарева).

¹³ Коблева М.М. Указ. соч. С. 100.

соблюдая права потерпевшего. Предусмотренные в ч. 2 ст. 90 УК РФ виды принудительных мер воспитательного воздействия, за исключением передачи несовершеннолетнего в специализированный государственный орган (ч. 1–4 ст. 92 УК РФ), вполне подходят для применения в отношении малолетних с целью их перевоспитания и предупреждения совершения аналогичных деяний в будущем.

Думается, что при выборе мер уголовно-правового воздействия в отношении малолетних, от содеянного которых пострадал потерпевший, необходимо сделать акцент на принудительных мерах воспитательного воздействия, основной целью которых признается «исправление через перевоспитание несовершеннолетнего, а не его осуждение»¹⁴. Однако предметом настоящей статьи не является вопрос о том, с какого возраста к малолетним целесообразно применять определенные виды принудительных мер воспитательного воздействия, поскольку данная проблема требует дополнительного детального исследования.

Таким образом, исключение нижней возрастной границы из законодательного определения несовершеннолетнего (ч. 1 ст. 87 УК РФ) позволит правоприменителю использовать в отношении несовершеннолетних-малолетних, деяния которых причинили вред потерпевшему, меры воспитательного воздействия. Для этого потребуются внести изменения и в ч. 3 ст. 87 УК РФ, указав, какие именно принудительные меры воспитательного воздействия правоприменитель вправе назначить малолетним, в результате содеянного которых причинен вред потерпевшему.

Янина И.Ю.,

доцент кафедры уголовного права

Российского государственного университета правосудия,

кандидат юридических наук

(г. Москва)

Литература

1. Воропаев С.А. Уголовная ответственность в механизме уголовно-правового регулирования : диссертация кандидата юридических наук / С.А. Воропаев. Москва, 2016.
2. Дементьев О.М. Проблемы возраста уголовной ответственности : лекции к курсу / О.М. Дементьев, О.П. Копылова. Тамбов : Изд-во ГОУ ВПО ТГТУ, 2010.
3. Коблева М.М. Помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа как мера уголовно-правового характера : диссертация кандидата юридических наук / М.М. Коблева. Москва, 2015.

¹⁴ Воропаев С.А. Уголовная ответственность в механизме уголовно-правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 51–52.

4. Кузнецова И.А. Статус лица, не достигшего совершеннолетия, в российском уголовном законодательстве: возрастная характеристика : автореферат диссертации кандидата юридических наук / И.А. Кузнецова. Омск, 2009.
5. Мартыненко Н.Э. Уголовно-правовая охрана потерпевшего : диссертация доктора юридических наук / Н.Э. Мартыненко. Москва, 2015.
6. Ображиев К.В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного права : диссертация доктора юридических наук / К.В. Ображиев. Москва, 2014.
7. Пудовочкин Ю.Е. К вопросу о статусе потерпевшего в уголовно-правовых отношениях / Ю.Е. Пудовочкин, Н.В. Генрих // Уголовное право. 2009. № 6.
8. Сараев В.Н. Общественно опасные деяния лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, как криминологическая категория : автореферат диссертации кандидата юридических наук / В.Н. Сараев. Ростов-на-Дону, 2007.
9. Уголовное право России. Общая часть : учебник / под редакцией В.В. Лукьянова, В.С. Прохорова, В.Ф. Щепелькова. Перераб. и доп. Санкт-Петербург : Тип. Береста, 2013.
10. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 томах. Т. 1. Понятие уголовного права. Механизм уголовно-правового регулирования / под редакцией Н.А. Лопашенко. Москва : Юрлитинформ, 2016.
11. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 томах. Т. 4. Объект преступления. Объективная сторона преступления / под редакцией Н.А. Лопашенко. Москва : Юрлитинформ, 2016.
12. Филимонов В.Д. Правоотношения. Уголовные правоотношения. Уголовно-исполнительные правоотношения / В.Д. Филимонов, О.В. Филимонов. Москва : ЮрИнфоР-Пресс, 2007.

**НАУЧНЫЕ
ТРУДЫ**

Выпуск 22

ISBN 978-5-94103-481-9

9 785941 034819

Макет подготовлен ООО «Издательская группа «Юрист»